

Джеральд Даррелл
Моя семья и другие звери
Птицы, звери и родственники
Сад богов

Джеральд Даррелл;
«Моя семья и другие звери. Птицы, звери и родственники. Сад богов»; Мир; Москва; 1986

Аннотация

Детство — прекрасная пора! А насколько прекрасней провести его на чудесном острове Корфу, среди любимых домашних, а порой и не очень домашних друзей!

Английский писатель и биолог Джеральд Даррелл с неизменным чувством юмора рассказывает о своем детстве.

Моя семья и другие звери

Слово в свое оправдание

Так вот, иногда я успевала еще до завтрака целых шесть раз поверить в невероятное.

Белая королева.

Льюис Кэрролл, «Алиса в Зазеркалье»

В этой книге я рассказал о пяти годах, прожитых нашей семьей на греческом острове Корфу. Сначала книга была задумана просто как повесть о животном мире острова, в которой было бы немножко грусти по ушедшим дням. Однако я сразу сделал серьезную ошибку, впустив на первые страницы своих родных. Очутившись на бумаге, они принялись укреплять свои позиции и приглашали с собой всяких друзей во все главы. Лишь ценой невероятных усилий и большой изворотливости мне удалось отстоять кое-где по нескольку страничек, которые я мог целиком посвятить животным.

Я старался дать здесь точные портреты своих родных, ничего не приукрашивая, и они проходят по страницам книги такими, как я их видел. Но для объяснения самого смешного в их поведении должен сразу сказать, что в те времена, когда мы жили на Корфу, все были еще очень молоды: Ларри, самому старшему, исполнилось двадцать три года, Лесли — девятнадцать, Марго — восемнадцать, а мне, самому маленькому, было всего десять лет. О мамином возрасте никто из нас никогда не имел точного представления по той простой причине, что она никогда не вспоминала о днях своего рождения. Могу только сказать, что мама была достаточно взрослой, чтобы иметь четырех детей. По ее настоянию я объясняю также, что она была вдовой, а то ведь,

как пронизательно заметила мама, люди всякое могут подумать.

Чтобы все события, наблюдения и радости за эти пять лет жизни могли втиснуться в произведение, не превышающее по объему «Британскую энциклопедию», мне пришлось все перекраивать, складывать, подрезать, так что в конце концов от истинной продолжительности событий почти ничего не осталось. Пришлось также отбросить многие происшествия и лиц, о которых я рассказал бы тут с большим удовольствием.

Разумеется, книга эта не могла бы появиться на свет без поддержки и помощи некоторых людей. Говорю я об этом для того, чтобы ответственность за нее разделить на всех поровну. Итак, я выражаю благодарность:

Доктору Теодору Стефанидесу. Со свойственным ему великодушием он разрешил мне воспользоваться материалами из своей неопубликованной работы об острове Корфу и снабдил меня множеством плохих каламбуров, из которых я кое-что пустил в ход.

Моим родным. Как-никак это они все же дали мне основную массу материала и очень помогли в то время, пока писалась книга, отчаянно споря по поводу каждого случая, который я с ними обсуждал, и изредка соглашаясь со мной.

Моей жене — за то, что она во время чтения рукописи доставляла мне удовольствие своим громким смехом. Как она потом объяснила, ее смешила моя орфография.

Софи, моей секретарше, которая взялась расставить запятые и беспощадно искореняла все незаконные согласования.

Особую признательность я хотел бы выразить маме, которой и посвящается эта книга. Как вдохновенный, нежный и чуткий Ной, она искусно вела свой корабль с несуразным потомством по бурному житейскому морю, всегда готовая к бунту, всегда в окружении опасных финансовых мелей, всегда без уверенности, что команда одобрит ее управление, но в постоянном сознании своей полной ответственности на

всякую неисправность на корабле. Просто непостижимо, как она выносила это плавание, но она его выносила и даже не очень теряла при этом рассудок. По верному замечанию моего брата Ларри, можно гордиться тем методом, каким мы ее воспитали; всем нам она делает честь.

Думаю, мама сумела достичь той счастливой нирваны, где уже ничто не потрясает и не удивляет, и в доказательство приведу хотя бы такой факт: недавно, в какую-то из суббот, когда мама оставалась одна в доме, ей вдруг принесли несколько клеток. В них было два пеликана, алый ибис, гриф и восемь обезьянок. Менее стойкий человек мог бы растеряться от такой неожиданности, но мама не растерялась. В понедельник утром я застал ее в гараже, где за нею гонялся рассерженный пеликан, которого она пыталась кормить сардинами из консервной банки.

— Хорошо, что ты пришел, милый, — сказала она, еле переводя дух. — С этим пеликаном трудно было управиться. Я спросил, откуда она знает, что это мои животные. — Ну, конечно, твои, милый. Кто же еще мог бы мне их прислать?

Как видите, мама очень хорошо понимает по крайней мере одного из своих детей.

И в заключение я хочу особо подчеркнуть, что все рассказанное тут об острове и его жителях — чистейшая правда. Наша жизнь на Корфу вполне бы могла сойти за одну из самых ярких и веселых комических опер. Мне кажется, что всю атмосферу, все очарование этого места верно отразила морская карта, которая у нас тогда была. На ней очень подробно изображался остров и береговая линия прилегающего континента, а внизу, на маленькой врезке, стояла надпись:

Предупреждаем: бакены, отмечающие мели, часто оказываются здесь не на своих местах, поэтому морякам во время плавания у этих берегов надо быть осмотрительней.

Часть первая

Переезд

Резкий ветер задул июль, как свечу, и над землей повисло свинцовое августовское небо. Бесконечно хлестал мелкий колючий дождь вздуваясь при порывах ветра темной серой волной. Купальни на пляжах Борнмута обращали свои слепые деревянные лица к зелено-серому пенистому морю, а оно с яростью кидалось на береговой бетонный вал. Чайки в смятении улетали в глубь берега и потом с жалобными стонами носились по городу на своих упругих крыльях. Такая погода специально рассчитана на то, чтобы изводить людей.

В тот день все наше семейство имело довольно неприглядный вид, так как плохая погода принесла с собой весь обычный набор простуд, которые мы очень легко схватывали. Для меня, растянувшегося на полу с коллекцией раковин, она принесла сильный насморк, залив мне, словно цементом, весь череп, так что я с хрипом дышал через открытый рот. У моего брата Лесли, примостившегося у зажженного камина, были воспалены оба уха, из них беспрестанно сочилась кровь. У сестры Марго прибавились новые прыщики на лице, и без того испещренном красными точками. У мамы сильно текло из носа и вдобавок начался приступ ревматизма. Только моего старшего брата Ларри болезнь не коснулась, но было уже достаточно и того, как он злился, глядя на наши недуги.

Разумеется, Ларри все это и затеял. Остальные в то время просто не в состоянии были думать еще о чем-нибудь, кроме своих болезней, но Ларри само Провидение предназначило для того, чтобы нестись по жизни маленьким светлым фейерверком и зажигать мысли в мозгу у других людей, а потом, свернувшись милым котеночком, отказываться от всякой ответственности за последствия. В тот день злость разбирала Ларри со все нарастающей силой, и вот наконец, окинув комнату сердитым взглядом, он решил атаковать маму как явную виновницу всех бед.

— И чего ради мы терпим этот проклятый климат? — спросил он неожиданно, поворачиваясь к залитому дождем окну. — Взгляни вон туда! И, уж если на то пошло, взгляни на нас... Марго раздулась, как тарелка с распаренной кашей... Лесли слоняется по комнате, заткнув в каждое ухо по четырнадцать саженей ваты... Джерри говорит так, будто он родился с волчьей пастью... И посмотри на себя! С каждым днем ты выглядишь все кошмарнее.

Мама бросила взгляд поверх огромного тома под названием «Простые рецепты из Раджпутаны» и возмутилась.

— Ничего подобного! — сказала она.

— Не спорь, — упорствовал Ларри. — Ты стала выглядеть как самая настоящая прачка... а дети твои напоминают серию иллюстраций из медицинской энциклопедии.

На эти слова мама не смогла подыскать вполне уничтожающего ответа и поэтому ограничилась одним лишь пристальным взглядом, прежде чем снова скрыться за книгой, которую она читала.

— Солнце... Нам нужно солнце! — продолжал Ларри. — Ты согласен, Лесс?.. Лесс... Лесс! Лесли вытащил из одного уха большой клочок ваты. — Что ты сказал? — спросил он.

— Вот видишь! — торжествующе произнес Ларри, обращаясь к маме. — Разговор с ним превращается в сложную процедуру. Ну, скажи на милость, разве это дело? Один брат не слышит, что ему говорят, другого ты сам понять не можешь. Пора наконец что-то предпринять. Не могу же я создавать свою бессмертную прозу в такой унылой атмосфере, где пахнет эвкалиптовой настойкой. — Конечно, милый, — рассеянно отвечала мама. — Солнце, — говорил Ларри, снова приступая к делу. — Солнце, вот что нам нужно... край, где мы могли бы расти на свободе.

— Конечно, милый, это было бы славно, — соглашалась мама, почти не слушая его.

— Сегодня утром я получил письмо от Джорджа. Он пишет, что Корфу — восхитительный остров. Может быть,

стоит собрать вещички и поехать в Грецию?

— Конечно, милый, если тебе хочется, — неосторожно произнесла мама.

Там, где дело касалось Ларри, мама обычно действовала с большой осмотрительностью, стараясь не связывать себя словом. — Когда? — спросил Ларри, удивившись ее покладистости. Мама, поняв свою тактическую ошибку, осторожно опустила «Простые рецепты из Раджпутаны».

— Мне кажется, милый, — сказала она, — тебе лучше поехать сперва одному и все уладить. Потом ты напишешь мне, и, если там будет хорошо, мы все к тебе приедем. Ларри посмотрел на нее испепеляющим взглядом. — То же самое ты говорила, когда я предложил ехать в Испанию, — напомнил он. — Я просидел в Севилье целых два месяца в ожидании вашего приезда, а ты лишь писала мне длинные письма о питьевой воде и канализации, словно я был секретарем муниципального совета или вроде того. Нет уж, если ехать в Грецию, то только всем вместе.

— Ты все преувеличиваешь, Ларри, — жалобно сказала мама. — Во всяком случае, я не могу так вот сразу уехать. Надо что-то решить с этим домом. — Решить? Господи, ну что тут решать? Продай его, вот и все.

— Я не могу этого сделать, милый, — ответила мама, потрясенная подобным предложением. — Не можешь? Почему не можешь? — Но ведь я его только что купила. — Вот и продай, пока он еще не облупился.

— Не говори глупостей, милый. Об этом даже речи быть не может, — твердо заявила мама. — Это было бы просто безумием.

И вот мы продали дом и, как стая перелетных ласточек, унеслись на юг от хмурого английского лета.

Путешествовали мы налегке, взяв с собой только то, что считали жизненно необходимым. Когда на таможне мы открыли для досмотра свой багаж, содержимое чемоданов со всей наглядностью продемонстрировало характер и интересы каждого из нас. Багаж Марго, например, состоял из вороха

прозрачной одежды, трех книг с советами, как сохранить стройную фигуру, и целой батареи флаконов с какой-то жидкостью от прыщей. В чемодане Лесли оказалось два свитера и пара трусов, куда были завернуты два револьвера, духовой пистолет, книжка под названием «Будь сам себе оружейным мастером» и большая бутылка смазочного масла, которая подтекала, Ларри вез с собой два сундука книг и чемоданчик с одеждой. Мамин багаж был разумно поделен между одеждой и книгами по кулинарии и садоводству. Я взял с собой в путешествие только то, что могло скрасить длинную, скучную дорогу: четыре книги по зоологии, сачок для бабочек, собаку и банку из-под варенья, набитую гусеницами, которые в любой момент могли превратиться в куколок.

Итак, полностью, по нашим стандартам, оснащенные, мы покинули холодные берега Англии.

Мимо пронеслась Франция, грустная, залитая дождями; Швейцария, похожая на рождественский торт; яркая, шумная, пропитанная резкими запахами Италия — и скоро от всего остались лишь смутные воспоминания. Крошечный пароходик отвалил от каблука Италии и вышел в сумеречное море. Пока мы спали в своих душных каютах, где-то посреди отполированной луною водной глади судно пересекло невидимую линию раздела и оказалось в светлом зазеркалье Греции. Постепенно ощущение этой перемены каким-то образом проникло в нас, мы все проснулись от непонятного волнения и вышли на палубу.

В свете ранней утренней зари море катило свои гладкие синие волны. За кормой, словно белый павлиний хвост, тянулись легкие пенистые струи, сверкавшие пузырями. Бледное небо начинало желтеть на востоке. Впереди неясным пятном проступала шоколадно-коричневая земля с бахромкой белой пены внизу. Это был Корфу. Напрягая зрение, мы вглядывались в очертания гор, стараясь различить долины, пики, ущелья, пляжи, но перед нами по-прежнему был только силуэт острова. Потом солнце вдруг сразу выплыло из-за

горизонта, и все небо залилось ровной голубой глазурью, как глаз у сойки. Море вспыхнуло на миг всеми своими мельчайшими волночками, принимая темный, пурпуровый оттенок с зелеными бликами, туман мягкими струйками быстро поднялся вверх, и перед нами открылся остров. Горы его как будто спали под скомканным бурым одеялом, в складках зеленели оливковые рощи. Среди беспорядочного нагромождения сверкающих скал золотого, белого и красного цвета бивнями изогнулись белые пляжи. Мы обошли северный мыс, гладкий крутой обрыв с вымытыми в нем пещерами. Темные волны несли туда белую пену от нашего кильватера и потом, у самых отверстий, начинали со свистом крутиться среди скал. За мысом горы отступили, их сменила чуть покатаая равнина с серебристой зеленью олив. Кое-где к небу указующим перстом поднимался темный кипарис. Вода в мелких заливах была ясного голубого цвета, а с берега даже сквозь шум паровых двигателей до нас доносился торжествующий звон цикад.

1. Неожиданный остров

Пробившись сквозь гам и сутолоку таможни, мы оказались на залитой ярким солнечным светом набережной. Перед нами по крутым склонам поднимался город

— спутанные ряды разноцветных домиков с зелеными ставнями, будто распахнутые крылья тысячи бабочек. Позади расстилалась зеркальная гладь залива с его невообразимой синевою.

Ларри шел быстрым шагом, гордо откинув голову и с выражением такой царственной надменности на лице, что можно было не заметить его маленького роста. Он не спускал глаз с носильщиков, еле справлявшихся с его двумя сундуками. Сзади воинственно выступал крепыш Лесли, а следом за ним в волнах духов и муслина шествовала Марго. Маму, имевшую вид захваченного в плен беспокойного маленького миссионера, нетерпеливый Роджер насильно

утащил к ближайшему фонарному столбу. Она стояла там, устремив взор в пространство, пока он давал разрядку своим напряженным чувствам после долгого сиденья взаперти. Ларри нанял две на удивление замызганные пролетки, в одну поместил багаж, в другую забрался сам и сердито посмотрел вокруг. — Ну, что? — спросил он. — Чего мы еще ждем? — Мы ждем маму, — объяснил Лесли. — Роджер нашел фонарь.

— О господи! — воскликнул Ларри и, выпрямившись в пролетке во весь рост, проревел:

— Скорее, мама! Собака может потерпеть.

— Иду, милый, — послушно отозвалась мама, не трогаясь с места, потому что Роджер еще не собирался уходить от столба. — Этот пес мешал нам всю дорогу, — сказал Ларри.

— Надо иметь терпение, — возмутилась Марго. — Собака не виновата... Мы ведь ждали тебя целый час в Неаполе.

— У меня тогда расстроился желудок, — холодно объяснил Ларри.

— И у него, может, тоже желудок, — с торжеством ответила Марго. — Какая разница? Что в лоб, что на лбу. — Ты хотела сказать — по лбу? — Чего бы я ни хотела, это одно и то же.

Но тут подошла мама, слегка взъерошенная, и наше внимание переключилось на Роджера, которого надо было водворить в пролетку. Роджеру еще ни разу не доводилось ездить в подобных экипажах, поэтому он косился на него с подозрением. В конце концов пришлось втаскивать его силой и потом под бешеный лай втискиваться вслед за ним, не давая ему выскочить из пролетки. Испуганная всей этой суетой лошадь рванулась с места и понеслась во всю прыть, а мы свалились в кучу, придавив завизжавшего что есть мочи Роджера.

— Хорошенькое начало, — проворчал Ларри. — Я надеялся, что у нас будет благородно-величественный вид, и

вот как все обернулось... Мы въезжаем в город, словно труппа средневековых акробатов.

— Полно, полно, милый, — успокаивала его мама, расправляя свою шляпку. — Скоро мы будем в гостинице.

Когда извозчик с лягом и стуком въезжал в город, мы, разместившись кое-как на волосяных сиденьях, старались принять так уж необходимый Ларри благородно-величественный вид. Роджер, стиснутый в мощных объятиях Лесли, свесил голову через край пролетки и закатил глаза, как при последнем издыхании. Потом мы промчались мимо переулка, где грелись на солнце четыре облезлые дворняги. Завидев их, Роджер весь напрягся и громко залаял. Тут же ожившие дворняги с пронзительным визгом бросились вслед за пролеткой. От всего нашего благородного величия не осталось и следа, так как двое теперь держали обезумевшего Роджера, а остальные, перегнувшись назад, отчаянно махали книгами и журналами, стараясь отогнать визгливую свору, но только раздражили ее еще сильнее. С каждой новой улочкой собак становилось все больше, и, когда мы катили по главной магистрали города, у наших колес уже вертелось двадцать четыре разрывававшихся от злости пса.

— Почему вы ничего не сделаете? — спросил Ларри, стараясь перекричать собачий лай. — Это же просто сцена из «Хижины дяди Тома».

— Вот и сделал бы что-нибудь, чем разводить критику, — огрызнулся Лесли, продолжая единоборство с Роджером.

Ларри быстро вскочил на ноги, выхватил из рук удивленного кучера кнут и хлестнул по собачьей своре. До собак он, однако, не достал, и кнут пришелся по затылку Лесли.

— Какого черта? — вскипел Лесли, поворачивая к нему побагровевшее от злости лицо. — Куда ты только смотришь?

— Это я нечаянно, — как ни в чем не бывало объяснил Ларри. — Не было тренировки... давно не держал кнута в

руках.

— Вот и думай своей дурацкой башкой, что делаешь, — выпалил Лесли. — Успокойся, милый, он же не нарочно, — сказала мама.

Ларри еще раз щелкнул кнутом по своре и сбил с маминой головы шляпку.

— Беспокойства от тебя больше, чем от собак, — заметила Марго. — Будь осторожнее, милый, — сказала мама, хватаясь за шляпку. — Так ведь можно убить кого-нибудь. Лучше бы ты оставил кнут в покое.

В этот момент извозчик остановился у подъезда, над которым по-французски было обозначено: «Швейцарский пансионат». Дворняги, почуяв, что им наконец можно будет схватиться с изнеженным псом, который разъезжает на извозчиках, окружили нас плотной рычащей стеной. Дверь гостиницы отворилась, на пороге показался старый привратник с бакенбардами и стал безучастно наблюдать за суматохой на улице. Нелегко нам было перетащить Роджера с пролетки в гостиницу. Поднять тяжелую собаку, нести ее на руках и все время сдерживать — для этого потребовались совместные усилия всей семьи. Ларри, не думая больше о своей величественной позе, развлекался теперь всюю. Он спрыгнул на землю и с кнутом в руках двинулся по тротуару, пробиваясь сквозь собачий заслон. Лесли, Марго, мама и я шли вслед за ним по расчищенному проходу с рычащим и рвущимся из рук Роджером. Когда мы наконец протиснулись в вестибюль гостиницы, привратник захлопнул входную дверь и налег на нее так, что у него задрожали усы. Появившийся в этот момент хозяин посмотрел на нас с любопытством и опасением. Мама, в съехавшей набок шляпе, подошла к нему, сжимая в руках мою банку с гусеницами, и с милой улыбкой, словно приезд наш был самым обыкновенным делом, сказала:

— Наша фамилия Даррелл. Надеюсь, для нас оставили номер?

— Да, мадам, — ответил хозяин, обходя сторонкой все

еще ворчащего Роджера. — На втором этаже... четыре комнаты с балконом.

— Как хорошо, — просияла мама. — Тогда мы сразу поднимемся в номер и немного отдохнем перед едой.

И с вполне величественным благородством она повела свою семью наверх.

Через некоторое время мы спустились вниз и позавтракали в большой унылой комнате, уставленной пыльными пальмами в кадках и кривыми скульптурами. Обслуживал нас привратник с бакенбардами, который, переодевшись во фрак и целлулоидную манишку, скрипевшую, как целый взвод сверчков, превратился теперь в метрдотеля. Еда, однако, была обильная и вкусная, все ели с большим аппетитом. Когда принесли кофе, Ларри с блаженным вздохом откинулся на стуле.

— Подходящая еда, — сказал он великодушно. — Что ты думаешь об этом месте, мама?

— Еда здесь хорошая, милый, — уклончиво ответила мама. — А они обходительные ребята, — продолжал Ларри. — Сам хозяин переставил мою кровать поближе к окну.

— Он был не таким уж обходительным, когда я попросил у него бумаги, — сказал Лесли.

— Бумаги? — спросила мама. — Зачем тебе бумага?

— Для туалета... ее там не оказалось, — объяснил Лесли.

— Тс-с-с! Не за столом, — шепотом произнесла мама.

— Ты просто плохо смотрел, — сказала Марго ясным, громким голосом. — У них там ее целый ящичек.

— Марго, дорогая! — испуганно воскликнула мама. — Что такое? Ты не видела ящичка? Ларри хихикнул.

— Из-за некоторых странностей городской канализации, — любезно объяснил он Марго, — этот ящичек предназначается для... э... Марго покраснела.

— Ты хочешь сказать... хочешь сказать... что это было.. Боже мой!

И, заливаясь слезами, она выскочила из столовой.

— Да, очень негигиенично, — строго заметила мама. — Просто безобразно. По-моему, даже не важно, ошиблись вы или нет, все равно можно подхватить брюшной тиф.

— Никто бы не ошибался, если б тут был настоящий порядок, — заявил Лесли.

— Конечно, милый. Только я думаю, что нам не стоит заводить сейчас об этом спор. Лучше всего поскорее найти себе дом, пока с нами ничего не случилось.

Вдобавок ко всем маминым тревогам «Швейцарский пансионат» был расположен на пути к местному кладбищу. Когда мы сидели на своем балкончике, по улице нескончаемой вереницей тянулись похоронные процессии. Очевидно, из всех обрядов жители Корфу больше всего ценили похороны, и каждая новая процессия казалась пышнее предыдущей. Наемные экипажи утопали в красном и черном крепе, а на лошадях было накручено столько попон и плюмажей, что даже представить было трудно, как они только могут двигаться. Шесть или семь таких экипажей с людьми, охваченными глубокой, безудержной скорбью, следовали друг за другом впереди тела усопшего, а оно покоилось на дрогах вроде повозки в большом и очень нарядном гробу. Одни гробы были белые с пышными черно-алыми и синими украшениями, другие — черные, лакированные, обвитые замысловатой золотой и серебряной филигранью и с блестящими медными ручками. Мне еще никогда не приходилось видеть такой заманчивой красоты. Вот, решил я, так и надо умирать, чтоб были лошади в попонах, море цветов и толпа убитых горем родственников. Свесившись с балкона, я в восторженном самозабвении наблюдал, как проплывают внизу гробы.

После каждой процессии, когда вдали замирали стенания и умолкал стук копыт, мама начинала волноваться все сильнее.

— Ну ясно, это эпидемия, — воскликнула она наконец, с тревогой оглядывая улицу.

— Какие глупости, — живо отозвался Ларри. — Не

дергай себе зря нервы.

— Но, милый мой, их ведь столько... Это же противоестественно.

— В смерти нет ничего противоестественного, люди все время умирают.

— Да, но они не мрут как мухи, если все в порядке.

— Может, они скапливают их, а потом уж хоронят всех заодно, — бессердечно высказался Лесли.

— Не говори глупостей, — сказала мама. — Я уверена, что это все от канализации. Если она так устроена, люди не могут быть здоровы.

— Господи! — произнесла Марго замогильным голосом. — Значит, я заразилась.

— Нет, нет, милая, это не передается, — рассеянно сказала мама. — Это, наверно, что-нибудь незаразное.

— Не понимаю, о какой можно говорить эпидемии, если это что-то незаразное, — логично заметил Лесли.

— Во всяком случае, — сказала мама, не давая втянуть себя в медицинские споры, — надо все это выяснить. Ларри, ты не мог бы позвонить кому-нибудь из местного отдела здравоохранения?

— Здесь, наверно, нет никакого здравоохранения, — ответил Ларри. — А если б и было, то там мне ничего не сказали бы.

— Ну, — решительно произнесла мама, — другого выхода у нас нет. Надо уезжать. Мы должны покинуть город. Нужно немедленно подыскивать себе дом в деревне.

На другое утро мы отправились искать дом в сопровождении мистера Билера, агента из гостиницы. Это был невысокий, толстый человек с заискивающим взглядом и вечной испариной. Когда мы выходили из гостиницы, у него было довольно веселое настроение, но он тогда еще не знал, что его ждет впереди. Да и ни один человек не смог бы этого вообразить, если он ни разу не помогал маме подыскивать жилье. В тучах пыли мы носились по всему острову, и мистер Билер показывал нам один дом за другим. Они были самые

разнообразные по величине, цвету и местоположению, но мама решительно качала головой, отвергая каждый из них. Наконец мы осмотрели десятый, последний в списке Билера дом, и мама еще раз потрясла головой. Мистер Билер без сил опустился на ступеньки, вытирая лицо носовым платком.

— Мадам Даррелл, — вымолвил он наконец, — я показал вам все дома, какие знал, и вам ни один не подошел. Что же вам нужно, мадам? Скажите, какой у этих домов недостаток? Мама посмотрела на него с удивлением.

— Неужели вы не заметили? — спросила она. — Ни в одном из них нет ванны.

Мистер Билер глядел на маму, вытаращив глаза. — Не понимаю, мадам, — проговорил он с истинной мукой, — для чего вам ванна? Разве тут нет моря? В полном молчании мы возвратились в гостиницу. На следующее утро мама решила, что нам надо взять такси и отправиться на поиски одним. Она была уверена, что где-то на острове все же прячется дом с ванной. Мы не разделяли маминой веры, роптали и пререкались, пока она вела нас, как строптивное стадо, к стоянке такси на главной площади. Шоферы такси, заметив наше невинное простодушие, налетели на нас, словно коршуны, стараясь перекричать один другого. Голоса их становились все громче, в глазах вспыхивал огонь. Они хватили друг друга за руки, скрежетали зубами и тянули нас в разные стороны с такой силой, точно хотели разорвать на части. На самом деле это был нежнейший из нежных приемов, просто мы еще не привыкли к греческому темпераменту, и поэтому нам казалось, будто жизнь наша находится в опасности.

— Что же делать, Ларри? — вскрикнула мама, с трудом вырываясь из цепких объятий огромного шофера.

— Скажи им, что мы пожалуемся английскому консулу, — посоветовал Ларри, стараясь перекричать шоферов.

— Не говори глупостей, милый, — задыхаясь, произнесла мама. — Просто объясни им, что мы ничего не

понимаем. Марго с глупой улыбкой бросилась на выручку. — Мы англичане, — крикнула она пронзительно. — Мы не понимаем греческого языка.

— Если этот тип толкнет меня еще раз, я ему двину в ухо, — сказал Лесли, вспыхивая от злости.

— Успокойся, милый — с трудом выговорила мама, все еще отбиваясь от шофера, тянувшего ее к своему автомобилю. — По-моему, они не хотят нас обидеть.

И в это время все вдруг сразу замолкли. Перекрывая общий гвалт, в воздухе прогремел низкий, сильный, раскатистый голос, какой мог бы быть у вулкана.

— Эй! — громыхнул голос и, сильно коверкая слова, спросил по-английски: — Почему вы не берете с собой человека, который умеет говорить на вашем языке?

Обернувшись, мы увидели у обочины дороги старенький додж, а за рулем невысокого плотного человека с большущими руками и широким, обветренным лицом. Он бросил хмурый взгляд из-под лихо надвинутой кепки, открыл дверцу автомобиля, выкатился на тротуар и поплыл в нашу сторону. Потом остановился и, нахмурившись еще сильнее, стал глядеть на примолкших таксистов. — Они вас осаждали? — спросил он маму. — Нет, нет, — ответила мама, стараясь все сгладить. — Мы просто не могли их понять.

— Вам нужен человек, умеющий говорить на вашем языке, — повторил он еще раз. — А то эти подонки... простите за слово... облапошат собственную мать. Одну минуту, я им сейчас покажу.

И он обрушил на шоферов такой поток греческих слов, что чуть не сбил их с ног. Выражая свою злость и обиду отчаянной жестикуляцией, шоферы вернулись к своим автомобилям, а этот чудак, послав им вслед последний и, очевидно, уничтожающий залп, снова обратился к нам. — Куда вам надо ехать? — спросил он почти свирепо.

— Мы подыскиваем себе дом, — сказал Ларри. — Вы не можете повезти нас за город?

— Конечно. Я могу повезти вас куда угодно. Только

скажите. — Мы ищем дом, — твердо заявила мама, — в котором была бы ванна. Вы знаете такой дом?

Его загорелое лицо забавно сморщилось в раздумье, черные брови нахмурились.

— Ванна? — спросил он. — Вам нужна ванна?

— Все дома, какие мы уже видели, были без ванны, — ответила мама.

— Я знаю дом с ванной, — сказал наш новый знакомый. — Только сомневаюсь, подойдет ли он вам по размерам.

— Вы можете нас туда повезти? — спросила мама.

— Конечно, могу. Садитесь в машину.

Все забрались в поместительный автомобиль, а наш шофер уселся за руль и со страшным шумом включил мотор. Бесперывно подавая оглушительные сигналы, мы промчались по кривым улочкам на окраине города, лавируя среди навьюченных ослов, тележек, деревенских женщин и бесчисленных собак. За это время шофер успел завести с нами разговор. Всякий раз, произнеся фразу, он поворачивал к нам свою большую голову, чтобы проверить, как мыотреагировали на его слова, и тогда автомобиль начинал метаться по дороге, как ошалелая ласточка.

— Вы англичане? Так я и думал... Англичанам всегда нужна ванна... в моем доме есть ванна... меня зовут Спиро, Спиро Хакьяпулос... но все называют меня Спиро-американец, потому что я жил в Америке... Да, пробыл восемь лет в Чикаго... Там я и научился так хорошо говорить по-английски... Ездил туда делать деньги... Через восемь лет я сказал: «Спиро, — сказал я, — с тебя уже хватит...» и вернулся в Грецию... привез вот этот автомобиль... самый лучший на острове... ни у кого нет такого. Меня знают все английские туристы, и все меня спрашивают, когда приезжают сюда... они понимают, что их не надуют.

Мы ехали по дороге, покрытой толстым слоем шелковистой белой пыли, взвивавшейся за нами огромными

густыми тучами. По бокам дороги тянулись заросли опунции, как забор из зеленых тарелок, ловко поставленных друг на друга и усеянных шишечками ярко-малиновых плодов. Мимо проплывали виноградники с кудрявой зеленью на крошечных лозах, оливковые рощи с дуплистыми стволами, обращавшими к нам свои удивленные лица из-под сумрака собственной тени, полосатые заросли тростника с реюющими, как зеленые флажки, листьями. Наконец мы с ревом поднялись по склону холма, Спиро нажал на тормоза, и автомобиль остановился в облаке пыли.

— Вот, — показал Спиро своим коротким толстым пальцем, — тот самый дом с ванной, какой вам нужно.

Мама, ехавшая всю дорогу с крепко зажмуренными глазами, теперь осторожно их открыла и огляделась. Спиро показывал на пологий склон, спускавшийся прямо к морю. Весь холм и долины вокруг утопали в мягкой зелени оливковых рощ, серебрившихся, как рыба чешуя, чуть только ветерок трогал листву. Посредине склона, в окружении высоких стройных кипарисов, приютился небольшой дом землянично-розового цвета, словно какой-нибудь экзотический плод, обрамленный зеленью. Кипарисы слегка раскачивались на ветру, как будто они красили небо к нашему приезду, чтобы сделать его еще голубее.

2. Землянично-розовый дом

Этот небольшой квадратный дом стоял посреди маленького садика с выражением какой-то решимости на своем розовом лице. Зеленая краска на его ставнях побелела от солнца, растрескалась и вздулась кое-где пузырями. В садике с живой изгородью из высоких фуксий были разбиты цветочные клумбы самой разнообразной формы, обложенные по краям гладкими белыми камешками. Светлые мощные дорожки узкой лентой вились вокруг клумб в форме звезд, полумесяцев, кругов, треугольников размером чуть побольше

соломенной шляпы. Цветы на всех клумбах, давно оставленных без присмотра, буйно заросли травой. С роз осыпались шелковые лепестки величиной с блюдце — огненно-красные, серебристо-белые, без единой морщиночки. Ноготки тянули к солнцу свои пламенные головки, точно это были его дети. У самой земли среди зелени скромно сияли бархатные звездочки маргариток, а из-под сердцевидных листьев выглядывали грустные фиалки. Над небольшим балконом пышно раскинулась бугенвиллия, увешанная, будто для карнавала, фонариками ярко-малиновых цветков; на сомкнутых кустах фуксий, как маленькие балерины в пачках, застыли в трепетном ожидании тысячи распустившихся бутонов. Теплый воздух был пропитан ароматом вянущих цветов и наполнен тихим, мягким шелестом и жужжанием насекомых. Нам сразу захотелось жить в этом доме, как только мы его увидели. Он стоял и будто дожидался нашего приезда, и мы все почувствовали себя тут как дома.

Ворвавшись так неожиданно в нашу жизнь, Спиро теперь взялся за устройство всех наших дел. Как он объяснил, от него будет гораздо больше проку, потому что все его тут знают, и он постарается, чтобы нас не надули.

— Вы ни о чем не беспокойтесь, миссис Даррелл, — сказал он, хмуря брови. — Предоставьте все мне.

И вот Спиро стал ездить с нами за покупками. После целого часа невероятных усилий и громких споров ему в конце концов удалось снизить цену какой-нибудь вещи драхмы на две, что составляло примерно один пенс. Это, конечно, не деньги, объяснял он, но все дело в принципе! И, разумеется, дело еще заключалось в том, что он очень любил торговаться. Когда Спиро узнал, что наши деньги еще не прибыли из Англии, он дал нам в долг определенную сумму и взялся поговорить как следует с директором банка о его плохих организаторских способностях. А то, что это вовсе не зависело от бедного директора, не смущало его ни в малейшей степени. Спиро оплатил наши счета в гостинице, раздобыл подводу для перевозки багажа в розовый дом и

доставил нас туда самих на своем автомобиле вместе с грудой продуктов, которые он для нас закупил.

Как мы вскоре убедились, его заявление о том, что он знал каждого жителя острова и все знали его, не было пустым бахвальством. Где бы ни остановился его автомобиль, всегда с десятков голосов окликали Спиро по имени, приглашая на чашку кофе к столику под деревом. Полицейские, крестьяне и священники приветливо здоровались с ним на улице, рыбаки, бакалейщики, владельцы кафе встречали его как родного брата. «А, Спиро!» — говорили они и ласково улыбались ему, как непослушному, но милому ребенку. Его уважали за честность, горячность, а пуще всего ценили в нем истинно греческое бесстрашие и презрение ко всякого рода чиновникам. Когда мы приехали на остров, таможенники конфисковали у нас два чемодана с бельем и другими вещами на том основании, что это был товар для продажи. Теперь, когда мы перебрались в землянично-розовый дом и встал вопрос о постельном белье, мама рассказала Спиро о чемоданах, задержанных на таможне, и попросила его совета.

— Вот те раз, миссис Даррелл! — проревел он, багровея от гнева. — Почему же вы до сих пор молчали? На таможне одни подонки. Завтра же мы поедем туда с вами, и я их поставлю на место. Я всех там знаю, и они меня знают. Предоставьте дело мне — я их всех поставлю на место.

На следующее утро он повез маму на таможню. Чтобы не упустить веселого представления, мы тоже отправились вместе с ними. Спиро ворвался в помещение таможни, словно разъяренный тигр.

— Где вещи этих людей? — спросил он у пухленького таможенника.

— Вы говорите о чемоданах с товарами? — спросил таможенник, старательно выговаривая английские слова.

— Не понимаете, о чем я говорю?

— Они здесь, — осторожно сказал чиновник.

— Мы приехали за ними, — нахмурил брови Спиро. — Так что приготовьте-ка их.

Он повернулся и торжественно вышел, чтобы поискать себе кого-нибудь на подмогу для погрузки багажа. Вернувшись, он увидел, что таможенник взял у мамы ключи и как раз открывает крышку на одном из чемоданов. Спиро заревел от злости и, мигом подскочив к таможеннику, хлопнул крышкой прямо ему по пальцам.

— Зачем открываешь, сукин ты сын? — спросил он свирепо. Таможенник, махая в воздухе прищемленной рукой, сказал со злостью, что это его обязанность — просматривать багаж.

— Обязанность? — спросил Спиро насмешливо. — Что значит обязанность? Обязанность нападать на бедных иностранцев? Обращаться с ними, как с контрабандистами? Это ты считаешь обязанностью?

Спиро на миг остановился, перевел дух, схватил оба огромных чемодана и направился к выходу. На пороге он обернулся, чтобы выпустить еще заряд на прощанье.

— Я тебя знаю, Кристаки, и ты уж лучше не заводи со мной разговоров об обязанностях. Я не забыл, как тебя оштрафовали на двадцать тысяч драхм за то, что ты глушил рыбу динамитом, и не желаю, чтобы каждый уголовник говорил со мной об обязанностях.

Мы возвращались из таможни с торжеством, забрав свой багаж без проверки и в полной сохранности.

— Эти подонки думают, что они тут хозяева, — комментировал Спиро, видимо не подозревая, что и сам действует как хозяин острова.

Взявшись однажды нас опекать, Спиро так и остался с нами. За несколько часов он превратился из шофера такси в нашего защитника, а через неделю стал нашим проводником, философом и другом. Очень скоро мы уже воспринимали его как члена нашей семьи, и без него не обходилось почти ни одно событие, ни одна затея. Он всегда был под рукой со своим громовым голосом и сдвинутыми бровями, устраивал наши дела, говорил, сколько за что платить, внимательно следил за нами и сообщал маме все, что, по ее мнению, она

должна была знать. Грузный, нескладный ангел с дубленой кожей, он охранял нас так нежно и заботливо, словно мы были неразумные дети. На маму он глядел с искренним обожанием и повсюду громким голосом расточал ей комплименты, чем немало смущал ее.

— Вы должны думать, что делаете, — говорил он нам с серьезным видом. — Маму нельзя огорчать.

— Это почему же? — спрашивал Ларри с притворным удивлением. — Она для нас никогда не старается, так чего же нам о ней думать?

— Побойтесь бога, мастер Ларри, не надо так шутить, — говорил Спиро с болью в голосе.

— Он совершенно прав, Спиро, — со всей серьезностью подтверждал Лесли. — Не такая уж она хорошая мать.

— Не смейте так говорить, не смейте! — ревел Спиро. — Если б у меня была такая мать, я б каждое утро опускался на колени и целовал ей ноги.

Итак, мы поселились в розовом доме. Каждый устраивал свою жизнь и приноравливался к обстановке сообразно своим привычкам и вкусам. Марго, например, загорала в оливковых рощах в микроскопическом купальном костюме и собрала вокруг себя целую ватагу красивых деревенских парней, которые всякий раз появлялись словно из-под земли, если надо было отогнать пчелу или передвинуть шезлонг. Мама сочла своим долгом сказать ей, что считает эти загорания довольно неразумными.

— Ведь этот костюм, моя милая, — пояснила она, — не так уж много закрывает.

— Не будь старомодной, мама, — вспыхнула Марго. — В конце концов, мы ведь умираем всего лишь раз.

На это замечание, в котором было столько же неожиданности, сколько истины, мама не нашла ответа.

Чтобы занести в дом сундуки Ларри, троим крепким деревенским парням пришлось целых полчаса потеть и надрываться, в то время как сам Ларри бегал вокруг и давал ценные указания. Один сундук оказался таким огромным, что

его надо было втаскивать через окно. Когда оба сундука водворили наконец на место, Ларри провел счастливый день за их распаковкой, так загромоздив книгами всю комнату, что нельзя было ни войти, ни выйти. Потом он возвел из книг зубчатые башни вдоль стен и целый день просидел в этой крепости со своей пишущей машинкой, выходя только к столу. На другое утро Ларри появился в очень дурном расположении духа, потому что какой-то крестьянин привязал осла возле самой ограды нашего сада. Время от времени осел скидывал голову и протяжно кричал своим надрывным голосом.

— Ну подумайте! — сказал Ларри. — Разве не смешно, что грядущие поколения будут лишены моей книги только от того, что какому-то безмозглому идиоту вздумалось привязать эту мерзкую вьючную скотину прямо у меня под окном.

— Да, милый, — откликнулась мама. — Почему же ты не уберешь его, если он тебе мешает?

— Дорогая мамочка, у меня нет времени гонять ослов по оливковым рощам. Я запустил в него книжкой по истории христианства. Что, по-твоему, я еще мог сделать?

— Это бедное животное привязано, — сказала Марго. — Нельзя же думать, что оно само отвяжется.

— Надо, чтоб был закон, запрещающий оставлять этих мерзких животных около дома. Может кто-нибудь из вас увести его? — С какой стати? — сказал Лесли. — Он нам вовсе не мешает. — Ну и люди, — сокрушался Ларри. — Никакой взаимности, никакого участия к ближнему.

— Очень уж у тебя много участия к ближнему, — заметила Марго.

— А все твоя вина, мама, — серьезно сказал Ларри. — Зачем было воспитывать нас такими эгоистами?

— Вы только послушайте! — воскликнула мама. — Я их воспитала эгоистами!

— Конечно, — сказал Ларри. — Без посторонней помощи нам бы не удалось достичь таких результатов.

В конце концов мы с мамой отвязали осла и отвели его подальше от дома. Тем временем Лесли распаковал свои пистолеты и принялся палить из окна по старой консервной банке. Пережив и без того оглушительное утро, Ларри выскочил из комнаты и заявил, что вряд ли сможет работать, если каждые пять минут весь дом будет сотрясаться до основания. Обиженный Лесли сказал, что ему необходимо тренироваться. Ларри ответил, что пальба эта похожа не на тренировку, а на восстание сипа-ев в Индии. Мама, у которой нервы тоже страдали от выстрелов, предложила тренироваться с незаряженным пистолетом. Лесли целых полчаса старался втолковать ей, почему это невозможно, но в конце концов ему пришлось взять консервную банку и удалиться на некоторое расстояние от дома. Выстрелы теперь звучали несколько глуше, но все еще заставляли нас вздрагивать.

Не переставая следить за нами, мама в то же время продолжала вести и свои собственные дела. Весь дом был наполнен ароматом трав и резким запахом чеснока и лука, на кухне кипели разные горшки и кастрюльки, а между ними в съехавших набок очках двигалась мама, бормоча себе что-то под нос. На столе подымалась пирамида истрепанных книг, куда мама время от времени заглядывала. Если можно было отлучиться из кухни, мама с удовольствием копалась в саду, что-то сердито подрезала и обрывала, что-то вдохновенно сеяла и подсаживала.

Меня сад тоже притягивал. Вместе с Роджером мы открыли там много интересного. Роджер, например, узнал, что не следует нюхать шершней, что деревенские собаки убегают с громким визгом, если поглядеть на них через калитку, и что цыплята, которые соскакивают вдруг с кустов фуксии и уносятся с безумным кудахтаньем, хотя и желанная, но недозволённая добыча.

Этот сад игрушечных размеров был для меня настоящей волшебной страной, где в цветочной чаще суетилась такая живность, какой я еще ни разу не встречал. В каждом розовом

бутоне среди тугих шелковых лепестков жили крохотные, похожие на крабов паучки, поспешно удиравшие в сторону от ваших любопытных глаз. Их маленькие прозрачные тельца были окрашены в тон цветов, на которых они обитали: розовые, кремовые, винно-красные, маслянисто-желтые. По усеянными тлями стеблям, будто лакированные игрушки, ползали божьи коровки

— бледно-красные с крупными черными пятнами, ярко-красные с бурыми пятнами, оранжевые в серых и черных крапинках. Кругленькие, симпатичные божьи коровки переползали со стебля на стебель и поедали анемичных тлей. А над цветами с солидным деловым гудением летали пчелы-плотники, похожие на пушистых голубых медведей. Аккуратные гладкие бражники весело носились над дорожками, замирая иногда в воздухе на распахнутых, дрожащих крыльях, чтобы запустить в середину цветка свой длинный гибкий хоботок. По белым мощеным дорожкам сновали крупные черные муравьи, собираясь кучками вокруг какой-нибудь диковины: дохлой гусеницы, обрывка розового лепестка или метелочки травы, набитой семенами. А из окрестных оливковых рощ через ограду из фуксий лился бесконечный звон цикад. Если бы знойное полуденное марево стало вдруг издавать звуки, этой было бы как раз вот такое удивительное звенящее пение.

Сначала я просто ошалел от этого буйства жизни прямо у нашего порога и мог только бродить в изумлении по саду, наблюдать то за одним, то за другим насекомым, каждую минуту проводя взглядом яркую бабочку, перелетавшую через изгородь. Со временем, когда я уже немного привык к такому изобилию насекомых среди цветов, мои наблюдения стали более сосредоточенными. Присев на корточки или растянувшись на животе, я мог теперь часами наблюдать за повадками разных живых существ вокруг меня, в то время как Роджер сидел где-нибудь поблизости с выражением полного смирения на морде. Таким вот образом я открыл для себя множество удивительных вещей.

Я узнал, что маленькие паучки-крабы могут наподобие хамелеона менять свою окраску. Возьмите паучка с красной розы, где он сидел, как коралловая бусинка, и поместите в прохладную глубину белой розы. Если паучок там останется (а они обычно остаются), вы увидите, как он постепенно бледнеет, словно эта перемена отнимает у него силы. И вот дня через два он уже сидит среди белых лепестков совсем как жемчужинка.

В сухой листве под оградой из фуксий жили паучки совершенно иного рода

— маленькие злые охотники, ловкие и свирепые, как тигры. Сверкая на солнце глазами, они разгуливали по своей вотчине среди листвы, останавливались по временам, подтягиваясь на волосатых ногах, чтобы оглядеться вокруг. Заметив какую-нибудь присевшую погреться на солнышке муху, паук замирал, потом медленно-медленно, прямо-таки не превышая скорости роста былинки, начинал переставлять ноги, незаметно пододвигаясь все ближе и ближе и прикрепляя по пути к поверхности листьев свою спасительную шелковую нить. И вот, оказавшись совсем близко, охотник останавливался, слегка шевелил ногами, отыскивая опору понадежнее, затем бросался вперед, прямо на задремавшую муху, и заключал ее в свои волосатые объятия. Ни одного раза я не видел, чтобы жертва ушла от паучка, если он заранее выбирал нужную позицию.

Все эти открытия приводили меня в неописуемый восторг, его надо было разделить с кем-то, и вот я врвался в дом и поражал всех новостью, что непонятные, обитавшие на розах черные гусеницы с колючками вовсе не гусеницы, а детеныши божьей коровки, или же не менее удивительной новостью, что златоглазки откладывают яички на ходулях. Это последнее чудо мне посчастливилось увидеть собственными глазами. Заметив златоглазку на розовом кусте, я стал смотреть, как она карабкается по листьям, и восхищался ее красивыми, нежными, будто из зеленого стекла крылышками и огромными прозрачно-золотыми

глазами. Через некоторое время златоглазка остановилась посреди листа, опустила книзу брюшко, посидела так с минуту, потом подняла хвост, и, к моему изумлению, оттуда потянулась тоненькая, как волосок, бесцветная ниточка, а затем на самом ее кончике появилось яичко. Чуть передохнув, златоглазка снова проделала тоже самое, и вскоре вся поверхность листа была покрыта как бы миниатюрными зарослями плауна.

Закончив кладку, самка слегка пошевелила усиками и упорхнула в зеленой дымке своих газовых крыльев.

Но, может быть, самым волнующим открытием, которое мне удалось сделать в этой многокрасочной Лилипутии, было гнездо уховертки. Я уже давно пытался его отыскать, только все безуспешно. И вот, наткнувшись теперь на него нечаянно, я так обрадовался, будто получил вдруг замечательный подарок. Гнездо было под куском коры, который я случайно сдвинул с места. Под корой оказалось небольшое углубление, вырытое, должно быть, самим насекомым, и в нем устроено гнездо. В середине гнезда сидела уховертка, заслоня собой кучку белых яиц. Она сидела на них, точно курица, ее не согнали даже потоки солнечного света, когда я поднял кору. Яиц я сосчитать не мог, но их было совсем немного. Видимо, она еще не все успела отложить.

С большой осторожностью я снова прикрыл ее куском коры и с этой минуты стал ревностно следить за гнездом. Я возвел вокруг него защитную стенку из камней и вдобавок поместил рядом на столбике выведенную красными чернилами надпись, чтобы предупредить всех своих домашних. Надпись гласила: «АСТАРОЖНО — ГНЕЗДО УХОВЕРТКИ — ПАЖАЛУСТА ОБХАДИТЕ». Примечательно, что оба правильно написанных слова имели отношение к биологии. Почти каждый час я подвергал уховертку пристальному десятиминутному осмотру. Чаще я проверять ее не смел, опасаясь, как бы она не покинула гнезда. Постепенно груда яиц под ней росла, и уховертка, очевидно, привыкла к тому, что крыша из коры у нее над

головой все время поднимается. Мне даже показалось, что она начинает узнавать меня и дружески кивает усиками.

К моему горькому разочарованию, все мои усилия и постоянный надзор пошли прахом. Детки вывелись в ночное время. Мне казалось, что после всего, что я сделал, она могла бы помедлить немного, дожждаться моего прихода. Однако все они уже были там, чудесный выводок крохотных, хрупких ухверточек, будто вырезанных из слоновой кости. Они тихонько копошились под материнским телом, ползали между ее ножками, а более отважные даже взбирались к ней на челюсти. Это было трогательное зрелище. На следующий день детская опустела: все мое милое семейство разбрелось по саду. Позднее мне встретился один из детенышей. Он, конечно, сильно подрос, окреп и побурел, но я сразу же его узнал. Он спал, зарывшись в розовые лепестки, и, когда я его потревожил, только поднял челюсти. Мне хотелось думать, что это было приветствие, дружеское приветствие, однако совесть заставляла меня признаться, что он просто делал предостережение возможному противнику. Но я ему все прощал. Ведь он был совсем маленький, когда мы виделись последний раз.

В скором времени я сумел подружиться с деревенскими девушками, которые каждое утро и вечер проезжали мимо нашего сада. Болтовня и смех этих шумных и ярко одетых толстушек, восседавших на спинах ослов, разносились по всем окрестным рощам. Проезжая мимо нашего сада по утрам, девушки весело улыбались мне и выкрикивали громкие слова приветствия, а вечером, на обратном пути, они подъезжали к самому саду и, рискуя свалиться со спины своих вислоухих скакунов, с улыбкой протягивали мне через ограду разные дары: янтарную гроздь винограда, все еще хранившую солнечное тепло, черные как смоль спелые плоды инжира с полопавшимися бочками или же огромный арбуз с прохладной розовой сердцевиной. Понемногу я научился понимать их разговор. Сначала мое ухо стало выделять из общего неясного потока отдельные звуки, потом эти звуки

приобрели вдруг значение, и я начал медленно, с запинками выговаривать их сам и наконец принялся без всяких грамматических правил складывать из этих только что выученных слов отдельные неуклюжие фразы. Наших соседок это приводило в восторг, как будто я говорил им самые изысканные комплименты. Перегнувшись через ограду» они напряженно слушали, как я пытаюсь произнести приветствие или простенькую фразу, и, когда я кое-как справлялся с этим, радостно кивали, улыбались и хлопали в ладоши. Постепенно я запомнил все их имена, узнал, кто чей родственник, кто уже замужем, а кто собирается выйти замуж и разные другие подробности. Потом я узнал, кто где живет, и если нам с Роджером случалось проходить мимо чьего-нибудь домика в оливковых рощах, вся семья высыпала на улицу, встречая нас громкими и радостными приветствиями, из дома тут же выносили стул, чтобы я смог посидеть под лозами и поесть с ними винограду.

Мало-помалу остров незаметно, но властно подчинял нас своим чарам. Каждый день нес в себе такое спокойствие, такую отрешенность от времени, что хотелось удержать его навсегда. Но потом ночь опять сбрасывала свои темные покровы, и нас ждал новый день, блестящий и яркий, как детская переводная картинка, и с тем же впечатлением нереальности.

3. Человек с Золотыми Бронзовками

Утром, когда я просыпался, сквозь ставни в мою спальню золотыми полосками лился яркий солнечный свет. В утреннем воздухе стоял запах дымка от разоженной на кухне печки, раздавалось звонкое петушиное пение, далекий лай собак, печальный звон колокольчиков, если в то время на пастбище гнали коз.

Завтракали мы в саду под сенью небольшого мандаринового дерева. Прохладное сияющее небо еще не приобрело пронзительной полуденной синевы, оттенок у него

был светлый, молочно-опаловый. Цветы еще не совсем очнулись от сна, розы густо обрызганы росой, ноготки плотно закрыты. За завтраком обычно все было тихо и спокойно, потому что в такую рань никому еще не хотелось болтать, и только к самому концу завтрака кофе, гренки и яйца делали свое дело. Все понемногу оживали и принимались рассказывать друг другу, что каждый из них собирается делать и почему собирается это делать, а потом серьезно начинали обсуждать, стоило ли браться за это дело. Я в таких дискуссиях участия не принимал, так как знал совершенно точно, что собираюсь делать, и старался как можно скорей покончить с едой.

— Тебе обязательно надо давиться пищей? — спрашивал Ларри сердитым голосом, ловко орудуя зубочисткой из спички.

— Жуй получше, милый, — тихо говорила мама. — Торопиться-то ведь некуда.

Некуда торопиться? А если Роджер ждет вас с нетерпением у садовой калитки и следит за вами беспокойными карими глазами? Некуда торопиться, когда среди олив первые сонные цикады настраивают уже свои скрипочки? Некуда торопиться, когда весь остров с его прохладным, ясным как звезда утром ждет своего исследователя? Но едва ли можно было надеяться, что родные сумеют стать на мою точку зрения, поэтому я начинал есть медленней, пока их внимание не переключалось на что-нибудь другое, и тогда я снова набивал рот до отказа.

Разделавшись наконец с едой, я поспешно вставал из-за стола и удирал к калитке, где меня встречал вопросительный взгляд Роджера. Сквозь чугунные прутья калитки мы смотрели с ним на оливковые рощи, и я намекал Роджеру, что, быть может, нам лучше никуда не ходить сегодня. Он протестующе махал обрубок хвоста и трогал носом мою руку. Да нет же, нет, я ведь в самом деле не собираюсь никуда идти. Наверное, скоро начнется дождь — и я с тревогой поглядывал на ясное, сияющее небо. Навострив уши, Роджер

тоже смотрел на небо, потом обращал ко мне умоляющий взгляд. Ну, может, сейчас дождя и не будет, продолжал я, но позднее он уж обязательно начнется, так что лучше всего посидеть с книгой в саду. Роджер в отчаянии хватался за калитку своей огромной черной лапой и снова смотрел на меня. Его верхняя губа начинала кривиться в заискивающей улыбке, обнажая белые зубы, а короткий хвост дрожал от возбуждения. Это был его главный козырь. Ведь он отлично понимал, что я не устою перед такой забавной улыбкой. Я переставал дразнить Роджера и бежал за своими спичечными коробками и сачком для бабочек. Скрипучая калитка отворялась, с лязгом захлопывалась снова, и Роджер, как вихрь, проносился сквозь оливковые рощи, приветствуя новый день своим громким лаем.

В те дни, когда я только начинал свое знакомство с островом, Роджер был моим неизменным спутником. Вместе мы отваживались уходить все дальше и дальше от дома, отыскивали уединенные оливковые рощи, которые надо было исследовать и запомнить, пробирались сквозь миртовые заросли — излюбленное пристанище черных дроздов, заходили в узкие долины, окутанные густой тенью кипарисов. Роджер был для меня идеальным спутником, его привязанность не переходила в навязчивость, храбрость — в задиристость, он был смышлен, добродушен и весело сносил все мои выдумки. Если мне случалось поскользнуться где-нибудь на влажном от росы склоне, Роджер уже был тут как тут, фыркал, будто в насмешку, бросал на меня быстрый взгляд, встряхивался, чихал и, сочувственно лизнув, улыбался мне своей кривой улыбкой. Если я отыскивал что-нибудь интересное — муравейник, лист с гусеницей, паука, пеленающего муху шелковым свивальником, — Роджер останавливался и ждал, пока я закончу свое исследование. Когда ему казалось, что я слишком замешкался, он подходил поближе, жалобно тявкал и начинал вилять хвостом. Если находка была пустяковой, мы сразу отправлялись дальше, если же встречалось что-нибудь, заслуживающее

пристального внимания, мне стоило только строго взглянуть на Роджера, и он сразу понимал, что дело затянется надолго. Уши у него тогда опускались, он переставал вилять хвостом, плелся к ближайшему кусту и растягивался в тени, глядя на меня глазами страдальца.

Во время этих походов мы с Роджером завязывали в разных местах знакомство со многими людьми. Среди них была, например, веселая, толстая Агати, жившая в маленьком ветхом домишке на горе. Она всегда сидела около своего дома с веретеном в руках и пряла овечью шерсть. Должно быть, ей давно уже перевалило за семьдесят, но волосы у нее до сих пор оставались черными и блестящими. Они были аккуратно заплетены в косы и намотаны на пару отполированных коровьих рогов — украшение, которое можно еще увидеть на некоторых старых крестьянках. Агати сидела на солнышке в алой повязке, накрученной поверх рогов, в руках у нее, как волчок, ходило вверх и вниз веретено, пальцы ловко направляли нить, а морщинистые губы широко открывались, обнажая неровный ряд уже пожелтевших зубов, — она пела песню хриповатым, но все еще сильным голосом.

От нее-то я и узнал самые красивые и самые известные народные песни. Усевшись на старую консервную банку, я ел виноград и гранаты из ее сада и пел вместе с нею. Агати то и дело прерывала пение, чтобы исправить мой выговор. Куплет за куплетом мы пели веселую, живую песню о реке — как она стекает с гор и орошает сады и поля и как деревья сгибаются под тяжестью плодов. С усиленным кокетством строя друг другу глазки, мы пели забавную любовную песенку под названием «Обман».

— Обман, обман, — выводили мы, трясая головой, — кругом обман, но ведь это я научил тебя рассказывать всем людям, как я тебя люблю.

Потом мы переходили к печальным мелодиям и пели для начала неторопливую, но живую песенку «Зачем ты меня покидаешь?» и, совсем размякнув, принимались петь

дрожащими голосами длинную чувствительную песню. Когда мы подходили к заключительной, самой душераздирающей ее части, глаза Агати заволакивались дымкой, подбородок дрожал от волнения, и она прижимала руки к своей обширной груди. Наконец замирал последний звук нашего не очень-то стройного пения, Агати вытирала нос уголком повязки и поворачивалась ко мне.

— Ну скажи, разве мы не остолопы? Конечно, остолопы. Сидим тут на солнце и поем. Да еще о любви! Я для этого слишком стара, ты слишком мал, и все-таки мы теряем время и поем о ней. Ну ладно, давай выпьем по стаканчику вина.

Кроме Агати среди моих любимцев был еще старый пастух Яни, высокий, сутулый человек с большим орлиным носом и невероятными усами. Первый раз я встретился с ним в очень жаркий день, после того как мы с Роджером больше часу напрасно старались вытащить крупную зеленую ящерицу из ее норы в каменной стене. Сомлев от жары и усталости, мы растянулись у пяти невысоких кипарисов, бросавших ровную, четкую тень на выгоревшую траву. Я лежал, прислушиваясь к тихому, сонному позвякиванию колокольчиков, и вскоре увидел стадо коз. Проходя мимо кипарисов, каждая коза останавливалась, пялила на нас свои бессмысленные желтые глаза и шла дальше, качая своим большим, похожим на вольнку выменем и с хрустом пощипывая листья кустарника. Эти мерные звуки и тихий звон колокольчиков совсем убаюкали меня. Когда все стадо прошло мимо и показался пастух, я уже почти засыпал. Старик остановился, опираясь на темную палку из оливы, и окинул меня взглядом. Его небольшие черные глаза смотрели строго из-под кустистых бровей, огромные башмаки плотно прижимали к земле вереск.

— Добрый день, — окликнул он меня сердито. — Ты иностранец... маленький лорд?

Я уже знал тогда, что крестьяне почему-то считают всех англичан лордами, и ответил старику утвердительно. Он повернулся и закричал на козу, которая, поднявшись на

задние ноги, общипывала молодое оливковое деревце, потом снова обратился ко мне.

— Я хочу сказать тебе кое-что, маленький лорд, — произнес он. — Опасно тут лежать под деревьями.

Я посмотрел на кипарисы, не нашел в них ничего опасного и спросил старика, почему он так думает.

— Посидеть-то под ними хорошо, у них густая тень, прохладная, как вода в роднике. Но вся беда в том, что они усыпляют человека. И ты никогда, ни в коем случае не ложись спать под кипарисом.

Он остановился, погладил усы, подождал, покуда я не спросил, почему нельзя спать под кипарисами, и продолжал:

— Почему, почему! Потому, что, проснувшись, ты станешь другим человеком. Да, эти черные кипарисы очень опасны. Пока ты спишь, их корни вырастают тебе в мозги и крадут твой ум. Когда ты проснешься, ты уже ненормальный, голова у тебя пустая, как свистулька.

Я спросил у него, относится ли это только к кипарисам или же ко всем деревьям.

— Нет, только к кипарисам, — ответил старик и строго посмотрел на деревца, под которыми я лежал, будто опасаясь, что они могут подслушать наш разговор. — Только кипарисы воруют рассудок. Так что смотри, маленький лорд, не спи здесь.

Он слегка кивнул мне, еще раз сердито посмотрел на темные пирамиды кипарисов, словно ждал от них объяснения, и осторожно начал пробираться сквозь заросли миртов к склону холма, где разбрелись его козы.

С Яни мы потом стали хорошими друзьями. Я всякий раз встречался с ним во время своих экскурсий, а иногда заходил в его маленький домик, где он угощал меня фруктами и давал всякие наставления, советуя вести себя поосторожней на прогулках.

Но, быть может, одной из самых необычных и притягательных личностей, которых мне довелось встретить в своих походах, был Человек с Золотыми Бронзовками. Он как

будто вышел прямо из волшебной сказки и был просто неотразим. Встречаться с ним мне удавалось не часто, и встреч этих я ждал с большим нетерпением. Первый раз я увидел его на пустынной дороге, ведущей к одной из горных деревушек. Услышал я его гораздо раньше, чем увидел, так как он наигрывал мелодичную песенку на пастушьей свирели, останавливаясь временами, чтобы произнести несколько слов каким-то чудным, гнусавым голосом. Когда он показался из-за поворота дороги, мы с Роджером остановились и раскрыли рот от изумления.

У него было острое, лисье личико и большие раскосые глаза темно-карего, почти черного цвета. Было в них что-то странное, неуловимое, и покрывал их какой-то налет, будто на сливе, какая-то жемчужная пленка, почти как катаракта. Небольшого роста, худенький, с невероятно тонкой шеей и запястьями, он был облачен в фантастический наряд. На голове у него была бесформенная шляпа с очень широкими, обвислыми полями, когда-то темно-зеленая, но теперь посеревшая от пыли, покрытая винными пятнами и прожженная сигаретами. На шляпе колыхался целый лес перьев, заткнутых за ленту, — петушиных, совиных, удоновых, крыло зимородка, ястребиная лапа и одно большое, грязное белое перо, должно быть, лебединое. Старая изношенная рубаша побурела от пота, у шеи болтался невероятных размеров галстук из ослепительного голубого атласа. На темном бесформенном пиджаке красовались разноцветные заплатки — на рукаве белая с розочками, на плече красный треугольник в белую крапинку. Из сильно оттопыренных карманов этого одеяния почти вываливалось все их содержимое: гребни, воздушные шары, раскрашенные образки, вырезанные из оливкового дерева змеи, верблюды, собаки и лошади, дешевые зеркальца, яркие платки и плетеные батоны с тмином. Штаны его, тоже в заплатках, спадали на алые кожаные башмаки с задранными носами и большими черно-белыми помпонами. На спине у этого удивительного человека громоздились клетки с голубями и

цыплятами, какие-то таинственные мешки и большой пучок свежего зеленого лука-порея. Одной рукой он придерживал свирель, в другой сжимал пук ниток с привязанными на концах золотыми бронзовками величиной с миндалину. Сверкая на солнце, золотисто-зеленые жуки летали вокруг шляпы и отчаянно гудели, стараясь сорваться с ниток, крепко обхватывающих их тельце. По временам какой-нибудь жук, устав кружиться без толку, отдыхал минуточку на его шляпе, прежде чем снова пуститься в бесконечную карусель.

Когда Человек с Золотыми Бронзовками заметил нас, он остановился с преувеличенным изумлением, снял свою смешную шляпу и отвесил низкий поклон. Это неожиданное внимание так подействовало на Роджера, что он в удивлении залаял. Человек улыбнулся, снова надел шляпу, поднял руки и помахал мне своими длинными костлявыми пальцами. Я посмотрел на него с радостным удивлением и вежливо поздоровался. Человек еще раз отвесил любезный поклон и на мой вопрос, не с праздника ли он возвращается, закивал головой. Потом поднес к губам свирель, извлек из нее веселую мелодию, сделал несколько прыжков посреди пыльной дороги и, остановившись, показал большим пальцем через плечо, откуда он пришел. Улыбаясь, он похлопал себя по карманам и потер большим пальцем об указательный — так обычно изображают деньги. И тут я вдруг понял, что Человек с Бронзовками немой. Мы стояли посреди дороги, я продолжал разговаривать с ним, а он отвечал мне очень остроумной пантомимой. Когда я спросил, для чего ему нужны бронзовки и зачем он привязывает их за нитки, он вытянул руку ладонью книзу, обозначив маленьких ребятишек, потом взял одну нитку с жуком на конце и стал вертеть ею над головой. Насекомое сразу ожило и пустилось летать по своей орбите вокруг шляпы, а он взглянул на меня сияющими глазами, показал на небо, раскинул руки и громко загудел через нос, делая на дороге всякие виражи и спуски. Сразу было видно, что это самолет. Потом он показал на жуков, снова обозначил ладонью маленьких детей и принялся

вертеть над головой целой связкой жуков, так что все они сердито зажужжали.

Утомленный этим объяснением. Человек с Бронзовками уселся на краю дороги и заиграл на своей свирели простенькую мелодию, останавливаясь порой, чтобы пропеть своим необычным голосом несколько тактов. Это не были отчетливые слова, а просто поток носовых и гортанных звуков, мычание и писк. Однако он произносил их с такой живостью и с такой удивительной мимикой, что вам казалось, будто эти странные звуки имеют какое-то значение.

Засунув потом свою дудку в оттопыренный карман, человек посмотрел на меня в раздумье, сбросил с плеча небольшой мешочек, развязал его и, к моему изумлению и восторгу, вытряхнул на пыльную дорогу с полдюжины черепашек. Панцири их были до блеска натерты маслом, а передние ноги он каким-то образом умудрился украсить алыми бантиками. Черепахи не спеша выпростили голову и ноги из-под блестящих панцирей и лениво поползли вдоль дороги. Я глядел на них восторженными глазами. Особенно понравилась мне одна маленькая черепаха размером не больше чайной чашки. Она казалась живее других, глаза у нее были ясные и панцирь посветлее — смесь янтаря, каштана и жженого сахара. Двигалась она со всем доступным черепахе проворством. Я долго следил за нею, стараясь убедить себя, что дома у нас ее примут с большим восторгом и, может быть, даже поздравят меня с таким славным приобретением. Отсутствие денег не смущало меня ни в малейшей степени, потому что я просто мог попросить человека прийти к нам за деньгами завтра. Мне даже не приходило в голову, что он может не поверить.

Я спросил Человека с Золотыми Бронзовками, сколько стоит маленькая черепашка. Он показал обе руки с растопыренными пальцами. Однако я ни разу не видел, чтобы крестьяне на острове заключали сделку просто так, не торгуясь. Я решительно покачал головой и поднял два пальца, непроизвольно подражая своему продавцу. Он в ужасе закрыл

глаза и поднял девять пальцев. Тогда я поднял три. Он покачал головой, немного подумал и показал шесть пальцев. Я тоже покачал головой и показал пять. Человек с Золотыми Бронзовками снова затряс головой и тяжело вздохнул. Мы оба сидели теперь не двигаясь и с решительным, бесцеремонным любопытством маленьких детей смотрели на черепаха, неуверенно ползавших по дороге. Немного погодя Человек с Золотыми Бронзовками показал на маленькую черепашку и опять поднял шесть пальцев. Я помотал головой и поднял пять. Роджер громко зевнул. Ему надоел этот безмолвный торг. Человек с Бронзовками поднял черепаху с земли и жестами показал мне, какой у нее гладкий и красивый панцирь, какая прямая головка, какие острые коготки. Я был неумолим. Он пожал плечами, протянул мне черепашку и поднял пять пальцев.

Тогда я сказал, что у меня нет денег и что за ними надо прийти завтра к нам домой. Он кивнул в ответ, как будто это было самым обычным делом. Мне не терпелось вернуться поскорее домой и показать всем свое новое приобретение, поэтому я сразу попрощался, поблагодарил человека и помчался что есть духу по дороге. Добежав до того места, где надо было сворачивать в оливковые рощи, я остановился и как следует рассмотрел свою покупку. Разумеется, такой прекрасной черепахи я еще никогда не видел. По-моему, она стоила раза в два дороже, чем я за нее заплатил. Я погладил черепаху пальцем по чешуйчатой головке, положил осторожно в карман и, прежде чем спуститься с пригорка, оглянулся. Человек с Золотыми Бронзовками стоял на том же самом месте, но теперь он танцевал что-то вроде джиги, раскачивался, прыгал, подыгрывая себе на свирели, а на дороге, у его ног, копошились маленькие черепахи.

Моя черепашка оказалась очень умным и милым созданием с необычным чувством юмора. Имя ей дали Ахиллес. Сперва мы привязали ее за ногу в саду, но потом, когда черепаха стала совсем ручной, она могла идти куда ей заблагорассудится. Очень скоро Ахиллес научился узнавать

свое имя. Стоило только раза два-три окликнуть его, немного подождать, и он обязательно появлялся откуда-нибудь, ковыляя на цыпочках по узкой мощеной дорожке и с волнением вытягивая шею. Ему очень нравилось, чтоб его кормили из рук, он усаживался тогда, словно принц, на солнышке, а мы по очереди протягивали ему листья салата, одуванчика или кисточку винограда. Виноград он любил так же страстно, как Роджер, и соперничество между ними никогда не ослабевало. Ахиллес сидел обычно с полным ртом и потихоньку пережевывал виноградины, заливаясь соком, а Роджер лежал где-нибудь поблизости и, исходя слюной, смотрел на него завистливыми глазами. Роджеру тоже всегда честно выдаивалась его доля, но, наверно, он все же считал, что на черепах не стоит изводить деликатесы. Если я переставал следить за ним, Роджер подбирался после кормежки к Ахиллесу и жадно слизывал с него виноградный сок. Оскорбленный такой бесцеремонностью, Ахиллес хватал Роджера за нос, а если тот продолжал лизать слишком настойчиво, с негодующим шипением прятался в свой панцирь и не показывался оттуда до тех пор, пока мы не уводили Роджера.

Но еще больше, чем виноград, Ахиллес любил землянику. Он становился просто невменяем при одном только ее виде. Начинал метаться из стороны в сторону, умоляюще смотрел на вас своими маленькими, как пуговицы, глазами и поворачивал вслед за вами голову, проверяя, собираетесь ли вы давать ему ягоды или нет. Мелкую землянику, размером с горошину, Ахиллес мог проглотить сразу, но, если вы предлагали ему ягоду величиной, скажем, с лесной орех, поведение его становилось необычным для черепахи. Схватив ягоду и крепко зажав ее во рту, он торопливо ковылял в какое-нибудь укромное, надежное местечко среди цветочных клумб, опускал ягоду на землю, не спеша съедал ее, после чего возвращался за другой.

Вместе с неодолимой страстью к землянике у Ахиллеса появилась страсть к человеческому обществу. Стоило только

войти в сад, чтобы позагорать, почитать или с каким-нибудь другим намерением, как среди турецкой гвоздики слышался шорох и оттуда высовывалась морщинистая, серьезная мордочка Ахиллеса. Если вы сидели на стуле, Ахиллес просто подползал как можно ближе к вашим ногам и погружался в крепкий, мирный сон — голова его вываливалась из панциря и касалась земли. Но если вы легли на коврик загорать, Ахиллес нисколько не сомневался, что растянулись вы на земле просто ради его удовольствия. Он устремлялся к вам по дорожке, забирался на коврик и в радостном возбуждении останавливался на минутку, чтобы прикинуть, какую часть вашего тела надо выбрать для восхождения. И тут вы вдруг чувствовали, как вам в ляжку впиваются острые коготки черепахи — это она приступила к решительному штурму вашего живота. Вам, конечно, не по нраву такой отдых, вы решительно стряхиваете черепаху и перетаскиваете подстилку в другую часть сада. Но это всего лишь временная передышка. Ахиллес будет упорно кружиться по саду до тех пор, покуда не отыщет вас снова. В конце концов это всем так надоело и на меня стало сыпаться столько жалоб и угроз, что мне приходилось сажать черепаху под замок всякий раз, как в сад кто-нибудь выходил. Но вот в один прекрасный день кто-то оставил садовую калитку незакрытой, и Ахиллеса в саду не оказалось. Не медля ни секунды, все бросились на его поиски, хотя до этого целыми днями повсюду только и слышались угрозы прикончить черепаху. Теперь же все рыскали по оливковым рощам и кричали:

— Ахиллес... земляника, Ахиллес... Ахиллес... земляника... Наконец мы нашли его. Разгуливая со своей обычной отрешенностью, Ахиллес свалился в старый колодец, давно разрушенный и заросший папоротником. К нашему великому огорчению, он был мертв. Ни попытки Лесли сделать искусственное дыхание, ни предложение Марго запихнуть ему в горло землянику (чтобы дать черепахе, как она выразилась, жизненный стимул) не могли вернуть Ахиллеса к жизни. Печально и торжественно мы

погребли его тело под кустиком земляники (мамина идея). У всех в памяти осталась короткая надгробная речь, сочиненная Ларри, которую он читал дрожащим голосом. И только один Роджер портил все дело. Как я ни старался его образумить, он не переставал вилять хвостом в течение всей погребальной церемонии.

Вскоре после печальной разлуки с Ахиллесом я приобрел у Человека с Золотыми Бронзовками другого питомца. На сей раз это был голубь, почти еще птенец, которому приходилось давать хлеб с молоком и размоченное зерно. Вид у этой птицы был самый безобразный. Перья торчали из его красной сморщенной кожи вперемешку с противным желтым пухом, какой бывает у птенчиков, как будто это вытравленные перекисью водорода волосы. Из-за некрасивой внешности Ларри предложил назвать его Квазимодо. Я согласился. Слово мне понравилось, а значения его я в то время еще не понимал. Когда Квазимодо уже научился сам добывать себе пищу и давно отросли его перья, на голове у него все еще оставался хохолок желтого пуха, что придавало ему сходство с надутым судьей в слишком узком парике.

Квазимодо вырос в необычных условиях, без родителей, которые бы могли научить его уму-разуму, поэтому он, видно, не считал себя птицей и отказывался летать, предпочитая всюду ходить пешком. Если ему надо было забраться на стол или на стул, он останавливался внизу, начинал кивать головой и ворковал своим мягким контральто до тех пор, пока кто-нибудь не подхватывал его с полу. Он всегда горел желанием принять участие во всех наших делах и даже порывался ходить с нами на прогулки. Порывы эти мы, однако, старались пресечь, потому что голубя приходилось нести на плече, и тогда вы подвергали риску свою одежду, или же он ковылял сзади на собственных ногах, а вам надо было приноравливаться к его шагу. Если же вы уходили слишком далеко вперед, до вас вдруг доносилось душераздирающее воркование, и, обернувшись, вы видели,

как Квазимодо мчится за вами что есть духу, хвост его отчаянно трепещет, переливчатая грудь раздувается от негодования.

Спать Квазимодо соглашался только в доме. Никакие уговоры и нотации не могли заставить его поселиться в голубятне, которую я соорудил специально для него. Он все-таки предпочитал краешек кровати Марго. Однако позднее его прогнали на диван в гостиную, потому что всякий раз, как Марго поворачивалась ночью в кровати, Квазимодо просыпался, шагал по одеялу и с нежным воркованием усаживался ей на лицо.

Ларри первый обнаружил у него музыкальные способности. Голубь не только любил музыку, но, казалось, умел различать две определенные мелодии — вальс и военный марш. Если ставили другую музыку, он подбирался поближе к патефону и сидел там с полузакрытыми глазами, выпятив грудь и мурлыча что-то себе под нос. Если же это был вальс, голубь начинал скользить вокруг патефона, вертелся, кланялся и ворковал трепетным голосом. Марш, и особенно джазовый, напротив, заставлял его вытянуться во весь рост, раздуть грудную клетку и маршировать взад и вперед по комнате. Воркование его становилось таким громким и хриплым, что, казалось, он вот-вот задохнется. Ни разу не пытался Квазимодо проделывать все это под какую-нибудь иную музыку, кроме маршей и вальсов. Правда, иногда, если ему долго не приходилось слышать вообще никакой музыки, он начинал (в восторге, что наконец ее слышит) маршировать под вальс или же наоборот. Однако всякий раз он неизменно останавливался и исправлял свою ошибку.

В один прекрасный день, отправившись будить Квазимодо, мы обнаружили вдруг, что он всех нас одурачил, потому что там, среди подушек, лежало белое блестящее яйцо. Это событие сильно повлияло на Квазимодо, он стал злой, раздражительный и, если вы протягивали к нему руку, с остервенением клевал ее. Потом появилось второе яйцо, и

нрав Квазимодо изменился окончательно. Он, вернее, она становилась все возбужденней, обращалась с нами так, словно мы были ее злейшими врагами. К кухонной двери за пищей она старалась подобраться незаметно, будто опасалась за свою жизнь. Даже патефон не мог заманить ее обратно в дом. Последний раз я видел ее на оливковом дереве, где она ворковала с самым притворным смущением, а чуть подальше на ветке вертелся крупный и очень мужественный на вид голубь, ворковавший в полном самозабвении.

Первое время Человек с Золотыми Бронзовками заглядывал к нам в дом довольно часто и всякий раз приносил какую-нибудь новинку для моего зверинца: лягушку или воробья с перебитым крылом. Однажды мы с мамой в припадке непомерной доброты скупили весь его запас золотых бронзовок и, когда он ушел, выпустили их в сад. Бронзовки надолго заполонили весь наш дом. Они ползали по кроватям, забирались в ванную комнату, натыкались по вечерам на лампы и сыпались изумрудами к нам на колени.

Последний раз я видел Человека с Золотыми Бронзовками как-то под вечер, когда он сидел на пригорке у дороги. Наверно, он возвращался откуда-то с праздника, где выпил много вина, и теперь его качало из стороны в сторону. Он шел и наигрывал на своей свирели грустную мелодию. Я громко окликнул его, но он не обернулся, а только приветливо помахал мне рукой. На повороте дороги его силуэт ясно обозначился на фоне бледно-сиреневого вечернего неба. Мне хорошо была видна потертая шляпа с перьями, оттопыренные карманы пиджака, бамбуковые клетки с сонными голубями и медленный хоровод чуть приметных точек — это кружились над его головой золотые бронзовки. Но вот он уже скрылся за поворотом, и теперь передо мной было одно лишь бледное небо, где плавало серебряное перышко молодого месяца. Вдали, в сгустившихся сумерках, замирали нежные звуки свирели.

4. Полный кошель знаний

Как только мы перебрались в землянично-розовый дом, мама сразу решила, что мне нельзя оставаться неучем и в общем-то надо получить хоть какое-нибудь образование. Но что можно было сделать на маленьком греческом островке? Всякий раз, как поднимался этот вопрос, вся семья бросалась решать его с невероятным воодушевлением. Каждый знал, какое занятие было для меня самым подходящим, и каждый отстаивал свою точку зрения с такой горячностью, что все споры о моем будущем всегда кончались неистовым ревом.

— Времени у него хоть отбавляй, — говорил Лесли. — В конце концов он сам может читать книжки. Разве не так? Я могу обучить его стрельбе, а если мы купим лодку, научу, как управлять ею.

— Но, милый, будет ли для него от этого какой-нибудь прок в будущем?

— спрашивала мама и рассеянно добавляла: — Разве что он пойдет в торговый флот или еще куда-нибудь.

— Я думаю, ему непременно надо научиться танцевать, — говорила Марго, — иначе он вырастет просто неотесанным увальнем.

— Конечно, милая, но ведь это совсем не к спеху. Сначала ему надо освоить такие предметы, как математика, французский... да и с орфографией у него очень неважно.

— Литература, — убежденно произносил Ларри. — Вот что ему необходимо. Хорошие, твердые знания по литературе. Остальное приложится само собой. Я всегда стараюсь давать ему хорошие книги.

— Но, может быть, ему все-таки рановато читать Рабле? — неуверенно спрашивала мама.

— Что за ерунда! — отвечал не задумываясь Ларри. — Важно, чтобы у него уже теперь складывалось верное представление о сексе. — Ты просто помешан на сексе, — строгим голосом заметила Марго. — О чем бы ни спросили, ты всегда лезешь со своим сексом. — Что ему надо, так это побольше упражнений на свежем воздухе. Если он научится

стрелять и ставить парус... — начал Лесли.

— Э-э! Да брось ты все эти штуки... сейчас начнешь проповедовать холодный душ.

— Слишком много ты о себе воображаешь и все знаешь лучше других. Не можешь даже выслушать чужую точку зрения.

— Таковую ограниченную точку зрения, как твоя? Неужели ты думаешь, что я стану ее слушать? — Ладно, ладно. К чему ругаться? — говорила мама. — Да вот Ларри такой безрассудный.

— Хорошенькое дело! — возмущался Ларри. — Я гораздо рассудительнее всех в этом доме.

— Конечно, милый, но руганью ничего не добьешься. Нам нужен человек, который мог бы обучать Джерри и развивать его склонности.

— У него, кажется, только одна склонность, — едко вставил Ларри, — а именно стремление забить все в доме зверьем. Эта его склонность, я думаю, в развитии не нуждается. Нам и так отовсюду грозит опасность. Не далее как сегодня утром я пошел зажечь сигарету, а из коробки выскочил здоровенный шмель. — А у меня кузнечик, — проворчал Лесли. — Да, этому надо положить конец, — заявила Марго. — Не где-нибудь, а у себя на туалетном столике я нашла отвратительную банку с какими-то червяками.

— Бедный мальчик, ведь у него не было дурных намерений, — миролюбиво проговорила мама. — Он так увлекается всем этим.

— Я бы еще мог вынести нападение шмелей, — рассуждал Ларри, — если б это к чему-нибудь привело. А то ведь сейчас у него просто такой период... к четырнадцати годам он закончится.

— Этот период, — возразила мама, — начался у него еще с двух лет, и что-то не заметно, чтобы он кончался.

— Ну что ж, — сказал Ларри. — Если тебе угодно набивать его всякими ненужными сведениями, думаю, что

Джордж возьмется его обучать.

— Вот замечательно! — обрадовалась мама. — Пожалуйста, сходи к нему. Чем раньше он начнет, тем лучше.

Обхватив рукой косматую шею Роджера, я в это время сидел в темноте под раскрытым окном и с интересом, но не без возмущения слушал, как решают мою судьбу. Когда дело наконец уладилось, я было стал думать, кто это такой Джордж и почему мне так уж необходимы уроки, но в вечернем сумраке был разлит аромат цветов, а темные оливковые рощи были так прекрасны и загадочны, что я забыл о нависшей надо мной опасности образования и отправился с Роджером в заросли ежевики ловить светлячков.

Джордж оказался старым приятелем Ларри, на Корфу он приехал писать. В этом не было ничего такого уж необыкновенного, потому что в те дни все знакомые Ларри были писатели, поэты или художники. К тому же и на Корфу-то мы оказались именно благодаря Джорджу. Он писал об этом острове такие восторженные письма, что Ларри уже просто не мыслил себе жизни в другом месте. И вот теперь этот Джордж должен был расплачиваться за свою неосмотрительность. Он пришел обсудить с мамой вопросе моем образовании, и нас представили. Мы подозрительно оглядели друг друга. Джордж был очень высокий и очень тонкий человек, двигался он со странной, развинченной грацией марионетки. Его худое, изможденное лицо было наполовину скрыто острой темной бородкой и большими очками в черепаховой оправе. Говорил он низким меланхолическим голосом, и в его невозмутимых шутках чувствовался сарказм. Всякий раз, сказав что-нибудь остроумное, он хитро улыбался себе в бородку, не заботясь в произведенном впечатлении.

Обучать меня Джордж взялся всерьез. Его не страшило даже то, что на острове нельзя было достать учебников. Он просто перерыл всю свою библиотеку и в назначенный день явился вооруженный самым фантастическим набором книг. Сосредоточенно и терпеливо он обучал меня начаткам

географии по картам на обороте обложки старого тома «Энциклопедии», английскому языку — по самым разнообразным книгам, от Уайльда до Гиббона, французскому — по толстой яркой книжке с названием «Малый Лярусс» и арифметике — по памяти. Однако, с моей точки зрения, важнее всего было уделять какое-то время естествознанию, и Джордж стал добросовестно учить меня, как вести наблюдения и как записывать в дневник. И вот тогда мое восторженное, но бестолковое увлечение природой вошло в определенное русло. Я увидел, что записи дают мне возможность узнать и запомнить всего гораздо больше. На уроки я не опаздывал только в те дни, когда мы занимались естествознанием.

Каждое утро, в девять часов, среди оливковых деревьев торжественно появлялась фигура Джорджа, облаченная в шорты, сандалии и огромную соломенную шляпу с обтрепанными полями. Под мышкой у Джорджа была зажата стопка книг, в руке трость, которой он размахивал весьма энергично.

— Доброе утро. Надеюсь, что ученик с большим нетерпением ждет своего учителя? — приветствовал он меня, хмуρο улыбаясь.

В маленькой столовой с закрытыми от солнца ставнями царил зеленый полумрак. Разморенные жарой мухи медленно ползали по стенам или с сонным жужжанием одурело летали по комнате, а за окном цикады восторженно приветствовали новый день пронзительным звоном. Джордж стоял у стола и аккуратно раскладывал на нем свои книги.

— Посмотрим, посмотрим, — бормотал он, водя длинным указательным пальцем по нашему тщательно составленному расписанию. — Так, так, арифметика. Если я правильно запомнил, мы трудились над грандиозной задачей, пытаюсь определить, в какой срок смогут шесть рабочих построить стену, если трое из них справились с этим за неделю. Кажется, мы потратили на эту задачу столько же времени, сколько рабочие на стену. Ну ладно, перепояшем

чресла и попробуем еще раз. Может, тебе не нравится содержание задачи? Посмотрим, нельзя ли сделать его поинтереснее.

Он склонился над задачником, в задумчивости пощипывая бородку, потом, переделав задачу на новый лад, выписывал ее своим крупным четким почерком.

— Две гусеницы съедают за неделю восемь листьев. Сколько времени потребуется четырем гусеницам, чтобы съесть такое же количество листьев? Ну вот, попробуй решить теперь.

Покуда я бился над непосильной задачей о прожорливых гусеницах, Джордж занимался другими делами. Он был искусным фехтовальщиком и страстно увлекался в то время изучением местных деревенских танцев. И вот, пока я решал задачу, Джордж двигался по затемненной комнате, упражняясь в фехтовании или отрабатывая танцевальные па. Меня как-то смущали все эти упражнения, и впоследствии я всегда именно им приписывал свою неспособность к математике. Даже теперь, стоит мне только столкнуться с простейшей арифметической задачей, как передо мной тут же встает долговязая фигура Джорджа. Он кружится по слабо освещенной столовой в танце и низким голосом гудит себе под нос какую-то неопределенную мелодию.

— Там-ти-там-ти-там...-доносится словно из потревоженного улья.-Тидл-тидл-тамти-ди...левая нога вперед... три шага вправо... там-ти-там-ти-там-ти-дам... назад, кругом, вверх и вниз... тидл-идл-ампти-ди...

Он шагает и выделяет пируэты, словно тоскующий журавль. Потом гудение вдруг стихает, во взгляде появляется непреклонность, и Джордж занимает оборонительную позицию, направляя воображаемую рапиру на воображаемого противника. Сощутив глаза и сверкая стеклами очков, он гонит врага через всю комнату, ловко обходя мебель, и, наконец, загнав его в угол, делает финты и вьется вокруг с проворством осы. Выпад. Удар. Удар. Я почти вижу блеск стали. И вот завершающий момент— резким движением

снизу и вбок оружие противника отведено в сторону, быстрый рывок назад, затем глубокий прямой выпад, и кончик рапиры вонзается прямо в сердце противника. Забыв про задачник, я с восторгом слежу за всеми движениями Джорджа. В математике мы так и не добились больших успехов.

Гораздо лучше обстояло дело с географией, потому что Джордж сумел придать этому предмету зоологическую окраску. Мы вычерчивали с ним огромные карты, изборозжденные горами, и потом наносили в определенных местах условные знаки вместе с изображением самых интересных животных, которые там водились. Таким образом у меня выходило, что основная продукция Цейлона — слоны и чай, Индии — тигры и рис, Австралии — кенгуру и овцы, а в океанах голубые плавные линии морских течений несли с собой не только ураганы, пассаты, хорошую и плохую погоду, но также китов, альбатросов, пингвинов и моржей. Карты наши были настоящими произведениями искусства. Главные вулканы на них извергали целые потоки огненных струй и искр, заставляя вас опасаться, как бы от этого не вспыхнули бумажные континенты, а самые высокие горные цепи мира сияли такой синевой и белизной ото льда и снега, что, глядя на них, вы невольно начинали ежиться от холода. Наши бурые, прокаленные солнцем пустыни были сплошь покрыты буграми пирамид и верблюжьих горбов, а тропические леса отличались такой густотой, таким буйством, что сквозь них лишь с большим трудом могли продираться неуклюжие ягуары, гибкие змеи и насупленные гориллы. На опушках леса худые туземцы рубили раскрашенные деревья, расчищая полянки, видимо, лишь для того, чтобы на них можно было написать неровными печатными буквами «кофе» или «зерно». Наши широкие, голубые, как незабудки, реки были усеяны лодками и крокодилами. Наши океаны не казались пустынными, так как повсюду, если только там не бушевали свирепые штормы и страшная приливная волна не нависала над одиноким пальмовым островком, бурно кипела жизнь. Добродушные киты позволяли даже самым жалким галеонам,

ощетинившимся гарпунами, неотступно преследовать себя; невинные, как младенцы, осьминоги нежно сжимали в своих щупальцах мелкие суда; стаи зубастых акул гнались за китайскими джонками, а закутанные в меха эскимосы пробирались за огромными стадами моржей по ледяным полям, где толпами бродили полярные медведи и пингвины. Это были карты, живущие своей жизнью, их можно было изучать, обдумывать, кое-что добавлять к ним. Короче говоря, эти карты действительно что-то обозначали.

Уроки истории сначала проходили у нас без заметных успехов, пока Джордж не сообразил, что, если к унылым фактам прибавить чуточку зоологии и привлечь какие-нибудь совсем посторонние подробности, можно вполне завладеть моим вниманием. Таким образом мне стали известны некоторые исторические данные, которые, насколько я знаю, нигде раньше не были зафиксированы. От урока к уроку я следил с затаенным дыханием, как Ганнибал переходит через Альпы. Меня мало беспокоили причины, толкнувшие его на такой подвиг, и я совсем не интересовался, что он думал делать на той стороне. Зато в этой экспедиции, очень плохо, на мой взгляд, организованной, меня привлекала возможность узнать имена всех до одного слонов. Мне также стало известно, что Ганнибал специально назначил человека не только кормить и оберегать слонов, но и давать им в холодную погоду бутылки с горячей водой. Этот интересный факт, очевидно, остался неизвестен большинству серьезных историков. Еще одна подробность, о которой не упоминают книги по истории, касалась Колумба. Когда он ступил на землю Америки, первые его слова были: «Боже мой, глядите... ягуар!» После такого введения как можно было не заинтересоваться историей этого континента? Таким вот образом Джордж, имея на руках нерадивого ученика и совсем неподходящие книги, старался оживить свое преподавание и сделать уроки интересными.

Роджер, разумеется, думал, что по утрам я просто без толку извожу время. Однако же он меня не покидал и, пока я

управлялся с учебой, спокойно дремал под столом. Время от времени, когда я отлучался за книгой, Роджер просыпался, встряхивал свою шерсть, громко зевал и начинал вилять хвостом. Но тут он замечал, что я снова возвращаюсь к столу. Уши его тогда сразу обвисали, он плелся опять в свой угол и со смиренным вздохом плюхался на пол. Джордж не возражал против присутствия Роджера на уроках, так как тот держал себя вполне прилично и не отвлекал моего внимания. Только изредка, когда ему случалось очень крепко заснуть и до него вдруг доносился лай деревенской собаки, Роджер, мгновенно проснувшись, начинал сердито рычать. Но потом, сообразив, где находится, он со смущением смотрел на наши осуждающие лица, дергал хвостом и застенчиво отводил взгляд в сторону.

Некоторое время Квазимодо тоже присутствовал на уроках и вел себя замечательно. Все утро он сидел у меня на коленях, подремывал, что-то тихонечко ворковал про себя. Но вскоре мне пришлось самому изгнать его, так как в один прекрасный день он опрокинул бутылку зеленых чернил прямо посередине большой, очень красивой карты, которую я только что нарисовал. Конечно, варварство это не было предумышленным, но все-таки я сильно разозлился.

Целую неделю Квазимодо пытался вернуть мое расположение. Он садился у двери и обворожительно ворковал сквозь щелку, однако всякий раз, как мое сердце начинало смягчаться, я смотрел на его омерзительный ярко-зеленый хвост и снова ожесточался.

Ахиллес тоже присутствовал один раз на уроке, но ему не понравилось сидеть взаперти. Он без конца бродил по комнате, тыкался в дверь и в плинтусы, потом, забившись куда-нибудь под диван или шкаф, начинал скрестись с такой силой, что нам приходилось вызволять его оттуда. А так как комната была совсем маленькая, то, чтобы передвинуть одну вещь, нам по существу приходилось двигать всю мебель. После третьей передвижки Джордж заявил, что он никогда не работал у Картера Патерсона (Американское грузовое

агентство) и не привык к таким усилиям, поэтому лучше уж выпустить Ахиллеса в сад.

Итак, оставался один только Роджер. Конечно, утешительно располагать возможностью поставить свои ноги на его косматую спину, покуда корпишь над задачей, и все-таки мне трудно было сосредоточиться, когда сквозь щели в ставнях в комнату лился солнечный свет и протягивался полосками на столе и на полу, напоминая мне о множестве всяческих дел, которыми я мог бы теперь заняться.

Там, за окном, меня ждали просторные оливковые рощи, наполненные звоном цикад, виноградники на склонах, разделенные замшелыми каменными стенами, по которым сновали расписные ящерицы, густые заросли миртов, усеянные насекомыми, и каменистая пустошь, где стайки нарядных щеглов с радостным свистом перепархивали с одного цветка чертополоха на другой.

Учитывая все это, Джордж благоразумно учредил особые уроки на открытом воздухе. Теперь по определенным дням он стал являться с большим махровым полотенцем, и мы вместе выходили через оливковые рощи на дорогу, покрытую пылью, словно белым бархатом, потом сворачивали в сторону и шли вдоль гребня миниатюрных скал по узенькой козьей тропке, пока она не выводила нас к уединенному заливику с белым песчаным пляжем в форме полумесяца. У самого берега, давая приятную тень, раскинулась рощица приземистых олив. С вершины небольшой скалы вода в этой бухточке казалась такой спокойной и прозрачной, будто ее и вовсе там не было, а рыбы, снующие над рябым, волнистым песком, словно бы парили в воздухе. Сквозь шестифутовый слой прозрачной воды на камнях были видны актинии с поднятыми вверх яркими, нежными щупальцами и раки-отшельники, таскающие за собой свои витые домики.

Сбросив одежду под оливами, мы входили в теплую светлую воду и плыли, лицом вниз, над камнями и водорослями, ныряя иногда, чтобы достать со дна какую-нибудь особенно яркую ракушку или особенно

крупного рака-отшельника с актинией на раковине, похожей на шапочку, украшенную розовым цветком. Кое-где на песчаном дне виднелись вытянутые темные куртинки водорослей-ламинарий, и там среди них жили голотурии, или морские огурцы. Опустив в воду ноги, мы старались разглядеть дно под густым сплетением узких блестящих листьев зеленых и черных водорослей, над которыми мы парили, как ястребы над лесом. В просветах между водорослями лежали голотурии, по виду, наверно, самые противные среди всех обитателей моря. Дюймов шести в длину, они выглядели прямо как раздувшиеся сосиски, покрытые толстой бородавчатой кожей бурого цвета. Эти примитивные, невразумительные создания неподвижно лежали на одном месте, лишь слегка покачиваясь в набегавших волнах, втягивали в себя морскую воду с одного конца тела и выпускали с другого. Обитавшие в воде крохотные растительные и животные организмы отфильтровывались где-то внутри сосиски и поступали в ее несложно устроенный желудок. Не скажешь, что голотурии ведут такую уж интересную жизнь. Они просто монотонно покачиваются да без конца тянут в себя воду. Трудно представить, чтобы они сумели как-то защитить себя или даже нуждались бы в такой защите. И тем не менее у них есть необычный способ выразить свое неудовольствие. Вытащите их из моря, и они без видимых мускульных усилий пустят в воздух струю воды с какого-нибудь конца своего тела.

Вот с этим-то водяным пистолетом мы и придумали игру. Взяв в руки по голотурии, мы заставляли наше оружие выпускать струю, замечали точку, где струя касалась поверхности воды, и быстро плыли туда. Победителем считался тот, кто больше найдет в этом месте разных морских обитателей. Порою, как и во всякой игре, мы начинали горячиться, обвинять друг друга в надувательстве, спорить. Вот тогда голотурии оказывались особенно подходящим оружием, которое можно было направить на противника. Воспользовавшись услугами сосисок, мы потом всегда

водворяли их на прежнее место в подводных зарослях. А когда в другой раз являлись туда снова, все было без изменений. Голотурии лежали точно в таком положении, как мы их оставили, и мирно покачивались из стороны в сторону.

Исчерпав все возможности морских огурцов, мы принимались собирать ракушки для моей коллекции или пускались в долгие дискуссии по поводу найденных нами животных. Иногда Джордж вдруг спохватывался, что все эти занятия, как бы увлекательны они ни были, все же нельзя назвать образованием в строгом смысле слова. Тогда мы переходили ближе к берегу и устраивались на мелком месте. Пока продолжался урок, вокруг нас собирались стайки мелких рыбок и слегка пощипывали наши ноги.

— Итак, французская и английская флотилии сходились для решительного сражения. Когда показался враг, Нельсон стоял на мостике и смотрел в подзорную трубу... О приближении французов он уже был предупрежден дружественной чайкой... Что?.. О, я думаю, что это была большая морская чайка... Так вот, корабли разворачивались друг перед другом... разумеется, в те дни они не могли двигаться с большой скоростью, они ведь были парусные... ни одного мотора, даже подвесного. Английские моряки немного нервничали, потому что французы казались очень сильными. Но когда они заметили, что Нельсон даже не обращает на них внимания, а спокойно сидит на мостике и возится со своей коллекцией птичьих яиц, они решили, что бояться им просто нечего...

Море, как теплое шелковистое одеяло, окутывало мое тело и легонько покачивало его. Волн не было, только слабое, убаюкивающее меня подводное движение, пульс моря. Вокруг моих ног суетились яркие рыбки. Они становились на голову и пытались ухватить мою кожу своими беззубыми челюстями. Среди поникших олив что-то тихо шептала цикада.

— ...и они поспешили унести Нельсона с палубы, чтобы никто из команды ничего не заметил... Он был смертельно

ранен и лежал теперь тут, внизу, а над ним все еще кипела битва. «Поцелуй меня, Харди», — произнес Нельсон свои последние слова и умер. Что? Ах, да. Он уже предупредил Харди, что тот может взять себе коллекцию птичьих яиц, если что-нибудь случится... Так вот, хотя Англия потеряла своего лучшего моряка, битва была выиграна, и это имело важные последствия для Европы...

Мимо залива проплывала облезлая лодка, на корме ее стоял загорелый рыбак в рваных штанах и взмахивал веслом. Подняв руку, рыбак лениво посылал нам приветствие, а весло его, словно рыбий хвост, рассекало спокойное синее море, жалобно поскрипывало в воздухе и с легким чмоканьем погружалось в воду.

5. Паучье сокровище

Однажды, в томительный знойный день, когда все, кроме гремящих цикад, было погружено в сон, мы с Роджером отправились побродить по горам, рассчитывая вернуться домой к вечеру. Сперва наш путь шел через оливковые рощи, испещренные бликами яркого солнечного света, где воздух был горячий и неподвижный, потом деревья остались внизу, а мы, карабкаясь по склону, добрались наконец до голой каменной вершины и сели там передохнуть. Внизу, у наших ног, мирно дремал остров, мерцая в знойной дымке, словно акварель: серо-зеленая листва олив, темные кипарисы, разноцветные скалы у берега и спокойное море, опаловое, синее, нефритовое, с двумя-тремя складочками на гладкой поверхности — в тех местах, где оно огибало скалистые мысы, заросшие оливами. Прямо под нами сиял небольшой заливчик с белым песчаным пляжем в форме полумесяца, заливчик такой мелкий и с таким ослепительным песком на дне, что вода в нем была бледно-голубой, почти белой. После подъема на гору с меня лился пот в три ручья, а Роджер сидел, вывалив язык, с клочьями пены на морде. Мы решили, что лазить теперь по

горам все-таки не стоит, лучше вместо этого пойти искупаться. Быстро спустившись по склону к тихому, безлюдному заливчику, искрившемуся под жгучими лучами солнца, мы в изнеможении погрузились в теплую мелкую воду. Я сидел и копал песчаное дно, вытаскивая иногда гладкий камешек или осколок бутылочного стекла, скатанный и отшлифованный морем до такой степени, что он превратился в изумительный, полупрозрачно-зеленый драгоценный камень. Все эти находки я передавал следившему за моими действиями Роджеру. Он не знал, что с ними делать, однако, не желая меня обидеть, брал их осторожно в зубы, а затем, решив, что я больше на него не смотрю, опять ронял их в воду и тяжело вздыхал.

Пока я обсыхал потом на камне, Роджер носился по мелководью, пытаясь поймать одну из синеперых морских собачек с их надутыми, бессмысленными мордочками. Эти рыбки шныряли среди камней с быстротой ласточек. Запыхавшийся Роджер преследовал их с сосредоточенным видом, не отрывая глаз от прозрачной воды. Слегка обсохнув, я надел штаны и рубашку и окликнул Роджера. Он шел ко мне неохотно, без конца оборачивался назад, провожая взглядом рыбок, по-прежнему снующих у пронизанного солнцем песчаного дна залива. Подойдя поближе, Роджер сильно встряхнулся и обдал меня с ног до головы брызгами, летевшими с его кудрявой шерсти.

После купанья кожа моя покрылась шелковистой корочкой соли, и весь я стал сонным и вялым. Ленивым шагом плелись мы с Роджером от залива к дороге, и тут, почувствовав вдруг сильный голод, я начал соображать, как лучше всего добраться до ближайшего дома, где можно получить еду. Некоторое время я стоял в раздумье на дороге и взбивал ногой облака тонкой белой пыли. Если навестить Леонору, которая, несомненно, живет ближе всех, она даст мне инжиру и хлеба, но будет страшно надоедать разговорами о здоровье своей дочери. Ее дочь, сварливую, хриплоголосую женщину, косящую на один глаз, я совсем не любил, и

поэтому ее здоровье меня не интересовало. Нет, к Леоноре я не пойду. Конечно, это ужасная жалость, потому что у Леоноры самый лучший инжир на многие мили вокруг, но не мог же я из-за черного инжира выносить бог знает что. Если пойти к рыбаку Таки, он, наверно, будет как раз отдыхать и просто крикнет мне из-за плотно прикрытых ставней:

— Проходи, проходи, постреленок. Кристаки скорее всего будут дома и дадут мне поесть, но там придется отвечать на множество скучных вопросов: а что, Англия больше, чем Корфу? Сколько там живет людей? Правда, что все они лорды? На что похож поезд? Растут ли в Англии деревья? И так без конца. Если б сейчас было утро, я бы направился домой прямо через поля и виноградники, собирая по пути обильную дань со своих друзей: оливки, хлеб, виноград, инжир. А под конец сделал бы небольшой крюк и заглянул на поле Филомены, где наверняка бы смог завершить свою трапезу сочным розовым ломтиком арбуза, холодным как лед. Но, к сожалению, теперь было жаркое послеполуденное время, когда почти все крестьяне спят в своих домах за плотно закрытыми дверями и ставнями. Да, задача была трудная, и, пока я ее решал, голод терзал меня все сильнее и я все отчаяннее взбивал ногой пыль на дороге, так что Роджер обиженно чихнул и посмотрел на меня с укоризной.

И вдруг я вспомнил, что как раз вон за той горкой в малюсеньком, ослепительно белом домике живет старый пастух Яни со своей женой. Днем Яни обычно спит около своего дома, в тени виноградных лоз, и если я буду посильнее шуметь, то наверняка разбужу его. А уж если Яни проснется, он не сможет отказать мне в гостеприимстве. На острове не было ни одного крестьянского дома, откуда бы вы могли уйти голодным. Обрадованный, что вспомнил о Яни, я зашагал по неровной каменистой тропке, выбитой козьими копытами вдоль края горы, и направился к долине, где среди огромных стволов олив виднелась красная крыша домика пастуха. Когда мы подошли на достаточно близкое, по моей оценке,

расстояние, я остановился и бросил камешек, чтобы Роджер нашел его и принес мне обратно. Это было любимое развлечение Роджера. Но если уж вы начинали с ним такую игру, ее надо было вести и дальше, иначе Роджер станет прямо перед вами и будет лаять так громко, что вы в полном отчаянии уступите ему. Роджер принес теперь камешек, положил его у моих ног и в нетерпеливом ожидании сделал шаг назад. Уши его насторожились, глаза горели, напряженные мускулы были готовы к действию. Я не замечал ни его, ни камешка. Роджер слегка удивился. Осторожно обследовав камень, он снова посмотрел на меня. Я насвистывал веселую песенку и глядел в небо. Роджер тявкнул для пробы, потом, видя, что я его по-прежнему не замечаю, разразился оглушительным, залившимся лаем, так что эхо раскатилось среди олив. Я дал ему полаять минут пять. Вполне достаточно, чтобы известить Яни о нашем приходе. Потом я бросил для Роджера еще один камешек и, когда тот весело побежал за ним, свернул к домику Яни. Как я и думал, старый пастух расположился на отдых в кружевной тени виноградных лоз, обвивавших железную решетку над головой, однако, к моей величайшей досаде, он крепко спал, развалившись на простом сосновом стуле, наклоненном к стенке под опасным углом. Руки его свесились к земле, ноги были вытянуты вперед, а замечательные усы, оранжево-белые от никотина и старости, вздымались и опадали от храпа, словно какие-нибудь водоросли на легкой волне. Короткие толстые пальцы на руках Яни не шевелились во сне, и мне были видны ногти с тупыми краями, похожие на кусочки стеарина. Его загорелое лицо в глубоких, как на сосновой коре, морщинах, ничего не выражало, глаза были плотно закрыты. Я смотрел на него, стараясь усилием воли заставить его проснуться, но это не помогало. Будить Яни было бы слишком нетактично, и вот я размышлял, стоит ли ждать, когда он сам проснется, или уж лучше идти к Леоноре слушать ее излияния. Как раз в это время из-за угла дома показался искавший меня Роджер. Уши у него были

наострены, язык высунут наружу. Увидев меня, Роджер приветливо вильнул хвостом и огляделся вокруг с видом посетителя, который знает, что он тут желанный гость. Но вдруг он застыл на месте, весь ошетинился, напрягся и начал медленно пробираться вперед, дрожа от возбуждения. Он сразу сумел разглядеть то, чего я не заметил: выгнув спину, под наклоненным стулом Яни сидела большая поджарая серая кошка, глядевшая на нас злыми зелеными глазами. Подскочить к Роджеру и удержать его я не успел. Он уже сделал прыжок. Привычным гибким движением кошка вывернулась из-под стула, пролетела, как метеор, по воздуху и вцепилась острыми когтями в узловатую виноградную плеть, обвивавшую решетку. Притаившись среди гроздьев светлого винограда, кошка смотрела вниз на Роджера и чуть пофыркивала. Сердитый, расстроенный Роджер закинул голову кверху и залился громким лаем, в котором звучали угрозы и оскорбления. Яни открыл глаза. Стул под ним шатнулся, руки замолотили воздух, силясь удержать равновесие. Некоторое время стул неопределенно покачался, а потом с грохотом опустился на все четыре ножки.

— Святой Спиридион, защити меня! — громко воскликнул Яни, и усы его заколыхались, — Господи, спаси нас и помилуй!

Он стал озираться вокруг, пытаясь определить, откуда это взялось столько шума, и заметил меня, сидевшего с притворной скромностью на каменном заборе. Я поздоровался с ним очень ласково и вежливо, как будто ничего не случилось, и спросил, хорошо ли он спал. Яни встал на ноги, улыбнулся, энергично почесал живот.

— А, это от твоего шума у меня раскалывается голова? Будь здоров, будь здоров. Садись, маленький лорд, — он вытер стул и предложил его мне: — Рад тебя видеть. Может, пообедаешь со мной и выпьешь вина? Очень жаркий сегодня день, очень жаркий. От такой жары может расплавиться бутылка.

Он потянулся, громко зевнул, обнажив беззубые, как у

младенца, десны. Потом, повернувшись к дому, закричал: — Афродита... Афродита... проснись... иностранцы пришли... маленький лорд сидит тут у меня... Принеси чего-нибудь поесть... ты меня слышишь?

— Слышу, слышу, — донесся из-за ставней заглушенный голос. Я ни опять обратился ко мне:

— Сегодня собирался гнать своих коз в Гастури. Только было очень жарко, слишком уж жарко. В горах камни так раскалились, что от них можно было прикурить папироску. Поэтому я решил лучше пойти к Таки и попробовать его молодого вина. Святой Спиридион! Что за вино!.. Как будто кровь дракона и само течет в горло... Что за вино! Когда я вернулся домой, воздух совсем меня сморил, вот я и задремал тут.

Он вздохнул глубоко, но без покаяния и достал из кармана помятую жестянку с табаком и серую папиросную бумагу. Его смуглая огрубелая рука вынула щепоть табаку, а пальцы другой руки ловко разровняли его и быстро скрутили папиросу. Оборвав свисающий по концам табак, он бросил его обратно в жестянку и стал прикуривать от большой металлической зажигалки с фитильком, крутившимся, будто рассерженная змея. Подымив с минуту в задумчивости, Я ни смахнул с усов крошки табака и снова полез в карман.

— На вот, возьми, ты ведь интересуешься божьими тварями, — сказал он, доставая из кармана плотно закупоренную бутылочку, наполненную золотистым оливковым маслом. — Посмотри, что я поймал сегодня утром. Притаился под камнем, как сатана. Хитрая bestия, борец. Такого борца больше нет, он может ужалить своим задним концом.

Бутылочка, до краев наполненная маслом, светилась, как бледный янтарь. Внутри нее, в самой середине, был заключен маленький шоколадно-коричневый скорпион с хвостом, загнутым на спину наподобие турецкой сабли. Скорпион был мертв, он задохнулся в своей вязкой могиле. Вокруг его трупики в золотистом масле образовалось легкое, как дымка,

мутное облако.

— Вот, видишь? — сказал Яни. — Это яд. Он весь был наполнен ядом.

Я спросил, зачем надо было сажать скорпиона в масло. Яни довольно хмыкнул и потрогал усы.

— Разве ты не знаешь, маленький лорд? — спросил он весело. — Ты ведь целыми днями ползаешь за ними на животе. Ну ладно, я тебе скажу. Кто знает

— может, это тебе пригодится. Сперва надо поймать скорпиона, живого скорпиона. Лови его осторожно, как перышко в воздухе. Потом положи живого — запомни, живого — в бутылку с маслом. Дай маслу закипеть, пусть он там издохнет, и пусть свежее масло пропитается ядом. А потом, если кто-нибудь из его собратьев вдруг ужалит тебя (да спасет тебя от этого святой Спиридион), потри ужаленное место этим маслом, и тогда оно не станет болеть, жало тебе будет нипочем, все равно что укол булавки.

Пока я переваривал это интересное сообщение, на пороге домика показалось морщинистое лицо Афродиты, алевшее точно зернышко граната. В руках у нее был металлический поднос; где стояла бутылка пива, кувшин воды и тарелка с хлебом, оливками и инжиром. Мы с Яни выпили вина, разведенного водой до бледно-розового цвета, и молча приступили к еде. Несмотря на беззубые десны, Яни откусывал хлеб, жевал его торопливо и проглатывал большими кусками, так что вздувалось его морщинистое горло. Покончив с едой, он отодвинулся от стола, старательно вытер усы и снова принялся за беседу, как будто и не прерывал ее.

— Я знал одного человека, такого же пастуха, как и я сам, который отправился как-то на праздники в дальнюю деревню. На обратном пути, разморенный вином, он решил немножко соснуть и выбрал себе место под миртами. Пока он там спал, из-под листьев выполз скорпион, забрался ему в ухо и ужалил.

В этом драматическом месте Яни остановился, сплюнул

через забор и скрутил себе новую папироску.

— Да, — вздохнул он, — это очень грустно... такой молодой человек. Маленький скорпиончик ужалил его в ухо... жик! — вот так. Бедный парень не находил себе места от боли. Он с криком носился среди оливковых деревьев, ветки царапали ему лицо... Как это было ужасно! Никто не слышал его криков, никто не мог прийти на помощь... ни один человек. Обезумев от боли, он бросился бегом к деревне, но не сумел добежать до нее. Он упал замертво вон там, в долине, недалеко от дороги. Мы нашли его на другое утро, когда отправились на работу в поле. Какой у него был ужасный вид! Ужасный! От такого маленького укуса голова его раздулась, как шар, и он был мертвый, совсем мертвый. Яни горестно вздохнул.

— Вот почему, — продолжал он, вертя в руках бутылочку с маслом, — я никогда не рискую спать в горах. А на случай, если выпью с друзьями и забуду об опасности, у меня всегда с собой бутылка со скорпионом.

Потом разговор перешел на другие, не менее увлекательные предметы, и только примерно через час я поднялся со стула, стряхнул с коленей крошки, поблагодарил старика и его жену за гостеприимство и, получив на прощанье в подарок кисть винограда, отправился домой. Роджер не отступал от меня ни на шаг и не отводил глаз от моего кармана, так как уже успел заметить виноград. Отыскав наконец оливковую рощу, темную и прохладную от длинных вечерних теней, мы сели у мшистого бугорка и разделили виноград поровну. Роджер поедал свои ягоды целиком, вместе с косточками и всем остальным, а я выплевывал косточки во все стороны, образовав вокруг себя кольцо, и с удовольствием воображал, как на этом месте когда-нибудь разрастется пышный виноградник. Покончив с виноградом, я перевернулся на живот и, подперев руками подбородок, принялся исследовать бугорок.

Крохотный зеленый кузнечик с длинной, меланхолической мордочкой беспокойно перебирал своими

задними ножками; хрупкая улитка задумчиво сидела на веточке мха, мечтая о вечерней росе; пухлый алый клещ величиной со спичечную головку пробирался, будто охотник, через моховую чашу. Это был микроскопический мир со своей пленительной жизнью. Пока я наблюдал за медленным продвижением клеща, в глаза мне бросилась одна любопытная вещь. В разных местах на зеленом плюше мохового покрова проступали бледные круглые пятна величиной с монету. Увидеть эти едва приметные кружочки можно было только под определенным углом. Они как будто все время двигались и изменялись, напоминая мне полную луну, выплывавшую из-за облаков. Я лежал и думал, откуда могли взяться эти круги. Они были слишком беспорядочно разбросаны, чтобы принять их за след какого-нибудь животного, да и какое это животное могло разгуливать по такому крутому бугру? К тому же они не были похожи на отпечатки. Я потыкал травинкой в край одного пятна. Все оставалось неподвижным. Тогда я начал думать, что это какая-нибудь особенность самого мха, и снова потыкал один кружок травинкой — на этот раз посильнее. И вдруг у меня засосало под ложечкой от невероятного волнения: мой стебелек травы как будто нащупал скрытую пружину, и весь кружок поднялся, точно крышка люка. К моему удивлению, это и вправду оказалась крышка с аккуратно скошенными краями, подбитая с обратной стороны шелком. Крышка плотно входила в устье тоже обтянутой шелком шахточки, которую она прикрывала. Одна ее сторона прикреплялась к краю люка шелковым клапаном, действовавшим, как дверные петли. Я рассматривал это замечательное произведение искусства и размышлял, кто же его мог создать. В глубине шелкового туннеля мне ничего не удалось разглядеть, и стебель травы тоже ничего там не нащупал. Долго созерцал я это фантастическое жилище, пытаюсь отгадать, какое существо его соорудило. Я подумал, что это какая-нибудь оса, только раньше мне никогда не приходилось слышать, чтобы осы устраивали себе гнезда с потайной дверью. Надо

немедленно выяснить, в чем тут дело. Пойду прямо к Джорджу и спрошу, знает ли он, что это за таинственный зверь такой. Я свистнул Роджеру, который в это время старался выдрать с корнем оливковое дерево, и бодрой рысцой пустился в путь.

К дому Джорджа я подошел, еле переводя дух, и прямо-таки разрывался на части от волнения. Кое-как постучавшись, я ворвался в дом и тут только сообразил, что у Джорджа гости. Около него на стуле сидел человек, которого я сначала принял за брата Джорджа, так как у него тоже была борода. Однако в отличие от Джорджа он был безукоризненно одет: костюм из серой фланели, жилетка, белоснежная рубашка, со вкусом подобранный, хотя и мрачноватый галстук и большие, крепкие башмаки, начищенные до блеска. Я в смущении остановился на пороге, в то время как Джордж окинул меня насмешливым взглядом.

— Добрый вечер, — произнес он. — Судя по тому, с какой скоростью ты сюда влетел, можно думать, что тебя интересуют не дополнительные занятия.

Я извинился за вторжение, а потом рассказал Джорджу про странные гнезда.

— Вот хорошо, что вы здесь, Теодор, — обратился Джордж к своему бородатому собеседнику. — Теперь я могу передать этот вопрос в руки специалиста.

— Ну уж, специалиста... — возразил человек по имени Теодор. — Джерри, это доктор Теодор Стефанидес, — сказал Джордж. — Он знает почти все, о чем ты только можешь спросить, он сам тебе расскажет. Так же, как и ты, он помешан на природе. Теодор, это Джерри Даррелл.

Я вежливо поздоровался, но, к моему удивлению, бородатый человек встал с места, быстро прошел по комнате и протянул мне большую белую руку.

— Очень рад познакомиться, — сказал он, явно обращаясь к собственной бороде, и смущенно взглянул на меня своими лучистыми голубыми глазами.

Я пожал его руку и ответил, что тоже очень рад с ним

познакомиться. Потом мы оба стояли в неловком молчании, а Джордж смотрел на нас и улыбался.

— Ну что, Теодор? — сказал он наконец. — Как вы думаете, кто соорудил эти странные тайники?

Теодор заложил руки за спину, поднялся несколько раз на носках, так что его ботинки протестующе скрипнули, и принялся внимательно разглядывать пол.

— Ну... э... — произнес он, неуверенно подбирая слова. — Сдается мне, что это могут быть норки земляного паука... э... — вид, вполне обычный здесь, на Корфу... то есть, если я говорю обычный, это значит, что мне встретилось около тридцати или... э... сорока экземпляров за то время, пока я тут живу. — А-а! — сказал Джордж. — Вы говорите, земляные пауки? — Да, — ответил Теодор. — Мне кажется, что это именно они и есть. Впрочем, я мог и ошибиться.

Чуть скрипнув ботинками, он поднялся на носки, опустил снова и посмотрел на меня проникновенным взглядом.

— Если они не очень далеко, то, может, нам лучше пойти туда и проверить, — осмелился он предложить. — То есть, я хотел сказать, если у тебя нет других дел и если это не очень далеко...

Его голос замолк на вопросительной ноте. Я сказал, что это не так уж далеко, как раз у самой горы.

— Гм, — произнес Теодор.

— Не позволяйте ему таскать себя по всему острову, — вмешался Джордж. — Еще недоставало, чтобы вас гоняли по горам и долам.

— Да нет, нет, — ответил Теодор. — Я как раз собирался уходить и вполне бы мог пройтись домой пешком. Это совсем не трудно для меня.: э... я срежу путь до Канони через оливковые рощи.

Он надел свою изящную серую шляпу и, расставаясь с Джорджем, крепко тряхнул ему руку.

— Благодарю за восхитительный чай, — сказал он на прощанье и тяжелой поступью направился по тропинке рядом

со мной. По дороге я украдкой разглядывал Теодора. У него был прямой, хорошей формы нос, насмешливые губы, скрытые пепельной бородой, а из-за прямых, довольно пушистых бровей на мир глядели пронизательные глаза, смягченные веселым огоньком и добрыми морщинками в уголках. Теодор шел бодрым шагом, что-то напевая про себя. Когда мы проходили канаву со стоячей водой, он на минуту остановился, чтоб заглянуть в нее.

— Гм, — поспешил он поделиться со мной. — *Daphia magna*. Потом пригладил большим пальцем растрепавшуюся бороду и снова пустился в путь.

— К сожалению, — сообщил он мне, — я приходил сюда в гости... э... к моим друзьям и поэтому не захватил с собой коллекционной сумки. Досадно, потому что в этой канаве может оказаться кое-что интересное.

Когда мы свернули с довольно ровной дороги и пошли по каменистой козьей тропке, я ожидал протеста, однако Теодор шагал за мной с прежней бодростью, продолжая напевать себе под нос. Наконец мы вступили в темную оливковую рощу. Я подвел Теодора к моховому бугру и показал таинственный люк. Теодор разглядывал его, прищурив глаза. — Ага, произнес он, — да... гм... да.

Вынув из жилетного кармана маленький перочинный ножик, он легонько поддел кончиком лезвия дверцу люка и отворил ее. — Гм... да, — повторил он. — *Steniza*.

Заглянув в отверстие, Теодор подул туда и снова захлопнул дверцу.

— Да, это норки земляных пауков, — сказал он. — Только в этой, видимо, никто не живет. Обычно паук упирается в крышку погребка ногами или, вернее, коготками и прижимает ее так крепко, что, если вы захотите открыть ее, надо действовать очень осторожно, иначе она сломается. Гм... да... это, конечно, норки самок. Самец роет такую же норку, только раза в два меньше.

Я сказал, что это самые замечательные постройки, какие мне приходилось видеть.

— Ага, — отозвался Теодор. — Конечно, они замечательные. Но вот что меня всегда удивляет: как это самка узнает о приближении самца?

Я заморгал глазами, а Теодор взглянул на меня, покачался на носках и продолжал:

— Паук, конечно, сидит внутри своей норки и дожидается, пока какое-нибудь насекомое — муха, кузнечик или еще кто-нибудь — не окажется поблизости. Вероятно, паук как-то умеет определять, достаточно ли близко насекомое, чтобы его схватить. Если оно близко, паук... э... выскакивает вдруг из своего убежища и хватает беднягу. Ну вот, а когда самец разыскивает самку, он ведь тоже должен пробираться к погребку через мох, и я часто думаю, почему же его никогда... э... не сожрет по ошибке самка. Конечно, возможно допустить, что его шаги звучат иначе. А может, он умеет издавать... ну, знаешь... какой-нибудь звук, и самка узнает его.

На обратном пути мы оба молчали, а когда дошли до того места, где тропка разветвлялась, я остановился и сказал, что здесь нам надо расстаться.

— Да, да, до свиданья, — ответил Теодор, разглядывая кончики своих ботинок. — Очень рад был с тобой познакомиться.

С минуту мы постояли в молчании. Вероятно, Теодор всегда чувствовал сильное смущение, когда ему приходилось здороваться или прощаться с людьми. Еще с минуту он упорно продолжал глядеть на ботинки и наконец протянул мне руку.

— До свиданья,-серьезно сказал он.-Я... э... я надеюсь, что мы еще встретимся.

Он повернулся и, размахивая тростью, зашагал вниз по склону. Я глядел ему вслед, пока он не скрылся из виду, а потом медленно побрел к себе домой. Теодор привел меня в смущение и в то же время вызвал восторг. Во-первых, он казался мне личностью необыкновенно значительной, так как, без сомнения, был очень крупным ученым (я мог судить об

этом по его бороде) и, в сущности, это был единственный человек из всех, кого я до сих пор встречал, разделявший мою любовь к зоологии. Во-вторых, мне было чрезвычайно лестно, что он обращался и разговаривал со мной так, будто мы были одного возраста. У нас в семье со мной никто не говорил снисходительно, и я всегда не любил тех людей, кто пробовал это делать. Но Теодор обращался со мной как с равным не только по возрасту, но и по знаниям.

Всю дорогу у меня не выходило из головы то, что он рассказал мне о земляном пауке. Я пытался представить, как паук сидит у себя в шелковом погребке, держит крышку изогнутыми лапами и прислушивается к движениям насекомых наверху. Интересно, как это все звучит для паука? Я мог вообразить, что улитка, переползающая по моховому покрову, производит такой звук, словно кто-то потихоньку отдирает липкий пластырь, а сороконожка топает, наверно, как целая конница. Быстрые, семенящие шажки мухи прерываются вдруг паузой, когда муха начинает мыть передние лапки — тупой, режущий звук, будто точильщик ножей пустил в ход свое колесо. Большие жуки, решил я, грохочут, как паровые катки, а жуки помельче — божьи коровки там и всякие прочие — те, наверно, ползут по моховому ковру с шуршанием заводных автомобильчиков. Поглощенный такими мыслями, я шагал в наступающих сумерках через поля, собираясь рассказать дома о своем новом открытии и о знакомстве с Теодором. Я надеялся встретиться с ним снова, так как мне надо было задать ему тысячи всяких вопросов, но боялся, что он не станет тратить на меня время. Однако я ошибся. Через два дня Лесли, вернувшись из города, передал мне небольшой пакет.

— Встретил бородатого франта, — коротко объявил он. — Ну, знаешь, того ученого парня. Сказал, что это для тебя.

Я с недоверием посмотрел на пакет. Неужели для меня? Нет, должно быть, здесь какая-то ошибка. Не станет же такой видный ученый посылать мне посылки. Я перевернул пакет и

на обратной стороне увидел свое имя, написанное мелким, аккуратным почерком. В волнении я поспешил сорвать бумагу. Внутри оказалась небольшая коробка и письмо.

Дорогой Джерри Даррелл, после нашей недавней беседы я подумал, что тебе для исследования местной природы неплохо было бы иметь какой-нибудь увеличительный прибор. Поэтому я решил послать этот карманный микроскоп в надежде, что он тебе пригодится. У него, конечно, не очень сильное увеличение, но ты увидишь, что для работы в поле оно достаточно.

Желаю тебе всего хорошего, искренне твой Тео Стефанидес Р. §. Если в четверг ты ничем не занят и захочешь прийти ко мне на чашку чая, я смогу показать тебе свои кое-какие препараты.

6. Чудесная весна

В последние дни уходящего лета и в течение всей теплой, влажной зимы наши чаепития у Теодора стали постоянными. Каждый четверг я набивал карманы спичечными коробками и пробирками со всякой живностью, и Спиро отвозил меня в город. Такое свидание я не променял бы ни на что в мире. Теодор принимал меня в своем кабинете, который пришелся мне очень по вкусу. Именно такой, в моем представлении, и должна быть комната ученого. Все стены уставлены высокими книжными шкафами, где собраны тома по биологии пресных вод, ботанике, астрономии, медицине, фольклору и другим таким же важным и увлекательным предметам и вперемежку с ними — разные детективные романы. Шерлок Холме, таким образом, оказывался здесь ближайшим соседом Дарвина, а Ле Фаню стоял плечом к плечу с Фабром. Так оно, на мой взгляд, и должно было быть в хорошей библиотеке. У одного окна, задрав к небу нос, точно воющая собака, стоял телескоп Теодора, а на всех подоконниках красовались банки и бутылки, где среди нежной зелени водных растений крутилась и вертелась

мелкая пресноводная фауна. С одной стороны стоял огромный письменный стол, заваленный газетными вырезками, микроснимками, пачками рентгеновских снимков, календарями и записными книжками. На другой стороне был столик для микроскопа с мощной лампой, склонившейся, словно лилия, на своей подвижной ножке над плоскими ящичками, где у Теодора хранились препараты. А сам микроскоп, сиявший, как именинник, был накрыт стеклянными колпаками в виде ульев.

—Мое почтение,-приветствовал меня Теодор, как будто я был незнакомым ему человеком, и пожимал мне руку в своей обычной манере — резко дергал ее книзу, словно проверял прочность узла на веревке. Покончив с формальностями, мы могли переключать свое внимание на более важные вещи.

— Как раз перед твоим приходом,— сообщал Теодор, — я просматривал препараты и отыскал среди них то, что могло бы тебя заинтересовать. Это ротовые части крысиной блохи... понимаешь ли, *Ceratophyllus fasciatus* . Постой, я сейчас наведу микроскоп... Ну вот... видишь? Очень интересно. Я хочу сказать, что это похоже на человеческое лицо, правда ведь? А вот тут другое... э... предметное стекло. Очень занятное. Вот, смотри. Это прядильный орган садового паука, или паука-крестовика... э... по-латыни *Epeira fasciata*. И мы, забыв все на свете, склонялись с ним над микроскопом и увлеченно обсуждали одну тему за другой. Если Теодор не мог ответить на все мои многочисленные вопросы, у него для этого были книги. В книжных шкафах начинали появляться просветы, Теодор вынимал оттуда для справки том за томом, и около нас постепенно выростала целая гора книг.

— А это вот циклоп... *Cyclops viridis* ... Я поймал его как-то около Говино. Это самка с яичными сумками. Я сейчасотрегулирую... ты сможешь очень хорошо рассмотреть яички... А теперь я помещу ее в пробирку... э... гм... тут вот еще несколько видов циклопов, найденных на Корфу.

В кружке яркого белого света появляется странное существо. Грушевидное тело, длинные усики дрожат в негодовании, хвост как веточка вереска и с каждой стороны (словно переброшенные через спину осла мешки с луком) две большие сумки, набитые розовыми бусинками.

— ...называются они циклопами потому, что у них, как ты можешь видеть, всего один глаз посреди лба. То есть посреди того, что могло бы быть лбом, если б циклопы его имели. В греческой мифологии циклоп был из тех великанов... с одним глазом. Они ковали для Гефеста железо.

За окном теплый ветер трогал скрипучие ставни, а по оконному стеклу, будто прозрачные головастики, катились друг за другом дождевые капли.

— Ага! Удивительно, что ты об этом заговорил. У крестьян в Салониках есть такое же... э... суеверие. Нет, не только суеверие. Тут у меня в одной книге очень интересно рассказано о вампирах в... гм... Боснии. Видимо, местные жители...

Приносили чай, пирожные с пышным слоем крема, горячие гренки под пеленой тающего масла. Сияли чашки, легкий пар поднимался из носика чайника.

— ...но, с другой стороны, нельзя утверждать, что на Марсе не может быть жизни. Мне кажется, какие-то формы жизни там будут найдены... э... открыты, если нам удастся когда-нибудь туда попасть. Только не надо думать, что любая форма жизни, найденная там, будет сходна...

Теодор сидел за столом в своем изящном костюме из твида и медленно, методично жевал гренки. Борода его распушилась, в глазах всякий раз вспыхивал огонь, как только в наш разговор вплеталась новая тема. Запас его знаний казался мне неистощимым. Это был настоящий кладезь премудрости, и я без усталости черпал из него. Чего бы мы ни коснулись в нашей беседе, Теодор обо всем мог рассказать что-нибудь интересное.

Наконец Спиро подавал мне с улицы громкие сигналы, и я с сожалением поднимался из-за стола.

— До свиданья, — говорил Теодор, дергая мне руку. — Рад был повидаться с тобой... э... нет, нет,нисколько. Жду тебя в четверг. Когда наладится погода... э... будет не так мокро... словом, весной... мы сможем совершать с тобой прогулки... поищем что-нибудь... В канавах в Вальде-Роба встречается кое-что интересное... гм, да... Ну, до свиданья... Не стоит.

Весело насвистывая песенку, Спиро вез меня домой по темной, мокрой дороге, а я сидел рядом с ним и мечтал о весне, мечтал о тех замечательных животных, которых мы с Теодором будем ловить.

Теплый ветер и зимние дожди в конце концов так отполировали небо, что, когда наступил январь, оно засияло ясной, нежной голубизной, той самой голубизной, какою светятся маленькие язычки пламени, пожирающие стволы олив в ямах, где выжигают древесный уголь. Ночи стояли тихие и прохладные, луна на небе была совсем тусклая, и на море от нее ложились лишь едва приметные серебряные блики. После бледной, прозрачной зари в небо, будто гигантский кокон, поднималось закутанное в дымку солнце и обрызгивало остров тонкой золотой пылью.

С мартом пришла весна. Остров покрылся цветами, заблагоухал, заиграл светлой зеленью. Кипарисы, всю зиму со свистом метавшиеся по ветру, стояли теперь прямые и гладкие, под легким плащом из зеленовато-белых шишечек. Всюду цвели восковые желтые крокусы, кучками выбивались среди корней деревьев, сбегали по откосам речных берегов. Под кустами миртов гиацинты набирали свои похожие на фуксиновые леденцы бутоны, а по дубовым чащам разлилась синеватая дымка буйно цветущих ирисов. Хрупкие, нежные анемоны распускали кремовые венчики с винно-красным отливом по краям. Лютики, чина, асфодели и сотни других цветов сплошь покрывали теперь поля и леса. Даже тысячелетние оливы, согнутые и дуплистые, украсились кистями мелких кремовых цветков, скромных и все же нарядных, как и подобает в их почтенном возрасте. Да, уж

это была весна так весна: весь остров дрожал и гудел от ее шагов, все живое откликалось на ее приход. Это узнавалось по сиянию цветочных лепестков, по яркости птичьих перьев, по блеску в темных влажных глазах деревенских девушек. Среди сочной зелени в залитых водой канавах гремел восторженный хор лягушек. В деревенских кофейнях вино словно бы потемнело и стало как-то хмельней. Загрубелые, шершавые пальцы перебирали струны гитары с какой-то удивительной мягкостью, а звучные голоса распевали живую веселую песенку.

На нашу семью весна действовала по-разному. Ларри купил себе гитару и большой бочонок крепкого красного вина. Теперь он отрывался иногда от работы, брэнчал на гитаре и мягким голосом пел старинные романсы, все время подливая себе в стакан. Это навевало на Ларри меланхолию, песни его становились все печальнее, и после каждой из них он делал передышку, чтобы сообщить, если кто-либо из нас оказывался поблизости, что весна для него означает не начало нового года, а смерть старого. Кончину, говорил он, извлекая из гитары зловещие звуки, и начинал зевать все сильнее.

Как-то вечером мы все ушли из дому, оставив Ларри наедине с мамой. Весь вечер он пел песни, одну заунывнее другой, и это в конце концов вызвало у обоих острый приступ тоски. Они попробовали смягчить ее вином, но, к сожалению, результат получился обратный, так как оба не привыкли к крепким винам Греции. Вернувшись домой, мы были несколько удивлены, что мама встречает нас на пороге дома с фонарем в руках. С большим достоинством и точностью она сообщила нам, что хочет быть похороненной под кустами роз. Новизна этого сообщения заключалась в том, что для погребения останков было выбрано такое доступное место. Мама уже потратила немало времени, выбирая места, где ее похоронят, но все они были расположены в такой невероятной дали, что нам всегда представлялась похоронная процессия, свалившаяся у дороги без сил еще задолго до конца пути.

Но, если не считать таких случаев, весна для мамы означала бесконечное множество свежих овощей, с которыми она экспериментировала, и изобилие новых цветов в саду, так восхищавших ее. Из кухни стало поступать потрясающее количество новых блюд — супов, тушений, закусок, приправ — и каждое из них было сочнее, душистее и экзотичнее, чем предыдущее. У Ларри начались нелады с желудком. Презируя простейшее лекарство — есть поменьше, — он запасся огромной банкой соды и торжественно принимал определенную дозу всякий раз после еды.

— Зачем столько есть, милый, если это тебе вредит? — спросила мама.

— Если бы я ел меньше, это было бы неуважением к твоему кулинарному искусству, — ответил Ларри елейным голосом.

— Ты ужасно толстеешь, — заявила Марго. — Это тебе не на пользу.

— Ерунда! — с беспокойством произнес Ларри. — Я вовсе не толстею. Мама, скажи?

— Пожалуй, ты прибавил немного в весе, — решила мама, окидывая его критическим взглядом.

— А все по твоей вине, — необдуманно сказал Ларри. — Без конца соблазняешь меня этими ароматными блюдами. Дело дойдет до язвы. Надо переходить на диету. Марго, ты можешь предложить мне хорошую диету?

— Конечно, — сказала Марго, с восторгом обращаясь к своей излюбленной теме. — Попробуй диету из апельсинового сока и салата. Это очень полезно. А можешь сесть на молоко и сырые овощи. Тоже очень полезная диета, но отнимает много времени. Есть еще диета из вареной рыбы и черного хлеба. Только я пока не знаю, что это такое, я ее еще не пробовала.

— Бог мой! — воскликнул совершенно потрясенный Ларри. — И это называется диетой?

— Да, — серьезно ответила Марго. — И все они очень полезны.

— Ну нет! — твердо сказал Ларри. — Не стану я этого делать. Я не какое-нибудь копытное, чтобы мерами изгрызать сырые фрукты и овощи. Вы все должны примириться с тем, что я уйду от вас в молодые годы, погибнув от ожирения сердца.

В следующий раз он принял большую порцию соды перед едой и потом жаловался, что вся пища имеет какой-то странный вкус.

На Марго весна всегда действовала скверно. Заботы о внешности, и без того имевшие для нее первостепенное значение, стали теперь настоящим безумием. Спальня ее была сплошь завалена кипами выстиранной и выглаженной одежды, а кругом на веревках болталось еще множество всяких только что постиранных вещей. Марго носилась по дому с грудями прозрачного белья и флаконами духов, и всюду слышалось ее нескладное пение. Она ловила каждый удобный случай, чтобы юркнуть вдруг в ванную, взметнув за собой белый вихрь полотенец. А уж оттуда ее нельзя было вытянуть никакими силами. Все мы по очереди кричали и колотили в дверь и в ответ всякий раз слышали заверения, что она уже почти готова. Заверения эти, как мы знали по горькому опыту, вовсе ничего не значили. Но вот наконец Марго появлялась перед нами вымытая до блеска и, напевая, уходила загорать в оливковые рощи или же спускалась к морю купаться. В одну из таких экскурсий она встретила на берегу невероятно красивого турка. По своей скромности Марго никому не сообщила о частых свиданиях с этим красавцем, думая, как она объясняла потом, что для нас это будет неинтересно. Обнаружил все, разумеется, Спиро. Он неустанно пекся о благоденствии Марго с ревностным участием сенбернара, и ей почти никогда не удавалось ничего сделать, о чем бы не проведал Спиро. Теперь он постарался застать маму утром на кухне одну, осторожно огляделся, убеждаясь, что их никто не подслушивает, глубоко вздохнул и открыл тайну.

— Мне очень не хочется говорить вам об этом, миссис

Даррелл, — пробурчал он, — но я думаю, что вы должны это знать.

Мама уже давно привыкла к заговорщицкому виду Спиро, когда он приносил о нас какие-нибудь вести, и теперь это ее больше не тревожило.

— Ну, что у тебя на этот раз? — спросила мама. — Мисси Марго, — сказал огорченный Спиро. — А что с нею? Спиро тревожно оглянулся.

— Вы знаете, что она встречается с мужчиной? — спросил он дрогнувшим шепотом.

— С мужчиной? А... э... Да, знаю, — отважно солгала мама. Спиро поддернул брюки и подался вперед. — А вы знаете, что это турок? — спросил он свирепым голосом. — Турок? — рассеянно откликнулась мама. — Нет, я не знала, что он турок. А что в этом плохого? Спиро был потрясен.

— Боже мой, миссис Даррелл, что в этом плохого? Он же турок! А этим сукиным сынам нельзя доверять девушек. Он перережет ей горло, вот что он сделает. Клянусь вам, миссис Даррелл, это опасно. Мисси Марго плавает с ним.

— Ладно, Спиро, — успокоила его мама. — Я поговорю с Марго. — Я только думал, что вам это надо знать, вот и все. Но вы не волнуйтесь... Если этот тип сделает что-нибудь мисси Марго, я его поставлю на место, — серьезно уверял ее Спиро.

Получив такие сведения, мама пересказала их Марго, в несколько менее жутком тоне, чем Спиро, и посоветовала пригласить юного турка к чаю. Обрадованная Марго побежала за турком, а мама тем временем испекла на скорую руку пирог, немного коржиков и предупредила всех нас, чтобы мы вели себя прилично. Турок оказался высоким молодым человеком с курчавыми волосами и парадной улыбкой, в которой было очень мало юмора и очень много снисходительности. В нем чувствовалось хладнокровие самодовольного, вкрадчивого мартовского кота. Молодой человек прижал мамину руку к губам, будто оказывал ей честь, и щедро рассыпал улыбки для остальных. Чувствуя, как

мы все ошетиливаемся, мама отчаянно бросилась на выручку.

— Рада вас видеть в доме... давно собиралась... все нет времени, знаете... дни так летят... Марго много нам о вас рассказывала... попробуйте коржик, — говорила она, не переводя дыхания, и с ослепительной улыбкой передавала ему кусок пирога.

— Очень приятно, — пробормотал турок, обращаясь не то к нам, не то к самому себе. Наступило молчание.

— Он здесь на каникулах, — сообщила вдруг Марго, как будто в этом было что-то необыкновенное.

— В самом деле? — язвительно спросил Ларри. — На каникулах? Потрясающе!

— Я был однажды на каникулах, — выговорил Лесли, еле прожевывая пирог. — Очень хорошо это помню. Мама старалась за всем следить и нервно передвигала чашки. — Сахару? — спросила она мелодичным голосом. — Вам положить еще сахару? — Да, пожалуйста.

Снова наступило молчание, и мы все смотрели, как Марго разливает чай и усиленно старается придумать тему для разговора. Наконец турок обратился к Ларри.

— Вы, кажется, пишете? — спросил он совершенно равнодушно. Глаза Ларри сверкнули. Заметив признаки опасности, мама немедленно вступила в разговор, прежде чем Ларри успел ответить.

— Да, да, — улыбнулась она. — Он все пишет, день за днем. Непрестанно стучит на машинке.

— Мне всегда казалось, — заметил турок, — что я смогу отлично писать, если попробую.

— В самом деле? — откликнулась мама. — Да, тут, я думаю, нужен талант, как и во многом другом.

— Он хорошо плавает, — сообщила Марго. — Заплывает ужасно далеко.

— Я не боюсь, — скромно сказал турок. — Я очень хорошо плаваю, поэтому не боюсь. На лошади я тоже не боюсь, потому что хорошо езжу верхом. Я могу отлично управлять парусной лодкой во время тайфуна и тоже не

боюсь.

Он не торопясь попивал свой чай и с одобрением глядел на наши лица, где видел благоговение.

— Вот видите, — пояснил он на тот случай, если мы упустили главное. — Вот видите, я не из трусливых.

На другой день после чаепития Марго получила от турка записку с предложением пойти с ним вечером в кино. — Как ты думаешь, мне надо пойти?

— спросила она у мамы. — Иди, если тебе хочется, милая, — ответила мама и твердо добавила: — Но только скажи ему, что я тоже пойду. — Веселенький тебя ждет вечером, — заметил Ларри. — Пожалуйста, мама, не ходи, — запротестовала Марго. — Это покажется подозрительным.

— Глупости, милая, — неуверенно ответила мама. — Турки привыкли ко всяким стражам... вспомни только их гаремы.

В тот вечер, принарядившись, мама и Марго вышли вместе из дому. В городе был один-единственный кинотеатр под открытым небом, и все мы рассчитывали, что представление должно закончиться уж в крайнем случае к десяти часам. Ларри, Лесли и я с нетерпением ждали их возвращения. В половине второго ночи Марго и мама, полумертвые от усталости, вошли в дом и без сил повалились на стулья.

— О, так вы вернулись? — сказал Ларри. — А мы уж тут думали, что вы умчались вместе с ним, разъезжаете теперь по Константинополю на верблюдах и ветерок играет вашей чадрой.

— Какой ужасный вечер, — сказала мама, сбрасывая туфли. — Просто кошмар.

— Что случилось? — спросил Лесли.

— Уж одни его духи чего стоят, — сказала Марго. — Они сразу убили меня наповал.

— Мы сидели так близко к экрану, что у меня разболелась голова. Народу набилось, как сельдей в бочке. И в довершение всего меня стала кусать блоха. Тут нет ничего

смешного, Ларри. Я просто не знала, куда деваться. Проклятая блоха забралась мне под одежду, и я чувствовала, как она там бегаёт. Нельзя было по-настоящему почесаться, это выглядело бы неприлично. Я старалась прижаться к спинке сиденья. Он, наверно, это заметил... потому что все время как-то косился на меня. Потом, в перерыве, он вышел и вернулся с отвратительными восточными сладостями, мы все обсыпались сахарной пудрой, и меня начала мучить жажда. Во время второго перерыва он принес цветы. Ну, скажите на милость, цветы в середине фильма. Вот букет Марго, на столе.

Мама показала на большой букет весенних цветов, перевязанный цветными лентами. Порывшись в сумочке, она вынула из нее букетик фиалок, имевший такой вид, будто он побывал под копытами лошади. — Вот, — сказала она, — мои цветы.

— Но хуже всего была обратная дорога, — заметила Марго. — Просто ужасная, — согласилась мама. — Когда мы вышли из кинотеатра, я полагала, что мы возьмем такси. Не тут-то было! Он затиснул нас на извозчика, и притом со всякими ароматами. Просто безумие проехать весь этот путь на извозчике. А мы ехали целую вечность, потому что бедная лошадь уже выбилась из сил. Всю дорогу я старалась быть любезной, умирая от желания почесаться и от жажды. А этот дурень с улыбкой глядел на Марго и распевал любовные песни. Так бы и пристукнула его. Мне казалось, что конца пути не будет, даже у своего холма мы не смогли избавиться от турка. Он объявил, что в это время года кругом в зарослях полно змей, и пошел нас провожать со здоровенной палкой. Только когда он наконец ушел, я могла вздохнуть свободно. Знаешь, Марго, впредь ты должна выбирать себе приятелей поосторожней. Второй раз я этого не вынесу. Я так боялась, что он окажется у самой двери, и нам тогда придется пригласить его в дом. — Да, не очень-то ты была грозным стражем, — сказал Ларри. Для Лесли наступление весны означало мягкий свист крыльев горлиц и вихирей или

внезапное появление какой-нибудь еще дичи среди зарослей миртов. Он исходил все охотничьи магазины, вел разговоры со специалистами и наконец явился домой, с гордостью показывая нам двустволку. Лесли сразу унес ее в свою комнату, разобрал на части и стал чистить, а я стоял рядом и не отводил восхищенного взора от блестящих стволов и ложа, с удовольствием вдыхая тяжелый запах смазочного масла.

— Правда ведь, красotka? — говорил он с умилением, обращаясь скорее к себе, чем ко мне. — Правда ведь, душечка?

Лесли с нежностью погладил свое красивое ружье, потом, вскинув его вдруг к плечу, начал целиться в воображаемую стаю птиц под потолком.

— Паф! Паф!.. — восклицал он, слегка ударяя прикладом в плечо. — Левый, правый, и они на земле.

Он в последний раз обтер ружье масляной тряпкой и осторожно поставил в угол, рядом со своей кроватью.

— Поохотимся завтра на горлиц, а? — продолжал он, разрывая пакет и вытряхивая на постель алые патроны. — Они начинают появляться около шести. Вон тот пригорок за долиной как раз подходящее место.

И вот мы шагаем с ним на заре сквозь туман через притихшие оливковые рощи вверх по склону долины, где ветки миртов гнутся под тяжестью росы, и взбираемся на вершину пригорка. Мы стоим среди виноградных лоз, ожидая, когда совсем рассветет и появятся птицы. Неожиданно бледное утреннее небо покрывается черными точками, они движутся с быстротою стрелы, и мы уже слышим трепет крыльев. Лесли ждет. Он стоит, широко расставив ноги, прижав ружье к бедру, и напряженно следит за птицами. А птицы все приближаются и приближаются, и вот они уже над нами и сейчас скроются за серебристыми верхушками олив позади нас. В самый последний миг ружье плавно поднимается к плечу, блестящие стволы обращаются в небо. Легкий толчок и звук выстрела, словно треснула ветка в тихом лесу. Горлица, которая еще секунду назад неслась в

стремительном полете, безжизненно падает на землю, а в воздухе кружатся мягкие светло-коричневые перья. Когда на поясе у Лесли болталось уже пять окровавленных птиц, он зажал ружье под мышкой, закурил сигарету и надвинул шляпу прямо на глаза.

— Пошли, — сказал он. — Хватит с нас. Дадим этим беднягам передышку.

Мы возвращались через рощи, уже освещенные солнцем, где среди листвы виднелось множество зябликов — будто сотни монеток были нанизаны на ветвях. Пастух Яни выгонял на пастбище своих коз. Его темное лицо с большими желтыми от никотина усами осветилось улыбкой, из-под тяжелых складок овчинной накидки высунулась узловатая рука и поднялась над головой.

— Херете, — произнес он своим низким голосом красивое греческое приветствие. — Херете кирие... будь счастлив.

Козы разбрелись среди оливок и громким меканьем окликали друг друга, впереди ритмично позвякивал колокольчик вожака. Звонко заливались зяблики, а в миртах, выставив свою грудь, словно мандарин, выводила тонкую трель малиновка. Пропитанный росой остров искрился в лучах утреннего солнца, всюду кипела жизнь. Будь счастлив. Что же, кроме счастья, можно было испытывать в такое время года?

Разговор

Как только мы устроились на острове и стали наслаждаться спокойной жизнью, Ларри с обычным для него благодушием написал всем своим друзьям и пригласил их в гости. Очевидно, ему и в голову не пришло, что в доме едва хватало места для нас самих.

— Я пригласил тут кое-кого приехать к нам на недельку, — сообщил он маме как-то мимоходом. — Очень

приятно, милый, — опрометчиво ответила мама.

— Мне кажется, нам не мешает иметь вокруг себя умных, живых людей. Мы не должны тут закисать.

— Надеюсь, они не слишком заумные интеллигенты? — Господи, мама! Разумеется, нет. Это очень простые, милые люди. Не понимаю, откуда у тебя такая неприязнь к интеллигентам?

— Не люблю я их, — жалобно ответила мама. — Сама я не отличаюсь ученостью и не могу вести разговоры о поэзии и прочем. А эти люди, кажется, воображают, что, поскольку я твоя мать, я могу пространно рассуждать с ними о литературе. И они всегда приходят задавать мне свои глупые вопросы как раз в то время, когда я особенно занята на кухне.

— Я не заставляю тебя спорить с ними об искусстве, — вспыхнул Ларри, — но, мне кажется, ты могла бы не показывать своего пристрастия к скверной литературе. Я завалил весь дом настоящими книгами, а твой столик в спальне просто ломится под тяжестью томов по кулинарии и садоводству и этих вульгарных книжек о сыщиках. Не понимаю, где ты их только достаешь?

— Это очень хорошие детективы, — защищалась мама. — Мне приносит их Теодор.

Сердито вздохнув, Ларри снова принялся за свою книгу. — Ты бы лучше сообщил в «Швейцарский пансионат», когда они приезжают, — заметила мама. — Для чего? — удивился Ларри.

— Чтобы там забронировали номера, — с неменьшим удивлением ответила мама.

— Но я их пригласил к себе домой, — пояснил Ларри. — Ларри! Ну как ты мог?! Это же безрассудство. Разве они могут здесь остановиться?

— Я просто не понимаю, из-за чего тебе так волноваться, — холодно ответил Ларри.

— Но где же они будут спать? — все больше расстраивалась мама. — Ты же видишь, что тут и нам едва хватает комнат.

— Все это чепуха, мама. Комнат тут вполне достаточно, если как следует организовать дело. Марго и Лесс могут спать на веранде, вот тебе уже две комнаты. Вы с Джерри переходите в гостиную и освобождаете еще две комнаты.

— Какая ерунда, милый. Мы не можем устроить здесь цыганский табор. К тому же ночи еще холодные, и Марго с Лессом не будут спать на улице. В доме просто нет места для гостей. Так что ты напиши этим людям и постарайся отговорить их.

— Я не могу их отговорить, — сказал Ларри. — Они уже выехали.

— Ты просто невыносим, Ларри! Почему же ты мне раньше не сказал! Когда люди уже на пороге, говорить поздно.

— Я не предполагал, что ты отнесешься к приезду нескольких друзей как к грандиозной катастрофе.

— Но ты же должен знать, милый, что нельзя приглашать людей, если в доме для них нет места.

— Ах, мама, перестань, пожалуйста, — разозлился Ларри. — Из всего этого есть очень простой выход. — Какой же? — с тревогой спросила мама. — Ну, если в доме не хватает места, надо переехать в другой, где будет хватать.

— Подумай, что ты говоришь! Где это слыхано, чтобы люди переезжали в более просторный дом только потому, что они пригласили к себе друзей?

— А чем плохая мысль? Мне кажется, это вполне разумное решение. Ты же сама говоришь, что здесь нет места, из этого следует, что надо переехать.

— Из этого следует, что не надо приглашать людей, — возразила мама.

— Не думаю, чтобы жизнь отшельников пошла нам на пользу, — сказал Ларри. — Я ведь пригласил их только ради тебя. Все они очень славные люди. Я думал, что ты им обрадуешься. И жизнь твоя стала бы тогда чуточку веселей.

— Спасибо, она у меня и так достаточно веселая, — с достоинством ответила мама.

— Теперь я просто не представляю, что тут можно сделать. — Не понимаю, милый, почему им нельзя остановиться в «Швейцарском пансионате»?

— Нельзя же пригласить людей к себе, а потом выставить их в третьеразрядную гостиницу.

— Сколько человек ты пригласил? — спросила мама. — О, совсем немного... двоих-троих. Они приедут не все сразу. Думаю, что они будут поступать партиями.

— Можешь ты мне все-таки сказать, сколько человек ты пригласил? — настаивала мама.

— Я просто не помню. Некоторые из них мне не ответили, но это ничего не значит... они, может быть, уже едут и думают, что уведомлять нас об этом не стоит. Во всяком случае, если ты будешь рассчитывать свой бюджет на семь или восемь человек, это как раз достаточно.

— Ты хочешь сказать, вместе с нами?

— Нет, нет, я имею в виду семь или восемь человек плюс наша семья.

— Но это же просто смешно, Ларри. Мы при всем желании не сможем втиснуть в этот дом тринадцать человек.

— Значит, надо переезжать. Я предлагаю тебе очень разумный выход. Не понимаю, о чем тут еще можно спорить?

— Не болтай чепухи, милый. Если мы даже переедем в дом, где могут поместиться тринадцать человек, что нам делать с лишней площадью потом, когда они уедут?

— Пригласим еще гостей, — ответил Ларри, удивленный тем, что мама сама не додумалась до такой простой вещи.

Мама застыла с открытым ртом, очки ее съехали куда-то в сторону.

— Послушай, Ларри, — выговорила она наконец. — Ты выводишь меня из терпения.

— Ты просто несправедлива ко мне. Я же не виноват, что твое хозяйство рухнет от приезда нескольких гостей.

— Несколько гостей! — воскликнула мама. — Рада узнать, что восемь человек — это несколько гостей, как ты

считаешь. — Я считаю, что ты занимаешь самую неразумную позицию. — А в том, что ты пригласил людей и не предупредил меня, не было ничего неразумного?

Ларри обиженно посмотрел на нее и вновь взялся за книгу. — Ну, я сделал все, что мог, — сказал он. — Большого я сделать не могу.

Наступила продолжительная пауза, в течение которой Ларри спокойно читал свою книгу, а мама расставляла розы в вазочки с водой и с ворчанием разносила их по комнате.

— Ну что ты лежишь, как бревно? — сказала она немного спустя. — В конце концов это твои друзья. Ты и должен о них заботиться.

Ларри со страдальческим видом отложил книгу. — Не понимаю, что я должен делать? — сказал он. — Ты же отвергла все мои предложения.

— Если бы это были разумные предложения, я бы их не отвергала.

— Не вижу ничего неприемлемого во всем, что я предлагал. — Но, Ларри, милый, будь благоразумен. Нельзя же бросаться в новый дом только потому, что к нам приезжают люди. Да мы и не успеем уже его найти. И потом — уроки Джерри. — При желании все это можно легко уладить. — В другой дом мы не поедем, — твердо заявила мама. — Это я уже решила.

Мама поправила очки, с вызовом поглядела на Ларри и гордой походкой отправилась на кухню, каждым своим шагом выражая решимость.

Часть вторая

7. Бледно-желтый дом

Это был высокий, просторный венецианский особняк с выцветшими бледно-желтыми стенами, зелеными ставнями и буровато-красной крышей. Он стоял на холме у моря в окружении заброшенных оливковых рощ и безмолвных садов, где росли лимоны и апельсины. Все здесь наводило на грустные мысли о прошлом: дом с облупленными, потрескавшимися стенами, огромные гулкие комнаты, веранды, засыпанные прошлогодними листьями и так густо заплетенные виноградом, что в нижнем этаже постоянно держались зеленые сумерки. С одной стороны тянулся маленький, запущенный садик с каменной оградой и чугунными ржавыми воротами. Там над заросшими дорожками раскинулись розы, анемоны, герань, а мандариновые деревья были так густо усыпаны цветами, что от их запаха кружилась голова. В цитрусовых садах все было тихо и спокойно, только гудение пчел доносилось оттуда да изредка птичий щебет. Заброшенный дом постепенно ветшал, и все вокруг приходило в запустение на этом холме, обращенном к сияющему морю и к темным, изрезанным горам Албании. Все тут лежало как бы в полусне, напоенное весенним солнцем и отданное во власть мхам, папоротникам и зарослям мелких поганок.

Место присмотрел, разумеется, Спиро, он же постарался организовать наш переезд с наименьшей суетой и наибольшей эффективностью. Через два дня после того, как мы впервые увидели дом, длинные дощатые телеги, нагруженные нашим имуществом, вереницей потянулись по пыльным дорогам, а на четвертый день мы уже устраивались на новом месте.

На краю усадьбы в небольшом домике жил садовник с женой. Эта чета преклонного возраста, казалось, дряхлая вместе с особняком. Садовник обязан был наполнять чаны водой, собирать фрукты, давить оливки и раз в год, подвергаясь яростным атакам пчел, извлекать мед из

семнадцати ульев, расставленных под лимонными деревьями. Как-то в минуту непомерного душевного подъема мама пригласила его жену поработать в нашем доме. Звали ее Лугареция. Это была худая, неприветливая на вид женщина, у которой из-под спилек и гребенок вечно выбивались пряди волос. Как вскоре выяснилось, Лугареция была необыкновенно обидчивой, малейшее замечание о ее работе, в какой бы вежливой форме оно ни выражалось, источало из ее карих глаз обильные слезы, будто на нее обрушивалось горе. Смотреть на это не было никаких сил, и скоро мама вообще перестала делать ей замечания.

Существовала только единственная вещь на свете, которая могла озарить улыбкой мрачное лицо Лугареции, зажечь огонь в ее смиренных глазах, — это разговоры о своих болезнях. Если большинство людей предается ипохондрии лишь в свободное время, то Лугареция превратила это хобби в свое постоянное занятие. Когда мы только что поселились в доме, предметом ее беспокойства был желудок. Сведения о его состоянии начинали поступать с семи часов утра, когда Лугареция приносила нам чай. Передвигаясь с подносом из одной комнаты в другую, она каждому из нас давала самый полный отчет о ночных приступах. Описания ее отличались необыкновенной наглядностью. Шлепая по комнатам, Лугареция вздыхала, стонала, корчилась от боли и давала нам настолько реалистическую картину своих страданий, что все мы начинали испытывать то же самое.

— Не можешь ли ты что-нибудь сделать с этой женщиной? — обратился Ларри к маме как-то утром, после особенно скверной для желудка Лугареции ночи.

— Что же я могу сделать? — спросила мама. — Я уже дала ей твою соду.

— Вот поэтому ей и было плохо ночью.

— Мне кажется, она ест не то, что нужно, — сказала Марго. — Ей просто необходима хорошая диета.

— Конечно, она несколько надоедлива, — сказала мама, — но ведь бедная женщина так страдает.

— Глупости, — сказал Лесли. — Она получает от всего этого удовольствие. Так же как и Ларри, когда он заболевает.

— Как бы то ни было, — поспешно вставила мама, — придется все-таки мириться с нею, ведь больше здесь никого не найдешь. Я попрошу Теодора осмотреть ее в следующий раз.

В скором времени желудок Лугареции поправился, все мы вздохнули с облегчением, но, увы, почти сразу же что-то вдруг случилось с ее ногами, и она с беспрерывными жалобными стонами, прихрамывая, ковыляла по всему дому. Ларри сказал, что мама наняла не служанку, а вампира, и предложил приковать к ее ногам ядро. Это по крайней мере даст нам возможность узнавать о ее приближении и вовремя спастись бегством, так как Лугареция имела обыкновение неслышно подбираться к человеку сзади и громко стонать у него над ухом. После того как Лугареция сняла в столовой башмаки, чтобы продемонстрировать, какие именно пальцы у нее болят, Ларри стал завтракать в своей комнате.

В доме, помимо болячек Лугареции, имелись и другие сокровища. Мебель (которую мы арендовали вместе с домом) представляла собой невообразимую смесь реликтов викторианской эпохи, запертых в комнатах в течение последних двадцати лет. Эти нескладные, некрасивые, неудобные вещи заполняли весь дом и ужасно скрипели, как бы жалуясь друг другу, а если вы слишком стремительно проходили мимо, от них с громким, как мушкетный выстрел, треском отлетали щепки, взметая облачка пыли. В первый же вечер у обеденного стола отломилась ножка, и вся еда посыпалась на пол. Несколько дней спустя Ларри едва присел на массивный, крепкий с виду стул, как от него тут же отвалилась спинка и исчезла в тучах едкой пыли. Однажды мама подошла к платяному шкафу размером чуть ли не с дом, стала открывать его, но дверца осталась у нее в руках. И вот тогда она решила что-то предпринять.

— Нельзя же приглашать людей в дом, где все разлетается на части от одного только взгляда, — сказала

она. — Ничего не поделаешь, придется купить кое-что из мебели. Да, эти гости дорого нам обойдутся. Такого с нами еще не бывало.

На следующее утро Спиро повез маму, Марго и меня в город за мебелью. Мы сразу заметили, что на улицах было больше народу и больше шуму, чем обычно, но как-то не придали этому значения. Когда же мы закончили свои дела в магазине и стали пробираться по кривым улочкам к тому месту, где оставался наш автомобиль, толпа затолкала и завертела нас в разные стороны. Люди все прибывали, толпа становилась гуще и гуще и уже несла нас против нашей воли.

— Наверно, тут что-нибудь происходит, — сообразила Марго. — Какой-нибудь праздник или какое-то важное событие.

— Это все равно, — сказала мама. — Только бы нам добраться до автомобиля.

Но толпа уносила нас совсем в другую сторону и наконец вытолкнула на главную площадь города, где народу скопилось видимо-невидимо. Я спросил пожилую крестьянку, стоявшую рядом со мной, что тут происходит. Она повернула ко мне освещенное гордой улыбкой лицо и объяснила:

— Это святой Спиридион, кириа. Сегодня можно пойти в церковь и поцеловать ему ноги.

Святой Спиридион был покровителем острова. Мощи его в серебряном гробу, помещенном в раке, хранились в церкви, и раз в год процессия с мощами ходила по городу. Это был очень могущественный святой, он мог исполнять желания, исцелять от болезней и делать множество других чудесных вещей — если попросить его в подходящий момент, когда он бывал в хорошем настроении. Жители острова верят в него и каждому второму младенцу мужского пола дают в его честь имя Спиро. Вот это и был как раз тот день, когда открывали гроб и позволяли верующим поцеловать обутые в тапочки ноги святого и обратиться к нему с просьбой. Состав толпы показывал, как чтили святого повсюду на Корфу. Там были пожилые крестьянки в праздничных черных платьях и

их согбенные, как оливы, мужья с большими белыми усами; сильные, загорелые рыбаки в рубашках со следами чернильных пятен от темной жидкости спрутов; были там больные, слабоумные, чахоточные, калеки, немощные старики и завернутые в пеленки младенцы с бледными восковыми личиками, сморщенными от непрерывного кашля. Мы заметили даже нескольких высоких, диковатых с виду албанских пастухов, усатых и бритоголовых, в огромных плащах из овчины. Разноцветный поток людей медленно вливался в двери церкви. Нас будто камешки втянуло в этот поток. Марго оказалась намного впереди меня, тогда как мама осталась где-то позади. Я был затиснут между несколькими толстыми крестьянками, которые напирали на меня, как подушки, обдавая запахом чеснока и пота, а мама безнадежно затерялась между двумя здоровенными пастухами-албанцами. Толпа решительно внесла нас по ступеням лестницы и направила к дверям. Внутри церкви было темно, как в колоде, только у одной стены желтыми крокусами колыхались огоньки свечей.

Бородатый священник в черном облачении и высоком головном уборе точно птица метался в полутьме, направляя людей, растянувшихся теперь цепочкой, к большому серебряному гробу и дальше, через другой выход, на улицу. Гроб, похожий на серебряную куколку, стоял вертикально, в нижней его части покров был отодвинут, и из-под него выглядывали ноги святого в красивых вышитых тапочках.

Каждый, подходя к гробу, наклонялся, целовал ноги, шептал молитвы, а сверху сквозь стекло саркофага с выражением сильного отвращения на толпу глядело черное, высохшее лицо святого. Было совершенно ясно, что, хотим мы этого или нет, нам тоже придется целовать ноги святого Спиридиона. Я оглянулся и увидел, что мама делает отчаянные попытки пробиться ко мне, но ее албанцы-телохранители не сдвинулись ни на дюйм, и все ее усилия были бесплодны. Когда ей удалось перехватить мой взгляд, она повела глазами на гроб и энергично затрясла

головой. Я был в сильном замешательстве, так же как и оба албанца, наблюдавшие за мамой с явным подозрением. Им, верно, казалось, что она вот-вот упадет в обморок, и не без основания, — лицо у мамы было красное, а мимика становилась все выразительней. Наконец, доведенная до отчаяния, мама отбросила всякую осторожность и громко зашептала мне через головы людей:

— Скажи Марго... не надо целовать... целуйте воздух... целуйте воздух.

Я повернулся, чтобы передать Марго мамин наказ, но было уже поздно. Марго стояла у гроба и, склонившись к ногам святого, пылко целовала их, к восторгу и удивлению толпы. Когда очередь дошла до меня, я, следуя наставлениям мамы, громко и почтительно поцеловал воздух, дюймов на шесть выше левой ноги мумии. Потом меня понесли дальше и вытолкнули через дверь на улицу, где, собравшись кучками, шумели и смеялись люди. Марго с очень довольным видом ждала нас на ступеньках лестницы. Через минуту показалась мама, пролетая сквозь двери под натиском могучих плеч пастухов. Она стрелой пронеслась по ступеням и остановилась около нас.

— Эти пастухи, — воскликнула она слабым голосом, — такие грубые... и потом я чуть не умерла от запаха... смесь чеснока и ладана. Откуда только берется этот запах?

— Ну ничего, — весело сказала Марго. — Все это можно вынести, только б вот святой Спиридион выполнил мою просьбу.

— Очень негигиеничное мероприятие, — сказала мама. — Гораздо больше способствует распространению болезней, чем исцелению от них. Страшно подумать, что только мы могли бы подцепить, если б и впрямь целовали эти ноги. — Но ведь я поцеловала ноги, — сказала удивленная Марго. — Марго! Как ты могла?! — Все же так делали.

— Подумать только! Я же специально предупредила... — Не знаю, ты мне ничего не говорила... Тогда я объяснил,

что не успел передать мамино предупреждение.

— Столько людей слюнявили эти тапки, и ты все-таки пошла их целовать!

— Я делала только то, что делают другие. — Просто не представляю, с какой стати ты это делала. — Я думала, он поможет мне избавиться от прыщей.

— Прыщей! — передразнила мама. — Смотри, как бы заодно с прыщами не подхватить еще чего-нибудь.

На следующий день Марго свалилась от жестокого гриппа, и престиж святого Спиридиона разлетелся вдребезги. Спиро был срочно отряжен в город за доктором. Вскоре он вернулся и привез с собой невысокого коренастого человека с лакированными волосами, чуть приметной щеточкой усов и живыми черными глазами за стеклами очков в роговой оправе.

Это был доктор Андручелли, очень милый человек, который вел себя у постели больного довольно необычно.

— Ай-ай-ай, — произнес он, входя в комнату и насмешливо разглядывая Марго. — Ай-ай-ай. Очень неразумно вели себя, а? Целовали ноги святого! Ай-ай-ай-ай-ай! Вполне могли чем-нибудь заразиться. Вам повезло, это всего лишь грипп. Ну так вот, делайте, что я вам скажу, иначе я умываю руки! И пожалуйста, не прибавляйте мне работы таким глупым поведением. Если вы еще раз поцелуете ноги святого, я не приеду вас лечить. Ай-ай-ай... что наделали!

Пока Марго в течение трех недель валялась в постели и доктор каждые два или три дня произносил над нею свои «ай-ай-ай», остальные устраивались на новом месте. Ларри захватил себе огромную мансарду и пригласил двух плотников строить там книжные полки. Лесли превратил большую крытую веранду позади дома в тир и всякий раз, когда упражнялся в стрельбе, вывешивал снаружи огромный красный флаг. Мама ходила в рассеянности по большой, выложенной плитками полуподвальной кухне, готовила целыми галлонами бульон, слушала монологи Лугареции и в

то же время беспокоилась о Марго. Что касается Роджера и, разумеется, меня, то в нашем распоряжении теперь был сад в пятнадцать акров — просторный новый рай, спускавшийся к мелкому теплому морю. Поскольку у меня временно не было учителя (Джордж уехал), я мог целыми днями бродить где угодно и забегал домой только поесть.

На этом интересном участке, совсем рядом с домом, я нашел много животных, которых считал теперь своими старыми друзьями: золотых бронзовок, божьих коровок, голубых пчел-плотников и земляных пауков. На ветхой стене сада обитало множество маленьких темных скорпионов, гладких и блестящих, будто сделанных из пластмассы. Среди листвы инжира и лимонных деревьев, чуть пониже сада с цветами, в несметном количестве жили изумрудные квакши, древесные лягушки — прямо как атласные конфетки. На склонах холма водились разные виды змей, замечательные ящерицы и черепахи. Во фруктовых садах гнездились всякие птицы: щеглы, зеленушки, горихвостки, трясогузки, иволги, изредка встречались удода с оранжево-розовыми, черными и белыми перьями, ковырявшие рыхлую землю длинным изогнутым клювом. Заметив меня, они удивленно вскидывали свои хохолки и улетали.

Под карнизом дома жили ласточки. Они прилетели сюда незадолго до нашего переезда и только что закончили постройку своих бугроватых глиняных гнезд, пока еще темно-бурых и влажных, как сдобный кекс с изюмом. Когда гнезда подсохли и посветлели, ласточки начали выкладывать их изнутри, летая на поиски корешков, овечьей шерсти, перышек. Два гнезда были расположены пониже остальных, на них-то я и сосредоточил свое внимание. Приставив к стене длинную лестницу, как раз между двумя гнездами, я стал постепенно, день за днем, взбираться по ней все выше и выше, пока не дошел до верхней ступеньки, и мог сидеть там, заглядывая в гнезда, которые были теперь футах в четырех от меня. Ласточек мое присутствие, по-видимому, нисколько не беспокоило, они продолжали упорно трудиться, готовя жилье

для своей семьи, пока я сидел на верхушке лестницы, а Роджер лежал внизу. Я уже вполне освоился с жизнью той и другой четы и с большим интересом следил за их повседневной работой. В поведении обеих ласточек, которых я считал самками, было очень много сходного: серьезность, озабоченность, тревога и суетливость. Самцы, напротив, вели себя совершенно по-разному. Один из них, пока оборудовалось гнездо, приносил отличный материал, но, видимо, не считал это серьезным занятием и часто, возвращаясь домой с клочком овечьей шерсти в клюве, попусту тратил драгоценные минуты: то пролетал по саду почти над самыми цветами, то выписывал в воздухе восьмерки или же метался среди подпорок для винограда. Подруга его в это время держалась у гнезда и зывала к нему отчаянным щебетом, однако он отказывался принимать жизнь всерьез. У другой самки тоже были хлопоты с супругом, но совсем иного свойства. Он у нее был, пожалуй, чересчур уж старательный и прилагал все силы, чтобы обеспечить свое потомство наилучшей подстилкой. Но, к сожалению, он не обладал математическими способностями и, как ни старался, не мог запомнить размеров гнезда. Обычно он возвращался домой с радостным, хотя и заглушенным, щебетом и нес куриное или индюшиное перо величиной с самого себя и с таким толстым стволем, что согнуть его было невозможно. Жене приходилось по нескольку минут убеждать его, что засунуть такое перо в гнездо нельзя, как бы они ни старались, как бы ни крутились. Ужасно разочарованный, он в конце концов бросал перо, и оно, покружившись в воздухе, падало на землю, на все растущую грудку под гнездом. Потом он улетал снова на поиски чего-нибудь более подходящего и вскоре возвращался с клоком спутанной и затвердевшей от земли и навоза шерсти, таким тяжелым, что ему с трудом удавалось подняться к карнизу.

Когда наконец были готовы гнезда, отложены и высижены крапчатые яички, характер обоих самцов заметно переменялся. Тот, что раньше приносил к гнезду так много

ненужного, охотился теперь привольно на склонах холма и возвращался назад с небрежно зажатыми в клюве насекомыми — как раз подходящей величины и мягкости, чтобы угодить своему пушистому дрожащему выводку. Второй же самец совсем потерял покой и, видимо, извелся от страха, что дети его могут умереть с голоду. Он выбивался из сил в погоне за пищей и все же приносил домой самое неподходящее: каких-то крупных жуков с жесткими, колючими ногами и надкрыльями или же огромных, сухих и совершенно несъедобных стрекоз. Он вертелся у края гнезда и делал героические, но бесплодные попытки запихнуть эти гигантские гостинцы в разинутые рты своих птенцов. Страшно было даже подумать, что могло бы произойти, если б он все-таки умудрился втиснуть им в глотку хоть одну из своих устрашающих жертв. К счастью, это ему никогда не удавалось, и, изведенный вконец, он бросал насекомое на землю и опять торопился за добычей. Я был очень признателен этой ласточке, так как получил от нее три новых вида бабочек, шесть стрекоз и двух муравьиных львов, каких еще не было в моей коллекции.

Поведение самок с появлением на свет птенцов мало в чем изменилось. Разве что летать они стали чуть быстрее и в них появилось особое проворство. Но на этом все и кончалось. Очень интересно было увидеть первый раз, как происходит уборка птичьего гнезда. Раньше, когда мне приходилось держать в руках птенца, я всегда удивлялся, отчего это он задирает к небу хвостик и так вот машет им, если ему нужно облегчиться. Теперь я узнал причину. Экскременты птенцов ласточек представляют собой шарик, покрытый слоем студенистой слизи. В гнезде птенчик становится на голову, дергает хвостиком, как бы отбивая лихую румбу, и оставляет на краю гнезда свое маленькое подношение. Потом прилетает мать и, расовав в разинутые рты птенцов собранный корм, осторожно берет шарик в клюв и уносит его куда-нибудь через оливковые рощи. Это было замечательно. Я с восторгом следил за всеми действиями,

начиная с дерганья хвостика, что меня всегда смешило, и кончая полетом матери над рощей, где она сбрасывала свою маленькую черно-белую бомбочку.

Памятуя о привычке ласточки-самца собирать для своего выводка неподходящих насекомых, я два раза в день осматривал пространство под гнездом в надежде отыскать что-нибудь новенькое для своей коллекции. Именно там я и нашел однажды утром необыкновенного жука. Я даже представить себе не мог, как эта ненормальная ласточка могла донести такую громадину или просто поймать ее, однако он оказался там, под гнездами. Это был крупный, неуклюжий черно-синий жук с большой круглой головой, длинными членистыми усиками и вздутым туловищем. Удивили меня его надкрылья. Можно подумать, что он отдавал их в прачечную и они сели после стирки, так как были очень маленькие, будто предназначались для жука вдвое меньших размеров. Сначала я забавлял себя шуткой, что жук этот, не обнаружив утром чистой пары надкрыльев, позаимствовал их у младшего брата, но потом я все-таки решил, что эта мысль, хотя и очень увлекательная, вряд ли сойдет за научную. Подобрав жука, я заметил, что пальцы у меня стали чуть маслянистыми и отдают чем-то едким, хотя никакой жидкости он вроде бы и не выделял. Я дал понюхать жука Роджеру, чтобы посмотреть, согласится он со мной или нет, и тот сильно зачихал и отодвинулся, из чего можно было заключить, что запах шел от жука, а не от моих рук. Я старательно берег жука, дожидаясь прихода Теодора, который сможет определить его вид.

Теперь, когда наступили теплые весенние дни, Теодор бывал у нас каждый четверг. Он приезжал из города на извозчике в своем безупречном костюме, крахмальном воротничке и фетровой шляпе, что вовсе не сочеталось с его сачками, коллекционными сумками и коробками пробирок. Перед чаем мы просматривали все собранные мной за неделю новые образцы и определяли их, а после чая бродили по усадьбе в поисках насекомых или же совершали экскурсии,

как называл их Теодор, к соседнему пруду или канаве, где собирали мелкую фауну для коллекции Теодора. Он с легкостью определил вид моего странного жука с такими неподходящими надкрыльями и стал рассказывать о нем удивительные вещи.

— Ага! Да, — сказал он, разглядывая насекомое. — Это жук-майка ... *Meloe proscarabaeus* ... Да... самые странные на вид жуки. Что ты говоришь? Ну да, надкрылья... Видишь, эти жуки не могут летать. Существует несколько видов жесткокрылых, по той или иной причине утративших способность летать. Очень любопытная биография у этого жука. Это, конечно, самка. Самец гораздо меньше, я бы сказал, раза в два меньше. Самка откладывает множество маленьких желтых маслянистых яичек. Когда из них выводятся личинки, они забираются в чашечки каких-нибудь цветов и ждут там, внутри. Есть такой особый вид одиночной пчелы, ее-то они и ждут и, когда она залетает в цветок, личинки... садятся на нее... э... хватаются что есть силы за ее мех челюстями. Если пчела оказывается самкой, которая собирается столкнуть в соты свои яички, значит, им повезло. Когда пчела заполнит медом отдельную ячейку и отложит туда яичко, личинка прыгает вслед за яичком, и пчела закрывает ячейку. Потом личинка съедает яичко и начинает развиваться внутри ячейки. Меня всегда поражало, что существует только единственный вид пчелы, за которой охотятся личинки. Надо думать, большая часть личинок нападает не на ту пчелу и впоследствии погибает. Ну и, конечно, если даже встречается нужная пчела, нет никакой... гм... гарантии, что это будет самка, готовая отложить яички.

Теодор помолчал с минуту, поднялся несколько раз на носках и стал в задумчивости разглядывать пол, потом, весело блеснув глазами, посмотрел на меня и продолжал:

— Я хотел сказать, это все равно что ставить на скачках на лошадь... гм... при очень малых шансах.

Он слегка потряс коробочку со стеклянной крышкой, так что жук съехал с одного ее конца на другой и в удивлении

задвигал усами, затем осторожно поставил ее опять на полку, где я держал свои образцы.

— Кстати, о лошадях, — весело сказал Теодор, положив руки на бедра и чуть раскачиваясь. — Рассказывал я тебе когда-нибудь о тех временах, когда я победно въехал в Смирну на белом коне? Понимаешь ли, это было в первую мировую войну, и командир батальона решил, что нам надо войти в Смирну победным маршем, впереди должен был ехать человек на белой лошади. К сожалению, эта сомнительная честь возглавлять колонну досталась мне. Разумеется, я учился ездить верхом, но вовсе не считал себя... гм... отличным наездником. Ну, все шло хорошо и лошадь вела себя замечательно, пока мы не въехали на окраину города. Понимаешь, в Греции в некоторых местах существует обычай опрыскивать духами, розовой водой и всякими такими штуками своих... э... доблестных героев. Ну так вот, я ехал впереди колонны, а тут из переулка выскочила какая-то женщина и давай расплескивать одеколон. Лошадь ничего не имела против, но на беду капелька одеколona попала ей в глаз. Лошадь была приучена ко всяким парадам, ликующим толпам и тому подобным вещам, но совсем не привыкла, чтобы ей заливали глаза одеколоном. Это очень... э... вывело ее из равновесия, и она стала вести себя скорее как цирковая лошадь, а не боевой конь. Я сумел удержаться в седле только потому, что ноги у меня запутались в стремях. Колонне пришлось расстроить свои ряды и усмирять лошадь, но она была так взбудоражена, что командир в конце концов решил не допускать ее к дальнейшему участию в победном шествии. И вот, пока колонна маршировала по главным улицам под звуки оркестра и приветственные крики толпы, я вынужден был пробираться по боковым улочкам на своем белом коне, и вдобавок ко всем бедам оба мы благоухали одеколоном. Гм... с тех пор я уж больше никогда не ездил верхом.

8. Черепашьи горы

За нашим домом над оливковыми рощами поднималась гряда невысоких гор с зубчатыми гребнями. Склоны гор были покрыты зарослями миртов и высоким вереском, кое-где среди них виднелись стрелы кипарисов.

Кажется, это было самое замечательное место в усадьбе, потому что жизнь там была ключом. Посреди песчаных тропок личинки муравьиного льва понарыли маленьких конических ямок и сидели там в ожидании, когда какой-нибудь неосторожный муравей переступит через край, чтобы бомбардировать его песком и сбить на дно этой ловушки, где его хватили страшные, похожие на щипцы челюсти личинки. На красных песчаных бугорках осы-охотницы рыли свои туннели и охотились на пауков. Вонзив в них жало, они парализовали их и уносили на хранение. Это был корм для личинок. По цветкам вереска медленно, будто ожившие меховые воротники, ползали мохнатые, большие, толстые гусеницы павлиноглазок. Среди миртов, в теплом, душистом сумраке их листья, таились богомолы, вертевшие головой то в одну, то в другую сторону в поисках жертвы. В ветвях кипарисов приютились аккуратные гнезда зябликов с горластыми, пучеглазыми птенцами, а повыше желтоголовые корольки ткали свои маленькие хрупкие шашечки из волос и мха или разыскивали насекомых, повиснув на краю веток вниз головой, и еле слышно попискивали от радости, если им удавалось обнаружить паучка или комара. В густой тени ветвей их золотые хохолки поблескивали, словно маленькие фуражечки.

Эти горы я открыл сразу же после нашего переезда. Владели ими черепахи. Как-то в жаркий день мы с Роджером, спрятавшись за куст, терпеливо ждали, когда крупный махаон вернется на свое излюбленное солнечное пятно и мы сможем поймать его. Это был первый такой жаркий день в то лето, и все вокруг, прогретое солнцем, казалось, оцепенело и погрузилось в дремоту. Махаон не торопился. Он был внизу,

возле оливковых рощ, танцевал там один в лучах солнца, кружился, прыгал, выделявал пируэты. Пока мы следили за ним, я уловил краем глаза какое-то движение у куста, за которым мы скрывались. Я перевел взгляд в ту сторону, но бурая, залитая солнцем земля казалась безжизненной. Тогда я было снова сосредоточил свое внимание на бабочке и в тот же миг заметил нечто такое, чему едва мог поверить: как раз в том месте, куда я только что смотрел, земля вдруг вспучилась, будто кто снизу двинул ее кулаком, потом на ней появилась трещина. Крохотное деревце, пробившееся там из семени, сильно затряслось, прежде чем сломались его бледные корешки, и упало.

Я пытался понять причину такого внезапного взрыва. Землетрясение? Конечно, нет. Слишком мало пространство. Крот? Тоже нет. Место это очень сухое, безводное. Пока я раздумывал, земля поднялась еще раз, во все стороны полетели комья, и я увидел перед собой желто-бурый панцирь. Он поднимался все выше, продолжая разметать землю, потом из отверстия осторожно высунулась морщинистая, чешуйчатая голова и за нею длинная, тонкая шея. Черепаха окинула меня туманным взором, мигнула раз-другой и, решив, что я существо безвредное, принялась с беспредельной осторожностью и невероятными усилиями высвобождать себя из земляной темницы. Ступив по земле два или три шага, она разлеглась на солнышке и задремала. После долгой зимы в сыром и холодном подземелье первая солнечная ванна, должно быть, подействовала на рептилию, как живительный глоток вина. Она выпростала из-под панциря ноги, вытянула как можно дальше шею и, закрыв глаза, положила голову на землю. Казалось, она поглощает солнце каждой клеточкой своего существа. Полежав так минут десять, черепаха не спеша поднялась и заковыляла по дорожке к тому месту, где в тени кипариса разрослись одуванчики и клевер. Тут ее ноги как бы подкосились, и низ панциря с глухим стуком коснулся земли. Вскоре из него высунулась голова, медленно потянулась к пышной зелени,

рот широко раскрылся и, минуто помедлив, сомкнулся над сочными листьями клевера. Дернув головой, черепаха оторвала листья и со счастливым видом принялась их пережевывать — первая ее трапеза в этом году.

Выход этой весенней вестницы из ее подземной спальни послужил, видно, сигналом, и все горы покрылись вдруг черепахами. Я еще ни разу не видел, чтобы на таком небольшом пространстве скопилось столько черепах. Крупные черепахи, величиной с глубокую тарелку, и мелкие, не больше чашки, темно-шоколадные прадедушки и светлоокрашенные юнцы неуклюже двигались по песчаным тропкам, ковыляли среди вереска и миртов, иногда спускались к оливковым рощам, где была более сочная зелень. Если посидеть около часа на одном месте, можно было насчитать не меньше десятка черепах, прошлепавших мимо, а однажды я ради опыта, бродя по склонам, собрал их целых тридцать пять штук, в то время как они с сосредоточенным видом двигались куда-то и глухо постукивали о землю своими неуклюжими лапами.

Не успели закованные в панцирь владельцы гор выйти из своих зимних квартир и отведать первой пищи, как самцы уже настроились на романтический лад. Поднявшись на цыпочки и вытянув вперед шею, они с неуклюжей стремительностью рыскали по склонам в поисках подруги, останавливались время от времени и издавали странный твякающий крик — это была черепашья песня любви. Самки, ковылявшие среди вереска в поисках зеленого корма, небрежно откликались на эти страстные призывы. Два или три самца сразу неслись туда галопом (в черепашьем представлении о скорости) и обычно прибывали к одной и той же самке. Запыхавшиеся, охваченные страстью, они впивались друг в друга взглядом, судорожно глотали воздух и начинали готовиться к битве.

Это были исключительно интересные сражения, напоминавшие скорее вольную борьбу, чем бокс, так как борцы не обладали ни быстротой, ни ловкостью, чтобы

позволить себе сложные приемы. В основном они стремились как можно быстрее броситься на противника и перед самым ударом спрятать голову в панцирь. Наилучшим считался удар сбоку, он давал возможность (если долбануть как следует под низ панциря) перевернуть противника на спину и оставить его в этом беспомощном положении. Если заход сбоку не удавался, годилась и любая другая часть тела противника. Напрягая все силы, бойцы налетали друг на друга, так что от их столкновения грохотали панцири, иногда впились друг другу в шею или с шипением втягивали голову внутрь. А тем временем самка, объект их безумия, не спеша продвигалась вперед, срывала изредка листок-другой, будто и не слышала скрежета и треска панцирей позади себя. Эти битвы не раз принимали такой оборот, что обезумевший от ярости самец по ошибке наносил боковой удар своей возлюбленной. Она при этом лишь сердито фыркала и пряталась в панцирь, а потом терпеливо ждала окончания битвы. Эти поединки казались мне совершенно ненужным, несправедливым делом, так как победа в них не всегда доставалась сильнейшему. Заняв выгодную позицию, маленькая черепаха могла без труда перевернуть противника вдвое больше себя. И, кроме того, дама не всегда доставалась одному из воинов. Мне несколько раз случалось наблюдать, как самка покидала сражавшуюся пару, чтобы начать флирт с совершенно посторонним кавалером (который даже панциря не царапнул ради нее), и потом уходила с ним вполне счастливая.

Мы с Роджером по целому часу сидели в зарослях вереска и не без удовольствия наблюдали, как эти черепахи рыцари в неуклюжих доспехах бьются на турнире за своих дам. Иногда мы заключали пари друг с другом, пытались отгадать победителя, и Роджер так часто ошибался, что к концу лета задолжал мне крупную сумму. Если битва становилась очень уж жестокой, Роджер, охваченный боевым пылом, пробовал вмешаться, и тогда я с трудом сдерживал его.

После того как дама делала наконец свой выбор, мы

сопровождали счастливую пару в их свадебном путешествии по зарослям миртов и даже наблюдали (скромно спрятавшись за кустами) заключительный акт романтической драмы.

Я с таким вниманием и интересом следил за повседневной жизнью черепах, что уже многих из них мог различать по виду. Одних я узнавал по цвету и форме, других по некоторым физическим недостаткам: отбитому краю панциря, отсутствию ногтя на пальце или еще по чему-нибудь. Одну крупную золотисто-черную самку я всегда узнавал безошибочно, так как она была одноглазая. У нас с нею установились самые дружеские отношения, и я называл ее мадам Циклоп. Она уже вполне освоилась со мной и, понимая, что я не причиню ей никакого зла, не пряталась при моем приближении в панцирь, а, наоборот, вытягивала шею, желая удостовериться, принес ли я с собой лакомства, вроде листьев салата или мелких улиток, которые она безумно любила. Черепаха совершенно спокойно занималась своими делами, в то время как мы с Роджером следовали за ней по пятам, а иногда в знак особой милости устраивали ей пикники в оливковых рощах, где она могла на свободе лакомиться клевером. К моему величайшему сожалению, на свадьбе ее я не присутствовал, зато потом мне посчастливилось увидеть последствия медового месяца.

Однажды, наткнувшись на черепаху, я заметил, что она роет ямку в рыхлой почве около песчаного бугорка. Когда я подошел, она уже вырыла ее на порядочную глубину и, видно, рада была отдохнуть и слегка подкрепиться цветками клевера, после чего опять принялась за работу, гребла землю передними лапами и отгаликивала ее панцирем к одной сторонке. Я не был вполне уверен, какую цель она преследовала, поэтому не пытался ей помочь, а просто лежал среди вереска на животе и наблюдал. Через некоторое время, набросав уже целую горку земли, черепаха внимательно оглядела ямку со всех сторон и, очевидно, осталась довольна. Затем она повернулась, поместила над ямкой заднюю часть своего тела и как бы в счастливой рассеянности отложила

туда десяток белых яиц. Я был вне себя от радости и удивления, сердечно поздравил ее с таким важным событием, а она глядела на меня в задумчивости и глотала воздух. Потом черепаха начала сгребать землю обратно, чтобы засыпать яйца, и плотно приминать ее, пользуясь при этом очень простым способом: поместившись над взрыхленным местом, она несколько раз хлопнулась животом о землю. После своей тяжелой работы мадам Циклоп отдохнула и приняла от меня остатки клевера.

Я оказался в довольно затруднительном положении. Мне безумно хотелось взять одно яйцо для своей коллекции, но сделать это в присутствии черепахи я не мог, опасаясь, что она, сочтя себя оскорбленной, выроет остатки яиц и съест их или сотворит еще что-нибудь не менее ужасное. Поэтому я сидел и терпеливо ждал. Разделавшись с клевером и чуточку вздремнув, черепаха удалилась наконец в заросли кустарника. Некоторое время я шел за нею следом, пока не удостоверился, что о возвращении она и не помышляет, потом бросился к гнезду и осторожно вырыл из ямки одно яйцо. Величиной оно было примерно с голубиное, овальное по форме и в шероховатой известковой скорлупе. Я опять примял землю над гнездом, чтобы черепаха ничего не заподозрила, и торжественно понес свою добычу домой. Там я осторожно выдул из яйца клейкий желток, а скорлупку поместил среди других образцов своей коллекции, положив ее в маленькую коробочку со стеклянной крышкой. Этикетка на ней гласила: «Яйцо греческой черепахи (*Testudo graeca*). Снесено мадам Циклоп».

В течение весны и в первые дни лета, пока я изучал любовные похождения черепах, дом наш заполнялся нескончаемыми потоками друзей Ларри. Не успевали мы со вздохом облегчения проводить одних, как прибывал новый пароход, раздавались автомобильные гудки и цокот копыт, на дороге появлялась вереница такси и извозчиков, и дом наш снова наполнялся людьми. Случалось, что новая партия гостей прибывала раньше, чем мы успевали выпроводить

предыдущую, и тогда наступало настоящее светопреставление. По всему дому и саду бродили поэты, прозаики, художники и драматурги, они спорили, рисовали, пили, печатали на машинке, сочиняли. Эти простые, милые люди, как описал нам их Ларри, отличались, все до одного, необыкновенной эксцентричностью и были так высокообразованны, что с трудом понимали друг друга. Одним из первых прибыл поэт Затопеч, невысокий плотный человек с орлиным носом, гривой серебряных волос по самые плечи и со вздутыми, скрученными венами на руках. Он явился к нам в широком черном плаще и черной широкополой шляпе, в экипаже, набитом ящиками вина. Голос его сотрясал дом, когда он ворвался туда в развевающимся плаще и с бутылками в руках. За все время пребывания у нас красноречие его не иссякало ни на минуту. Он говорил с утра до поздней ночи, выпивал невероятное количество вина, мог задремать везде, куда бы ни приткнулся, и по-настоящему никогда не ложился в постель. Несмотря на свои уже весьма немолодые годы, Затопеч нисколько не утратил интереса к прекрасному полу, со старомодной обходительностью ухаживал за мамой и Марго, и в то же время ни одна деревенская девчонка во всей округе не была обойдена его вниманием. Он старался настичь их в оливковых рощах, расхаживая там в своем взлетающем плаще и с бутылкой вина в оттопыренном кармане, громко хохотал и выкрикивал всякие нежные словечки. Даже Лугареция не избежала опасности. Всякий раз, как она протирала пол под диваном, он норовил ущипнуть ее сзади. Правда, это оказалось некоторым благодеянием — она забыла на время о своих болезнях и, когда появлялся Затопеч, вспыхивала и начинала игриво хихикать. Наконец он уехал. Так же как и при приезде, он завернулся в плащ и с царственным видом откинулся в экипаже. Пока лошадь спускалась с холма, Затопеч посылал прощальные приветствия и обещал в скором времени вернуться к нам из Боснии и привезти еще вина.

В следующем нашествии принимали участие три

художника: Жонкиль, Дюран и Майкл. Жонкиль выглядела и говорила, как настоящая кокни, такая дуреха с челкой. Долговязый Дюран имел всегда мрачный вид и такие слабые нервы, что чуть не подскакивал в воздух, если с ним неожиданно заговаривали. Майкл, напротив, был маленький, толстый человечек, похожий на переваренную креветку, с копной темных курчавых волос. Единственное, что объединяло этих людей, было их постоянное стремление работать. Жонкиль, впервые переступив порог нашего дома, выразила это вполне определенно, чем сильно удивила маму.

— Я приехала сюда вовсе не для отдыха, — объявила она. — Я приехала сюда работать, и мне ни к чему всякие там пикники, вы понимаете?

— А... э... нет, нет, конечно нет, — ответила мама с таким виноватым видом, будто она собиралась устроить специально для Жонкиль роскошный пир среди миртов.

— Просто чтоб вы знали, — пояснила Жонкиль. — Я не хочу нарушать тут порядка, понимаете? Мне надо только немного поработать.

После этого она сразу отправилась в сад, облачилась в купальный костюм и спокойно продремала на солнышке все время, пока они у нас были.

Дюран, как он нам сообщил, тоже собирался работать, только сначала ему надо было привести в порядок свои нервы. Последние события, сказал он, вывели его из строя, совершенно вывели из строя. Когда он был в Италии, ему вдруг безумно захотелось создать шедевр. Хорошенько поразмыслив, он решил, что миндальные деревья в полном цвету могут дать некоторый простор его воображению, и потратил немало времени и денег, разъезжая по деревням в поисках подходящего сада. В конце концов он нашел как раз то, что нужно. Обрамление было великолепное, миндаль цвел в полную силу. Дюран лихорадочно схватился за кисти и к концу первого дня полностью нанес основу на полотно. Уставший, но довольный, он собрал вещи и вернулся в деревню, а утром, после крепкого сна, почувствовал прилив

новых сил и сразу помчался в сад заканчивать картину. И там он онемел от ужаса, потому что все деревья в саду стояли голые и мрачные, а земля вокруг была густо усыпана белыми и розовыми лепестками. Видно, за ночь весенний ветер посбивал весь цвет в садах, в том числе и в саду Дюрана.

— Я был убит, — сообщил он нам дрожащим голосом и с глазами, полными слез. — Я поклялся, что никогда в жизни не возьмусь за кисть... никогда! Но постепенно я пришел к себе... Теперь у меня лучше с нервами... Со временем я снова начну рисовать.

Это печальное событие, как мы потом узнали, произошло два года назад, и Дюран все еще не оправился от него.

Майклу у нас не повезло с самого начала. Увлеченный колоритом острова, он с восторгом объявил нам, что собирается писать большое полотно, где будет схвачена самая сущность Корфу. Ему нетерпелось приступить к работе, но тут, на его беду, у него начался приступ астмы. И также на его беду, Лугареция оставила на стуле у него в комнате одеяло, которым я пользовался вместо седла, когда ездил верхом. В середине ночи мы все вдруг проснулись от шума. Можно было подумать, что где-то душили целую свору ищеек. Еще не очнувшись от сна, мы сошлись в комнате Майкла и увидели, как он хрипит и задыхается, и по лицу его градом катится пот. Марго побежала греть чайник, Ларри отправился за коньяком, Лесли стал открывать окна, а мама снова уложила Майкла в постель и, так как он был теперь весь в холодном поту, заботливо накрыла его тем самым одеялом. К нашему удивлению, несмотря на все принятые меры, Майклу стало хуже. Пока он еще мог говорить, мы задавали ему вопросы об этом недуге и его причинах.

— Психологически, чисто психологически, — сказал Ларри. — Вам о чем-то напоминает этот хрип? Майкл молча покачал головой.

— Ему надо дать чего-нибудь понюхать, — посоветовала Марго. — Что-нибудь вроде нашатырного

спирта. Очень хорошо помогает, если человек начинает терять сознание.

— Он не теряет сознания, — оборвал ее Лесли. — Но потеряет, если понюхает спирта.

— Да, милая, это слишком сильное средство, — сказала мама. — Интересно, чем вызван приступ? Майкл, у вас есть к чему-нибудь аллергия?

Между приступами удушья Майкл объяснил нам, что у него аллергия только к трем вещам: пыльце сирени, кошкам и лошадям. Все поглядели в окно, но сирени там нигде не было, кошку мы в комнате тоже не нашли. Ларри ужасно разозлил меня, пытаясь доказать, что это я тайком протащил в дом лошадь. И вот, когда Майкл был уже, можно сказать, на краю смерти, мы вдруг заметили лошадиную подстилку, которую мама старательно подсунула ему под подбородок. Этот случай так подействовал на беднягу, что он уже до самого отъезда не в состоянии был взять кисть в руки. Вместе с Дюраном они лежали целыми днями в шезлонгах и укрепляли свои нервы.

Пока мы управлялись с нашей троицей, прибыл еще один гость в лице графини Мелани де Торро. Это была высокая худая женщина с лицом старой лошади, угольно-черными бровями и целым стогом огненно-рыжих волос. Не успела она пробыть в доме и пяти минут, как стала жаловаться на духоту, потом, к моему восторгу и маминому изумлению, схватилась за свои красные волосы и стащила их вниз, обнажив совершенно гладкую, как шляпка гриба, голову. Заметив мамин испуганный взгляд, графиня объяснила своим резким, квакающим голосом:

— Я только что перенесла рожистое воспаление и потеряла все волосы... не могла найти в Милане подходящих друг к другу бровей и парика... может, подберу что-нибудь в Афинах.

Вдобавок ко всему графиня из-за какого-то изъяна во вставной челюсти не очень внятно произносила слова, и у мамы создалось впечатление, что болезнь, которую она

перенесла, была дурного свойства. При первом же удобном случае она приперла Ларри к стене.

— Ужасно! — сказала она прерывистым шепотом. — Ты не знаешь, что у нее было? Ничего себе друг!

— Друг? — удивился Ларри. — Да я ее почти не знаю... терпеть не могу эту женщину, но она очень интересный персонаж, и мне надо понаблюдать за ней вблизи.

— Еще чего! — возмутилась мама. — Нет, Ларри, ты как хочешь, а она должна отсюда уехать.

Они проспорили шепотом весь остаток дня, но мама была как алмаз. Наконец Ларри предложил позвать Теодора, чтобы тот высказал свое мнение, и мама на это согласилась. Теодору послали записку с приглашением приехать к нам на день. Его ответ, в котором он принимал приглашение, был доставлен на извозчике, где возлежала завернутая в плащ фигура Затопеча. Оказывается, прощаясь с островом Корфу, поэт выпил такое количество вина, что сел не на тот пароход и прибыл в Афины. К тому времени он уже прозевал срок свидания, назначенного в Боснии, и вот, философски поразмыслив, сел на первое же судно, идущее до Корфу, и вернулся на остров вместе с несколькими ящиками вина. Теодор приехал к нам на следующий день. На голове у него, как уступка лету, красовалась панاما вместо неизменной фетровой шляпы. Мама еще не успела улучшить момента, чтобы предупредить его о нашей безволосой гостье, как Ларри уже их представил.

— А, доктор? — сверкнула глазами Мелани, графиня де Торро. — Как интересно. Может, вы дадите мне совет? Я только что перенесла рожистое воспаление.

— Ага! В самом деле? — сказал Теодор, окидывая ее пристальным взглядом. — Какое же вам было назначено... э... лечение?

И оба с воодушевлением пустились в бесконечные медицинские рассуждения. Только благодаря маминому решительному вмешательству их удалось отвлечь от этой темы, которая казалась маме неприличной.

— Право же, Теодор нисколько не лучше этой женщины, — заявила она Ларри. — Как я ни стараюсь держаться широких взглядов, но всему ведь есть предел. Мне кажется, за столом о таких вещах не говорят.

Позднее мама залучила к себе Теодора, и вопрос о болезни графини был утрясен. Маму потом все время терзали угрызения совести за несправедливое суждение об этой женщине, и она всеми силами старалась быть с нею любезной, даже предлагала снять парик, если ей трудно переносить духоту.

Обед в тот день был необыкновенно интересный. Меня так занимали все эти люди с их разговорами, что я просто не знал, кого слушать. Лампы тихо разливали над столом теплый, золотистый свет, заставляли сверкать стекло и фарфор, зажигали огнем красное вино, когда оно лилось в стаканы.

— Но, дорогой мальчик, вы же не разглядели там смысла... да, да, не разглядели! — гремел голос Затопеча, склонившего свой горбатый нос над рюмкой. — Нельзя судить о поэзии как о малярном ремесле.

— ...вот я ему и говорю: «Не стану я надрываться над рисунком меньше чем за десятку сеанс, это же дешежка», я говорю...

— ...и на следующее утро я был парализован... Потрясен до основания... тысячи цветков... сорваны и смяты... я сказал, что больше не возьму кисть в руки... мои нервы сдали... целый сад исчез... фю-у-ить! И все... А я стоял там и смотрел... — ...и потом я, конечно, принимала серные ванны... — А, да... гм... но, знаете, я считаю, что лечение ваннами несколько... э... несколько... знаете... несколько переоценивают. Мне кажется, девяносто два процента больных...

Тарелки с едой дымились, как вулканические конусы; в самом центре стола на блюде сияла гора ранних фруктов; Лугареция ковыляла вокруг гостей и потихоньку стонала; борода Теодора поблескивала в свете лампы; Лесли

старательно катал хлебные шарики, чтоб обстрелять ими бабочку, летавшую вокруг лампы; мама раскладывала еду, всем слегка улыбаясь, и в то же время не спускала глаз с Лугареции; под столом холодный нос Роджера прижимался в немой мольбе к моему колену. Марго и все еще хрипевший Майкл говорили об искусстве: — ...вот я и думаю, что Лоуренс делает такие вещи гораздо лучше. Он отличается какой-то особенной свежестью, так сказать... Вы согласны? Возьмем хотя бы леди Чэттерли, а?

— Да, вполне согласен. К тому же он творит чудеса в пустыне... и пишет эту замечательную книгу... как ее там... «Семь столпов мудрости», что ли...

Ларри и графиня тоже говорили об искусстве: — ...но ведь надо обладать простотой и наивностью, иметь ясный глаз ребенка... Возьмите лучшие детские стихи... возьмите Хампти-Дампти... Вот вам поэзия... наивность и свобода от штампов и затасканных приемов.

— ...но это же будет пустой болтовней о простодушном подходе к поэзии, если вы собираетесь производить созвучия, такие же несложные, как желания верблюда... Мама и Дюран:

— ...можете представить, как это на меня подействовало... я был сломлен.

— Да, представляю. Такая досада, после всех этих волнений. Положить вам еще рису? Жонкиль и Теодор:

— ...и бельгийские крестьяне... ничего подобного я никогда не видела...

— Да, здесь, на Корфу, и... э... мне кажется, кое-где в Албании, у крестьян существует очень... э... сходный обычай...

За окном сквозь узоры виноградных листьев проглядывал месяц, слышался странный, размеренный крик сов.

Кофе и вино вышли пить на балкон, увитый виноградом. Ларри брэнчал на гитаре и пел елизаветинский марш. Это заставило Теодора вспомнить одну из его фантастических, но правдивых историй о Корфу, которую он рассказал с веселым

задором. — Вы понимаете, тут, на Корфу, ничто не делается как у людей. Намерения бывают самые хорошие, но потом непременно что-то случается. Когда несколько лет назад греческий король посетил остров, его визит должен был завершиться... э... представлением... спектаклем. Кульминацией драмы была битва при Фермопилах. Когда падал занавес, греческой армии полагалось победно гнать персов за... как это их называют? Ах, да, за кулисы. Ну, а людям, игравшим персов, видно, не захотелось отступить в присутствии короля, и то, что они должны были играть персов, тоже, знаете, оскорбляло их. Сущий пустяк мог испортить все дело. И тут во время батальной сцены греческий полководец... гм... не рассчитал расстояния и хватил с размаху персидского полководца деревянным мечом. Это, конечно, произошло случайно. Я хочу сказать, что бедный парень сделал все неумышленно. Однако этого было достаточно, чтобы... э... возбудить персидскую армию до такой степени, что вместо... э... отступления они стали наступать. Теперь посередине сцены крутился хоровод воинов в шлемах, схватившихся в смертельной борьбе. Прежде чем кто-то догадался закрыть занавес, двое из них были сброшены в оркестр. Король потом рассказывал, какое сильное впечатление произвел на него... гм... реализм этой батальной сцены.

Взрыв хохота распугал бледных геккончиков, умчавшихся вверх по стене.

— Теодор!-дразнил его Ларри.-Вы это, конечно, выдумали.

— Нет, нет!-протестовал Теодор.-Это правда... я сам все видел.

— Но это звучит как анекдот.

— Здесь, на Корфу, — гордо сверкнул глазами Теодор, — может случиться все что угодно.

Сквозь ветки олив сияло залитое лунным светом море. Внизу, у родника, надрывались древесные лягушки. Две совы затеяли спор на дереве за верандой. По виноградным лозам у

нас над головой осторожно пробирались гекконы, следившие лихорадочным взором за потоками насекомых, которых, словно водоворот, затягивал свет лампы.

9. Мир на стене

Полуразрушенная стена заглохшего сада оказалась для меня богатым охотничьим угощем. Это была старая стена, когда-то покрытая штукатуркой, но теперь позеленевшая от мха. За долгие годы слой штукатурки вспучился и просел, а вся поверхность до стены покрылась сложным узором трещин — шириной до нескольких дюймов или же тонких как волосок. Кое-где штукатурка совсем обвалилась, и под ней, словно ребра, обнажились ряды розово-красных кирпичей. Если присмотреться получше, на стене можно было разглядеть целый пейзаж: шляпки сотен крохотных поганок, красных, желтых и бурых, казались крышами домов в поселках, разбросанных по сырым местам; темно-зеленый мох рос такими ровными пучками, что вполне мог бы сойти за подстриженные деревья в парках, а затененные трещины, откуда выбивался целый лес маленьких папоротничков, струились, будто зеленые ручейки. На верху стены раскинулась настоящая пустыня, сухая и жаркая, росли там только ржаво-красные мхи, и лишь стрекозы прилетали туда греться на солнышке. У подножья стены среди обломков черепицы пробивались листья цикламенов, крокусов и асфоделей, и вся эта полоса была опутана непролазными зарослями ежевики, усыпанной в середине лета крупными сочными черными ягодами.

Обитатели стены были очень разнообразны, вели дневной или ночной образ жизни и делились на охотников и дичь. По ночам на охоту выходили жабы, жившие среди зарослей ежевики, и гекконы, бледные, почти прозрачные создания с выпуклыми глазами, обитавшие в трещинах в верхней части стены. Их жертвами были глупые, рассеянные долгоножки, неуклюже метавшиеся среди листвы; мотыльки

всех размеров и видов — полосатые, мозаичные, клетчатые, пятнистые, в крапинку, которые мягким облаком кружились у растрескавшейся штукатурки; жуки, толстенькие и прилично одетые, будто солидные бизнесмены, спешащие по каким-то ночным делам. Когда последний светлячок уносил свой холодный изумрудный фонарик в моховую постель и над землей появлялось солнце, стена переходила во владение других обитателей. Днем было труднее отличить жертву от хищника, казалось, что все тут поедает друг друга без разбора. Хищные осы, например, охотились на гусениц и пауков, пауки ловили мух, большие, хрупкие охотницы-стрекозы поедали пауков и мух, а быстрые, юркие цветистые ящерицы уничтожали их всех вместе.

Однако наибольшую опасность представляли самые робкие и незаметные обитатели стены. Они никогда не попадались вам на глаза, если вы сами не разыскивали их, а между тем в трещинах стены они гнездились сотнями. Если осторожно поддеть лезвием ножа кусок отставшей штукатурки и тихонько отделить ее от кирпича, вы обнаружите под ней маленького, темного скорпиона, будто бы отлитого из шоколада. У этих странных малюток плоское овальное тельце, аккуратные изогнутые ножки и огромные, словно крабьи, вздутые клешни с сочленениями, как на скафандре. Хвост их, похожий на нитку коричневых бусин, заканчивается жалом вроде шипа розы. Пока вы рассматриваете скорпиона, он лежит совсем тихо и только слегка поднимает изогнутый хвост, предостерегая вас почти извиняющимся жестом, когда вы слишком уж сильно начинаете дышать на него. Если долго держать скорпиона на солнце, он просто повернется к вам спиной и уйдет, а потом постарается заползти под другой кусок штукатурки.

Я проникся большой любовью к скорпионам. Они казались мне очень милыми и скромными созданиями с восхитительным в общем-то характером. Если вы не делаете ничего глупого и бестактного (не трогаете, например, их руками), скорпионы будут относиться к вам почтительно и

только постараются поскорее удрать и где-нибудь спрятаться. Меня они считали, должно быть, сущим наказанием, так как я постоянно отдираю от стены штукатурку и наблюдаю за ними или же ловил их и заставлял маршировать в банках из-под варенья, чтобы посмотреть, как движутся у них ножки. Устраивая неожиданные налеты на стенку, я сумел разузнать о скорпионах немало интересного. Например, обнаружил, что едят они синих мух (до сих пор не могу понять, как они их ловят), кузнечиков, бабочек и златоглазок. Несколько раз мне довелось видеть, как скорпионы поедают друг друга — весьма прискорбная, на мой взгляд, привычка у столь безукоризненных во всех отношениях созданий.

Пристроившись как-то в ночной темноте у стены с фонариком в руках, я умудрился подсмотреть удивительный брачный танец скорпионов. Сцепив клешни, они тянулись вверх и нежно обвивали друг друга хвостами. Я видел, как они медленно кружатся в вальсе среди пышных куртинок мха. Но видения эти мелькали передо мной лишь на краткий миг. Не успевал я зажечь фонарик, как партнеры тут же останавливались, минутку медлили и потом, видя, что я не собираюсь выключать свет, решительно удалялись, шествуя бок о бок, клешня в клешню. Определенно эти существа предпочитали уединение. Если бы можно было держать их у себя в плену, я бы, вероятно, сумел увидеть весь брачный обряд, однако мне строго-настрого запретили приносить скорпионов в дом, как я ни старался за них заступиться.

Но вот однажды я заметил на стене жирную скорпиониху, одетую, как мне сперва показалось, в светло-рыжее меховое пальто. Приглядевшись получше, я увидел, что это странное одеяние состоит из множества крошечных скорпиончиков, вцепившихся в материнскую спину. Я был в восторге от этого семейства и решил тайно пронести его в дом, наверх, в свою спальню, чтобы наблюдать потом, как подрастают малыши. С большой предосторожностью я водворил мамашу вместе со всем выводком в спичечный коробок и помчался домой. Но, на

мою беду, как раз в тот момент, когда я входил в дом, вся наша семья садилась за стол. Тогда я решил оставить пока коробок в гостиной. Осторожно положив его на камин, чтобы у скорпионов не было недостатка в воздухе, я вошел в столовую и тоже сел за стол. Слушая разговоры и тайком переправляя Роджеру куски под стол, я закопался с едой и совсем позабыл о своих необычных пленниках. А в это время Ларри, закончив еду, сходил в гостиную за сигаретами и, усевшись снова на стул, всунул в рот сигарету. В руках у него был спичечный коробок, прихваченный с камина. Не думая о нависшей надо мной опасности, я с интересом следил, как Ларри, все еще продолжая оживленную беседу, открыл коробок.

Я и по сей день твердо убежден, что у скорпионихи не было дурных намерений. Просто она была возбуждена и чуточку раздосадована долгим заточением, поэтому и воспользовалась первым же удобным случаем, чтобы удрать. Моментально выскочив из коробка вместе с уцепившимися за нее малютками, она побежала по руке Ларри. Потом, не зная, что делать дальше, остановилась и приподняла свое жало. Чувствуя, как по его руке что-то движется, Ларри обратил туда свой взор, и с этого мгновения события стали разворачиваться с поразительной быстротой.

От ужаса Ларри испустил такой громкий крик, что Лугареция уронила тарелку, а Роджер выскочил из-под стола и залился бешеным лаем. Резким взмахом руки Ларри стряхнул несчастную скорпиониху на стол, и та с глухим стуком приземлилась на скатерти между Марго и Лесли, рассыпая, словно конфетти, своих малюток. Разгневанная таким дурным обращением, она быстро направилась в сторону Лесли, изогнув свое дрожащее от негодования жало. Лесли, опрокидывая стул, вскочил на ноги и отчаянно махнул салфеткой. Скорпиониха покатилась по скатерти в сторону Марго, которая вдруг так громко заревела, что ей мог бы позавидовать любой паровоз. Мама совершенно сбитая с толку внезапной суматохой, надела очки и принялась

разглядывать скатерть, пытаюсь определить, что же все-таки было причиной такого столпотворения. И как раз в этот момент Марго, стараясь отогнать скорпиона, выплеснула на него стакан воды. В скорпиона она не попала, и весь душ пришелся на долю мамы, совершенно не выносившей холодной воды. Почти задыхаясь, она присела у края стола, не в силах даже вымолвить слова. Скорпиониха тем временем нашла убежище под тарелкой Лесли, тогда как ее малыши дико металась по всему столу. Роджер, не понимая причин переполоха, но твердо решив принять в нем участие, с неистовым лаем носился по всей комнате.

— Опять этот проклятый мальчишка... — проревел Ларри. — Смотрите! Смотрите! Они ползут сюда! — взвизгнула Марго. — Надо сходить за книгой!

— крикнул Лесли. — Не подымайте панику, бейте их книгой!

— Что же тут все-таки происходит? — умоляющим голосом спрашивала мама, протирая очки.

— Этот проклятый мальчишка... Он убьет нас всех... Взгляните на стол... Там по колено скорпионов...

— Скорей... скорей... сделайте что-нибудь... Осторожно, осторожно!

— Ради бога, перестаньте орать и сходите за книгой... Вы хуже собаки... Замолкни, Роджер... — Слава богу, меня не укусили... — Осторожно... вот еще один... Скорей... Скорей... — Да заткнитесь же вы все и дайте мне книгу или что-нибудь такое...

— Но, милые мои, как же скорпионы очутились на столе? — Этот проклятый мальчишка... Каждый спичечный коробок в доме таит опасность.

— Смотрите, он ползет ко мне... Скорее, сделайте что-нибудь... — Стукни его своим ножом... своим ножом... Да стукни же... Поскольку никто не взял на себя труда объяснить Роджеру смысл происходящих событий, он по ошибке решил, что всей нашей семье грозит беда и что его долг защитить нас. А так как Лугареция была единственным

чужим человеком в комнате, он сделал логический вывод, что это она во всем виновата, и цапнул ее за лодыжку. Шуму от этого, конечно, не убавилось.

К тому времени, когда порядок был кое-как восстановлен, все маленькие скорпиончики успели попрятаться под тарелками, вилками и ножами. После моей страстной мольбы и маминых просьб предложение Лесли перебить семейство скорпионов было в конце концов отвергнуто, и вся компания, не оправившись еще от страха и злости, удалилась в гостиную. Целых полчаса вылавливал я малюток, собирая их в чайную ложку, и возвращал на спину матери, а потом вынес на блюде из дому и с грустью выпустил на стенку сада. После этого мы с Роджером поспешили уйти и всю вторую половину дня провели на пригорке вдали от дома, так как, по моим соображениям, надо было дать всем как следует отдохнуть, прежде чем снова показываться им на глаза.

Последствия этого происшествия были самые разнообразные. У Ларри появился неодолимый страх перед спичечными коробками, и он открывал их с величайшей предосторожностью, обмотав сначала руку носовым платком. Лугареция, с накрученными на лодыжку пухлыми бинтами, прихрамывая, ковыляла по дому еще много недель после того, как зажил укус, и каждое утро, подавая чай, показывала нам свои струпья. Но история эта имела еще и худшие, на мой взгляд, последствия: мама пришла к выводу, что я снова отбиваюсь от рук и что теперь самое время продолжить мое образование. Покуда для меня подыскивали домашнего учителя по всем предметам, мама решила, что по крайней мере к французскому языку я могу приступить не мешкая. И вот после некоторых переговоров Спиро было поручено возить меня каждое утро в город на урок французского языка к бельгийскому консулу.

Дом консула находился в лабиринте узких, вонючих улочек, составляющих еврейский квартал города. Это было очаровательное место — мощенные булыжником улицы с

множеством лавчонок, заваленных кипами ярких тканей, горами блестящих леденцов, разной утварью из чеканного серебра, фруктами и овощами. Улицы были настолько узки, что приходилось всякий раз прижиматься к стенам домов и давать дорогу навьюченным товарам ослам. Меня очень привлекала эта красочная часть города, шумная и суетливая, где постоянно слышались голоса торгующихся женщин, кудахтанье кур, лай собак и протяжные крики мужчин несущих на голове огромные подносы с горячим, только что испеченным хлебом. Как раз в самом центре этого района, в верхнюю этаже высокого ветхого здания, уныло маячившего над крохотной площадью, жил бельгийский консул.

Это был приятный маленький человек с поразительной трехклинной бородой и старательно нафабранными усами. Он довольно серьезно относился к своей работе и всегда был одет так, словно отправлялся на важный официальный прием: черная визитка, брюки в полоску, светло-коричневые гетры над начищенными до блеска башмаками, огромный, спадающий шелковым водопадом галстук, прихваченный скромной золотой булавкой, и в довершение всего высокий, сияющий цилиндр. В любой час дня его можно было увидеть одетого подобным образом на какой-нибудь грязной улочке, где он изящно ступал среди луж или прижимался к стене с восхитительной учтивостью, уступая дорогу ослу и легонько постукивая его по задней ноге своей ротанговой тростью. Жители города не видели в его костюме ничего необычного. Они думали, что консул англичанин, а так как, по их представлениям, все англичане лорды, то им не только пристало, но просто необходимо носить соответствующую одежду.

Когда я приехал к консулу первый раз, он провел меня в комнату, сплошь увешанную фотографиями в массивных рамках, где он был изображен в различных наполеоновских позах. Спинки старинных кресел, обтянутых красной парчой, украшало множество салфеточек, а стол, за которым мы работали, был накрыт бархатной скатертью винно-красного

цвета с ярко-зеленой бахромой. Это была на удивление безобразная комната. Чтобы определить объем моих познаний во французском языке, консул усадил меня за стол, вынул объемистый, потрепанный том словаря Лярусс и положил его передо мной, открыв на первой странице.

— Пожалуйста, почитайте вот это, — сказал он по-английски с небольшим акцентом, и в его бороде приветливо сверкнул золотой зуб.

Потом он подкрутил кончики усов, поджал губы, заложил руки за спину и медленно стал шагать по комнате, направляясь к окну, а я принялся за слова, начинающиеся с буквы А. Едва с грехом пополам я одолел первые три слова, как консул неожиданно застыл на месте и про себя чертыхнулся. Я было подумал, что его шокирует мое произношение, но, видно, все это относилось вовсе не ко мне. Бормоча что-то себе под нос, мой учитель стремительно пронесся через комнату, с силой распахнул дверцы шкафа и выхватил оттуда внушительное на вид духовое ружье. Я следил за его действиями со все возрастающим удивлением и интересом, но все же опасаясь за свою жизнь. Консул зарядил ружье, рассыпая в отчаянной спешке дробинки по всему ковру, потом, пригнувшись, снова пробрался к окну и из-под прикрытия штор с волнением выглянул на улицу. Затем он поднял ружье, внимательно прицелился и выстрелил. Когда консул отошел от окна и отложил ружье в сторону, я с удивлением заметил, что в его глазах стоят слезы. Скорбно покачивая головой, он вытащил из верхнего кармана шелковый носовой платок невероятных размеров и с шумом высморкался.

— Ай-яй-яй! — протянул он нараспев. — Бедное создание... Однако надо нам работать... Читайте, пожалуйста, дальше, мон ами.

В течение всего урока я не мог отделаться от мысли, что консул прямо у меня на глазах совершил убийство или по крайней мере свел счеты с владельцем какого-нибудь соседнего дома по законам кровной мести. Однако после

четвертого урока, когда консул все еще продолжал по временам палить из окна, я решил, что мое объяснение сюда не подходит, разве что семья, с которой он воевал, была необыкновенно большая и, сверх того, ни один из ее членов не в состоянии был ответить ему выстрелом. Только неделю спустя я узнал подлинную причину непрерывной ружейной канонады. А причиной были кошки. В еврейском квартале, как и в остальных частях города, кошки могли плодиться без всяких препятствий и бродили по улицам буквально целыми сотнями. Хозяев у кошек не было, никто за ними не следил, поэтому выглядели они ужасно — все в болячках и язвах, с вылезшей клоками шерстью, с кривыми рахитичными лапами и невообразимо костлявые. Трудно было представить, в чем только держится их душа. Консул обожал кошек. В его собственном доме жили три огромных, раскормленных кота персидской породы. Однако видеть этих голодных, шелудивых представителей кошачьего племени, бродивших по крышам напротив его окна, было слишком большим испытанием для чувствительной природы консула.

— Я не могу их всех накормить, — объяснил он, — поэтому, чтобы они были счастливы, я их убиваю. Им так лучше, но мне это приносит большое огорчение.

Всякий, кто увидел бы этих кошек, легко бы мог понять, какой благородный и полезный труд взял на себя этот человек. Так вот и шли наши уроки французского языка, с постоянными перерывами, когда консул бросался вдруг к окну, чтобы отправить в более радостный мир еще одну кошку. После каждого выстрела на минуту воцарялась тишина, из почтения к смерти, затем консул громко сморкался, трагически вздыхал, и мы опять углублялись в запутанный лабиринт французских глаголов.

По какой-то непонятной причине у консула создалось впечатление, что моя мама умеет говорить по-французски, и он никогда не упускал случая завязать с ней беседу. Если во время своего приезда в город за покупками маме удавалось издали заметить среди толпы его цилиндр, она поспешно

сворачивала в ближайшую лавчонку и покупала там всякие ненужные ей вещи, пока не минует опасность. Но иногда консул появлялся вдруг из какого-нибудь переулка и заставлял маму врасплох. Приветливо улыбаясь и помахивая тростью, он подходил поближе, срывал с головы цилиндр и сгибался перед мамой почти вдвое, хватая неохотно протянутую руку и пылко прижимая ее к бороде. Они стояли посреди улицы (иногда их разделял проходивший мимо осел), и консул изливал на маму потоки французской речи, изящно жестикулируя палкой и цилиндром и вовсе не замечая растерянного выражения на мамином лице. Время от времени консул завершал свои фразы вопросом «n(est-ce-pas?)», на что мама должна была ему отвечать. Собравшись как следует с духом, она демонстрировала все свое совершенное знание французского языка.

—Oui, oui — произносила мама с нервной улыбкой и, если это звучало не очень выразительно, добавляла более четко: —OUI, OUI.

Ответ вполне удовлетворял консула, и он, очевидно, так никогда и не понял, что это было единственное французское слово, которое знала мама. Эти беседы были тяжким испытанием для ее нервной системы, и нам стоило только произнести: «Мама, смотри, консул идет», как она пускалась по улице предельно быстрым шагом, переходившим почти в галоп.

Мне эти уроки французского языка определенно пошли на пользу. Языка я, правда, не выучил, но каждый день к концу занятий мной овладевала такая скука, что в свои послеполуденные вылазки по окрестностям я пускался с удвоенной энергией. И конечно же, всякий раз я с нетерпением ждал четвергов, когда к нам приходил Теодор. Он появлялся в нашем доме после ленча, выждав для приличия некоторый срок, и оставался до тех пор, пока высоко над Албанскими горами не поднималась луна.

В этот день мы с Теодором уходили вместе из дому, иногда просто в сад, иногда и подальше. Нагруженные

коробками и сачками, мы шествовали среди олив, а впереди, обнюхивая землю, носился Роджер. Нас привлекало все, что попадалось на пути: цветы, насекомые, камни, птицы. У Теодора, несомненно, был неисчерпаемый запас сведений обо всем на свете, только он сообщал эти сведения особым способом, будто не преподносил вам нечто новое, а скорее напоминал о том, что вы уже знали, но почему-то не могли припомнить. Его рассказы были пересыпаны веселыми анекдотами, очень плохими каламбурами и еще худшими шутками, которые он выпаливал с удовольствием. В глазах его вспыхивали огоньки, нос морщился, и он беззвучно смеялся в бороду и над собой, и над своими шутками.

Каждый прудок, каждая канава с водой были для нас словно неисследованные джунгли, битком набитые зверьем. Крохотные циклопы, водяные блохи, зеленые и кораллово-розовые, парили среди подводных зарослей, будто птицы, а по илистому дну крались тигры прудов: пиявки и личинки стрекоз. Всякое дуплистое дерево, если в нем оказывалась лужица воды, где обитали личинки комаров, подвергалось самому тщательному исследованию, всякий замшелый камень переворачивался, а трухлявое бревно разламывалось. Прямой, подтянутый Теодор стоял у края пруда и осторожно водил под водой своим маленьким сачком, потом вытаскивал его и пристально вглядывался в болтавшийся на конце стеклянный пузырек, куда соскальзывали все мелкие водяные обитатели. — Ага! — обычно произносил он звенящим от волнения голосом, и борода его задиралась кверху. — Думаю, что это *Ceriodaphnia laticaudata*.

Он выхватывал из жилетного кармана лупу и принимался разглядывать пузырек еще внимательней.

— А, гм... да... весьма любопытно... это *laticaudata* .
Пожалуйста... э... передай мне чистую пробирку... гм... спасибо.

Он опускал в пузырек стержень авторучки, всасывая им крошечное животное, и, осторожно пересадив в пробирку,

принимался за остальной улов.

— Кажется, там больше нет ничего такого уж интересного... Ах да, я и не заметил... довольно любопытная личинка веснянки... вон там, видишь?.. Гм... она устроила себе чехлик из обломков раковин неких моллюсков... Ничего не скажешь, она прелестна.

На дне пузырька лежал тонкий в полдюйма длиной чехлик, сделанный будто из шелка и покрытый, как пуговицами, крошечными плоскими раковинками улиток. С одного конца этого восхитительного жилища выглядывал его владелец — препротивнейшее создание, похожее на червяка с муравьиной головой. Личинка медленно ползла по стеклу и тащила за собой свой замечательный домик.

— Я проделал однажды интересный опыт, — сказал Теодор. — Наловил этих... э... личинок и посдираю с них чехлики. Личинок я, разумеется, не повредил. Я разместил их по банкам с совершенно чистой водой, где не было ничего такого... э... материала для строительства новых оболочек. Потом положил в каждую банку строительный материал разного цвета: в одну мелкие голубые и зеленые бусинки, в другую крошки кирпича, потом белый песок и даже в одну банку... э... осколки цветного стекла. Они соорудили из всего этого новые домики и, должен сказать, результат был очень любопытный и... э... красочный. Несомненно, это очень способные архитекторы.

Он вылил содержимое пузырька обратно в пруд, забросил сачок на плечо, и мы отправились дальше.

— Кстати об архитектуре, — произнес Теодор, и в глазах его вспыхнули искорки. — Я еще не рассказывал о том, что случилось с одним моим... э... приятелем? Гм, да. Ну, вот, у него был за городом небольшой домик, а так как его семья... гм... увеличилась, он решил, что дом для них маловат и надо надстроить еще этаж. Но мне кажется, он слегка переоценил свои архитектурные... гм... возможности и сам составил проект. Гм, ха, да. Ну вот, все шло хорошо, этаж был надстроен очень быстро, со всеми его спальнями,

ванными и прочим. В честь завершения работ мой приятель собрал гостей, и все мы подняли тост за... гм... новую часть здания. С большой торжественностью леса были сняты... гм... убраны, и никто не заметил ничего... гм... особенного, пока один опоздавший гость не захотел взглянуть на новые комнаты. Вот тогда и обнаружили, что там не было лестницы. Понимаешь, в своих чертежах мой приятель, видно, забыл вставить лестницу, а когда началось строительство, он и его рабочие так привыкли взбираться на верхний этаж по лесам, что никто из них даже не заметил никакого... э... недостатка.

Мы бродили по жаре весь остаток дня, останавливались около прудов, канав и ручьев, пробирались сквозь душистые заросли цветущих миртовых кустов, шагали по вересковым холмам, по пыльным белым дорогам, где изредка нам навстречу плелся понурый осел с сонным крестьянином на спине.

К вечеру, когда наши банки, бутылки и пробирки наполнялись замечательной разнообразной живностью, мы возвращались домой. Небо в это время приобретало слегка золотистый оттенок, воздух становился прохладней и душистей. Мы шли через оливковые рощи, уже покрытые глубокой тенью. Впереди, высунув язык, бежал Роджер. Он то и дело оглядывался назад, боясь потерять нас из виду. Разморенные жарой, пыльные и усталые, обвешанные раздувшимися тяжелыми сумками, от чего приятно ныли плечи, мы с Теодором двигались вперед и распевали песню, которой он меня научил. Бодрый мотив этой песни оживлял наши уставшие ноги, мы начинали шагать веселее, и по всей роще радостно разносился баритон Теодора и мой пронзительный дискант.

10. Парад светлячков

Весну незаметно сменили долгие, жаркие дни лета, пронизанные солнцем и веселым, неумолчным звоном цикад, от которого дрожал весь остров. В полях начинали наливаться

початки кукурузы, закутанные в шелковую кремовую бахрому с рыжими верхушками. Если содрать с початка зеленую обертку и запустить зубы в ряды жемчужных зерен, рот ваш весь наполнится млечным соком. На виноградных лозах висели маленькие пятнистые гроздья, оливковые деревья гнулись под тяжестью плодов, гладких, точно из нефрита, зеленых шариков, и там всегда гремел мощный хор цикад, а в апельсиновых рощах в темной глянцеvitой листве начинали румяниться апельсины — их рябые зеленые щеки как бы заливались краской смущения.

Вверху, на холмах, среди вереска и темных кипарисов, словно подхваченные ветром конфетти, кружились хороводы бабочек. Время от времени какая-нибудь из них присаживалась на листок, чтобы отложить там яички. Под ногами у меня тикали, как часы, кобылки и ошалело неслись через вереск, поблескивая на солнце крыльями. Среди миртов двигались богомолы, медленно, осторожно — настоящее воплощение зла. Они были худые и зеленые, лицо без подбородка и чудовищные, круглые глаза, как холодное золото. В них горело упорное, хищное безумие. Изогнутые передние ноги с острой зубчатой бахромой, поднятые в притворной, вызывающей к миру насекомых мольбе — такой страстной, такой смирейной, — чуть подрагивали, если мимо проносились бабочка.

Вечером, когда становилось прохладней, цикады переставали петь, и их сменяли зеленые древесные лягушки, приклеенные к поникшим лимонным листьям у родничка. Их выпученные глаза словно гипнотизировали вас, спинки сияли гляncем, как и листья, на которых они сидели, голосовые мешки раздувались, и лягушки выпускали свои трели с такой отчаянной силой, что их влажная кожа, казалось, вот-вот лопнет от напряжения. После захода солнца наступали короткие, зеленоватые сумерки, их сменял сиреневый полумрак, и в прохладном воздухе разливались вечерние ароматы. Из укрытий выходили жабы цвета оконной замазки, расписанные причудливыми, как на географической карте,

темно-зелеными пятнами. Они незаметно двигались среди пучков высокой травы в оливковых рощах, где крутилось облако неуклюжих долгоножек — как будто тонкий газовый занавес колыхался над землей. Жабы сидели, прикрыв глаза, потом внезапно хватали пролетающую мимо долгоножку и, садясь обратно, со слегка смущенным видом подпихивали пальцами в свой огромный рот свисающие концы крыльев и ножек. А над ними, на ветхой стене старого сада, среди пышных шапок зеленого мха и зарослей крохотных поганок торжественно разгуливали пары маленьких скорпионов.

Море было спокойное, теплое и темное, как черный бархат, ни малейшая рябь не тревожила его гладкой поверхности. Далеко на горизонте легким красноватым заревом мерцало побережье Албании. Постепенно, минута за минутой, зарево растекалось по небу, сгущалось и светлело. И вдруг над зубчатой стеной гор поднималась огромная винно-красная луна, и от нее по темному морю пробежала прямая огненная дорожка. Совы, уже летавшие бесшумными тенями от дерева к дереву, вскрикивали в изумлении, замечая, как луна, подымаясь все выше и выше, становится розовой, потом золотой и наконец серебряным шаром всплывает в обитель звезд.

С наступлением лета у меня появился учитель Питер, высокий, красивый молодой человек, только что из Оксфорда и с довольно решительными взглядами на образование, что было мне, конечно, не по нраву. Однако атмосфера острова начала незаметно делать свое дело. Взгляды Питера понемногу смягчались, и он стал вполне похож на человека. Первые наши уроки были тяжелы до ужаса: нескончаемая возня с дробями, процентами, геологическими пластами и теплыми течениями, существительными, глаголами и наречиями. Но, по мере того как солнце оказывало на Питера свое магическое воздействие, дробь и проценты перестали казаться ему такой уж исключительно важной частью жизни, и мало-помалу они отходили на задний план. Кроме того, Питер обнаружил, что все сложности с геологическими

пластами и влиянием теплых течений можно гораздо легче объяснить, плавая вдоль побережья, и что самый простой способ преподавать английский язык — предоставить мне возможность каждый день писать что-нибудь самостоятельно и потом исправлять ошибки. Он предложил вести дневник, но я отказался, потому что у меня был уже один дневник о природе, куда я ежедневно записывал все, что встречал интересного. Если завести новый дневник, чем же я буду его заполнять? На такое возражение Питер не смог ничего ответить. Тогда я предложил попробовать что-нибудь более сложное и интересное. Например, написать книгу. Питера это слегка удивило, однако он не нашел резонного возражения против книги и согласился. И вот каждое утро примерно в течение часа я с удовольствием трудился над очередной главой своего эпического повествования — захватывающей истории, где мы всей семьей совершали путешествие вокруг света и по пути ловили всех, каких только можно себе вообразить, животных совершенно немислимыми силками и капканами. Я писал свою книгу в духе «Журнала для мальчиков», поэтому каждая глава у меня кончалась потрясающей сценой — на маму вдруг набрасывался ягуар или Ларри сражался с огромным, обвинившим его кольцами питоном. Иногда эти кульминации бывали так сложны и опасны, что на следующий день мне лишь с огромным трудом удавалось выцарапать своих родных из подобных ситуаций целыми и невредимыми. Пока я, высунув язык, трудился над своим шедевром, советуясь иногда с Роджером по поводу самых тонких сюжетных ходов, Питер и Марго отправлялись на прогулку по заросшему саду и любовались цветами. К моему удивлению, оба они обрели вдруг вкус к ботанике. Таким вот приятным для всех нас образом проходило каждое утро. В самом начале Питера еще терзали по временам угрызения совести, тогда мое сочинение перекачывало в ящик стола и мы углублялись в математические задачи. Но когда летние дни стали длиннее, а интерес Марго к садоводству заметно возрос, эти досадные периоды наступали

гораздо реже.

После злосчастной истории со скорпионами мне отвели большую комнату на втором этаже, где я мог держать своих зверей, и все стали смутно надеяться, что теперь наконец-то вся живность будет сосредоточена только в одной определенной части дома. Эта комната (я называл ее своим кабинетом, а остальные члены семьи — козьячником) приятно пахла эфиром и этиловым спиртом. Теперь я держал тут книги по естественной истории, свои дневники, микроскоп, скальпели, сачки, мешочки для сбора животных и другие не менее важные предметы. В больших картонных коробках хранились коллекции птичьих яиц, жуков, бабочек, стрекоз, а вверху на полках выстроились бутылки, в которых были заспиртованы такие интересные вещи, как цыпленок с четырьмя ножками (подарок мужа Лугареции), всевозможные ящерицы и змеи, лягушачья икра на разных стадиях развития, маленький осьминог, три бурых крысенка (дань Роджера) и крохотная черепашка, только что вылупившаяся из яйца и не вынесшая суровости зимы. На стенах висели немногочисленные, но со вкусом подобранные украшения: сланцевая плитка с окаменелыми остатками рыбы, фотография моей собственной персоны, пожимающей руку шимпанзе, и чучело летучей мыши. Чучело я набивал сам, без посторонней помощи, и очень им гордился. Если принять во внимание мою неопытность в этом искусстве, то чучело было вполне похоже на летучую мышь, особенно если стоять на другом конце комнаты. Раскинув крылья, она сердито смотрела со стены, прикованная к своей пробковой дощечке. Но когда наступило лето, летучая мышь, видно, почувствовала жару: она слегка одрябла, мех ее утратил свой блеск, и новый таинственный аромат пополз по комнате, перебивая запахи эфира и этилового спирта. Бедняга Роджер, это его объявили сперва виновником! И только позднее, когда запах уже проник в спальню Ларри, тщательное расследование привело к моему чучелу. Я был удивлен и немало раздосадован. Под нажимом родных чучело пришлось

выбросить. Питер объяснил, что я плохо его обработал, и обещал, если я достану еще один экземпляр летучей мыши, показать мне, как это делается по всем правилам. Я от души благодарил его, но осторожно посоветовал держать это в тайне, так как чувствовал, что теперь все домашние будут относиться к искусству набивки чучел с величайшим подозрением, придется потратить немало сил, чтобы настроить их на иной лад.

Добыть еще одну летучую мышь мне никак не удавалось. Вооруженный длинной бамбуковой палкой, я часами простаивал в залитых лунным светом узких аллеях оливковых рощ, однако летучие мыши проносились мимо меня вихрем, я даже не успевал поднять свое оружие. Но куда я стоял вот так, безнадежно подкарауливая случай, чтобы оглушить летучую мышь, я видел много других животных, которых при иных обстоятельствах мне бы увидеть не довелось. На склоне холма молодой лисенок с вожделием разыскивал жуков, роя землю своими неокрепшими лапками, и, откопав насекомое, тут же с хрустом поедал его. Однажды из-за миртовых кустов показались вдруг пять шакалов. Заметив меня, они остановились в недоумении и потом растаяли, как тени, среди деревьев. Между рядами олив, у самой травы, на бесшумных шелковых крыльях плавно, будто большие черные ласточки, скользили козодои, преследуя пьяных танцующих долгоножек. Однажды у меня над головой появилась чета сонь. В диком возбуждении они носились по всей роще, прыгая, точно акробаты, с ветки на ветку и скользя вверх и вниз по стволам деревьев. В лунном свете их поднятые пушистые хвосты мелькали, как клубы серого дыма. Меня очаровали эти зверьки, и я решил поймать одного из них. Конечно, лучше всего было ловить их днем, когда они спят. В поисках убежища сонь я старательно обшарил все оливковые рощи, однако это оказалось пустой затеей, потому что каждый корявый ствол имел дупло с полдюжиной выходов. Но все же поиски мои не были такими уж бесплодными.

Однажды я запустил руку в дупло, и мои пальцы наткнулись на какой-то мягкий комочек. Он зашевелился у меня под рукой, и я его вытащил. На первый взгляд добыча показалась мне большим клубком из пушинок одуванчика с парой огромных золотистых глаз, потом я увидел, что эта сплюшка, совсем маленький птенчик, еще покрытый пухом. С минуту мы смотрели друг на друга, затем совенок, оскорбленный, должно быть, моим грубым смехом над его внешностью, вонзил мне в палец свои крошечные коготки. От неожиданности я выпустил из рук ветку, за которую держался, и мы вместе с ним грохнулись на землю.

Я посадил негодующего птенца в карман и понес домой, с некоторым трепетом представив его своим родным. К моему удивлению он был принят с несомненной благосклонностью, мне без всяких оговорок разрешили держать его в доме. Поселился он в моем кабинете в плетеной корзинке и после продолжительных споров был наречен Улиссом. С самого начала совенок показал, что он птица с сильным характером, поэтому шутить с ним не стоит. Хотя его самого можно было поместить в чайной чашке, он проявлял необыкновенную отвагу и бесстрашно набрасывался на все и всех, независимо от роста. Так как жить нам предстояло в одной комнате, мне очень хотелось, чтобы у него с Роджером установились хорошие отношения, поэтому, как только совенок слегка осмотрелся на новом месте, я представил их друг другу, посадив Улисса на пол и приказав Роджеру приблизиться к нему и подружиться. У Роджера уже выработался философский подход к дружбе со всякого рода зверушками, которым я давал у себя приют, и теперь он старался подражать совиным манерам. Весело виляя хвостом, он любезно направился к Улиссу, который сидел посреди комнаты с далеко не дружественным выражением «лица» и сверлил Роджера свирепым, немигающим взглядом. Шаги собаки стали менее уверенными. Улисс не сводил с нее взгляда, будто пытался загипнотизировать. Роджер остановился, уши у него обвисли, хвост лишь чуть

подрагивал, и взор обратился ко мне за поддержкой. Я строго приказал ему следовать к намеченной цели. Роджер нервно посмотрел на совенка, а потом спокойно стал обходить его сзади. Однако Улисс тут же повернул голову на сто восемьдесят градусов и по-прежнему не сводил с собаки глаз. Роджеру еще ни разу не приходилось встречать зверя, который бы мог, не поворачиваясь, глядеть назад, поэтому он был в некотором замешательстве. Но, чуть поразмыслив, Роджер решил избрать легкий, игривый тон. Он растянулся на животе, положил голову на лапы и стал медленно подползать к птице, слегка повизгивая и непринужденно виляя хвостом. Улисс продолжал сидеть неподвижно, будто чучело. Роджеру удалось подползти совсем близко, но тут он совершил роковую ошибку. Вытянув морду вперед, он шумно и с любопытством обнюхал птицу. Многие мог бы вынести Улисс. Но позволить лохматому барбосу обнюхивать себя — никогда! Сейчас он покажет этой неуклюжей громадине без крыльев, где ее место. Прикрыв глаза, щелкая клювом, Улисс подпрыгнул в воздух и опустился прямо на морду собаки, вонзив в ее черный нос свои острые как бритва когти. Роджер в изумлении тявкнул, страхнул с себя совенка и спрятался под стол. Никакие уговоры не могли заставить его выйти оттуда, пока Улисс не был водворен обратно в свою корзинку. Когда соенок немного подрос, детский пушок сошел с него, и он весь покрылся замечательными пепельно-серыми, ржаво-красными и черными перьями. На светлой грудке красиво обозначились темные мальтийские кресты, на ушах отросли длинные кисточки, которые он всегда поднимал в негодование, если вы позволяли себе вольничать с ним. Теперь Улисс был слишком взрослый, чтобы жить в корзинке, о клетке же он просто слышать не хотел, так что пришлось отдать ему во владение весь кабинет. Свои упражнения в полетах он проводил между столом и ручкой двери и, как только освоил это искусство, выбрал себе жилье в углублении над окном и сидел там целый день с закрытыми глазами, точь-в-точь сучок оливы. Если с ним заговорить, глаза его

сразу широко распахнутся, кисточки на ушах поднимутся вверх, все тело вытянется, и на вас взглянет загадочный китайский идол с изможденным лицом. Если Улисс к вам расположен, он приветливо пощелкает клювом или же, как знак величайшей милости, слетит вниз и торопливо чмокнет вас в ухо.

После захода солнца, когда по темным стенам дома начинали бегать гекконы, Улисс просыпался. Он деликатно зевал, расправлял крылья, чистил хвост и так энергично встряхивался, что все его перья вставали дыбом, будто лепестки распушенной ветром хризантемы. Затем с большой непринужденностью он выпускал шарик полупереваренной пищи вниз на газету, расстеленную специально для этой, а также для других целей. Чтобы подготовиться к ночной охоте, он издавал пробное «ту-гу», удостоверился, что голос у него в порядке, и отчаливал на своих мягких крыльях. Беззвучно, как пушинка, облетев комнату, он опускался мне на плечо, сидел там минутку-другую, легонько пощипывая мое ухо, потом снова встряхивался, отбрасывал сантименты в сторону и принимал деловой вид. Подлетев к подоконнику, он издавал еще одно вопросительное «ту-гу?», уставясь на меня медовыми глазами. Это был знак, чтоб ему открыли ставни. Как только я распахивал их, Улисс выплывал из окна, и с минуту его силуэт вырисовывался на диске луны, прежде чем пропасть в темноте олив. А еще минутой позже раздавалось громкое, вызывающее «ту-гу! ту-гу!» — предупреждение, что Улисс вышел на охоту.

Охота его продолжалась разное время. Иногда уже через час он снова появлялся в комнате, иногда же пропадал всю ночь. Но куда бы соенок ни улетал, он ни разу не забыл вернуться в дом к ужину — между девятью и десятью часами. Если в моем кабинете свет не горел, Улисс спускался к окну гостиной и заглядывал в него — нет ли меня там. Если меня не было, он снова летел вверх, садился на окно моей спальни и нетерпеливо колотил по ставням, пока я не открывал их и не протягивал ему блюдце с фаршем, искрошенным сердцем

цыпленка или еще каким-нибудь деликатесом, припасенным в тот день. Проглотив последний кусочек сырого мяса, Улисс издавал тихий, вроде икоты, звук, минуту раздумывал и улетал снова, проплывая над верхушками деревьев, залитых лунным светом.

С тех пор как Улисс показал себя храбрым бойцом, он стал относиться к Роджеру вполне по-дружески, и теперь, когда мы шли вечером купаться, мне порой удавалось залучить его в нашу компанию. Обычно он сидел на спине Роджера, крепко вцепившись в его черную шерсть, и если, как это иногда случалось, Роджер забывал о своем пассажире и бежал слишком быстро или же слишком резво перепрыгивал через камень, в глазу Улисса загорался огонь, крылья начинали бить воздух в отчаянном усилии удержать равновесие, и он громко и с возмущением щелкал клювом, пока я не принимался отчитывать Роджера за беспечность. На берегу моря Улисс восседал на моих штанах и рубашке, а мы с Роджером кувыркались на мелком месте в теплой воде. Вытянувшись, как гвардеец на карауле, Улисс следил за нашими проделками круглыми, слегка осуждающими глазами. Нередко он покидал свой пост, кружился над нами, щелкая клювом, и опять возвращался на берег. Опасался ли он за нашу жизнь или просто хотел поиграть с нами, я так и не смог решить. Если мы купались слишком долго, ему это надоедало, он взмывал над холмом и летел в сад, крикнув нам на прощанье «ту-гу».

Летом, в полнолуния, мы всей семьей отправлялись на ночные купания, так как днем слишком сильно палило солнце и перегретое море ничуть не освежало. Как только выходила луна, мы спускались через рощу к скрипучей деревянной пристани и залезали на «Морскую корову». Ларри и Питер садились на одно весло, Марго и Лесли на другое, а мы с Роджером пробирались на нос и были впередсмотрящие. Примерно через полмили показывался небольшой заливчик с пляжами из белого песка и грудой гладких, все еще теплых камней, на которых было так приятно полежать. Мы ставили

«Морскую корову» на якорь в глубоком месте и потом, перемахнув через борт, весело плескались и ныряли, так что лунный свет дрожал на взбаламученных водах залива. Всласть накувыркавшись, мы не спеша плыли к берегу и ложились на теплые камни, лицом к звездному небу. Обычно через полчаса мне надоедало слушать разговоры взрослых, я снова входил в воду и медленно плавал по заливу на спинке, любуясь луной. И вот однажды, покачиваясь так на волнах, я обнаружил, что залив этот привлекал не только нас одних.

Свободно раскинувшись в теплой, ласковой воде и лишь чуть-чуть шевеля руками, чтобы держаться на поверхности, я разглядывал Млечный Путь, протянувшийся через небо шифоновым шарфом, и соображал, сколько же в нем звезд. С берега, гулко отдаваясь эхом, до меня доносились голоса и смех, а если я слегка приподнимал голову, мне были видны очертания фигур, освещенных вспыхивающими огоньками сигарет. Совсем убаюканный, я продолжал тихо плыть по заливу, как вдруг почти рядом с собой услышал какой-то громкий шлепок и бульканье. Затем последовал длинный, глубокий вздох, и я закачался на легких волнах. Мгновенно выпрямившись, я высунулся из воды, чтобы определить, далеко ли уплыл от берега, и вдруг с ужасом увидел, что был на порядочном расстоянии не только от берега, но и от «Морской коровы». И как знать, что это тут плавает вокруг меня в темной воде? С берега все еще доносились взрывы смеха, и я видел, как высоко в воздухе красной звездой влетал окурок сигареты, описывая кривую и гас у кромки воды.

Беспокойство охватывало меня все сильнее, и я уже готов был позвать на помощь, когда футах в двадцати от меня море вдруг как будто расступилось с легким плеском и бульканьем, и на поверхности показалась гладкая, блестящая спина, издала глубокий удовлетворенный вздох и снова скрылась под водой. Едва я успел сообразить, что это был дельфин, как тут же понял, что дельфины окружили меня со всех сторон. Они всплывали на поверхность, выставив свои горбатые темные спины, сиявшие в лунном свете, и с

наслаждением вдыхали воздух. Всего их было, наверно, штук восемь. Один из них вынырнул от меня так близко, что я мог бы через три взмаха оказаться рядом с его черной головой. Издавая глубокие, тяжкие вздохи, дельфины играли посреди залива, а я плавал вместе с ними и зачарованным взглядом следил, как они с бульканьем поднимаются из воды, делают медленный вдох и снова исчезают в глубине, оставляя на поверхности лишь легкие, пенные круги. Но вскоре все дельфины, как по команде, повернулись и уплыли в сторону далекого Албанского побережья. Я высунулся из воды и смотрел, как они плывут вдоль светлой лунной дорожки, то выныривая на поверхность, то с блаженным вздохом снова уходя под воду, теплую как парное молоко. За ними тянулся след из крупных дрожащих пузырей пены, которые вспыхивали, точно маленькие луны, прежде чем исчезнуть в волнах.

После этого мы стали часто встречать дельфинов во время своих поздних купаний при лунном свете, и однажды они устроили в нашу честь иллюминированное представление с участием одного из самых привлекательных насекомых, населяющих остров. Мы знали, что в жаркие летние месяцы море здесь начинает фосфоресцировать. В лунные ночи это было не так заметно — лишь слабое зеленоватое мерцание вокруг носа лодки да короткая вспышка, когда кто-нибудь из нас нырял в воду. Мы считали, что лучшее время для фосфоресценции — безлунные ночи. В летние месяцы на острове появлялся и другой светящийся обитатель — светлячок. Эти небольшие бурые жучки вылетали с наступлением темноты и десятками кружились среди оливковых рощ, то зажигая, то гася фонарики, излучавшие зеленовато-белый, а не золотисто-зеленый, как на море, свет. Лучшей порой для светлячков тоже были темные ночи, когда яркий лунный свет не затмевал сияния их огоньков. Но все-таки нам бы никогда не удалось увидеть одновременно и дельфинов, и светлячков, и фосфоресценцию, если бы не мамин купальный костюм.

Мама давно уже с завистью смотрела на наши купания, как дневные, так и ночные, но когда мы предложили ей ходить вместе с нами, она заявила, что слишком стара для подобного рода вещей. И все же под нашим постоянным нажимом она в конце концов наведальась в город и возвратилась домой с таинственным пакетом в руках. Смущенно развязав пакет, мама изумила нас всех, вытащив оттуда на редкость бесформенное одеяние из черной материи, покрытое сверху донизу бесчисленными оборочками и складочками. — Ну, что вы об этом скажете? — спросила мама. Мы уставились на странный наряд, пытаясь отгадать, для чего он предназначен.

— Что это такое? — спросил наконец Ларри. — Купальный костюм, разумеется, — ответила мама. — Что же это еще, по-вашему, может быть?

— Он напоминает мне сильно исхудавшего кита, — сказал Ларри, приглядываясь к костюму.

— Ты это ведь не наденешь, мама, — сказала пораженная Марго. — Можно подумать, что он сшит в двадцатом году.

— А для чего тут оборки и все вот эти штуки? — с интересом спросил Ларри.

— Для украшения, конечно, — с негодованием ответила мама. — Ничего себе украшения! Не забудь вытряхивать из них рыбу, когда будешь выходить из воды.

— Могу лишь сказать, что мне это нравится, — твердо заявила мама, засовывая чудовище обратно в пакет. — И я буду его носить.

— Ты можешь затонуть во всей этой амуниции, — серьезно сказал Ларри.

— Мама, это ужасно. Его нельзя носить, — сказала Марго. — Ну почему ты не купила что-нибудь более современное?

— Когда ты доживешь до моих лет, милая, ты не станешь ходить в трусах и лифчике... У тебя будет не та фигура.

— Хотел бы я знать, на какую же фигуру было рассчитано вот это, — заметил Ларри.

— Ты просто безнадежна, мама, — с отчаянием сказала Марго.

— Но мне это нравится... я же вас не прошу его носить, — воинственно возразила мама.

— Ну правильно. Это твое личное дело, — согласился Ларри. — А ты его не снимай. Может быть, потом он окажется тебе в самую пору, если для этого ты сумеешь отрастить еще три или четыре ноги.

Фыркнув от возмущения, мама ушла наверх примерять костюм. Через некоторое время она позвала нас оценить результат, и мы всей гурьбой двинулись в ее спальню. Прежде всех вошел Роджер, и, очутившись перед странным видением в пышном черном костюме с массой оборок, он поспешно отступил к двери, пятясь задом, и залился яростным лаем. Нам не сразу удалось убедить его, что это просто наша мама, но даже и после этого он все еще продолжал коситься на нее не очень доверчивым взглядом. Однако же, несмотря на все противодействие, мама не захотела расстаться со своим похожим на шатер костюмом, и в конце концов мы отступились.

В честь ее первого морского купания мы решили устроить в лунную ночь пикник на берегу залива и послали приглашение Теодору. Он был единственный из посторонних людей, кого мама могла допустить на такое торжество. И вот день великого омовения наступил. Мы припасли вина и закусок, вычистили лодку, набросали в нее подушек, и все уже было готово к отъезду, когда явился Теодор. Услышав о нашем намерении устроить при лунном свете пикник с купанием, Теодор объявил, что сегодняшней ночью луны на небе не будет. Все тут же принялись упрекать друг друга в том, что никто не следил за лунными фазами, и спор продолжался до самых сумерек. Наконец было решено, что хочешь — не хочешь, а на пикник отправляться надо, раз уж все наготове. Мы забрались в лодку, набитую едой, вином,

полотенцами и сигаретами, и поплыли вдоль берега. Я с Теодором сидел на носу, мама была рулевым, а все остальные гребли по очереди. Пока мама еще не освоилась с темнотой, она искусно провела нас по кругу, так что после десяти минут энергичной гребли мы вдруг снова очутились перед пристанью, врезавшись в нее что есть силы. Расстроенная такой неудачей, мама пустилась в другую крайность, направив лодку прямо в открытое море, и, не заметь Лесли этого обстоятельства вовремя, мы бы в конце концов оказались где-нибудь у берегов Албании. После этого управление взяла на себя Марго, и она справлялась со своим делом вполне сносно, если не считать тех критических моментов, когда она начинала волноваться и совсем забывала, что при повороте направо румпель надо отвести влево. Поэтому нам приходилось напрягать все силы и минут по десять выравнивать лодку, которую Марго направляла прямо на скалу, вместо того чтобы отвести ее от скалы. В целом же это было доброе начало маминого первого купания.

В конце концов мы благополучно добрались до залива, расстелили на песке коврики, разложили еду, выстроили на отмели батарею бутылок, чтобы они охлаждались, и торжественный момент наступил. Под громкие приветственные крики мама сбросила халат и предстала перед нами во всем блеске. В своем купальном костюме она вполне могла бы сойти, как выразился Ларри, за морской вариант памятника принцу Альберту (огромный, пышный монумент в Лондоне, возведенный в память принца Альберта, супруга королевы Виктории). Роджер вел себя прекрасно, пока не увидел, как мама неторопливо и с достоинством ступает по мелководью. Это его очень взбудоражило. Видно, он принял купальный костюм за некое морское чудовище, которое обхватило маму со всех сторон и вот-вот утащит в глубины. С диким лаем он бросился ей на выручку, вцепился в одну из бесчисленных оборок, идущих по краю костюма, и потянул что есть силы. Мама в это время как раз успела вымолвить, что вода немножко холодновата, и вдруг почувствовала, как

ее тянут назад. Она вскрикнула от испуга и, потеряв равновесие, шлепнулась в воду, а Роджер продолжал тянуть изо всех сил, пока не оторвал порядочный кусок оборки. Обрадованный, что враг распадается на части, Роджер подбодрил маму рычанием и принялся сдирать с нее остатки гнусного чудовища. Мы корчились на песке от хохота, а мама сидела на мелком месте и, еле переводя дух, старалась подняться на ноги, отбивалась в то же время от Роджера и, как могла, придерживала купальный костюм. На ее беду, костюм, сконструированный из слишком плотного материала, наполнился воздухом и, намекнув в воде, раздулся как шар. Теперь положение мамы стало еще тяжелее, так как ей приходилось управлять этим дирижаблем из оборок и складок. Спас ее Теодор. Он прогнал Роджера и помог маме подняться. После того как мы выпили по стакану вина, чтобы прийти в себя и отметить такое событие (спасение Тезеем Андромеды, как обозначил это Ларри), все пошли купаться. Мама благоразумно сидела на мелком месте. Роджер расположился рядом с нею и грозно рычал на костюм, если он пузырился или хлопал вокруг маминой талии.

Море в ту ночь светилось особенно ярко. Стоило провести рукой по воде, как на море вспыхивала широкая золотисто-зеленая лента застывшего огня, а при прыжке в воду вам казалось, что вы погружаетесь в колодный расплав сверкающего света. Вдоволь наплескавшись, мы вышли на берег, все в огненных струях, и приступили к закускам. Когда к конду ужина были откупорены бутылки, в оливах позади нас, будто по заказу, появилось несколько светлячков — увертюра к представлению.

Сначала там мигали только две или три зеленые точки, плавно скользившие среди деревьев. Но постепенно их становилось больше, и вот уже вся роща освещена фантастическим зеленым заревом. Никогда нам не приходилось видеть такого огромного скопления светлячков. Они носились облаком среди деревьев, ползали по траве, кустам и стволам, кружились у нас над головой и зелеными

угольками сыпались на подстилки. Потом сверкающие потоки светлячков поплыли над заливом, мелькая почти у самой воды, и как раз в это время, словно по сигналу, появились дельфины. Они входили в залив ровной цепочкой, ритмично раскачиваясь и выставляя из воды свои точно натертые фосфором спины. Посреди залива они завертелись хороводом— ныряли, кувыркались, изредка выпрыгивали из воды и снова падали в полыхающие потоки света. Вверху светлячки, внизу озаренные светом дельфины — это было поистине фантастическое зрелище. Мы видели даже светящиеся следы под водой, у самого дна, где дельфины выводили огненные узоры, а когда они подпрыгивали высоко в воздух, с них градом сыпались сверкающие изумрудные капли, и уже нельзя было разобрать, светлячки перед вами или фосфоресцирующая вода.

Почти целый час любовались мы этим ослепительным представлением, а потом светлячки стали возвращаться к берегу и постепенно рассеиваться. Вскоре и дельфины потянулись цепочкой в открытое море, оставляя за собой огненную дорожку, которая искрилась и сверкала и наконец медленно гасла, будто тлеющая ветка, брошенная в залив.

11. Очарованный архипелаг

С каждым днем жара становилась все сильнее. При таком пекле вести «Морскую корову» на веслах до нашего заливчика казалось нам делом изнурительным, и мы купили подвесной мотор. Приобретение этого механизма открыло для нас обширные береговые пространства, так как теперь мы отваживались уходить гораздо дальше, совершая путешествия вдоль изрезанных берегов к самым отдаленным пустынным пляжам, золотым, как кукуруза, или серебряным — будто месяц упал там среди нагромождения камней. Только теперь я узнал, что здесь вдоль берега на целые мили тянется архипелаг мелких островков. Одни из них были довольно обширны, другие же всего лишь большие скалы с пучком

случайной зелени на вершущке. По каким-то причинам, разгадать которые я не умел, архипелаг этот очень привлекал морских животных. Везде вокруг островов, в скалистых бухточках и песчаных заливчиках размером с большой стол обитала разнообразнейшая живность. Несколько раз мне удалось соблазнить всех поездкой на эти островки, но там было слишком мало удобных для купания мест, так что вскоре всем надоело жариться на горячих камнях, пока я выжигивал, а иногда выкапывал странных и, по их мнению, отвратительных морских обитателей. К тому же островки были расположены слишком близко у берега, иногда их отделял от него пролив не шире двадцати футов, со множеством рифов и скал. Нужна была большая осторожность, чтобы провести «Морскую корову» через эти опасные места и сохранить мотор в целости. Несмотря на мои отчаянные уговоры, поездки туда становились все реже, и я изводился от мыслей обо всех чудесных животных, каких можно было бы поймать в прозрачной воде тех заливчиков. Однако поделаться я тут ничего не мог просто потому, что у меня не было лодки. Я выпрашивал разрешение ездить туда на «Морской корове» одному, скажем, раз в неделю, но все — по разным соображениям — были против этого. И вот, когда я уже почти отчаялся, меня вдруг осенила блестящая мысль: близился день моего рождения, и, если теперь ловко повести дело, можно получить не только лодку, но и кучу другого снаряжения. Не теряя времени, я постарался довести до сведения всех, что будет гораздо лучше, если они не станут сами выбирать для меня подарки, а послушают, что мне больше всего нужно, тогда ни у кого не будет опасения разочаровать меня. Застигнутые врасплох, они согласились, но потом с некоторым беспокойством стали спрашивать, что же я хочу получить. Я с невинным видом заявил, что еще не очень-то об этом думал, но вот составлю для каждого список, и тогда они могут выбрать из него, что захотят.

На составление списков мне пришлось потратить немало времени и сил, а также придумать уйму

психологических уловок. Понимая, например, что мама купит мне все, что я попрошу, я включил в ее список самые необходимые и дорогостоящие вещи: пять деревянных ящиков со стеклянным верхом и пробковой прокладкой для коллекции насекомых; две дюжины пробирок; пять пинт этилового спирта, пять пинт формалина и микроскоп. Составить список для Марго оказалось несколько труднее, так как здесь выбирать надо было все с таким расчетом, чтобы она могла ходить по своим излюбленным магазинам. Поэтому от нее я требовал десять ярдов марли, десять ярдов белого коленкора, шесть больших пачек булавок, два пакета ваты, две пинты эфира, пинцет и два стержня для авторучки. Совершенно бесполезно, рассуждал я со смирением, просить у Ларри такие вещи, как формалин или булавки, но если мой список обнаружит некоторую склонность к литературе, то у меня могут быть неплохие шансы. Поэтому я взял огромный лист бумаги и сплошь исписал его заглавиями, именами авторов, издателей и ценами всех книг по естествознанию, какие только считал нужными, отметив звездочкой те, что будут приняты с особой благодарностью. Теперь у меня оставалась только одна заявка, и я решил, что на Лесли лучше нападать словесно, но момент для этого надо выбирать с большой осторожностью. Мне пришлось ждать несколько дней, прежде чем наступила эта благоприятная, на мой взгляд, минута.

Я только что помог Лесли успешно завершить затеянные им баллистические опыты, где требовалось привязать к дереву старинное, заряжающееся с дула ружье и стрелять из него при помощи длинной пружины, приделанной к спусковому крючку. На четвертой попытке мы достигли того, что Лесли, очевидно, считал успехом: ствол взорвался и куски металла с жалобным воем разлетелись во все стороны. Лесли был в восторге, он делал многочисленные пометки на обороте конверта, а потом мы вместе отправились собирать остатки ружья. И вот, во время этого занятия я спросил как бы невзначай, что он собирается подарить мне ко дню рождения.

— Не думал пока об этом, — ответил он рассеянно, с явным удовлетворением рассматривая скрученный кусок металла. — Мне безразлично... все, что хочешь... выбери сам.

Я сказал, что мне нужна лодка. Понимая, в какую он попал западню, Лесли с возмущением ответил, что лодка — слишком дорогой подарок для дня рождения, во всяком случае ему это не по карману. Я тоже возмутился и сказал, что он сам велел мне выбирать подарок. Да, велел, согласился Лесли, но он вовсе не имел в виду лодку, потому что лодки страшно дорогие. Я сказал, что если человек говорит «все, что хочешь», это значит все, что хочешь, в том числе и лодки, и, во всяком случае, я совсем не думал, что он должен покупать мне лодку. Я просто думал, что, уж если он столько знает о лодках, он может ее построить. Ну, а если он считает, что это будет слишком трудно...

— Разумеется, это нетрудно, — неосмотрительно сказал Лесли и поспешно добавил: — Ну... не так уж трудно. Только вот время. Для этого потребуется целая вечность. Подумай, может, нам все-таки лучше выходить с тобой два раза в неделю на «Морской корове»?

Но я был как кремень. Мне нужна лодка, и я готов ждать ее. — Ладно, ладно, — рассердился Лесли. — Сделаю тебе лодку. Но пока я буду ее строить, чтоб не вертелся около меня, понял? Держись от меня подальше. Увидишь ее только тогда, когда она будет совсем готова.

Я с радостью согласился на такие условия. И вот в течение двух недель Спиро без конца привозил на своей машине доски, а с задней веранды вместе с визгом пилы и стуком молотка неслись громкие проклятия. Весь дом был засыпан стружками, и, где бы ни появлялся Лесли, он всюду оставлял следы опилок. Я без особого труда сдерживал свое нетерпение и любопытство, потому что как раз в то время для меня нашлось еще одно дело. У нас только что закончился какой-то ремонт на задней стороне дома, и после него осталось три мешка чудесного розового цемента. Я тут же

присвоил цемент себе и взялся за устройство маленьких прудов, где можно было бы держать не только пресноводную фауну, но и всех замечательных морских животных, каких я надеялся поймать на своей новой лодке. Рыть пруды в разгар лета оказалось труднее, чем я думал, но в конце концов мне все же удалось выкопать несколько вполне сносных прямоугольников и потом, плескаясь в течение двух дней в липкой каше чудесного кораллового цемента, я совсем ожил. Теперь по всему дому следы из опилок и стружек переплетались с замечательным узором розовых отпечатков.

За день до моего рождения вся семья совершила экскурсию в город. На это было три причины. Во-первых, всем надо было купить для меня подарки, во-вторых, пополнить запасы кладовой. Мы еще давно решили, что не будем приглашать много народу на вечер. К чему нам давка? Самое большое — десять гостей, старательно подобранных. Такое маленькое, но изысканное общество нам больше всего по вкусу. Когда все пришли к единодушному решению, каждый отправился приглашать десять гостей. К сожалению, все пригласили вовсе не одних и тех же людей, за исключением лишь Теодора, который получил пять отдельных приглашений. Только накануне вечера мама вдруг обнаружила, что у нас будет не десять гостей, а сорок пять. Третьей причиной для поездки в город была необходимость свести Лугарецию к зубному врачу. В последнее время зубы были главным несчастьем Лугареции, и доктор Андручелли, заглянув ей в рот и издав серию отрывистых звуков, объявил, что ей надо удалить все зубы, так как они причина всех ее болезней. После целой недели препирательств, омытых потоком слез, нам удалось вырвать у нее согласие, только она отказалась идти к врачу без моральной поддержки. И вот, посадив бледную, залитую слезами Лугарецию с собой в машину, мы поехали в город.

Вернулись мы вечером, измученные и злые. Автомобиль был доверху забит продуктами, а Лугареция, точно труп, лежала у нас на коленях и громко стонала. Было совершенно

ясно, что завтра она будет не в состоянии помогать маме готовить угощения или выполнять другую работу по дому. Когда мы обратились за советом к Спиро, он нахмурил брови и как всегда ответил: — Не беспокойтесь. Предоставьте это дело мне. Утро было насыщено событиями. Лугареция достаточно оправилась, чтобы взяться за легкую работу. Она ходила за нами по дому, с гордостью показывала кровоточащие провалы в деснах и подробно описывала, какие ей пришлось пережить муки с каждым зубом. Я внимательно осмотрел подарки, выразил всем благодарность, а потом отправился с Лесли к задней веранде, где возвышалось таинственное сооружение, покрытое брезентом. С видом фокусника Лесли сдернул брезент, и я увидел свою лодку. Лучшей лодки, конечно, никогда ни у кого не было. Я смотрел на нее с восторгом. Она стояла передо мной и поблескивала свежей краской — мой резвый конь к очарованному архипелагу.

Лодка имела семь футов в длину и была почти круглая по форме. Как поспешил объяснить Лесли (на случай, если я подумаю, что такая форма вызвана недостатком мастерства), причина заключалась в том, что доски были слишком коротки для каркаса. Объяснение меня вполне удовлетворило. В конце концов такая досадная вещь могла случиться со всяким. Я решительно заявил, что форма у лодки прекрасна, да я и в самом деле так думал. У нее не было ни стройности, ни гладкости, ни того хищного вида, какой бывает у большинства лодок. Она казалась мирной, круглой и какой-то уютной в своей компактности и напоминала мне важного скарабея — насекомое, которое я очень любил. Лесли, обрадованный моим неподдельным восторгом, постарался объяснить, что ему пришлось сделать лодку плоскодонной, так как по разным техническим причинам такая конструкция была самой безопасной. Я сказал, что люблю плоскодонки больше всего, потому что в них можно ставить банки с образцами на дно без всякого риска. Лесли спросил, нравится ли мне окраска лодки, сам он был не очень в ней уверен. Я

считал, что именно окраска придавала лодке такой замечательный вид. Внутри лодка была зеленая и белая, а ее пузатые бока со вкусом расписаны белыми, черными и ярко-оранжевыми полосками. Такое сочетание красок показалось мне очень красивым и приятным. Потом Лесли показал мне гладкий кипарисовый шест, предназначенный для мачты, и объяснил, что, пока лодка не будет спущена на воду, его нельзя устанавливать. Сгорая от нетерпения, я предложил спустить лодку не откладывая. Лесли, любивший во всем порядок, сказал, что нельзя спускать судно на воду, не окрестив его сначала. Могу ли я предложить какое-нибудь название? Это была трудная задача, для ее решения пришлось призвать на помощь всех остальных. Они обступили лодку, словно гигантский цветок, и стали шевелить мозгами. — Не назвать ли ее «Веселый Роджер»? — спросила Марго. Я с презрением отверг это предложение и объяснил, что мне надо какое-нибудь круглое название, которое бы сочеталось с внешним видом лодки и ее свойствами. — «Паташон» — рассеянно предложила мама. Это слово тоже не годилось. Лодка просто была не похожа на Паташона.

— Назови ее «Ковчег», — подал голос Лесли, но я покачал головой.

Все опять безмолвно уставились на лодку. И вдруг меня осенило! Отличное название: «Бутл» — вот как я ее назову. И слово уютное, круглое, и город такой есть, где строят корабли. — Очень хорошо, милый, — одобрила мама. — А я только что хотел предложить «Толстогузый», — сказал Ларри.

— Ларри, милый, — укоризненно посмотрела на него мама, — не надо учить мальчика таким вещам.

Я старался обмозговать предложение Ларри. Конечно, название было необычным, но ведь «Бутл» тоже необычное слово. И то и другое, кажется, отвечало и форме и особенностям лодки. После долгих размышлений я наконец решил, как мне поступить. Достав банку с черной краской, я старательно вывел на борту большими подплывающими

буквами: «Бутл-Толстогузый». Ну вот, это будет не только необычное, но и аристократическое имя, написанное через дефис. Чтоб успокоить маму, я обещал в разговоре с посторонними называть лодку только «Бутл». Когда вопрос с названием был улажен, мы приступили к спуску лодки на воду. Для этого потребовались объединенные усилия Марго, Питера, Лесли и Ларри, которые снесли лодку вниз, к пристани, в то время как мы с мамой шли сзади с мачтой и бутылочкой вина, чтобы ознаменовать спуск должным образом. В конце пристани все остановилось, изнемогая под тяжестью лодки, а мы с мамой принялись откупоривать бутылку.

— Что вы там возитесь? — раздраженно спросил Ларри. — Ради бога, поторопитесь. Я не привык изображать стапеля.

Наконец нам удалось вытащить пробку, и я внятным голосом объявил, что нарекаю это судно именем «Бутл-Толстогузый», после чего хлопнул бутылкой о пузатый борт, ближе к корме, но так неудачно, что полпинты вина выплеснулось на голову Ларри.

— Осторожно! — возмутился он. — Кого ты собираешься спускать на воду?

С силой размахнувшись, они наконец сбросили лодку с пристани, и та с пушечным выстрелом шлепнулась на свое плоское дно, разбрызгивая во все стороны воду, и потом уверенно запрыгала на волнах. У нее был чуть приметный крен на правый борт, но я великодушно приписал это белому вину, а не мастерству Лесли.

— Ну вот!-командовал Лесли.-Поставим мачту... Марго, держи нос... вот так... Питер, если вы пройдете на корму, мы с Ларри передадим вам мачту... надо только вставить ее вон в то углубление.

Пока Марго лежала на животе, удерживая нос лодки, Питер ловко прыгнул на корму и, широко расставив ноги, приготовился принимать от Ларри и Лесли мачту.

— Эта мачта, Лесс, кажется мне несколько

длинноватой, — заметил Ларри, окидывая ее критическим взглядом.

— Ерунда! — ответил Лесли. — Станет на место, будет в самый раз. Ну что, Питер, вы готовы?

Питер кивнул, приосанился, крепко схватил мачту обеими руками и опустил ее в гнездо. Потом отступил назад, отряхнул руки, и «Бутл» со скоростью, удивительной для его габаритов, опрокинулся вверх дном. Питер в своем единственном приличном костюме, который он надел в честь моего дня рождения, исчез под водой почти без всплеска. На поверхности остались только его шляпа, мачта и ярко-оранжевое дно «Бутла».

— Он утонет! Утонет! — закричала Марго, всегда ожидавшая самого худшего.

— Ерунда! Здесь не так уж глубоко, — сказал Лесли. — Я ведь говорил, что мачта слишком длинная, — сладким голосом проворковал Ларри.

— И вовсе она не длинная, — со злостью огрызнулся Лесли. — Просто этот дурень неправильно ее вставил. — Не смей называть его дурнем, — сказала Марго. — Нельзя же приделать двадцатифутовую мачту к такой вот лоханке и думать, что она не перевернется. — Если ты такой уж умник, почему ты сам не построил лодку? — Меня никто не просил... К тому же ты считаешься знатоком, хотя я сомневаюсь, чтоб тебя держали на верфях в Клайдсайте.

— Очень смешно! Всегда легче критиковать... А все потому, что этот дурень...

— Как ты смеешь называть его дурнем? — Ладно, ладно, не стоит ругаться, милые, -миролюбиво говорила мама.

— Но у Ларри такой менторский тон...

— Слава богу! Он выплыл, — радостно воскликнула Марго, когда перемазанный, мокрый Питер появился на поверхности.

Мы вытащили его из воды, и они с Марго помчались домой, чтобы успеть высушить костюм к вечеру. Остальные, не переставая спорить, отправились следом за ними. Лесли,

задетый за живое критикой Ларри, облачился в трусы, взял огромный учебник по конструированию яхт, прихватил рулетку и отправился спасать свое детище. Весь остаток утра он отпиливал от мачты кусок за куском, пока лодка не перестала переворачиваться, однако к тому времени высота мачты едва достигала трех футов. Лесли не мог понять, в чем дело, но обещал поставить новую мачту, как только он разработает все детально. Привязанный к пристани «Бутл» стоял там во всем своем блеске, напоминая бесхвостую пеструю кошку.

Вскоре после ленча явился Спиро. Он привез с собой высокого пожилого человека с внешностью посла. Как объяснил Спиро, это был бывший дворецкий греческого короля, он согласился нарушить свой покой, чтобы помочь нам организовать вечер. После этого объяснения Спиро выставил всех из кухни и остался там наедине с дворецким. Позднее я подкрался к окну и заглянул в него. Дворецкий стоял в жилете посреди кухни и протирал рюмки, а Спиро, нахмурившись и напевая песенку, расправлялся с грудой овощей. Время от времени он подходил к стене, где выстроилось семь жаровен, и дул на угли, заставляя их вспыхивать рубиновым пламенем.

Первым прибыл Теодор в своем лучшем, парадном костюме, сияющих башмаках и на сей раз без всякого снаряжения для сбора коллекций. В одной руке Теодор держал трость, в другой аккуратно перевязанный пакет.

— Ага! Поздравляю с днем рождения, — сказал он, пожимая мне руку. — Я принес тут... э... маленькое... э... напоминание... маленький дар, то есть подарок, чтобы... отметить годовщину... гм.

Сорвав обертку, я с радостью увидел, что это был толстый том под названием «Фауна прудов и рек».

— Думаю, что это будет полезным... гм... дополнением к твоей библиотеке, — сказал Теодор, раскачиваясь на носках. — Тут есть очень интересные сведения о... э... самых распространенных пресноводных обитателях.

Постепенно стали съезжаться и другие гости, заполняя пространство перед домом извозчиками и такси. В большой гостиной и столовой было полно людей. Все говорили, смеялись, а дворецкий (облаченный, к маминому ужасу, во фрак) передвигался от одного гостя к другому, будто почтенный пингвин, и разносил напитки и закуски с таким царственным видом, что у большинства гостей появилось сомнение, действительно ли это дворецкий или просто какой-нибудь гостящий у нас экстравагантный родственник. Внизу, на кухне, среди кастрюлек и сковородок суетился Слиро. Лицо его, раскрасневшееся от пламени жаровен, было нахмурено, он поглощал невероятное количество вина и громко пел песню своим низким голосом. Воздух был пропитан запахами чеснока и трав. Между кухней и гостиной на порядочной скорости носилась Лугареция. Иногда ей удавалось загнать в угол какого-нибудь несчастного гостя и там, подставив ему под самый нос тарелку с едой, подробно описывать свои муки у зубного врача.

Гости все прибывали, и ко мне продолжали поступать подарки. Большинство из них, по-моему, никуда не годилось, так как их нельзя было приспособить для естественнонаучных исследований. Самым лучшим подарком, с моей точки зрения, были два щенка. Их принесли мои деревенские знакомые, жившие в доме неподалеку. Один щенок был коричнево-белый с большими рыжими кругами вокруг глаз, другой угольно-черный и тоже с большими рыжими кругами. Поскольку это был подарок, мои родные, конечно, не могли его не принять. Роджер разглядывал щенков с любопытством и подозрением. Чтобы дать им возможность лучше познакомиться друг с другом, я запер их всех в столовой вместе с большой тарелкой разных лакомств. Результат был не совсем тот, которого я ожидал. Когда поток гостей настолько возрос, что нам пришлось распахнуть двери в столовую и впустить туда часть людей, все увидели сидящего на полу хмурого Роджера и двух весело прыгавших вокруг него щенков. Обильно изукрашенный пол не оставлял у нас

сомнений, что оба новых пришельца ели и пили в свое полное удовольствие. Ларри предложил назвать их Бьюном и Пачкуном, что сильно возмутило маму, однако имена прижились, и щенки так и остались — Бьюн и Пачкун.

Все прибывавшие гости выплескивались сначала из гостиной в столовую, а потом через стеклянные двери на веранду. Собираясь к нам, некоторые думали, что им придется у нас скучать, но уже примерно через час, увидев, как тут весело, они отправлялись домой и привозили всю свою родню. Вино лилось рекой, воздух посинел от табачного дыма, а смех и шум так перепугали гекконов, что все они попрятались по щелям в потолке. В одном углу комнаты Теодор отважился снять свой пиджак и вместе с Лессом и некоторыми другими развеселившимися гостями отплясывал каламасьяно. От их прыжков и топота пол ходил ходуном. Дворецкого, выпившего, должно быть, чуть больше, чем полагалось, очень увлек этот национальный танец. Отставив в сторону поднос, он тоже присоединился к танцующим и, несмотря на свой возраст, прыгал и стучал ногами не хуже других, так что за спиной у него взлетали фалды фрака. Мама улыбалась какой-то неестественной, отчаянной улыбкой. По одну сторону от нее сидел английский пастор, глядевший на наше веселье со все большим неодобрением, по другую — бельгийский консул, который подкручивал усы и без передышки щебетал над самым ее ухом. Из кухни вышел Спиро, чтобы посмотреть, куда подевался дворецкий, но тотчас же стал танцевать вместе со всеми каламасьяно. По комнате плавали воздушные шары, ударялись о ноги танцующих и неожиданно лопались с оглушительным треском. На веранде Ларри старался разучить с греками несколько самых остроумных английских стихотворных шуток. Оба щенка устроились на ночлег в чьей-то шляпе. Пришел доктор Андручелли и стал извиняться перед мамой за опоздание.

— Это из-за жены, мадам. Она только что произвела на свет младенца, — сказал он с гордостью.

— О, поздравляю, доктор, — сказала мама. — Надо выпить за них.

Море было по-утреннему спокойное и восток уже начинал алеть, когда мы, зевая, стояли у парадного подъезда, а вдали замирал стук последнего экипажа. Потом я забрался в постель (в ногах у меня Роджер, с каждой стороны по щенку, вверху, на карнизе, распушил свои перья Улисс). Я смотрел через окно на небо, где розовая краска, разливаясь над верхушками олив, гасила звезды одну за другой, и думал, что в общей сложности день моего рождения прошел очень даже хорошо.

Рано утром я упаковал снаряжение, взял немного еды и в компании Роджера, Вьюна и Пачкуна отправился в вояж на «Бутле». Море было спокойное, на ярко-синем небе сияло солнце, дул легкий ветерок. Это был идеальный день. «Бутл» двигался с благородной неторопливостью, на носу его, точно вахтенный, сидел Роджер. Вьюн с Пачкуном носились от одного борта к другому, боролись, норовили перегнуться через борт, чтобы хлебнуть воды, и вообще вели себя по-сухопутному, как самые жалкие новички.

Какая радость иметь собственную лодку! Приятно сознавать свою силу, когда ты сидишь на веслах и чувствуешь, как лодка продвигается вперед, рассекая воду с таким звуком, будто рвется шелк; солнце ласково греет спину и зажигает на поверхности моря сотни разноцветных огней; ты с трепетом прокладываешь себе путь сквозь сложный лабиринт покрытых водорослями рифов, мерцающих почти у самой поверхности воды. Я даже с удовольствием рассматривал образовавшиеся у меня на ладонях волдыри, отчего руки мои стали неловкие и непослушные.

Хотя потом я все время плавал на «Бутле» и пережил немало приключений, но с этой первой поездкой ничто сравниться не могло. И море тогда было синее, и вода прозрачнее, чем всегда, и залитые солнцем острова казались более уединенными и более прекрасными, и морские животные как будто специально собрались в бухточках и

проливчиках, чтобы приветствовать меня и мою новую лодку. Футах в ста от одного маленького островка я поднял весла, пробрался на нос, лег там рядом с Роджером и стал разглядывать сквозь толщу кристально-прозрачной воды морское дно, в то время как «Бутл» продолжал плыть к берегу с легкостью целлулоидной утки. Его похожая на черепаху тень скользила по дну, и передо мной развевывался многоцветный живой ковер из морских обитателей.

На серебристых песчаных прогалинах гроздьями торчали приоткрытые раковины моллюсков разинок. Иногда между их жесткими краями виднелся крохотный бледно-кремовый краб-горошинка, хилое, дегенеративное создание с мягкой скорлупой, живущее паразитической жизнью под защитой волнистых створок крупных раковин. Интересно было поднять тревогу в колонии этих моллюсков. Когда они оказывались как раз под моей лодкой, я осторожно опускал в воду ручку от сачка для бабочек и слегка постукивал по раковине. Створки моментально защелкивались, от их движения взметалось облачко белого песка, закручиваясь маленьким смерчем. Когда сигналы тревоги распространялись по воде, все остальные раковины в колонии, и справа и слева, в одно мгновение захлопывались, повсюду взвивались маленькие вихри песка и потом серебряной пылью снова осаждались на дно. Рядом с моллюсками обитали серпулиды — венчики красивых пушистых лепестков на конце длинной, толстой трубки сероватого цвета. Всегда подвижные, золотисто-оранжевые и голубые лепестки казались удивительно не на месте на конце этих толстых обрубок — прямо орхидея на ножке гриба. У серпулид тоже существовала система для приема сигналов тревоги, только гораздо чувствительней, чем у разинок. Палка сачка была еще в шести дюймах от водоворота мерцающих лепестков, а они все вдруг вытянулись кверху, сцепились в пучок и стремительно упали внутрь ствола, так что из песка теперь торчали лишь невзрачные столбики, похожие на куски миниатюрного шланга.

На рифах, покрытых слоем воды всего на несколько дюймов и обнажавшихся во время отливов, скапливалось огромное количество животных. Из углублений на вас тарасились и махали плавниками надутые морские собачки со своими толстыми негритянскими губами, придающими их мордочкам дерзкое выражение. В тенистых трещинах среди водорослей виднелись кучки морских ежей, похожих на плоды конских каштанов в блестящей бурой кожуре. Их иглы, словно стрелки компаса, поворачивались в направлении возможной опасности. Кругом лепились пухлые, глянцевиые актинии, щупальца их исполняли какой-то чувственный восточный танец, пытаясь схватить проплывавших мимо прозрачных как стекло креветок. Из темных подводных пещер я выгнал маленького осьминога. Заливаясь темно-бурой краской, он, как Медуза-Горгона, опустил на камни и глядел на меня довольно грустными глазами из-под купола своей лысой головы. Стоило мне чуть пошевелиться, как он выбросил облако темных чернил, расплывшихся в прозрачной воде, и под его прикрытием пустился наутек. Вытянув назад щупальца, он неся по воде, будто воздушный шар с вымпелом.

На поверхности рифов встречались толстые зеленые крабы, машущие клешнями как бы в дружеском приветствии, а внизу, на покрытом водорослями дне, — крабы-пауки с их необычным, колючим панцирем и длинными, тонкими ногами. Каждый из этих крабов носит на себе водоросли, губки, иногда актинию. Везде на рифах, среди скоплений водорослей и на песчаном дне двигались сотни раковин волчков, искусно расписанных полосками и пятнами синего, серебряного, серого и алого цвета, а из-под них выглядывала довольно сердитая красная физиономия рака-отшельника. Раковины передвигались, будто нескладные фургончики, сталкивались друг с другом, пролезали сквозь водоросли или быстро проносились по песчаному дну среди торчащих разинек и горгонарий.

Солнце склонялось к западу. Вода в заливчиках и под

руинами коралловых замков становилась шиферно-серой от вечерних теней. Я направлялся домой. Чуть поскрипывали весла, и «Бутл» медленно продвигался вперед. Выюн с Пачкуном крепко спали, истомленные солнцем и морским воздухом. Лапы у них подергивались, рыжие пятна вокруг глаз шевелились, когда щенки бегали во сне за крабами среди нескончаемых рифов. Роджер сидел в окружении стеклянных банок и пробирок, где плавали крохотные рыбки, шевелились щупальца актиний, крабы-пауки упирались тонкими клешнями в стенки своей стеклянной тюрьмы. Роджер с опасением заглядывал в банки, изредка вскидывал на меня глаза и, торопливо вильнув хвостом, снова погружался в свои исследования. Морская фауна страстно увлекала его.

Солнце уже пряталось за стволами олив и на море лежали золотые и серебряные полосы, когда круглая корма «Бутла» легонько толкнулась в пристань. Голодный, усталый, умирающий от жажды, с вихрем разнообразных впечатлений в голове, я медленно взбирался вверх по склону, и следом за мной плелись три полусонные собаки.

12. Беспокройная зима

В конце лета я, к немалой своей радости, вновь оказался без учителя. К тому времени мама обнаружила, что Марго и Питер, по ее деликатному определению, «чересчур влюбились друг в друга». Поскольку все остальные были единодушны в своем осуждении Питера как возможного родственника в будущем, что-то надо было предпринимать. Единственным вкладом Лесли в разрешение этой проблемы было предложение застрелить Питера, но оно по некоторым причинам не было принято всерьез. Мне эта мысль показалась блестящей, однако я был в меньшинстве. Предложение Ларри отправить счастливую пару на месяц в Афины и тем самым, как он объяснил, вылечить их, мама отвергла на том основании, что это было бы безнравственно. Она решила просто расчитать Питера, и тот немедленно

скрылся, а нам пришлось иметь дело с трагическими переживаниями, слезами и бурными протестами Марго, которая, задрапировавшись в темные одежды, исполняла свою роль блистательно. Мама утешала ее, говорила ей всякие ласковые банальности, Ларри читал ей лекции о свободной любви, а Лесли неизвестно почему решил играть роль оскорбленного брата. Он появлялся время от времени, размахивал пистолетом и угрожал пристрелить Питера как собаку, если тот еще раз переступит порог нашего дома. Залитая слезами Марго делала трагические жесты и говорила нам, что жизнь ее разбита. Спиро, как и всякий человек, любивший драматические ситуации, из сочувствия проливал слезы вместе с нею и рассылал по всем пристаням своих многочисленных друзей, беспокоясь, как бы Питер не вернулся снова на остров. События эти доставляли всем нам огромное удовольствие. Как раз в тот момент, когда они вроде бы подходили к своему естественному концу и Марго уже могла съесть целый обед, не разразившись слезами, пришла записка от Питера, извещавшего, что он вернулся за нею. Охваченная паникой Марго показала записку маме, и вся семья с восторгом бросилась разыгрывать новый фарс. Спиро усилил охрану пристаней. Лесли смазал свои ружья и упражнялся в стрельбе по вырезанной из картона человеческой фигуре, укрепив ее на фасаде дома, Ларри то уговаривал Марго переодеться крестьянкой и бежать в объятия к Питеру, то советовал выбросить дурь из головы. Обиженная Марго заперлась на чердаке, не желая никого впускать, кроме меня, так как я был единственный член семьи, который не становился ни на чью сторону. Она лежала там, залитая слезами, и читала томик стихов Теннисона. Иногда Марго прерывала это занятие и набрасывалась на еду (которую я приносил ей на подносе), поглощая ее с завидным аппетитом.

На чердаке Марго просидела неделю. Вывело ее оттуда событие, ставшее кульминационным пунктом всей этой истории. Лесли обнаружил, что с «Морской коровы» исчезли

кое-какие мелкие вещи, и заподозрил рыбаков, проплывавших ночью мимо пристани. Решив как следует проучить воров, он привязал к окну своей спальни три длинноствольных дробовика, нацеленных вниз, на пристань. При помощи хитроумного приспособления Лесли мог выстрелить из всех стволов по очереди, не вставая даже с постели. Расстояние, конечно, было слишком велико, чтобы причинить какой-либо вред, но свист дроби, пробивающей листья олив, и всплески воды, когда дробинки посыплются в море, будут, думал он, достаточно хорошим отпугивающим средством. Лесли был так упоен своим блестящим замыслом, что никому даже о нем не сказал.

Вечером мы все разошлись по своим комнатам и занялись каждый своим делом. В доме наступила тишина. Снаружи в теплом ночном воздухе раздавался тихий треск сверчков. Неожиданно весь дом задрожал от оглушительных выстрелов, прогремевших друг за другом, и внизу залаяли все собаки. Я выскочил на лестничную площадку, где было уже настоящее столпотворение: собаки, примчавшиеся сюда в полном составе, чтобы принять участие в общем веселье, прыгали во все стороны и заливались визгливым лаем. Мама с безумным лицом выскочила из спальни в своей пышной ночной рубашке, решив, что это Марго покончила жизнь самоубийством. Разъяренный Ларри вылетел из своей комнаты, желая узнать причину шума, а Марго, уверенная, что это Лесли застрелил вернувшегося за нею Питера, никак не могла открыть замок на чердаке и вопила не своим голосом.

— Она сделала глупость, она сделала глупость, — причитала мама, изо всех сил стараясь оторвать от себя Вьюна и Пачкуна, которые с сердитым рычанием тянули ее за край рубашки, вообразив, что все это просто веселая ночная игра.

— Всему есть предел... Нельзя даже поспать спокойно, — ревел Ларри. — Эта семья сведет меня с ума.

— Не троньте его... оставьте его в покое... трусы

несчастные, — доносился пронзительный, плаксивый голос Марго, которая все еще отчаянно пыталась отпереть дверь чердака.

— Успокойтесь... Это только грабители, — выкрикнул Лесли, распахивая дверь своей комнаты.

— Она еще жива... жива... отцепите этих собак... — Как вы смеете его убивать? Выпустите меня отсюда, выпустите...

— Не шуми, это только грабители...

— Целый день взрывы и звери, потом эта чертова пальба, дюжина салютов посреди ночи... Нет, оригинальность заходит слишком далеко...

Мама наконец пробилась к чердаку, волоча за собой щенков, вцепившихся в край ее ночного одеяния, и, вся бледная и дрожащая, распахнула дверь, оказавшись лицом к лицу с такой же бледной и дрожащей Марго. После долгой неразберихи мы выяснили наконец, что произошло и что каждый из нас думал. Мама, у которой зуб на зуб не попадал от нервной дрожи, строго отчитывала Лесли.

— Нельзя делать таких вещей, милый, — говорила она. — Это просто глупо. Если ты собираешься палить из своих ружей, предупреждай нас по крайней мере.

— Да, — оживился Ларри, — сделай нам такое небольшое пре-дупрежденъице. Крикни «полундра», что ли.

— Не понимаю, как можно захватить грабителей врасплох, если я стану выкрикивать предупреждения, — обиделся Лесли.

— Черт меня побери, если я понимаю, почему нас-то всех надо захватывать врасплох, — сказал Ларри.

— Ты можешь позвонить в звонок или что-нибудь там еще. Только, пожалуйста, милый, не делай так больше... Я от этого прямо заболеваю.

Однако событие это вытащило Марго с чердака, что, по словам мамы, уже было благом.

Хотя Марго стала теперь здороваться со всеми, она по-прежнему предпочитала лечить свое разбитое сердце в

одинокости, удаляясь куда-нибудь на долгое время в обществе одних только собак. Когда начал задувать свирепый осенний сирокко, она решила, что лучше всего ей уединиться на небольшом островке в заливе, как раз против нашего дома, примерно в полумиле от берега. И вот однажды она отвязала «Бутла» (без моего разрешения), впихнула туда собак и направилась к острову помечтать о любви.

Только часам к пяти с помощью полевого бинокля мне удалось обнаружить, куда делась моя лодка и вместе с нею Марго. Разозлившись, я по глупости сообщил маме о местонахождении Марго и добавил, что она не имеет права брать мою лодку без спросу. Кто мне построит новую, если «Бутл» потонет? Сирокко уже завывал вокруг дома, словно стая волков. Мама, охваченная сильной тревогой за судьбу, как я было подумал, моей лодки, бросилась наверх, схватила полевой бинокль и, высунувшись из окна, стала разглядывать залив. Лугареция, рыдая и заламывая руки, тоже поднялась наверх, и теперь они обе вне себя от беспокойства бегали от окна к окну и всматривались в кипящий белой пеной залив. Мама хотела немедленно послать кого-нибудь на спасение Марго, но послать было некого. Ей оставалось только сидеть на окне и не выпускать из рук бинокля, в то время как Лугареция возносила молитвы святому Спиридиону и рассказывала маме длинную и сложную историю о том, как ее дядя утонул вот при таком же сирокко. К счастью, в рассказе Лугареции мама из семи слов могла понять только одно.

Через некоторое время Марго, очевидно, решила, что ей лучше вернуться домой, пока сирокко не стал еще свирепее. Мы увидели, как она пробирается среди деревьев к тому месту, где на причале метался и прыгал «Бутл». Марго продвигалась очень медленно и как-то странно. Два раза она падала, потом ярдах в пятидесяти от лодки остановилась и стала кружиться на месте. Должно быть, никак не могла увидеть лодку. По лаю Роджера она наконец отыскала ее, но тут ей долго пришлось провозиться со щенками, не желавшими занять свои места. Они не возражали прокатиться

на лодке в хорошую погоду, но в бурном море не бывали ни разу и теперь не горели желанием там побывать. Когда Вьюн был благополучно водворен в лодку, Марго повернулась к Пачкуну. Пока она ловила его, Вьюн снова выскочил на берег, и так повторялось несколько раз, но потом ей все же удалось загнать обоих щенков, она прыгнула вслед за ними и принялась энергично грести, пока не заметила, что у нее не отвязана лодка.

Затаив дыхание, мама следила, как «Бутл» продвигался по заливу. Лодка сидела низко в воде и не всегда была видна. Как только она исчезала за особенно высокой волной, мама в тревоге замирала, уверенная, что лодка со всей командой пошла ко дну. Потом отважный оранжево-белый шарик снова появлялся на гребне волны, и мама переводила дыхание. Марго шла каким-то особенным курсом. «Бутл» вертелся в разные стороны по всему заливу, и иногда даже его нос обращался к Албании. Два или три раза Марго неуверенно поднималась на ноги, внимательно оглядывала горизонт, прикрыв глаза ладонью, потом садилась на место и снова начинала грести. Когда лодка оказалась наконец на расстоянии оклика от берега (скорее по воле случая, чем по воле Марго), мы все спустились к пристани и сквозь шум волн и рев ветра стали подавать всякие советы. Следуя нашим указаниям, Марго доблестно гребла к берегу, и вскоре лодка с такой силой стукнулась о пристань, что мама чуть не упала в воду. Собаки выскочили из лодки и стрелой понеслись вверх по склону, опасаясь, должно быть, что их заставят совершить еще одно путешествие с тем же капитаном. Когда с нашей помощью Марго вышла на берег, нам стала ясна причина ее странного мореходства. Приехав на остров, она сразу растянулась на солнышке и крепко заснула. Разбудил ее шум ветра. После трехчасового сна на жарком солнце глаза ее сильно распухли и заплыли, так что она с трудом различала предметы вокруг себя. Ветер и брызги довершили дело, и, когда Марго добралась до пристани, она уже вообще ничего не видела. Кожа у нее сгорела до красноты, а веки так

раздулись, что теперь она стала похожа на очень свирепого раскосого пирата.

— Знаешь, Марго, я иногда думаю, в здравом ли ты уме, — сказала мама, промывая ей глаза холодным чаем. — Ты ведешь себя ужасно глупо.

— Все это вздор, мама! — отозвалась Марго. — Вечно ты поднимаешь шум из-за пустяков. Такое могло случиться с кем угодно.

Но это происшествие, видимо, исцелило разбитое сердце Марго, так как она больше не совершала одиноких прогулок и не уплывала на лодке. Ее поведение снова стало нормальным, насколько это было возможно для Марго.

Зима на острове наступает исподволь. Небо еще было ясное, море спокойное и синее, солнце по-летнему теплое. Но что-то уже переменялось в воздухе. Густо устилавшие землю желтые и красные листья радостно шептались между собой, перебегали с места на место и пестрым хороводом кружились среди деревьев. Как будто они пробовали свои силы, как будто готовились к чему-то и говорили об этом взволнованными, шуршащими голосами, столпившись вокруг дерева. Птицы тоже собирались небольшими стайками, ерошили свои перышки, щебетали раздумчиво. Весь воздух затаился в ожидании, будто огромный зал перед поднятием занавеса. Потом в одно прекрасное утро вы открываете ставни, бросаете поверх оливковых деревьев через голубые воды залива взгляд на рыжевато-бурые горы материка и узнаете, что настала зима, потому что на каждой вершине надета снежная шапочка. Ожидание теперь становится все напряженней почти с каждым часом.

Через несколько дней белые облачка открыли свой зимний парад. Мягкие и округлые, длинные и растрепанные или маленькие и кудрявые, они разбегались по небу, словно стадо овец, подгоняемые сзади ветром. Сначала ветер был теплый и дул легкими порывами, играл серебристой листвой в оливковых рощах, тихо раскачивал кипарисы, взвивал вдруг веселым вихрем опавшие листья. Он задорно трогал перья на

спине воробышек и без предупреждения бросался на чаек, так что те внезапно останавливались в воздухе, стараясь выгнуть против ветра свои белые крылья. Хлопали ставни, начинали вдруг дребезжать двери. Но дни все еще стояли солнечные, море было спокойное, а горы в своих разорванных снежных шапках по-летнему смуглые и умиротворенные.

Ветер ласково играл с островом примерно с неделю, похлопывал его, поглаживал, распевая среди голых ветвей. Потом наступило затишье, несколько удивительно спокойных дней, и вдруг, когда вы меньше всего ожидали, ветер вернулся снова. Но это был уже совсем другой ветер, сердитый, свистящий, ревущий ветер, который набросился на остров и хотел смести его в море. Тонкая серая пелена растянулась над землей, голубое небо исчезло. Море стало темно-синим, почти черным, и покрылось белыми барашками. Кипарисы металась по небу темными маятниками, оливковые деревья (все лето такие окаменелые, такие неподвижные, будто их заколдовали) были охвачены безумием, скрипели на своих толстых, корявых стволах, шумели перламутрово-зеленой листвой. Так вот о чем шептались опавшие листья, вот к чему готовились! Теперь они взлетали высоко в воздух и кружились там в ликующем вихре, а потом, когда ветер, утомленный этой игрой, оставлял их, они плавно опускались вниз и без сил падали на землю. Вслед за ветром приходили дожди, но это были теплые дожди, приятные для прогулок. Крупные, тяжелые капли барабанили по ставням, выбивали дробь на виноградных листьях, мелодично журчали в канавах. Реки в Албанских горах вздулись и, сердито оскалив белые зубы, мчались к морю, подмывая свои берега и захватывая обломки стволов, ветки, пучки травы. Они выносили все это летнее наследие в темно-синий залив, где теперь плавала всякая всячина и крутилась пузырями грязь. Пузыри понемногу лопались, море из синего превращалось в желто-бурое. Потом налетал ветер и, разрывая поверхность залива, лепил из воды тяжелые волны, похожие на огромных коричневых львов с белой гривой, которые подкрадывались к

берегу и неожиданно бросались на него.

Это была охотничья пора. Крупное озеро Бутринто на материке, покрытое у берегов звенящей корочкой льда, было усеяно стаями диких уток. На бурых склонах гор, размытых дождями, в густых зарослях скрывались зайцы, косули, кабаны, кормившиеся корневищами и луковицами, вырытыми из мерзлой земли. На острове среди болот и озерков бродили бекасы, ковыряли землю своими упругими длинными клювами и вспархивали у вас из-под ног со звоном летящей стрелы. В оливковых рощах, в миртовых зарослях прятались неуклюжие, жирные вальдшнепы. Потревоженные, они с оглушительным треском крыльев снимались с места и уносились прочь, как осенние листья по ветру.

Лесли в ту пору был в безумном упоении. С компанией таких же страстных охотников он раз в две недели ездил на материк и возвращался домой с огромной кабаньей тушей, связками окровавленных зайцев и большими корзинами, полными пестрых уток. Грязный, небритый, пропахший ружейным маслом и кровью, Лесли с сияющими глазами излагал нам подробности охоты. Шагая по комнате, он изображал, где и как он сам стоял, где и как вышел из укрытия кабан, грохот выстрела, эхом раскатившийся по горам, легкий удар пули и предсмертные сальто кабана, упавшего в вереск. Он описывал все это с такой живостью, что нам казалось, будто мы сами присутствовали на охоте. То он был кабаном, пробовал ветер, тревожно метался среди камышей, глядел из-под щетинистых бровей и прислушивался к суете загонщиков и собак, то одним из загонщиков, который осторожно пробирается сквозь высокую траву и кустарник, смотрит то в одну, то в другую сторону и издает странный булькающий крик, подымая дичь. Потом, когда кабан выходил из укрытия и, пыхтя, бросался вниз по склону, Лесли скидывал к плечу воображаемое ружье и стрелял. Ружье, как настоящее, отдавало ему в плечо, а в углу комнаты кувыркался кабан и замертво падал на землю.

Мама не придавала особого значения охотничьим

вылазкам Лесли, пока он не принес своего первого кабана. Оглядев громадную мускулистую тушу и острые клыки, приподнявшие верхнюю губу в сердитом оскале, мама слегка оторопела.

— Боже мой! — воскликнула она. — Я просто не представляла, что они такие огромные. Надеюсь, ты будешь вести себя осторожно, милый.

— Никакой опасности, — сказал Лесли, — если только он не выйдет из укрытия прямо перед вашим носом. Вот тогда будет горячее дельце, потому что, если вы промахнетесь, он насядет на вас.

— Это очень опасно, — сказала мама. — Я не представляла, что они такие огромные... Такому зверю ничего не стоит убить или ранить тебя, милый.

— Нет, нет, мама. Это совершенно безопасно, если только он не выйдет перед носом.

— Не вижу никакой опасности даже и в таком случае, — сказал Ларри.

— Это почему же? — спросил Лесли.

— Ну, если он бросится на тебя и ты промахнешься, почему бы тебе не перепрыгнуть через него?

— Что за чепуха, — усмехнулся Лесли. — Эти зверюги достигают трех футов в плечах и проворны как черти. Ты просто не успеешь перепрыгнуть через них.

— Ну почему же? — сказал Ларри. — Мне кажется, что нетруднее, чем прыгнуть через стул. Если нельзя перепрыгнуть просто так, можно перепрыгнуть с каким-нибудь упором.

— Все это болтовня. Ты просто не видел, как они несутся. Через них нельзя перепрыгнуть ни так, ни этак.

— Вам, охотникам, всегда не хватает воображения, — сказал Ларри. — У меня на этот счет немало превосходных мыслей, вам бы только пользоваться ими. Но нет, вы отвергаете все, не задумываясь.

— Вот поедешь с нами в следующий раз, — предложил Лесли, — и покажешь, как это делается.

— Я вовсе не силач с волосатой грудью, — холодно заметил Ларри. — Я живу в мире идей, мое дело производить мысли, так сказать. Я предоставляю свой мозг в ваше распоряжение, создаю планы и замыслы, а уж вы, люди с мускулами, их реализуете.

— Да, только я не собираюсь реализовать этот твой план, — уверил его Лесли.

— Это было бы безрассудно, — сказала мама. — Не делай глупостей, милый. А ты, Ларри, не вбивай ему в голову опасных мыслей.

Ларри всегда был переполнен мыслями обо всем, чего не ведал на практике. Мне он давал советы о лучшем способе изучения природы, Марго — о нарядах, маме — о том, как вести хозяйство и не превышать кредита в банке, Лесли — об охоте. Сам он при этом был в полной безопасности, так как отлично знал, что никто из нас не сможет отплатить ему тем же — не даст ему совета, как лучше всего писать. Всякий раз, когда у кого-нибудь в семье появлялась трудная задача, Ларри знал наилучший способ ее решения, а если кто-то хвалился своими успехами Ларри никогда не понимал, из-за чего поднимается столько шума, ведь дело совсем пустяковое, нужно только приложить к нему мозги. Именно это свойство характера Ларри стало однажды причиной пожара в доме.

Лесли только что вернулся с охоты, нагруженный дичью и весь сияющий от гордости. Как он нам объяснил, первый раз в жизни ему удалось выстрелить дуплетом. Однако, прежде чем мы смогли в полной мере оценить все великолепие его свершений, ему пришлось растолковать нам это подробно. На языке охотников «дуплет», очевидно, означал — убить двух птиц или двух животных сразу друг за другом, сначала из левого ствола, потом из правого. Лесли стоял на каменном полу посреди большой кухни, освещенной красными отсветами жаровен, и объяснял нам, как на холодной заре стая уток снимается с места и закрывает все небо. С резким шумом крыльев они проносятся над головой, и

Лесли стреляет, прицелившись в вожака, затем мгновенно переводит ружье на вторую птицу, стреляет снова, и, когда он опускает дымящееся ружье, обе утки шлепаются в воду почти одновременно. Сгрудившись в кухне, мы все с разинутыми ртами слушаем его живописный рассказ. На широком некрашеном столе горою навалена дичь, мама и Марго ощипывают пару уток к обеду, я обследую разные виды и делаю заметки в своем дневнике (который быстро покрывается пятнами крови и перьями), а Ларри сидит на стуле с красивой уткой на коленях, гладит ее упругие крылья и наблюдает, как Лесли, забравшись по пояс в воображаемое болото, третий раз показывает нам, каким образом ему удалось произвести дуплет.

— Очень хорошо, милый, — сказала мама, когда Лесли описал сцену в четвертый раз. — Наверное, это очень трудно. — Не понимаю, почему, — отозвался Ларри. Лесли, который только что собрался рассказать обо всем еще раз, остановился и посмотрел на небо.

— Ах, не понимаешь? — воинственно спросил он. — А что ты вообще в этом смыслишь? Ты с трех шагов не попадешь в ствол оливы, не то что в летящую птицу.

— Мой дорогой мальчик, — сказал Ларри своим самым противным медовым голосом. — Я не принижаю твоих достоинств. Я просто не понимаю, почему считается трудновыполнимым то, что лично мне кажется делом совсем легким.

— Легким? Если бы ты хоть когда-нибудь занимался охотой, ты бы не считал ее легким делом.

— Не понимаю, зачем для этого нужно заниматься охотой. Мне кажется, тут просто надо не терять хладнокровия и получше целиться.

— Какая чушь! — разозлился Лесс. — Тебе всегда кажется простым то, что делают другие.

— Это наказание за многосторонность, — вздохнул Ларри. — Все оказывается до смешного простым, за что бы я ни взялся. Поэтому я и не понимаю, зачем столько шуметь

из-за самого обыкновенного меткого выстрела.

— До смешного простым, за что бы ты ни взялся? — скептически повторил Лесли. — Я еще ни разу не видел, чтобы ты когда-нибудь брался за то, что другим советуешь.

— Гнусная клевета, — сказал уязвленный Ларри. — Я всегда готов доказать, что мои идеи верны. — Очень хорошо. Тогда посмотрим на твой дуплет. — Разумеется. Ты обеспечиваешь ружье и дичь, а я демонстрирую тебе, что для этого не требуется особых талантов. Тут нужен деятельный ум, способный все взвесить и решить задачу математически.

— Отлично. Завтра мы идем на болото за бекасами, и ты сможешь пустить в ход свой деятельный ум.

— Мне не доставит удовольствия избиение птиц, которые чахнут прямо с самого рождения, — сказал Ларри, — но поскольку задета моя честь, придется принести их в жертву. — Если ты убьешь хоть одну, считай, что тебе повезло.

— Право же, дети, вы спорите о сущих пустяках, — философски заметила мама, стирая перья со стекол очков.

— Я согласна с Лессом, — выпалила Марго. — Ларри очень любит указывать людям, как что делается, а сам никогда ничего не делает. Ему будет полезно получить урок. Лесс просто молодец. Сумел убить двух птиц одним махом, или как там это называется?

Лесли, решив, что Марго неверно оценила его доблесть, пустился еще раз в более подробное описание эпизода.

Всю ночь шел дождь, так что на следующее утро, когда мы отправлялись смотреть, как Ларри будет совершать свой подвиг, под ногами хлюпала грязь и мокрая земля пахота, словно кекс с изюмом. Ради торжественного случая Ларри прикрепил к своей шляпе из твида огромное индюшиное перо и стал похож на маленького, осанистого и очень величественного Робин Гуда. Всю дорогу до болот, где собирались бекасы, он громко на что-нибудь жаловался. Ему было холодно, скользко, он не понимал, почему Лесли не поверил ему на слово без этого смехотворного фарса, ружье у

него было тяжелое, и дичи там, наверно, не окажется, потому что в такой холодный день, как сегодня, никто не высунет носа наружу, разве что какой-нибудь слабоумный пингвин. С холодной жестокостью мы гнали его к болоту и оставались глухи ко всем жалобам и протестам.

Болото это образовалось на дне небольшой долины — акров десять плоской земли, которая в весенние и летние месяцы обрабатывалась. Зимой ей давали зарости, и тогда она превращалась в лес тростника и травы, прорезанный ирригационными канавами, до краев полными воды. Эти каналы сильно затрудняли охоту. Они были слишком широки, чтобы их перепрыгнуть, и вброд их не перейдешь, так как в них было футов на шесть жидкой грязи и сверху еще четыре фута грязной воды. Кое-где их пересекали узкие дощатые мостики, в большинстве случаев подгнившие и шаткие, но только благодаря им можно было передвигаться по болоту. Во время охоты нам приходилось делить свое время между выискиванием дичи и поисками очередного моста.

Едва мы пересекли первый мостик, как из-под ног у нас с шумом взлетели три бекаса и понеслись прочь, раскачиваясь при полете из стороны в сторону. Ларри вскинул ружье и нажал на собачку. Курки спустились, но выстрела не последовало.

— По идее его надо бы зарядить, — с тихим торжеством произнес Лесли.

— Я думал, ты его зарядил, — со злостью ответил Ларри. — Все-таки ты исполняешь роль оруженосца. Я бы подстрелил эту пару, если бы не твоя дурацкая нерасторопность.

Он зарядил ружье, и мы снова побрели сквозь заросли тростника. Впереди нас, в какую бы сторону мы ни шли, все время раздавалась несносная болтовня двух сорок, предупреждавших дичь. Ларри чертыхался, проклинал сорок, а они, громко болтая, продолжали лететь впереди, пока не довели его до отчаяния. Он остановился у маленького мостика, нависшего над полоской спокойной воды, и со

злостью спросил:

— Нельзя ли что-нибудь сделать с этими птицами? Они же распугают всю дичь на многие мили вокруг.

— Только не бекасов, — сказал Лесли. — Бекасы будут сидеть до тех пор, пока ты на них не наступишь.

— Я думаю, дальше идти незачем, — сказал Ларри. — Это все равно что выслать вперед духовой оркестр.

Он сунул ружье под мышку и сердито двинулся к мосту. Вот тут все и произошло. Ларри достиг как раз середины скрипучей, шаткой доски, когда из высокой травы с другой стороны моста выпорхнули вдруг два бекаса. От волнения Ларри забыл о своей необычной позиции. Он схватился за ружье и, еле удерживая равновесие на танцующем мосту, выпалил из обоих стволов. Ружье захлопотало и отдало назад, бекасы умчались целые и невредимые, а Ларри с криком ужаса полетел в канаву.

— Держи ружье над головой! Держи ружье над головой! — ревел Лесли.

— Не вставай на ноги, а то тебя затащит, — визжала Марго. — Не двигайся.

Но у Ларри, распростертого на спине, была только одна мысль: убраться отсюда как можно скорее. Он сначала сел, потом попытался подняться на ноги, опираясь при этом, к ужасу Лесли, на ружейные стволы. Когда ему удалось выпрямиться среди бурлящей и хлюпающей грязи, ружье совсем скрылось из виду, и Ларри провалился по пояс.

— Смотри, что ты сделал с ружьем! — выходил из себя Лесли. — Ты забил мне грязью стволы.

— А что же я, по-твоему, должен делать? — огрызнулся Ларри. — Лежать здесь и тонуть? Дай мне, ради бога, руку. — Вытащи ружье, — с яростью сказал Лесли. — Стану я спасать твоё ружье, если ты меня не спасаешь, — вопил Ларри. — Будь оно проклято! Я не тюлень... вытащи меня отсюда!

— Вот идиот! — орал Лесли. — Протяни мне конец ружья, тогда я смогу тебя вытащить. Иначе я не достану.

Ларри торопливо пошарил под водой и погрузился еще на несколько дюймов, прежде чем вытащил ружье, залепленное черной вонючей грязью.

— Господи боже мой! Вы только взгляните на него, — стонал Лесли, обтирая ружье носовым платком. — Только взгляните!

— Может, ты перестанешь причитать над этим гнусным оружием и вытащишь меня отсюда? Или ты хочешь, чтобы меня в некотором роде постигла судьба Шелли, чтобы я утонул тут в грязи?

Лесли протянул ему конец ружья, и мы все дружно стали тянуть. Кажется, это не возымело никакого действия, разве что Ларри погрузился еще глубже, когда мы выбились из сил и перестали тянуть.

— Вам надо спасти меня, — напомнил Ларри, — а не отправлять на тот свет.

— Да перестань ты болтать и попробуй подтянуться, — сказал Лесли.

— А что я все время делаю, скажи на милость? Я уже разорвался в трех местах.

Наконец после невероятных усилий грязь издала протяжный громкий вздох, Ларри выскочил на поверхность, и мы подтащили его к берегу. Весь покрытый черной вонючей слякотью, он был похож на шоколадного солдата у доменной печи и таял прямо у нас на глазах.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Марго. Ларри яростно посмотрел на нее.

— Великолепно, — ответил он саркастически. — Просто великолепно. Никогда еще не испытывал такого удовольствия. Не говоря уже о том, что я схватил небольшое воспаление легких, радикулит и оставил там, в глубинах, один свой башмак, я еще замечательно провел время.

Всю дорогу домой Ларри изливал на наши головы гнев и презрение, а к концу пути уже не сомневался, что все это было подстроено нарочно. Когда он вошел в дом, оставляя за собой след, словно борозду на вспаханном поле, мама

вскрикнула от ужаса. — Чем ты занимался, милый? — спросила она. — Занимался? Как ты думаешь, чем я занимался? Я занимался охотой.

— Но что с тобой случилось? На тебе сухой нитки нет. Ты что, провалился?

— Знаешь, мама, у вас с Марго такая изумительная проницательность, что я порой поражаюсь, как вы это выносите. — Я только спрашиваю, милый, — сказала мама. — Ну конечно, я провалился. Что же еще могло быть? — Надо переодеться, милый, иначе ты простудишься. — Я так и сделаю, — с достоинством ответил Ларри. — Хватит с меня на сегодня опасностей.

Отвергнув всякую помощь, он зашел в кладовую за бутылкой бренди и удалился в свою комнату, где по его просьбе Лугареция развела огонь в камине. Закутавшись в одеяло, Ларри сидел на кровати, чихал и пил бренди. После полудня он послал за другой бутылкой, и часам к пяти мы слышали его бодрые песни вперемежку с громовым чиханием. Во время ужина, когда Лугареция отправилась наверх с третьей бутылкой, маму охватила тревога. Она послала Марго взглянуть, как там у Ларри обстоят дела. Долго-долго все было тихо, потом прозвучал гневный голос Ларри и жалобная мольба Марго. Не понимая, что там происходит, мама в волнении стала подниматься по лестнице. Мы с Лесли отправились за нею следом.

В комнате Ларри пылал камин, сам Ларри был скрыт под грудой простыней и одеял, а у его кровати с безнадежным видом стояла Марго, сжимая в руках стакан.

— Что с ним такое? — спросила мама, решительным шагом пересекая комнату.

— Он напился, — ответила Марго с отчаянием, — и я ничего не могу с ним поделать. Я заставляю его принять горькую соль, чтобы завтра ему не было плохо, а он отказывается. Спрятался под одеялами и говорит, что я хочу его отравить. Мама взяла из рук Марго стакан и подошла к кровати. — Ну, живет, Ларри, и не будем валять дурака, —

отчеканила она. — Выпей это одним глотком.

Одеяла заколыхались, из их глубин вынырнула взъерошенная голова Ларри. Затуманенным взором он посмотрел на маму и сощурился, как бы что-то припоминая.

— Вы ужасная старая женщина... Я уверен, что видел вас где-то раньше, — произнес он и, прежде чем мама успела опомниться от этого замечания, заснул крепким сном.

— Да, — сказала потрясенная мама. — Выпил он, должно быть, как следует. Ну ладно, сейчас он уснул. Подложим дров и пусть спит. Завтра утром ему будет лучше.

А на другой день, пока все еще спали, Марго вдруг обнаружила, что в доме начался пожар. Как выяснилось потом, раскаленные угли выпали из камина и сквозь щели в полу проскочили на балку под настилом. Бледная от страха, Марго в одной рубашке бросилась вниз по лестнице и влетела в мамину спальню.

— В доме пожар... уходи скорее... уходи... — выкрикивала она драматически.

Мама в один миг соскочила с кровати. — Разбуди Джерри... разбуди Джерри, — кричала она. — Вставайте... вставайте... Пожар... пожар! — вопила во все горло Марго.

Мы с Лесли выбежали на лестничную площадку. — Что тут происходит? — спросил Лесли. — Пожар! — крикнула Марго над его ухом. — Ларри горит!

Появилась мама в ночной рубашке.

— Ларри горит? Скорее, спасайте, спасайте его! — закричала она и бросилась по лестнице к мансарде.

Остальные помчались за нею следом. Комната Ларри была полна едкого дыма, выбивавшегося из-под пола. Сам Ларри безмятежно спал. Мама подбежала к кровати и стала с силой трясти его. — Ларри, проснись! Ради бога, проснись!

— Что такое? — спросил, поднимаясь, Ларри. — В комнате пожар!

— Ничего удивительного, — сказал Ларри и улегся снова. — Пусть Лесли его потушит.

— Надо залить его чем-нибудь! — кричал Лесс. —

Дайте что-нибудь...

Марго, получив такое наставление, схватила бутылку с остатками бренди и выплеснула ее содержимое на пол. Пламя взметнулось вверх и весело затрещало.

— Вот дуреха, это же бренди! — завопил Лесли. — Надо воды... принесите воды.

Но Марго, расстроенная своей огнеопасной деятельностью, разрыдалась. Лесс с сердитым ворчанием стащил с Ларри одеяла и принялся тушить ими огонь. Ларри в негодовании подскочил на постели.

— Что тут, черт возьми, происходит? — спросил он. — В комнате пожар, милый.

— Не понимаю, почему я должен из-за этого замерзать до полусмерти... Зачем с меня содрали одеяла? Вот уж действительно подняли шум. Как будто трудно потушить огонь.

— Ты бы лучше заткнулся! — ответил Лесли, прыгая по одеялам.

— Ни разу не видел людей в такой панике, — сказал Ларри. — Тут надо просто не терять головы. А Лесс совсем ее потерял. Вот если Джерри принесет топор, а мама и Марго сходят за водой, мы живо все потушим.

Продолжая лежать в постели, Ларри давал указания. Через некоторое время нам удалось выдрать доски из пола и вытащить тлеющую балку. Тлела она, верно, всю ночь, так как этот двенадцатидюймовый брус из оливкового дерева уже наполовину обуглился. Когда наконец появилась Лугареция и начали убирать дымящуюся грудку постельного белья, щепки, воду и бренди, Ларри со вздохом облегчения снова вытянулся на постели.

— Ну вот, — заключил он, — все сделано без суеты и паники. Надо только не терять головы. Ох, пожалуйста, пусть кто-нибудь принесет мне чаю. У меня голова раскалывается.

— Ничего удивительного, — сказал Лесли. — Вчера ты напился как сапожник.

— Нечего пятнать мою репутацию, если ты не в

состоянии отличить сильной лихорадки от пьяного разгула.

— Как-никак, эта лихорадка оставила тебе похмелье, — сказала Марго.

— И вовсе не похмелье, — сдержанно ответил Ларри. — Это просто переутомление оттого, что на рассвете вас вдруг будит шайка обезумевших людей и вам приходится брать все на себя и руководить ими.

— Уж очень много ты наруководил, лежа в постели, — фыркнул Лесли.

— Важны не действия, а работа мозга, сообразительность и способность не терять хладнокровия, когда все вокруг его уже потеряли. Если б не я, вы все сгорели бы в своих кроватях.

Разговор

Опять наступила весна, и остров запестрел цветами. Ягнята, задрав хвосты, прыгали под оливами, топтали желтые крокусы своими маленькими копытцами. Ослята на неокрепших вздутых ножках лакомились асфоделями. Реки, пруды, канавы спутались цепями крапчатой жабьей икры, черепахи сбрасывали с себя зимние одеяла из земли и листьев, и первые бабочки, по-зимнему блеклые и изнуренные, лениво порхали среди цветов.

В эти бурные весенние дни мы проводили почти все время на веранде, ели там, спали, читали или просто спорили. Раз в неделю мы сообща просматривали почту, которую привозил нам Спиро. Большую часть ее составляли каталоги оружия для Лесли, журналы мод для Марго и мои зоологические журналы. Почта Ларри содержала в основном книги и нескончаемые письма от писателей, художников и музыкантов о писателях, художниках и музыкантах. Мама получала письма от родственников и иногда каталоги семян. Разбирая почту, мы то и дело обменивались замечаниями, а иногда зачитывали отдельные куски вслух. Это делалось не из

потребности общения (никто друг друга вовсе и не слушал), но потому, что мы просто не в состоянии были вытянуть весь смак из писем и журналов, если б ни с кем не поделились. Случалось, однако, что какая-нибудь новость была достаточно потрясающей, чтобы привлечь к себе всеобщее внимание. Именно это и произошло в один из весенних дней, когда небо было как голубое стекло, а мы все сидели в узорчатой тени виноградных листьев и поглощали свою почту.

— О, очень мило... Посмотрите... органди и пышные рукава... Лучше всего это сделать из бархата... а может, парчовый верх и юбка-клеш. Это тоже мило... правда ведь, будет хорошо с длинными белыми перчатками и летней шляпкой?

Пауза. Слышны только шелест бумаги и легкие стоны Лугареции в столовой. Роджер громко зевает, за ним зевают по очереди оба щенка.

— Ого! Какая красавица!.. Вы только взгляните... оптический прицел, скользящий затвор... Что за красotka! Гм... сто пятьдесят... не так уж дорого, я думаю... Теперь это хорошая цена... Посмотрим... двустволка... чокбор... Да... мне кажется, для уток надо что-нибудь потяжелее.

Роджер чешет свои уши одно за другим, с блаженным видом поворачивает голову набок и тихо ворчит от удовольствия. Вьюн ложится рядом с ним и закрывает глаза. Пачкун безуспешно гоняется за мухой, пытаясь цапнуть ее пастью, и громко щелкает зубами.

— О! У Антуана наконец приняли поэму! Тут настоящий талант, если только он сумеет до него докопаться. Верлен, пускающий печатный станок в конюшне... Фу! Малые тиражи собственных работ... Бог мой! Джордж Буллок пробует писать портреты... портреты, вы только подумайте! Он же свечки не умеет нарисовать... Вот, мама, почитай, хорошая книга: «Драматурги эпохи королевы Елизаветы»... замечательная вещь... в ней есть прекрасный материал...

Роджер с громким сопением потянулся назад, поискал блоху, действуя передними зубами, будто машинкой для стрижки волос. Вьюн дергал хвостом и ногами, его рыжие брови двигались вверх и вниз в изумлении перед собственным сном. Пачкун притворялся спящим и незаметно наблюдал за мухой.

— Тетушка Мейбл переехала в Суссекс... Она пишет, что Генри сдал все экзамены и поступает в банк... по крайней мере я думаю, что это банк... почерк у нее просто ужасный, несмотря на дорогостоящее образование, которым она всегда так хвастает... Дядя Стивен сломал ногу, бедный старик... и сделал что-то со своей поясницей? Ах, нет, я поняла... все это почерк. Он сломал ногу, свалившись с лестницы... Я думала, у него больше разума... смешно лазить по лестницам в его возрасте... Том женился... на одной из девочек Гарнетов.

Напоследок мама всегда оставляла приходившие раз в месяц пухлые письма, где адрес был обозначен крупным, твердым круглым почерком. Это были письма от тетки Гермiony, неизменно вызывавшие у нас в семье взрыв негодования, так что и теперь все мы отложили в сторону свою почту и обратили взоры на маму, которая со смиренным вздохом развернула письмо в двадцать с лишним страниц, уселась поудобнее и начала читать.

— Она пишет, что врачи не оставляют ей много надежд, — сообщила мама.

— Они не оставляют ей никаких надежд вот уже сорок лет, а она до сих пор здорова как бык, — заметил Ларри.

— Она пишет, что ее всегда несколько удивляло наше бегство в Грецию, но у них там сейчас плохая зима, и она думает, что, быть может, мы вполне разумно выбрали такой благословенный климат. — Благословенный! Слова-то какие! — О господи!.. Ох, нет... Боже мой! — Что такое?

— Она пишет, что собирается приехать к нам... врачи рекомендуют ей теплый климат!

— Нет, я отказываюсь! Такого я не вынесу, — закричал Ларри, вскакивая со стула. — Мы все по горло сыты деснами

Лугареции, не хватает еще тетки Гермiony, которая будет умирать тут каждую минуту.

— Ты должна от нее отделаться, мама... Скажи, что у нас нет места.

— Но это невозможно, милая. Я писала ей в последнем письме, какой у нас большой дом.

— Может, она уже забыла, — с оптимизмом заметил Лесли. — Нет, не забыла. Она как раз упоминает об этом... Где же это?.. Ах, вот: «Поскольку вы можете теперь снимать такое просторное помещение, я уверена, дорогая Лу, что вы не откажете в уголке старой женщине, которой осталось так мало жить». Вот видите! Что же нам теперь делать?

— Напиши ей, что тут свирепствует эпидемия оспы, и пошли фотографию с прыщами Марго, — предложил Ларри.

— Не говори глупостей, милый. К тому же я писала ей, какое это здоровое место.

— Это просто невыносимо, мама! — воскликнул Ларри, — Я так мечтал спокойно поработать летом, пригласив лишь самых близких друзей, а теперь нам грозит нашествие этой противной верблюдицы, пропахшей нафталином и распеваящей церковные гимны в уборной.

— Ты просто преувеличиваешь, милый, и я не понимаю, зачем тебе потребовалось приплетать уборную. Я никогда не слышала, чтобы она пела где-нибудь гимны.

— Она поет их не переставая... тогда как остальные выстраиваются в очередь на площадке.

— Ну, как бы там ни было, надо придумать предлог получше. Нельзя же писать, что мы не хотим ее принять из-за гимнов. — Да почему нельзя?

— Оставь свои глупости, милый. Все-таки она наша родственница.

— Ну и что из того? Неужели мы будем обхаживать эту старую ведьму только потому, что она наша родственница? Ведь по-настоящему ее надо привязать к столбу и сжечь.

— Она этого не заслужила, — возразила мама без всякого энтузиазма.

— Дорогая мама, из всех противных родственников, которые нас осаждают, она, конечно, самая отвратительная, и я просто не могу понять, как ты только с нею общаешься.

— Надо же мне отвечать на ее письма, как ты думаешь?

— Зачем? Просто пиши на них «Адресат выбыл» и отсылай обратно.

— Я не могу этого сделать, милый. Они узнают мой почерк. К тому же письмо я уже распечатала.

— Может быть, написать ей, что ты больна? — предложила Марго.

— Да, да, мы напишем, что врачи оставили уже всякую надежду, — сказал Лесли.

— Я напишу это письмо, — обрадовался Ларри.

— Нет, не напишешь, — твердо заявила мама. — Если ты это сделаешь, она немедленно придет ухаживать за мной. Ты же ее знаешь.

— Ну скажи на милость, зачем ты поддерживаешь с ними связь? — в отчаянии спросил Ларри. — Что это тебе дает? Все они или ископаемые, или сумасшедшие.

— Ну, этого уж ты не говори, — возмутилась мама. — Они вполне нормальные люди.

— Вздор... Возьми хотя бы тетю Берту с ее невероятными кошками... Или дядю Патрика, который ходит почти раздетый и рассказывает совсем незнакомым людям, как он убивал китов перочинным ножиком. Все они какие-то придурки.

— Конечно, они с причудами. Но ведь все они очень старые, в их возрасте это положено. И они вовсе не сумасшедшие, — объяснила мама и чистосердечно добавила: — Во всяком случае, не такие уж сумасшедшие, чтобы от них можно было избавиться.

— Ну, вот что, — решительно сказал Ларри. — Если на нас готовится нашествие родственников, нам остается только одно.

— Что именно? — спросила мама, с надеждой глядя поверх очков.

— Переехать, конечно.

— Переехать? Куда переехать? — недоуменно спросила мама.

— Переехать в дом поменьше. Тогда ты сможешь написать всей этой публике, что у нас нет места.

— Не будь дурачком, Ларри. Разве можно без конца переезжать? Мы и так переехали сюда, чтобы справиться с твоими друзьями.

— Ну, а теперь мы переедем, чтобы справиться с родственниками.

— Но мы не можем носиться по всему острову... люди подумают, что мы ненормальные.

— Они еще скорее так подумают, если сюда явится эта старая гарпия. Честное слово, мама, я просто не вынесу, если она придет. Вот возьму тогда у Лесли ружье и пробью дырку в ее корсете.

— Ларри! Прошу тебя, не говори таких вещей в присутствии Джерри.

— Я просто предупреждаю тебя.

Мама лихорадочно протирает свои очки.

— Но ведь это... — вымолвила она наконец, — просто сумасбродство, менять вот так дома.

— Никакого сумасбродства здесь нет. Вполне обоснованные действия.

— Конечно, — согласился Лесли. — Это своего рода самозащита.

— Будь благоразумна, мама, — сказала Марго. — В конце концов перемена

— хорошо, а две лучше.

И вот, подхватив эту новую поговорку, мы стали переезжать.

Часть третья

13. Белоснежный дом

Наш новый, белый как снег дом с широкой, густо заплетенной виноградом верандой стоял на верху холма среди оливковых деревьев. Перед домом был маленький, размером чуть ли не с носовой платок, садик, аккуратно огороженный и сплошь заросший дикими цветами. Весь садик покрывала своей густой, плотной тенью огромная магнолия с темно-зеленой глянцевой листвой. От дома вниз по склону к проезжей дороге спускалась накатанная шинами колея, петлявшая среди оливковых рощ, виноградников и фруктовых садов. Дом нам понравился с первого взгляда, как только Спиро подвез нас к нему. Ветхий, но необычайно элегантный, он стоял среди пьяных олив и, пожалуй, напоминал щеголя восемнадцатого века, красующегося перед толпой поселянок. Для меня его очарование еще возросло, когда в одной из комнат была обнаружена летучая мышь. Она висела вниз головой на ставне и злобно попискивала. Я надеялся, что летучая мышь останется жить в доме, но она, как только мы там появились, решила, что место становится слишком людным, и мирно отбыла к какому-то стволу оливы. Меня огорчило такое решение, однако в то время я был занят другими делами и вскоре забыл о ней.

Только теперь, в белом доме, я свел настоящее знакомство с богомолами. До сих пор я видел их иногда на миртовых кустах, но как-то не обращал особого внимания. Теперь же они сами обратили на себя мое внимание, так как здесь, на вершине холма, где стоял наш дом, их было великое множество и таких крупных, каких я еще ни разу не встречал. С надменным видом сидели они на оливах, миртах, на гладких зеленых листьях магнолии, а вечером осаждали наш дом — неслись к свету лампы на своих зеленых крыльях, дрожавших, словно лопасти старинного колесного парохода,

и потом опускались на столы и стулья. Расхаживая мелкими шажками по комнате, они поворачивали голову то вправо, то влево в поисках жертвы и, обратив к нам лица без подбородка, пристально изучали нас своими шаровидными глазами. Я даже не подозревал, что богомолы могут быть такими крупными. Некоторые экземпляры достигали в длину четырех с половиной дюймов. И этих чудовищ, наводнявших наш дом, ничто не страшило. Они не задумываясь могли выбрать жертву такого же, как они сами, роста или даже еще больше. Видимо, богомолы считали наш дом своей личной собственностью, а стены и потолки своими законными охотничьими угодьями. Однако гекконы, обитавшие в трещинах садовой ограды, тоже смотрели на дом как на свое заповедное поле охоты, и поэтому между богомолами и гекконами шла постоянная война. По большей части это были просто легкие стычки между отдельными представителями воюющих сторон, а так как животные обладали в общем-то одинаковой силой, борьба их редко принимала серьезный оборот. Но все же порой разгорались настоящие баталии, и мне удалось быть свидетелем одной из них. Битва разыгрывалась у меня над кроватью и в кровати.

В дневное время почти все гекконы прятались под отставшей штукатуркой на садовой стене. А вечером, когда заходило солнце и прохладная тень магнолии окутывала дом и сад, они выставляли из щелей свои маленькие, с золотыми глазами головки, внимательно оглядывали все вокруг и тихонько выбирались на стену. В сумерках их плоское тело и короткий, почти конической формы хвост казались пепельно-серыми. Осторожно пробираясь по замшелой стене, гекконы попадали наконец под надежную защиту виноградных лоз над верандой и терпеливо ждали, когда совсем стемнеет и в доме зажгут лампы. Они выбирали себе место охоты и отправлялись туда по стене дома — кто в спальни, кто в кухню, а некоторые оставались тут же на веранде, среди виноградных листьев.

Один геккон повадился охотиться в моей спальне. Я

сразу заприметил его и вскоре, изучив как следует, дал ему имя Джеронимо, потому что, на мой взгляд, все его атаки на насекомых отличались той же ловкостью и продуманностью, что и действия этого знаменитого индейца (Джеронимо (1829-1909) — вождь племени апачей, защитник прав индейцев в Северной Америке, боролся против поселения индейцев в резервациях.). Среди других гекконов Джеронимо, кажется, был выдающейся личностью. Во-первых, он жил один, под большим камнем на клумбе с цинниями, как раз под моим окном, и терпеть не мог, чтобы другие гекконы появлялись близ его жилья. И, разумеется, он не позволял ни одному геккону забираться в мою спальню. Пробудившись, он вставал раньше других и выходил из-под камня, когда последние лучи заходящего солнца все еще освещали наш дом. Стремительно взбежав по отвесной пропасти, покрытой слоистой белой штукатуркой, геккон оказывался у окна моей спальни, протягивал голову через подоконник и обводил комнату любопытным взглядом, сделав два-три быстрых кивка. Было ли это обращенное ко мне приветствие или же геккон просто выражал свое удовлетворение, обнаружив, что в комнате ничего не изменилось, я так и не смог решить. Глотая воздух, он продолжал сидеть на подоконнике, дожидаясь, когда совсем стемнеет и в комнате появится свет. В золотистом мерцании лампы он как будто менял свою окраску с пепельно-серой на едва приметную жемчужно-розовую, и теперь на нем сильнее проступал мелкий пупырчатый рисунок, а кожа казалась такой тонкой и прозрачной, будто светилась насквозь и вы могли видеть аккуратно свернутые, как хоботок бабочки, внутренности в его жирном животике. Глаза его горели воодушевлением, когда он поднимался по стене к своему излюбленному месту — в левом дальнем углу потолка — и сидел там вверх ногами, поджидая свою жертву к ужину.

А она не заставляла себя долго ждать. Сначала появлялись комары, разные мошки, божьи коровки, на которых Джеронимо даже не смотрел, потом следовали

долгоножки, златоглазки, мелкие бабочки, несколько вполне солидных жуков. И вот тут Джеронимо приобщал меня к тайнам своего тактического искусства. Когда златоглазка или же какая-нибудь бабочка, налетавшись до одури вокруг лампы, вспархивала вверх и усаживалась в светлом кругу на потолке, Джеронимо в своем углу весь подбирался. Кивнув два-три раза головой, он начинал осторожно, шаг за шагом продвигаться по потолку, не сводя горящих глаз с насекомого. Дюймах в шести от своей жертвы Джеронимо на секунду останавливался, и тут можно было увидеть, как шевелятся его пальцы с присосками — это он старался понадежнее закрепиться на штукатурке. От возбуждения глаза его чуть не выскакивали из орбит, кончик хвоста слегка подрагивал и мордочка принимала свирепое, по его понятиям, выражение. Но вот он опять, словно капля воды, плавно скользит по потолку. Слабый щелчок, и геккон поворачивает голову. На мордочке у него выражение самодовольного блаженства, изо рта, наподобие дрожащих моржовых усов, свешиваются ножки и крылья златоглазки. Словно разыгравшийся щенок, он радостно виляет хвостом и возвращается в угол, где можно спокойно проглотить свою жертву. У геккона было необычайно острое зрение, и я не раз наблюдал, как он, высмотрев на другом конце комнаты крохотную бабочку, направлялся туда через весь потолок и начинал подкрадываться к ней.

К соперникам, пытавшимся узурпировать его территорию, он был беспощаден. Как только они взбирались на подоконник и переводили дух после трудного подъема по стене, в углу раздавалось шуршание, Джеронимо мигом пересекал потолок, спускался по стене и шлепался на подоконник. Не успевал пришелец опомниться, как Джеронимо устремлялся вперед и прыгал на него. В отличие от других гекконов Джеронимо никогда не метил в голову или туловище противника, а бросался прямо на хвост, хватал его пастью, примерно на расстоянии полдюйма от кончика, и, повиснув на нем, как бульдог, трепал из стороны в сторону.

Ошарашенный такой подлой и необычной манерой нападения, пришелец немедленно обращался к проверенному средству обороны ящериц: оставлял противнику свой хвост и, в одно мгновение перевалив через подоконник, мчался вниз по стене к клумбе из цинний. Слегка запыхавшийся Джеронимо с победоносным видом продолжал сидеть на подоконнике, зажав в пасти все еще извивающийся хвост. Убедившись, что его соперник исчез, Джеронимо усаживался поудобнее и начинал уничтожать хвост — возмутительный, на мой взгляд, обычай. Но, очевидно, это был лишь способ ознаменовать победу, и, пока хвост совсем не исчезал в его вздувшемся животе, Джеронимо отнюдь не выглядел счастливецем.

Часто залетавшие в мою комнату богомолы были обычно небольших размеров, и Джеронимо всегда стремился их поймать, однако они были слишком проворны. В отличие от других насекомых свет, как видно, богомолы не притягивал: вместо того чтобы ошалело крутиться около лампы, они спокойно устраивались в удобном местечке и начинали охотиться на танцующих, когда те присаживались отдохнуть. Их шаровидные глаза были, наверно, такие же зоркие, как у геккона, так что богомолы всегда замечали его гораздо раньше, чем он оказывался на опасном для них расстоянии, и поспешно удирали. Однако в один прекрасный вечер Джеронимо встретил богомола, который не только не пустился наутек, но даже двинулся ему навстречу. Этого уж геккон вынести не мог.

С некоторых пор меня стал интересовать способ размножения богомолы, и теперь я очень хотел увидеть, как они откладывают яички и как выводятся личинки. И вот однажды мне выпал счастливый случай. Я бродил среди холмов и столкнулся, можно сказать, лицом к лицу с необыкновенно крупной самкой, с видом королевы шествующей через траву. Живот у нее был сильно раздут, и я понял, что вскорости ожидается счастливое событие. Самка остановилась, раскачиваясь на своих тонких ногах, окинула

меня холодным взглядом и снова пустилась в путь, пробираясь между стеблями травы. Я решил поймать ее, чтобы она смогла отложить яички в коробку, и потом спокойно наблюдать за их развитием. Как только богомолиха сообразила, что я пытаюсь ее поймать, она быстро повернулась, выпрямилась, расправила свои желтовато-зеленые крылья и угрожающе изогнула кверху зубчатые передние ноги. Удивляясь ее воинственности перед существом неизмеримо крупнее, чем она сама, я легонько, двумя пальцами, схватил ее за талию. Длинные, острые передние ноги сейчас же потянулись за спину и сомкнулись на моем большом пальце — будто полдюжины иголок вонзились мне в кожу. От удивления я выронил свою пленницу и сел на землю, чтобы пососать ранку. Среди маленьких проколов три были довольно глубокие, и, когда я сдвигал палец, из ранки выступили капельки крови. Мое уважение к самке возрастало. Она-таки умела заставить считаться с собой. Теперь я уже действовал осторожно, пустив в ход обе руки. Одной рукой я снова подхватил ее за талию, а другой старался придерживать опасные передние ноги. Она бессильно извивалась и норовила укусить меня, склоняя к руке свое злое, острое личико и пощипывая кожу, но у нее были слишком слабые челюсти, чтобы причинить мне какой-нибудь вред. Я отнес ее домой, в свою спальню, и запер в просторной клетке, затянутой марлей и изящно украшенной папоротником, вереском и камнями, где она двигалась с большим проворством и грацией.

Я далее имя Сисели, просто так, без всяких причин, и целыми днями ловил для нее бабочек, которых она поедала в огромном количестве. Аппетит ее, видимо, никогда не ослабевал, а живот все рос и рос. И вот, когда я с уверенностью ждал, что в любой момент она может отложить свои яички, Сисели каким-то образом сумела улизнуть из клетки.

В один из вечеров, когда я уже сидел в постели и читал, Сисели вдруг с треском пронеслась через комнату и грузно

опустилась на стене, футах в десяти от того места, где Джеронимо деловито уничтожал последние остатки необыкновенно мохнатой бабочки. Губы его все еще были облеплены пушистыми волосками, но он тут же прервал свою трапезу и в изумлении уставился на Сисели. Ему наверняка ни разу не приходилось видеть такого огромного богомола, а Сисели превосходила его в длину на добрых полдюйма. Пораженный ее размерами и дерзким появлением в его комнате, Джеронимо на несколько секунд прямо застыл на месте, не сводя с нее глаз. А Сисели вертела головой в разные стороны и осматривалась с важным, сосредоточенным видом — точь-в-точь как чопорная старая дева в картинной галерее. Овладев наконец собой, Джеронимо решил, что нахальное насекомое следует проучить. Вытерев о потолок рот, он быстро-быстро закивал головой и стал махать хвостом, пытаясь довести себя до лютой ярости. Сисели же его просто не замечала и продолжала осматриваться, слегка раскачиваясь на своих длинных, тонких ногах. Джеронимо тихо скользил по стене, бешено глотая воздух. Футах в трех от богомола он остановился и начал поочередно приподнимать лапки, проверяя надежность своей позиции. Сисели посмотрела на него с притворным изумлением, будто увидела в первый раз. Не сходя с места, она повернула голову и бросила взгляд через плечо. Джеронимо продолжал пристально смотреть на нее и все отчаянней глотал воздух. Сисели холодно оглядела его своими выпуклыми глазами и снова принялась обследовать потолок, как будто геккона вовсе не было на свете. Джеронимо придвинулся на несколько дюймов, еще раз пошевелил пальцами, взмахнул кончиком хвоста. Затем он стремительно бросился вперед, и тут произошла удивительная вещь: Сисели, которая до этого момента была целиком поглощена исследованием трещины в штукатурке, вдруг подпрыгнула в воздух, перевернулась и села на то же место, только теперь она развернула веером крылья, приподнялась на задних ногах и привела в боевую готовность передние. Джеронимо, не ожидавший такого резкого отпора,

отскочил назад дюйма на три и снова устремил на нее взгляд. Она тоже упорно смотрела на него с каким-то презрительным вызовом. Джеронимо, казалось, был несколько сбито толку, ведь он уже давно привык к тому, что при его приближении богомолы тотчас срывались с места и неслись на другой конец комнаты, а тут она стояла перед ним в боевой позиции, готовая нанести удар, и раскачивалась на длинных ногах, отчего ее зеленые распушенные веером крылья слегка шелестели. Однако дело зашло уже слишком далеко, отступать было поздно, поэтому, собравшись с духом, Джеронимо прыгнул вперед и со всего размаху врезался в богомола.

Сисели покачнулась от удара, а геккон ухватил ее пастью за верхнюю часть туловища. Тогда она вцепилась острыми передними ногами ему в заднюю лапу, и они зигзагами понеслись по потолку, по стене, стараясь одолеть друг друга. Затем наступила пауза, когда противники отдыхали и готовились ко второму раунду, по-прежнему не ослабляя цепких объятий. Я раздумывал, следует ли мне вмешаться. Жалко ведь, если кто-нибудь из них погибнет, но в то же время поединок был такой захватывающий, что мне совсем не хотелось их разнимать. Пока я решал этот вопрос, борьба началась снова.

По каким-то соображениям Сисели упорно старалась стащить Джеронимо со стены на пол, а он с такой же решимостью стремился тянуть ее к потолку. Борьба продолжалась некоторое время с переменным успехом, однако решительного перелома не было. Но тут Сисели совершила роковую ошибку: воспользовавшись очередной передышкой, она рванулась в воздух, словно собиралась пролететь через комнату, держа в когтях Джеронимо, как орел ягненка. Только она совсем не учла его веса. Неожиданный рывок захватил геккона врасплох, присоски на его пальцах оторвались от потолка, и Сисели, конечно, была не в силах справиться с таким грузом. Спутанный клубок из ног и крыльев перевернулся в воздухе и рухнул на кровать.

Оба противника были настолько ошеломлены, что невольно разжали свои объятия и сидели теперь на одеяле, впившись друг в друга горящими глазами. Я решил, что подоспела пора вмешаться и объявить ничью, но только хотел схватить противников, как они снова бросились друг на друга. На этот раз Джеронимо действовал более мудро и сразу зажал в пасти острую переднюю ногу Сисели. Тогда она обвила его шею другой ногой. Обоим было неудобно сражаться на одеяле, так как их пальцы и когти то и дело застревали в ворсе, мешая двигаться. Они металась туда и сюда по постели и наконец стали пробиваться к подушке. Вид у обоих теперь был очень потрепанный: у Сисели смято и оторвано крыло и выведена из строя согнутая нога, у Джеронимо расцарапана до крови вся спина и шея. Мне очень хотелось посмотреть, кто же из них выйдет победителем, и я уже не думал их останавливать. Когда они оказались у подушки, я вылез из постели, вовсе не желая, чтобы один из острых коготков Сисели впился мне в грудь.

Сисели уже совсем выбивалась из сил, но, когда ее ноги коснулись гладкой поверхности простыни, она опять пришла в себя. Жаль только, что ее вновь обретенные силы были направлены не на ту цель. Отпустив шею Джеронимо, Сисели вцепилась ему в хвост. Надеялась ли она поднять геккона в воздух и таким образом лишить его возможности двигаться, я не знаю, но результат получился обратный. Как только ее коготки впилась в хвост, Джеронимо сбросил его. При этом он с такой силой дернулся, что голова у него резко замоталась из стороны в сторону и во рту осталась вырванная нога Сисели. И вот они сидят друг против друга: Сисели зажала коготками извивающийся хвост Джеронимо, а во рту у бесхвостого, окровавленного Джеронимо дергается левая передняя нога Сисели. Сисели все еще могла бы выиграть битву, если б сразу же ухватила за Джеронимо, пока он еще не успел выплюнуть изо рта ногу, но ее слишком занимал трепещущий хвост, который она считала существенной частью противника и продолжала крепко держаться за него. А

Джеронимо тем временем выплюнул ногу и бросился в атаку. Легкий треск, и вот голова и верхняя часть туловища Сисели исчезли в его пасти.

Битва окончилась. Теперь Джеронимо просто оставалось дожждаться смерти Сисели. Ноги ее подергивались, раскрытые веером зеленые крылья трепетали и шелестели, огромное брюшко вздрагивало, и от этих предсмертных конвульсий оба вдруг повалились и исчезли в складках измятой постели. Долгое время их совсем не было видно. До меня доносилось лишь слабое потрескивание крыльев богомола, но и оно скоро прекратилось. Наступила тишина, а потом из простыни высунулась исцарапанная, окровавленная головка, пара золотистых глаз окинула меня ликующим взглядом и измученный Джеронимо выполз наружу. На плече у него был выдран большой клочок кожи, на его месте зияла красная, кровоточащая рана, по всей спине выступали капли крови — следы когтей богомола, а окровавленный обрубок хвоста оставлял на простыне красный след. Геккон был избит, искалечен, истерзан, но вышел из боя победителем.

Некоторое время Джеронимо сидел, глотая воздух, на постели, позволив мне обтереть ему спину намотанной на спичку ватой. Потом он получил от меня в награду пять жирных мух и проглотил их с большим удовольствием. Подкрепив таким образом силы, Джеронимо перекочевал на стену, добрался тихонько до подоконника, перелез через него и спустился по стенке к себе домой, под камень на клумбе. Должно быть, он решил, что после такой яростной схватки совсем неплохо устроить себе ночной отдых. А на следующий вечер он снова был на своем обычном месте в углу, самоуверенный, как всегда. Весело помахивая остатком хвоста, он наблюдал за праздничным хороводом насекомых вокруг лампы.

И вот однажды, недели через две после великой битвы, Джеронимо вполз на подоконник и, к моему изумлению, привел с собой другого геккона, совсем маленького, вдвое меньше, чем он сам, очень нежного жемчужно-розового цвета

и с огромными блестящими глазами. Джеронимо занял свой обычный пост в углу, тогда как новый пришелец выбрал себе место в середине потолка. Оба приступили к охоте, сосредоточив на ней все свое внимание и совершенно позабыв друг о друге. Сперва я было принял этого изящного пришельца за невесту Джеронимо, но исследования на клумбе с цинниями показали, что тот по-прежнему ведет холостяцкий образ жизни. Новый геккон спал где-то в другом месте и появлялся только вечером, карабкаясь вслед за Джеронимо по стене дома в мою спальню. Зная драчливый характер Джеронимо, я не мог понять, как это он согласился терпеть другого геккона. Мне хотелось думать, что это дочь или сын Джеронимо, однако я хорошо знал, что у гекконов семьи не бывает, они просто откладывают яички и оставляют малышей (когда те выведутся) на произвол судьбы. Я все еще не мог решить, какое бы имя дать новому обитателю моей спальни, когда его вдруг постигла злая участь.

С левой стороны от нашего дома, будто зеленая чаша, раскинулась широкая лощина с зарослями корявых олив. Ее окружали каменистые обрывы футов двадцати высотой, и у их основания среди россыпи камней густо разрослись мирты. С моей точки зрения, это были прекрасные охотничьи земли, там ютилось множество всевозможных животных. Однажды, охотясь на этих камнях, я заметил под миртовыми кустами толстый полусгнивший ствол оливы. В надежде разыскать под ним что-нибудь интересное я сделал героическое усилие и откатил его в сторону. В сырой ложбинке, оставленной бревном, сидели два живых существа, заставивших меня раскрыть рот от изумления.

По виду это были обыкновенные жабы, но меня поразил их размер — каждая превосходила в объёме блюдце средней величины. Жабы были серовато-зеленого цвета, все в бородавках и в каких-то белых лоснящихся пятнах, лишенных пигмента. Обе глядели на меня, словно тучные, покрытые коростой Будды, и с виноватым видом глотали воздух в свойственной жабам манере. Я поднял их с земли. Они сидели

у меня на ладонях, похожие на слегка спущенные воздушные шары, мигали своими прекрасными, из золотой филигрании глазами и старались поудобнее устроиться на моих пальцах. Жабы смотрели на меня очень доверчиво, и, казалось, их широкие, толстогубые рты расплываются в робкой, растерянной улыбке. Я был от них в восторге, и моя находка так возбуждала меня, что я должен был немедленно разделить с кем-нибудь свою радость, иначе меня разорвало бы на части. С жабой в каждой руке я помчался что есть духу домой показывать свое новое приобретение.

Когда я ворвался в дом, мама и Спиро проверяли в кладовке запасы продуктов. Подняв руки над головой, я попросил взглянуть на моих чудесных амфибий. Спиро стоял почти рядом со мной, и, когда он обернулся, жабы оказались прямо у него перед носом. Он изменился в лице, глаза его выкатились, а кожа приняла зеленоватый оттенок. Сходство между ним и жабами было просто поразительным. Зажав рот носовым платком, Спиро неверными шагами вышел на веранду.

— Разве можно показывать Спиро подобные вещи, мой милый? — зывала ко мне мама. — Ты ведь знаешь, что у него слабый желудок.

Я знал, что у Спиро слабый желудок, но не думал, что вид этих очаровательных созданий так подействует на него. — Да что в них ужасного?

— спросил я в недоумении.

— В них нет ничего ужасного, милый. Они очаровательны, — ответила мама, подозрительно разглядывая жаб. — Просто их никто не любит.

Спиро снова вошел в кладовку. Он был бледен и вытирал платком пот со лба. Я быстро спрятал жаб у себя за спиной.

К моему глубокому разочарованию, все остальные в доме реагировали на жаб примерно таким же образом, как и Спиро. Убедившись, что мне не удастся вызвать у других хотя бы каплю восторга, я с грустью отнес бедную пару к себе

в спальню и осторожно положил на кровать.

Вечером, когда зажгли лампы, я выпустил жаб прогуляться по комнате и стал сбивать для них насекомых, летавших вокруг лампы. Жабы неуклюже поворачивались то в одну, то в другую сторону, проглатывая мои подношения. Их огромные рты захлопывались с легким цоканьем, в то время как толстый язык проталкивал насекомое внутрь. Вскоре в комнату ворвалась необыкновенно большая, взбудораженная бабочка. Для жаб это было прекрасное лакомство, и я пустился за ней в погоню. Однако она скоро уселась на потолок, недалеко от нового друга Джеронимо, где я не мог ее достать. Тогда я попытался сбить бабочку с потолка и запустил в нее журналом, что было большой глупостью с моей стороны. Журнал попал не в бабочку, а в геккона, который в это время следил за приближающейся златоглазкой. Журнал отлетел в угол комнаты, а геккон шлепнулся на коврик, прямо перед мордой более крупной жабы. Он еще не перевел духа и я не успел броситься ему на помощь, как жаба с добрым выражением на лице прыгнула вперед. Рот ее широко распахнулся, из него быстро высунулся и снова спрятался язык, унося с собою геккона. Потом жабий рот опять захлопнулся, и морда приняла свое прежнее выражение застенчивой доброты. Джеронимо, висевший в своем углу вниз головой, остался, как видно, безучастным к судьбе товарища, но на меня это происшествие произвело жуткое впечатление. К тому же я был подавлен сознанием, что все это случилось по моей вине. Опасаясь, как бы сам Джеронимо не оказался их следующей жертвой я быстро схватил жаб и запер в коробке.

Эти гигантские жабы заинтересовали меня по многим причинам. Вообще-то они относились к обыкновенному виду, только вот тело и ноги у них в каких-то странных белых пятнах. К тому же эти чудовища раза в четыре больше всех жаб, какие мне до сих пор встречались. Странно и то, что я нашел их вместе. Удивительно найти и одного такого гиганта, а сразу двух, сидящих вот так, рядышком, — открытие совсем

необыкновенное. Я даже думал, что это будет новым вкладом в науку, и, преисполненный надежд, держал их взаперти под кроватью, дожидаясь следующего четверга. Когда приехал Теодор, я мигом сбегал за ними в свою спальню.

— Ага! — произнес Теодор, пристально разглядывая жаб, потом потрогал одну из них пальцем. — Да, это, несомненно, очень крупные экземпляры.

Он вынул из коробки одну жабу и положил на пол. Жаба глядела на него грустными глазами, пятнистая кожа ее раздувалась и опадала, как комок дрожжевого теста.

— Гм... да, — произнес Теодор. — Кажется, это обыкновенные жабы, хотя, как я уже сказал, исключительные экземпляры. Их странные пятна объясняются недостатком пигмента. Думаю, что это от возраста, хотя, конечно, я могу... э... ошибаться. Возраст у них, должно быть, очень солидный, раз они достигли таких размеров.

Я был удивлен. Жабы никогда не казались мне долгоживущими животными, и теперь я спросил у Теодора, по скольку же они обычно живут.

— Ну, это трудно сказать... гм... статистики не существует. Однако я представляю, что таким вот крупным вполне может быть по двенадцать или даже по двадцать лет.

Он вынул из коробки вторую жабу и посадил ее на пол рядом с первой. Жабы сидели бок о бок, моргали, глотали воздух, вялые их бока вздымались от дыхания. Поглядев на них с минуту, Теодор достал из жилетного кармана пинцет и вышел в сад. Отыскав там под камнями крупного красновато-бурого дождевого червяка, осторожно взял его пинцетом, принес на веранду и бросил около жаб. Извивающийся червяк свернулся сперва колечком, потом стал медленно разворачиваться. Жаба, что была к нему поближе, быстро моргнула глазами и чуть-чуть повернулась. Червяк продолжал извиваться, будто клочок шерсти на горячих углях. Жаба наклонила голову, на ее широкой морде появилось выражение глубочайшей заинтересованности.

— Ага! — произнес Теодор, улыбаясь в бороду. Червяк

изобразил особенно судорожную восьмерку, и жаба с волнением подалась вперед. Огромный рот распахнулся, мелькнул розовый язык, и половина червяка была унесена в жабью утробу. Когда рот захлопнулся, вторая половина отчаянно извивавшегося червяка осталась снаружи. Жаба села на место и с большой осторожностью принялась запихивать лапками в рот свисавший конец червяка. При каждом толчке она делала резкое глотательное движение и закрывала глаза с выражением острой муки. Мало-помалу червяк исчезал между толстыми губами, пока наконец снаружи не остался только маленький, не больше дюйма, кусочек, который все еще подергивался.

— Гм, — весело хмыкнул Теодор. — Я всегда любил наблюдать, как они это проделывают. Знаешь, как будто фокусники, которые ярд за ярдом вытаскивают изо рта цветные ленты... э... только, разумеется, в обратном направлении.

Жаба моргнула, отчаянно глотая воздух, глаза ее сощурились, и последний кончик червяка скрылся у нее во рту.

— Хотел бы я знать, можно ли их научить глотать шпаги? Интересно попробовать.

Сверкнув глазами, Теодор осторожно поднял жаб с пола и положил обратно в коробку.

14. Говорящие цветы

Довольно скоро я получил неприятное известие, что мне нашли еще одного учителя. На сей раз это был некий Кралевский, человек, в жилах которого смешалась кровь множества национальностей, но преобладала английская. Мне сообщили, что он очень славный человек и к тому же интересуется птицами, так что мы с ним наверняка поладим. Однако последняя часть сообщения не произвела на меня ни малейшего впечатления. Я уже встречал немало людей, которые заявляли, что интересуются птицами) а на деле

оказывалось (после тщательного опроса), что это просто шарлатаны, в глаза не выдавшие удода и не умевшие отличить горихвостку-чернушку от обыкновенной горихвостки. Я был уверен, что мои родные изобрели этого любящего птиц учителя просто для того, чтобы мне не так горько было вновь приниматься за учебу. И, уж конечно, его репутация орнитолога объяснялась тем, что однажды, когда ему было четырнадцать лет, он держал у себя канарейку. Поэтому я отправился в город на свой первый урок в самом унылом настроении.

Кралевский жил в старом доме на окраине города, занимал в нем два верхних этажа. Я поднялся по широкой лестнице, с презрительной бравадой выбил громкую дробь украшавшим входную дверь молотком и, насупившись, стал ждать, изо всей силы ввинчивая свой каблук в темно-красный коврик. Когда я уже хотел было постучать второй раз, послышался тихий звук шагов, дверь широко распахнулась, и передо мной предстал мой новый учитель.

Я сразу решил, что Кралевский вовсе не человеческое существо, а замаскированный под человека гном, облачившийся в старомодный, но очень элегантный костюм. Его большая яйцевидная голова, плоская по бокам, была откинута назад, на аккуратный, круглый горб, и это придавало ему довольно странный вид, как будто он разглядывал небо и все время пожимал плечами. У него был длинный, с тонкой переносицей и широкими, вывернутыми ноздрями нос и необыкновенно большие, влажные светло-карие глаза с застывшим, отсутствующим взглядом, словно их владелец только что вышел из трансa. Большие, тонкие губы соединяли в себе одновременно и чопорность и юмор. Теперь они растянулись в приветственной улыбке, обнажив ровные, но уже пожелтевшие зубы.

— Джерри Даррелл? — спросил он, подпрыгивая, как влюбленный воробей, и помахал передо мной тонкими пальцами. — Джерри Даррелл, я полагаю? Входи, дорогой мальчик, пожалуйста, входи.

Он поманил меня указательным пальцем и повел через темную прихожую со скрипучими половицами под истертым ковром.

— Вот сюда. В этой комнате мы будем заниматься, — говорил певучим голосом Кралевский, распахнув дверь и впуская меня в маленькую комнату, не слишком заставленную мебелью. Я положил свои книги на стол и сел на указанный мне стул. Опираясь на кончики превосходно наманикюренных пальцев, Кралевский склонился над столом и рассеянно улыбнулся. Я улыбнулся ему в ответ, не очень понимая, чего он от меня хочет.

— Друзья! — произнес он восторженно. — Очень важно, чтобы мы стали друзьями. Я вполне, вполне уверен, что так оно и будет. Как ты думаешь?

Я кивнул с серьезным видом и закусил губу, чтобы не улыбнуться.

— Дружба, — прошептал он, закрыв в восторге глаза. — Дружба! Вот что надо!

Губы его беззвучно шевелились. Я даже подумал, уж не молится ли он, и если молится, то за кого: за меня, за себя или за нас обоих? Над его головой закружилась муха и села ему на нос. Он вздрогнул, согнал муху, открыл глаза и сощурился.

— Да, да, именно так, — сказал он твердо. — Я уверен, что мы будем друзьями. Твоя мама говорила, что ты очень увлекаешься животными. Вот это нас и сблизит сразу... соединит узами, так сказать.

Большим и указательным пальцами он вытащил из жилетного кармашка большие золотые часы, поглядел на них, сокрушенно вздохнул, положил обратно и погладил лысину, сиявшую, как темный камешек среди кудрявой поросли.

— Между прочим, я развожу птиц. Правда, как любитель, — скромно признался он. — Если хочешь, посмотри мою коллекцию. Смею думать, что полчаса, проведенные перед началом занятий с пернатыми, не принесут нам вреда. Кроме того, я немножко запоздал сегодня, и еще двум-трем птичкам надо сменить воду.

Он поднялся по скрипучей лестнице наверх и загремел большой связкой ключей перед обитой зеленым сукном дверью.

Выбрав нужный ключ и повертев его в замочной скважине, Кралевский открыл тяжелую дверь. Из комнаты на меня хлынул ослепительный солнечный свет и вместе с ним громкое птичье пенье. Можно было подумать, что в темном коридоре на чердаке своего дома Кралевский распахнул передо мной врата рая. Мансарда была очень большая, чуть ли не во весь этаж. Голый пол и почти никакой мебели, кроме большого соснового стола посреди комнаты. Зато все стены от пола до потолка были увешаны просторными, легкими клетками со множеством порхающих и щебечущих птиц. Везде на полу были рассыпаны семена, приятно хрустевшие под ногами, точно мелкая галька на морском берегу. Зачарованный таким обилием птиц, я медленно шагал по комнате, разглядывая каждую клетку. Кралевский (забывший, наверно, о моем существовании) схватил со стола большую лейку и проворно двигался от клетки к клетке, наполняя блюдечки водой.

Мое первое впечатление, что все птицы в клетках — канарейки, было неверным. Я с восторгом обнаружил тут щеглов, пестрых, как клоуны, в их ярко-малиновом, желтом и черном наряде, желто-зеленых зеленушек, будто листья лимонного дерева в середине лета, коноплянок в их изящных шоколадно-белых костюмах из твида, снегирей с пышной розовой грудью и разных других птиц. В одном углу комнаты я наткнулась на стеклянную дверь, которая вывела меня на балкон. С каждой стороны балкона были пристроены большие клетки, в одной жил черный дрозд с бархатными перьями и красивым бананово-желтым клювом, в другой, напротив нее, похожая на дрозда птица в великолепном оперении всех небесных оттенков — от темно-синего до опалового.

— Каменный дрозд, — объявил Кралевский, неожиданно просунув голову в дверь и показывая на эту

красивую птицу. — Мне привезли его в прошлом году из Албании, тогда он был еще птенцом. К сожалению, я до сих пор не смог получить для него даму.

Он приветливо помахал дрозду лейкой и снова скрылся за дверью. Дрозд поглядел на меня озорным глазом, выпустил на груди перья и выпустил серию отрывистых звуков, похожих на радостный смех. Насмотревшись на него вдоволь, я вернулся в мансарду, где Кралевский все еще разливал птицам воду.

— Не хотел бы ты мне помочь? — спросил он, обращая ко мне отсутствующий взор, и опустил лейку, так что тонкая струйка воды полилась на носок его начищенного до блеска башмака. — Я всегда думал, что две пары рук справятся с этой работой успешнее. Если ты возьмешь лейку... вот так... я буду доставать блюдечки... отлично! Как раз то, что надо! Вдвоем мы мигом покончим с этим делом.

Я наполнял водой глиняные поилки, а Кралевский брал их осторожно двумя пальцами и ловко расставлял по клеткам, как будто совал леденцы в рот ребенку. При этом он все время разговаривал и со мной и с птицами совершенно одинаковым тоном, так что я не всегда понимал, кому адресовано замечание, мне или одному из обитателей клеток.

— Да, они сегодня в прекрасном настроении, потому что светит солнце... как только оно окажется с этой стороны дома, они начнут петь. В другой раз надо отложить побольше... только два, моя дорогая, только два. При всем желании это выводком не назовешь. Нравятся тебе новые семена? А сам-то ты держишь кого-нибудь? Здесь можно найти очень интересных птиц... Не делай этого в чистую воду... Разводить некоторых из них совсем нелегко, но я считаю эту работу очень благодарной, в особенности с помесями. У меня обычно хорошо идет дело с помесями... Конечно, за исключением тех случаев, когда ты откладываешь только по две штуки... мошенница, мошенница!

Вода наконец была разлита. Кралевский постоял еще с

минуту, любуясь своими птицами, улыбнулся про себя и старательно вытер руки маленьким полотенцем. Потом он провел меня по комнате, останавливаясь возле каждой клетки, чтобы рассказать историю птицы, ее родителей и что он собирается с птицей делать. Мы рассматривали — в приятном молчании — порхавшего толстенького снегиря, как вдруг раздался громкий дребезжащий звук, заглушивший птичье щебетание. К моему удивлению, он шел откуда-то изнутри живота Кралевского.

— Бог ты мой! — ужаснулся он, обращая ко мне страдальческий взгляд. — Боже милостивый!

Вынув двумя пальцами из кармана часы, он нажал рычажок, и трезвон прекратился. Я был несколько разочарован тем, что у звука оказался такой банальный источник. Насколько бы привлекательней были уроки, думал я, если б у моего учителя временами раздавался звон внутри. Кралевский с беспокойством посмотрел на часы и поморщился.

— Бог ты мой! — повторил он слабым голосом. — Уже двенадцать часов... время и впрямь летит как на крыльях... Подумать только, ведь тебе через полчаса надо уезжать. Он положил часы обратно в кармашек и погладил лысину.

— Ну вот что, — сказал он наконец. — За полчаса мы все равно не сумеем добиться научных успехов, поэтому я предлагаю, если тебе это не покажется скучным, спуститься в сад и собрать немного крестовника для птиц. Это растение очень полезно для них, в особенности когда они несутся.

Мы спустились в сад и рвали крестовник до тех пор, пока с улицы не донесся шум автомобиля Спино, подающего сигналы, похожие на крик раненой утки.

— Кажется, это твой автомобиль, — учтиво заметил Кралевский. — Нам удалось собрать достаточно зелени для птиц. Твоя помощь была неоценимой. Завтра приезжай ровно в девять, понимаешь? Нельзя опаздывать. Будем считать, что сегодняшней день не пропал даром. Это было своего рода вступление, оценка друг друга. И я надеюсь, что у нас есть

основы для дружбы. Бог ты мой, как это важно! Ну, до свиданья, до завтра, значит.

Когда я закрыл за собой скрипучую чугунную калитку, он учтиво помахал мне рукой и пошел обратно к дому, оставляя за собой след из золотых цветков крестовника.

Дома меня сразу спросили, как мне понравился новый учитель. Не вдаваясь в подробности, я сказал, что человек он хороший и что я надеюсь с ним подружиться. На расспросы о том, чем мы занимались сегодня утром, я ответил не без гордости, что сегодняшние занятия были посвящены орнитологии и ботанике. Все как будто остались довольны. Очень скоро я понял, что у Кралевского не побездельничаешь и что он твердо решил дать мне образование, как бы я сам к этому ни относился. Уроки были для меня утомительны, потому что Кралевский пользовался такими методами преподавания, какие были в ходу, наверное, в середине восемнадцатого века. Историю он давал огромными, трудными для усвоения кусками, даты надо было выучивать наизусть. Мы сидели и монотонно повторяли их до бесконечности, пока они не становились каким-то заклинанием, которое мы произносили автоматически, думая совсем о другом. В географии, как я ни досадовал, мы ограничились лишь Британскими островами. Приходилось чертить бесчисленные карты и наносить на них все графства с их главными городами, а потом эти графства и города надо было выучивать наизусть вместе с названиями крупных рек, основными предметами производства, числом жителей и множеством других скучных и совершенно ненужных сведений.

— Сомерсет? — произносил Кралевский с видом судьи. Я сдвигал брови, отчаянно пытаюсь вспомнить хоть что-нибудь об этом графстве. Кралевский следил за моими умственными усилиями, и от беспокойства глаза его раскрывались все шире.

— Ну ладно, — говорил он наконец, когда становилось очевидным, что мои познания о Сомерсете равны нулю. —

Ладно, давай оставим Сомерсет и поговорим об Уорикшире. Ну вот, какой там главный город? Уорик! Совершенно верно! А что же производят в Уорике?

По мне пусть бы они там вовсе ничего не производили, в этом Уорике, но я рискнул и сказал наугад: уголь. Я уже заметил, что если называть все продукты подряд (неважно, о каком графстве или городе идет речь), то рано или поздно отыскивается правильный ответ. Страдания Кралевского из-за моих промахов были неподдельны. В тот день, когда я сообщил ему, что в Эссексе производят нержавеющей сталь, в его глазах стояли слезы. Но эти долгие периоды огорчений с лихвой возмещались необыкновенной радостью и восторгом, когда мой ответ по какой-нибудь странной случайности оказывался правильным.

Раз в неделю мы мучались над французским языком. Кралевский говорил по-французски отлично, и слушать, как я коверкал язык, было для него почти невыносимо. Довольно скоро он обнаружил, что заниматься со мной по обычным учебникам совершенно бесполезно, поэтому отложил их в сторону и взял трехтомник о птицах, но все равно это был для нас тяжелый труд. По временам, когда мы в двадцатый раз читали описание оперения малиновки, на лице Кралевского появлялось выражение мрачной решимости. Он захлопывал книгу, выбегал в прихожую и через минуту появлялся в изящной панаме.

— Я думаю, небольшая прогулка освежит нас немного... проветрим наши мозги, — объявлял он, с неприязнью взглянув на «*Le petits oiseaux de L'Еuгоре*» («Мелкие птицы Европы» (франц.)).

— Я думаю пройтись по городу и вернуться обратно на эспланаде. Как ты на это смотришь? Отлично! Ну, не будем зря терять времени и воспользуемся прогулкой для разговорной практики французского языка. Итак, ни одного слова по-английски, будем говорить только по-французски. Таким образом мы его и выучим.

И вот почти в полном молчании мы ходили по городу.

Прелесть этих прогулок заключалась в том, что, куда бы мы сначала ни пошли, мы неизменно, так или иначе, оказывались на птичьем рынке. С нами происходило почти то же самое, что с Алисой в саду Зазеркалья: как бы решительно мы ни шагали в противоположном направлении, все равно в два счета попадали на маленькую площадь, где на прилавках громоздились клетки из ивовых прутьев и воздух звенел от пения птиц. Французский язык сразу забывался. Он отходил в ту область, где оставались исторические даты, алгебра, геометрия, главные города графств и подобные им вещи. Глаза у нас сияли, лица разгорались, мы ходили от прилавка к прилавку, внимательно разглядывали птиц, отчаянно торговались с продавцами и понемногу нагружались клетками.

Потом нас внезапно возвращал на землю перезвон часов в жилетном кармане Кралевского, который, с трудом удерживая свой шаткий груз, пытался вытащить часы из кармана и остановить их.

— Бог ты мой! Двенадцать часов! Кто бы мог подумать?! Пожалуйста, поддержи эту коноплянку, пока я остановлю часы... благодарю... Нам ведь надо торопиться, а? Вряд ли сможем идти пешком с таким вот грузом. Ах, боже мой! Надо взять извозчика. Экстравагантно, конечно, но тут уж ничего не поделаешь!

Мы перебегаем площадь, складываем наши щебечущие, порхающие покупки на извозчика и катим к дому Кралевского. Стук копыт и звон упряжки весело смешиваются с чириканьем нашего птичьего груза.

Я прозанимался с Кралевским уже несколько недель, прежде чем открыл, что он живет не один. Во время наших занятий он иногда останавливался прямо в середине задачи или перечисления городов и склонял голову набок, как будто прислушивался к чему-нибудь.

— Извини, пожалуйста, — говорил он. — Мне надо отлучиться на минутку к маме.

Сначала это меня очень удивляло, так как я считал

Кралевского слишком старым и не ожидал, что у него может быть жива мать. Поразмыслив как следует, я пришел к выводу, что это просто вежливый предлог для того, чтобы выйти в туалет. Я отлично понимал, что не все люди могут говорить об этом с такой легкостью, как у нас в семье. И вот как-то утром я съел за завтраком слишком много мушмулы, она дала о себе знать в середине урока истории. Поскольку Кралевский был так щепетилен в этом вопросе, я решил выразить свою просьбу вежливо, воспользовавшись его собственной манерой выражаться. Твердо поглядев ему в глаза, я объявил, что хотел бы повидать его маму.

— Мою маму? — поразился он. — Повидать мою маму? Сейчас?

Я не мог понять, что его так удивляет, и просто кивнул. — Хорошо, — сказал он неуверенно. — Конечно, она будет рада тебя видеть, но я все-таки пойду узнаю, удобно ли это теперь.

Он вышел из комнаты, все еще как бы недоумевая, и через пять минут вернулся снова.

— Мама будет рада повидать тебя, — объявил он, — только просит извинить ее за то, что она немного не в порядке.

Я сказал, что ни чуточки не возражаю, если его мама будет не совсем в порядке, с нашей это тоже иногда случается.

— А... э... да, да, я так и думал, — пробормотал он и поглядел на меня с беспокойством.

Кралевский провел меня по коридору, открыл дверь и, к моему совершенному изумлению, впустил в большую темную спальню. Это был настоящий цветник. Повсюду стояли вазы, кувшины, горшки со множеством красивых цветов, сиявших в полутьме комнаты, словно драгоценные камни на стенах пещеры. С одной стороны стояла огромная кровать, и на ней среди груды подушек виднелась маленькая, почти детская фигурка. Когда мы подошли поближе, я подумал, что женщина эта очень старая, так как ее тонкое, болезненное

лицо было покрыто густой сеткой морщин, избороздивших ее мягкую, бархатистую, словно молоденький гриб, кожу. Но больше всего поражали в ней волосы, густым каскадом спадавшие ей на плечи. Они занимали полкровати и были самого изумительного темно-рыжего цвета, какой только можно себе вообразить. Волосы сверкали и искрились, будто от огня, напоминая мне осенние листья или блестящую зимнюю шкурку лисицы.

— Мама, — тихо окликнул ее Кралевский, проходя через комнату и садясь на стул у кровати. — Мама, Джерри к тебе пришел.

Миниатюрная женщина подняла прозрачные, бледные веки и посмотрела на меня большими карими глазами, ясными и умными, как у птицы. Из глубины золотых волос она подняла тонкую, красивую руку в кольцах и с озорной улыбкой протянула ее мне.

— Я очень рада, что тебе захотелось повидать меня, — сказала она тихим, хрипловатым голосом. — В наше время люди моего возраста многим кажутся скучными.

Я пробормотал что-то в смущении, а она посмотрела на меня ясными глазами, засмеялась грустным, мелодичным смехом и постучала рукой по кровати.

— Садись, — пригласила она. — Садись, пожалуйста, и поговорим немного.

Осторожно взяв в руки волосы, я отодвинул их в сторону, чтоб можно было сесть. Волосы были мягкие, шелковистые и тяжелые, они струились у меня между пальцами огненной волной.

Кралевский улыбнулся и взял в руки прядь волос, слегка покрутив их, чтоб они засверкали.

— Теперь это у меня единственная гордость, — сказала женщина. — Все что осталось от моей красоты.

Она посмотрела на свои волосы, как будто это было что-то постороннее, не имевшее с нею ничего общего, и нежно погладила их. — Это удивительно, — сказала она. — Очень удивительно, но, знаешь, я думаю, что красивые вещи

влюбляются сами в себя, как Нарцисс. И когда это происходит, они начинают жить самостоятельно, без всякой поддержки. Они так погружаются в собственную красоту, что живут только ради нее, держатся сами собой, так сказать. И чем прекраснее они становятся, тем сильнее. Получается замкнутый круг. Вот так и с моими волосами. Они живут самостоятельно, растут сами по себе, и то, что мое тело дряхлеет, нисколько не действует на них. Когда я умру, они заполнят почти весь мой гроб и, наверно, будут еще долго расти.

— Ну полно, полно, мама, не надо так говорить, — мягко пожурил ее Кралевский. — Мне не нравятся эти болезненные мысли.

Повернув голову, она ласково посмотрела на него и тихо засмеялась.

— Все они не болезненные, Джон, — сказала она. — Просто у меня такая теория. И подумай, какой это будет прекрасный саван.

Она посмотрела на свои волосы со счастливой улыбкой. В это время у Кралевского громко зазвонили часы. Он встрепенулся, вынул их из кармашка и остановил.

— Бог ты мой! — вскочил он с места. — Из тех яиц, наверно, уже вылупились птенцы. Ты меня извинишь, мама? Я на минутку, обязательно надо посмотреть.

— Беги, беги, — сказала она. — Мы с Джерри тут поговорим, пока ты не вернешься.

— Вот то, что надо! — воскликнул Кралевский и быстро пошел к двери, пробираясь, словно крот, сквозь радугу цветов. Когда дверь за ним со вздохом затворилась, миссис Кралевская повернула ко мне лицо и слегка улыбнулась.

— Говорят, — начала она, — говорят, что, когда человек становится старым, как я, в его теле все замедляется. Нет, я этому не верю. Это не так. У меня есть своя теория. Не в человеке все замедляется, а жизнь для него замедляется. Ты меня понимаешь? Все становится как бы затянутым, а когда все движется медленнее, заметить можно гораздо больше.

Вам все видно! Все необыкновенное, что происходит вокруг вас, о чем вы даже и не подозревали прежде. Какое чудесное переживание, просто чудесное. Она удовлетворенно вздохнула и обвела комнату взглядом. — Возьмем хотя бы цветы, — сказала она, показывая на букеты, наполнявшие комнату. — Ты когда-нибудь слышал, как цветы разговаривают?

Я в удивлении покачал головой. Говорящие цветы были для меня совершенной новостью.

— Можешь мне поверить, они в самом деле разговаривают. Ведут между собой длинные беседы... во всяком случае, я считаю это беседами, а о чем они говорят, мне, конечно, не понятно. Когда тебе будет столько лет, сколько мне, возможно, и ты сумеешь их услышать, если, конечно, останешься восприимчив к таким вещам. Большинство людей считает, что, когда человек стареет, он уже ничему не удивляется, ничему не верит и поэтому лучше воспринимает мысли. Глупости это! У всех старых людей, кого я знаю, мозги с отроческих лет закрылись, как серые устрицы. Она внимательно посмотрела на меня.

— Скажи, я не кажусь тебе странной? Немного тронутой, а? Со своими разговорами о говорящих цветах? Я искренне поспешил ее уверить, что не считаю. Конечно, цветы вполне могут разговаривать друг с другом. Вот летучие мыши издают такой тихий писк, я его слышу, а взрослые нет, потому что звуки очень высокие.

— Вот, вот! — обрадовалась она. — Все дело в длине волны. Я объясняю это замедлением движения. А еще в юности мы не замечаем, что все цветы имеют свою индивидуальность. Они отличаются друг от друга так же, как и люди. Посмотри вон туда. Видишь там розу в вазочке?

В углу на маленьком столике в серебряной вазочке стояла замечательная бархатная роза такого густого красного цвета, что казалась почти черной. Это был великолепный цветок с лепестками безупречной формы и с нежным налетом на них, таким же, как пушок на крыле только что

появившейся из кокона бабочки.

— Ну что, красавица? — спросила миссис Кралевская. — Чудесная ведь, а? Она стоит у меня две недели. Трудно поверить, правда? И она не была бутонем, когда ее сюда принесли. Нет, нет, она уже тогда вполне раскрылась, только совсем поникла, я даже не думала, что она выживет. Кто-то неосторожно засунул ее в букет астр. Это смертельно, просто смертельно! Ты не представляешь, как жестоки все сложноцветные. Это очень сильные цветы, очень приземленные, и, конечно, безрассудно было помещать среди них такую аристократку, как роза. Когда ее принесли сюда, она так завяла, что я даже не заметила ее среди астр. Но, к счастью, я услышала их разговор, пока дремала тут. Его начали желтые астры, которые всегда кажутся такими воинственными. Конечно, я не знаю, о чем они говорили, но это было ужасно. Сначала я не поняла, с кем они ведут разговор, думала, они ссорятся между собой. Потом я встала с постели и увидела среди них эту бедную розу, изведенную до полусмерти. Я вынула ее, поставила отдельно, добавив в воду полтаблетки аспирина. Аспирин очень хорошо действует на розы. Серебряные монетки — для хризантем, аспирин-для роз, бренди— для душистого горошка, лимонный сок — для мясистых цветов, таких, как бегония. Ну вот, когда ее спасли от астр и дали возбуждающее средство, она очень быстро оправилась и казалась очень признательной. Очевидно, теперь в благодарность мне роза старается сохранить свою красоту как можно дольше.

Она с любовью посмотрела на цветок, сияющий в своей серебряной вазе.

— Да, я очень многое узнала о цветах. Они как люди. Если их собирается слишком много, они действуют друг другу на нервы и начинают вянуть. Смешай некоторые цветы, и увидишь, какая между ними начнется распря. Конечно, важное значение имеет вода. Знаешь, некоторые люди думают, что воду надо менять каждый день. Ужасно! Ты можешь услышать, как гибнут от этого цветы. Я меняю воду

раз в неделю, кладу в нее горсть земли, и цветы стоят очень хорошо.

Открылась дверь, в комнату с победной улыбкой вошел Кралевский.

— Они вылупились, — объявил он. — Все четверо. Как я рад! Я так беспокоился. Это ее первый выводок.

— Прекрасно, дорогой. Я очень рада, — просияла миссис Кра-левская. — Рада за тебя. Ну, а мы с Джерри интересно побеседовали. По крайней мере для меня это было интересно.

Я сказал, что для меня это тоже было очень интересно, и встал с кровати.

— Ты должен прийти ко мне еще раз, если тебе не скучно, — сказала она. — Может быть, мои рассуждения немного экстравагантны, но тебе их стоит послушать.

Она улыбнулась мне и поднесла руку в знак прощания. Мы с Кралевским направились к двери. На пороге я остановился, посмотрел назад и улыбнулся. Она лежала совсем неподвижно под покровом своих тяжелых волос. Когда я оглянулся, она еще раз подняла руку и помахала ею на прощанье. Мне казалось, что в полутемной комнате цветы придвигаются к ней, теснятся у ее кровати как бы в ожидании, что она расскажет им о чем-нибудь. Старая больная королева в окружении своего двора — говорящих цветов.

15. Цикламеновые рощи

Примерно в полумиле от нашего дома возвышался довольно большой, поросший травой и вереском холм с тремя оливковыми рощами наверху в окружении миртовых зарослей. Я назвал эти рощицы цикламеновыми, потому что в определенное время года земля под оливковыми деревьями ярко вспыхивала от красных и малиновых цветков цикламенов, которые росли тут как будто гуще и пышнее, чем во всех других местах. Пестрые круглые луковки с отстающими чешуями сидели в земле, словно устрицы, и

каждая выставляла наружу пучок темно-зеленых листьев со светлыми прожилками и фонтанчик красивых цветов, как бы составленных из ярко-красных снежинок.

В цикламеновых рощах было приятно провести время после полудня, полежать в тени олив. С холма открывался вид на долину, на мозаику полей, виноградников, фруктовых садов. Верхушка холма постоянно обдувалась ветром, хотя и очень незначительным. Как бы жарко ни было в долине, здесь, наверху, среди рощ всегда подувал легкий ветерок, играл листвою олив, заставлял без конца кланяться друг другу поникшие цветки цикламенов. Это было идеальное место для отдыха после изнурительной охоты на ящериц, когда голова у вас перекалилась на солнце, одежда намочена от пота, а три собаки, вывалив языки, пыхтят как паровозы. Однажды, отдыхая здесь с собаками как раз после такой вот охоты, я приобрел двух новых пернатых друзей и нечаянно раскрутил целую цепь событий, имевших определенные последствия для Ларри и Кралевского.

Собаки растянулись среди цикламенов, раскинули задние ноги, чтобы лучше прижаться к прохладной земле, и лежали, полуприкрыв глаза и высунув мокрые, дрожащие языки. Я сидел, прислонившись к столетнему стволу оливы, прямо как к спинке кресла, смотрел на поля и старался распознать в движущихся там разноцветных точках своих деревенских друзей. Где-то далеко внизу над светлым прямоугольником спелой кукурузы появился черно-белый мальтийский крест. Он быстро скользил над плоскими участками полей и решительно направлялся к вершине холма, где я сидел. Приблизившись ко мне, сорока трижды прокричала хриплым несколько приглушенным голосом, как будто у нее было что-то в клюве, и стрелой спустилась в долину, чуть подалее от меня. Наступила тишина. И вдруг из листвы донеслись резкие, хриплые крики. Они становились все громче, громче, а потом начали понемногу стихать. Опять послышался предостерегающий стрекот сороки, и вслед за тем она выпорхнула из листьев и полетела прочь от холма. Я

все время следил за нею, пока она не превратилась в малюсенькое пятнышко, плавающее над кудрявым треугольничком виноградника на горизонте, потом осторожно подобрался к дереву, откуда только что доносились странные звуки. Там, высоко среди ветвей, я разглядел большой, наполовину скрытый серебристо-зеленой листвой овальный пук прутьев, как застрявший в ветках мячик. Вне себя от волнения, я полез вверх. Сгрудившиеся у дерева собаки с интересом следили за мной. Достигнув высоты гнезда, я посмотрел вниз, и у меня заняло под ложечкой, так как обращенные ко мне взволнованные собачьи морды казались отсюда не больше цветков фиалки. Очень осторожно (от напряжения у меня даже вспотели ладони) я стал пробираться к краю ветки, пока не оказался у гнезда среди трепетавшей на ветерке листвы. Это было солидное сооружение, большая, глубокая корзинка из тщательно переплетенных прутьев, выстланная изнутри корешками и землей. Маленькое входное отверстие открывалось сбоку, на обрамлявших его прутьях торчали острые шипы. Шипы выступали и по бокам гнезда и на искусно сплетенном куполе крыши. Такое гнездо должно было отпугнуть даже самых страстных любителей птиц.

Стараясь не глядеть вниз, я растянулся на ветке, осторожно просунул руку в отверстие усаженного колючками гнезда и стал шарить внутри. Когда моя рука наткнулась на нежный дрожащий комок пуха, из гнезда понеслись громкие, хриплые крики. Я осторожно обхватил пальцами толстого, теплого птенчика и вытащил его наружу. Даже я, при всей своей восторженной любви к птенцам, не мог бы назвать его красивым. У него был толстый короткий клюв с желтыми складками по углам, лысая голова и полуприкрытые мутные глаза, придававшие ему вид пьяного или, скорее, слабоумного субъекта. Морщинистая кожа складками болталась по всему телу, словно наспех и кое-как пришилленная к мясу черными обрубками перьев. Между худыми длинными ногами торчал большой обвислый живот. Кожа на нем была такая тонкая, что сквозь нее просвечивали внутренности. Птенец сидел на

моей ладони, выставив живот, будто наполненный водою шар, и беспомощно попискивал. Поискав внутри гнезда, я обнаружил там еще трех птенчиков, таких же безобразных, как и тот, что сидел у меня на ладони. Чуть подумав и внимательно оглядев каждого из них, я решил взять одну пару себе, а другую оставить матери. Это показалось мне вполне справедливым, я не представлял, какие у матери могут быть возражения. Себе я выбрал самого большого (он быстро подрастет) и самого маленького (у него был очень трогательный вид), бережно посадил их за пазуху и стал спускаться вниз, где меня поджидали собаки. Когда я показал щенкам новое пополнение своего зверинца, они сразу предположили тут что-то съедобное и попытались выяснить, так ли это. Сделав им серьезное внушение, я показал птенцов Роджеру. Тот обнюхал их в своей обычной манере и быстро отступил, так как птенцы вскинули вдруг головы на длинных костлявых шеях, широко раскрыли красные глотки и громко заорали.

По пути домой я старался придумать имена своим новым птенцам и все еще бился над этой-проблемой, когда увидел около дома автомобиль и всех своих родных, только что вернувшихся с покупками из города. Протянув в сложенных ладонях птенцов, я спросил, может ли кто-нибудь придумать им подходящие имена. Все сразу повернулись в мою сторону, и каждый отреагировал на свой манер.

— Какая прелесть, — сказала Марго.

— Чем ты их собираешься кормить? — спросила мама.

— Опять новые звери? — возмутился Ларри.

— Господи, мастер Джерри, — с отвращением поглядел на птенцов Спиро. — Кто они такие?

Я ответил довольно холодно, что это птенцы сороки и что я никого не прошу высказывать свое мнение о них, а просто хочу, чтоб мне помогли придумать им имена. Как их можно назвать? Но у всех оказалось не то настроение.

— Подумать только! Он отнял этих бедняжек у матери, — сказала Марго.

— Надеюсь, милый, они уже могут самостоятельно глотать пищу? — заметила мама.

— Боже мой! Чего только не приносит мастер Джерри, — воскликнул Спиро.

— Смотри, чтоб они не занялись воровством, — предостерег Лесли.

— Воровством? — забеспокоился Ларри. — А я думал, что воруют только галки.

— Сороки тоже, — сказал Лесли. — Страшные воришки. Ларри вынул из кармана бумажку в сто драхм и помахал ею над птенцами. Те сейчас же подняли головы, закрутили шеями, открыли глотки и отчаянно завопили. Ларри живо отскочил в сторону.

— Боже мой! Ты прав! — заволновался он. — Видел, как они пытались выхватить у меня деньги?

— Глупости, милый. Они просто голодные, — сказала мама.

— Вовсе не глупости, мама... ты видела, как они прыгали? Их привлекли деньги... даже в этом возрасте у них уже преступные инстинкты. Их нельзя держать в доме. Это все равно что жить вместе с Арсеном Люпенем (Герой детективных романов.). Джерри, походи и отнеси сорок туда, где ты их взял.

Я с невинным видом объяснил, что не могу этого сделать, так как их бросила мать, и они могут умереть от голода. Это замечание, как я и предполагал, немедленно перетянуло маму и Марго на мою сторону.

— Нельзя, чтоб бедняжки погибли от голода, — выразила свой протест Марго.

— Не понимаю, почему их опасно держать, — сказала мама. — Вы еще пожалеете об этом, — заявил Ларри. — Сами лезете на рожон. Они обрыщут весь дом. Нам придется закопать все наши ценности и выставить около них вооруженную стражу. Это же просто безумие.

— Не говори глупостей, милый, — успокаивала его мама. — Их можно держать в клетке и выпускать только для

моциона.

— Моциона! — воскликнул Ларри. — Конечно, вы скажете, что это моцион, когда они будут носиться по всему дому со стодрахмовы-ми бумажками в своих мерзких клювах.

Я божился, что им ни при каких обстоятельствах не позволено будет воровать. Ларри посмотрел на меня испепеляющим взглядом. Я напомнил, что сорок надо все же как-то назвать, но никто не мог ничего придумать. Все стояли и смотрели на дрожащих птенцов, и никому ничего не приходило в голову.

— Что ты собираешься делать с этими ублюдками? — спросил Спиро.

Я объяснил ледяным тоном, что собираюсь держать их в доме и что это не ублюдки, а сороки.

— Как ты их называешь? — спросил Спиро, насупившись. — Сороки, Спиро, сороки, — сказала мама, стараясь произносить слово медленно и отчетливо.

Спиро повертел в уме это новое добавление к своему английскому лексикону, повторяя его про себя, чтобы лучше запомнить. — Сороки, — произнес он наконец. — Сороки? — Сороки, Спиро, — поправила Марго. — Я и говорю, сороки, — рассердился Спиро. Мы сразу перестали подыскивать им имена, и они обе так и остались для нас просто Сороками.

К тому времени, когда подросшие птенцы покрылись перьями, Ларри настолько привык к ним, что совсем забыл об их предполагаемых преступных наклонностях. Толстые, гладкие, болтливые Сороки сидели на краешке своей корзинки и всем своим видом выражали невинность. Все шло хорошо, пока они не начали учиться летать. На первых стадиях обучения Сороки просто срывались со стола на веранде и, отчаянно хлопая крыльями, проносились по воздуху футов пятнадцать, а потом шлепались на каменные плитки. Отвага их возрастала вместе с силой крыльев, и вскоре они уже смогли совершить свой первый настоящий полет, облетев вокруг дома. Вид у них был просто замечательный. Длинные хвосты сверкали на солнце, крылья

со свистом рассекали воздух, когда птицы устремлялись вниз, пролетая над виноградными лозами. Я позвал всех из дома, чтобы они могли полюбоваться птенцами. Заметив зрителей, Сороки стали летать еще быстрее, гонялись друг за другом, подлетали почти к самой стене, прежде чем перейти в вираж, и выделывали акробатические трюки на ветках магнолии. В конце концов одна из Сорок, ставшая из-за нашего одобрения слишком самоуверенной, врезалась в виноградную лозу и рухнула на веранду. Я подобрал ее и начал успокаивать. Теперь это уже был не бесстрашный воздушный ас, а несчастный комок перьев, раскрывавший рот в жалобном хрипе. Но, раз испытал силу своих крыльев, Сороки быстро освоили дом и принялись там разбойничать.

Они узнали, что очень неплохо заглянуть иногда на кухню, если только оставаться у порога и не проникать внутрь. В гостиную и столовую, если там кто-нибудь был, они никогда не отваживались заявиться, а из всех спален только в моей могли рассчитывать на теплый прием. В спальни мамы и Марго Сороки, конечно, тоже могли залетать, но там им постоянно твердили, что этого нельзя, того нельзя, и они начинали скучать. Лесли пускал их в свою спальню не дальше подоконника, а после того, как он однажды выпалил нечаянно из ружья. Сороки совсем перестали навещать его. Нервы их были потрясены, и у них, вероятно, зародилось смутное подозрение, что Лесли покушался на их жизнь. Но, разумеется, сильнее всего их пленяла и притягивала спальня Ларри, наверное оттого, что им еще ни разу не удалось заглянуть туда как следует. Они не успевали даже коснуться подоконника, как на них обрушивался такой неистовый рев и сыпался такой град всяких предметов, что им приходилось немедленно удирать под сень магнолии. Позиция Ларри была им совершенно непонятна. Но раз уж он так волнуется, решили они, значит, ему есть что прятать, и их долг выяснить, в чем тут дело. Они терпеливо дожидались своего часа, и вот однажды Ларри ушел на море и оставил окно открытым.

До возвращения Ларри я даже не подозревал, чем

заняты птицы. Я их давно уже не видел и думал, что они улетели куда-нибудь вниз поворовать винограду. Видно, сами Сороки прекрасно понимали, каким нехорошим делом занимаются, потому что, всегда обычно говорливые, они действовали теперь в полном безмолвии и (по свидетельству Ларри) несли по очереди караул у окна. Поднявшись на холм, Ларри, к своему ужасу, увидел на подоконнике одну из Сорок и громко закричал на нее. Она подала сигнал тревоги, вторая птица сразу вылетела из комнаты, и они обе перепорхнули на магнолию, громко хихикая, словно мальчишки, которых спугнули во время набега на фруктовый сад. Ларри вломился в дом и стрелой полетел в свою комнату, схватив меня по пути за шиворот. Когда дверь распахнулась, из груди Ларри вырвался стон неизъяснимой муки.

Сороки прочесали комнату не хуже агента секретной службы, разыскивающего похищенные планы. Кругом на полу, как осенние листья, были разметаны листки отпечатанной рукописи и чистой бумаги. Почти все они были изукрашены симпатичным узором из проклеванных дырок. Сороки никогда не могли устоять перед бумагой. Пишущая машинка стояла на столе, как распотрошенная лошадь на арене после боя быков. Лента из нее была выдернута, клавиши перемазаны птичьим пометом. Весь ковер, кровать и стол белели под сугробами бумажных обрывков. Сороки, очевидно, заподозрили в Ларри контрабандиста наркотиков и геройски сражались с банкой соды, рассыяв ее содержимое по рядам книг, так что те напоминали теперь заснеженную горную гряду. На полу, на крышке стола, на рукописи, на кровати и в особенности на подушке красными и зелеными чернилами был нанесен необыкновенно живописный рисунок из отпечатков лапок, будто каждая птица опрокинула чернила своего любимого цвета и топталась по ним. Бутылка с синими чернилами, не такими яркими, осталась нетронутой.

— Нет, это уж последняя капля, — выговорил Ларри дрожащим голосом. — Решительно последняя капля. Ну вот что! Или ты примешь какие-то меры, или я своими руками

пооткручиваю им шеи.

Я ответил, что Сороки не виноваты, их просто привлекают разные вещи, и они не могут удержаться. Так уж эти птицы устроены. Все представители вороньего племени, продолжал я, увлекаясь ролью защитника, очень любопытны от природы. Они не понимают, что делают зло.

— Тебя никто не просит читать лекции о вороньем племени, — угрожающе сказал Ларри. — И меня не интересует нравственность сорок, врожденная или благоприобретенная. Я только хочу тебе сказать, чтобы ты вышвырнул их из дома или держал под замком, иначе я выпущу им кишки.

Услышав нашу перебранку, все остальные тоже поднялись наверх, чтобы выяснить, в чем там дело.

— Господи боже мой! Что же ты тут делал, милый? — спросила мама, заглядывая в разгромленную комнату.

— Послушай, мама, у меня нет настроения отвечать на глупые вопросы.

— Должно быть, Сороки, — сказал Лесли с вдохновением прорицателя. — Что-нибудь пропало?

— Нет, ничего не пропало, — со злостью ответил Ларри. — Все цело. — Они перепутали все твои бумаги, — заметила Марго.

На минуту Ларри остановил на ней свой взгляд и глубоко втянул грудью воздух.

— Какая поразительная сдержанность речи, — вымолвил он наконец. — У тебя всегда наготове подходящая банальность, чтобы подвести итог катастрофе. Завидую твоей способности неметь пред ликом Судьбы.

— Можно обойтись и без грубостей, — сказала Марго. — Ларри не хотел тебя обидеть, — успокаивала ее мама. — Естественно, что он расстроен.

— Расстроен? Расстроен? Эти гнусные хищники ворвались сюда, будто свора критиков, и принялись рвать и пятнать мою рукопись, еще даже не оконченную, а ты говоришь, что я расстроен!

— Это очень досадно, милый, — сказала мама, пытаюсь подыскать выражения посильнее. — Я уверена, что они не нарочно. Они ведь ничего не понимают... это всего лишь птицы.

— Прошу тебя, перестань, — рассвирепел Ларри. — Я уже выслушал одну лекцию о понятии добра и зла в вороньем племени. Просто противно, как у нас в доме носятся с животными и городят всякую антропоморфическую чушь в их оправдание. Почему бы всем вам не стать Сорокопоклонниками и не воздвигнуть храма в их честь? Глядя на вас, можно подумать, что это я во всем виноват и должен быть в ответе за то, что моя комната выглядит так, будто ее грабили орды Аттилы. Ну вот что, мои дорогие: если вы сию минуту не примете мер, я сам разделаюсь с этими птицами.

У Ларри был такой кровожадный вид, что Сорок надо было, конечно, убрать подальше от греха. Я заманил их сырым яйцом в свою комнату и запер в корзинке. Что бы такое придумать для них получше? Ясно, держать их нужно в клетке, только мне хотелось бы для них клетку попросторней, но я понимал, что совсем большую мне одному не построить. Рассчитывать же на помощь своих близких просто не приходится. И вот я решил вовлечь в это дело Кралевского. Он может приехать к нам на день, и после того, как мы соорудим клетку, у него будет возможность показать мне приемы борьбы. Я уже давно ждал удобного случая для таких уроков и теперешний казался мне идеальным. Умение бороться было одним из многих скрытых достоинств Кралевского.

Теперь я знал, что в жизни Кралевского, кроме любви к матери и птицам, было еще одно большое увлечение, целиком вымышленный мир, где всегда происходили удивительные и забавные события, в которых принимали участие только два главных действующих лица: он сам (герой) и какая-нибудь представительница прекрасного пола, называемая обобщенным именем Леди. Почувствовав, что я верю всем

его историям, Кралевский становился все смелее и с каждым днем впускал меня чуть дальше в свой тайный рай. Все началось как-то во время перерыва между уроками, когда мы пили кофе с печеньем. Разговор зашел о собаках, и я признался в своем страстном желании иметь бульдога. Эти собаки казались мне совершенно неотразимыми в своем безобразии.

— Бог ты мой! Бульдоги! — воскликнул Кралевский. — Замечательные звери, верные и храбрые, чего, к сожалению, не скажешь о бультерьерах.

Он отхлебнул кофе и посмотрел на меня смущенным взглядом. Догадавшись, что мне полагается вызвать его на разговор, я спросил, почему он считает бультерьеров особенно ненадежными.

— Предатели! — воскликнул он, вытирая губы. — Настоящие предатели!

Кралевский откинулся на спинку стула, закрыл глаза и сложил руки как бы в молитве.

— Я вспоминаю, что однажды (много лет назад, тогда я жил еще в Англии) мне пришлось спасти некую Леди, когда на нее набросилась одна из этих зверюг.

Он открыл глаза и посмотрел мне в лицо. Увидел, что я слушаю с большим вниманием, закрыл их снова и продолжал:

— Как-то прекрасным весенним утром я прогуливался по Гайд-парку. В тот ранний час парк был совсем пустынный и безмолвный. Раздавалось только пение птиц. Я уже прошел порядочно, как вдруг услышал громкий лай.

Голос его перешел в дрожащий шепот. Все еще не открывая глаз, он склонил голову чуть набок, как бы прислушиваясь. Это было так естественно, что я тоже вообразил, будто слышу непрерывный бешеный лай, откликавшийся эхом среди бледно-желтых нарциссов.

— Сначала я не придал этому значения, подумал, что это какая-нибудь собака вышла погоняться за белками. Потом сквозь свирепый лай я вдруг услышал крики о помощи.

Кралевский прямо застыл на стуле, лоб его нахмурился,

ноздри вздрогнули.

— Я помчался туда через заросли и вдруг увидел нечто совсем ужасное.

Он остановился, провел рукой по лбу, как будто даже теперь едва мог вынести воспоминание о происшедшем.

— Там, прижавшись спиной к дереву, стояла Леди. Юбка ее была изодрана в клочья, ноги искусаны до крови. Она старалась отогнать шезлонгом наседавшего на нее бультерьера. Собака с пеной у рта прыгала и рычала, подкарауливая удобный момент. Ясно, что силы Леди были на исходе. Нельзя было терять ни секунды.

Все еще не открывая глаз, чтобы яснее видеть воображаемую картину, Кралевский выпрямился на стуле, расправил плечи и придал своему лицу выражение насмешливого вызова, лихой отваги — выражение человека, собравшегося спасти Леди от бультерьера.

— Я поднял свою тяжелую трость и бросился вперед, громким голосом подбадривая Леди. Обернувшись на мой крик, собака сразу рванулась ко мне и страшно зарычала. Я так стукнул ее по голове, что палка моя сломалась пополам. Это, конечно, ошеломило собаку, но она все еще была полна сил. Я стоял перед нею беззащитный, а она собралась с духом, разинула пасть и прыгнула мне прямо на горло.

На лбу Кралевского выступил пот. Прервав свой рассказ, он достал носовой платок и приложил ко лбу. Мне не терпелось узнать, что было дальше. Кралевский снова соединил кончики пальцев и продолжал:

— Я сделал единственно возможную вещь. Это был один шанс па тысячу, но я им воспользовался. Когда собака оказалась у моего лица, я всунул ей руку в глотку, схватил за язык и перекрутил его изо всей силы. Зубы впились мне в запястье, брызнула кровь, однако я держался упорно, зная, что на карту поставлена моя жизнь. Собака таскала меня из стороны в сторону, и так продолжалось целую вечность. Силы мои были на исходе, я чувствовал, что больше не продержусь. Но животное вдруг резко дернулось и обмякло. Я

достиг цели. Собака была задушена собственным языком.

Я вздыхал от восторга. Какая замечательная история! И это вполне могло быть правдой. А если даже это не правда, все равно такие вещи должны существовать на свете. Может быть, жизнь до сих пор не представила Кралевскому случая задушить бультерьера, что ж, он его придумал, и тут я ему вполне сочувствовал. Я сказал, что считаю его очень храбрым, если он сумел вот так справиться с собакой. Кралевский открыл глаза, просиял от удовольствия при виде моего искреннего восторга и улыбкой выразил сомнение в своей храбрости.

— Нет, нет, тут дело не в храбрости, — пояснил он. — Просто Леди попала в беду, и у джентльмена не было другого выхода. Ему ничего не оставалось, бог ты мой!

Я оказался благодарным слушателем, так что уверенность Кралевского заметно возросла. Он рассказывал мне все новые и новые истории, одна поразительнее другой. Я скоро уразумел, что если искусно натолкнуть его на какую-нибудь мысль, то на следующий день появится соответствующее ей приключение, созданное за это время его воображением. Затаив дыхание, я слушал, как он и Леди оказались единственными уцелевшими душами после кораблекрушения на пути к Мурманску («Я ехал туда по делу»). Две недели они плыли вдвоем на айсберге в обледеневшей одежде и питались случайной рыбешкой или чайкой, пока их не подобрала. Заметивший их корабль мог бы свободно пройти мимо, если б не находчивость Кралевского: он использовал меховую шубку Леди, чтобы зажечь сигнальный огонь.

Меня очаровал рассказ о том, как он попал в руки бандитов в Сирийской пустыне («сопровождал Леди к гробницам»). Когда эти негодяи грозили похитить его прекрасную спутницу, чтобы потребовать за нее выкуп, он предложил себя вместо нее. Но бандиты, очевидно, сочли Леди более привлекательным заложником и отказались. Кралевский ненавидел кровопролития, но что может поделать

джентльмен в подобных обстоятельствах? Он убил всех шестерых ножом, спрятанным в сапоге. Во время первой мировой войны Кралевский был, разумеется, агентом секретной службы, и его (с фальшивой бородой) забросили за вражеские линии, где он должен был связаться с другим английским шпионом и раздобыть кое-какие планы. Я не очень сильно удивился, когда вторым шпионом оказалась Леди. Их бегство (с планами) от стреляющей им вслед полицейской машины было чудом изобретательности. А кто, кроме Кралевского, рискнул бы пробраться в арсенал, зарядить все винтовки холостыми патронами и потом, когда загрели выстрелы, притвориться убитым? Я так привык к необычным рассказам Кралевского, что верил самым невероятным историям, какие он изредка рассказывал. Это его и погубило. Однажды он рассказал мне, что в юности, гуляя как-то вечером по парижским улицам, он наткнулся на огромного детину, пристававшего к Леди. Кралевский, в ком были оскорблены чувства джентльмена, не раздумывая, стукнул его тростью по голове. Человек оказался чемпионом Франции по борьбе и немедленно потребовал сатисфакции. Он предложил встретиться на площадке для борьбы и провести поединок. Кралевский согласился. День был назначен, и Кралевский приступил к тренировкам («овощная диета, постоянные физические упражнения»). Когда подошло назначенное число, он чувствовал себя в отличной форме. Противник Кралевского — судя по его описанию, и ростом и умственными способностями похожий на неандертальца — был чрезвычайно удивлен, обнаружив в Кралевском достойного противника. Они боролись целый час и все без результата, потом Кралевский вдруг вспомнил об одном приеме, которому его научил какой-то японский друг. Сделав поворот, он рывком подбросил своего мощного противника кверху, перевернул его и с силой швырнул за площадку. Бедняга пролежал в госпитале три месяца, так ему было худо. По словам Кралевского, это было достойное наказание для грубияна, посмеявшегося поднять руку на Леди.

Увлеченный рассказом, я спросил, не сможет ли он научить меня основам борьбы. Для меня это будет очень полезно, если я когда-нибудь встречу Леди в беде. Кралевский не выразил по этому поводу никакого восторга. Возможно, как-нибудь потом, если у нас будет побольше места, он и покажет мне некоторые приемы. Кралевский забыл об этом случае, но я о нем помнил, и в тот день, когда мы должны были строить новое жилье для Сорок, решил поговорить с ним о его обещании. Выждав за чаем удобный момент, когда общая беседа на минуту прервалась, я напомнил ему о его знаменитом поединке с чемпионом Франции. Кралевскому это совсем не понравилось. Он побледнел и поспешил перебить меня.

— На людях такими вещами не хвастают, — проговорил он хриплым шепотом.

Я охотно согласился пощадить его скромность, если он даст мне урок борьбы, покажет некоторые простые приемы.

— Хорошо, — сказал Кралевский, облизывая губы. — Я могу показать тебе несколько самых элементарных позиций. Но, знаешь, чтобы стать хорошим борцом, нужно очень много учиться.

Я обрадовался и спросил, будем ли мы бороться на веранде, на виду у всех, или же уединимся в гостиной? Кралевский предпочел гостиную. Очень важно, сказал он, чтобы нас не отвлекали. Мы ушли в гостиную, раздвинули там мебель, и Кралевский нехотя снял пиджак. Он объяснил, что основной и самый существенный принцип борьбы — выбить противника из равновесия. Для этого надо обхватить его вокруг талии и сильным рывком дернуть в сторону. Он продемонстрировал, как это делается, схватил меня и осторожно бросил на диван.

— Ну вот! — сказал он, подняв кверху палец. — Ты это усвоил?

— Я ответил, что, кажется, вполне усвоил.

— Как раз то, что надо! — сказал Кралевский. — Ну, повали теперь ты меня.

Я решил не посрамить своего учителя и уж повалить так повалить его. Разбежавшись через всю комнату, я обхватил Кралевского вокруг груди, стиснул что есть силы, чтоб он не вырвался, и ловким поворотом руки швырнул на стул. К сожалению, толкнул я его недостаточно сильно. Не долетев до стула, он грохнулся на пол с таким пронзительным криком, что в гостиную сбежались все мои родные. Мы подняли бледного, стонущего чемпиона и положили на диван. Марго отправилась за бренди. — Что же ты такое с ним сделал? — спросила мама. Я сказал, что только следовал указаниям. Мне было сказано, чтобы я положил его на обе лопатки, я и положил. Все очень просто, я даже не понимаю, какие ко мне могут быть претензии.

— Ты не имеешь представления о собственной силе, — сказала мама. — Надо действовать осторожнее, милый. — Ничего себе дельце сделал, — сказал Лесли. — Мог убить его. — Я знал человека, оставшегося калекой на всю жизнь после такого броска, — охотно поделился с нами Ларри. Кралевский застонал громче.

— Честное слово, Джерри, ты иногда поступаешь очень глупо, — сокрушалась мама. Ей, очевидно, представлялся Кралевский, прикованный на весь остаток своих дней к креслу на колесиках.

Меня раздражала эта несправедливая, на мой взгляд, критика. Я снова заявил, что вины моей тут нет. Мне показали, как надо повалить человека, и предложили проделать это. Вот я и проделал.

— Он, конечно, не думал, что ты собьешь его с ног, — сказал Ларри. — Ты мог повредить ему позвоночник. У того человека, о котором я говорил, позвоночник треснул, как банан. Очень любопытно. Он рассказывал, что у него высывались кусочки кости... Кралевский открыл глаза и бросил на Ларри тоскующий взгляд. — Можно попросить у вас воды? — спросил он слабым голосом. В это время в комнату вошла Марго с бутылкой в руках, и мы заставили Кралевского выпить немного бренди. Щеки его чуть

порозовели, он снова прилег и закрыл глаза.

— Ну, если вы можете сидеть, — бодро заявил Ларри, — это хороший признак. Впрочем, ненадежный. Я знал одного художника, который свалился с лестницы и сломал позвоночник, после этого он еще ходил целую неделю, прежде чем обнаружил это.

— Да что ты говоришь! — заинтересовался Лесли. — И что же с ним случилось? — Он умер, — сказал Ларри.

Кралевский принял сидячее положение и слегка улыбнулся. — Может быть, вы будете настолько любезны, что позволите Спиро отвезти меня в город? Я думаю, что лучше всего показаться доктору.

— Ну, конечно, Спиро отвезет вас, — сказала мама. — Надо поехать в лабораторию Теодора и попросить его сделать рентген, просто для вашего успокоения.

Мы закутали бледного, но спокойного Кралевского во множество пледов и осторожно поместили за заднее сиденье автомобиля.

— Передайте Теодору, чтобы он послал нам со Спиро записку и сообщил о вашем состоянии, — сказала мама. — Надеюсь, вы скоро поправитесь. Я так сожалею о случившемся. Джерри, конечно, поступил очень легкомысленно.

Это был великий миг в жизни Кралевского. Он улыбнулся болезненной улыбкой, стараясь выразить спокойное безразличие, и чуть помахал рукой.

— Очень прошу вас, не расстраивайтесь, — выговорил он. — Не думайте больше об этом. И не ругайте мальчика. Он не виноват. Просто я давно не упражнялся.

Поздно вечером Спиро вернулся из своего рейса милосердия и привез записку от Теодора.

Дорогая миссис Даррелл, рентгеновские снимки показали, что у мистера Кралевского сломано два ребра; одно из них, к сожалению, очень сильно. Он скрыл от меня причину повреждения, но сила была приложена, должно быть, немалая. Однако, если он поносит с неделю повязку, все

благополучно срастется.

Передаю всем привет, . Ваш Теодор Р. З. Не забыл ли я случайно у вас черную коробочку, когда приезжал в прошлый четверг? В ней были очень интересные экземпляры малярийных комаров, и, кажется, я ее где-то потерял. Известите меня, пожалуйста.

16. Лилии над озером

Сороки были вне себя от возмущения, когда их стали держать взаперти, хотя и в очень просторной клетке. При таком неумном любопытстве, как у них, трудно было пережить потерю возможности разведывать и комментировать все события. Их поле зрения ограничивалось теперь фасадом дома, и, если что-нибудь случалось с задней стороны, они доводили себя почти до безумия, стрекотали, кудахтали, носились без конца по клетке и просовывали головы сквозь прутья, стараясь разузнать, что происходит. Прикованные к одному месту, Сороки могли теперь посвящать уйму времени учебе, которая заключалась в твердом усвоении греческого и английского языка и в умелом воспроизведении естественных звуков. В очень короткий срок они научились называть всех членов нашей семьи по именам и с исключительным коварством разыгрывали Спиро. Дождавшись, когда он сядет в машину и немного отъедет от дома, Сороки бросались в угол клетки и кричали: «Спиро... Спиро... Спиро!...», заставляя его нажимать на тормоза и поворачивать обратно, чтобы выяснить, кто его звал. Много невинной радости доставляли им слова «Уходи!» и «Пойди сюда!», которые они выкрикивали по очереди то на греческом, то на английском, к полнейшему замешательству собак. Еще одна проделка, бесконечно их забавлявшая, заключалась в обмане бедных, несчастных цыплят, целыми днями рывшихся в земле среди оливковых рощ. По временам на пороге кухни появлялась служанка и начинала издавать писклявые звуки попеременно с каким-то странным громким

иканием. Это был сигнал кормления, и все куры, словно по волшебству, оказывались у кухонной двери. Как только Сороки освоили этот призыв, они извели бедных кур вконец. Обычно звуки их раздавались в самое неподходящее время, когда курам после долгих усилий и бесконечного кудахтанья удавалось наконец взобраться на ветки невысоких деревьев, или же в самую жаркую пору дня, когда они устраивали себе приятный отдых в тени миртовых зарослей. Едва куры успевали погрузиться в приятную дремоту, как Сороки принимались звать их на кормежку. Одна из них воспроизводила писклявые звуки, другая — икающие. Куры нервно оглядывались, каждая ждала, пока кто-нибудь еще не проявит признаков жизни. Тогда Сороки кричали снова, более призывно и настойчиво. Неожиданно какая-нибудь курица, менее сдержанная, чем другие, с кудахтаньем вскакивала на ноги и неслась к клетке Сорок. После этого и все остальные, кудахтая и хлопая крыльями, неслись за нею что есть духу. Подлетев к прутьям клетки, они толкались, громко квохтали, наступали друг другу на ноги, клевали друг друга, потом стояли и оторопело глядели на клетку, где элегантные Сороки в своих гладких черно-белых костюмах взирали на них с насмешкой, словно пара уличных зубоскалов, ловко одурачивших толпу ограниченных серьезных горожан.

Сороки очень любили собак, хотя не упускали случая подразнить и их. В особенности им полюбился Роджер, часто приходивший к ним в гости. Навострив уши, он лежал у железных прутьев, а Сороки садились на пол клетки в трех дюймах от его носа и начинали разговаривать с ним тихими, хриплыми голосами, изредка заливаясь грубым хохотом, как будто рассказывали ему неприличные анекдоты. Они никогда не дразнили Роджера так упорно, как двух других собак, и никогда не пытались заманить льстивыми речами к самой клетке, где его можно было хлопнуть крылом или потянуть за хвост, что они часто проделывали с Вьюном и Пачкуном. В целом Сороки относились ко всем собакам благосклонно, но те должны были выглядеть и вести себя вполне как собаки,

поэтому, когда у нас появилась Додо, Сороки начисто отказались верить, что это собака, и с самого начала стали относиться к ней с насмешливым, шумным презрением.

Додо была из породы шотландских терьеров. Эти собаки похожи на толстые, покрытые шерстью колбасы с малюсенькими кривыми ножками, огромными выпуклыми глазами и длинными обвислыми ушами. Как ни странно, своим появлением у нас этот забавный уродец был обязан маме. Один наш знакомый держал пару таких собак, которые вдруг (после долгих лет бесплодия) произвели на свет шесть малюток. Бедный хозяин сбился с ног, пытаясь получше пристроить щенят, и мама по своей доброте и легкомыслию обещала взять одного себе. Через несколько дней она отправилась выбирать щенка и неблагоразумно выбрала суку. В тот момент ей даже в голову не пришло, как неосторожно вводить даму в дом, населенный только одними мужественными собаками. Зажав щенка под мышкой (настоящая сосиска со слабыми признаками сознания), мама забралась в машину и с торжеством покатила домой показывать свое приобретение. Когда автомобиль подъехал к дому, мы все собрались на веранде и смотрели, как мамино пучеглазое сокровище ковыляет к нам по дорожке, отчаянно размахивая ушами. Чтобы приводить свое длинное, неуклюжее тело в движение, щенку приходилось очень усердно работать крохотными лапами. Чуть ли не на каждом шагу он останавливался у клумбы, так как после долгой езды в автомобиле его сильно мутило. — Ах, какая прелесть! — закричала Марго. — Ей-богу, он похож на голотурию, — сказал Лесли. — Мама! Вот уж придумала! — воскликнул Ларри, с отвращением разглядывая Додо. — Где ты только откопала этого собачьего Франкенштейна?

— Но это же прелесть, — повторила Марго. — Что тебя в нем не устраивает?

— Это не он, а она, — сказала мама, с гордостью осматривая свою собственность. — Ее зовут Додо.

— Ну вот, — сказал Ларри. — Меня не устраивают

прежде всего две вещи. Во-первых, у нее мерзкое для животного имя, во-вторых, приводить суку в дом, где живут вот эти три молодца, значит не желать себе добра. А потом, ты только посмотри на нее! Отчего это она такая? Попала в катастрофу или такой родилась?

— Не говори глупостей, милый. Это порода. Ей такой и положено быть.

— Чепуха, мама. Это урод. Ну кто умышленно станет выводить существо подобной формы? Я напомнил, что и таксы имеют почти такую же форму. Их вывели специально для того, чтобы во время охоты на барсуков они могли проникать в их норы. Может быть, и шотландских терьеров вывели с такой же целью.

— Похоже, их вывели для того, чтобы они могли проникать в сточные трубы.

— Не говори гадостей, милый. Это очень славные собачки и очень верные.

— Еще бы, им приходится быть верными тем людям, кто проявит к ним интерес. Ведь у них не может быть много поклонников.

— Мне кажется, ты очень злишься на нее, во всяком случае, с тобой сейчас нельзя рассуждать о красоте. В конце концов ты просто поверхностный человек. Прежде чем бросать камни в чужой огород, ты лучше поищи бревно в своем глазу, — торжествующе выпалила Марго.

— Это пословица или цитата из газеты строителей? — удивился Ларри.

— Ты мне надоел, — сказала Марго с величественным презрением.

— Ладно, ладно, — увещевала их мама. — Не ссорьтесь. Это моя собака, и мне она нравится, остальное не имеет значения.

Поселившись у нас в доме, Додо почти сразу же выказала свои недостатки и причиняла нам хлопот гораздо больше, чем все остальные собаки, вместе взятые. Прежде всего у нее была слабая задняя нога, в любой час дня и ночи

она без всяких видимых причин могла вывихнуться в бедренном суставе. Додо, не обладавшая стоическим характером, встречала эту катастрофу пронзительными криками, которые достигали прямо душераздирающих высот. Вынести это было невозможно. Однако же нога совсем не беспокоила Додо, когда она отправлялась на прогулку или с резвостью слона носилась по веранде за мячом! Но вечерами, когда мы, собравшись все вместе, спокойно погружались в чтение, писание писем или вязание, нога Додо непременно выходила из сустава. Собака опрокидывалась тогда на спину и визжала так, что все, побросав свои дела, вскакивали с места. К тому времени, когда нам удавалось вправить ей ногу, Додо, накричавшись до полного изнеможения, мгновенно погружалась в глубокий мирный сон, а наши нервы бывали так напряжены, что мы уже до конца вечера не могли ни на чем сосредоточиться.

Как вскоре выяснилось, интеллект у Додо был чрезвычайно ограничен. Ее черепная коробка могла вместить одновременно только одну какую-нибудь мысль, но, уж если она туда попадала, Додо упорно отстаивала ее, несмотря на все противодействия. Очень скоро после своего прибытия она решила, что мама принадлежит только ей одной, но вначале проявляла свои собственнические наклонности не так уж активно, пока мама не уехала однажды в город за покупками, не взяв ее с собой. Додо вообразила, что ей никогда больше не видать маму, и пришла в полное отчаяние. С тоскливым воем она бродила вокруг дома и порой так предавалась горю, что ее нога тут же выходила из сустава. Маминому возвращению она обрадовалась несказанно, однако решила, что с этого момента больше уже не выпустит маму из виду, иначе та сбежит снова. Она прицепилась к маме как банный лист и никогда не отставала от нее больше чем на два фута. Если мама поднималась за книгой или сигаретой, Додо отправлялась за нею через комнату, и потом они вдвоем возвращались на прежнее место. Додо с облегчением вздыхала, думая, что ей еще раз удалось предотвратить мамин

побег.

На первых порах Роджер, Вьюн и Пачкун взирали на Додо со снисходительным презрением. Ведь у нее было слишком много жиру и слишком низкая посадка, чтобы совершать дальние ирогулки. Если же они хотели поиграть с нею, у Додо появлялась мания преследования, и она с воем убегала в дом, стараясь найти там защиту. В общем они считали ее скучным и бесполезным добавлением к своему собачьему семейству, пока не открыли, что за нею можно поухаживать. Сама Додо выказывала полную невинность в отношении этой трогательной стороны жизни. Казалось, она была не только удивлена, но и сильно напугана своей неожиданной популярностью, когда ее поклонники прибывали в таком количестве, что мама вынуждена была ходить повсюду с тяжелой палкой. Именно из-за своей викторианской наивности. Додо стала легкой жертвой Пачкуна, соблазнившись его чудесными рыжими бровями.

На удивление всем (включая и Додо) от этого союза родился щенок, странный мяукающий шарик с фигурой матери и замечательной коричнево-белой раскраской отца. Стать так неожиданно матерью было для Додо слишком большим испытанием, нервы ее сильно сдали. Она разрывалась между необходимостью оставаться со своим щенком и желанием быть поближе к маме. Однако мы сначала и не подозревали об этих нравственных муках. В конце концов Додо нашла компромиссное решение: ходила повсюду за мамой и таскала в зубах щенка. Она провела так целое утро, прежде чем мы догадались, что происходит. Додо держала несчастного щенка за голову, и он болтался из стороны в сторону, когда она бегала следом за мамой. Никакая брань и уговоры на нее не действовали, так что мама вынуждена была сидеть с Додо и ее щенком в спальне, а мы носили им туда на подносе еду. Но даже это не могло спасти положения. Стоило только маме встать со стула, как Додо, бывшая всегда начеку, хватала щенка и глядела на маму испуганными глазами, готовая в случае чего броситься за нею

в погоню.

— Если так пойдет и дальше, — заметил Лесли, — щенок превратится в жирафа.

— Да, я знаю, бедная крошка, — сказала мама, — но что я могу поделывать? Она хватает его, даже когда я зажигаю сигарету.

— Самое простое — утопить его, — сказал Ларри. — Из него же вырастет отвратительное животное. Взгляните на родителей. — Нет, утопить его я не дам, — рассердилась мама. — Не будь таким противным, — сказала Марго. — Бедная крошка.

— Я считаю такое положение совершенно нелепым — позволить собаке посадить себя на цепь.

— Это моя собака, и, если я хочу здесь сидеть, так оно и будет, — твердо сказала мама.

— Но сколько же это продлится? Так можно сидеть месяцами. — Я что-нибудь придумаю, — с достоинством ответила мама. Выход из положения мама придумала очень простой. Она наняла младшую дочь нашей служанки, и та стала носить щенка Додо. Это, кажется, вполне устраивало Додо, так что мама снова могла передвигаться по дому. Она ходила из комнаты в комнату, как восточный владыка: следом за нею семенила Додо, а замыкала шествие юная София, которая, скосив глаза и высунув язык от напряжения, несла в руках подушку, где лежал необыкновенный отпрыск Додо. Если мама собиралась долго оставаться на одном месте, София почтительно опускала подушку на пол, и Додо, глубоко вздыхая, садилась рядом со своим щенком. Когда мама намеревалась перейти в другую часть дома, куда ее звали дела, Додо сползала с подушки, встряхивалась и занимала свое обычное место в кавалькаде, а София торжественно, будто там покоилась корона, поднимала подушку. Мама оглядывала строй через очки, убеждаясь, что все в порядке, слегка кивала головой, и они трогались в путь.

Каждый вечер мама забирала собак и водила их на прогулку. Мы очень любили на них смотреть, когда вся

колонна двигалась вниз по холму. Роджер, как старший, возглавлял процессию, за ним следовали Вьюн с Пачкуном, потом шла мама, похожая на гриб в своей огромной соломенной шляпе. В руке у нее была садовая лопатка на тот случай, если попадетсЯ какое-нибудь интересное дикое растение. За нею, высунув язык, плелась пучеглазая Додо и, наконец, позади всех торжественно шагала София с высокородным щенком на подушке. «Мамин цирк», называл это Ларри и, высунувшись из окна, кричал вслед: — Ау, леди! Когда ваш цирк вернется?

Он купил бутылку жидкости для укрепления волос, чтобы мама могла, как он нам объяснил, проводить эксперименты на Софии, пробуя превратить ее в бородатую женщину.

— Это необходимо для ваших цирковых представлений, леди, — уверял он ее хриплым голосом. — Первый класс, понимаете? Для первоклассного представления нет ничего лучше бородатой женщины.

Но, несмотря на все это, мама продолжала ежедневно водить свой удивительный караван в оливковые рощи, отправляясь туда в пять часов вечера.

На севере острова Корфу есть большое озеро с приятным, звучным названием Антиниотисса, одно из наших любимых мест. Это продолговатое мелкое озеро, окруженное густой гривой тростника и камышей, имеет около мили в длину и отделяется с одной стороны от моря широкой пологой дюной из замечательного белого песка. В наших поездках на озеро всегда принимал участие Теодор, и мы с ним находили там обширное поле для исследований в прудах, канавах и болотистых ямках, окружавших озеро. Лесли всегда возил с собой целый арсенал оружия, потому что в тростниковых зарослях водилась дичь, а Ларри неизменно брал огромную острогу и часами простаивал в ручье, соединявшем озеро с морем, пытаясь пронзить заплывавшую туда крупную рыбу. Мама нагружалась корзинками с едой, пустыми корзинками для растений и разным садовым

инвентарем для выкапывания своих находок. Самая простая экипировка была, кажется, у Марго: купальный костюм, большое полотенце и крем для загара. Наши поездки на озеро Антиниотисса со всем снаряжением носили характер прямо-таки крупных экспедиций.

Существовало определенное время года, когда озеро выглядело особенно великолепным. Это была пора цветения лилий. Плавные изгибы дюны между озером и морем были единственным местом на острове, где росли эти песчаные лилии, необычные, зарытые в песок корявые луковицы, выпускавшие раз в год пучок толстых зеленых листьев и белых цветов, так что вся дюна превращалась в сверкающий белизной глетчер. Впечатление было незабываемое, и мы всегда ездили на озеро в эту пору.

Вскоре после появления у Додо щенка Теодор сообщил нам, что время цветения лилий на носу и надо готовиться к поездке на Анти-ниотиссу. Необходимость взять с собой на озеро кормящую мать значительно осложняло дело.

— На этот раз нам придется ехать на лодке, — сказала мама, не отводя глаз от своего очень сложного ажурного вязанья. — Но на лодке будет вдвое дольше, — сказал Ларри. — Мы не можем ехать на автомобиле, милый. Додо укачает, да и места там для всех не хватит.

— Ты что, собираешься брать с собой это животное? — в ужасе спросил Ларри.

— Но я должна ее взять, милый... две накидываем, одну спускаем... я не могу оставить ее дома... три накидываем... ты ведь знаешь, какая она.

— Ну тогда найми для нее специальный автомобиль. Я ни за что не стану разъезжать в таком виде по острову. Еще подумают, что я ограбил собачий приют в Баттерси.

— Ей нельзя ехать в автомобиле. Об этом я тебе и толкую. Ты же знаешь, что ее укачивает... А теперь посиди минутку спокойно, милый, мне надо посчитать. — Это же смешно... — начал злиться Ларри. — Семнадцать, восемнадцать, девятнадцать, двадцать, — громко считала

мама.

— Это же смешно ехать кружным путем только потому, что Додо укачивает в автомобиле.

— Ну вот! — рассердилась мама. — Ты сбил меня со счета. Прошу тебя, не говори со мной, когда я вяжу.

— Откуда ты знаешь, что ее не укачает в лодке? — поинтересовался Лесли.

— Те, кого укачивает в автомобиле, никогда не страдают от морской болезни, — объяснила мама.

— Что-то я этому не верю, — сказал Ларри. — Все это бабьи сказки. Правда ведь, Теодор?

— Не могу сказать, — рассудительно ответил Теодор. — Я слышал об этом и раньше, но есть ли тут... гм... понимаете ли... доля истины, не знаю. Могу только сказать, что меня до сих пор в машине не укачивало.

Ларри посмотрел на него в замешательстве. — Ну и что это доказывает?

— недоумевал он. — Меня всегда укачивает в лодке, — просто объяснил Теодор.

— Это же прямо замечательно! — сказал Ларри. — Если мы поедem в автомобиле, укачает Додо, если в лодке — то же самое случится с Теодором. Вот и выбирайте.

— Я не знала, что вы подвержены морской болезни, Теодор, — заметила мама.

— Да, к сожалению, подвержен. Это очень досадно. — Ну, при такой погоде море будет совсем спокойное, — сказала Марго. — Вас наверняка не укачает.

— К сожалению, — ответил Теодор, поднимаясь на носках, — погода не имеет никакого значения. Меня начинает мутить при малейшем движении. Даже несколько раз в кино, когда на экране показывали корабли в бурном море, мне пришлось... гм... пришлось покинуть зал.

— Проще всего разделиться, — предложил Лесли. — Половина добирается на лодке, другая половина — на автомобиле.

— Замечательная мысль! — воскликнула мама. — Это

решает дело.

Но все это вовсе не решало дела, потому что дорога к озеру Антиниотисса оказалась отрезанной из-за небольшого обвала, и добраться туда на автомобиле было невозможно. Приходилось ехать по морю или совсем отказаться от поездки.

Теплой, росистой зорькой, предвещавшей ясный безветренный день и спокойное море, мы отправились в путь. Чтобы разместить всю нашу семью, собак, Спиро, Софию, пришлось снарядить не только «Морскую корову», но и «Бутла». «Морская корова» должна была тащить пузатого «Бутла» за собой на буксире, что заметно снижало ее скорость, но иного выхода не было. По предложению Ларри на «Бутле» разместились собаки, София, мама и Теодор, все остальные должны были ехать на «Морской корове». К сожалению, Ларри не принял в расчет одного очень важного обстоятельства: кильватерную струю от хода «Морской коровы». Волна вздымалась от ее кормы стеклянной голубой стеной и достигала максимальной высоты как раз в тот момент, когда она касалась широкой груди «Бутла», подбрасывала его в воздух и снова швыряла вниз. Мы довольно долго не замечали действия этой волны, так как шум мотора заглушал мамины отчаянные крики о помощи. Когда же наконец мотор был остановлен и к нам подскочил «Бутл», мы увидели, что укачало не только Теодора и Додо, но и всех остальных, включая даже такого испытанного и закаленного моряка, как Роджер. Пришлось забрать всех на «Морскую корову» и положить там рядком. Спиро, Ларри, Марго и я заняли их место на «Бутле». Когда мы подходили к Антиниотиссе, все стали чувствовать себя лучше, за исключением Теодора, который все еще старался держаться поближе к борту лодки, безучастно глядел на свои башмаки и односложно отвечал на все вопросы.

Мы обогнули последний мыс, сложенный из волнистых пластов золотых и красных пород, похожих на кипы окаменевших гигантских газет или на порыжевшие, покрытые

плесенью остатки библиотеки колосса, и обе лодки направились в широкий голубой залив у входа в озеро. За полосой жемчужно-белого песка поднималась большая покрытая лилиями дна. Тысячи сверкающих на солнце цветов, словно белые граммофончики, поднимали к нему свои раструбы, испуская вместо музыки тяжелый, пряный запах — очищенный аромат лета, теплое благоухание, заставлявшее вас все время глубоко вдыхать воздух и задерживать его в груди. Последний короткий треск мотора раскатился среди скал, и обе лодки почти бесшумно заскользили к берегу, откуда нам навстречу плыл над водой запах лилий.

Выгрузив на белый песок снаряжение, все разбрелись по берегу в разные стороны, и каждый занялся своим делом. Ларри и Марго растянулись на мелком месте в воде и сразу задремали, чуть покачиваясь на легких волночках. Мама, прихватив с собой лопаточку и корзинку, повела свою кавалькаду на прогулку. Спиро, похожий в своих трусах на смуглого волосатого доисторического человека, забрался в ручей, текущий от озера к морю. Он стоял там среди стаек рыб, сердито вглядывался в прозрачную воду, доходившую ему до колен, и держал наготове трезубец. Мы с Теодором и Лесли определили по жребию, кто на какой конец озера должен отправляться, и разошлись в противоположных направлениях. Пограничным знаком, отмечающим половину пути вдоль берега озера, была большая и на редкость корявая олива. Как только мы доходили до нее, мы сразу поворачивали и шли обратно, то же самое делал на своей половине Лесли. Это не давало ему возможности убить нас по ошибке в густых тростниковых зарослях. Пока мы с Теодором копошились, словно пара усердных цапель, среди луж и ручейков, Лесли, пригнувшись, шагал сквозь заросли по другую сторону озера, и время от времени до нас доносился его выстрел, отмечающий его успехи.

Когда подошло время ленча, мы все собрались на берегу, голодные как волки. Лесли принес целую сумку дичи: куропаток, перепелов, бекасов, вяхирей; мы с Теодором —

пробирки и бутылки, наполненные мелкой живностью. Пылал костер, на подстилках разложили еду, с моря принесли бутылки вина, где они охлаждались у краешка берега. Ларри подтянул свой угол подстилки на склон дюны и разлегся во всю длину среди граммофончиков лилий. Теодор сидел прямой и подтянутый, тщательно пережевывал пищу, потряхивал бородой. Марго, растянувшись в изящной позе на солнышке, лакомилась овощами и фруктами. Мама и Додо устроились в тени, под большим зонтом. Лесли с ружьем на коленях уселся прямо на песке, одной рукой он держал огромный кусок холодного мяса, другой задумчиво поглаживал стволы своего ружья. Поблизости у костра присел на корточках Спиро. Пот градом катился по его морщинистому лицу и сверкающими каплями падал на густую черную шерсть на груди, в то время как он поворачивал над огнем импровизированный вертел, на котором было нанизано семь жирных бекасов.

— Райское место! — бормотал с набитым ртом Ларри, растянувшись среди сияющих цветов. — Оно создано прямо для меня. Я хотел бы лежать здесь вечно и получать пищу и вино из рук прекрасных, обнаженных дриад. Через столетия я, конечно, забальзамируюсь от постоянного вдыхания этого аромата. Потом в один прекрасный день мои верные дриады не найдут меня здесь, останется лишь аромат. Бросьте-ка кто-нибудь мне штучку вон того аппетитного инжира.

— Когда-то я читал очень интересную книгу о бальзамировании, — воодушевился Теодор. — Египтянам, конечно, приходилось слишком много возиться с этими мумиями. И надо сказать, что способ... э... извлечения мозга через нос придуман очень остроумно.

— Что, вытаскивали мозги через нос какими-нибудь крючками? — спросил Ларри.

— Ларри, милый, пожалуйста, не во время еды.

После ленча мы удалились под сень олив и дремали там в течение самой жаркой части дня, усыпленные пением цикад. Время от времени кто-нибудь вставал и уходил к морю,

потом, поплескавшись с минуту на мелком месте, освеженный, шел обратно и опять погружался в сон.

В четыре часа залиvistый храп Спиро внезапно прекратился. Его массивная, обмякшая фигура зашевелилась, он зафыркал, приходя в себя после сна, и пошел к берегу разводить костер для чая. Остальные просыпались медленно, сонно потягивались, вздыхали и брели, словно стадо, через песчаный пляж к тарахтевшему на огне чайнику. Когда мы с чашками в руках расселись вокруг костра, все еще моргая в полудреме, среди лилий показалась ясноглазая, яркогрудая малиновка и запрыгала вниз по склону. Футак в десяти от нас она остановилась, окинула всех критическим взглядом. Решив, что нас стоит развлечь, малиновка подпрыгнула к тому месту, где две лилии сплелись в красивую арку, стала под ними в эффектной позе, выпятила грудь и залилась громкими, звенящими трелями. Кончив петь, малиновка вдруг быстро кивнула головой, как бы раскланиваясь перед публикой, и потом, испуганная нашим громким смехом, исчезла среди лилий.

— Вот уж милые птички, — сказала мама. — В Англии одна малиновка сидела около меня часами, когда я копалась в саду. Мне очень нравится, как они выставляют свои грудки.

— А эта сейчас присела так, будто и впрямь кланялась, — отозвался Теодор. — Надо сказать, что когда она... э... выставила свою грудь, она очень напоминала... знаете... такую вот оперную певицу.

— Да, — согласился Ларри, — поющую что-нибудь легкое, веселое... Штрауса, может быть.

— Кстати, об опере, — сверкнул глазами Теодор. — Рассказывал я когда-нибудь о последней опере на Корфу?

Нет, сказали мы и уселись поудобнее, потому что вид Теодора, рассказывающего свои истории, доставлял нам не меньшее удовольствие, чем сами истории.

— Это была, понимаете ли... гм... одна из разъездных оперных трупп. Думаю, что она прибыла из Афин, но может быть, и из Италии. Как бы там ни было, прежде всего они

поставили «Тоску». Певица, ведущая партию героини, имела, как водится, довольно... э... пышные формы. Ну, а как вы знаете, в заключительном акте оперы героиня бросается навстречу смерти со стены крепости или, вернее, замка. На первом представлении героиня забралась на стену, спела последнюю арию и потом бросилась навстречу своей... знаете ли... своей гибели на скалу внизу. К сожалению, рабочие сцены забыли подложить что-нибудь под стену, куда ей можно было бы прыгать, и поэтому грохот падения и затем... э... крик боли несколько ослабили впечатление, что она разбивается на скалах насмерть. Певец, который как раз в это время оплакивал ее гибель, вынужден был петь... э... во весь голос, чтобы заглушить крики. Этот случай, как и следовало ожидать, расстроил героиню, поэтому на следующий день рабочие разбили в лепешку, чтобы обеспечить ей приятное приземление. Грохнувшись довольно сильно накануне, героиня с большим трудом провела оперу и добралась наконец до последней сцены. Она снова вошла на стену, спела свою последнюю арию и бросилась навстречу смерти. К сожалению, рабочие ударились теперь в другую крайность. Большая груда матрасов и этих... знаете... пружинных сеток была такой упругой, что героиня, коснувшись их, подскочила в воздух. И вот, когда все участники оперы подошли... э... как это называется?.. ах да, подошли к рампе и принялись рассказывать друг другу о ее смерти, верхняя часть героини, к изумлению публики, два или три раза появлялась над стенами.

Во время рассказа Теодора малиновка еще раз отважилась прискакать к нам поближе, но взрыв хохота снова испугнул ее, и она улетела.

— Знаете, Теодор, я уверен, что вы сочиняете эти истории на досуге, — едва выговорил Ларри.

— Нет, нет, — сказал Теодор, весело смеясь в бороду. — Будь это где-нибудь в другом месте, мне пришлось бы их сочинять, но здесь, на Корфу, они... э... предвосхищают искусство, так сказать.

После чая мы с Теодором снова отправились на берег озера и продолжали свои исследования до самых сумерек. Когда уже нельзя было ничего как следует разобрать, мы побрели потихоньку обратно — к тому месту, где пылал разведенный Спиро костер, гигантской хризантемой трепетавший среди призрачных белых лилий. Спиро удалось заколоть острой три крупные рыбины, и теперь он, сосредоточенно хмурясь, жарил их на рашпере, все время чем-нибудь сдабривая их нежное белое мясо, мелькавшее в тех местах, где отставала зажаренная корочка: то добавлял зубок чесноку, то выжимал лимонного соку, то посыпал перцем.

Над горами поднялась луна и превратила лилии в серебро. Только там, где на них падали дрожащие отсветы костра, они вспыхивали розовым пламенем. По светлому морю бежали легкие волночки и, коснувшись берега, с облегчением вздыхали. На деревьях начинали ухать совы, а в густой тени зажигались и гасли нефритовые огоньки светлячков.

Зевая и потягиваясь, мы перетащили наконец свои вещи в лодки, добрались на веслах до устья залива и, ожидая, пока Лесли заведет мотор, оглянулись на Антиннотиссу. Лилии сияли, как снежное поле под луной, а темный задник из олив был усеян смутными огнями светлячков. Костер, затоптанный нами перед отъездом, светился гранатовым пятном у края покрытой цветами дюны.

— Да, несомненно, это очень... э... красивое место, — произнес Теодор.

— Чудесное место, — согласилась мама и затем дала ему свою высшую оценку: — Я хочу, чтобы меня здесь похоронили.

Мотор, побормотав неуверенно, прорвался наконец громким ревом. Набирая скорость, «Морская корова» пошла вдоль берега с «Бутлом» на буксире, и за ними по темной воде веером потянулся белый, легкий, как паутина, след, слегка искрящийся фосфорическим светом.

17. Шахматные поля

Между морем и линией холмов, на одном из которых стоял наш дом, тянулась полоса прорезанных каналами полей. В этом месте в сушу вдавался большой, почти отделенный от моря залив, мелкий и прозрачный. Его плоские берега покрывала густая сетка узких канальчиков, бывших в давние дни соляными варницами. Каждый квадратик земли, обрамленный водотоками, был тщательно обработан и засажен кукурузой, картофелем, инжиром, виноградом. Эти поля из маленьких ярких клеток, обведенных блестящими полосками воды, напоминали разноцветную шахматную доску, по которой двигались красочные фигурки крестьян.

Это было мое любимое место охоты, так как тут в узких канавах и среди густого кустарника водилось множество разнообразных животных. На этих полях легко было заблудиться, потому что в страстной погоне за бабочкой вы могли перейти совсем не тот мостик, соединявший один квадрат с другим, и потом бегать взад и вперед, отыскивая путь в этом сложном лабиринте среди камышей, инжира и высокой стены кукурузы. Большая часть полей принадлежала крестьянам, моим друзьям, жившим вверху, на холмах, поэтому, отправляясь на поля; я всегда был уверен, что смогу там отдохнуть за кисточкой винограда с кем-нибудь из знакомых, узнаю интересные новости. О том, например, что среди плетей дынь на участке Георгио есть гнездо жаворонка. Если идти по шахматной доске прямо, не останавливаясь с друзьями и не обращать внимания на черепа, шлепавшихся с илистых берегов в воду, или на треск пролетающей мимо стрекозы, вы попадете в такое место, где все каналы расширяются и исчезают среди обширной плоской полосы песка, изборожденного мелкой рябью от ночных приливов. Длинные извилистые цепи всевозможных обломков отмечали здесь медленное отступление моря. Очаровательные цепи, где можно обнаружить красочные водоросли, мертвые морские

иглы, пробковые поплавки с рыбачьих сетей, казавшиеся вполне съедобными — прямо куски сочного фруктового торта, — осколки бутылочного стекла, превращенные волнами и песком в настоящие драгоценности, раковины, колючие, точно ежики, или гладкие, овальные и нежно-розовые, как ногти какой-нибудь утонувшей богини. Тут было полное раздолье для птиц: бекасов, пегих куликов, чернозобиков, крачек. Шумными стайками они суетились у самой воды, где волны лениво набегали на берег и, вскинув кудрявый султанчик, разбивались о песчаные грядки. Когда вы проголодаетесь, здесь можно забрести на морскую отмель и наловить прозрачных жирных креветок, сладких, как виноград, или же разрыть ногою песок и отыскать там ребристые, похожие на орех раковины сердцевидок. Если сложить две такие раковины край с краем, замковой частью, и резко повернуть в противоположные стороны, они легко откроются. Их содержимое, хотя и похоже слегка на резину, очень приятно на вкус.

Как-то в один из дней, не зная, чем бы еще заняться, я решил взять собак и пойти на поля. Мне хотелось еще раз попробовать поймать Старого Шлепа, искупаться в море, полакомиться сердцевидками и вернуться домой через поле Петро, где я мог обменяться с ним новостями и поесть арбуза или спелых гранатов. Старым Шлепом я называл большую, очень старую черепаху, жившую в одном из каналов. Я пробовал ловить ее в течение целого месяца или даже больше, однако, несмотря на свой возраст, она оказалась очень хитрой и проворной. Как бы осторожно я ни подкрадывался, когда черепаха спала на илистом берегу, в самый последний момент она всегда просыпалась, отчаянно колотила ногами, соскальзывала по мокрому склону вниз и шлепалась в воду, будто сброшенная за борт тяжелая спасательная лодка. Разумеется, я уже успел поймать великое множество черепах — и черных с мелкими золотистыми крапинками, и сереньких в светло-рыжую и кремевую полоску.

Однако моей заветной мечтой оставался Старый Шлеп.

Он был крупнее всех черепах, каких я только видел, и такой старый, что его морщинистая кожа и избитый панцирь стали совершенно черными, а все остальные краски, какие могли у него быть в далекой юности, исчезли. Мне хотелось поймать его во что бы то ни стало, и вот, выждав целую неделю, я решил, что пора снова приниматься за дело.

Прихватив сумку с пузырьками и коробками, сачок и корзинку для Старого Шлепа на случай, если мне удастся его поймать, я вышел с собаками из дому и стал спускаться с холма. «Джерри!.. Джерри!.. Джерри!»-жалобно надрывались мне вслед Сороки, но, увидев, что я не возвращаюсь, потеряли всякое приличие и стали громко болтать и смеяться. Их грубые голоса все еще доносились до нас, когда мы вошли в оливковые рощи, а потом их заглушил хор цикад, от пения которых дрожал воздух. Мы шагали по белой, горячей и мягкой как пух дороге.

У колодца Яни я остановился попить воды и заглянул в загончик, сбитый из оливковых веток, где два огромных кабана с довольным хрюканьем барахтались в липкой грязи. С наслаждением втянув носом воздух, я похлопал более крупного кабана по грязному, колыхавшемуся заду и отправился дальше. Миновав первые три поля, я остановился на минуту на участке Таки, чтобы отведать его винограда. Хозяина тут не было, но я знал, что он не станет на меня сердиться. Это был сорт сладкого мелкого винограда с мускатным ароматом. Если сдавить нежную, без косточек ягоду, все ее содержимое полетит вам в рот, а между пальцами останется пустая кожица. Мы с собаками съели каждый по кисти, еще две кисти я положил к себе в сумку и пошел по краю канала туда, где обычно любил поваляться Старый Шлеп. Только я собрался предупредить собак, чтобы они не смели проронить ни звука, как вдруг из кукурузы выскочила большая ящерица и пустилась наутек. Собаки с диким лаем бросились вслед за нею. Когда я подошел к любимому катку Старого Шлепа, о его недавнем присутствии здесь свидетельствовали лишь расходившиеся круги на воде.

Я присел на землю и стал ждать собак, перебирая в уме все красочные ругательства, какие собрался на них обрушить. Но, к моему удивлению, собаки не возвращались. Долетавшее издали тьяканье замолкло, и потом, после некоторой тишины, они вдруг залаяли все вместе — монотонный, размеренный лай, означавший какую-то находку. Интересно, что же такое они там нашли?

Когда я примчался туда, собаки теснились у заросшего травой края канавки. Завидев меня, они запрыгали, завияли хвостами, весело заскулили. Роджер искривил верхнюю губу в приятной улыбке, радуясь, что я пришел полюбоваться их трофеем. Сперва я просто не мог понять, из-за чего это собаки так волнуются, потом заметил, как в траве что-то зашевелилось (то, что я принял было за корешок), и увидел пару толстых водяных ужей, страстно обвинивших друг друга. Приподняв лопатообразные головы, они глядели на меня холодными серебряными глазами. Это была потрясающая находка, она почти возмещала потерю Старого Шлепа. Я уже давно мечтал поймать одного из водяных ужей, но они были такие искусные и быстрые пловцы, что мне никак не удавалось до них добраться. И вот теперь собаки нашли эту отличную пару, гревшуюся на солнышке, — прямо, что называется, взяли с поличным.

Выполнив свой долг, собаки оставили меня с ужами, а сами отошли на безопасное расстояние (так как не доверяли рептилиям) и стали с интересом наблюдать за мной. Я не спеша крутил сачок для бабочек, пока не снял с него ручку. Теперь у меня была палка для ловли, но задача заключалась в том, как одной палкой поймать двух ужей. Пока я раздумывал над этим, один уж решил все за меня: он потихоньку развернулся и незаметно скользнул в воду. Думая, что он для меня потерян, я сердито следил, как его извивавшееся тело сливается с отражением в воде, потом, к своей радости, увидел, что со дна медленно поднялся столб грязи и цветком расплылся на поверхности. Это означало, что рептилия зарылась на дне и будет оставаться там до тех пор, пока не

подумает, что я ушел. Я переключил внимание на другого ужа, прижав его палкой к сочной траве. Он скрутился в сложный узел, с шипением раскрыл свою розовую пасть. Двумя пальцами я крепко схватил его за шею, и он, обмякнув, повис в воздухе. Я погладил его красивый беловатый живот и бурую спинку, где чешуя была приподнята, как на еловой шишке, осторожно опустил в корзинку и приготовился ловить другого ужа. Отойдя чуть в сторону, я ручкой сачка стал измерять глубину канала. Там оказалось на два фута воды и под нею еще трехфутовый слой мягкой, трясущейся грязи. Поскольку вода была темная и уж скрывался на дне, я решил, что проще всего нащупать его ногой (так я разыскивал обычно сердцевидок), а потом быстро схватить руками.

Сбросив сандалии, я спустился в теплую воду, чувствуя, как жидкая грязь продавливается у меня сквозь пальцы и нежно, будто пеплом, обволакивает ноги. Два больших черных облака распустились вокруг моих бедер и поплыли через канал. Я направился к тому месту, где скрывалась моя добыча, и стал медленно и осторожно водить ногой в поднимавшихся со дна вихрях грязи. Нащупав наконец скользкое тело, я постарался схватить ужа, запустив в воду руки по локоть. В руках у меня оказалась только илистая грязь, которая просачивалась сквозь пальцы и медленно уплывала по воде клубящимися облаками. Я стоял и проклинал свою задачу, как вдруг, всего в ярде от меня, уж вынырнул на поверхность и поплыл по каналу. С торжествующим криком я навалился на него всем своим телом.

Был один досадный момент, когда я окунулся в темную воду и грязь забила мне глаза, уши и рот, однако я чувствовал, как тело ужа отчаянно бьется в моей крепко стиснутой руке, и ликовал от радости. Еле переводя дух и отплеываясь, весь покрытый тиной, я сел посреди канала и крепко ухватил ужа за шею, пока он не успел опомниться и укусить меня. Потом я еще очень долго плевался, стараясь избавиться от мелкого песка и грязи, залепивших мне весь рот

и зубы. Когда я наконец поднялся и повернул к берегу, я с удивлением увидел, что моя аудитория расширилась. Теперь рядом с собаками сидел человек. Удобно устроившись, он с веселым интересом наблюдал за моими действиями.

Это был невысокий, коренастый человек со смуглым лицом и густой копной волос табачного цвета. В его больших ярко-синих глазах светился живой, веселый огонек, от уголков глаз лучами разбегались легкие морщинки, а широкие губы под коротким орлиным носом придавали лицу насмешливое выражение. На нем была голубая рубашка, выцветшая и выгоревшая, словно незабудка под жарким солнцем, и старые брюки из серой фланели. Этого человека я видел впервые. Наверно, это был какой-нибудь рыбак из дальней деревни. Он с серьезным видом следил, как я вылезая на берег, потом улыбнулся.

— Доброго здоровья, — произнес он мягким низким голосом. Я вежливо ответил на его приветствие и занялся ужом, стараясь как можно осторожней опускать его в корзинку, чтобы оттуда не выскочил первый. Я ожидал, что он прочтет мне лекцию о ядовитости безобидных водяных ужей и об опасности, какой я себя подвергаю, но, к моему удивлению, он ничего этого не сказал и с интересом продолжал следить, как я запихиваю извивающегося ужа в корзинку. Управившись с ужом, я вымыл руки и достал виноград, украденный на участке Таки. Одну кисть я взял себе, другую предложил своему новому знакомому, и мы оба с удовольствием принялись уничтожать вкусные ягоды, шумно высасывая из них сочную мякоть. Когда кожица с последней виноградины шлепнулась в воду, человек вынул табак и начал скручивать папироску короткими загорелыми пальцами.

— Ты иностранец? — спросил он, с наслаждением затягиваясь. Я сказал, что я англичанин и что мы живем в доме на холме, потом стал ждать неизбежных вопросов о количестве, поле и возрасте всех моих родных, их занятиях и стремлениях и последующего выяснения, почему мы живем

на Корфу. Такие вопросы обычно задавали все крестьяне, но делали они это без всякой задней мысли, просто из дружеского любопытства. В свои собственные дела они посвящали вас с большой откровенностью и простотой и были бы обижены, если бы вы поступили иначе. Однако, к моему удивлению, этого человека, видимо, вполне удовлетворил мой ответ, он больше не задавал никаких вопросов, а просто сидел и пускал в небо тонкие струйки дыма и задумчиво глядел перед собой своими синими глазами. Я сидел рядом с ним и выцарапывал ногтем на своем бедре, по корке засохшего ила, красивый рисунок, а потом решил, что пора уже идти к морю, чтобы вымыться перед возвращением домой и почистить одежду. Я поднялся на ноги, закинул за спину сумку и сачок. Собаки тоже поднялись, встряхивались и зевали. Стараясь быть вежливым, я спросил человека, куда он собирается идти. В конце концов деревенский этикет требует, чтобы вы задавали вопросы. Это ведь свидетельствует о вашем внимании к людям. А я до сих пор не задал ему ни одного вопроса.

— Я иду к морю, — сказал он, размахивая сигаркой. — К своей лодке... А ты куда идешь?

Я ответил, что тоже иду к морю; во-первых, искупаться, во-вторых, поесть сердцевидок.

— Я пойду с тобой, — сказал он, разминая ноги. — У меня в лодке целая корзина сердцевидок. Если хочешь, возьми, сколько тебе надо.

Мы молча шагали через поля, а когда вышли к песчаному берегу, он показал немного в сторону, где уютно пристроилась повернутая боком гребная лодка с волнистой оборочкой легкой ряби у кормы. Пока мы шли к лодке, я спросил, рыбак ли он, и если рыбак, то откуда.

— Я вот отсюда... с этих холмов,-ответил он.-По крайней мере дом мой здесь, но сейчас я на Видо.

Его ответ удивил меня, потому что Видо был небольшой островок, расположенный против города Корфу, и, насколько мне известно, жили там одни арестанты и стража, так как

остров был местной тюрьмой. Я ему сказал об этом.

— Верно, — согласился он, наклонившись, чтобы потрепать Роджера. — Это верно. Я и есть арестант.

Я подумал, что он шутит, и внимательно посмотрел на него, но лицо его было совершенно серьезно. Очевидно, его только что выпустили, предположил я.

— Нет, нет. К сожалению, нет, — улыбнулся он. — Мне еще два года отсиживать. Но, понимаешь, я хороший заключенный. Надежный и спокойный. Всем, кому они доверяют, разрешается построить лодку и ездить домой на выходные дни, если это не очень далеко. В понедельник утром я должен быть там как часы.

Когда тебе что-нибудь объяснят, все, конечно, становится просто. Мне даже в голову не пришло, что это какой-то странный порядок. Я знал, что из английской тюрьмы людей на выходные дни домой не отпускают, но тут ведь был Корфу, а на Корфу может происходить все что угодно. Мне захотелось узнать, какое он совершил преступление, и я уже стал подбирать в уме вопрос потактичнее, но в это время мы подошли к лодке, и то, что я увидел внутри нее, вышибло у меня из головы все остальные мысли. На корме, привязанная за желтую ногу, сидела огромная морская чайка и глядела на меня насмешливыми желтыми глазами. Я с волнением бросился вперед и протянул руку к ее широкой темной спине.

— Смотри... осторожнее! Эта особа задиристая, — поспешил предупредить меня хозяин лодки.

Однако я уже успел положить руку на спину птицы и осторожно гладил пальцами ее шелковистые перья. Чайка пригнулась, слегка раскрыла клюв, зрачки ее глаз сузились от удивления, но она была так ошеломлена моей дерзостью, что ничего не предпринимала.

— Спиридион!-воскликнул мой новый знакомый.-Должно быть, ты ей понравился. Она еще никому не позволяла трогать себя безнаказанно. Обязательно клюнет.

Я погрузил пальцы в волнистые белые перья на шее

птицы и слегка почесал ей голову. Чайка наклонилась вперед, ее желтые глаза затуманились. Я спросил у этого человека, как ему удалось поймать такую замечательную птицу.

— Весной я ездил на лодке в Албанию за зайцами и нашел ее в гнезде. Она была тогда совсем маленькая и пушистая, как ягненок. А теперь она прямо как большая утка, — сказал он и задумчиво поглядел на чайку. — Жирная утка, гадкая утка, кусачая утка. Так ведь?

Услышав все эти эпитеты, чайка открыла один глаз и издала короткий, резкий крик, который мог означать и отрицание и согласие. Человек пригнулся и вынул из-под сиденья большую корзину. Она была доверху наполнена большими круглыми раковинами сердцевидок, которые мелодично позвякивали, стучаясь друг об друга. Мы уселись в лодку и принялись уничтожать моллюсков. Я не сводил глаз с птицы, очарованный ее белоснежной грудкой и головой, ее длинным, загнутым клювом, свирепыми глазами цвета желтых весенних крокусов, широкой спиной и сильными крыльями, черными как сажа. В моих глазах она была просто неотразима, от самого кончика клюва до больших перепончатых лап. Проглотив последнюю сердцевидку, я спросил человека, сможет ли он в следующую весну раздобыть мне птенца чайки. — Тебе нужна чайка? — удивился он. — Они тебе нравятся? Это была явная недооценка моих чувств. За такую чайку я мог бы отдать душу.

— Ну бери ее, если она тебе нужна, — беззаботно сказал человек, ткнув в птицу большим пальцем.

Я просто не верил своим ушам. Иметь такую замечательную птицу и так легкомысленно отдать ее другому — это же настоящее безумие.

А ему разве не нужна птица, спросил я. — Да, я люблю ее, — ответил он, — но она съедает больше, чем я могу поймать, и она такая злока, что клюет всех без разбору. Ее никто не любит — ни заключенные, ни охрана. Я пытался выпустить ее, только она не хочет уходить, все время

возвращается обратно. В один из выходных дней я собирался отвезти ее в Албанию и оставить там. Так что, если она тебе действительно нужна, можешь ее взять.

Действительно нужна? Да мне, можно сказать, предложили ангела небесного. Правда, несколько злого ангела, зато какие у него замечательные крылья! Я был так взволнован, что ни разу даже не подумал, как у нас дома встретят эту птицу размером с гуся и с острым, как бритва, клювом. Опасаясь, как бы человек не передумал, я поспешил сбросить одежду, кое-как выбил из нее засохшую грязь и быстренько искупался на мелком месте. Одевшись снова, я свистнул собакам и приготовился нести свой трофей домой. Человек передал мне отвязанную чайку. Зажав ее под мышкой и удивляясь, что такая огромная птица может быть легкой как перышко, я стал горячо благодарить человека за его замечательный подарок.

— Птица знает свое имя, — заметил он, схватив чайку за клюв, и слегка потрепал ее. — Я зову ее Алеко. Если покричишь ему, он прилетит.

Услышав свое имя, Алеко заволновался, заболтал ногами, вопросительно обратился ко мне свои желтые глаза.

— Ему нужна рыба, — сказал человек. — Я собираюсь выйти завтра на лодке, около восьми утра. Если хочешь, поедем со мной. Мы сумеем наловить для него порядочно.

Я сказал, что это будет замечательно, Алеко тоже выразил криком свое согласие. Человек наклонился к носу лодки, чтобы столкнуть ее на воду, и тут я кое о чем вспомнил. Стараясь держаться как можно естественнее, я спросил, как его зовут и за что его посадили в тюрьму.

С очаровательной улыбкой он посмотрел на меня через плечо и сказал:

— Меня зовут Кости. Кости Панопулос. Я убил свою жену. Зашуршав по песку, лодка соскользнула в воду. У кормы, словно озорные щенята, заплескались, запрыгали мелкие волночки. Кости залез в лодку и взялся за весла. — Доброго здоровья, — крикнул он. — До завтра. Весла

ритмично заскрипели, и лодка стала быстро скользить по прозрачной воде. Стиснув подмышкой свой драгоценный подарок, я поплелся по песку к шахматным полям.

Путь домой оказался довольно долгим. Должно быть, я неверно оценил вес Алеко и теперь изнемогал под непомерным грузом. С каждым шагом птица становилась все тяжелее, пришлось снова засунуть ее под мышку, на что она ответила громким протестующим криком. На половине пути я увидел подходящее для нас дерево со спелым инжиром, в тени которого можно было отдохнуть и подзакусить. Пока я валялся в высокой траве и уплетал инжир, Алеко сидел рядом совершенно неподвижно, как деревянный истукан, и немигающим взглядом следил за собаками. Единственным признаком жизни были его зрачки, которые то расширялись, то сжимались от возбуждения, стоило только какой-нибудь собаке пошевелиться.

Немного отдохнув и подкрепившись, я намекнул своей братии, что нам предстоит преодолеть последний этап пути. Собаки сразу послушно поднялись, но Алеко так взъерошил свои перья, что они зашуршали, будто опавшая листва, и весь затрясся при одной только мысли об этом. Очевидно, ему не нравилось, что я таскаю его под мышкой, точно старый мешок, и мну ему перья. Теперь же, когда он убедил меня посадить его в этом прекрасном месте, у него больше не было желания продолжать такое скучное, такое ненужное, на его взгляд, путешествие. Когда я хотел взять его на руки, он щелкнул клювом, издал громкий, пронзительный вопль, а его взметнувшиеся над спиной крылья приняли в точности такое положение, как у надгробных ангелов. Желтые глаза его сверлили меня упорным взглядом. Зачем, говорил этот взгляд, покидать такое место? Здесь столько тени, мягкая травка, вода поблизости. Какой смысл уходить отсюда и шататься бог весть где да еще в таком неудобном и неприличном положении? Я умастил его некоторое время и, когда он вроде бы успокоился, опять попробовал взять его на руки.

На сей раз Алеко показал мне недвусмысленно, что не

желает уходить отсюда. Не успел я опомниться, как он выбросил вперед голову и сильно долбанул клювом по протянутой руке. Будто кто тюкнул меня ледорубом. Мне было ужасно больно, из глубокой раны хлестала кровь. А у Алеко был такой наглый, самодовольный вид, что я потерял всякое терпение. Схватив сачок для бабочек, я ловко сбил птицу с ног и закрутил в складках сачка. Прежде чем Алеко успел опомниться от потрясения, я прыгнул на него, ухватился за клюв рукой, обернул его несколько раз носовым платком и крепко завязал веревочкой. Потом снял рубашку и прикрутил ему крылья к телу, чтоб он ими не хлопал. Алеко лежал, точно связанная для продажи курица, сверлил меня глазами, кричал заглушенным голосом от ярости. Я молча собрал снаряжение, схватил Алеко под мышку и зашагал домой. Получив такую птицу, я не собирался терять ее теперь из-за всяких глупостей, не дойдя даже до дому. Всю дорогу Алеко ни на минуту не прекращал своих безумных заглушенных платком криков, так что к концу пути я уже порядком на него разозлился.

Протиснувшись в гостиную, я опустил Алеко на пол и под его непрерывный хриплый аккомпанемент принялся разматывать рубашку. На шум из кухни прибежали мама и Марго. Алеко стоял посреди комнаты со все еще завязанным клювом и неистово орал. — Что это такое? — спросила мама, стараясь отдышаться. — Какая огромная птица! — воскликнула Марго. — Это что, орел?

Меня всегда раздражал недостаток орнитологических знаний у моих родных. Еле сдерживаясь, я разъяснил им, что это не орел, а чайка — чайка морская, потом рассказал, как я ее приобрел.

— Но подумай, милый, чем же мы ее будем кормить? — спросила мама. — Они что, питаются рыбой?

Алеко, сказал я, не теряя оптимизма, может есть все что угодно. Мне хотелось снять платок с его клюва, но он не давался, думая, верно, что я собираюсь его вздуть, и сердито заорал сквозь платок. Этот новый взрыв ярости заставил

Ларри и Лесли выскочить из своих комнат.

— Кто это тут, черт побери, завел волынку? — спросил Ларри, врываясь в гостиную.

Алеко на миг остановился, окинул вновь прибывшего холодным взглядом и, сделав о нем свое заключение, громко и презрительно крикнул.

— Господи! — сказал Ларри и поспешно отступил назад, наткнувшись на Лесли. — Что это за штука?

— Джерри принес новую птицу, — сказала Марго. — Правда, свирепая?

— Эта чайка, — сказал Лесли, выглядывая из-за ларриного плеча. — Во сильна!

— Ерунда, — сказал Ларри. — Это альбатрос.

— Нет, чайка.

— Что за глупости! Разве чайки бывают таких размеров? Говорю вам, это очень большой альбатрос.

Алеко сделал несколько шагов в сторону Ларри и опять крикнул на него.

— Позови его к себе, — скомандовал мне Ларри. — Не спускай с этого черта глаз, не то он нападет на меня. — Стой спокойно, он тебя не тронет, — посоветовал Лесли. — Хорошо тебе говорить, когда ты стоишь сзади. Сейчас же поймай эту птицу, Джерри, пока она меня не искалечила. — Не кричи так, милый. Ты ее пугаешь. Мне удалось незаметно подползти и схватить Алеко сзади, потом под его оглушительные протесты снять ему с клюва платок. Когда я снова отпустил его, он весь затрясся от возмущения и два или три раза щелкнул клювом, прямо как хлыстом.

— Вы только послушайте! — воскликнул Ларри. — Зубами скрежещет!

— У них нет зубов, — сказал Лесли.

— Ну ладно, скрежещет еще чем-то. Надеюсь, мама, ты не позволишь держать его в доме? Сразу видно, что это опасный зверь, посмотрите только на его глаза. К тому же он приносит несчастье.

— Откуда ты это взял? — спросила мама, зная толк

в приметах.

— Это всем известно. Если держать в доме даже одного перья, то и тогда все поумирают от чумы или сойдут с ума или что-то такое с ними случится.

— Так это же относится к павлинам, милый. — Нет, к альбатросам. Все это знают. — Нет, милый, несчастье приносят павлины. — Ну, как бы там ни было, а держать эту птицу в доме нельзя. Это же чистое безумие. Нам всем придется спать с арбалетом под подушкой.

— Право же, Ларри, ты все очень усложняешь, — сказала мама. — Мне кажется, что она совсем ручная.

— Вы дождетесь, что в одно прекрасное утро все проснутся с выклеванными глазами.

— Какую чепуху ты городишь, милый. Птица выглядит совсем безобидной.

В этот момент Додо, которой всегда требовалось некоторое время, чтобы угнаться за быстро проходящими событиями, впервые заметила Алеко. Тяжело отдуваясь и выпучив глаза от любопытства, она приковывалась к нему и начала обнюхивать. Клюв Алеко мелькнул у самой головы Додо, и, если бы она в этот миг не обернулась на мой отчаянный вопль, ее нос был бы начисто срезан, а так скользкий удар пришелся лишь по боковой части головы. Додо до того удивилась, что нога ее сразу выскочила из сустава. Запрокинув голову, она пронзительно завизжала. Алеко, как видно, решил, что его приглашают потягаться голосами. Он старался перекричать Додо и хлопал крыльями с такой силой, что погасил одну из ламп.

— Ну вот, — ликовал Ларри. — Что я вам говорил? Не успел пробыть в доме и пяти минут, как убил собаку.

Марго и мама успокаивали Додо, вправляя ей ногу, а Алеко с интересом наблюдал за этой процедурой. Он громко щелкал клювом, как бы удивляясь хрупкости собачьего племени, потом щедро разукрасил пол и с важностью помахал хвостом, будто сделал что-нибудь умное.

— Как мило! — сказал Ларри. — Теперь мы еще

должны ходить по дому чуть ли не по пояс в гуано.

— Не лучше ли вынести его на улицу, милый? — посоветовала мама. — Где ты его собираешься держать?

Я сказал, что хочу разгородить клетку Сорок и держать Алеко там. Маме это понравилось. А пока я привязал его на веранде, извещая всех по очереди о его временном местопребывании.

— Ну вот что, — сказал Ларри, когда мы сели обедать, — если на дом обрушится циклон, прошу меня не винить. Я вас предупредил. Большого я сделать не в силах. — Почему циклон, милый?

— Альбатросы всегда приносят с собой плохую погоду. — Первый раз слышу, чтобы циклон называли плохой погодой, — заметил Лесли.

— Но ведь несчастье приносят павлины, милый. Я все время тебе об этом толкую, — жалобно сказала мама. — Я это хорошо знаю, потому что у одной моей тетки в доме были павлиньи перья, и у них умерла кухарка.

— Дорогая мама, всему миру известно, что альбатрос предвещает несчастье. Даже закаленные морские волки бледнеют и теряют сознание при виде альбатроса. Поверьте, что в одну прекрасную ночь у нас в трубе засияют огни святого Эльма. Не успеем мы опомниться, как огромная приливная волна потопит нас прямо в постелях.

— Ты говорил, что это будет циклон, — напомнила Марго. — Циклон и приливная волна, — сказал Ларри. — И, может быть, еще землетрясение, а также извержение двух-трех вулканов. Держать эту птицу — значит искушать Провидение. — Где ты ее все-таки раздобыл? — спросил меня Лесли. Я рассказал о своей встрече с Кости (ни словом не помянув морских змей, так как Лесли змей ненавидел) и о том, как он отдал мне птицу.

— Ни один человек в здравом уме, — сказал Ларри, — не стал бы делать таких подарков. Интересно, кто же это был? — Арестант, — ответил я, не задумываясь. — Арестант? — дрожащим голосом спросила мама. — Что ты

этим хочешь сказать?

Я объяснил, что Кости разрешают приезжать домой на выходные дни, так как на острове Видо ему доверяют, и добавил, что завтра утром я собираюсь ехать с ним на рыбную ловлю.

— Не знаю, стоит ли это делать, милый, — неуверенно сказала мама. — Мне не хочется, чтобы ты ездил с заключенными. Мы же не знаем, что он сделал.

Я заявил с горячностью, что очень хорошо это знаю. Он убил свою жену.

— Убийца? — произнесла ошеломленная мама. — Но как же он расхаживает тут на свободе? Почему его не повесили?

— Смертная казнь здесь существует только для бандитов, — объяснил Лесли. — Вы можете получить три года за убийство и пять лет, если будете глушить рыбу динамитом.

— Просто смешно, — возмутилась мама. — Я еще не слыхала ничего подобного.

— Мне кажется, это свидетельствует о тонком восприятии важности сущего, — заметил Ларри. — Мальки важнее женщин.

— Как бы там ни было, я не отпущу тебя с убийцей, — сказала мама. — Он может перерезать тебе горло или сделать еще что-нибудь.

Целый час мне пришлось спорить и упрашивать маму. Наконец она согласилась отпустить меня с Кости при условии, что сначала Лесли пойдет взглянуть на него. Таким образом, на следующее утро я все же отправился с Кости в море, а когда мы возвратились, наловив Алеко рыбы на дня два, я пригласил своего нового знакомого к нам в дом, чтобы мама могла составить о нем собственное мнение.

Обычно при большом умственном напряжении маме удавалось припомнить два-три греческих слова. Такой скудный словарный запас и в лучшие времена лишал ее возможности вести вольные беседы, а теперь, когда ей

предстояло пройти через тяжкое испытание и поговорить с убийцей, все греческие слова, какие она знала, вылетели у нее из головы в одну минуту. Так что, пока мы сидели на веранде, она могла только беспомощно улыбаться, в то время как Кости в своей выцветшей рубашке и потертых штанах пил пиво, а я переводил его разговор.

— Он кажется таким славным, — сказала мама, когда Кости ушел. — И ничуть не похож на убийцу.

— А как, по-твоему, выглядит убийца? — спросил Ларри. — Ты что думаешь, он с заячьей губой или косолапый и держит в руках бутылку с ядом?

— Не говори глупостей, милый. Конечно, я так не думаю. Но мне казалось, что он должен выглядеть... как бы это сказать, более кровожадным.

— Не надо судить о человеке по внешности, — заметил Ларри. — Значение имеют только поступки. Я мог бы сразу определить, что это убийца.

— Каким образом, милый? — заинтересовалась мама. — Очень просто, — со вздохом ответил Ларри. — Только убийце могла прийти в голову мысль отдать Джерри этого альбатроса.

18. Представление со зверями

Весь дом был охвачен кипучей деятельностью. У кухонной двери без конца толпились деревенские жители с корзинками снеди и связками клохчущих кур. Два, а то и три раза в день к дому подъезжал Спиро на своем автомобиле, доверху набитом ящиками вина, стульями, легкими разборными столами и другими предметами. Охваченные волнением Сороки носились из конца в конец по клетке, просовывали головы сквозь прутья и громкими хриплыми голосами комментировали события. На полу в столовой в окружении больших листов оберточной бумаги лежала Марго и рисовала на них мелкими крупными, яркие фрески; в гостиной Лесли, окруженный горой мебели, математическим

способом пытался определить, сколько столов и стульев может вместить дом, оставаясь пригодным для жилья; на кухне мама (с двумя помогавшими ей крикливыми девушками) двигалась в атмосфере, какая бывает внутри вулкана, окутанная клубами пара, искрами огня, тихим кипением и пыхтением кастрюлек; мы с собаками слонялись из комнаты в комнату, помогали, где могли, давали советы и вообще старались быть полезными, наверху, у себя в спальне, безмятежно спал Ларри. Семья готовилась к большому приему гостей.

Как всегда, устроить этот вечер мы решили совсем неожиданно и без всякой на то причины, просто нам так захотелось. Преисполненные любовью к ближнему, мы решили пригласить всех, о ком только могли вспомнить, даже тех, кого терпеть не могли. Все с жаром принялись за подготовку. Поскольку было начало сентября, вечер решили назвать рождественским, а чтобы вся затея не оказалась слишком мимолетной, гостей мы пригласили к ленчу, к чаю и к обеду. Это означало, что еды надо было наготовить целые горы, поэтому мама (вооруженная кипой замусоленных кулинарных книг) скрылась на кухне и оставалась там много часов подряд. Когда она наконец вышла оттуда в запотевших очках, с нею было почти невозможно говорить о чем-нибудь, не имевшем отношения к еде.

Как и обычно в тех редких случаях, когда все в семье были единодушны в своем желании принимать гостей, за подготовку взялись задолго до срока и с таким рвением, что ко дню праздника все уже падали от усталости и становились злые, как черти. Нет нужды объяснять, что наши вечера никогда не проходили так, как были задуманы. Сколько бы мы ни старались, всегда в последнюю минуту какое-нибудь непредвиденное событие переводило все на другие рельсы и наш тщательно разработанный проект шел под откос. За много лет мы к этому уже привыкли — себе во спасение, иначе наш рождественский вечер с самого начала был бы обречен на провал, так как им почти полностью

завладели звери. А ведь все началось с безобидных золотых рыбок.

В то время мне удалось поймать (с помощью Кости) черепаху, которую я называл Старым Шлепом. Получив такое роскошное добавление к своему зверинцу, я задумал чем-нибудь отметить это событие. Лучше всего, решил я, преобразовать черепаший пруд, который был сделан просто из старого корыта. На мой взгляд, это было слишком низменное обиталище для такой персоны, как Старый Шлеп. Я раздобыл большой прямоугольный резервуар из камня (когда-то в нем хранили масло) и художественно оформил его камнями, водяными растениями, песком, галькой. В готовом виде все это выглядело как в естественной обстановке и, кажется, пришлось по вкусу черепахам и водяным ужам. Однако я сам был не совсем доволен. В общем вся эта штука была, конечно, замечательная, но чего-то в ней не хватало. Хорошенько пораскинув мозгами, я решил, что вполне законченный вид ему придадут золотые рыбки. Вопрос заключался лишь в том, где их взять.

Самым близким местом, где можно купить подобные вещи, были, наверно, Афины, но поездка туда — дело сложное, да и долгое, мне же хотелось, чтобы пруд был готов ко дню нашего праздника. В доме все слишком заняты, никто не станет терять время на золотых рыбок, поэтому я отправился со своей проблемой к Спиру. Когда я красочно и подробно описал ему, как выглядят золотые рыбки, Спиро ответил, что затея моя невыполнима. На Корфу ему такие рыбки никогда не попадались. Но все-таки, сказал он, над этим надо подумать. Потянулись долгие дни ожидания, и я уже решил, что Спиро забыл обо всем, но вот, за день до торжества, он отозвал меня в сторонку, удостоверившись сначала, что нас никто не подслушивает.

— Мастер Джерри, — загремел он хриплым шепотом. — Наверное, я смогу достать тебе этих золотых рыбок. Только не говори никому. Поедешь со мной в город сегодня вечером, когда я повезу твою маму делать прическу.

Захвати какую-нибудь посудину.

Меня эта новость очень взволновала. Заговорщицкий вид Спиро придавал всей истории добывания золотых рыбок волнующий налет опасности и тайны, и я бросился искать нужную банку. В тот вечер Спиро запаздывал. Мы с мамой довольно долго сидели на веранде, прежде чем услышали шум и гудки его автомобиля, с визгом подкатившего к дому.

— Честное слово, миссис Даррелл, так получилось, — извинялся он перед мамой за опоздание, подсаживая ее в автомобиль. — Ничего, Спиро. Мы просто боялись, что вы потерпели аварию.

— Аварию? — презрительно сказал Спиро. — У меня никогда не бывает аварий.

Уже почти смеркалось, когда мы высадили маму у парикмахерской, и Спиро повез меня на другой конец города. Остановившись у высоких чугунных ворот, он выскочил из машины, с опаской оглянулся, подошел к воротам и свистнул. Через некоторое время из-за кустов показался старик с бакенбардами. Спиро посоветовался с ним о чем-то шепотом и вернулся к автомобилю.

— Давай банку, мастер Джерри, — прогрохотал он, — и жди меня тут. Я скоро вернусь.

Человек с бакенбардами впустил Спиро в ворота, и они оба скрылись за кустами. Вернулся Спиро через полчаса. В башмаках у него хлюпала вода, брюки внизу промокли насквозь, а к мощной груди его была прижата банка.

— Держи, мастер Джерри, — сказал он, всовывая мне в руки банку. — Там внутри плавают пять штук жирных блестящих рыбок.

Невероятно обрадовавшись, я принялся на все лады благодарить Спиро.

— Ну, все в порядке, — сказал он, включая мотор. — Только никому ни звука, понял? Я спросил, кто ему дал рыбок и чей это сад. — Какая тебе разница? — нахмурил брови Спиро. — Лучше смотри, чтобы об этом никто не узнал, ни одна душа.

Только через месяц или два во время прогулки с Теодором мне вновь случилось пройти мимо тех самых чугунных ворот, и я спросил, кто здесь живет. Теодор объяснил, что это дворец, где останавливается греческий король (или члены королевской семьи), когда приезжает на остров. Моему восхищению Спиро не было границ: прорваться во дворец и выкрасть из королевского пруда золотых рыбок — это ли не выдающийся подвиг? Да и цена самих золотых рыбок, беспечно снующих среди черепах, с тех пор для меня намного возросла, придавая им дополнительный блеск.

События в тот день стали разворачиваться с самого утра. После завтрака я помчался взглянуть на золотых рыбок и, к своему ужасу, увидел, что от двух рыбок уже почти ничего не осталось. Накануне вечером в своей безмерной радости от нового приобретения я совсем забыл, что и черепахи и водяные ужи не прочь иногда полакомиться такой вот пухлой рыбкой. Пришлось отсадить рептилий в банки из-под керосина до той поры, когда я придумаю что-нибудь получше. Пока я чистил и кормил Сорок и Алеко и все еще размышлял о невозможности совместного житья рептилий и рыб, подошел час ленча. Первые гости могли нагрязнуть в любую минуту. Я угрюмо ходил вокруг своего благоустроенного пруда и вдруг увидел, что кто-то выставил банку с водяными ужами на самое солнце. Вялые и перегревшиеся ужи лежали на поверхности воды. В первую минуту я даже подумал, что они сдохли. Только немедленная помощь могла их спасти. Схватив ужей, я бросился в дом. Мама была на кухне, измученная и рассеянная, она старалась делить свое внимание между стряпней и вновь одолевавшими Додо кавалерами.

Я объяснил, что случилось с ужами и что спасти их может только продолжительное пребывание в прохладной воде. Могу я поместить их в ванну примерно на час?

— Да, милый. Я думаю, это поможет. Проверь, чтоб там никого не было, а потом не забудь продезинфицировать

ванну.

Я наполнил ванну чудесной прохладной водой и бережно опустил туда ужей. Через несколько минут они начали проявлять несомненные признаки жизни. Обрадовавшись, я оставил их отмокать в воде, а сам побежал наверх переодеться. На обратном пути я заглянул на веранду, чтобы оценить стол, накрытый под сенью виноградных листьев. В самом центре стола на очень красивой вазе с цветами сидели Сороки. Похолодев от ужаса, я стал осматривать стол. Ножи и вилки валялись где попало, сливочное масло было размазано по тарелкам и масляные отпечатки птичьих лапок разбегались по всей скатерти. Перец и соль довольно эффектно украшали измазанные осколки разбитой соусницы с острой приправой. И в довершение всего несравненные Сороки опрокинули на стол кувшин с водой.

В поведении преступниц было явно что-то подозрительное, решил я. Вместо того, чтобы немедленно удрать отсюда, они сидели с блестящими, ясными глазами среди изломанных цветов, мерно раскачивались и обменивались благодушными замечаниями. Одна из них, с цветком в клюве, поглядела на меня с минуту восхищенным взглядом, затем неуверенными шагами прошла по столу и, не удержав на самом краю равновесия, грохнулась на пол. Другая Сорока весело хихикнула, засунула голову под крыло и мигом заснула. Меня поразило такое странное поведение птиц. Потом я заметил на полу разбитую бутылку пива и сразу все понял. У Сорок тут был собственный пир, и они хватили лишнего. Поймал я их без труда, хотя та, что была на столе, пыталась спрятаться под измазанной маслом салфеткой и притвориться, что ее там нет. Пока я стоял с Сороками в руках и раздумывал, можно ли сунуть их как-нибудь незаметно в клетку и потом сделать вид, что ты знать ничего не знаешь, на веранду вошла мама с соусником в руках. Пойманный, так сказать, с поличным, я уже не мог свалить все на неожиданный порыв ветра или на крыс или придумать еще какую-то причину разгрома. Вместе с Сороками мне

предстояло получить по заслугам.

— Право же, милый, — жалобным голосом сказала мама, — нужно было получше запирать дверцу клетки. Ты же знаешь, на что они способны. Ну ничего, это просто несчастный случай. И потом, что с них взять, раз они пьяные.

Как я и опасался, Алеко тоже не преминул воспользоваться случаем и удрал. Водворив пьяных Сорок в их половину клетки, я прочитал им хорошую нотацию. К тому времени опьянение их достигло буйной стадии, они с яростью кидались на мой башмак, а потом, не поделив шнурков, стали кидаться одна на другую. Я предоставил им полную возможность метаться по клетке и в пьяном бессилии долбить друг друга клювом, а сам пошел искать Алеко. Я обыскал весь дом и сад, но нигде его не обнаружил. Улетел, как видно, к морю освежиться, подумал я, радуясь, что хоть этот убрался от греха подальше.

Тем временем прибыли первые гости. Они собрались на веранде выпить по рюмке вина, и я направил туда свои стопы. Вскоре мы с Теодором уже увлеклись интересной беседой. Потом я вдруг с удивлением увидел, как из оливковых рощ с ружьем под мышкой вышел Лесли. Он тащил полную сетку бекасов и огромного зайца. Я просто забыл, что он ушел на охоту, надеясь набрести на ранних вальдшнепов.

— Ага! — восхитился Теодор, когда Лесли перемахнул через перила веранды и показал нам свои охотничьи трофеи.

Лесли пошел переодеться, а мы с Теодором снова углубились в беседу. Вошла мама с Додо и присела на барьер. Ее роль любезной хозяйки была несколько испорчена тем, что ей все время приходилось прерывать разговор и, скорчив свирепую гримасу, замахиваться тяжелой палкой на собак, собравшихся в садике. Временами приятели Додо затевали между собой шумную драку, тогда мы все мигом оборачивались и кричали «цыц,!»), отчего у наших наиболее нервных гостей расплескивалось вино. Всякий раз после такой заминки мама одаривала гостей приветливой улыбкой и старалась опять наладить беседу. Ей только что удалось

проделать это в третий раз, когда вдруг все разговоры мигом оборвались. Откуда-то изнутри дома до веранды донесся ужасный рев. Такой рев мог бы издавать минотавр, страдающий зубной болью. — Что же это такое с Лесли? — спросила мама. Ей не пришлось оставаться долго в неведении, так как Лесли появился на веранде, прикрытый только небольшим полотенцем.

— Джерри! — заорал он, и лицо его побагровело от ярости. — Где этот мальчишка?

— Тихо, тихо, милый, — успокаивала его мама. — Ну что там случилось?

— Змеи, — прорычал Лесли, широко разводя руки, чтобы показать невероятную длину змей, но тут же быстро схватился за сползающее полотенце. — Змеи, вот что случилось.

Любопытна была реакция гостей. Те, кто нас хорошо знал, следили за этой сценой с величайшим интересом, непосвященные же подумали, что Лесли немножко чокнутый, и не знали, как им поступить: не обращать ни на что внимания и продолжать разговор или же схватить Лесли, пока он еще ни на кого не бросился. — О чем ты говоришь, милый?

— Этот зараза мальчишка напихал в ванну до черта змей, — ответил Лесли, вполне проясняя ситуацию.

— Язык, милый, что за язык! — автоматически произнесла мама и рассеянно добавила: — Пойди надень что-нибудь на себя, а то ведь так ты можешь простудиться.

— Ужасно здоровенные твари, как пожарный шланг... Не понимаю, как они меня не укусили.

— Ну ничего, милый. Это я виновата. Я посоветовала Джерри посадить их туда, — оправдывалась мама и потом, чувствуя, что гостям надо дать какие-то разъяснения, добавила: — У них был солнечный удар, у бедняжек.

— Ну знаешь, мама! — воскликнул Ларри. — Мне кажется, это уж слишком.

— Ты бы помолчал, милый, — твердо сказал мама. —

Ведь это Лесли купался со змеями.

— Не понимаю, почему Ларри во все должен вмешиваться? — проворчала Марго.

— Вмешиваться? Я вовсе не вмешиваюсь. Но если мама вступает в сговор с Джерри и они набивают ванну змеями, я просто обязан выразить свое недовольство.

— Ах, да замолчите вы! — перебил Лесли. — Лучше скажите, когда он собирается убрать этих тварей?

— Мне кажется, вы слишком шумите по пустякам, — сказала Марго.

— Если со временем назреет необходимость совершать свои омовения в гнезде королевских кобр, я вынужден буду переселиться. — Смогу я выкупаться или нет? — прохрипел Лесли. — Почему ты сам их не вынешь?

— Только святой Франциск Ассизский смог бы почувствовать себя здесь как дома. — Ах, ради бога, не шумите!

— Я имею точно такое же право высказывать свои взгляды... — Мне нужна всего лишь ванна. Не так уж многого я требую...

— Тихо, тихо, милые, не ссорьтесь. Джерри, пойд и вытащи змей из ванны. Положи их на время в таз или еще куда-нибудь.

— Нет, нет! Их надо совсем убрать из дома, — волновался Ларри.

— Хорошо, милый. Ты только не кричи. В конце концов я принес из кухни кастрюлю и посадил туда водяных ужей. К моей радости, они совершенно оправились и дружно шипели, когда я вынимал их из ванны. На веранду я вернулся как раз вовремя, чтобы услышать, как Ларри изливается перед гостями.

— Поверьте мне, дом этот очень опасный. Малейший закоулок или трещина набиты тут ужасным зверьем, готовым в любую минуту прыгнуть на вас. Не понимаю, как только я не сделался калекой на всю жизнь. Здесь нельзя, например, зажечь сигарету. Казалось бы, такое простое, безобидное

действие, но оно чревато опасностью. Не принимается в расчет даже святость моей спальни. Сначала меня атаковала скорпиониха, мерзкая зверюга, которая рассеивала повсюду яд и своих младенцев. Потом мою комнату разнесли на куски сороки. Теперь вот у нас змеи в ванне, а вокруг дома носится огромная стая альбатросов, которые шумят, как испорченный водопровод.

— Ларри, милый, ты все сильно преувеличиваешь, — сказала мама, рассеянно улыбаясь гостям.

— Дорогая мама, я не только не преувеличиваю, но даже преуменьшаю. Вспомни, как Квазимодо задумал спать в моей комнате.

— В этом не было ничего ужасного, милый. — Ну, конечно, — с достоинством ответил Ларри. — Очень приятно, когда в половине четвертого утра тебя будит голубь, задравший хвост прямо над твоим глазом...

— Ну хорошо, мы достаточно поговорили о животных, — поспешно перебила его мама. — Я думаю, стол уже давно накрыт, не перейти ли нам туда?

— Во всяком случае, — сказал Ларри, когда все двинулись к столу, — сам мальчишка опасен... у него там завелись звери, на его чердаке.

Гостям указали их места, раздался грохот отодвигаемых стульев, потом все уселись за стол и начали улыбаться друг другу. Почти в тот же миг двое из гостей закричали не своим голосом и слетели со стульев.

— О господи, что же еще случилось? — с тревогой спросила мама.

— Наверно, опять скорпион, — ответил Ларри, вскакивая с места.

— Что-то меня укусило... укусило за ногу! — Вот видите! — закричал Ларри. — Что я вам говорил? Я не удивлюсь, если вы обнаружите под столом парочку медведей.

Единственный среди гостей, кого не охватил ужас от мысли, что у ног его притаилась опасность, был Теодор. Он спокойно нагнулся, поднял скатерть и заглянул под стол. —

Ага! — слышался его заглушенный голос. — Что там?

— спросила мама. Голова Теодора вынырнула из-под скатерти. — Кажется, какая-то... э... какая-то птица. Большая черно-белая птица.

— Это альбатрос! — оживился Ларри.

— Нет, нет, — поправил Теодор. — Я думаю, это какой-то вид чайки.

— Не двигайтесь... старайтесь сидеть спокойно, если вы не хотите, чтобы вам отхватили ногу до колена, — оповещал гостей Ларри.

Такие слова, разумеется, не способствовали сохранению спокойствия. Все гости разом повскакали с мест и отошли от стола. Алеко издал из-под скатерти протяжный, грозный крик. Был ли это страх упустить добычу или протест против шума, трудно сказать.

— Джерри, сейчас же поймай эту птицу, — командовал Ларри с безопасного расстояния.

— Правда, милый, — согласилась мама. — Посади ее лучше в клетку, ей нельзя здесь оставаться.

Я осторожно поднял край скатерти. Алеко расселся под столом, как барон, и глядел на меня желтыми злыми глазами, а когда я протянул к нему руку, поднял крылья и свирепо щелкнул клювом. Он был явно не расположен к шуткам. Я попробовал подвести к его клюву салфетку.

— Мой дорогой мальчик, тебе не нужна помощь? — спросил Кралевский.

Очевидно, репутация орнитолога обязывала его сделать какое-то предложение, но мой отказ от помощи его очень обрадовал. Я объяснил, что Алеко в плохом настроении, сразу его не поймаешь.

— Только поскорей, ради бога, суп ведь стынет, — сердито пробурчал Ларри. — Нельзя ли его чем-нибудь выманить? Что эти скоты едят?

Мне наконец удалось схватить Алеко за клюв, и, как он ни кричал, как ни хлопал крыльями, я вытащил его из-под стола, связал ему крылья и отнес в клетку. Когда я весь

запаренный и взъерошенный —возвращался на веранду, вслед мне неслись громкие оскорбления и угрозы Алеко.

Звенели бокалы, стучали ножи и вилки, пенилось вино. Одно кулинарное чудо сменялось другим, и, когда все гости выражали свое единодушное восхищение очередным блюдом, мама улыбалась с притворной скромностью. Разговор, конечно, вертелся вокруг животных.

— Помню, еще ребенком, — начал рассказывать Ларри, — меня отправили к одной из наших многочисленных теток, экстравагантных старух. Она питала страсть к пчелам и развела их видимо-невидимо. Сотни ульев гудели у нее в саду, как телеграфные столбы. И вот однажды, заперев нас для надежности в доме, она надела перчатки, закрыла лицо сеткой и отправилась к одному из ульев за медом. То ли она не окурила пчел как следует, то ли еще что-нибудь, но они вырвались из улья настоящим смерчем, едва только была откинута крышка, и облепили тетку со всех сторон. Мы наблюдали все это из окна, но, ничего не смысля в пчелах, думали, что так оно и положено. А потом увидели, как тетка мечется по саду, стараясь ускользнуть от пчел, и цепляется сеткой за кусты роз. Наконец она добежала до дома и бросилась к двери. Открыть дверь мы ей не могли, потому что она заперла нас на ключ. Мы старались втолковать ей это, однако ее отчаянные крики и гудение пчел заглушали наши голоса. Кажется, это Лесли пришла потом в голову блестящая мысль окатить ее водой из окна спальни. К сожалению, он так постарался, что вместе с водой вниз полетело и ведро. Холодный душ и удар по голове большим оцинкованным ведром уже само по себе было достаточным испытанием, а ей при этом приходилось отбиваться еще и от огромного роя пчел. Когда мы наконец смогли втянуть тетку в дом, она уже вся раздулась почти до неузнаваемости. Ларри печально вздохнул и помолчал некоторое время.

— БОГ ты мой, как это ужасно, — воскликнул Кралевский. — Они могли закусать ее до смерти.

— Да, могли, — согласился Ларри. — Во всяком случае,

это совершенно испортило мне каникулы. — Она поправилась? — спросил Кралевский. Мне было ясно, что он уже придумывает захватывающее приключение с разъяренными пчелами и со своей Леди.

— Да, поправилась, пролежала несколько недель в больнице, — беззаботно ответил Ларри. — Только это, кажется, не отвадило ее от пчел. В скором времени у нее в печной трубе обосновался целый пчелиный рой. Пытаясь выкурить его оттуда, она подожгла дом. Когда прибыла пожарная команда, от дома остался лишь обугленный остов, над которым кружились пчелы. — Ужасно, ужасно! — бормотал Кралевский. Теодор, старательно намазывающий маслом ломтик хлеба, хрюкнул от удовольствия.

— Кстати, о пожарах, — начал он, и в его глазах сверкнул задорный огонек. — Я вам не рассказывал о тех временах, когда на Корфу модернизировали пожарную команду? Начальник пожарной службы, кажется, побывал в Афинах, и там на него очень сильное... э... впечатление произвело новое пожарное оборудование. Он подумал, что пора уже на Корфу ликвидировать старую пожарную машину на конной тяге и приобрести новую... гм... красивую, блестящую, желательно красного цвета. Он позаботился также и о других усовершенствованиях и вернулся сюда, полный... гм... энтузиазма. В первую очередь он велел проделать отверстие в потолке пожарной каланчи, чтобы пожарники могли должным образом соскальзывать по столбу вниз. Но, торопясь поскорее все модернизировать, он, очевидно, упустил из виду столб, так что на первых порах двое пожарников сломали себе ноги.

— Ох, знаете, Теодор, я этому просто не верю. Вы все выдумываете.

— Нет, нет, уверяю вас, это чистейшая правда. Этих двух пожарников приводили ко мне в рентгеновский кабинет. Наверно, начальник ничего не сказал им о столбе, и они решили, что надо прыгать в отверстие. Но это было только начало. Вскоре они приобрели, заплатив за нее значительную

сумму, большую пожарную машину. Начальник настаивал на самой большой и самой лучшей. К сожалению, она оказалась такой большой, что в городе на ней можно было ездить только по одной дороге. Вы ведь знаете, какие там узкие улицы. Довольно часто можно увидеть, как машина несется на пожар в совершенно противоположном направлении. Выехав за город, где дороги немного пошире, она уже может добраться до места пожара. Но самым интересным, мне кажется, было дело с автоматическим пожарным сигналом. Это, знаете, такая штука, где надо разбить стекло, и внутри там есть нечто вроде... гм... телефона. Так вот, они очень долго обсуждали, куда его повесить. Начальник мне рассказывал, что это было очень трудно решить, так никто ведь не знает, где может начаться пожар. Во избежание недоразумений сигнал повесили на дверях пожарной каланчи.

Теодор остановился, потерял бороду и отпил глоток вина.

— Едва они закончили всю переделку, как вспыхнул первый пожар. Мне посчастливилось быть неподалеку, так что я видел все своими глазами. Загорелся гараж, и, пока его владелец бегал на пожарную станцию разбивать стекло, пламя разбушевалось вовсю. А тут началась перебранка, так как начальнику было досадно, что его пожарный сигнал разбили так скоро. Он сказал владельцу гаража, что надо было просто постучать в дверь. Сигнал-то совсем новенький, и теперь стекло на нем не скоро заменишь. Наконец на улицу выкатили пожарную машину, собрали пожарников. Начальник произнес перед ними короткую речь, призывая каждого исполнить свой... гм... долг. Потом они расселись по местам и немного поспорили о том, кому должна принадлежать честь звонить в колокол, но в конце концов начальник взял это на себя. Когда машина прибыла на место, вид у нее, должен заметить, был очень внушительный. Пожарники спрыгнули на землю, и работа закипела. Они размотали очень большой шланг, но тут произошла заминка. Никто не мог найти ключа, чтобы отпереть машину сзади,

куда полагалось вставить шланг. Начальник сказал, что он отдал его Яни, но Яни, кажется, сегодня выходной. После долгих споров кто-то побежал к Яни, жившему, к счастью, не очень далеко. Ожидая его возвращения, пожарники любовались пламенем, которое теперь разгорелось как следует. Вернулся посланный и сказал, что Яни нет дома, но, по словам жены, он ушел на пожар. Начали смотреть в толпе и вскоре отыскали его среди зевак, с ключом в кармане. Начальник очень рассердился и сказал, что это производит плохое впечатление. Открыли машину, вставили шланг, пустили воду, но к тому времени от гаража уже, конечно, ничего не осталось, тушить было нечего.

После еды гости отяжелели, им хотелось только спокойно отдыхать на веранде. Предложение Кралевского поиграть в крикет было встречено без всякого энтузиазма. Лишь немногих, самых неустойчивых, Спиро отвез к морю, где мы плескались в воде, пока не наступила пора идти пить чай — еще один из маминых гастрономических триумфов.

Беседа почти замерла. Слышалось лишь легкое позвякивание чашек да искренний вздох кого-нибудь из сытых по горло гостей, кому предлагали еще один кусок пирога. После чая все разбрелись по веранде, вели бессвязные, сонливые беседы, в то время как сквозь оливковые рощи постепенно наползали сумерки. На увитой виноградом веранде сгущались тени, и лица гостей становились неясными.

Среди деревьев показался вдруг автомобиль Спиро, уезжавшего куда-то по своим загадочным делам. Громкий рев рожка оповещал теперь всех и вся о его прибытии.

— И для чего это Спиро нарушает вечернюю тишину такими ужасными звуками? — обиженным голосом спросил Ларри.

— Вот именно, вот именно, — пробормотал полусонный Кралевский. — В это время суток надо слушать соловьев, а не автомобильные гудки.

— Помню, как я был удивлен, — раздался в полутьме

голос Теодора, — когда первый раз ехал со Спиро. Не припомню теперь точно, о чем мы тогда говорили, но только он вдруг сказал мне: «Знаете, доктор, когда я проезжаю через какую-нибудь деревню, там всегда пустынно». Я мысленно представил себе... гм... совершенно безлюдные деревни и горы трупов по краям дороги... Потом Спиро добавил: «Да, если я проезжаю через деревню, я всегда сигналию что есть мочи и пугаю всех до смерти».

Автомобиль подкатил к дому, свет фар на мгновение скользнул по веранде, высветив зеленое кружево виноградных листьев, группки болтавших и смеявшихся гостей, двух накрывавших на стол деревенских девчонок с алыми повязками на голове, шлепавших тихонько босыми ногами по каменным плиткам. Шум мотора смолк, и Спиро вывалился на дорожку, прижимая к груди огромный и, очевидно, тяжелый пакет в оберточной бумаге.

— О боже! Взгляните! — драматически воскликнул Ларри, указывая на Спиро дрожащим пальцем. — Издатели снова вернули мне рукопись. Спиро остановился, сдвинул брови.

— Нет, мастер Ларри, честное слово, нет, — объяснил он серьезно. — Тут три индюшки. Это моя жена зажарила для вашей мамы.

— А! Тогда еще есть надежда, — сказал Ларри с преувеличенным вздохом облегчения. — От потрясения я чуть не упал в обморок. Пойдемте все в дом, выпьем по рюмочке.

В комнатах горели лампы. Легкий ветерок чуть шевелил развешанные по стенам яркие фрески Марго. Зазвенели, заговорили рюмки. Пробки вылетали со звуком брошенного в колодец камня, вздыхали сифоны, будто утомленные поезда. Гости оживали. В глазах у них появился блеск, разговоры становились все громче.

Оглушенная шумом и потерявшая надежду привлечь к себе внимание мамы, Додо решила одна прогуляться по саду. Но не успела она приковылять к магнолии, как перед нею

очутилась целая свора страшных, оцетинившихся воинственных собак, имевших, очевидно, самые дурные намерения. Завизжав от страха, Додо задрала хвост и со всей возможной для ее коротких, жирных ног прытью бросилась искать защиты в доме. Страстные поклонники, однако, не собирались отступать без боя. Они торчали тут на жаре целую вечность, стараясь завести знакомство с Додо, и теперь не хотели упускать этого ниспосланного прямо небесами случая. Додо с визгом влетела в людную гостиную, и следом за нею вкатилась волна рычащих собак. Роджер, Вьюн и Пачкун, удалившиеся было подремать на кухню, стрелой примчались обратно и от возмущения застыли на месте. Уж если кому-то и предстояло обольстить Додо, то это должен быть один из них, а не какой-нибудь захудалый деревенский пес. И они с остервенением набросились на преследователей Додо. В один миг в комнате все перевернулось. По полу катился клубок грызущихся и рычащих собак, до смерти перепуганные гости пытались прыгнуть куда-нибудь повыше.

— Это же волки!.. — вопил Ларри, ловко вскакивая на стул. — Значит, нам придется тут зимовать.

— Спокойно, спокойно! — ревел Лесли, схватив подушку и швыряя ее в ближайших собак. В одну секунду пять зияющих пастей разодрали ее в клочья.

В воздух взметнулось огромное облако перьев и поплыло по комнате.

— Где Додо? — беспокоилась мама. — Разыщите Додо. Они ее искусают.

— Разнимите их! Разнимите! Они убьют друг друга! — закричала Марго и, схватив сифон с содовой водой, стала без разбору поливать и гостей и собак.

— При собачьих драках хорошо действует перец, — заметил Теодор, у которого вся борода была, как снегом, облеплена перьями. — Правда, сам я ни разу этого не пробовал. — Бог ты мой! — закричал Кралевский. — Спасайте женщин. Следуя своему призыву, он помог одной из женщин забраться на диван и сам вскочил вслед за нею.

— Вода тоже считается хорошим средством, — продолжал в задумчивости Теодор и, словно желая это проверить, с завидной меткостью выплеснул из своей рюмки вино в оказавшуюся рядом собаку.

Услышав слова Теодора, Спиро сходил на кухню и принес оттуда бачок воды.

— Берегись! — гаркнул он. — Я сейчас поставлю на место этих недоносков.

Гости бросились врассыпную, однако недостаточно быстро. Стеклянная, сверкающая масса воды пролетела по воздуху и грохнулась на пол, снова взметнулась вверх и волной раскатилась по комнате. У стоявших поблизости гостей был теперь самый жалкий вид, зато на собак это подействовало как удар грома. Испуганные шумом и плеском воды, они в один миг расцепились и стрелой выскочили из дома, оставив позади себя поле умопомрачительной битвы. Комната была похожа на куриный насест после урагана. Мокрые, облепленные перьями, по ней бродили наши друзья. Перья садились на лампы, и в воздухе пахло паленым. Сжимая в руках Додо, мама оглядывала комнату.

— Лесли, милый, сходи за полотенцами, нам надо вытереться. В комнате все перевернуто вверх дном. Ну ничего, пойдемте на веранду, — сказала мама, очаровательно кивнув головой. — Очень жаль, что так получилось. Вы видите, это все из-за Додо. Гостей вытерли, сняли с них перья, налили им вина и усадили на веранде, где на каменных плитках луна отпечатала темный рисунок из виноградных листьев. Ларри с набитым ртом потихоньку брэнчал на гитаре и слегка подпевал. Сквозь стеклянные двери я видел, как Лесли и Спиро, сосредоточенно нахмурившись, ловко разрывали на части огромных жареных индеек. Мама беспокойно двигалась среди теней, спрашивая каждого гостя, достаточно ли у него еды. Кралевский сидел на перилах веранды, подставив горб луне, и рассказывал Марго какую-то длинную, сложную историю. Теодор читал доктору Андручелли лекцию о звездах, показывая на созвездия

полуобглоданной ножкой индейки.

Лунный свет расписал весь остров черными и серебряными узорами. Далеко внизу среди темных кипарисов мирно перекликались совы. Небо было черное и мягкое, как кротовая шкурка, забрызганная каплями звезд. Над домом раскинула свои ветки огромная магнолия, усыпанная, будто маленькими лунами, сотнями белых цветов. Их сильный, густой аромат сладостно разливался над верандой и как бы околдовывал вас, завлекал в таинственные лунные дали.

Возвращение

С благородной честностью, совсем, на мой взгляд, непростительной, мистер Кралевский сообщил маме, что он уже научил меня всему, что сам знал. Настало время, сказал он, отправить меня куда-нибудь в Англию или Швейцарию, где бы я мог закончить образование. Подобные разговоры доводили меня до отчаяния. Я заявил, что хочу быть полуобразованным. Это даже лучше, если человек ничего не знает, тогда он удивляется всему гораздо больше. Но мама была тверда как сталь. Нам просто необходимо вернуться в Англию, пожить там с месяц, укрепить свое положение (что означало препирательства с банком) и потом уже решить, где я буду учиться дальше. Чтобы унять наш ропот и подавить сопротивление, мама сказала, что к этому следует относиться просто как к отпуску, приятному путешествию. И скоро мы опять вернемся на Корфу.

Уже упакованы ящики, сундуки, чемоданы, для птиц и черепах сделаны клетки, а собаки в своих новых ошейниках чувствуют себя как-то неловко и имеют виноватый вид. Последние прогулки по оливковым рощам, последние слезные прощания с многочисленными деревенскими друзьями, и вот уже вереница автомобилей медленно спускается с холма, напоминая, как заметил Ларри, похороны преуспевающего старьевщика.

Гора нашего имущества висится на таможне, а рядом

стоит мама и гремит большой связкой ключей. Все остальные ждут на улице, под ослепительным солнцем, разговаривают с Теодором и Кралевским, которые пришли нас проводить. Появился таможенник и слегка ахнул, увидев пирамиду багажа, увенчанную клеткой, откуда на него со злорадством глядели Сороки. Мама нервно улыбалась и вертела в руках ключи. Вид у нее был как у контрабандиста, пытающегося провезти алмазы. Таможенник посмотрел на маму, потом на багаж, затянул потуже пояс и нахмурился. — Это все ваше? — спросил он для полной уверенности. — Да, да, все мое, — прощепетала мама, взмахнув ключами, — Надо что-нибудь открыть? — Таможенник о чем-то сосредоточенно думал. — Увасес новы одеста? — спросил он. — Не понимаю, — сказала мама. — Увасес новы одеста!? Мама в отчаянии поискала глазами Спиро. — Извините. Я не совсем уловила... — Увасес новы одеста... новы одеста? — Извините, никак не могу... Таможенник остановил на ней сердитый взгляд. — Мадам, — сказал он грозно и подался вперед, — вы говорите англиски?

— Да, да! — воскликнула мама в восторге, что поняла его. — Да, немножко.

От гнева таможенника ее спас своевременный приезд Спиро. Обливаясь потом, он ввалился в таможню, утешил маму, успокоил таможенника, объяснив ему, что у нас много лет не было никакой новой одежды, и, не успев никто глазом моргнуть, как багаж оказался на пристани. Затем Спиро взял у таможенника кусочек мела и собственноручно пометил весь багаж, чтобы в дальнейшем не было никаких недоразумений.

— Не говорю прощайте, а только до свиданья, — пробормотал Теодор, пожимая каждому из нас руку. — Надеюсь, вы снова вернетесь сюда... гм... очень скоро.

— До свиданья, до свиданья, — мягким голосом говорил Кра-левский, подходя ко всем по очереди. — Мы с нетерпением будем ждать вашего возвращения. Бог ты мой, конечно! И пожелаю вам получше провести время в доброй старой Англии. Пусть это будет отпуск. Как раз то, что

нужно!

Спиро молча пожал всем руки, а потом стоял и глядел на нас, нахмурился, как всегда, брови, и вертел в руках кепку.

— Ну, надо прощаться, — начал он, и голос его вдруг задрожал и осекся.

Крупные слезы выступили у него из глаз и градом покатались по морщинистым щекам.

— Честное слово, я не собирался плакать, — всхлипывал он, вздыхая всей своей могучей грудью. — Но я как будто прощаюсь с родными. Мне кажется, что вы моя родня.

Пока мы утешали Спиро, катеру пришлось терпеливо ждать. Потом, когда застучал мотор и лодка понеслась через темно-синие воды, мы не отрываясь глядели на своих трех друзей, стоявших на красочном фоне лепившихся по склону домишек. Теодор, прямой и стройный, с сияющей на солнце бородой, поднял свою трость, посылая нам грустное приветствие. Кралевский приседал, подсакивал и очень энергично махал рукой. Нахмуренный Спиро держал в руке носовой платок, то вытирая им слезы, то махая нам вслед.

Когда пароход вышел в открытое море и остров Корфу растворился в мерцающем жемчужном мареве, на нас навалилась черная тоска и не отпускала до самой Англии. Закопченный поезд мчался из Бриндизи в Швейцарию. Мы все сидели в безмолвии, говорить никому не хотелось. Вверху, на сетке для багажа, заливались в клетках зяблики, стрекотали и стучали клювом Сороки, временами Алеко издавал свой печальный крик. Внизу, у наших ног, храпели собаки. На швейцарской границе в вагон вошел ужасающе вышколенный чиновник и проверил наши паспорта. Он возвратил их маме вместе с небольшим листком бумаги, без улыбки поклонился и оставил нас с нашей тоской. Чуть позднее мама взглянула на заполненный чиновником бланк и застыла на месте.

— Вы только посмотрите, что он тут написал, — сказала она с возмущением. — Какой наглец! Ларри взглянул на

анкету и фыркнул.

— Это тебе в наказание за то, что ты уехала с Корфу, — сказал он.

На маленькой карточке, в графе «Описание пассажиров», аккуратным крупным почерком было выведено: «Передвижной цирк и штат служащих».

— Надо же такое написать! — все еще кипятилась мама. — Каких только чудачков нет на свете. Поезд уносил нас к Англии.

1956г.

Птицы, звери и родственники

*Теодору Стефанидесу – в
благодарность за часы
удовольствия и учебу.*

Разговор

Зима в тот год была суровой, и, даже когда подошло время весне, крокусам – так трогательно и неколебимо вверившим во времена года – пришлось с трудом пробиваться сквозь корку снега. Серое и низкое небо готово было в любую минуту обрушить новый поток снега, а вокруг домов завывал резкий ветер. Одним словом, погода не была идеальной для сбора семьи, особенно такой, как наша.

Мне было жаль, что, когда впервые после войны они встретились в Англии, их встреча скорее напоминала бурю. Она не выявила лучшие их черты, а сделала всех более раздражительными, чем обычно, и более чувствительными к обидам. Менее всего они могли прислушиваться к чьей-либо точке зрения, кроме своей собственной.

Словно стая сердитых львов, они сидели вокруг огня, такого обширного и яркого, что он мог в любую минуту перекинуться на каминную доску. Моя сестра Марго поддерживала огонь простым способом, втаскивая один конец принесенного из сада дерева в огонь, тогда как остаток ствола оставался снаружи. Мама вязала, по ее слегка рассеянному взгляду и мерному движению губ можно было подумать, что она молится, но на самом деле ее занимало меню к завтрашнему ленчу. Брат Лесли зарылся в учебник по баллистике, а старший брат Лоренс, одетый в свитер, какие обычно носят рыбаки (довольно великоватый для него), стоял у окна и непрерывно чихал и сморкался в большой красный платок.

– Вот уж ужасная страна, – сказал он, поворачиваясь к нам так воинственно, словно все мы были повинны в

непрерывной дурной погоде. – Стоит только вступить на берег у Дувра, и вас встретит прямо-таки заграда гриппозных микробов... понимаете ли вы, что это моя первая простуда в этом году? Просто потому, что у меня хватило разума подальше держаться от Острова Пуддингов. Все, кого я встретил до сих пор, были простужены. Такое впечатление, будто все население Британских островов целый год совершенно ничего не делает, а только топчется хороводом один за другим и с упоением чихает друг другу в лицо... своего рода инфекционная карусель. И как можно спастись от этого?

– Только потому что ты подхватил простуду, ты злишься так, будто всему миру пришел конец, – сказала Марго. – Не понимаю, почему мужчины всегда так волнуются из-за пустяков.

Ларри уничтожающе посмотрел на нее слезящимися глазами.

– Беда ваша в том, что вам нравится быть мучениками. Ни один человек без мазохистских склонностей не остался бы в этом... этом вирусном раю. Вы все инертны, вы любите барахтаться в этом море инфекций. Простительно тем, кто никогда не видел ничего иного, но вы-то все вкусили солнце Греции, вам бы не мешало знать, что это такое.

– Да, милый, – сказала мама, желая его утешить, – но ведь ты приехал в самое плохое время. Ты же знаешь, здесь бывает очень славно. Весной, например.

Ларри метнул на нее злой взгляд.

– Мне бы не хотелось вытряхивать тебя из транса Рип-Ван-Винкля, – сказал он, – но ведь это и есть весна... а ты только посмотри на нее! Нужна команда здоровяков, чтобы спуститься вниз и отправить письмо.

– Полдюйма снега, – фыркнула Марго. – Ты явно преувеличиваешь.

– Я согласен с Ларри, – сказал Лесли, выглянув из-под своего учебника. – На улице чертовски холодно. Прямо ничего не хочется делать. Нельзя даже прилично пострелять.

– Совершенно верно, – сказал, торжествуя, Ларри, – тогда как в такой разумной стране, как Греция, можно завтракать во дворе, а потом спуститься к морю для утреннего купания. Здесь же зубы у меня ходят таким ходуном, что я с трудом вталкиваю в себя завтрак.

– Я бы очень хотел, чтобы ты не заводил волынку с Грецией, – сердито сказал Лесли. – Это напоминает мне об ужасной книге, которую написал Джерри. Понадобилось несколько лет, чтобы забыть все это.

– Несколько лет, – язвительно произнес Ларри, – а что он сделал со мной? Вы себе представить не можете, какой вред нанесла эта карикатура в духе Диккенса моему писательскому облику!

– Между прочим, он написал обо мне так, будто я ни о чем другом никогда не думал, кроме ружей и лодок.

– Но ты действительно ни о чем больше не думал, кроме ружей и лодок.

– Больше всех пострадала я, – заявила Марго. – Он только и говорил о моих прыщах.

– Я думаю, – сказала мама, – это было вполне точное изображение всех вас, но меня он выставил настоящей дурочкой.

– Я не возражаю, – заявил Ларри, – чтобы на меня писали памфлеты хорошей прозой, но быть высмеянным дурным английским языком просто невыносимо.

– Одно название чего стоит, – сказала Марго, – «Моя семья и другие звери». Мне надоело отвечать людям: «каким же из зверей изображена ты?»

– По-моему, заглавие довольно забавное, – сказала мама. – Только почему он не изобразил самые интересные события?

– В самом деле, – поддержал ее Лесли.

– Какие интересные события ты имеешь в виду? – с подозрением спросил Ларри.

– Например, твое плавание на яхте Макса вокруг острова. Это было чертовски забавно.

– Если бы эта история появилась в печати, я бы подал на него в суд.

– Не понимаю почему, – сказала Марго, – это было очень забавно.

– А что ты скажешь о спиритизме? – язвительно спросил Ларри. – Что, если бы он написал об этом, тебе бы это очень понравилось?

– Нет, нет! Он не посмел бы написать об этом! – со страхом сказала Марго.

– Ну вот, получай, – торжествовал Ларри. – А что вы скажете о судебном деле Лесли?

– Не понимаю, зачем меня впутывать в это дело, – воинственно заявил Лесли.

– Ведь это ты возмущался, что он не включил в книгу самые забавные случаи.

– По правде говоря, я уж забыла все эти истории, – сказала мама, посмеиваясь. – Но думаю, они были забавнее тех, что описал ты, Джерри.

– Рад это слышать, – сказал я задумчиво.

– Почему? – спросил Ларри, глядя на меня с подозрением.

– Потому что я решил написать еще одну книгу о Корфу и использовать все эти истории, – объяснил я с самым невинным видом.

Все сразу зашумели и заволновались.

– Я запрещаю это, – закричал Ларри, громко чихая, – категорически запрещаю!

– Ты не можешь писать о моем спиритизме, – вскрикнула Марго. – Мама, скажи ему, чтобы он не писал об этом.

– И о моем судебном деле, – закричал Лесли. – Я не потерплю этого.

– И если ты заикнешься о яхтах... – начал Ларри.

– Ларри, дорогой, говори потише, – попросила мама.

– Ну тогда запрети ему писать продолжение, – кричал Ларри.

– Не говори глупостей, дорогой, я не могу запретить ему, – сказала мама.

– Ты хочешь, чтобы все повторилось сначала? – спросил Ларри хриплым голосом. – Опять посыплются письма из банка: не будете ли вы так любезны снять ваш вклад, опять лавочки будут смотреть на вас с подозрением, опять у дверей появятся анонимные бандероли со смирительными рубашками, и все родственники отвернутся от вас. Ты считаешься главой семьи, так запрети ему писать об этом!

– Ты все преувеличиваешь, Ларри, дорогой, – сказала мама. – А кроме того, я никак не могу запретить ему, если он хочет написать об этом. Не думаю, что это причинит какой-нибудь вред. Все это отличные истории, и я не вижу, почему бы ему не написать продолжение.

Все семейство разом поднялось со своих мест, и все принялись громко растолковывать ей, почему нельзя писать продолжение. Я ждал, пока уляжется шум.

– Помимо этих историй есть еще немало других, – сказал я, припоминая.

– Каких же, милый? – с интересом спросила мама. Все семейство, с покрасневшими лицами, рассвирепевшее, рассерженное, уставилось на меня в выжидательном молчании.

– Ну, – сказал я в раздумье, – мне бы хотелось описать твой роман с капитаном Кричем, мама.

– Что? – возмутилась мама. – Ты, конечно, не напишешь ничего подобного... Вот еще, роман с этим противным стариком. Не позволю, чтобы ты писал об этом.

– Ну, а по-моему, это самая лучшая история из всех, – елевым голосом произнес Ларри, – трепетная страсть романтической истории, ласковое, старинное очарование героя... манера, с которой ты обращалась со старым приятелем...

– Да успокойся же, Ларри, – сердито сказала мама, – ты раздражаешь меня такими вот разговорами. Не думаю, Джерри, что ты затеял доброе дело, написав эту книгу.

– Я тоже не думаю, – сказал Ларри. – Если ты опубликуешь ее, мы все подадим на тебя в суд.

Перед лицом такой спаянной, единой семьи, расшвырявшей в своей решимости помешать мне любой ценой, у меня оставался единственный выход. Я сел и написал эту книгу.

Часть первая. Лондон: прелюдия

Глава первая. Схватка с духами

Все началось в те дни, когда Марго вдруг стала прибавлять в весе. К ее ужасу, за короткое время она сделалась почти круглой. Мама вызвала нашего доктора Андручелли, чтобы он взглянул, в чем тут дело. Он произнес целую серию горестных «по, по, по», когда увидел ожиревшую Марго, и назначил ей множество пилюль и микстур и разные диеты, но все оказалось безрезультатно.

– Он говорит, – сообщила Марго однажды со слезами за завтраком, – что, он думает, это миндалевидная железка.

– Миндалевидная? – спросила мама с тревогой. – Что это значит миндалевидная железка?

– Не знаю, – всхлипнула Маргарет.

– Надо ли нам, – спросил Ларри, – обсуждать ваши болезни во время еды?

– Ларри, дорогой, Андручелли говорит, что это миндалевидная железка, – сказала мама.

– Ерунда, – беззаботно ответил Ларри, – это попросту щенячий жир.

– Щенячий жир! – пропищала Марго. – Да знаешь ли ты, какой у меня вес?

– Тебе надо побольше двигаться, – сказал Лесли. – Почему бы тебе не заняться парусным спортом?

– Не думаю, что удастся найти лодку подходящих размеров, – заметил Ларри.

– Скоты! – сказала Марго, разражаясь слезами. – Вы бы так не говорили, если б знали, как я себя чувствую.

– Ларри, милый, – сказала мама умиротворяюще, – не очень любезно говорить подобные вещи.

– Я бы и не говорил, если бы она не блуждала кругом, словно арбуз, покрытый пятнами, – заявил Ларри с раздражением. – Можно подумать, что это по моей вине вы все тут без конца топчетесь на одном месте.

– Что-то надо предпринять, – сказала мама. – Завтра я снова повидаюсь с Андручелли.

Но Андручелли повторил, что, по его мнению, это миндалевидная железа, и он думает, что Марго нужно ехать в Лондон для лечения. И вот после потока телеграмм и писем Марго была отправлена в Лондон на попечение двух единственно стоящих родственников, с которыми мы все еще поддерживали отношения, – маминой племянницы Пруденс и ее матери, тетушки Фэн.

После коротенького письма, где сообщалось, что она благополучно доехала и вместе с кузиной Пру и тетушкой Фэн поселилась в отеле вблизи Ноттинг-Хилл Гейт и что она познакомилась с хорошим доктором, от Марго довольно долгое время не было никаких известий.

– Хорошо бы получить от нее письмо, – сказала мама.

– Не беспокойся, мама, – сказал Ларри, – о чем ей писать, разве что о ее теперешнем объеме?

– Да нет, я хочу знать, что там происходит, – сказала мама, – как-никак она в Лондоне.

– Какое отношение имеет к этому Лондон? – спросил Ларри.

– В таком большом городе, как Лондон, все может случиться, – мрачно сказала мама. – Сколько приходится слышать всяких историй о девушках в больших городах.

– Право же, мама, ты напрасно беспокоишься, – с раздражением сказал Ларри. – Скажи, ради Бога, что, по-твоему, с ней может случиться? Ты думаешь, ее завлекут в какой-нибудь притон? Да ноги ее там никогда не будет!

– Это не шуточное дело, Ларри, – сурово сказала мама.

– Но ты совсем напрасно поддаешься панике, – ответил Ларри. – Сама подумай, какой уважающий себя мужчина дважды посмотрит на Марго? А кроме того, где взять такого здоровяка, который решился бы ее похитить?

– И все равно я беспокоюсь, – сказала мама с вызовом, – и намерена послать телеграмму по этому поводу.

Она и в самом деле послала телеграмму на имя своей

племянницы Пруденс, и та ответила наконец, что Марго связалась с людьми, которых она не одобряет, и что неплохо было бы маме приехать, чтобы поговорить с Марго как следует. Что тут началось! Обезумевшая мама послала Спиро, нашего добровольного и безотказного советчика, философа и друга, купить билеты и принялась поспешно упаковываться. Затем она вдруг вспомнила обо мне. Чувствуя, что это может принести больше вреда, чем пользы, если оставить меня под присмотром двух старших братьев, она решила взять меня с собой. Спиро еще раз послали за билетами и теперь уже дополнительно упаковали мои вещи. Я смотрел на все приготовления как на дар небес – дело в том, что мне только что дали нового учителя, мистера Ричарда Кралевского, который стремился – с твердой решимостью и несмотря на мое сопротивление – обучать меня не правильным французским глаголам, и эта поездка в Англию, думал я, принесет мне желанную передышку.

Путешествие на поезде прошло без особых происшествий, если не считать постоянного маминого страха быть арестованными фашистскими карабинерами. Этот страх тысячекратно возрос, когда в Милане я нарисовал на запыленном стекле вагона карикатуру на Муссолини. Мама минут десять стирала ее носовым платком с самоотверженностью опытной прачки, пока наконец не решила, что от рисунка не осталось и следа.

Контраст между тихими, долгими, солнечными днями на Корфу и приездом в Лондон поздно вечером был для нас большим испытанием. Столько незнакомых людей на станции, сновавших взад-вперед с серыми озабоченными лицами. Язык, на котором говорят носильщики, почти непонятный, а Лондон – сияющий огнями и набитый людьми. Такси осторожно пробиравлось по Пиккадилли, словно жук сквозь фейерверк. Холодный воздух делал ваше дыхание заметным, будто дым около губ, когда вы говорили, так что вы казались фигуркой из комикса.

Наконец такси остановилось возле покрытых копотью

фальшивых коринфских колонн отеля «Балаклава». С помощью швейцара, пожилого кривоногого ирландца, мы внесли свой багаж в отель. Однако нас никто не встретил. Видимо, телеграмма о нашем приезде где-то еще блуждала. Молодая леди, сказал нам швейцар, ушла на свою встречу, а мисс Хьюз и старая леди отправились кормить собак.

– Что он говорит, милый? – спросила мама, когда швейцар вышел из комнаты, – его акцент был настолько сильным, что звучал как иностранный язык. Я сказал, что Марго пошла на встречу, а кузина Пру и тетушка Фэн кормят собак.

– Что бы это могло значить? – недоумевающе спрашивала мама. – На какую встречу пошла Марго и о каких собаках он говорит?

Я сказал, что не знаю, но, насколько мне удалось видеть Лондон, собак в нем маловато.

– Хорошо, – сказала мама, неумело вставляя шиллинг в счетчик и зажигая газ. – Я думаю, что нам надо устроиться поудобнее и ждать, пока они не вернуться.

Мы прождали час, когда вдруг раскрылась дверь и с криком «Лу, Лу, Лу» вбежала Пру, протягивая руки, словно удивительная болотная птица. Она обняла нас обоих, ее черные, как терновая ягода, глаза светились любовью и волнением. Красивое лицо приятно пахло и было нежное, как фиалка, когда я послушно прикоснулся к нему губами.

– Я уж думала, вы никогда не приедете, – сказала она. – Мамочка еще поднимается. Она с трудом ходит по лестнице, бедняжка. Вы оба чем-то обеспокоены, ну, расскажите-ка мне все. Тебе нравится этот отель, Лу? Он дешевый и удобный, но здесь много самого странного люда.

Сквозь открытую дверь послышалась тихая одышка.

– А, это мамочка, – крикнула Пру. – Мамочка, мамочка, Лу приехала.

В дверях показалась тетя Фэн. На первый взгляд, подумал я довольно бессердечно, она была похожа на ходячую палатку. На ней был ржаво-красный твидовый

костюм невероятного стиля и размера. На голове красовалась слегка изношенная бархатная шляпка такого фасона, какие носят феи. Сквозь сверкающие очки глаза ее казались совиными.

– Лу! – закричала она, распахивая объятия и возводя глаза к небу, словно мама была божественным видением. – Лу и Джеральд! Вы прибыли!

Меня и маму сердечно обнимали и целовали. Это не было легкое, словно цветок, объятие Пру. Это было сильное, до хруста в ребрах, объятие и крепкий поцелуй, от которого, казалось, синели губы.

– Я так сожалею, Лу, дорогая, что нас не было дома, но мы не были уверены, когда вы приедете, и нам надо было кормить собак.

– Каких собак? – спросила мама.

– Ну, моих бедлингтонских щенят, конечно, – сказала Пру. – Разве вы не знаете? Мы с мамочкой завели собак. – Она залилась звонким, как колокольчик, смехом.

– Но помнится, у вас появилось еще кое-что в последнее время, – сказала мама. – Кажется, козы.

– О, мы их до сих пор держим, – сказала тетя Фэн, – да еще моих пчел и цыплят. Но Пруденс решила, что неплохо было бы завести еще и собак. Она такая деловая.

– Я и впрямь думаю, что это доходное дело, Лу, дорогая, – серьезно сказала Пру. – Я купила Тинкербелла, а потом Люсибелла...

– А затем Тайнибелла, – перебила ее тетя Фэн.

– И Тайнибелла, – сказала Пру.

– И Люсибелла, – сказала тетушка Фэн.

– Успокойся, мамочка. Я уже сказала о Люсибелле.

– Есть еще Тинкербелл, – сообщила тетя Фэн.

– Мамочка плоховато слышит, – сказала Пру, что и без того было очевидно. – И у всех есть щенята. Я привезла их в Лондон на продажу и в то же время не спускаю глаз с Марго.

– Да, где же Марго? – спросила мама. Пру на цыпочках подошла к двери и тихонько ее закрыла.

– Она на сеансе, дорогая.

– Я знаю, но что это за сеансы? – спросила мама. Пру с беспокойством огляделась.

– Спиритические сеансы, – прошептала она.

– И затем, есть еще Люсибелл, – сказала тетя Фэн.

– Успокойся, мамочка.

– Спиритические сеансы? – спросила мама. – С какой стати она ходит на эти спиритические сеансы?

– Лечится от ожирения и от прыщей, – ответила Пру, – но, помяните мое слово, добра от этого не будет. Это злая сила.

Я заметил, что мама начинает волноваться.

– Но я не понимаю, – сказала она. – Я отправила Марго в Лондон, чтобы ее посмотрел доктор, забыла, как его имя.

– Я знаю, дорогая, – сказала Пру. – Но после приезда в отель Марго попала во власть этой злой женщины.

– Какой злой женщины? – спросила мама, теперь уже по-настоящему обеспокоенная.

– Козы – это тоже хорошо, – сказала тетя Фэн, – но в этом году они дают чуть меньше молока.

– Ой, мамочка, да помолчи же ты, – сквозь зубы процедила Пру. – Я имею в виду эту злую женщину, миссис Хэддок.

– Хэддок, Хэддок, – растерянно повторила мама. Ее мысли всегда несколько отвлекались, стоило при ней произнести слово, связанное с кулинарией.

– Она медиум, моя дорогая, – сказала Пру, – и она расставила для Марго ловушки. Она сказала Марго, что ей нужен гид.

– Гид? – спросила мама, теряя силы. – Какой гид? По ее состоянию я мог видеть, что она теперь думает, будто Марго занялась альпинизмом или чем-то в этом роде.

– Духовный гид, – сказала Пру. – Его зовут Мауэйк. Должно быть, он индеец.

– У меня теперь десять улыев, – сказала тетя Фэн с гордостью. – Мы получаем в два раза больше меду.

– Помолчи, мамочка, – сказала Пру.

– Я не понимаю, – жалобно сказала мама, – почему она до сих пор не идет к доктору для уколов.

– Потому что Мауэйк ей не разрешает, – торжественно произнесла Пру. – Три сеанса назад сказал он – по словам Марго, и все это в передаче миссис Хэддок, так что в достоверности сказанного можно усомниться, – так вот, по словам Марго, Мауэйк сказал, что ей не нужны больше проколы.

– Проколы? – спросила мама.

– Ну, я полагаю, индеец имел в виду уколы, – сказала Пру.

– Как приятно повидаться с тобой, Лу, – сказала тетя Фэн. – Не попить ли нам чайку?

– Очень хорошая мысль, – едва слышно произнесла мама.

– Я не спущусь туда, чтобы заказать чай, – сказала Пру, взглянув на дверь, как будто за нею скрывались все демоны ада. – Во всяком случае, не теперь, когда у них там сеанс.

– Почему, что случилось? – спросила мама.

– И хорошо бы сделать тосты, – сказала тетя Фэн.

– Да помолчи же, мамочка, – сказала Пру. – Ты представления не имеешь, что происходит на этих сеансах, Лу. Миссис Хэддок входит в транс, затем начинает покрываться эктоплазмом.

– Эктоплазмом? – спросила мама. – Что такое эктоплазм?

– У меня в комнате есть горшок моего собственного меда, – сообщила тетя Фэн, – я уверена, он тебе понравится, Лу. Не сравнить со всей этой синтетикой, какую вы теперь покупаете.

– Это такое вещество, которое производят медиумы, – сказала Пру. – Оно похоже на... ну, на такое... я сама его никогда не видала, но говорят, что оно похоже на мозги. Потом они заставляют летать трубки и все такое. Скажу тебе одно, моя дорогая: я никогда не спускаюсь вниз, когда у них

сеанс.

Как я ни был зачарован разговором, мне не хотелось упустить случая увидеть женщину по имени миссис Хэддок, покрытую мозгами и с парой трубок, летающих вокруг, поэтому я вызвался спуститься вниз и заказать чай.

К моему разочарованию, на нижнем этаже отеля я не увидел ничего хотя бы отдаленно напоминающего описание Пруденс. Но чай я раздобыл, его принес на подносе швейцар-ирландец. Мы попивали чай, и я пытался объяснить тете Фэн, что такое эктоплазм, когда вошла Марго с большим кочаном капусты под мышкой и в сопровождении маленькой коренастой женщины с выпуклыми голубыми глазами и редкими волосами.

– Мама! – драматическим тоном произнесла Марго. – Ты приехала!

– Да, милая, – мрачно сказала мама, – и, кажется, как раз вовремя.

– Это миссис Хэддок, – сказала Марго, – она совершенно очаровательна.

Сразу бросилось в глаза, что миссис Хэддок страдает странной болезнью. Казалось, что она не может дышать, когда говорит, поэтому ее речь получалась бессвязной, все слова сливались в одну гирлянду, и затем, когда у нее прорывалось дыхание, она останавливалась и втягивала воздух, производя шум, звучащий как «уаааха».

Теперь она обратилась к маме.

– Рада вас видеть миссис Дррелл конечно мой духовный гид сбшил мне в вашем приезде надеюсь вы хорошо доехали... уаааха.

Мама, которая собиралась оказать миссис Хэддок весьма холодный и достойный прием, была сбита с толку этой странной дикцией.

– О да. А как вы? – сказала она, нервничая и напрягая слух, чтобы понять, о чем говорит миссис Хэддок.

– Миссис Хэддок спиритуалистка, мама, – с гордостью сказала Марго, как будто она представляла по меньшей мере

Леонардо да Винчи или изобретателя аэроплана.

– В самом деле, милая? – сказала мама, холодно улыбаясь. – Это очень интересно.

– Очень приятно узнать что те кто уехал рныпе теперь соединились... уаааха, – сказала миссис Хэддок серьезно. – Так мнго людей... уаааха... не знает о духовном мире кторый лежит так близко.

– Ты бы повидала щенят, Марго, – заметила тетя Фэн. – Маленькие шалунишки изодрали всю свою подстилку.

– Помолчи, мамочка, – сказала Пру, оглядывая миссис Хэддок так, как будто ожидала, что у той в любой момент вырастут рога или хвост.

– Вашей дчери очень повезло так как он... уаааха... сумел получить одного из лучших гидов, – сказала миссис Хэддок, как будто Марго перелистывала Дебретта, прежде чем решить, какой дух вызвать, чтобы получить совет.

– Его зовут Мауэйк, – произнесла Марго. – Он просто прелесть!

– Кажется, он пока не принес тебе много добра, – резко ответила мама.

– Нет, принес, – возмутилась Марго. – Я похудела на три унции.

– Это требует времени и терпения и полной веры в будущую жизнь... уаааха... моя дорогая миссис Дррелл, – сказала миссис Хэддок, улыбаясь маме сладенькой улыбкой.

– Да, я верю, – сказала мама, – но я бы предпочла, чтобы Марго находилась под присмотром врача.

– Я не думаю, что это они нарочно, – сказала тетушка Фэн. – У них, наверно, режутся зубы и поэтому болят десны.

– Мамочка, мы говорим не о щенках, – сказала Пру. – Мы говорим о гиде Марго.

– Это будет славно для нее, – сказала тетя Фэн, ласково улыбаясь Марго.

– Мир духов намного мудрее любых существ на земле... уаааха... ваша дочь не могла бы быть в лучших руках... Мауэйк был великим врачомателем в своем племени один из

лучших во всей Северной Америке... Уаааха.

– И он дал мне такой добрый совет, мама, – сказала Марго. – Правда ведь, миссис Хэддок?

– Нет больше проколов белая девушка не должна больше делать проколов... Уаааха, – произнесла миссис Хэддок.

– Ну вот! – сказала Пру торжествующе. – Я же тебе говорила.

– Поешьте немного меду, – радушно предложила тетя Фэн. – Это не синтетическая дрянь, какую теперь продают в магазинах.

– Помолчи, мамочка.

– Я все же предпочитаю, миссис Хэддок, чтобы у моей дочери был разумный врач, а не этот Мауэйк.

– О, мама, ты такой отсталый и старомодный человек, – в сердцах сказала Марго.

– Моя дорогая миссис Дррел вы должны научиться верить огромному влиянию духовного мира который только и старается помогать и руководить... Уаааха... – Миссис Хэддок перевела дух. – Я чувствую что если бы вы пришли на один из наших сеансов вы бы убедились в огромной силе духовного мира который в конечном счете единственный старается помочь и направить нас... Уаааха... Я чувствую что если бы вы пришли на один из наших сеансов вы бы убедились в огромной силе добра которое есть у наших духовных гидов. Уаааха.

– Благодарю вас. Я предпочитаю руководствоваться своим собственным духом, – с достоинством сказала мама.

– Мед теперь не такой, как раньше, – сказала тетя Фэн, следившая за разговором.

– У тебя просто предубеждение, мама, – сказала Марго. – Ты порицаешь вещь, даже не испробовав ее.

– Я чувствую уверенность что если бы ты смогла убедить свою маму присутствовать на наших сеансах... Уаааха... она бы нашла целый новый мир открывшийся перед нею.

– Да, мама, – сказала Марго, – тебе надо прийти на сеанс. Я уверена, что ты будешь убеждена в том, что увидишь и услышишь! В конце концов, нет дыма без огня.

Я видел, что мама страдает от внутренней борьбы. Много лет она проявляла глубокий интерес к суевериям, народной магии, колдовству и подобным вещам, и теперь соблазн принять предложение миссис Хэддок был очень велик. Я ждал, затаив дыхание, надеясь, что она примет предложение. В тот момент мне больше всего хотелось увидеть миссис Хэддок, покрытую мозгами и трубками, летающими вокруг ее головы.

– Ну ладно, – сказала мама нерешительно. – Там будет видно. Мы поговорим об этом завтра.

– Я уверена как только мы прорвем барьер для вас мы сможем оказать вам большую помощь и руководство... Уаааха... – сказала миссис Хэддок.

– Да, да, – сказала Марго, – Мауэйк просто прелесть!

– У нас будет завтра вечером еще один сеанс здесь в отеле... уаааха... и я очень надеюсь что и вы и Марго будете на нем. Уаааха.

Она чуть заметно, словно бы нехотя, улыбнулась нам, прощая все наши грехи, потрепала Марго по щеке и удалилась.

– Право же, Марго, – сказала мама, когда закрылась дверь за миссис Хэддок, – ты заставляешь меня злиться.

– Ох, мама, ты такая старомодная, – ответила Марго. – Этот доктор не принес мне никакой пользы своими уколами, а Мауэйк творит чудеса.

– Чудеса, – фыркнула мама с презрением, – по мне, так ты выглядишь точно такой, как была.

– Клевер, – сказала тетя Фэн, жуя тост, – считается самым лучшим, хотя я предпочитаю вереск.

– Послушай, дорогая, – сказала Пру, – эта женщина зажала тебя в тиски. Она злая. Поостерегись, пока не поздно.

– Я только прошу, чтобы вы пришли на сеанс и посмотрели, – ответила Марго.

– Никогда, – сказала Пру, содрогаясь. – Мои нервы этого не вынесли бы.

– Интересно, – сказала тетя Фэн, – что для опыления клевера нужны шмели.

– Ох, я слишком устала, – сказала мама, – чтобы обсуждать это теперь. Мы поговорим об этом утром.

– Не поможете ли вы мне с капустой? – спросила Марго.

– Что сделать? – спросила мама.

– Помочь мне с капустой, – ответила Марго.

– Я всегда интересовалась, – в раздумье сказала тетя Фэн, – можно ли разводить шмелей.

– Что ты делаешь с капустой? – спросила мама.

– Она кладет ее на лицо, – презрительно сказала Пру. – Просто смех.

– Ничего смешного, – рассердилась Марго. – Это приносит моим прыщам мир добра.

– Что? Ты варишь ее или как? – спросила мама.

– Нет, – ответила Марго, – я положу листья на лицо, а ты завяжешь их на мне. Так посоветовал Мауэйк, и это делает чудеса.

– Один смех, Лу, дорогая. Ты должна остановить ее, – сказала Пру, ощетинившись, как котенок. – Это не что иное, как колдовство.

– Я очень устала, чтобы спорить об этом, – сказала мама. – Не думаю, чтобы это могло принести тебе какой-нибудь вред.

Марго села на стул и приложила большие морщинистые листья капусты к лицу, а мама торжественно привязала их красной ленточкой к голове. Я подумал, что в таком виде Марго похожа на странную зеленую мумию.

– Это же язычество, вот что это такое, – сказала Пру.

– Ерунда, Пру, напрасно ты волнуешься, – ответила Марго заглушенным капустными листьями голосом.

– Я иногда думаю, – сказала мама, завязав последний узел, – вся ли моя семья в своем уме.

– Марго собирается на маскарад? – спросила тетя Фэн, с

интересом следившая за происходящим.

– Нет, мамочка, – захохотала Пру. – Это для ее прыщей.

Марго встала и ощупью направилась к двери.

– Пойду прилягу.

– Если тебе встретится кто-нибудь на лестничной площадке, он испугается до смерти, – сказала Пру.

– Повеселись хорошенько, – сказала тетя Фэн. – Не возвращайся слишком поздно. Знаю я вас, молодых. Когда Марго ушла, Пру повернулась к маме.

– Вот видишь, дорогая Лу? Я не преувеличивала. Эта женщина имеет злое влияние. Марго ведет себя как ненормальная.

– Да ладно, – сказала мама, чей жизненный принцип был всегда защищать молодых, как бы не правы они ни были. – Просто она несколько неблагоприятна.

– Неблагообразна! – воскликнула Пру. – Капустные листья на все лицо! Никогда ничего не делает, если Мауэйк ей не скажет. Это вредно для здоровья.

– Я нисколько не удивлюсь, если она возьмет первый приз, – засмеялась тетушка Фэн. – Вряд ли там найдутся другие, изображающие капусту.

Спор продолжался с перевесом то в одну, то в другую сторону, перемежаясь с воспоминаниями тети Фэн о балах-маскарадах, на каких она бывала в Индии. Наконец Пру и тетушка Фэн ушли, и мы с мамой приготовились ко сну.

– Мне иногда кажется, – сказала мама, снимая одежду и выключая свет, – мне иногда кажется, что я единственный нормальный человек в семье.

На следующее утро мы решили походить по магазинам, так как на Корфу не было многого, что маме хотелось бы купить и взять с собой. Пру сказала, что это отличный план и она может занести по дороге бедлингтонских щенят к их новым владельцам.

И вот в девять часов мы все собрались на тротуаре у отеля «Балаклава» и, должно быть, представляли занятную картину для прохожих. Тетушка Фэн, наверное в честь

нашего приезда, надела шляпку феи с большим пером. Она стояла на тротуаре, обвитая, словно майское дерево, поводками восьми бедлингтонских щенков, которые дрались, играли и мочились вокруг нее.

– Я думаю, нам лучше взять такси, – сказала мама, с беспокойством глядя на прыгавших щенят.

– Ой нет, Лу, – сказала Пру, – подумай о расходах! Мы можем поехать на метро.

– Со всеми щенками? – с сомнением спросила мама.

– Да, дорогая, мамочка привыкла справляться с ними. Тетя Фэн, связанная теперь почти до неподвижности поводками щенят, вынуждена была выпутаться, прежде чем мы могли спуститься к станции метро.

– Сироп из дрожжей и клена, – сказала Марго. – Ты не должна, мама, позволить мне забыть о сиропе из дрожжей и клена. Мауэйк говорит, что это отличное средство от прыщей.

– Если ты еще раз упомянешь имя этого человека, я рассержусь всерьез, – ответила мама.

Наше продвижение к станции метро было медленным, так как щенки обходили каждый предмет на нашем пути в обратном направлении и мы без конца останавливались, чтобы размотать поводок и освободить тетю Фэн от фонарного столба или почтового ящика, а иногда и от прохожих.

– Маленькие проказники! – восклицала она, теряя дыхание после каждой встречи. – Это они не нарочно.

Когда мы наконец прибыли к билетной кассе, Пру долго и язвительно спорила о цене для провоза бедлингтонов.

– Но ведь им всего восемь недель, – протестовала она, – а вы не берете платы с детей до трех лет.

Но вот наконец билеты были куплены, и мы направились к эскалаторам, навстречу потоку теплого воздуха, идущего от отверстий в земле. Щенят это, по-видимому, подбадривало. Рыча и твякая, в путанице поводков, они рвались вперед и тянули за собой тетушку Фэн, как тяжелый галион. И только увидев эскалаторы, они стали

опасаться того, что до сих пор казалось им чудесным приключением. Судя по всему, им не нравилось стоять на чем-то, что двигалось, и в своем решении они были единомышленны. Вскоре все мы образовали тугую узел на верху эскалатора, сражаясь с истерически визжавшими щенками.

Позади нас образовался хвост.

– Это следовало бы запретить, – сказал строгого вида мужчина в котелке. – Собак нельзя пускать в метро.

– Я за них заплатила, – задыхнулась Пру. – У них столько же прав ехать в метро, как и у вас.

– Черти проклятые! – сказал другой мужчина на ярко выраженном кокни. – Я очень спешу. Пропустите меня.

– Маленькие мои проказники! – заметила тетя Фэн, смеясь. – Они такие веселые в этом возрасте.

– Может быть, каждый из нас возьмет по щенку? – предложила мама. Ее все больше смущал ропот толпы.

В этот момент тетя Фэн оступилась на первой ступеньке эскалатора, поскользнулась и упала в водопад твида, потащив за собой твякающих щенят.

– Слава Богу, – сказал мужчина в котелке, – теперь мы, может быть, пройдем.

Пру стояла на верху эскалатора и смотрела вниз. К этому времени тетя Фэн достигла половины эскалатора, но не могла подняться из-за облепивших ее щенков.

– Мамочка, мамочка, у тебя все в порядке? – кричала Пру.

– Я уверена, дорогая, что все в порядке, – успокаивала ее мама.

– Маленькие мои шалунишки! – с трудом говорила тетя Фэн, когда ее несло по эскалатору.

– Теперь, когда ваши собаки убрались, мадам, – сказал мужчина в котелке, – быть может, и мы наконец воспользуемся удобствами этой станции?

Пру повернулась к нему, исполненная решимости вступить в битву, но Марго и мама утихомирили ее и поехали вниз по лестнице, к груде твида и бедлингтонов,

представлявшей собой тетю Фэн.

Мы подняли ее, отряхнули и распутали щенят, после чего направились к платформе. Теперь щенки являли собой подходящий сюжет для афиши. В обычное время бедлингтоны – весьма воспитанные собаки, но в критические моменты мне не приходилось видеть более жалкого зрелища. Дрожащие от страха щенки стояли на платформе, издавая высокие жалобные звуки, словно миниатюрные морские чайки, и то и дело приседали на кривых ножках, чтобы украсить платформу результатом своего страха.

– Бедняжки, – посочувствовала проходившая мимо толстая женщина, – стыдно так обращаться с животными.

– Нет, вы слышали, что она говорит? – воинственно сказала Пру. – Хотелось бы мне пойти за ней и сказать ей пару теплых слов.

К счастью, в этот момент с шумом, изрыгая потоки теплого воздуха, подошел поезд и отвлек всеобщее внимание. На щенят его приход оказал немедленное действие. С минуту они продолжали стоять дрожа и воя, словно стадо полумертвых от голода серых ягнят, затем бросились вдоль платформы не хуже упряжки лаек и потянули за собой тетю Фэн.

– Мамочка, мамочка, иди назад! – закричала Пру, когда мы бросились им вслед.

Пру совсем упустила из виду метод тети Фэн вести собак на поводке, который та мне подробно объяснила: никогда не тянуть за поводок, это может повредить им шею. Следуя новому методу, тетюшка бежала по платформе, а бедлингтоны бежали впереди. Наконец мы догнали ее и сдержали щенков как раз в тот момент, когда двери поезда закрылись с самоуспокоенным шипением и он с грохотом умчался От станции, так что нам вместе с бедлингтонами пришлось ждать следующего поезда. Когда мы наконец затащили их в вагон, щенки оживились. Они весело боролись друг с другом, рычали и визжали, обматывая поводками ноги пассажиров, а один из них так разошелся, что подпрыгнул и

вырвал газету «Тайме» из рук пассажира, который сидел с видом управляющего Английским банком.

Когда мы прибыли на место, голова у нас шла кругом, только тетя Фэн чувствовала себя отлично и была в восторге от живости щенят. Следуя совету мамы, мы переждали, пока схлынул людской поток, и только тогда рискнули воспользоваться эскалатором. К нашему удивлению, подъем щенков вверх не доставил особых хлопот. Судя по всему, они стали закаленными путешественниками.

– Слава Богу, все позади, – сказала мама, когда мы наконец оказались наверху.

– Боюсь, что щенята были несколько надоедливы, – волновалась Пру, – но ведь они привыкли жить за городом, а в городе им все не по нраву.

– А? – спросила тетя Фэн.

– Не по нраву, – крикнула Пру. – Щенкам. Им кажется, что все не так.

– Какая жалость, – сказала тетя Фэн и, прежде чем мы успели ее остановить, повела собак к другому эскалатору, и они исчезли в недрах земли.

Избавившись от щенков, мы благополучно справились с покупками, хотя и были несколько утомлены. Мама купила все, что ей было нужно. Марго достала свой сироп из дрожжей и клена, а я, пока они занимались приобретением всех этих ненужных мне предметов, сумел обзавестись красивым красным кардиналом, пятнистой саламандрой, толстой и лоснящейся, как атласное стеганое одеяло, и чучелом крокодила.

Удовлетворенные каждый своими покупками, мы вернулись в отель «Балаклава».

По настоянию Марго мама решила вечером побывать на сеансе.

– Не делай этого, дорогая Лу, – сказала Пруденс, – это связано с неведомым.

Но мама оправдывала свои действия весьма логично.

– Я чувствую, что должна встретиться с этим

Мауэй-ком, он все же лечит Марго.

– Ну вот что, дорогая, – сказала Пру, видя мамину непреклонность, – я считаю это сумасшествием. Но я считаю своим долгом пойти с тобой. Нельзя же позволить, чтобы ты одна присутствовала на подобных вещах.

Я попросил взять и меня с собой, ссылаясь на то, что недавно в мои руки попала книга об искусстве разоблачения псевдомедиумов, так что мои знания могли пригодиться.

– Мне кажется, не следует брать мамочку, – сказала Пру. – Это на нее может плохо подействовать.

И вот в шесть часов вечера в сопровождении Пру, трепещущей, словно только что пойманный птенец, мы отправились на нижний этаж, где жила миссис Хэддок. Там уже собралось довольно много народу. В числе других были миссис Глат, управительница отеля, высокий мрачный русский, говоривший с таким сильным акцентом, точно его рот был набит сыром, молодая, очень серьезная блондинка и вялый молодой человек, который, по слухам, собирался стать актером, но единственным занятием которого было дремать безмятежно в пальмовом шезлонге. К моей досаде, до начала сеанса мама не позволила мне обыскать комнату, чтобы обнаружить спрятанные веревки или фальшивый эктоплазм. Но мне все же удалось сказать миссис Хэддок, какую книгу я читал: если она не шарлатанка, думал я, это ее заинтересует. Однако взгляд, который она бросила на меня, был далеко не доброжелательный.

Мы сели в кружок, держась за руки. Начало сеанса было довольно неблагоприятным, потому что, едва погасили свет, Пру с пронзительным криком вскочила со стула, на котором сидела. Как оказалось, кожаная сумочка, которую она прислонила к ножке стула, соскользнула и коснулась ее ноги. После того как мы успокоили Пру и убедили ее, что это не козни злого духа, все вернулись на свои места и снова взялись за руки. Комната освещалась свечой на блюде, она оплывала, мигала и посылала волнистые тени, поэтому лица у всех выглядели так, будто они только что восстали из

мертвых.

– Теперь никто не должен разговаривать и я должна просить всех держать руки крепко сжатыми так чтобы мы не теряли ни единой сущности... Уаааха, – сказала миссис Хэддок на одном дыхании. – Я знаю что среди нас есть неверующие тем не менее я прошу вас держать свой рассудок спокойным и восприимчивым.

– Что она имеет в виду? – шепотом спросила Пру у мамы. – Я не могу считать себя неверующей. Наоборот, я верю слишком сильно.

Проинструктировав нас, миссис Хэддок уселась в кресло и с напускным спокойствием погрузилась в транс. Я пристально следил за ней, решив не пропустить эктоплазм. Вначале она просто сидела с закрытыми глазами и все было тихо, за исключением шороха и поскрипывания стула, на котором вертелась возбужденная Пру. Но вот миссис Хэддок начала глубоко дышать, потом раздался храп с громким резонансом. Казалось, на чердаке кто-то рассыпает по полу мешок картошки. На меня это не произвело впечатления, ведь храп легче всего подделать. Рука Пру, сжимавшая мою руку, стала влажной от пота, и я почувствовал, как по ней пробегает дрожь.

– Ааааа, – произнесла вдруг миссис Хэддок, а Пру подпрыгнула на своем стуле и отчаянно вскрикнула, словно ее ударили кинжалом.

– Ааааааа, – повторила миссис Хэддок, извлекая полные драматизма возможности из этого простого звука.

– Мне это не нравится, – прошептала дрожащая всем телом Пруденс. – Лу, дорогая, мне это не нравится.

– Успокойся, не то ты все испортишь, – прошипела Марго. – Расслабься и постарайся сделать свой ум восприимчивым.

– Я вижу среди нас новичков, – сказала вдруг миссис Хэддок с таким сильным индийским акцентом, что я чуть не рассмеялся. – Новичков, которые пришли в наш кружок. Я говорю им: добро пожаловать.

Мне показалось странным, что миссис Хэддок больше не соединяла свои слова вместе и не производила удивительных вдохов. Она побормотала и поворчала с минуту что-то непонятное, а потом сказала ясно:

– Это Мауэйк.

– Ооо! – воскликнула Марго с восторгом. – Он пришел! Вот и он, мама! Это Мауэйк!

– Кажется, мне сейчас будет плохо, – сказала Пру. Я внимательно смотрел на миссис Хэддок в тусклом мерцающем свете, но, как ни старался, не заметил ни единого следа эктоплазма или летающих трубок.

– Мауэйк говорит, – объявила миссис Хэддок, – что белой девушке не нужны больше проколы.

– Вот! – сказала Марго торжествующе.

– Белая девушка должна слушаться Мауэйка. Ей не нужно влияние неверующих.

Я услышал, как мама воинственно фыркнула в темноте.

– Мауэйк говорит, что, если белая девушка доверится ему до наступления двух лун, она будет здорова. Мауэйк говорит...

Но, что собирался сказать Мауэйк, мы так и не узнали, потому что в эту минуту кошка, которая разгуливала незамеченная по комнате, прыгнула на колени Пру. Раздался оглушительный крик. Пруденс вскочила на ноги и с отчаянным призывом «Лу, Лу, Лу!», как ослепленный светом мотылек, ощупью заблуждала по комнате вокруг сидящих людей, вскрикивая всякий раз, когда касалась чего-нибудь.

Кто-то догадался включить свет, прежде чем Пру в своей цыплячьей панике не причинила бы какого-нибудь вреда.

– Послушайте, не слишком ли это, а? – заметил вялый молодой человек.

– Вы могли нанести ей большой вред, – сказала девушка, глядя на Пру сверкающими глазами и обмахивая миссис Хэддок носовым платком.

– Меня что-то задело. Что-то коснулось, оказавшись у

меня на коленях, – со слезами сказала Пру. – Эктоплазм.

– Ты все испортила, – рассердилась Марго, – как раз тогда, когда проходил Мауэйк.

– Мне кажется, мы достаточно слышали Мауэйка, – сказала мама. – Теперь самое время кончить валять дурака с этой чепухой.

Миссис Хэддок, которая невозмутимо похрапывала в течение всей сцены, вдруг проснулась.

– Чепухой? – повторила она, уставившись на маму своими выпуклыми глазами. – Вы смеете называть это чепухой?... Уаааха.

Это был один из крайне редких случаев, когда я видел маму по-настоящему рассерженной. Она выпрямилась во весь свой рост и расสวิрепела.

– Шарлатанка! – бросила она в лицо миссис Хэддок. – Я сказала, что это чепуха, и повторяю: чепуха. Я не позволю, чтобы моя семья имела какое-нибудь отношение ко всякому вздору. Пойдем, Марго, пойдем, Джерри, пойдем, Пру. Мы уходим.

Нас так удивило проявление решительности обычно спокойной мамы, что мы кротко последовали за ней и вышли из комнаты, оставив разгневанную Хэддок в окружении нескольких ее учеников.

Едва мы очутились в безопасности своих комнат, Марго разразилась потоком слез.

– Ты все испортила, испортила, – говорила она, ломая руки. – Миссис Хэддок больше никогда не станет разговаривать с нами.

– И правильно делает, – сказала мама непреклонно, наливая бренди дрожавшей и все еще не пришедшей в себя Пруденс.

– Хорошо ли вы провели время? – спросила проснувшаяся вдруг тетя Фэн, глядя на нас совиными глазами.

– Нет, – ответила мама резко. – Плохо.

– Я не могу отделаться от мысли об эктоплазме, –

сказала Пру, судорожно глотая бренди. – Это похоже на... похоже... ну знаете, на что-то влажное.

– Как раз когда появился Мауэйк, – стонала Марго. – Когда он собирался сказать что-то важное.

– Хорошо, что рано вернулись, – продолжала тетя Фэн, – потому что даже в это время года вечерами холодно.

– Я уверена, что это искало мое горло, – сказала Пру, – хотело наброситься на горло. Это было похоже на... нечто вроде влажной руки.

– Только Мауэйк мог принести мне пользу.

– Мой отец всегда говорил, что в это время года погода неустойчивая, – сказала тетя Фэн.

– Марго, прекрати болтать глупости! – сердито сказала мама.

– Лу, дорогая, я просто чувствовала, как ужасные влажные пальцы нащупывали мое горло, – сказала Пру, не обращая внимания на стенания Марго, поглощенной расцветиванием своих переживаний.

– Отец всегда брал с собой зонтик и зимой и летом, – говорила тетя Фэн. – Все смеялись над ним, но он считал, что даже в самые жаркие дни должен иметь зонтик при себе.

– Ты вечно все портишь, – хныкала Марго, – вечно вмешиваешься.

– Беда в том, что я недостаточно вмешиваюсь, – ответила мама. – Еще раз говорю, чтобы ты прекратила все эти глупости, перестань плакать, и мы сию же минуту едем обратно на Корфу.

– Если бы я не вскочила, – сказала Пру, – это впилось бы мне в вену.

– Отец всегда говорил, что нет ничего лучше, чем пара калош, – сказала тетя Фэн.

– Не поеду я на Корфу. Не поеду. Не поеду.

– Ты поступишь так, как тебе сказано.

– Это обвилось вокруг моего горла так ужасно.

– Он никогда не одобрял резиновых сапог, считал, что от них кровь приливает к голове.

Я перестал слушать. Все мое существо ликовало. Мы едем обратно на Корфу. Покидаем каменный, бездушный Лондон. Едем назад к чудесным оливковым рощам и синему морю, к теплу и смеху наших друзей, к долгим, золотистым, ласковым дням.

Часть вторая. Перама

Глава вторая. Крещение

Корфу лежит между албанскими и греческими берегами подобно длинному, изъеденному ржавчиной кривому турецкому ятагану. Там, где эфес ятагана, расположена гористая местность острова, большей частью бесплодная и каменистая, с высокими отвесными скалами, излюбленное место голубых каменных дроздов и соколов. Однако в долинах, где с красных и золотистых скал струятся потоки воды, вы найдете целые леса миндаля и грецкого ореха, отбрасывающих тень, прохладную, как родник, батальоны пирамидальных кипарисов и густые заросли фиговых деревьев с серебристой коркой и крупными, как поднос, листьями. Лезвием ятагана служат растущие уступами серебристо-зеленые раскидистые гигантские оливы – говорят, что некоторым из них не менее пятисот лет, – и каждая отличается своей особой изогнутой формой, а стволы их усеяны сотнями дыр наподобие пемзы. На конце лезвия вы найдете Лэфкими с его ослепительно сверкающими дюнами и обширными соляными топями с зарослями бамбука, который скрипит, шуршит и тайно перешептывается друг с другом.

Возвратиться на Корфу – значило для меня возвратиться домой. Впервые мы приехали туда год или два назад и быстро устроились в светлом розовом доме с зелеными ставнями в форме кирпичиков. Он приютился в роще оливок, спускавшейся по склону холма к морю, и был окружен крошечным садиком, цветные клумбы которого выложены с геометрической точностью в викторианском духе, и весь садик обнесен высокой густой оградой из фуксий, где таинственно шелестели птицы.

Как ни роскошны были разные сады, которые я видел в Англии, они никогда не давали мне такого ассортимента живности. Я находился под очень странным впечатлением нереальности, словно родился впервые. В этом сияющем

хрупком свете я мог в полную меру оценить красные крылышки божьей коровки, великолепный шоколадный и янтарный цвет уховертки и темный блестящий агат муравьев. Затем моему взору представилось множество неизвестных доселе существ. Большие пушистые шмели-плотники, подобно голубым игрушечным медвежатам, с гудением перелетали с цветка на цветок; ярко-желтые в черную полосу бабочки-парусники в своих элегантных визитках совершали пируэты над оградой из фуксий, исполняя сложные па менуэта друг с другом; бабочки-колибри неподвижно висели в воздухе перед цветами, исследуя каждый цветок своим длинным тонким хоботком.

У меня не было сведений, даже простейших, об этих созданиях и не было книг, чтобы узнать о них. Я мог только наблюдать за ними, когда они хлопотали в саду, или ловить их, чтобы изучить более тщательно. Очень скоро моя спальня заполнилась множеством банок из-под варенья и жестянками из-под бисквитов, набитых трофеями, которые я находил в нашем маленьком садике. Все это приходилось проносить домой тайком, так как вся семья, разве что за исключением мамы, с тревогой смотрела на внедрение фауны в дом.

Каждый сверкающий день множил загадки о поведении насекомых, словно бы подчеркивал мою неосведомленность. Одним из созданий, которое особенно интриговало и раздражало меня, был навозный жук. Обычно я лежал на животе с Роджером, моей собакой, припавшей к земле рядом со мной подобно горе черных кудряшек, и наблюдал за двумя черными блестящими жуками, каждый с изящно изогнутым носорожьим рогом на голове. Они катали между собой (с огромной самоотверженностью) чудесной формы шар из коровьего помета. Прежде всего мне хотелось узнать, как им удастся сделать совершенно круглый шар. По собственному опыту с глиной и пластилином я знал, как это трудно сделать, сколько бы вы ни терли и ни мяли материал, тогда как жуки, пользуясь только своими заостренными ногами как инструментом, без циркуля и другой помощи ухитрялись

лепить очаровательные шарики навоза, круглые, как луна. Вторая загадка: зачем они делают эти шарики и куда их несут?

Я разрешил эту проблему или часть ее, посвятив однажды целое утро парочке навозных жуков и отказавшись от наблюдений за другими насекомыми в саду. Даже тихое тьяканье и зевота скучающего Роджера не могли отвлечь меня от этой задачи. Медленно, на четвереньках, я следовал за жуками фут за футом через сад, такой маленький для меня и такой обширный мир для них. Наконец они подползли к небольшому склону под оградой из фуксий. Катить шарик вверх по склону было им очень трудно, несколько раз нога то одного, то другого жука срывалась, и шарик скатывался к подножию. Тогда жуки спешили к нему и, как представлялось моему воображению, бранили друг друга за оплошность. Мало-помалу они все-таки втаскивали его наверх и затем направлялись вниз по противоположной стороне. У основания склона я впервые заметил круглое отверстие вроде колодца, уходившее в глубь земли; туда-то и направились жуки. Когда они были дюймах в двух от отверстия, один из жуков продвинулся вперед и попятился к отверстию, где и уселся, отчаянно работая передней ножкой, тогда как другой с большим усилием (я почти убедил себя, что слышу его тяжелое дыхание) подкатил шарик к краю ямки. Какое-то время они толкали и тянули его, пока он вместе с жуками не скрылся под землей. Меня взяла досада. Ведь они, несомненно, собирались что-то сделать с навозным шариком, но если они делают это под землей, как я мог увидеть, что именно? Надеюсь пролить некоторый свет на эту проблему, я поставил ее перед родными, когда мы собрались за ленчем.

Что, спросил я, делают навозные жуки с навозом? На минуту воцарилась неожиданная тишина.

– Ну, я полагаю, они извлекают из него пользу, милый, – неопределенно сказала мама.

– Надеюсь, ты не собираешься тащить их в дом? – спросил Ларри. – Я отказываюсь жить в доме, где весь пол

украшен навозными шариками.

– Нет, нет, милый, он этого не сделает, – миролюбиво сказала мама, но в ее тоне чувствовалось сомнение.

– Ну, мое дело было предупредить вас, не более, – сказал Ларри. – Кажется, в его спальне спрятаны все самые опасные насекомые из сада.

– Может быть, они нужны им для тепла, – произнес Лесли после некоторого раздумья. – Очень теплое вещество навоз. Ферменты.

– Не нужно ли нам обзавестись центральным отоплением? – спросил Ларри. – Пожалуй, я об этом подумаю.

– Может быть, они едят их, – сказала Марго.

– Марго, милая, – сказала мама, – только не за завтраком.

Как обычно, недостаток биологических знаний у моей семьи разочаровал меня.

– Что тебе нужно почитать, – заметил Ларри, рассеянно накладывая себе в тарелку еще жаркого, которое, как он только что втолковывал маме, было совсем невкусное. – Что тебе нужно почитать – это Фабра.

Я спросил, что такое или кто такой этот Фабр, скорее из вежливости, чем по другой причине, так как, поскольку совет исходил от Ларри, я был убежден, что Фабр мог оказаться каким-нибудь незаметным средневековым поэтом.

– Натуралист, – сказал Ларри с полным ртом, махнув вилкой в мою сторону. – Писал о насекомых и прочем. Постараюсь достать тебе книгу.

Пораженный таким неожиданным великодушием моего старшего брата, я был очень осторожен в течение следующих двух-трех дней, стараясь ничем не вызвать его гнева, но проходили дни, а книга не появлялась, и в конце концов я забыл о ней и занялся другими насекомыми в саду.

Но слово «почему» преследовало и обескураживало меня на каждом шагу. Почему шмель вырезает маленькие круглые кусочки из листьев розы и улетает с ними? Почему

муравьи ведут себя так, будто они страстно влюблены в огромную массу тли, которой заражены многие растения в саду? Что это были за странные янтарного цвета насекомые или раковинки, которых я находил на стеблях травы и на оливковых деревьях? Они представляли собой пустую оболочку, хрупкую, как пепел, каких-то созданий с круглым телом, выпуклыми глазами и парой толстых колючих передних ног. Почему у этих раковин распорота спина? Может быть, на них напали и высосали из них все жизненные соки? Если так, то кто это сделал и кто они сами? Вопросы сыпались на меня как из рога изобилия, но никто из моего семейства не мог дать ответа.

Я был на кухне, когда утром несколько дней спустя прибыл Спиро и показал маме мое последнее приобретение: длинную, тонкую, цвета жженого сахара сороконожку, которая, как я утверждал, вопреки ее недоверию светилась по ночам белым светом. Спиро ввалился в кухню весь в поту и по обыкновению со свирепым и озабоченным видом.

– Я принес вам почту, миссис Даррелл, – сказал он маме и затем взглянул на меня:

– Доброе утро, мастер Джерри.

Полагая по своей наивности, что Спиро разделяет мой восторг по поводу моего последнего приобретения, я протянул ему под нос банку из-под варенья и пригласил полюбоваться на нее. Он бросил быстрый взгляд на сороконожку, которая крутилась на дне банки, как часовой механизм, выронил почту на пол и быстро отступил за кухонный стол.

– Право, мастер Джерри, – сказал он хрипло, – что вы с ней делаете?

Озадаченный его реакцией, я объяснил, что это всего-навсего сороконожка.

– Эта тварь ядовитая, миссис Даррелл, – серьезно сказал Спиро маме. – Честное слово, мастер Джерри не должен возиться с такими вещами, как эта.

– Возможно, вы и правы, – сказала мама неуверенно. –

Но ему все это так интересно. Вынеси ее, милый, чтобы Спиро не мог ее видеть.

– Держитесь подальше, – услышал я слова Спиро, когда выходил из кухни со своей драгоценной банкой. – Честное слово, миссис Даррелл, держитесь подальше от всего, что этот мальчик находит.

Мне удалось унести сороконожку в свою спальню, не встретив по пути никого из других членов семьи, и поместить ее в маленькую миску, украшенную мхом и кусочками коры. Я решил, что родня оценит мою находку – ведь сороконожка светилась в темноте, – и строил планы, как затею настоящий пиротехнический спектакль после обеда. Однако все мысли о фосфоресцирующей сороконожке улетучились из моей головы, так как среди прочего в почте оказался толстый коричневый пакет, который Ларри перебросил мне, когда мы сидели за ленчем.

– Фабр, – сказал он кратко.

Забыв о еде, я разорвал пакет, и там внутри была толстая зеленая книга, озаглавленная «Священный жук и другие» Жана Анри Фабра. Открыв ее, я пришел в восторг, так как на фронтиспise была картинка с изображением двух навозных жуков, столь хорошо мне знакомых, словно это были близкие родственники моих собственных жуков. Жуки катили красивый круглый шарик из навоза. В восторге, смакуя каждую страницу, я медленно листал книгу. Текст был восхитительный. Это не была ученая заумная книга. Написана она была таким простым, ясным языком, что даже я мог понять его.

– Оставь книгу на попозже, милый, – сказала мама. – Ешь завтрак, пока он не остыл.

Несмотря на то, что я положил книгу на колени и набросился на еду с такой скоростью и свирепостью, что у меня потом полдня болел живот. Однако это нисколько не помешало мне зарыться в книгу Фабра. Пока семья отдыхала, я лежал в тени мандаринового дерева и пожирал страницу за страницей, и, когда наступило время чая, я – к моему огорчению – закончил

книгу. Но моему восторгу не было предела. Теперь я был вооружен знаниями, я чувствовал, что знаю все, что нужно, о наземных жуках. Они более не были таинственными насекомыми, с трудом ползающими по оливковым рощам, они стали моими близкими друзьями.

К этому времени мой интерес к естественной истории расширило и подстегнуло еще одно обстоятельство – хотя не могу сказать, что я оценил это тогда, – встреча с моим первым репетитором Джорджем, другом Ларри. Джордж был высокий, худощавый молодой человек, с темной бородкой, в очках, обладающий неброским и сардоническим чувством юмора. Одно утро в неделю он посвящал исключительно естественной истории. Это было единственное утро, когда я выходил ему навстречу. Я шел через оливковые рощи на полпути к его маленькому дому, и затем мы с Роджером скрывались в зарослях миртов и ждали его приближения. Вскоре появлялся Джордж. Все его одеяние составляли пара сандалий, выцветшие шорты и огромная рваная соломенная шляпа; под мышкой он нес связку книг, а свободной рукой размахивал длинной изящной тросточкой. Мы с Роджером сидели на корточках среди душистых миртов и держали пари друг с другом, станет ли Джордж и в это утро сражаться с оливковым деревом.

Джордж был искусный фехтовальщик, подтверждением чему служили многочисленные кубки и медали; неудивительно, что желание пофехтовать часто находило на него. Он размашисто шагал по тропинке, поблескивая очками и размахивая тростью, когда внезапно одно какое-нибудь оливковое дерево превращалось в злого противника, которому следовало преподать урок. Отбросив книги и шляпу, Джордж осторожно продвигался к дереву, его правая рука держала трость, превратившуюся теперь в шпагу, а левая была изящно откинута назад. Медленно, напрягая ноги, словно терьер, приближавшийся к мастифу, он обходил вокруг дерева, наблюдая прищуренными глазами за его первым недружелюбным движением. Внезапно он делал

выпад, и конец трости исчезал в одном из отверстий на стволе оливы. Он произносил довольное «ха» и немедленно отступал назад, прежде чем дерево могло ответить ему тем же. Я заметил, что, если ему удавалось загнать свою шпагу в одно из маленьких отверстий в стволе оливы, это не означало смертельной раны, а только легкую царапину, которая, надо полагать, приводила его противника в ярость, потому что через секунду он боролся так беспощадно, словно от этого зависела его жизнь, легко танцевал вокруг оливы, делая выпады и отступления, отскакивая в сторону, рубил сверху вниз шпагой, увертываясь от страшного выпада оливы, но так быстро, что я не успевал заметить движений. С некоторыми деревьями он справлялся совсем легко, нанося смертельный удар в большое дупло, где его шпага исчезала почти до эфеса, но иногда олива оказывалась достойным противником, и около четверти часа между ними шел бой не на жизнь, а на смерть. Лицо у Джорджа было суровое, и он пускал в ход все хитрые трюки, какие знал, чтобы пробить оборону гигантского дерева. Убив противника, Джордж тщательно вытирал кровь со шпаги, надевал шляпу, поднимал книги и, напевая про себя, продолжал свой путь вниз по тропинке. Я всегда давал ему пройти значительное расстояние, прежде чем присоединиться к нему, из опасения, как бы он не догадался, что я наблюдаю за его воображаемым сражением, и это смутило бы его.

Джордж познакомил меня с человеком, который сразу стал самой важной личностью в моей жизни: доктором Теодором Стефанидесом. Теодор – самый замечательный из всех людей, которых я когда-либо встречал (и тридцать три года спустя я по-прежнему держусь того же мнения). Со своими пепельными волосами и бородой, с прекрасными орлиными чертами лица Теодор был похож на греческого бога и, конечно, казался мне таким же всеведущим. Он был не только хорошим врачом, но также биологом, поэтом, писателем, переводчиком, астрономом и историком. А между этими многочисленными занятиями он еще находил время и

помогал вести рентгеновский кабинет, единственный на Корфу. Побывав впервые в его квартире в городе, я спросил маму, можно ли мне пригласить его к нам на чай.

– Думаю, что да, милый, – ответила мама, – надеюсь, он говорит по-английски.

Сражение мамы с греческим языком окончилось неудачей. Только день назад она потратила целое утро, приготавливая какой-то особенно вкусный суп для ленча. Наконец, когда все было готово, с чувством удовлетворения она перелила суп в супницу и вручила служанке. Та вопрошающе посмотрела на нее, и тогда мама произнесла одно из немногих греческих слов, какие она могла припомнить. «Эксо, – сказала она твердо, махнув руками, – эксо». Затем она продолжала свою стряпню и повернулась как раз вовремя, чтобы увидеть, как служанка выливала остатки супа в раковину. Это, естественно, вселило в маму страх перед собственными лингвистическими способностями.

Я с возмущением заявил, что Теодор превосходно говорит по-английски; если уж на то пошло, лучше, чем мы. Успокоенная этим, мама предложила написать Теодору записку и пригласить его в следующий четверг. Я провел два мучительных часа, бродя по саду в ожидании его приезда во власти самых ужасных чувств, и поминутно выглядывал сквозь ограду из фуксий. Что, если записка не дошла до него? Или, быть может, он положил ее в карман и забыл о ней и в этот самый момент слоняется где-то на южной оконечности острова в поисках знаний? А может быть, он наслышался о нашем семействе и просто не захочет прийти? Если так, я поклялся, что не прощу им этого. Но вскоре я увидел Теодора в изящном костюме из твида и в фетровой шляпе, аккуратно сидевшей на голове. Он шел среди олив, размахивая тростью и напевая про себя. Через плечо у него была перекинута сумка для коллекций, такая же неотъемлемая часть его самого, как руки и ноги.

К моей великой радости, Теодор сразу же и бесповоротно пришелся по душе моей родне. Ему ничего не

стоило с застенчивой учтивостью беседовать с Ларри о мифологии, греческой поэзии и истории Венеции; говорить с Лесли о баллистике и лучших охотничьих местах на острове; с Марго обсуждать диету для похудения и способы лечения прыщей; делиться с мамой деревенскими рецептами и рассказывать ей детективные истории. Вся семья вела себя так же, как и я, когда пришел к нему на чашку чая. Он оказался таким кладезем знаний, что все засыпали его вопросами, и Теодор непринужденно, как ходячая энциклопедия, отвечал на все из них, сдабривая их для полноты картины невероятно плохими каламбурами и веселыми анекдотами об острове и его жителях.

К моему негодованию, Ларри сказал, что Теодор не должен поощрять моего увлечения естественной историей, так как наш дом небольшой и уже забит до отказа всякими отвратительными жуками, каких я только мог поймать.

– Не это меня беспокоит, – сказала мама, – а беспорядок, в который он приводит себя. Право, Теодор, после прогулок с Роджером он должен менять всю одежду. Я не знаю, что он с нею делает.

Теодор весело хрюкнул.

– Я помню, как однажды, – сказал он, отправляя в рот кусок пирога и медленно жуя, при этом борода его приподнялась, а глаза светились радостью, – я пошел пить чай с некоторыми... э... знаете ли, моими друзьями здесь, в Пераме. В то время я служил в армии и очень гордился тем, что меня произвели в капитаны. Итак... э... вы знаете... э... чтобы похвалиться, я надел униформу, которая в числе прочего включала отлично начищенные сапоги со шпорами. В Пераму меня перевезли на пароме, и, когда я проходил через маленький болотистый участок, мне бросилось в глаза незнакомое растение. Я подошел ближе, чтобы сорвать его. Наступив на то... знаете ли... что казалось твердой землей, я вдруг обнаружил, что погрузился под самые подмышки. К счастью, поблизости росло маленькое деревце, и я... э... сумел ухватиться за него и выбрался наверх. Но теперь я был

покрыт от самой талии черной вонючей грязью. Море было... э... знаете ли... совсем близко, так что я... э... подумал, что лучше обмыться чистой морской водой, чем быть в грязи, поэтому я вошел в море и принялся ходить взад-вперед. Как раз в этот момент по дороге вверх проходил автобус, и, когда они увидели меня в фуражке и мундире, разгуливавшего в море, водитель остановился, чтобы все пассажиры могли... э... получше разглядеть меня. Все они были сильно удивлены, но удивились еще больше, когда я вышел из моря и они увидели на мне сапоги со шпорами.

Теодор торжественно ждал, когда успокоится смех.

– Я думаю, знаете ли, – сказал он с задумчивым видом и вполне серьезно, – что я подорвал их веру в здравомыслие армии.

С тех пор Теодор приходил к нам по крайней мере раз в неделю, а иногда и чаще, если мы могли отвлечь его от бесчисленных дел.

К этому времени у нас уже было много друзей среди крестьян, живших вокруг, и все они были столь гостеприимны, что даже короткая прогулка затягивалась на неопределенное время, так как в каждом домике, мимо которого мы проходили, нас непременно угощали стаканом вина или уговаривали отведать фруктов и побеседовать с хозяевами. В чем-то это было весьма полезно для нас, так как каждая такая встреча укрепляла наше довольно нетвердое владение греческим языком, и вскоре мы обнаружили, что в состоянии вполне умело вести довольно сложные беседы с нашими сельскими друзьями.

Затем произошло посвящение – акт, который доказал нам, что мы приняты всей общиной: нас пригласили на свадьбу. Замуж выходила Катерина, сестра нашей служанки Марии, – пышная девушка с широкой сверкающей улыбкой и карими глазами, большими и мягкими, как анютины глазки. Веселая, дерзкая и певучая как соловей, она в свои двадцать лет разбивала сердца во всей округе. Теперь она остановила свой выбор на Стефаносе, крепком, красивом парне, который

немел при одном взгляде на Катерину и краснел от любви.

Когда вас приглашают на свадьбу, как мы вскоре обнаружили, дело не ограничивается полумерами. Празднества начинаются с помолвки, когда вы приходите в дом невесты и приносите подарки, а она горячо благодарит вас и подносит вино. Угостив гостей, жених и невеста отправляются в свой будущий дом, возглавляемые деревенским оркестром (две скрипки, флейта и гитара), играющим веселые мелодии, и в сопровождении несущих подарки гостей. Подарки Катерины представляли собой довольно смешанную массу. Самой важной была огромная двуспальная латунная кровать – ее во главе процессии несли четыре друга Стефаноса. Вслед за ними тянулась цепочка гостей, несших простыни, наволочки, подушки, деревянный стул, сковородки, большие бутылки оливкового масла и прочие дары. Сложив подарки в новом доме, мы пили за здоровье четы и тем самым отмечали новоселье будущей семьи. Затем все, слегка опьяневшие, возвращались домой и ждали следующего акта спектакля, самой свадьбы.

Несколько неуверенно мы спросили, может ли Теодор присутствовать с нами на свадьбе. И невеста, и ее родители чрезвычайно этому обрадовались, потому что, как они объяснили с подкупающей искренностью, очень немногие свадьбы в округе могли похвастаться присутствием в качестве гостей английской семьи и настоящего доктора.

Великий день настал, и, надев свои лучшие наряды и прихватив из города Теодора, мы направились к дому родителей Катерины, стоявшему среди олив у самого сверкающего моря. Там должна была происходить церемония венчания. Когда мы прибыли туда, дом гудел как улей. Из отдаленных деревень на ослах приехали родственники. Вокруг дома группками сидели старики и дряхлые старухи, поглощая вино в изрядных количествах. Все непрерывно и оживленно болтали, словно сороки. Для них это был великий день – не только из-за свадьбы, но и потому, что, живя далеко друг от друга, они, возможно, впервые за двадцать лет

получили возможность обмениваться новостями и сплетнями. Деревенский оркестр был в ударе;

Жалобно плакали скрипки, брэнчала гитара, флейта периодически издавала жалобный писк, словно заброшенный щенок, и под эту музыку гости помоложе танцевали под деревьями, а неподалеку под огромной пламенеющей хризантемой из горячих углей на вертелах шипели и пузырились туши четырех ягнят.

– Ага! – сказал Теодор, его глаза засветились интересом. – Танец, который они исполняют, – это национальный танец Корфу. Он... э... и мотив возникли здесь, на Корфу. Конечно, найдутся люди, которые скажут, что этот танец – так сказать, его па – впервые появился на Крите, но что касается меня, то я считаю, что это... э... целиком детище Корфу.

Девушки в нарядных золотистых костюмах образовали красивый полукруг, перед ними скакал смуглый молодой человек с алым носовым платком. Он прыгал, крутился, наклонялся – ни дать ни взять цветистый петушок в окружении восхищенных курочек. Катерина в сопровождении всей семьи подошла к нам, чтобы приветствовать и провести на почетное место за шаткий дощатый стол, накрытый белой скатертью, за которым уже сидел величественный старый священник – это ему предстояло провести церемонию венчания. Старец был огромных размеров в обхвате, со снежно-белыми бровями, усами и бородой, столь пышными, что они закрывали все лицо, оставляя открытыми лишь два оливковых-черных озорных глаза и большой выступающий красный нос. Услышав, что Теодор врач, он по доброте душевной принялся живописать со всеми подробностями бесчисленные симптомы своих болезней (которые Господь счел нужным ниспослать на него) и под конец громко рассмеялся, услышав наивные рекомендации Теодора о том, что поменьше вина и побольше движения – и все его недуги как рукой снимет.

Ларри внимательно рассматривал Катерину, которая в

белом подвенечном наряде присоединилась к кружку танцующих. В тугом белом атласе живот Катерины выступал рельефнее и заметнее, чем обычно.

– Эта свадьба, – сказал Ларри, – происходит не слишком рано.

– Поттише, милый, – прошептала мама. – Некоторые из них могут знать английский.

– Любопытно, – сказал Теодор, пропустив слова мамы мимо ушей, – что на многих свадьбах вы можете увидеть невесту... э... гм... в подобном положении. Крестьяне здесь придерживаются весьма устаревших взглядов. Если молодой человек... э... серьезно ухаживает за девушкой, ни одна семья ни на минуту не допустит, что он на ней не женится. Если он попробует... гм... знаете ли... ускользнуть, обе семьи, и его собственная, и невесты, удержат его. Поэтому, когда молодой человек... э... ухаживает, его поддразнивают, то есть подначивают, все окрестные парни, которые говорят, что они сомневаются в его... гм... доблести как... гм... возможного отца. Они ставят беднягу в такое положение, что он почти вынужден... э... знаете ли... гм... доказать обратное.

– Очень неумно, я бы сказала, – заметила мама.

– Нет, нет, – сказал Теодор, стараясь исправить мамин ненаучный подход к проблеме. – На самом деле беременность считается хорошим признаком для невесты. Это доказывает ее... гм... плодовитость.

Но вот священник поднял свой упитанный корпус на подагрические ноги и направился в главную комнату дома, приготовленную для церемонии. В это же время Стефаноса, сильно вспотевшего – костюм был маловат для него – и слегка ошеломленного своим счастьем, со смехом и шутками подталкивали к дому молодые парни, а группа пронзительно кричавших женщин то же проделывала с Катериной.

Главная комната была слишком мала, так что, когда грузная фигура священника втиснулась в нее и туда же препроводили все принадлежности его профессии, там едва нашлось место только для счастливой пары, чтобы стать

перед ним. Остальные довольствовались заглядыванием в двери или в окна. Служба была невероятно длинной и для нас непонятной, хотя я слышал, как Теодор переводил отрывки для Ларри. Мне казалось, что обряд включает в себя совершенно ненужное количество речитативов, сопровождаемых бесчисленными осенениями креста и окроплением волнами святой воды. Но вот над головами Катерины и Стефаноса появились два маленьких цветочных венка, словно два парных ореола, и пока священник продолжал гудеть, их время от времени меняли местами. Поскольку люди, державшие венки, прибыли на церемонию уже давно, они от усталости иногда не правильно понимали указания священника, и над головами сочетаемой пары происходило, если можно так выразиться, столкновение венков. Наконец жених и невеста обменялись кольцами, их надели на загорелые, мозолистые от работы пальцы, и Катерина со Стефаносом по-настоящему стали мужем и женой, как мы надеялись, на всю жизнь.

Во время церемонии тишина стояла почти полная, ее нарушало лишь случайное сонное кудахтанье курицы или пронзительный, тут же подавляемый крик ребенка, но когда торжественная часть церемонии была окончена, празднество расцвело с новой силой. Оркестр старался выдать весь свой репертуар и с каждым разом исполнял все более веселые и живые мелодии. Смех и рискованные шутки раздавались со всех сторон. Вино, булькая, лилось из бутылок, и гости, раскрасневшиеся и счастливые, кружились, и кружились, и кружились в танце, неутомимые, как стрелки часов на циферблате.

Веселье кончилось далеко за полночь. Гости постарше разъезжались по домам на понурых ослах. Костры с остатками бараньих туш угасали в пелене серого пепла, и только отдельные гранатовые угольки изредка вспыхивали в них. Мы выпили последний стакан вина с Катериной и Стефаносом и сонные направились через оливковые рощи, посеребренные луной, огромной и белой, как цветок

магнолии. Совы печально перекликались друг с другом, и отдельные светлячки мерцали на нашем пути изумрудно-зеленым светом. Теплый воздух пах дневным солнечным светом, росой и сотней ароматических листьев. Опыневший и разомлевший от вина, проходя между большими изогнутыми оливами и полосатыми от прохладного лунного света стволами, я думал о том, что все мы наконец по-настоящему дома, что мы приняты островом. Под спокойным мягким светом луны мы чувствовали себя истинными жителями Корфу. Ночь была прекрасной, а завтра, мы знали, нас ожидает еще один тигрово-золотистый день. Казалось, Англии не было и в помине.

Глава третья. Бухта среди олив

Если от нашего дома спуститься через оливковые рощи вниз по холму и выйти на дорогу, покрытую толстым слоем белой, мягкой, как шелк, пыли, а потом пройти по ней еще немного, вы попадете на крутую козью тропку, сбегаящую сквозь заросли олив к маленькой бухточке в форме полумесяца. Бухта окаймлена белым песчаным пляжем и грудями сухих бурых водорослей, выброшенных сюда во время зимних штормов и теперь похожих на большие растрепанные гнезда птиц. С двух сторон в бухте поднимаются мелкие скалы, и там, среди скал, видимо-невидимо всякой морской живности.

Как только мой учитель Джордж понял, что ему не удастся овладеть моим вниманием, если он будет держать меня каждое утро в четырех стенах, он сделал новый шаг в педагогике и учредил «уроки под открытым небом». Песчаный пляж и косматые груды водорослей сразу превратились в знойные пустыни или непроходимые джунгли, где мы вели свои исследования, а неповоротливые крабы и мелкие рачки-бокoplавы исполняли у нас роль Кортеса или Марко Поло. Теперь уроки географии стали для меня необыкновенно привлекательными. Несколько позднее

мы задумали выложить из камней карту мира, расположив ее вдоль самого берега, так что карта у нас была с настоящим морем. Работа эта растянулась надолго. Во-первых, не так-то легко было найти камень, похожий на Африку, Индию или Южную Америку. Иногда, чтобы получить желаемый континент, приходилось складывать вместе по два или по три камня. Во-вторых, разыскав нужный камень, мы обнаруживали под ним кучу всяких морских животных и занимались ими добрых четверть часа, пока Джордж вдруг не спохватывался, сообразив наконец, что так мы с нашей картой мира далеко не продвинемся.

Этот заливчик стал одним из любимейших моих мест, куда мы с Роджером ходили каждый день в жаркие послеполуденные часы, когда в доме все отдыхали. Мы проходили через застывшие оливковые рощи, пронизанные звоном цикад, и брели по дороге. Роджер вздымал своими огромными лапищами белую пыль и все время сладострастно чихал, как от нюхательного табака. Добравшись до бухты, которая в это время была такой тихой и прозрачной, словно в ней и вовсе не было воды, мы купались на мелком месте, а затем каждый отправлялся по своим делам.

У Роджера они заключались в отчаянных и безуспешных попытках поймать шнырявших по мелководью рыбок. Уставившись в воду и наострив уши, он медленно крался за рыбками и что-то тихо ворчал про себя. Потом голова его вдруг исчезала под водой, слышался лягг сомкнувшихся челюстей, и вскоре он снова вытаскивал из воды голову, громко чихал и встряхивался, а бычок или морская собачка, за которой он охотился, успевала тем временем проскочить ярда на два вперед и, пристроившись у камня, оборачивала к нему свою надутую мордочку и кокетливо махала хвостом.

В этой крохотной бухте ютилось столько разнообразных животных, что я просто не знал, с чего начать свой сбор. Повсюду на камнях виднелись известково-белые ходы кольчатых червей, будто сложный извилистый узор из

сахарной глазури на пироге, а в местах чуть поглубже из песка торчали прямо-таки обрубки миниатюрного шланга. Если постоять и понаблюдать внимательно, можно увидеть, как на концах шлангов появляется пучок нежных, пушистых, переливчато-синих, красных и бурых щупалец. Это сидячие многощетинковые черви. Очень неблагозвучное, на мой взгляд, название для таких прекрасных созданий. Иногда они встречались небольшими скоплениями, напоминая цветочную клумбу, где все цветы непрерывно шевелились. Подходить к ним надо очень осторожно, так как при слишком быстром передвижении от ваших ног по воде разойдутся волны и уведомят их об опасности. Щупальца тогда сразу сцепятся вместе и с невероятной быстротой исчезнут в трубке.

Кое-где на песчаном дне бухточки чернели полумесяцы блестящих водорослей ламинарий – словно кто-то разбросал по песку боа из темных перьев. И там среди них можно было увидеть морскую иглу. Голова ее удивительно напоминает вытянутого морского конька, приставленного к длинному гибкому телу. Морские иглы держатся среди ламинарий в вертикальном положении и почти сливаются с ними, сразу их и не разглядишь.

Около берега у подножий скал можно разыскать маленьких крабиков или пурпурных актиний – настоящие подушечки для булавок, расшитые алым и голубым бисером. Встречаются там и другие актинии с нежной, кофейного цвета ножкой и длинными извивающимися щупальцами, которым позавидовала бы сама Медуза-горгона. Все камни были покрыты розовыми, белыми или зелеными кораллами и нежной порослью миниатюрных морских водорослей, среди них – изящная *Acetabularia mediterranea* с тонкими нитевидными стеблями. На конце каждого стебля красовался маленький зеленый зонтик, как бы вывернутый наизнанку каким-то подводным ветром. Иногда на скале виднелась большая черная губка с открытыми высокими устьицами, похожими на конусы вулканов. Такую губку неплохо оторвать от скалы и разрезать бритвой пополам, внутри у нее

иногда можно найти какое-нибудь интересное животное. Правда, в отместку губка зальет ваши руки слизью с отвратительным запахом чесночного перегара, который очень долго не проходит.

У берега и между скалами я собирал новые раковины для своей коллекции, и мне доставляла удовольствие не только красивая форма раковин, но и их необычайно выразительные названия. Я узнал, например, что остроконечная раковина, у которой один край вытянут наподобие полуперепончатых пальцев, называется «нога пеликана», а белая, почти круглая в основании коническая раковина, сходная по форме с улиткой-блюдечком, носила название «китайская шляпа».

Были там еще раковины «ковчег». Разъятые створки этой удивительной вроде сундучка раковины вполне можно сравнить (если у вас есть хоть капля воображения) с двумя маленькими ковчегками. Скрученная раковина «башня» заострена, как бивень нарвала, а раковина «волчок» расписана яркими зигзагами алого, черного и синего цвета. У подножия больших скал встречались блюдечки с названием «замочная скважина». На верхушке у этой раковины необычное, действительно в форме замочной скважины отверстие, через которое дышит ее обитатель. Но особенно радостно найти «морские ушки» – уплощенную слоисто-серую раковину с рядом отверстий на одной стороне. Если перевернуть эту раковину и вытащить из нее законного владельца, вам откроется вся ее внутренность, сияющая опаловыми и радужными красками невероятной красоты. В то время у меня еще не было аквариума, поэтому в одном уголке бухты я отгородил камнями заводь – футов восемь в длину и четыре в ширину, – где мог держать всю свою разнообразную добычу, почти не сомневаясь, что найду ее там и на следующий день.

Именно в этой бухточке мне удалось поймать своего первого краба-паука. Я бы наверняка прошел мимо него, вообразив, что это покрытый водорослями камень, если бы краб не сделал неосторожного движения. И по величине, и по

форме тело его напоминало небольшую плоскую грушу с шипами на верхнем суженном конце и двумя выступами над глазами вроде рогов. Ноги и клешни у него были очень тонкие и длинные, но больше всего я удивился тому, что вся спина его и ноги были густо усеяны мелкими морскими водорослями, словно они росли у него из скорлупы. Меня очаровало это необыкновенное создание, я поднял его и торжественно понес в свою заводу. Держать его надо было очень крепко, так как он уже сообразил, что в нем распознали краба, и отчаянно пытался убежать, поэтому, когда мы добрались до заводи, почти все водоросли с него были посодраны.

Я посадил краба на мелком месте и, растянувшись на животе, стал следить сквозь прозрачную воду, что он будет делать дальше. Краб поднялся на своих высоких ногах, словно паук в погоне за жертвой, отбежал примерно на фут от того места, где я его посадил, и застыл как неживой. Так он просидел довольно долго, я уж даже решил, что он будет сидеть неподвижно всю первую половину дня и приходить в себя от пережитого потрясения, но краб вдруг вытянул тонкую, длинную клешню и очень деликатно, почти застенчиво, сорвал кусочек водоросли с ближайшего камня, поднес ко рту и стал жевать. Я думал, он ее ест, но это было вовсе не так. С угловатой грацией краб занес клешню за спину, осторожно нащупал местечко и прикрепил туда кусочек водоросли. Очевидно, он смочил основание водоросли слюной или каким-то сходным веществом, чтобы можно было прилепить ее к щитку. Я продолжал наблюдать за ним, а он медленно колесил по всей заводи и с самоотверженным усердием ученого-ботаника собирал разнообразные водоросли. Уже примерно через час спина его покрылась таким густым слоем растительности, что если бы на минуту отвел глаза, а краб застыл бы на месте, мне не сразу удалось бы определить, где он находится.

Заинтригованный таким хитроумным камуфляжем, я тщательно обыскал весь залив, нашел еще одного краба-паука

и отгородил для него особый маленький бассейн с песчаным дном, где не было и признаков водорослей. Когда я посадил туда краба, вид у него был вполне довольный. На следующий день я принес из дому щеточку для ногтей (хозяином ее оказался Ларри) и, схватив несчастного краба, стал немилосердно скрести, пока ни на спине, ни на ногах у него не осталось и следа водорослей. Потом набросал в его запруды всякой всячины (раковинок волчков, кусочков коралла, миниатюрных актиний, мелких осколков бутылочного стекла, превращенных морем в невиданные драгоценности) и, присев рядом, стал наблюдать.

Несколько минут краб сидел не шелохнувшись – видно, приходил в себя после той унижительной чистки, какую я ему учинил. Затем, как бы не в состоянии до конца поверить в постигшую его злую участь, он поднял обе клешни над головой и очень осторожно потрогал спину. Наверно, вопреки всякой очевидности надеялся найти там хоть веточку водорослей. Он сделал несколько неуверенных шагов, остановился и с полчаса просидел в мрачном унынии, но потом все же преодолел свою подавленность и подошел к краю бассейна, пробуя протиснуться под темные камни ограды. Там он и остался сидеть, предаваясь грустным мыслям об исчезнувшей маскировке, а мне уж подоспело время возвращаться домой.

На следующее утро я пришел к заливу очень рано и, к своему восторгу, увидел, что в мое отсутствие краб времени даром не терял. Стараясь не поддаваться отчаянию, он украсил свой панцирь всем тем добром, что я для него оставил. Вид у него стал очень потешный, точно он оделся для карнавала. На спине попеременно с обломками коралла торчали расписные раковинки волчков, а ближе к голове была прикреплена актиния – прямо-таки шикарная шляпка с лентами. Я наблюдал, как краб ползет по песчаному дну, и думал, что теперь он стал слишком уж бросаться в глаза, но вот он подполз к облюбованному им местечку под скалой и, на мое удивление, превратился просто в кучку раковин и

коралловых обломков с парочкой актиний на верхушке.

Слева от моей бухты, примерно на расстоянии четверти мили от берега, расположен остров Пондиконисси, или Мышиный остров, – по форме почти равнобедренный треугольник. Весь он зарос олеандрами и высокими старыми кипарисами, приютившими белую церквушку и маленький домик рядом с ней. Жил на острове вреднящий старый монах в длинном черном одеянии и головном уборе наподобие цилиндра. Днем ему, очевидно, полагалось временами звонить в колокол в своей крохотной церквушке, а вечером он не торопясь отправлялся на лодке к видневшемуся невдалеке мысу, где стоял маленький монастырь и жили три древние монашки. Там он получал еду и чашку кофе, вел беседы (должно быть, о греховности современного мира), а когда заходящее солнце превращало тихие воды вокруг его острова в разноцветный шелковый муар, медленно плыл обратно сгорбившись, словно черный ворон, в своей скрипучей, подтекавшей лодке.

Как раз в те времена Марго, разочаровавшись в воздушных ваннах, решила испробовать другое целебное средство Матери Природы – морские купания. Каждое утро она поднималась около половины шестого, вытаскивала меня из постели, и мы вдвоем шли к морю, окунались в прозрачную воду, все еще прохладную от лунного сияния, и потом не спеша плыли к Пондиконисси.

Марго сразу же растягивалась на солнышке, а я с увлечением копался в мелкой воде. К сожалению, визиты наши на остров очень не нравились монаху. Не успевала Марго опуститься на скалу и принять эффектную позу, как по каменным ступеням длинной, ведущей к церквушке лестницы уже топал монах, грозил ей кулаком и извергал из глубин своей большой, косматой бороды потоки непонятных греческих слов. Марго встречала монаха светлой улыбкой и дружески махала рукой, что приводило его в бешеную ярость. Рассекая воздух своим черным одеянием, он носился в разные стороны и дрожащим, замусоленным перстом указывал на

небеса, а потом на Марго. Это повторялось изо дня в день, и, поскольку словарный запас монаха не был обширным, мне в конце концов удалось запомнить несколько его излюбленных выражений. Когда я потом спросил у своего друга Филемона, что они значат, тот покатился со смеху. От хохота он почти не мог говорить, но все же я наконец понял, что монах осыпал Марго бранными словами, и самое мягкое среди них было «белая ведьма».

Однако со временем все это превратилось просто в игру. Отправляясь теперь на остров, мы прихватывали для монаха несколько сигарет, а он, завидев нас, слетал вниз по каменным ступеням, потрясал кулаком и грозил божьей карой. Исполнив таким образом свой долг, монах поддергивал рясу, садился на каменную ограду и благодушно курил наши сигареты. Иногда он даже возвращался к церквушке, чтобы принести нам горсть инжиру со своего дерева или свежего, сочного миндаля, который мы кололи на берегу двумя гладкими камнями.

Между Пондиконисси и моим любимым заливом цепочкой тянулись рифы, некоторые размером не больше стола, но иные и с маленький садик. Почти все они были с плоской верхушкой и не доходили до поверхности моря лишь дюйма на два, так что, если залезть на них и стоять наверху, издали может показаться, будто вы ходите по воде. Мне уже давно хотелось исследовать рифы, потому что там водились морские животные, каких не встретишь в мелких водах залива. Однако тут я столкнулся с непреодолимыми трудностями, потому что не мог взять с собой необходимого снаряжения. Как-то я попытался доплыть к одному из рифов с двумя большими стеклянными банками на шее и с сачком в руке, но на полпути обе банки вдруг разом наполнились водой и потянули меня вниз. Прошло несколько секунд, прежде чем я сумел избавиться от них и вынырнуть на поверхность. Пока я отдувался и отплеывался, банки мои уже лежали в глубине вод, покачивались, поблескивали и были так же недоступны, как если б оказались на Луне.

Однажды в знойный день я возился в своей бухточке, разыскивая там под камнями длинных, разноцветных червей немертин, и так увлекся своим занятием, что не заметил, как подошла лодка. Только когда под носом лодки зашуршал песок, я оглянулся. На корме, опершись о весло (все рыбаки гребли там одним веслом, взмахивая им в воде наподобие рыбьего хвоста), стоял молодой парень, загоревший почти до черноты. У него были темные кудрявые волосы, блестящие глаза, черные, как тутовая ягода, и ослепительно белые зубы, сверкавшие на загорелом лице.

– Ясу, – сказал он, – будь здоров.

Я ответил на приветствие, глядя, как ловко парень выскочил из лодки с небольшим ржавым якорьком в руках и закрепил его на берегу позади широкой гряды сухих водорослей. Потом он вернулся и по-приятельски сел рядом со мной, достав из кармана жестянку с табаком и папиросной бумагой. Одет он был только в драную фуфайку и штаны, бывшие когда-то синими, но теперь выгоревшие почти до белизны.

– Жарко сегодня, – поморщившись, сказал парень, а в это время его толстые загорелые пальцы с необычным проворством скрутили сигаретку.

Он прикурил от большой металлической зажигалки, глубоко затянулся и вздохнул, а потом, вздернув бровь, поглядел на меня своими ясными, как у малиновки, глазами.

– Ты не из тех иностранцев, что живут на том холме? – поинтересовался он.

К тому времени я уже вполне сносно говорил по-гречески и ответил ему, что да, мол, я из тех иностранцев.

– А другие? – спросил он. – Другие в доме, они кто? Я уже давно знал, что все жители Корфу, в особенности крестьяне, любят порасспрашивать вас обо всем, да и сами расскажут вам все подробности своей личной жизни. Я объяснил ему, что другие в доме – это моя мама, два брата и сестра. Он кивнул с серьезным видом, будто это были сведения исключительной важности.

– А твой отец? – продолжал он расспросы. – Где твой отец?

Я объяснил, что отец умер.

– Бедняга, – откликнулся он с живым сочувствием. – И твоя несчастная мать осталась с четырьмя детьми на руках!

Он горестно вздохнул от столь тяжелых мыслей, но потом успокоился и философски заметил:

– Такая уж она, жизнь. Ты что ищешь там под камнями?

Я постарался растолковать ему это получше, хотя мне всегда было трудно объяснить, почему меня так интересуют все эти противные на вид и совсем несъедобные животные.

– Как тебя зовут? – спросил он.

Я объяснил, что в греческом языке моему имени Джеральд больше всего подходит Герасимос, но что друзья называют меня Джерри.

– А меня зовут Таки, – сказал он. – Таки Танатос. Я живу в Беницесе.

Я спросил, что же он тут делает, в такой дали от своей деревни.

– По пути из Беницеса, – сказал он, – я все время ловил рыбу. Сейчас я поем и посплю, а к ночи зажгу огонь и поплыву обратно. Снова буду ловить рыбу.

Это известие сильно взволновало меня. Совсем недавно мы возвращались поздно вечером из города и, остановившись на дороге перед своим холмом, видели, как внизу медленно проплыла лодка с большой дуговой лампой на носу. Рыбак не торопясь вел лодку по мелкой темной воде, и круг света от его лампы ярко освещал морское дно, а когда лодка проходила мимо рифов, они все вспыхивали желтыми, бурыми, розовыми и лимонно-зелеными красками. Я сразу понял, какое это чудесное занятие, только у меня еще не было знакомых рыбаков. Теперь я с восторгом поглядел на Таки и сразу спросил, в какое время он начнет рыбную ловлю и собирается ли огибать рифы между этой бухтой и островом Пондиконисси.

– Я отправляюсь в десять часов, – ответил он. – Обойду

остров, потом поплыву домой.

Я спросил, не может ли он взять меня с собой. И пояснил, что на рифах водится множество интересных животных, которых без лодки я добыть не могу.

– Отчего же не взять? – ответил он. – Я буду ждать напротив Менелаоса. Приходи туда в десять. Обойдем рифы, и я снова высажу тебя у Менелаоса, а потом уж поплыву домой.

Я горячо заверил его, что в десять буду на берегу, потом свистнул Роджеру, схватил сачок и бутылки и поспешил убраться, пока Таки не передумал. Оказавшись на порядочном от него расстоянии, я замедлил шаг и стал напряженно думать, как бы уговорить своих домочадцев, и в особенности маму, отпустить меня в десять часов в море.

Маму, как известно, всегда беспокоило мое нежелание отдыхать в жаркую пору дня. Я объяснял ей, что это самое лучшее время для насекомых и подобной живности, только мама не считала это веским доводом. А по вечерам, как раз в то время, когда происходило что-нибудь особенно интересное (например, словесная перепалка между Ларри и Лесли), мама сердито ворчала:

– Пора в постель, милый. Не забывай, что днем ты совсем не спал.

Я понимал, что именно это обстоятельство может стать препятствием для моей ночной рыбной ловли. Сейчас еще только три часа, и, конечно, в эту пору все в доме спят без задних ног за закрытыми ставнями. Лишь к половине шестого они начнут просыпаться и загудят, как сонные мухи.

Я что есть духу помчался к дому, а ярдах в ста от него на минуту остановился, снял рубашку и старательно обернул ею банки, чтобы не выдать себя ни стуком, ни звоном, а Роджеру наказал молчать под страхом смерти. Мы осторожно прокрались в дом и, словно тени, скользнули в мою спальню. Роджер, затаив дыхание, уселся посреди комнаты и с заметным удивлением стал следить, как я раздеваюсь и ложусь в постель. У него вовсе не было уверенности, что

такое поведение можно одобрить. Ведь впереди у нас, думал он, еще целых полдня чудеснейших приключений, а я вдруг собрался спать. Пес попробовал было заскулить, но я так свирепо цыкнул на него, что он, поджав обрубок хвоста, залез под кровать и улегся там с печальным вздохом. Я взял книжку и попытался читать. Комната с закрытыми ставнями превратилась как бы в прохладный зеленый аквариум; на самом же деле воздух в ней был горячий и душный, и по моим ребрам струйками стекал пот. Я ворочался на взмокшей уже простыне и удивлялся: что уж такого хорошего находят люди в этом послеполуденном сне? Какой им от него прок? Мне было неясно, как они вообще могут уснуть. И именно в этот момент я мигом погрузился в сон.

Проснулся я в половине шестого и заспанный вышел на веранду, где все уже пили чай.

– Боже мой! – воскликнула мама. – Неужели ты спал?

Я сказал, как бы между прочим, что сегодня мне было полезно отдохнуть.

– Может, ты нездоров, милый? – забеспокоилась мама. Я ответил, что совсем здоров, а отдыхать решил потому, чтобы сберечь к вечеру силы.

– А что случилось, милый? – спросила мама. Стараясь держаться со всей возможной для меня небрежностью, я сказал, что отправляюсь в десять часов в море с одним рыбаком, который берет меня с собой на ночной лов. Потом объяснил, что некоторые животные выходят только ночью и это самый лучший способ добыть их.

– Надеюсь, – угрожающе произнес Ларри, – это не означает, что у нас в доме на пол начнут шлепаться спруты и морские угри. Ты лучше не пускай его, мама, а то не успеешь опомниться, как весь дом и по виду, и по запаху станет похож на рыбные ряды.

Я в запальчивости ответил, что вовсе не собираюсь тащить животных в дом, я посажу их прямо в свой специальный бассейн в заливчике.

– Десять часов – это очень поздно, милый, – сказала

мама. – Когда же ты вернешься?

Я отважно солгал, что рассчитываю вернуться к одиннадцати.

– Ладно, оденься только потеплее, – сказала мама. Она всегда думала, что если на мне не будет шерстяной фуфайки, то, несмотря на тихие, теплые ночи, я обязательно схвачу двустороннее воспаление легких.

Честно пообещав тепло одеться, я допил чай и потом около часа проверял и осматривал снаряжение. С собой я брал сачок с длинной ручкой, большую бамбуковую палку с тремя проволочными крюками на конце, чтобы подтягивать к себе для осмотра скопления морских водорослей, восемь стеклянных банок с широким горлом и несколько коробочек и жестянок для ракушек и крабов. Удостоверившись, что мамы поблизости нет, я надел под шорты купальные трусики, а на дне коллекционной сумки спрятал полотенце. Ведь за некоторыми образцами мне наверняка придется нырять. Если б мама знала, что я собираюсь прыгать в воду, ее страх перед двусторонним воспалением стал бы в сто раз сильнее.

Без четверти десять я закинул за спину сумку и с фонариком пошел через оливковые рощи. На звездном небе виднелся бледный, тусклый серпик луны, почти не дававший света. В темноте среди олив мерцали изумрудные огоньки светлячков и было слышно, как окликают друг друга совы – тоинк, тоинк!

Когда я подошел к берегу, Таки сидел в лодке и курил. Он уже зажег на носу лампу. Она отбрасывала в воду круг яркого света и сердито шипела, распространяя сильный запах чеснока. Я сразу заметил, как много живности привлекал ее свет. Из своих норок выплыли бычки и морские собачки, расположились на покрывших камни водорослях и, поглатывая воду, сидели там с надутыми мордочками – совсем как публика в театре, ждущая поднятия занавеса. Кругом сновали береговые крабы, на каждом шагу они останавливались и, деликатно отщипнув кусочек водоросли, затискивали ее в рот. То и дело появлялись раковины волчков,

их таскали на себе маленькие, сердитые на вид раки-отшельники, сменившие законных владельцев.

Я положил свое снаряжение на дно лодки и со вздохом удовлетворения сам забрался в нее. Таки оттолкнулся от берега, взял одно весло и, действуя им как шестом, повел лодку через мелководье по скоплениям бурых водорослей, которые тихо шуршали, задевая борта лодки. На глубоком месте он приладил оба весла и стал грести. Двигались мы очень медленно, Таки не отрывал глаз от светлого нимба, озарявшего морское дно футов на двенадцать в разные стороны, и что-то напевал про себя. Ритмично поскрипывали уключины. У одного борта лежал восьмифутовый шест с пятью устрашающими зубьями на конце. На носу я заметил бутылочку с оливковым маслом – непременною часть снаряжения рыбака. При легком ветре, когда на воде появляется рябь, стоит только побрызгать из бутылочки, и взбаламученная поверхность моря чудесным образом успокаивается. Мы медленно подбирались к черному треугольнику Пондиконисси, туда, где были рифы, и, когда подошли к ним, Таки на минуту перестал грести и сказал:

– Сначала мы поколесим тут немного, пока я не поймаю что-нибудь, а потом уж высаживайся на рифах и лови что хочешь.

Я охотно согласился. Мне очень хотелось посмотреть, как Таки будет действовать своей огромной острогой. Лодка медленно стала огибать самый большой риф. Свет озарял удивительные подводные скалы, покрытые розовыми и багряными водорослями, похожими на пушистые дубы. Склонившись над водой, я вообразил себя птицей, парящей на распахнутых крыльях над пестрым осенним лесом.

Вдруг Таки перестал грести и осторожно погрузил весла в воду, чтобы затормозить ход. Лодка была уже почти неподвижной, когда он взялся за острогу.

– Гляди, – сказал он, показывая на песчаное дно под нависшей подводной скалой. – Скорпиос.

Сначала я ничего не увидел, но потом понял, куда он

показывает. Там, на песке, лежала рыба фута два в длину. На спине у нее поднимался целый лес острых колючек наподобие гребня дракона, по песку распластались огромные плавники. Голова у рыбы была необычайно широкая, с золотыми глазами и сердитым, надутым ртом. Но больше всего меня поразила ее расцветка. Рыба была окрашена в красные тона – от алого до винного – и усеяна белыми точками и пятнами. Вид у этой яркой красотики, лежавшей на песке, был очень самоуверенный и очень опасный.

– У нее вкусное мясо, – прошептал, к моему удивлению, Таки, потому что рыба казалась мне исключительно ядовитой.

Таки осторожно опустил острогу в воду и постепенно, дюйм за дюймом, стал подводить к рыбе зубцы с зазубринами. Все было тихо, слышалось только сердитое шипение лампы. Острога медленно приближалась к рыбе. Я затаил дыхание. Эта крупная, златоглазая рыба, думал я, уж наверняка заметит свой надвигающийся рок. Взмахнет вдруг хвостом, поднимет вихрь песка – и поминай как звали. Но нет, она все еще лежит там и с важным видом поглатывает воду. Когда зубцы были уже в футах от нее, Таки остановился. Я видел, как его рука, сжимавшая острогу, чуть переменяла положение. Какую-то секунду, хотя мне она показалась вечностью, он стоял не шелохнувшись и вдруг с такой быстротой, что я попросту не увидел этого движения, всадил все пять зубьев прямо в затылок большой рыбьей головы. Взметнулось облако песка и крови, и рыба закрутилась и задергалась на зубьях. Она так взвивалась, что колючки на ее спине втыкались в острогу. Но вырваться ей было невозможно: Таки слишком ловко нанес свой удар. Быстро перебирая руками он вытащил из воды шест, и рыба, переброшенная через борт, забилась на дне лодки. Я подошел ближе, чтобы помочь Таки снять ее с зубьев, но он резко оттолкнул меня назад.

– Осторожно, – сказал он. – Скорпиос опасная рыба.

Я смотрел, как он лопастью весла снимает рыбу с остроги, и, хотя ей, по существу, уже полагалось быть

мертвой, она все еще извивалась и билась и норовила вонзить в борт лодки свои острые спинные колючки.

– Гляди, гляди, – сказал Таки. – Понимаешь теперь, почему мы называем ее скорпиос? Если бы ей удалось вонзить в тебя эти колючки, святой Спиридион, какая бы это была боль! Тебе пришлось бы немедленно идти в больницу.

Ловко действуя веслом и острогой, Таки поднял скорпену в воздух и швырнул в пустую банку из-под керосина, где она никому не могла причинить вреда. Я спросил, почему ее считают вкусной, если она такая ядовитая.

– А-а, – произнес Таки, – это только ее колючки. Их срезают, а мясо у нее сладкое как мед. Я тебе ее отдам, когда будешь уходить домой.

Он снова взялся за весла, и лодка, поскрипывая, заскользила вдоль рифа. Через некоторое время Таки опять остановился. Дно в этом месте было песчаное, лишь кое-где зеленели пучки молодых водорослей. Он вновь замедлил ход лодки и взялся за острогу.

– Гляди, – сказал он. – осьминог.

От волнения у меня захватило дух, потому что до сих пор я видел только мертвых осьминогов, которых продавали в городе, и был уверен, что они совсем не похожи на живых. Но как я ни таращил глаза, песчаное дно казалось совсем безжизненным.

– Вон там, там, – показывал Таки, осторожно опуская острогу в воду. – Не видишь? У тебя что, глаза на затылке? Ну вот, смотри, я почти касаюсь его.

Но я все еще ничего не видел. Таки опустил острогу еще на фут.

– Ну, теперь видишь, дурачок? – засмеялся он. – Как раз под зубьями.

И вдруг я увидел. Я и раньше смотрел туда, но осьминог был такой серый и так сливался с песком, что отличить его от морского дна было почти невозможно. Он лежал на песке, окруженный щупальцами, из-под его лысой куполообразной головы на нас смотрели жутко человеческие, несчастные

глаза.

– Большой, – сказал Таки.

Он слегка передвинул пальцы, сжимавшие острогу, но движение было неосторожным. Осьминог мгновенно сменил свою тусклую, песочно-серую окраску на яркую, зеленую, с изумительными переливами, выпустил из сифона струю воды и под ее прикрытием бросился сквозь тучи песка наутек. Он несся по воде с откинутыми назад щупальцами, напоминая летящий аэроплан.

– А, гаммото! – воскликнул Таки.

Он бросил острогу, схватился за весла и быстро последовал за осьминогом. Осьминог, по-видимому, трогательно верил в свой камуфляж, так как футов через тридцать снова опустился на дно.

Таки опять подвел к нему лодку и стал опускать острогу в воду. На этот раз он действовал осторожнее. Когда зубья были всего в футах от куполообразной головы осьминога, Таки крепче сжал в руке острогу и направил ее в цель. Закружился облаком серебряный песок, задергались, заколотились щупальца, обвилились вокруг остроги. Из тела осьминога вылетела струя чернильной жидкости, заколыхалась черным кружевным занавесом и, как дым, поползла над песком. Таки теперь смеялся от радости. Он быстро вытащил острогу наверх, и, когда переваливал осьминога в лодку, два щупальца присосались к борту. Таки сделал резкий рывок, и щупальца отстали с таким звуком, будто отдирались липкий пластырь, только в тысячу раз громче. Ухватившись за круглое скользкое тело осьминога, Таки ловко снял его с зубьев, а потом, к моему изумлению, подхватил эту корчившуюся голову медузы и приставил к своему лицу. Щупальца обвилились вокруг его лба, шеи, щек, и присоски оставляли белые следы на смуглой коже. Старательно выбрав местечко, Таки вдруг впился зубами в самую сердцевину осьминога, мотнул головой и хрустнул зубами, будто терьер, переломивший крысиный позвоночник. Очевидно, он перекусил какой-то жизненно важный нервный узел, потому

что щупальца сразу оторвались от его головы и повисли как плети. Только у самых кончиков они еще чуть дергались и извивались. Таки бросил осьминога туда же, где лежала скорпена, сплюнул за борт и, зачерпнув в сложенные ладони морской воды, прополоскал рот.

– Ты принес мне удачу, – сказал он с улыбкой и вытер губы. – Не каждую ночь мне попадается и осьминог, и скорпиос.

Но, видно, удача Таки на этом и оборвалась. Сколько мы потом ни объезжали вокруг рифа, нам больше ничего не удалось поймать. В одном месте мы видели голову мурены, высунувшуюся из отверстия в рифе, – злющая на вид голова размером с голову небольшой собаки. Но когда Таки опустил в воду острогу, мурена спокойно, с большим достоинством и мягкой грацией скрылась в глубинах рифа. Больше мы ее не видели. Лично меня это только обрадовало, так как мурена была, вероятно, не меньше шести футов в длину, а схватиться в едва освещенной лодке с шестифутовой муреной было таким испытанием, что даже я, страстный натуралист, мог вполне без него обойтись.

– Ну что ж, – философски заметил Таки. – Поедем теперь за твоей добычей.

Он подвез меня к самому большому рифу и со всем снаряжением высадил на его плоскую верхушку. Вооружившись сачком, я бродил вдоль краев рифа, а Таки вел лодку футах в шести позади и освещал эту затаенную красоту. Там было столько разнообразных животных, что я не надеялся поймать их всех.

Были там хрупкие, золотисто-алые морские собачки и какие-то крохотные, размером с половину спички, ярко-красные рыбки с большими черными глазами и еще одни такого же размера – серо-голубые вперемежку с лазурью. Кроваво-красные и ломкие офиуры, или змеехвостки, с их тонкими, длинными, колючими лучами, которые беспрерывно то скручивались, то раскручивались. Захватывать их сачком надо очень осторожно, малейший

толчок – и они с отчаянной щедростью расшвыривают все свои лучи.

Были там улитки-туфельки; если их перевернуть, то с обратной стороны на одной половине увидишь отчетливый выступ, так что вся раковина действительно похожа на разношенную домашнюю туфлю для подагрической ноги. Были там еще раковины ципреи, одни белоснежные, слегка ребристые, другие бледно-кремовые, густо усеянные багряно-черными точками. По расщелинам скал, как огромные мокрицы, торчали раковины хитонов длиной около двух с половиной дюймов. В одном месте я заметил маленькую каракатицу размером со спичечный коробок и чуть не свалился с рифа, пытаясь поймать ее. К моему величайшему огорчению, ей удалось удрать. Уже через полчаса я обнаружил, что все мои банки, склянки и коробки набиты до отказа, и мне волей-неволей пришлось сворачиваться.

Таки в очень веселом расположении духа доставил меня к моей любимой бухте и стал с интересом наблюдать, как я осторожно вынимаю свои образцы и пересаживаю их в заводь. Потом мы поехали к пристани у Менелаоса. Когда я вышел из лодки, Таки взял веревочку, продел ее сквозь жабры теперь уж мертвой скорпены и вручил мне.

– Передай своей маме, – сказал он, – что ее надо готовить с красным перцем и оливковым маслом и есть с картошкой и молодыми кабачками. Это очень вкусно.

Я поблагодарил его за рыбу и за то, что он так долго возился со мной.

– Порыбачим еще разок, – сказал он. – Я буду здесь через неделю. В среду или четверг. Дам тебе знать, когда приеду.

Я поблагодарил и сказал, что буду ждать с нетерпением. Таки оттолкнул лодку от берега и с шестом в руках повел ее через мелкие места, направляясь к Беницесу.

Вслед ему я крикнул: «Будь счастливл!»

Я повернулся и устало побрел вверх по холму. К моему

ужасу, оказалось, что уже половина третьего ночи. У мамы теперь, конечно, нет никаких сомнений, что я утонул, попал в пасть акулы или со мной случилось что-нибудь не менее страшное. Однако я надеялся задобрить ее скорпенной.

Глава четвертая. Миртовые чащи

Примерно в полумиле от нашего дома, с северной стороны, оливковые рощи редуют, и их сменяет плоская котловина площадью акров в пятьдесят-шестьдесят. Оливковых деревьев здесь нет, кругом раскинулись только заросли миртов с сухими, каменистыми прогалинами, где красуются необыкновенные канделябры чертополоха, сияющие яркими голубыми огнями, и большие чешуйчатые луковицы морского лука.

Это было мое любимое место охоты, так как здесь обитало множество замечательных животных. Мы с Роджером устраивались в пахучей тени миртовых кустов и наблюдали, как мимо нас проносится масса разнообразных насекомых. В определенное время дня среди миртовых ветвей царило такое же оживление, как на главной улице города.

В миртовых чащах было полно богомолов, крупных, дюйма в три, с ярко-зелеными крыльями. Они раскачивались среди ветвей на своих тонких ногах, подняв в притворной молитве переднюю пару ног, оснащенных страшными коготками. Их заостренные личики с выпуклыми, соломенного цвета глазами вертелись то в одну, то в другую сторону, ничего не пропуская. Если белая капустница или перламутровка опускалась на глянцевый листок мирта, богомол приближался к ней с большой осторожностью, двигаясь почти незаметно. Он то и дело останавливался, чтобы покачаться на ногах и тем самым заставить бабочку поверить, будто это всего лишь взъерошенный ветром листок.

Однажды я видел, как богомол подкрался и напал на большого махаона, который, пошевеливая крыльями, грелся на солнышке и в задумчивости о чем-то мечтал. Однако в

последнюю минуту богомол оступися и вместо того, чтобы схватить махаона за тело, как он собирался сделать, вцепился ему в крыло. Вздрогнув, махаон вышел из транса и взмахнул крыльями с такой силой, что передняя часть богомола приподнялась над листвой. Еще несколько сильных взмахов, и, к досаде богомола, махаон, припадая на один бок, улетел с оборванным крылом. С философским спокойствием богомол уселся на лист и стал уничтожать кусок крыла, оставшийся у него в коготках.

Под камнями среди чертополоха ютилось поразительное множество всевозможных тварей, хотя земля в этом месте, выжженная солнцем, была сама как камень и такая горячая, что на ней можно было зажарить яичницу. Здесь водились зверюги, от которых меня всегда пробирала дрожь. Это были плоские многоножки около двух дюймов в длину, с густой бахромой очень длинных тонких ног с обеих сторон. Многоножки были такие плоские, что сумели бы проникнуть в самую незначительную щель, и двигались с огромной скоростью, скорее скользили по земле, чем бежали, – так катится плоский камешек по льду. По-латыни они называются *Scutergeridae* (*Scutergeridae* (лат.) – многоножки плоские.), и я не представляю себе более подходящего названия для этих созданий, которые так противно передвигаются.

В разных местах среди камней можно было увидеть пробуравленные в твердой земле отверстия, каждое размером с монету в полкроны или побольше. Внутри они обтянуты шелковой паутиной, а над входом паутина расстилается кольцом в три дюйма. Это норы тарантулов, огромных жирных пауков шоколадного цвета в рыжих крапинках. С раскинутыми ногами они занимают пространство, равное, пожалуй, величине кофейного блюдца, а тело у них – с половинку небольшого грецкого ореха. Это очень сильные, быстрые и безжалостные охотники, удивительные по своей злой смышленности. Охотятся тарантулы в основном ночью, но иногда и в дневное время можно увидеть, как они торопливо шагают среди чертополоха на своих длинных

ногах и выискивают жертву. Обычно при виде человека они удирают и скрываются среди миртов, но однажды я видел паука, который так увлекся охотой, что подпустил меня совсем близко.

Он сидел на стебле голубого чертополоха футях в шести или семи от своей норы, шевелил передними ногами и внимательно оглядывал все вокруг, напоминая охотника, который вскарабкался на дерево, чтоб посмотреть, нет ли поблизости дичи. Так продолжалось минут пять. Затем паук слез с чертополоха и с решительным видом устремился куда-то, словно высмотрел для себя добычу со своей наблюдательной вышки. Оглядевшись, я нигде не заметил никаких признаков жизни. К тому же я вовсе не был уверен, что у тарантула может быть такое острое зрение. Однако шагал он очень уверенно и вскоре оказался у зарослей коикса (или слез Иова), красивого дрожащего злака, у которого головки с семенами напоминают плетеные батончики хлеба. Подойдя ближе, я вдруг сообразил, за какой дичью охотится тарантул. Поя нежными метелочками светлой травы виднелось гнездо жаворонка и в нем четыре яйца. Из одного яйца только что вылупился розовый, пушистый птенчик, который все еще барахтался в обломках скорлупы.

Прежде чем я успел сделать что-нибудь разумное для спасения птенчика, тарантул перешагнул через край гнезда. Секунду помедлив, это страшное чудовище быстро притянуло к себе дрожавшего малыша и запустило ему в спину свои длинные изогнутые жвалы. Птенчик раза два чуть слышно пискнул и, широко раскрыв рот, задергался в волосатых объятиях паука. Скоро подействовал яд. Малыш на мгновение застыл и потом, обмякнув, безжизненно поник. Паук сидел неподвижно, пока не убедился, что яд сделал свое дело. Тогда он повернулся и зашагал прочь, сжимая в своих челюстях болтавшегося птенца. Он напоминал длинноногую собаку со своей первой в сезоне куропаткой в зубах. Нище не останавливаясь, тарантул быстро добрался до своей норы и исчез там вместе со слабеньким, жалким тельцем птенчика.

Меня эта встреча поразила по двум причинам: во-первых, я даже не представлял, что тарантул может справиться с таким крупным живым существом, как птенец, во-вторых, мне было непонятно, откуда он знал, что в траве есть гнездо. А он, несомненно, это знал, так как без колебания шел прямо к нему. От чертополоха до гнезда было около тридцати пяти футов (как я определил шагами); с такого расстояния, думалось мне, ни один паук не сумеет увидеть так хорошо замаскированное гнездо и птенца в нем. Оставался только запах, но и тут (хотя я и знал о способности животных улавливать тончайшие запахи, недоступные нашим грубым ноздрям) надо было обладать сверхъестественным обонянием, чтобы в такой безветренный день учуять на расстоянии тридцати пяти футов птенца жаворонка. Я мог придумать только одно объяснение: паук обнаружил это гнездо во время своих прежних прогулок и потом время от времени проверял, не появился ли там птенец. Однако такое объяснение меня не удовлетворяло. Ведь я наделял паука способностью мыслить, а этой способностью он, конечно, не обладал. Даже мой оракул Теодор не смог удовлетворительно разрешить эту загадку. Я же знаю только одно: несчастной паре жаворонков в тот год не удалось вырастить ни единого птенца.

Из других обитателей миртовой чаши мое воображение особенно занимали личинки муравьиного льва. Взрослые муравьиные львы бывают разной величины и почти всегда отличаются довольно серой расцветкой. Они похожи на свихнувшихся, растрепанных стрекоз. Крылья у них вроде бы совсем не пропорциональны телу, и при полете муравьиные львы отчаянно колотят ими воздух, словно им приходится прилагать огромные усилия, чтобы не хлопнуться наземь. Это очень добродушные, ленивые создания, не способные никого обидеть, чего не скажешь об их личинках. Так же как хищная личинка стрекозы в пруду, действует и личинка муравьиного льва на сухих песчаных участках среди миртовых кустов. На присутствие этих личинок указывают лишь необычные

конические ямки в тех местах, где почва достаточно мелкозернистая и мягкая для рытья. Когда мне первый раз встретились такие воронки, я даже представить себе не мог, кто их нарыл. Может, это мыши раскапывали тут какие-нибудь корешки? Я и не знал, что у основания каждой воронки, зарывшись в песок, сидит архитектор, всегда наготове, всегда начеку, опасный, как скрытый капкан. Потом я увидел одну из этих воронок в действии и впервые понял, что это не только жилье личинки, но и гигантская ловушка.

Вот суетливо пробегает какой-то муравей (мне неизменно представлялось, что, бегая по своим делам, муравьи всегда напевают про себя), это может оказаться мелкий черный хлопотливый муравей или же один из тех крупных красных одиночных муравьев, которые шныряют кругом, обратив к небу, как зенитное орудие, свое красное брюшко. Но какого бы вида ни был муравей, стоит ему только переступить через край одной из этих ямок, и он сразу же почувствует, что ее склоны движутся, он сам соскальзывает вниз, к основанию воронки. Муравей повернет обратно и попробует выкарабкаться из ямки, но земля или песок под его ногами начнет сползать вниз маленькими лавинами. Когда одна из лавин достигает основания воронки, это служит для личинки сигналом, что пора начинать действия. И тут на муравья скорым пулеметным огнем обрушивается песок или земля, которую личинка с поразительным проворством выбрасывает головой со дна ямки. На неустойчивом склоне под непрерывным обстрелом муравей теряет точку опоры и позорно катится на дно. Из песка мгновенно высовывается голова личинки, плоская, похожая на муравьиную, с парой огромных, изогнутых наподобие серпов челюстей. Они вонзаются в тело несчастного, и личинка снова скрывается под песком, унося отбивающегося муравья в его могилу. Так как я считал, что личинки муравьиного льва одерживают нечестную победу над простодушными и довольно серьезными муравьями, я без сожаления выкапывал их из ямок, относил домой и держал в маленьких марлевых клетках,

пока они не превращались во взрослых муравьиных львов. Если это были новые для меня виды, я присоединял их к своей коллекции.

Как-то нас с Роджером захватила одна из тех бурных гроз, когда небо становится иссиня-черным и молнии покрывают его густой серебряной филигранью. Вскоре начался дождь. Он сыпался крупными, тяжелыми каплями, теплыми, как парное молоко. Когда гроза отошла, промытое небо засияло чистой голубизной, словно яйцо завирушки. От влажной земли поднимались удивительно пряные, почти гастрономические запахи – яблочного пирога или кекса, а подсыхающие на солнце стволы олив дымились, будто охваченные огнем.

Мы с Роджером любили эти летние грозы. Хорошо было шлепать по лужам и чувствовать, как твоя одежда намокает под теплым дождем. Роджеру, кроме того, было очень приятно полаять на молнии. Когда дождь прекратился, мы прошлись по миртовым зарослям. Я надеялся, что после грозы некоторые животные выйдут из своих укрытий, где они обычно прячутся от жары. И в самом деле, по миртовой ветке навстречу друг другу тихо скользили две жирные улитки медово-янтарного цвета и призывно шевелили рожками. Я знал, что в разгар лета эти улитки обычно впадают в спячку. Прикрепившись к подходящей ветке, они затягивают вход в раковину тонкой, как бумага, крышечкой и отступают в глубину своих спиралей, чтобы сберечь влагу в теле, защитить ее от палящих лучей солнца. Бурная гроза, очевидно, пробудила улиток и привела в радостное, романтическое настроение. Они продолжали ползти навстречу друг другу, пока их рожки не соприкоснулись.

В этот момент улитки остановились и посмотрели в глаза друг другу долгим, серьезным взглядом. Потом одна из них слегка переменяла положение, давая дорогу другой. Когда обе улитки оказались рядом, произошло нечто такое, что заставило меня не поверить собственным глазам. Из бока одной улитки и одновременно из бока другой выскочило

что-то вроде маленьких белых стрел на тоненькой белой ниточке. Стрела из первой улитки пронзила бок второй улитки и исчезла там, а стрела из второй улитки таким же образом вонзилась в бок первой. И вот они сидят рядышком, бок о бок, связанные двумя белыми ниточками, словно два парусных корабля, счаленные канатами.

Уже одно это было настоящим чудом, но потом пошли еще более удивительные чудеса. Ниточки стали постепенно укорачиваться и притягивать улиток друг к другу. Я глядел во все глаза, чуть ли не задевая улиток носом, и сделал невероятный вывод: каждая улитка с помощью какого-то механизма в своем теле (наподобие лебедки) сматывала канатик и подтягивала к себе другую улитку, пока обе они не оказались крепко притиснутыми друг к другу. Тела их были сцеплены слишком плотно, и я не сумел разглядеть, что там в точности происходило. В таком экстазе улитки просидели минут пятнадцать, а потом, даже не кивнув, так сказать, друг другу на прощание, расползлись в разные стороны. Ни у той, ни у другой не осталось и следа от стрел или ниточек, и ни одна не выражала какого-либо восторга по поводу успешного завершения романа.

Меня так потрясло все виденное, что я едва дождался следующего четверга, когда к нам пришел Теодор и я смог рассказать ему обо всем. Слушая мое красноречивое описание, Теодор чуть покачивался на носках и серьезно кивал головой.

– Ага, да, – произнес он, когда я закончил свой рассказ. – Тебе, знаешь ли... гм... необыкновенно повезло. Я много раз наблюдал за улитками и никогда этого не видел.

Я спросил, не померещились ли мне все эти стрелы и ниточки.

– Нет, нет, – сказал Теодор. – Все абсолютно правильно. Стрелы состоят из такого... гм... вещества... нечто вроде кальция, и, когда они проникают в улитку, они исчезают... растворяются. Видимо, можно считать, что стрелки вызывают своего рода покалывание, которое улиткам... гм... очевидно,

нравится.

Потом я спросил, верно ли, что улитки сматывают свои ниточки.

– Да, да, совершенно верно, – сказал Теодор. – У них, видно, есть... гм... какой-то механизм внутри, который может тянуть ниточку обратно.

Я сказал, что никогда не видел ничего более удивительного.

– Да, конечно. Это удивительно, – согласился Теодор и потом добавил нечто такое, от чего у меня захватило дух. – Когда они сближаются... гм... мужская половина одной улитки соединяется с женской половиной другой и... э... наоборот, так сказать.

Прошло несколько секунд, прежде чем я сумел осмыслить это поразительное сообщение, а потом осторожно спросил, верно ли я понял, что каждая улитка одновременно и самец и самка.

– Гм. Да, – сказал Теодор. – Гермафродит. Он потеревил бороду, в глазах его сверкнул огонек. Ларри, у которого обычно с лица не сходило страдальческое выражение, когда мы с Теодором обсуждали вопросы естествознания, тоже был изумлен этой поразительной новостью о жизни улиток.

– Вы, конечно, шутите, Теодор? – спросил он. – Неужели вы хотите сказать, что каждая улитка одновременно и самец и самка?

– Да, конечно, – ответил Теодор и с великолепной сдержанностью добавил:

– Это очень любопытно.

– Вот это да! – выпалил Ларри. – Я считаю, что это несправедливо. Все эти проклятые слизняки блуждают как помешанные по кустам и обольщают друг друга, переживая и те и другие чувства. Почему же человеческий род не получил такого дара? Вот что мне интересно.

– Ага. Но ведь тогда вам пришлось бы откладывать яйца, – заметил Теодор.

– Действительно, – сказал Ларри, – зато какой бы это

был чудесный предлог отказаться от приглашения на коктейль. Вы, например, говорите: «Ужасно сожалею, что не могу прийти. Мне надо высидывать яйца». Теодор фыркнул.

– Улитки не высидывают яиц, – объяснил он. – Они зарывают их во влажную землю и больше о них не думают.

– Замечательный способ воспитывать детей, – неожиданно и с большой убежденностью произнесла мама. – Если б я могла зарыть всех вас во влажную землю и больше ни о чем не думать!

– Очень нехорошо, жестоко так говорить, – сказал Ларри. – Это может оставить у Джерри комплекс на всю жизнь.

Но если разговор и оставил у меня комплекс, то он был связан с улитками, и я уже замыслил с Роджером крупные экспедиции по сбору улиток. Собрать их целые десятки, принести домой и держать в банках, чтобы можно было наблюдать сколько душе угодно, как они будут пускать друг в друга любовные стрелы. Однако, хотя я и собрал за несколько недель сотни улиток, держал их в банках и окружал всяческой заботой и вниманием (даже изображал для них с помощью лейки грозовой ливень), добиться от них я ничего не мог.

Только еще раз увидел я эту необычную любовную игру, когда мне удалось добыть пару огромных виноградных улиток, которые водились на каменистых склонах горы Десяти святых. А добраться туда и поймать этих улиток я смог только потому, что мама купила мне ко дню рождения маленького ослика, о котором я страстно мечтал.

Хотя с самого приезда на Корфу я видел, что тут очень много ослов – на них, можно сказать, держалось все сельское хозяйство острова, – но они как-то не занимали особенно моих мыслей, до тех пор пока мы не побывали на свадьбе Катерины. Там я увидел массу ослов с ослятами, многим из которых было всего лишь несколько дней от роду. Меня очаровали их вздутые коленки, огромные уши, неуверенные, дрожащие шаги, и я решил, что у меня непременно будет свой собственный ослик.

Стараясь обработать маму в этом направлении, я объяснил ей, что ослик, который будет возить меня и мое снаряжение, позволит мне забираться гораздо дальше от дома. Почему, спрашивал я, мне нельзя было бы его получить, скажем, к Рождеству? Потому, отвечала мама, что, во-первых, они стоят очень дорого, во-вторых, именно в то время не бывает новорожденных ослят. Но если они так дорого стоят, продолжал я, то пусть это будет один подарок-и к Рождеству, и ко дню рождения. Я бы охотно отказался от всех других подарков и променял их на осла. Мама сказала, что она посмотрит, а это, как я знал по горькому опыту, в общем означало, что она забудет обо всем в самое ближайшее время. Когда подошел день моего рождения, я еще раз выложил все свои доводы в пользу приобретения осла, но мама только повторила, что мы, мол, посмотрим.

Спустя некоторое время в оливковой роще, как раз за маленьким садиком, появился Костас, брат нашей служанки, с огромной связкой бамбука на плечах. Весело насвистывая, он принялся рыть в земле ямки и забивать в них бамбуковые колья, так что они образовали небольшой квадрат. Глядя на Костаса сквозь ограду из фуксий, я заинтересовался, что это он там такое делает, и, свистнув Роджеру, отправился посмотреть.

– Строю дом, – сказал Костас. – Для твоей мамы. Я удивился. Для чего это маме понадобился бамбуковый дом? Может, она решила спать тут, на воздухе? Нет, это маловероятно. Зачем, спросил я у Костаса, нужен маме бамбуковый дом?

– Кто его знает? – ответил он и поглядел на меня туманным взором. – Может, она хочет держать тут растения или хранить сладкий картофель на зиму.

Я подумал, что это маловероятно. Через полчаса мне уже наскучило смотреть на Костаса, и мы пошли с Роджером гулять.

На следующий день остов бамбукового домика был уже готов, Костас переплетал теперь его камышом, чтобы стены и

крыша стали крепкими и плотными. Еще день, и постройка была закончена. Выглядела она точь-в-точь как хижина Робинзона Крузо, которую он построил в самом начале. Когда я спросил у мамы, для чего ей нужен этот домик, она ответила, что в точности еще не знает, но для чего-нибудь он пригодится. Такой неопределенной информацией мне и пришлось довольствоваться.

Накануне моего дня рождения все стали вести себя несколько более странно, чем всегда. Ларри, например, ходил по всему дому и выкрикивал «ату!», «апорт!» и другие охотничьи словечки. Поскольку подобные штучки случались с ним довольно часто, я не придавал им значения.

Марго таинственно шныряла по дому с какими-то свертками под мышкой. Однажды я столкнулся с ней в прихожей нос к носу и с удивлением заметил, что она держит в руках разноцветные украшения, оставшиеся с Рождества. Увидев меня, Марго испуганно вскрикнула и с видом пойманной преступницы бросилась в свою спальню, а я только рот раскрыл от изумления.

Даже Лесли и Спиро были сами не свои. Они то и дело уходили в садик на тайные совещания. Из тех обрывков фраз, которые мне удалось подслушать, я не сумел понять, что же они замышляют.

– На заднем сиденье, – говорил насупившись Спиро. – Честное слово, мастер Лесли, я уже такое делал.

– Ну, если вы уверены, Спиро, – с сомнением отвечал Лесли, – только смотрите, чтоб не было никаких сломанных ног.

Тут Лесли увидел, что я без стеснения подслушиваю их, и грубо спросил, какого черта я позволяю себе слушать чужие разговоры. Шел бы лучше к морю и прыгал там со скалы. Чувствуя, что все в доме плохо настроены, мы с Роджером ушли в оливковые рощи и до конца дня попусту гонялись за зелеными ящерицами.

А вечером, только я загасил лампу и улегся в постель, из оливковых рощ вдруг донеслось хриплое пение и взрывы

хохота. Через некоторое время я уже мог различить голоса Лесли и Ларри и голос Спиро. Все они, кажется, пели разные песни. Должно быть, куда-то ходили и слишком хорошо там повеселились, решил я. По сердитому шепоту и шарканью ног в коридоре я мог заключить, что Марго и мама пришли к тому же выводу.

Продолжая громко смеяться над какими-то остротами Ларри, компания ворвалась в дом, где мама и Марго встретили их сердитым шиканьем.

– Тише, – сказала мама. – Вы разбудите Джерри. Расскажите, что вы пили?

– Вино, – величественно произнес Ларри и икнул.

– Вино, – повторил Лесли. – А потом мы танцевали. Спиро танцевал, и я танцевал, и Ларри танцевал. И Спиро танцевал, и потом Ларри танцевал, и потом я танцевал.

– Ложитесь-ка лучше в постель, – сказала мама.

– И потом Спиро опять танцевал, – сказал Лесли.

– Хорошо, хорошо, милый, – сказала мама. – Иди, ради Бога, спать. Знаете что, Спиро, по-моему, не надо было разрешать им столько пить.

– Спиро танцевал, – сказал Лесли, и на сей раз кстати.

– Я уложу его в постель, – предложил Ларри. – Только я один и трезвый.

До меня донесся шум их нестройных шагов по каменным плиткам, когда они, обняв друг друга, выходили из коридора.

– Теперь я танцую с тобой, – слышался голос Лесли, которого Ларри втащил в спальню и посадил на кровать.

– Вы извините меня, миссис Даррелл, – проговорил Спиро осипшим от вина голосом. – Я не мог их остановить.

– Вы его привезли? – спросила Марго.

– Да, мисси Марго, не беспокойтесь, – ответил Спиро. – Он там, у Костаса.

Спиро наконец ушел, вслед за тем отправились спать мама и Марго. Так непонятно закончился этот и без того необычный день. Но скоро я забыл о странном поведении

своих близких и с мыслями об ожидавших меня подарках погрузился в сон.

Проснувшись на следующее утро, я некоторое время лежал и думал, что это такое особенное было в сегодняшнем дне. Потом вспомнил. Это – мой день рождения. Я лежал и наслаждался мыслью, что впереди у меня целый день, когда все будут подносить мне подарки, а родным придется уступать любой моей просьбе.

Только я собрался встать с постели и пойти посмотреть, какие мне приготовили подарки, как в прихожей поднялась суматоха.

– Держите ему голову. Голову! – послышался голос Лесли.

– Осторожно! Вы испортите украшения, – причитала Марго.

– На черта они сдались, твои дурацкие украшения, – сказал Лесли. – Держите ему голову.

– Тихо, тихо, милые, – успокаивала мама. – Не бранитесь.

– Господи, – возмутился Ларри, – сколько кругом навоза! Весь этот загадочный разговор сопровождался странным постукиванием, как будто по кафельному полу прихожей прыгали шарики пинг-понга. Что же они там затеяли, думал я. Обычно в такое время все только еще продирают глаза и, не вставая с постели, одурело тянутся за чашкой чаю. Я собрался идти в прихожую и принять участие в общем веселье, когда дверь вдруг распахнулась и в мою спальню галопом вбежал ослик, весь обвешанный разноцветными бумажными гирляндами и елочными украшениями. На голове у него, ловко прицепленные между ушами, торчали три огромных пера. Лесли с силой тянул ослика за хвост и орал:

– Тпру, зануда!

– Язык, милый, – сокрушалась стоявшая в дверях мама.

– Ты портишь украшения! – кричала Марго.

– Чем раньше эта скотина уберется отсюда, – сказал

Ларри, – тем лучше. Вся прихожая завалена пометом.

– Это ты его испугал, – заявила Марго.

– Я ничего не делал, – возмутился Ларри. – Я его только чуть толкнул.

Ослик остановился у моей кровати и посмотрел на меня большими карими глазами. Вид у него был недоумевающий. Он с силой встряхнулся, так что перья между его ушами повалились набок, и, изловчась, задней ногой долбанул Лесли в голень.

– Господи Иисусе! – взревел Лесли, прыгая на одной ноге. – Сломал мне ногу, зараза!

– Лесли, милый, – сказала мама. – Зачем так сильно ругаться? Не забывай о Джерри.

– Чем скорее вы уберете осла из этой комнаты, тем лучше, – сказал Ларри. – Иначе тут будет пахнуть как от навозной кучи.

– Вы погубили украшения, – жаловалась Марго, – а мне это стоило немалого труда.

Но я уже не обращал ни на кого внимания. Ослик подошел еще ближе к моей кровати, с минуту разглядывал меня пытливыми глазами, а потом, издав радостный гортанный крик, ткнулся мне в протянутые ладони своей серой мордой, такой мягкой и нежной, как все самое мягкое и нежное, о чем я только мог подумать: коконы шелковичных червей, новорожденные щенята, морские камешки или бархатистые на ощупь древесные лягушки. Лесли тем временем снял брюки и приступил к осмотру ушиба на ноге, извергая при этом потоки проклятий.

– Он тебе нравится, милый? – спросила мама. Нравился ли он мне! Да я просто онемел от восторга. Ослик был густо темно-бурого цвета, почти фиолетовый, с большими, похожими на цветок каллы ушами и в белых чулочках над крохотными полированными копытцами, складными, как башмаки у чечеточника. Вдоль спины у него тянулся широкий черный крест – гордый знак, свидетельствующий, что племя его возило Христа в Иерусалим (и всегда с тех пор

продолжало быть самой оклеветанной домашней скотиной), а большие блестящие глаза были обведены белыми кругами, знак того, что родом он из деревни Гастури.

– Помнишь ослицу у Катерины? – спросила Марго. – Она еще тебе так понравилась. Ну вот, это ее дочка.

Такое сообщение, разумеется, сделало ослика еще милей моему сердцу. А он, убранный как в цирке, стоял и сосредоточенно жевал кусочек мишуры. Я быстро оделся и, почти не дыша, спросил у мамы, где я буду держать своего ослика. Конечно, в доме его оставлять нельзя, Ларри и без того уже сказал маме, что при желании она может вырастить в прихожей недурной урожай картофеля.

– Для этого Костас и выстроил домик, – сказала мама. Я был вне себя от радости. Вот какие у меня благородные, добрые, хорошие родные! Как ловко они от меня все скрывали, как много сил потратили, чтобы так разукрасить ослика! Медленно и бережно, словно это был хрупкий фарфор, я провел своего скакуна через садик в оливковую рощу, открыл дверь бамбукового сарайчика и впустил его туда. Мне хотелось прикинуть размеры, ведь Костаса я считал никудышным строителем. Сарайчик был великолепный. Как раз по ослику. Я снова вывел его наружу, привязал длинной веревкой к дереву и с полчаса стоял как зачарованный, разглядывая ослика со всех сторон, пока он мирно пощипывал травку. Наконец я услышал, как мама зовет меня к завтраку, и блаженно вздохнул. Конечно, подумал я, без всякого сомнения и без малейшего преувеличения можно сказать, что этот ослик самый замечательный на всем острове Корфу. И не знаю почему, я решил дать ему имя Салли. Потом быстро поцеловал его в шелковистую мордочку и побежал в дом завтракать.

Часть третья. Контокали

Глава пятая. Карликовые джунгли

Был теплый весенний день, и я с нетерпением дожидался приезда Теодора. Мы собирались совершить с ним прогулку за две или три мили от дома – к маленькому озеру, одному из наших любимых мест. Эти дни, проведенные с Теодором, эти «экскурсии», как он их называл, имели для меня исключительное значение, но Теодора они должны были утомлять, потому что с первой же минуты его появления и до самого момента отбытия я засыпал его бесконечными вопросами.

Наконец экипаж Теодора со стуком и звоном подкатил к дому, и Теодор вышел из него, одетый, по обыкновению, самым не подходящим для нашего похода образом: изящный костюм из твида, дорогая, начищенная до блеска обувь и серая фетровая шляпа, надетая ровно и аккуратно. В этой нарядной городской одежде было только одно несоответствие: переброшенная через плечо коллекционная сумка, набитая пробирками и пузырьками, да маленький сачок с бутылочкой на конце, прикрепленный к его трости.

– Гм, – произнес он с серьезным видом, пожимая мне руку. – Здравствуй, здравствуй. Я вижу, сегодня выдался... гм... прекрасный денек для нашей экскурсии.

В такое время года прекрасные деньки тянулись многие недели кряду и вовсе не были дивом, однако Теодор отмечал это всякий раз, как будто видел в этом особую милость, ниспосланную нам богами.

Мы, не теряя времени, забрали приготовленную мамой сумку с едой и глиняными бутылочками имбирного пива и забросили ее за спину вместе с моим снаряжением, которое было побольше, чем у Теодора, поскольку мне шла впрок всякая добыча и приходилось быть ко всему готовым.

И вот мы вместе с Роджером проходим сквозь

полосатые тени залитых солнцем рощ, а впереди у нас весь остров, по-весеннему свежий и сияющий. В такую пору оливковые рощи все в цветах. Бледные анемоны с красноватым отливом по краям, точно их лепестки обмакнули в вино, ятрышник, как бы из розовой сахарной глазури, и желтые крокусы, такие мясистые и глянцевиные и так похожие на воск, что кажется, они будут гореть как свеча, если поднести к их тычинкам спичку. Около мили мы прошли по дороге, обсаженной высокими старыми кипарисами, сильно запыленными белой пылью – настоящие малярные кисти в известке, потом свернули в сторону и направились к гребню невысокой горы. Тут перед нами открылось озеро размером акра в четыре, заросшее у берегов тростником и зеленое от водных растений.

В тот день на спуске к озеру я шел немного впереди Теодора и вдруг остановился как вкопанный, с изумлением разглядывая тропинку впереди себя. Вдоль края этой тропинки тянулось русло ручья, сбегавшего в озеро. Ручеек был так мал, что даже весеннее солнце успело его высушить почти целиком, на дне у него оставалась лишь тоненькая струйка воды. Поперек ручья, подымаясь затем на тропинку и опять спускаясь в ручей, лежал, как мне показалось, толстый канат, и он был как живой. Приблизившись, я увидел, что канат состоит из множества каких-то маленьких, покрытых пылью змеек. Я сразу крикнул Теодору и, когда он подошел, показал ему на это чудо.

– Ага! – сказал Теодор, и в глазах его загорелось любопытство. – Гм, да. Очень интересно. Elver.

Я спросил, к каким змеям относятся эти elver и почему они передвигаются все вместе.

– Нет, нет, – сказал Теодор. – Это не змеи, это молодые угри, и, кажется, они... гм... понимаешь ли... пробираются к озеру.

Я с восторгом склонился над колонной этих маленьких угрей, решительно пробивающих себе путь по камням и траве, среди колючего чертополоха. Кожа у них была сухая и

запыленная. Их было там, наверно, миллионы. Кто бы мог подумать, что в этом пыльном, сухом месте можно встретить живых угрей!

– Вся история... гм... угрей, – сказал Теодор, опустив на землю сумку и устроившись поудобнее на камне, – очень любопытна. Видишь ли, в определенные периоды взрослые угри покидают пруды и реки, где они обитали, и... э... устремляются к морю. Это происходит со всеми европейскими угрями и со всеми североамериканскими. Куда они все уходят, долгое время оставалось загадкой. Ученые только знали, что обратно они никогда не возвращаются и что через какое-то время появляются молодые угри и заселяют те же реки и водоемы. Только гораздо позднее люди узнали, что происходит на самом деле.

Теодор задумчиво провел рукой по бороде и продолжал:

– Все угри направляются в море. Через Средиземное море они попадают в Атлантический океан и плывут к тому месту, которое называется Саргассово море, оно расположено, как ты знаешь, против берегов Южной Америки. Угрям... гм... к Северной Америке, конечно, не приходится столько плыть, но они тоже идут к тому же месту. Там они мечут икру и погибают. Личинка угря, когда она выходит из икры, выглядит совсем необычно... э... знаешь ли... она прозрачная и имеет форму листа. Эти личинки так непохожи на взрослых угрей, что долгое время их выделяли в особый род. Так вот, личинки медленно плывут обратно, направляясь к тем местам, откуда пришли их родители. К тому времени, когда они достигнут Средиземного моря или берегов Северной Америки, они выглядят так, как вот эти.

Теодор остановился, снова потрогал бороду и осторожно просунул конец трости в живую массу угрей, так что те сердито зашевелились.

– Видимо, в них очень... э... гм... очень силен инстинкт родного дома, – продолжал Теодор. – Ведь отсюда до моря не меньше двух миль, и, однако же, все эти маленькие угри оказались здесь, пробивая себе путь к тому самому озеру, где

жили их родители.

Теодор внимательно огляделся и показал мне на что-то тростью.

– Путешествие это довольно опасно, – заметил он, и я понял, что он имел в виду. Как раз над полоской угрей в небе черным крестиком плавала пустельга. Мы видели, как она камнем упала вниз и потом, крепко зажав в когтях клубок угрей, унеслась прочь.

Пока мы шли вдоль полосы угрей (они следовали в том же, что и мы, направлении), мы видели, как действуют другие хищники. При нашем приближении в воздух поднимались стайки галок, сорок, взлетела пара соек, и краем глаза мы успели заметить, как мелькнул и исчез в миртовых кустах огненный хвост лисицы.

Добравшись до озера, мы обычно действовали по заведенному уже порядку. Прежде всего определяли, под какой оливой нам лучше сложить еду и снаряжение, какая из них будет давать в полдень самую густую тень. Выбрав дерево, мы складывали под ним в кучку свои вещи, а потом с сачками и сумками шли к озеру и трудились все утро. Медленно, с сосредоточенным видом, словно пара цапель, высматривающих рыбу, шагали мы по воде и погружали в нее сачки сквозь путаницу водных растений. Здесь Теодор превосходил самого себя. Вокруг него звенящими стрелами носились большие алые стрекозы, а он стоял в воде и извлекал из ее глубин чудеса, каким позавидовал бы сам волшебник Мерлин.

Здесь, в спокойных, золотистых водах, раскинулись карликовые джунгли. По дну озера среди остатков прошлогодней листвы пробирались страшные, коварные, как тигры, хищники – личинки стрекоз. На отмелях, словно стадо толстых бегемотов в какой-нибудь африканской реке, резвились черные головастики, гладкие и блестящие, как лакричные леденцы. Среди зелени подводных дебрей суежилась и порхала, напоминая стаи экзотических птиц, разноцветная микроскопическая живность, тогда как внизу, у

корней, в темной глубине этого леса извивались и вытягивались вечно голодные пиявки и тритоны. А там, куда проникало солнце, среди волнистых холмов мягкой черной грязи в своих косматых шубах из обломков и веточек сонно ползали личинки ручейников – как только что очнувшиеся от спячки медведи.

– Ага, это вот довольно интересно. Видишь... гм... вон того червячка? Так это личинка огневки. Тебе, между прочим, не мешает взять ее для коллекции. Огневка интересна тем, что это одна из немногих бабочек, у которых личинка развивается под водой. Она живет там до тех пор, пока не настанет пора... гм... превратиться в куколку. Интересно, что у этого вида существуют... э... гм... две формы женских особей. У самца, конечно, полностью развиты крылья, он летает, как только выведется. Одна из самок тоже летает, но у другой, когда она выйдет из куколки... гм... крыльев нет, она продолжает жить под водой и плавает при помощи ног.

Теодор прошел чуть дальше по берегу, покрытому грязью, уже подсохшей и потрескавшейся на весеннем солнышке. С ветки ивы голубым фейерверком взлетел зимородок, а к середине озера спустилась и грациозно проскользила на своих серповидных крыльях крачка. Теодор погружал сачок в воду и тихонько водил им из стороны в сторону, будто гладил кошку. Потом выхватывал его и поднимал вверх, чтобы подвергнуть самому тщательному осмотру болтавшийся на конце пузырек.

– Гм, да, – говорил он, разглядывая пузырек сквозь лупу. – Несколько циклопов. Две личинки комара. Ага, это интересно. Видишь вон там личинку ручейника, которая соорудила свой чехлик целиком из раковин маленьких улиточек? Это... знаешь... очень красиво. А вот тут у нас, я думаю... да, да, тут у нас несколько коловраток.

Отчаянно стараясь угнаться за этим непрерывным потоком сведений, я спросил, что такое коловратки, и сквозь увеличительное стекло стал глядеть в пузырек, где прыгали и скакали эти самые обитатели вод.

– Прежде натуралисты называли их колесиками, – сказал Теодор, – из-за этих вот любопытных конечностей, которыми они так необычно размахивают, что становятся похожи... гм... э... на колесики часов. Когда ты в следующий раз придешь ко мне, я покажу их тебе под микроскопом. Это исключительно красивые создания. Все это, конечно, самки.

Я спросил, почему они обязательно должны быть самками.

– Это одна из наиболее интересных особенностей коловраток. Самки откладывают неоплодотворенные яйца. Гм... э... ну, вроде как у кур бывают яйца-болтуны. Только из яиц коловраток выводятся самки. Но в определенные периоды самки откладывают более мелкие яйца, из которых выходят самцы. Вот когда я покажу их тебе под микроскопом, ты увидишь, что у самки, как бы это сказать?... довольно сложное тело, пищевой тракт и все прочее... у самца же совсем ничего нет. Это всего лишь... э... плавающий мешок со спермой.

Я немел от сложностей личной жизни коловраток.

– Они интересны еще тем, – продолжал Теодор, весело нагромождая одно чудо на другое, – что в определенные времена... э... если лето выдалось жаркое или еще там что-то произошло, отчего пруд может пересохнуть, они опускаются на дно и покрываются такой твердой оболочкой. Это своего рода анабиоз, так как пруд может оставаться сухим... э... скажем, лет семь или восемь и они так и будут лежать в пыли. Но при первом же дожде, когда пруд наполнится водой, они вновь оживут.

Мы шли с ним дальше и опять опускали в воду сачки среди шарообразных скоплений лягушачьей икры и вытянутых ожерелий жабьей икры.

– Вот посмотри-ка... э... возьми на минутку лупу и посмотри... очень красивая гидра.

Под лупой зашевелился крохотный обрывок водоросли, к которому был прилеплен длинный, тонкий, кофейного цвета столбик с пучком нежных щупалец на конце. В это время

откуда-то появился круглый серьезный циклоп с двумя большими и, очевидно, тяжелыми сумками розовых яиц и резкими скачками подплыл слишком близко к извивавшимся щупальцам гидры. Он был проглочен в одно мгновение, успел лишь раза два дернуться перед смертью. Я знал, что если наблюдать подольше, можно по перемещению вздутия на столбике гидры проследить, как постепенно поглощается циклоп.

Вскоре мы определили по солнцу, что пора уже есть, и вернулись к оливковому дереву. Разложили свои припасы, достали имбирное пиво и приступили к трапезе под сонное пение только что появившихся весенних цикад и тихое, недоуменное воркование кольчатых горлиц.

– По-гречески, – сказал Теодор, неторопливо прожевывая бутерброд, – кольчатая горлица называется *dekaostura*, то есть восемнадцать монет. Есть легенда, что, когда Христос... гм... нес крест на Голгофу, один римский солдат, заметив, как он изнемогает, пожалел его. Как раз в том месте у дороги сидела старуха и продавала... гм... молоко. Солдат спросил у нее, сколько стоит кружка молока. Она ответила, что просит за нее восемнадцать монет. У солдата оказалось только семнадцать. Он... э... понимаешь... попросил старуху, чтобы она продала ему кружку молока для Христа за семнадцать монет, но жадная женщина настаивала на восемнадцати. И вот, когда Христа распяли, старуха превратилась в кольчатую горлицу. До конца дней ей суждено было летать кругом и повторять *decaocto*, *decaocto* – восемнадцать, восемнадцать. Если она когда-нибудь скажет *decaerpta*, семнадцать, то снова превратится в женщину, если же из упрямства произнесет *decaennaea*, девятнадцать, наступит конец света.

В прохладной тени оливы мелкие черные муравьи, похожие на ясные зернышки икры, разворовывали остатки нашего завтрака, суетясь среди сухой прошлогодней листвы, пожелтевшей и побуревшей под солнцем минувшего лета. Теперь она шуршала и хрустела, как крекер. По склону

позади нас прогоняли козье стадо. Уныло звякал колокольчик жожака, и было слышно, как пощелкивают челюсти коз, объедающих все на своем пути. Вожак подошел к нам вплотную и с минуту пялил на нас свои желтые глаза, обдавая запахом чебреца.

– Их нельзя оставлять... э... без надзора, – сказал Теодор, отгоняя козу палкой. – Они просто разоряют сельскую местность. Ничто ее так не губит.

Вожак насмешливо мекнул и ушел, уводя за собой свою банду опустошителей.

После еды мы с часок повалялись под деревом, разглядывая сквозь листву рассыпанные по небу мелкие белые облачка – словно отпечатки детских ладошек на синем замерзшем окне.

– Послушай, – сказал наконец Теодор, поднимаясь с земли. – Надо бы пойти на другую сторону озера... э... взглянуть, что там есть.

И вот мы снова бредем вдоль берега. Постепенно наши пробирки, бутылки и банки заполняются всевозможной микроскопической фауной, а мои коробки, ящички и мешочки уже до отказа набиты лягушками, маленькими черепашками и разными жуками.

– Мне кажется, – произносит Теодор и с сожалением смотрит на заходящее солнце. – Мне кажется... гм... что пора идти домой.

Мы с трудом поднимаем ставшие очень тяжелыми сумки и, закинув их за спину, устало тащимся домой. Впереди бодрой рысцой бежит Роджер, язык его свисает, как розовый флаг. Добравшись до дому и разместив своих пленников по более просторным квартирам, мы с Теодором отдыхаем, обсуждаем события минувшего дня и целыми галлонами поглощаем горячий, бодрящий чай, налегая как следует на сладкие, румяные, только что испеченные мамой лепешки.

Однажды я ходил на это озеро без Теодора, и в тот раз мне удалось совершенно случайно поймать одного водяного обитателя, с которым я давно хотел встретиться. Вытащив из

воды сачок, я стал разглядывать спутанный клубочек водных растений и вдруг увидел, что там – можете себе представить! – притаился паук. Я был в восторге. Мне уже, приходилось читать об этих интересных пауках, самых, должно быть, необычных пауках в мире, так как они ведут совершенно удивительный, водный образ жизни. Паук был размером с полдюйма и в чуть приметных серебристо-бурых крапинках. Я с торжеством посадил его в одну из своих жестяных банок и бережно понес домой.

Дома я отвел для него аквариум, набросал туда всяких веточек и водных растений, посадил паука на выступавший из воды прутик и принялся наблюдать. Паук тотчас же спустился по прутику в воду, где сразу оделся в красивое, блестящее серебро – благодаря множеству воздушных пузырьков, приставших к его волосатому телу. Минут пять он бегал под водой, исследуя все веточки и листики, и наконец выбрал себе место для жилья.

Паук этот – истинный изобретатель водолазного колокола, и я, усевшись перед аквариумом, наблюдал, как он его создает. Сначала паук протянул между веточками несколько длинных шелковых прядей, служивших основными растяжками, потом уселся примерно посередине и начал плести плоскую паутину не правильной овальной формы более или менее обычного типа, только с ячейками помельче, так что она напоминала скорее тонкую ткань. Эта работа заняла у него почти два часа. Заложив основу своего дома, паук должен был снабдить его теперь запасами воздуха. Для этого он стал совершать бесконечные рейсы к поверхности воды и выныривал на воздух. Когда паук возвращался, все его тело было в серебряных пузырьках. Он спешил вниз, садился под паутиной и начинал сметать с себя лапками пузырьки, которые тут же поднимались вверх и останавливались под паутиной.

После пятого или шестого рейса все эти мелкие пузырьки слились в один большой пузырек. По мере того как паук добавлял туда все новые и новые порции воздуха,

пузырь становился все больше, начиная давить на паутину, и вот наконец паук получил то, что ему нужно. Крепко расчаленный между веточками и водными растениями, в воде возникал колокол, наполненный воздухом. Теперь это был дом паука, где он мог жить вполне спокойно, не имея нужды часто наведываться на поверхность, потому что воздух в колоколе, как мне было известно, пополнялся кислородом от водных растений, а выделяемый пауком углекислый газ просачивался сквозь шелковые стены его домика.

Я глядел на этот удивительный образец мастерства и размышлял, как же сумел самый первый водяной паук (который только еще собирался стать водяным пауком) создать такой хитроумный образ жизни под водой. Но пауки эти интересны не только своим подводным строительством. В отличие от большинства других видов самец водяного паука вдвое больше самки, и после оплодотворения супруга не пожирает его, как нередко случается в семейной жизни пауков. По размерам моего паука я определил, что это самка, и брюшко у нее, кажется, было вздуто. Решив, что она находится в счастливом ожидании, я старался давать ей побольше добротной пищи. Она любила толстых зеленых дафний, которых умела ловить с необычным проворством, когда те проплывали мимо. Но, видимо, больше всего ей нравились новорожденные тритончики, и, хотя это была слишком крупная для нее дичь, она бросалась на них без колебания. Все, что ей удавалось поймать, она уносила в свой колокол и там поедала среди тишины и покоя.

В один прекрасный день я увидел, что самка расширяет свой колокол. Трудилась она над этим не спеша, и работа заняла два дня. И вот, заглянув утром в аквариум, я, к своему восторгу, увидел, что питомник заполнился круглыми яичками. В положенный срок из них вышли крохотные паучки – точная копия мамыши.

Теперь водяных пауков у меня было в избытке. Но вскоре я с негодованием заметил, что их мать, начисто лишенная родительских чувств, преспокойно поедает

собственное потомство. Пришлось отсадить малышей в другой аквариум. Однако, когда паучки подросли, они стали поедать друг друга, так что в конце концов я оставил у себя только двух наиболее умных с виду отпрысков, а остальных отнес на озеро и выпустил.

Глава шестая. Крабы и каракатицы

Каждое утро, когда я просыпался, комната моя была вся в полосках солнечного света, проникавшего сквозь закрытые ставни. Собаки уже умудрялись без моего ведома залезть ко мне под кровать и теперь, растянувшись, спали безмятежным, крепким сном. У окна сидел Улисс и с крайним неудовольствием шурился на золотые солнечные полосы. За окном раздавались хриплый, насмешливый крик петуха и тихое, умиротворяющее (словно овсяная каша булькала на плите) квохтанье кур, рывшихся под лимонными и апельсиновыми деревьями, отдаленный звон козьих колокольчиков, громкое чириканье воробьев на карнизах и неожиданный суетливый щебет, означавший, что в гнездо под моим окном вернулись заботливые ласточки и принесли своему выводку полный клюв еды. Сбросив простыню и прогнав собак на середину комнаты, где они встряхивались, потягивались и зевали, скрутив листиком свои яркие розовые языки, я шел к окну отворять ставни. Затем, пока мои глаза привыкали к яркому свету, я растягивался на подоконнике, выставив на утреннее солнце свое голое тело, на котором виднелись маленькие розовые пятнышки от укусов собачьих блох, и в задумчивости почесывался. Перестав наконец жмуриться, я бросал взгляд через серебряные верхушки олив на берег и на море, синевшее в полумиле от нашего дома. Именно здесь, на этом берегу, появлялись время от времени рыбаки со своими сетями, что всегда было для меня чрезвычайным событием, поскольку в сетях, вытасненных из синих глубин залива, всегда оказывалось много замечательных морских животных, каких я сам добыть бы не

смог.

Едва завидев на волнах маленькие рыбацьи лодки, я живо одевался и, прихватив нужный скарб, вылетал через оливковые рощи на дорогу и дальше к морю. Почти всех рыбаков я знал по имени, но особую дружбу водил с одним высоким и сильным парнем с копной темно-рыжих волос. Имя его было Спиро, в честь неизменного святого Спиридиона, и поэтому, чтобы отличать его от всех других Спиро, каких я знал, я называл его Кокино, что значит рыжий. Кокино охотно добывал для меня образцы животных, и, хотя сами животные его ничуть не интересовали, ему доставляло удовольствие видеть мою неподдельную радость.

Однажды я пришел на берег как раз в то время, когда вытаскивали невод. Загорелые рыбаки тянули за мокрые веревки, с силой упираясь в песок босыми ногами, и все ближе подводили тяжелые сети к берегу.

– Будь здоров, кирие Джерри, – крикнул мне Кокино, махнув большой веснушчатой рукой. Волосы его вспыхнули на солнце костром. – Сегодня у нас будут для тебя интересные животные. Мы забросили невод на новом месте.

Я присел на песок и стал терпеливо ждать, а рыбаки с веселой болтовней и шутками продолжали свое дело. Через некоторое время в воде показалась и вскоре вышла на поверхность верхняя часть невода. Уже было видно, как блестит и сверкает в сетях рыба. Когда невод вытащили, он был весь как живой, дрожал от бившейся в нем с шумом рыбы – ровное, глухое стаккато рыбьих хвостов, отчаянно хлеставших друг друга.

Рыбаки поднесли корзины и стали выбрасывать в них из невода рыбу. Красная рыба, белая рыба, рыба в темно-красных полосках, скорпена, похожая на огненно-красный гобелен. Иногда попадались осьминог или каракатица со своими человеческими глазами, тревожно глядевшими из глубины сетей. Когда вся съедобная часть улова была благополучно разложена по корзинам, наступил мой черед.

На дне сетей всегда оставалась большая куча камней и морских водорослей, вот там-то и были мои трофеи.

Однажды я нашел плоский круглый камень, из середины которого поднималось очень красивое коралловое деревце безупречной белизны. Оно было как молодая березка зимой, покрытая слоем пушистого снега. Иногда мне попадалась кожистая морская звезда, пухлая, как бисквитный торт, и почти такого же размера. Цвет у нее светло-коричневый, с яркими алыми точками, а по краям не вытянутые, как у всех звезд лучи, а круглые фестоны. Один раз я вытащил из кучи двух удивительных крабов, у которых ноги и клешни, когда они их подбирают, точно совпадают с краями овального панциря. Окрашены они в белый цвет, и на спине ржаво-красный рисунок – настоящая маска туземца.

В то утро Кокино, разложив по корзинам последнюю рыбу, подошел мне помочь. В большой куче водорослей был обычный ассортимент мелких кальмарчиков, морских игл, крабов-пауков и разных рыбок, которые, несмотря на свои малые размеры, не смогли проскользнуть сквозь ячейки сети. Вдруг Кокино хмыкнул от радостного удивления, вытащил что-то из спутанного клубка водорослей и протянул мне на своей жесткой ладони. Я поглядел и глазам не поверил, потому что это был морской конек. Буро-зеленый, очень складный, удивительно похожий на шахматную фигурку, он лежал на ладони Кокино и хватал воздух своим открытым, сильно выступавшим вперед ртом. Хвост его судорожно скручивался и раскручивался. Я в один миг сгреб его с ладони и опустил в банку с морской водой, мысленно вознося молитву святому Спиридону за то, что он помог мне спасти конька. К моей радости, конек сразу расправился и повис посреди банки, плавнички по бокам его лошадиной головы мелко-мелко дрожали, сливаясь в неясное пятно. Убедившись, что с коньком все в порядке, я снова начал рыться в водорослях с лихорадочным волнением золотоискателя, промывающего песок со дна реки, где он нашел самородок. Усердие мое было вознаграждено, и через

несколько минут в банке у меня уже сидели шесть коньков разной величины. Вне себя от такой удачи я быстро попрощался с Кокино и остальными рыбаками и полетел домой.

Дома я бесцеремонно выдворил из аквариума живших там четырнадцать веретениц и предназначил его для своих новых питомцев. Я знал, что кислорода в банке, где сидели морские коньки, надолго не хватит, поэтому, если я не хочу, чтобы они погибли, надо поторапливаться. Я схватил аквариум и пошел к морю. Вымыл там его как следует, насыпал на дно песку и быстро вернулся домой, а потом еще три раза бегал к морю с ведрами, чтобы наполнить аквариум водой. Когда я выливал последнее ведро, пот лил с меня градом, я даже подумал, стоило ли так стараться из-за коньков? Ну конечно, стоило! Это я увидел сразу, как только коньки шлепнулись из банки в аквариум. Они моментально расправились, а потом, словно табунчик выпущенных на волю пони, закружились около раскидистой веточки оливы, которую я укрепил в песке на дне аквариума. Плавнички их двигались так быстро, что были совсем не видны, казалось, будто каждый конек движется с помощью какого-то внутреннего моторчика. Обозрев свои новые владения, все коньки собрались у ветки оливы, зацепились за нее хвостами и с серьезным видом застыли на месте.

Морские коньки сразу всем понравились. Это были почти единственные из всех животных, каких я приносил в дом, заслужившие единодушное одобрение всей семьи. Даже Лар-ри тайком наведывался ко мне в кабинет, чтобы взглянуть, как резвятся коньки в своем водоеме. У меня морские коньки отнимали очень много времени. Вода в аквариуме быстро портилась, и приходилось раза четыре или пять на дню бегать с ведрами к берегу моря. Это было совсем не легким делом, но я радовался, что не бросил его, иначе мне не пришлось бы увидеть необыкновенное чудо.

У одного из коньков, очевидно старого, так как он почти весь почернел, было очень большое брюшко. Я приписывал

это только возрасту. Но вот как-то утром мне бросилась в глаза полоска на его брюшке, будто проведенная лезвием бритвы. Я стал следить за ним, пытаюсь узнать, не было ли драки между морскими коньками, а если была, то что они использовали в качестве оружия (ведь на вид коньки были такие беспомощные), но тут, к моему величайшему изумлению, разрез на брюшке чуть расширился и оттуда выскочил крохотный морской конечек. Я едва мог поверить своим глазам. Как только этот малыш чуть отплыл в сторону и повис в прозрачной воде, из брюшка появился другой, за ним еще один, потом еще и еще, и вот уже двадцать микроскопических коньков крутились облачком дыма около своей гигантской мамы. Испугавшись, как бы другие взрослые коньки не съели малышей, я поставил другой аквариум и отсадил туда, как мне представлялось, мамашу и ее отпрысков. Наполнять свежей водой два аквариума было еще труднее, чувствовал я себя как загнанная лошадь, однако решил держаться до четверга, когда придет Теодор и можно будет показать ему свои сокровища.

– Ага, – сказал Теодор, с профессиональным любопытством заглядывая в аквариум. – Это и в самом деле интересно. Судя по литературе, морские коньки, конечно, должны быть в этих местах, но сам я... никогда их здесь раньше не видел.

Я показал Теодору другой аквариум, где плавала мамаша со стайкой малышей.

– Нет, – сказал Теодор. – Это не мать, это отец.

Сначала я подумал, что Теодор просто разыгрывает меня, но он объяснил, как все происходит на самом деле. Когда самка выметет икру и самец оплодотворит ее, он забирает икринки в свою специальную выводковую камеру, и они там у него развиваются. То, что я принял было за гордую мамашу, оказалось на самом деле гордым отцом.

Скоро мне стало совсем не по силам держать конюшню с морскими коньками и снабжать их свежей водой и запасами пищи. С величайшим сожалением я вынужден был выпустить

их на волю.

Кокино не только добывал животных для моей коллекции, но и показал мне один из самых удивительных способов рыболовства.

Как-то я встретил его на берегу, где он возился в своей углой лодочке, ставил в нее банку из-под керосина, наполненную морской водой. На дне банки лежала большая, благодушная на вид каракатица, обвязанная веревкой в том месте, где голова ее соединялась с большим яйцевидным телом. Я спросил Кокино, куда он собрался, и он ответил, что собрался ловить каракатиц. Это меня удивило, потому что в лодке не было ни удочек, ни сетей, ни даже остроги. Я спросил, как же он думает ловить каракатиц.

– С помощью любви, – загадочно сказал Кокино.

Я считал, что долг естествоиспытателя велит мне исследовать все способы ловли животных, и сразу же спросил Кокино, может ли он взять меня с собой. Мы вышли в голубой залив и остановились в тех местах, где глубина достигала двух саженей. Здесь Кокино вытащил конец веревки, за которую была привязана каракатица, и намотал его на большой палец ноги, потом достал каракатицу и бросил за борт лодки. Каракатица поплавала немного на поверхности, поглядела на нас как бы с подозрением и, выпустив струю воды, скачками поплыла прочь в голубые глубины залива. Веревка понемногу выскальзывала из лодки и вскоре туго натянулась. Кокино закурил сигарету, взъерошил свою огненную гриву.

– Теперь, – сказал он с улыбкой, – мы увидим, что может делать любовь.

Склонившись над веслами, Кокино медленно повел лодку по заливу, то и дело останавливал ее и с напряженным вниманием следил за веревкой на своем пальце. Вдруг он слегка хрюкнул, отбросил весла, так что они прижались к бортам лодки, как крылья бабочки, и, схватившись за веревку, стал тянуть ее к себе. Я перегнулся через борт лодки и во все глаза глядел сквозь прозрачную воду, стараясь увидеть конец

туго натянутой веревки. Кокино стал тянуть быстрее. Через некоторое время в глубине появилось неясное пятно, и вскоре я разглядел каракатицу. Когда она приблизилась, я с удивлением увидел, что это не одна каракатица, а две, крепко сцепившиеся вместе. Кокино быстро подтянул их к себе, выдернул из воды и опустил на дно лодки. Самец, видно, был слишком увлечен возлюбленной, и даже внезапный переход из родной стихии на открытый воздух ничуть его не беспокоил. Он так крепко вцепился в самку, что Кокино не сразу удалось оторвать его и бросить в банку с морской водой.

Меня очень увлекла необычность такого способа ловли, хотя в глубине души я чувствовал, что это немного нечестно, не по-спортсменски. За час мы на сравнительно небольшом пространстве выловили пять каракатиц-самцов. Я удивлялся, что залив так густо населен, ведь днем тут каракатиц редко увидишь. Все это время каракатица-самка исполняла свою роль с безразличием стойка, но я все равно считал, что она заслужила награду, и уговорил Кокино отпустить ее на волю, хотя он сделал это с явным сожалением.

Я спросил, откуда Кокино знает, что каракатица привлечет самцов.

– Такое время, – пожал он плечами.

– Значит, в это время, – спросил я, – можно с тем же успехом привязать любую каракатицу?

– Да, – сказал Кокино. – Но, конечно, одни каракатицы могут, как и женщины, быть привлекательней других, и, значит, проку от них будет больше.

Жаль, что этот способ нельзя применять к другим животным. Как было бы чудесно, например, забросить на нитке в воду самку морского конька и вытащить ее потом обвешанную страстными поклонниками!

Насколько мне было известно, такой своеобразный способ лова применял один лишь Кокино, я никогда не видел, чтобы им пользовались другие рыбаки, а те, с кем я говорил, даже ничего не слышали о нем и не очень-то верили моим

рассказам.

У изрезанных берегов напротив нашего дома водилось особенно много разных животных, и, так как места эти были сравнительно мелкие, ловить там животных было нетрудно. Как раз в то время я уговорил Лесли построить для меня лодку, которая намного облегчила мне исследования. Эта плоскодонная, почти круглая посудина с сильным креном на правый борт, получившая название «Бутл Толстогузый», была после осла самой дорогой для меня собственностью. Уставив дно лодки банками, коробками и сачками и прихватив большой пакет еды, я пускался в вояж с командой из трех собак – Вьюна, Пачкуна и Роджера, а иногда брал с собой сову Улисса, если он изъявлял на то желание. В жаркую, безветренную пору мы целыми днями исследовали дальние заливчики и скалистые, покрытые водорослями архипелаги и пережили в этих экспедициях немало интересных приключений. Однажды нам попалась огромная стая «морских зайцев» (улитки тетис). У этих улиток пурпурное, яйцевидное тело с гофрированной оборочкой по краю и два странных выступа на голове, которые действительно очень похожи на длинные заячьи уши. Улитки скользили над песчаным дном и над камнями, направляясь куда-то к югу от острова. Друг к другу они не проявляли никакого интереса, и я заключил, что собрались они вместе не для спаривания, а просто мигрируют целым скоплением.

В другой раз, когда мы стояли на якоре в небольшой бухточке, к нам подплыла стайка толстых, добродушных дельфинов. По-видимому, их привлекла яркая, оранжево-белая окраска «Бутла». Дельфины резвились вокруг нас, прыгали, плескались, подплывали к самой лодке, выставив из воды улыбочные лица, и испускали через свои дыхальца глубокие, страстные вздохи. Один молодой дельфин, более решительный, чем взрослые, нырнул даже под лодку, и мы почувствовали, как его спина проехала по плоскому дну «Бутла». Я с восторгом смотрел на это восхитительное зрелище и в то же время старался подавить

бунт своей команды, которая реагировала на появление дельфинов совсем по-разному. Бьюн, никогда не отличавшийся храбростью, забился на нос лодки, дрожал там от страха и тихо скулил. Пачкун решил, что спасти свою жизнь можно только одним путем – покинуть корабль и пуститься вплавь к берегу, поэтому мне приходилось удерживать его силой, как и Роджера, убежденного, что, если б только ему позволили прыгнуть в море, он сумел бы один за несколько минут расправиться со всеми дельфинами.

Однажды я привез из такой экспедиции совсем необыкновенный трофей. В тот день все были в городе, за исключением Лесли, только что перенесшего жестокую дизентерию. Он лежал на диване в гостиной, слабый как котенок, пил чай со льдом и читал объемистый труд по баллистике. Мне Лесли сразу же заявил, и довольно ясным языком, чтоб я не надоедал ему и не вертелся перед глазами, а так как в город ехать мне не хотелось, я взял собак и направился к «Бутлу».

Когда мы плыли по заливу, я еще издали заметил на его спокойной поверхности большой клубок, как мне показалось, желтых водорослей. Морские водоросли всегда заслуживают внимания. В них неизменно оказывается масса разных мелких животных, а иногда, если вам повезет, то кое-что и покрупнее. Я, конечно, устремился к этому месту, но, когда подплыл ближе, увидел, что это вовсе не водоросли, а какой-то камень желтоватого цвета. Только какой же камень может плавать тут в воде, в заливе глубиной двадцать футов? Я пригляделся повнимательней и, к своей невероятной радости, увидел, что это была черепаха, и довольно большая. Подняв весла, я цыкнул на собак, перешел к носу лодки и ждал там, сгорая от нетерпения, пока «Бутл» все ближе подплывал к черепахе. Черепаха лежала на поверхности воды и, казалось, крепко спала. Надо было поймать ее, прежде чем она успеет проснуться. Сачки и прочее снаряжение, бывшее у меня в лодке, вовсе не предназначались для ловли черепах длиной не меньше трех футов. Мне казалось, что поймать ее

можно, только нырнув в воду, ухватить как-нибудь и перекинуть в лодку, пока она еще не проснулась. Я был слишком возбужден, и мне даже в голову не пришло, что черепаха такого размера может обладать немалой силой и вряд ли сдастся без борьбы.

Когда лодка была футах в шести от черепахи, я набрал воздуха в легкие и нырнул. Нырять я решил прямо под черепаху, чтобы отрезать ей путь к отступлению. Погружаясь в теплую воду, я произнес коротенькую молитву, дабы всплеск от моего тела не разбудил черепаху, а если она все же проснется, то чтобы спронеья не успела быстро удрать. Нырнул я довольно глубоко и сразу повернулся на спину. Надо мной, как огромная золотая гинея, лежала черепаха. Я бросился вверх и крепко ухватил ее за передние лапы, свисавшие из панциря наподобие серпов. К моему удивлению, черепаха не проснулась даже от таких действий. Когда я, отфыркиваясь и все еще сжимая лапы, поднялся на поверхность и проморгался, я понял, в чем дело. Черепаха была дохлая. Издохла она уже давно, как о том свидетельствовали мое собственное обоняние и стайки мелких рыбок, клевавших ее чешуйчатые конечности.

Досадно, что и говорить, но все же мертвая черепаха лучше, чем ничего. Я подтянул ее тело к лодке и крепко привязал у борта за один лап. Собаки были страшно заинтригованы, они решили, что я раздобыл специально для них какое-то невиданное лакомство. «Бутл» из-за своей формы никогда не был легко управляемым судном, а теперь, когда у него на боку болталась дохлая черепаха, он и вовсе норовил крутиться на одном месте. И все же после целого часа напряженной гребли мы благополучно добрались до пристани. Привязав лодку, я вытащил черепаху на берег и как следует рассмотрел ее. Это была черепаха-бисса. Из панциря черепах этого вида выделывают оправу для очков, так что чучело ее иногда можно увидеть в витрине магазинов оптики. У биссы массивная голова с морщинистой желтой кожей и с загнутым наподобие клюва носом, что придает ей

необыкновенное сходство с ястребом. Панцирь у моей черепахи был местами побит – следы морских штормов, а может, акулиных зубов – и украшен гроздьями белоснежных мелких рачков, морских уток. Нижний щит желтоватого цвета вминался, как толстый размокший картон.

Только недавно я произвел замечательное анатомирование дохлой речной черепахи, и теперь мне представлялся идеальный случай сравнить внутреннее строение морской черепахи со строением ее пресноводного собрата. Я быстро сбегал наверх за садовой тачкой, отвез на ней к дому свой трофей и торжественно разложил его на веранде. Затем приготовил тетрадь для записей, аккуратно, как в операционной, разложил свои пилки, скальпели, бритвенные лезвия и приступил к делу.

Глава седьмая. Веселая суматоха под оливами

В мае месяце сбор урожая маслин был уже в полном разгаре. Налившись соком под жарким весенним солнцем, созревшие плоды осыпались с ветвей и блестели среди зелени травы россыпью драгоценного черного жемчуга. Тоша являлась пестрая толпа крестьянок с корзинами и жестяными ведрами на головах. Присев на корточки у корней деревьев, они принимались наполнять свои ведра и корзины, щебеча при этом словно воробышки. Иные из деревьев плодоносили уже по пяти столетий, и все пять столетий крестьянки собирали урожай точно так, как сейчас.

А какое подходящее время посплетничать и посмеяться! Обыкновенно я перебегал от дерева к дереву, от одной группы к другой, присаживался рядом с крестьянками и, помогая им собирать урожай, выслушивал массу сплетен о всяческих ближних и дальних родичах и друзьях каждой из сборщиц. А иногда я устраивался вместе с ними обедать под деревьями, они жадно поглощали ломти кислого черного хлеба и маленькие плоские лепешки, приготовленные из прошлогодних сушеных фиг и завернутые в виноградные

листья. Отобедав, крестьянки заводили песни – меня всегда поражало, как это голоса крестьянок, хриплые и грубые в обыденной речи, сливались в столь щемяще сладкой гармонии во время пения. В это время года между корнями олив только-только начинали распускаться желтые восковые крокусы, а берега моря становились алыми от расцветающих колокольчиков, и сами крестьянки, собравшиеся под деревьями, походили на ожившие клумбы, а их песнопения – сладостные и меланхолические, словно звуки колокольчиков, что привязывают на шею козам, – далеко разносились между стволов под кронами седых олив.

Но вот корзины и ведра наполнены. Крестьянки водружали их на головы и длинной щебечущей вереницей несли к давилне. Давильня представляла собою угрюмое, мрачное сооружение и располагалась поодаль в долине, по которой струился блестящий тонкий ручей. Над прессом председательствовал папаша Деметриос – крепкий старик, узловатый и согбенный, словно старые оливковые деревья, с абсолютно лысой головой и белоснежными усами, чуть подкрашенными никотином. Ходили слухи, что у него самые огромные усищи на всем Корфу. Характер у папаша Деметриоса был стервозный и несносный, но ко мне он почему-то относился с симпатией, и мы прекрасно находили общий язык. Он даже допускал меня ко святой святых – прессу.

Это был огромный круглый резервуар наподобие пруда, где разводят декоративных рыбок. Только вместо рыбок в нем находился гигантский каменный жернов, вращавшийся на деревянной стойке. Жернов приводился в движение старой клячей папаша Деметриоса, которая все ходила и ходила по кругу с надетым на голову мешком, чтобы у нее не случилось головокружения, а оливки, приносимые крестьянками, все текли и текли мерцающим каскадом. От размалываемых жерновом плодов воздух наполнялся резким кислым запахом. Слышались только цокот копыт, ворчание жернова и постоянный плеск вытекающего из отверстий золотистого,

как солнечные лучи, масла.

В одном из углов давилъни возвышался большой черный курган из рыхлой массы – вот все, что осталось от черных жемчужин, побывавших под жерновом! Из размолотых семян, мякоти и кожицы делались черные брикеты, похожие на торфяные. От них исходил столь приятный густой кисло-сладкий запах, что так и хотелось попробовать на вкус. Но скармливали их скоту и лошадям, добавляя в зимний корм, а то использовали как топливо, и горели они очень жарким, хотя и едким пламенем.

Из-за дурного нрава папаша Деметриоса крестьяне почитали за благо поскорее высыпать оливки да убраться прочь – как знать, с какой ноги встал сегодня папаша Деметриос. А потому старик страдал от одиночества и допускал меня в свои владения столь охотно. От меня он узнавал все местные сплетни – кто за кем ухлестывает, у кого прибавление в семействе и какое – мальчик или девочка, а то и что-нибудь попикунтнее, вроде того что Пепе Кондос попал в кутузку за контрабанду табака. В благодарность за то, что я был для него живой газетой, папаша Деметриос отлавливал зверюшек для моей коллекции: то бледно-розового, судорожно дышащего геккона, то богомола, а то и полосатую гусеницу олеандрового бражника, раскрашенную, словно персидский ковер, в розовый, серебряный и зеленый цвета. Не кто иной, как папаша Деметриос, раздобыл мне одно из самых очаровательных созданий – жабу-чесночницу, которую я окрестил Августус Почешибрюшко.

Как-то раз, увлекшись сбором оливок и слушаньем крестьянских сплетен, я вдруг почувствовал, что хочу есть. Я знал, что в давилъне у папаша Деметриоса всегда припасено много всякой вкуснятины, а потому решил навеститься к нему. Стоял яркий солнечный день, шаловливый легкий ветерок шуршал ветвями, словно перебирал струны арфы. Я бежал, подгоняемый прохладным дуновением и собаками, которые с лаем скакали вокруг меня, и когда, раскрасневшийся и запыхавшийся, я вбежал в помещение давилъни, то застал

папашу Деметриоса колдующим над огнем, в котором горели брикеты оливкового жмыха.

– А, это ты! – сказал он, поглядев на меня суровым взглядом. – Явился, не запылится! И где же ты был? Я не видел тебя целых два дня! Я так понимаю, что теперь, весной, тебе уже не до такой старой развалины, как я!

Я объяснил, что был занят множеством дел, – в частности, нужно было смастерить новую клетку для сорок, которые совершили налет на комнату Ларри, и тот, пожалуй, поотрывает им головы, если их сейчас же не водворить за решетку.

– Хм, – сказал папаша Деметриос. – Ну что ж. Хочешь кукурузы?

Я ответил старательно-безразличным тоном, что больше всего на свете мне хочется именно кукурузы.

Папаша Деметриос встал, заковылял на кривых ногах к прессу и возвратился с большой сковородкой, листом жести, служившим крышкой, бутылкой масла и пятью початками сушеной кукурузы, золотистыми с коричневым оттенком, точно бульонные кубики. Он поставил сковородку на огонь, плеснул на нее немного масла и дождался, когда оно приятно зафырчало, забулькало и стало слегка дымиться. Тогда он взял початок и покрутил его между своими подагрическими ладонями, так что золотые бусины застучали по днищу сковородки, словно градины по крыше. Накрыв сковородку листом жести, он довольно фыркнул, сел и закурил папиросу.

– Про Андреаса Папоякиса слышал? – спросил он, поправляя свои роскошные усы.

– Нет, не слышал. А что?

– Да так, – с явным удовольствием молвил он. – Этот придурок попал в больницу.

Я сказал, что мне крайне неприятно слышать такое, потому что Андреас мне нравился. Это был веселый, добросердечный юноша, в котором жизнь была ключом, вот только делал он все не так.

В деревне поговаривали, что дай ему волю, он и на осле

поедет задом наперед.

– Так что же с ним стряслось? – спросил я.

– Взорвался, – сказал папаша Деметриос и сделал паузу, ожидая моей реакции.

Я слегка присвистнул от ужаса и медленно покачал головой. Удостоверившись, что я весь внимание, папаша Деметриос уселся поудобнее.

– А произошло-то вот что, – начал он. – Сам же знаешь, у этого мальчишки дурья башка. Пустая, как ласточкино гнездо зимой! А ведь добрый малый, мухи не обидит! Так вот, отправился он с динамитом рыбку глушить. Знаешь такой заливчик возле Бенитсеса? Ну вот, прибыл он туда на своей лодке, ему, видишь, кто-то сказал, что местный полицейский уехал на весь день обследовать побережье. Ему бы, дурачку, сперва проверить, убедиться, что этот полицейский и впрямь обследует побережье, а он развесил уши.

Я горестно пощелкал языком. За глушение рыбы динамитом полагается пять лет тюрьмы и крупный штраф.

– Ну, – продолжал папаша Деметриос, – значит, сел он в лодку и стал медленно грести вдоль берега. Тут он увидел впереди на мелководье огромную стаю барбуней. Он бросил весла и зажег фитиль.

Папаша Деметриос сделал драматическую паузу, посмотрел, как там на сковородке кукуруза, и закурил новую папиросу.

– Все бы ничего, – продолжал он, – да вот беда: только он собрался бросить динамитную шашку, как вся рыба уплыла. Как ты думаешь, что сделал этот кретин? Прямо с динамитом в руке он бросился их догонять. И тут ба-бах!

– Так от него, пожалуй, мало что осталось после этого, – заметил я.

– Как же, – презрительно сказал папаша Деметриос. – Он и взорваться-то как следует не сумел. Взял такую крохотную шашку, что ему всего-навсего оторвало правую руку. И как раз полицейский-то его и спас! Бедняге удалось догresti до берега, но он потерял столько крови, что так и

умер бы на месте, не окажись поблизости полицейского, который и не думал никуда уезжать. Услышав взрыв, он помчался на берег посмотреть, кто там глушит рыбу. По счастью, мимо как раз проезжал автобус. Полицейский остановил его и отвез бедолагу в больницу.

– Право, жаль, что такое случилось с Андреасом. Он ведь такой добряк! Хорошо, хоть жив остался! И что же, когда он поправится, его посадят на пять лет в Видо?

– Нет, нет, – успокоил меня папаша Деметриос. – Полицейский сказал, что, по его мнению, парень и так достаточно наказан. Он даже сказал в больнице, что руку бедолаге оторвало шестерней.

Между тем кукурузные зерна на сковородке начали взрываться, хлопая, словно миниатюрные пушечки, и звонко ударяясь о жесть. Папаша Деметриос снял сковороду с огня, а затем поднял крышку. Лопнув от жара, зернышки превратились в маленькие желто-белые кучевые облачка, хрустящие и удивительно вкусные. Тут папаша Деметриос вынул из кармана крохотный бумажный кулечек и развернул его. Там оказалась серая крупная морская соль; мы макали в нее крохотные облачка и хрустели ими с превеликим наслаждением.

– У меня для тебя еще кое-что есть, – сказал наконец старик, тщательно вытирая усищи большим красно-белым платком. – Очередная жуткая тварь из тех, что ты так обожаешь.

Набив рот остатками кукурузы и вытерев руки о траву, я взволнованно спросил его, что же это.

– Сейчас увидишь, – сказал старик, вставая. – Очень любопытная животина. Я сам никогда таких не видел.

Я с нетерпением ждал. Наконец он вернулся, неся помятую жестянку, заткнутую листьями.

– Вот, – сказал он. – Только осторожно, она вонючая.

Я вытащил затычку из листьев и заглянул внутрь жестянки. Папаша Деметриос оказался прав – тот, кто сидел в жестянке, вонял чесноком, словно автобус с крестьянами в

базарный день. На дне банки находилась зеленовато-коричневая жаба с довольно мягкой кожей, среднего размера, с огромными янтарными глазами; пасть ее застыла в постоянной, я бы сказал какой-то нездоровой, ухмылке. Когда же я запустил туда руку, чтобы вытащить жабу, она сунула голову между передними лапками, а ее выпученные глаза закатились удивительным жабым образом, после чего она издала резкий крик, похожий на блеяние миниатюрной овцы. Когда я вынимал эту тварь из жестянки, она отчаянно сопротивлялась, при этом жутко воняя чесноком. Я заметил, что на задних лапках у нее были черные роговые наросты, похожие на лемеха. Я был несказанно обрадован такому подарку, потому что потратил массу времени и энергии в попытках выследить подобную жабу. Рассыпавшись в благодарностях перед папашей Деметриосом, я торжественно отнес подарок домой и поместил его в аквариум, который стоял у меня в спальне.

Я насыпал на дно аквариума дюйма два-три песка и земли, и Августус, как я окрестил своего нового питомца, тут же принялся строить себе жильё. Он делал весьма любопытные движения задними лапками, используя роговые выросты как лопаты. Быстро подвигаясь задом наперед, он выкопал себе нору и спрятался в ней; снаружи торчали только выпученные глаза да ухмыляющийся рот.

Вскоре я обнаружил, что Августус удивительно умное создание, — чем более ручным он становился, тем больше открывалось в нем привлекательных черт характера. Когда я входил в комнату, он тут же вылезал из норки и делал отчаянные попытки пробиться ко мне сквозь стеклянные стенки аквариума. Когда я вынимал его и сажал на пол, он скакал по комнате за мною вслед, а если я садился на стул, он мужественно карабкался по моей ноге, хотя это стоило ему большого труда, и, добравшись до колена, растягивался в лишенных всякого достоинства позах, наслаждаясь теплотой моего тела, медленно помаргивая, ухмыляясь и постоянно сглатывая. Именно тогда я открыл, что он любит, когда я

ласково щекочу ему брюшко, пока он полеживал на спине, и с тех пор я добавил к кличке Августус еще и прозвище Почешибрюшко. Но самым забавным в его поведении было то, что он пел песни в благодарность за еду. Когда я держал над аквариумом огромного извивающегося земляного червя, Августус приходил в состояние блаженства – глазички его выпучивались все больше и больше, выдавая нарастающее возбуждение, он тихонько похрюкивал, словно поросенок, и издавал тот же странный блеющий крик, что и в тот раз, когда я впервые взял его в руки. Когда червяк в конце концов плюхался у него перед носом, он начинал быстро кивать головой, как бы в знак благодарности, хватал червя за один конец и запихивал себе в пасть большими пальцами. Всякий раз, когда к нам приходили гости, мы всегда угощали их концертом Августуса Почешибрюшко, и те вынуждены были согласиться, что такой сладкоголосой жабы со столь богатым репертуаром им никогда не доводилось слышать.

Как раз в это время Ларри ввел в наш круг новых друзей – англичанина Дональда и австрийца Макса. Последний был длиннющий, как жердь, с роскошными вьющимися русыми волосами, светлыми усами, похожими на изящную бабочку, севшую ему на верхнюю губу, и добрыми ярко-голубыми глазами. Дональд, напротив, был бледнолицым коротышкой, одним из тех англичан, которые на первый взгляд производят впечатление не только бессловесных, но и безликих.

Ларри встретился с этой разнокалиберной парой в городе и тут же широким жестом пригласил их к нам выпить. Тот факт, что они, успев изрядно принять, заявили к нам в два часа ночи, ни для кого из нас не явился потрясением – мы уже успели, или почти успели, привыкнуть к знакомствам Ларри.

Накануне мама, подхватив сильную простуду, рано легла спать. Остальные члены семьи тоже разбрелись по своим комнатам. Из всей компании бодрствовал я один: я ожидал прилета Улисса из его ночных странствий и уже приготовил ему ужин – мясо и мелко нарубленную печенку. Я

лежал и читал, когда до моих ушей донесся глухой, неясный звук, отзывавшийся эхом в оливковых рощах. Сначала я подумал, что это крестьяне возвращаются со свадебной пирушки, и не придавал ему значения. Но какофония все приближалась, и по цокоту копыт и звону колокольчика я догадался, что подвыпившие гуляки проезжают мимо нас по дороге на повозке. Однако песня, которую они горланили, была вовсе не греческой, и я удивился, кто бы это мог быть. Я вылез из постели, высунулся из окна и стал всматриваться сквозь оливы. Тут повозка свернула с дороги и покатила к нашему дому – я уже мог отчетливо рассмотреть ее, потому как кто-то из сидевших сзади развел в ней маленький костерчик. Озадаченный и заинтригованный, я наблюдал за огоньком, который то появлялся, то исчезал меж стволов деревьев и двигался к нашему дому.

В этот момент в ночном небе, словно медленно парящий парашютик одуванчика, показался Улисс и не нашел ничего лучшего, как сесть ко мне прямо на голое плечо. Согнав его, я принес миску с едой, которую он тут же принялся клевать и заглатывать, издавая при этом тонкие гортанные звуки и помаргивая блестящими глазами.

А повозка тем временем медленно, но настойчиво подбиралась к нашему дому, и вот она уже вкатилась во двор. Восхищенный открывшимся зрелищем, я высунулся из окна.

Сзади никакого костра не оказалось. Сидевшие там субъекты оба держали по огромному серебряному канделябру, и в каждом канделябре было по несколько большущих белых свечей, какие обычно ставят в церкви Святого Спиридона. Оба седока громко и безголосо, но с большим апломбом пели песню из «Девы гор», изо всех сил стараясь попадать в такт.

Повозка остановилась у самых ступеней лестницы, ведущей на веранду.

– В семнадцать лет... – печалился явно английский баритон.

– В семнадцать лет!... – вторил ему голос с ярко

выраженным среднеевропейским акцентом.

– Волшебную очей голубизною, – пел обладатель баритона, дико размахивая канделябром, – пленен он и сражен был наповал...

– Сражен биль наповал... – подтягивал среднеевропейский акцент, придавая бесхитростным словам столь сладострастный оттенок, что не услышав – не поверишь.

– А в двадцать пять... – продолжал баритон.

– А в двадцать пять...

– Пленился он совсем другою...

– Пленился он совсьем другою..., – скорбно подхватывал среднеевропейский акцент.

– И понял, сколь напрасно он столько лет страдал! – закончил куплет баритон и так яростно взмахнул канделябром, что свечи повывлетали из него, словно ракеты, и со свистом попадали в траву.

Дверь моей спальни открылась, и вошла Марго, одетая в ночную сорочку из множества кружев и чего-то напоминающего муслин.

– Что это за шум? – прошептала она хриплым осуждающим тоном. – Ты же знаешь, что мама нездорова.

Я объяснил, что не имею никакого отношения к источнику шума и что, похоже, нашей компании прибыло. Марго тоже высунулась из окна и уставилась на повозку, где певуны уже собрались затянуть следующий куплет.

– Слушайте, – крикнула она приглушенным голосом, – нельзя ли потише? Мама болеет.

Тут же пение смолкло, и в повозке поднялась долговязая фигура. Она подняла канделябр и с серьезным видом взглянула на высунувшуюся из окна Марго.

– Ни в коем случае, милая барышня, – сказала она замогильным голосом, – ни в коем случае не тревожить муттер.

– Ни в коем случае, – согласился из повозки английский баритон.

– Как ты думаешь, кто бы это мог быть? – взволнованно прошептала мне Марго.

– Да друзья Ларри, кто же еще? Ясно как Божий день.

– Так вы друзья моего брата? – прошептала Марго из окна.

– О да, благородное создание! – молвила высокая фигура, качнув канделябром в сторону Марго. – Он пригласил нас выпивать.

– Хм... Минутку, я сейчас спущусь, – сказала Марго.

– Всю жизнь мечтал глядеть на вас поближе, – сказал долговязый, как-то неуверенно кивая.

– Увидеть вас поближе, – поправил тихий голос из повозки.

– Сейчас я спущусь, – шепнула мне Марго, – впущу их в дом и прослежу, чтобы вели себя тихо. А ты пока разбуди Ларри.

Я надел шорты, бесцеремонно схватил Улисса, который в полудреме безмятежно переваривал пищу, и вышвырнул его в окно.

– Вот это да! – сказал долговязый, наблюдая, как Улисс улетал вдаль над посеребренными лунным светом верхушками олив. – Совсем как в замке Дракулы, правда, Дональд?

– Ей-богу, правда, – ответил тот.

Я помчался по коридору и ворвался в комнату Ларри. Чтобы растормошить его, потребовалось некоторое время, поскольку он, боясь заразиться от мамы, перед сном принял для профилактики полбутылки виски. Но вот наконец он проснулся и сел на кровати, глядя на меня туманным взором.

– Тебе какого лешего? – спросил он. Я объяснил, что прибыли два каких-то субъекта, которых он пригласил выпить.

– Только этого не хватало, – сказал Ларри. – Поди скажи им, что я уехал в Дубровник.

Я объяснил, что это будет неудобно, тем более что Марго уже пригласила гостей в дом, а так как мама неважно

себя чувствует, ее нельзя тревожить. Недовольно ворча, Ларри встал с постели, натянул халат, влез в шлепанцы, и мы по скрипучей лестнице спустились в гостиную. Первым, кого мы там увидели, был Макс – худощавый, жизнерадостный, добросердечный малый. Растянувшись в кресле, он помахивал канделябром, в котором не осталось ни единой свечи. В другом кресле, ссутулившись, сидел угрюмый Дональд, похожий на помощника могильщика.

– Какие у вас волшебные голубые очи, – сказал Макс, поводя на Марго указательным пальцем. – А ведь мы были петь о голубых очах, да, Дональд?

– Мы пели о голубых очах, – поправил Дональд.

– Я так и сказала, – доброжелательно заметил Макс.

– Ты сказал «мы были петь», возразил Дональд.

Макс на секунду задумался.

– В любом случай, – заявил он, – очи были голубой!

– Были голубые, – поправил Дональд.

– Наконец-то, – чуть слышно сказала Марго, когда мы с Ларри вошли в гостиную. – Я так понимаю, это твои друзья, Ларри.

– О, Ларри! – возопил Макс, пошатываясь с неуклюжей грацией жирафа. – Ты приглашала, вот мы и приходим.

– Очень мило, – сказал Ларри, пытаясь изобразить на своем сонном лице нечто вроде радушной улыбки. – Вы не могли бы говорить немного потише, поскольку мама приболела?

– Муттер, – сказал Макс с неколебимым убеждением, – самая важная вещь на свете!

Он повернулся к Дональду и, приложив палец к роскошным усам, сказал «тс-с!» с такою яростью, что мой преданный Роджер, до этого мирно дрыхнувший сном праведника, тут же вскочил и разразился залившимся лаем. К нему тотчас же присоединились Вьюн и Пачкун.

– Ну так же нельзя, – заметил Дональд, когда лай на секунду смолк. – Гости не должны доводить собак до такого скандала.

Макс встал на колени и облапил своими длинными руками неумолкающего Роджера. Я наблюдал за его действиями с некоторой долей тревоги: а вдруг Роджер не так поймет?

– Тьшише ты, гавкалка, – сказал Макс прямо в ощетинившуюся, воинственную морду Роджера.

К моему удивлению, Роджер тут же замолк и стал как ошалелый лизать Макса в лицо.

– Так... хм... хотите выпить? – сказал Ларри. – Извините, что не прошу вас задержаться надолго, – к сожалению, мама больна.

– Вы очень любезны, – сказал Дональд, – очень любезны. Однако я должен извиниться за него. Что вы хотите, чужеземец.

– Ну, я, пожалуй, пойду спать, – сказала Марго и попыталась покинуть компанию.

– Ну нет! – рявкнул Ларри. – А кто будет разливать напитки?

– Не уходи, – сказал Макс, развалившись на полу с Роджером в объятиях и глядя на нее умоляющим взором. – Не отворачивай от меня свой ясный глаз!

– Ну ладно, тогда я схожу принесу выпить, – обессиленно сказала Марго.

– А я помогаль вам! – сказал Макс, отпихивая Роджера и вскакивая на ноги.

У Роджера, видимо, сложилось обманчивое впечатление, что Макс собирался провести остаток ночи, ласково укачивая его на руках у гаснущих углей камина, и ему явно не польстило, что его вот так грубо отпихнули. Он снова залился лаем.

Тут распахнулась дверь гостиной, и в дверном проеме появился Лесли в костюме Адама и с ружьем наперевес.

– Черт побери, что тут происходит?! – рявкнул он.

– Лесли, потрудись одеться, – сказала Марго. – К Ларри пришли друзья.

– Вот черт, – разочарованно заявил Лесли, – и всего-то.

Он повернулся и отправился к себе наверх.

– Напитки! – восторженно сказал Макс и, обхватив Марго, провальсировал с нею под аккомпанемент почти истерического лая Роджера.

– Умоляю, постарайтесь потише, – сказал Ларри. – Макс, будь умницей, ради Бога!

– Право, нельзя же так, – укорил Дональд.

– Пожалейте маму! – сказал Ларри, очевидно поняв, что этим-то точно можно задеть Макса за живое.

Тот немедленно прекратил вальсировать и отпустил запыхавшуюся Марго.

– Где есть ваша муттер? – спросил он. – Леди больна... Я шагайт к ней и лечить.

– Оказание помощи, – заявил Дональд.

– Я здесь, – послышался в дверях мамин голос с легкой гнусавинкой. – Что у вас тут происходит?

Она стояла в ночной рубашке, кутаясь из-за простуды в большую шаль, из-под мышки у нее свисала, тяжело дыша, ее любимица – апатичная собачонка по кличке Додо.

– Ты как раз вовремя, мама, – сказал Ларри. – Познакомься. Вот это Макс, а вот это Дональд.

Тут Дональд впервые за все время зашевелился. Он встал, промаршировал через комнату к маме, взял ее руку и почтительно склонился к ней.

– Очень рад, – произнес он. – Прошу покорно простить за беспокойство. Мой друг, знаете ли, иностранец.

– Искренне польщена, – сказала мама, собрав все свои силы.

Что касается Макса, то стоило маме переступить порог, как он раскрыл объятия и устремил на нее такой исполненный благочестия взгляд, каким, наверное, взирал крестоносец на впервые открывшиеся ему башни Иерусалима.

– Муттер! – драматически вступил он. – Вы есть муттер!

– Здравствуйте, – неуверенным голосом откликнулась мама.

– Так вы, – напрямик спросил Макс, – и есть больная

муттер?

– О, всего лишь легкая простуда, – небрежно заметила она.

– Мы вас пробудили, – сказал Макс, бия себя в грудь, и глаза его наполнились слезами.

– Не «пробудили», а «разбудили», – тихо поправил Дональд.

– Пойдем, – сказал Макс и, обхватив маму своими длинными руками, со всей учтивостью, на какую только был способен, препроводил ее в кресло, стоявшее у камина. Затем он снял с себя пальто и нежно укрыл им мамины колени. После этого, присев подле нее на корточки, он взял ее за руку и серьезно заглянул ей в лицо.

– Что желайт, – спросил он, – что желайт муттер?

– Беспробудно спать всю ночь, – сказал внезапно вернувшийся Лесли, представ на сей раз не в столь шокирующем виде – в пижамных штанах и сандалиях.

– Макс, – строго сказал Дональд, – ты слишком увлекся. Ты, кажется, забыл, зачем мы сюда пришли.

– Ах да, – весело воскликнул Макс. – У нас чудесный новости, Ларри! Дональд решил стать писателем.

– Нужда заставила, – скромно пробормотал Дональд. – Посмотрел, как все роскошествуют. Гонорары рекой текут. Вот и я решил попробовать перо.

– Замечательно, – сказал Ларри, почему-то без особого энтузиазма.

– Я только что закончил, – продолжал Дональд, – первую главу, и мы пулей сюда, чтобы прочесть ее тебе.

– О Боже, – сказал Ларри, которого от ужаса прошиб холодный пот. – Нет, Дональд, не надо. В полтретьего утра мои способности воспринимать изящную словесность совершенно иссякли. Может, оставишь, а завтра я прочту.

– Она короткая, – сказал Дональд, не обращая внимания на мольбы Ларри и вынимая из кармана небольшой листок бумаги. – Но надеюсь, вы оцените стиль.

Ларри сердито вздохнул, и все уселись поудобнее в

томительном ожидании, пока Дональд прокашляется.

– Внезапно внезапные страсти, – начал он глубоким вибрирующим голосом, – внезапно внезапное сердце, внезапно, внезапно, внезапно, внезапно в слезах. Внезапно надежда мне счастье подарит, внезапно, внезапно, разлуку прогонит любовь. Внезапно минуют печали, внезапно обнимем друг друга, внезапно, внезапно, с устами сольются уста!

Засим последовала продолжительная пауза. Все ждали, когда Дональд продолжит. Сглотнув пару раз, как будто его переполнял восторг от собственного творчества, он тщательно сложил листок бумаги и водворил в карман.

– Ну, как? – спросил он Ларри.

– Хм... по-моему, коротковато, – осторожно произнес Ларри.

– Нет, а что ты думаешь о стиле? – спросил Дональд.

– Хм... по-моему, интересен. Но я думаю, он уже давно открыт, – сказал Ларри.

– Быть того не может, – заявил Дональд. – Я открыл его только этой ночью.

– Ну, я думаю, Дональду уже хватит. Ему нельзя больше пить, – громко сказал Лесли.

– Тише, милый, – укорила его мама. – Как же вы собираетесь назвать ваш труд, Дональд?

– Я думаю, – сказал Дональд, выпучив глаза, как сова, – я думаю назвать мой труд «Внезапная книга».

– Очень ясный заголовок, – заметил Ларри. – Только, на мой взгляд, тебе еще следует поработать над образами лирических героев, возможно, несколько углубить их, прежде чем отправляться в постель.

– Да, наверное, ты прав, – согласился Дональд.

– Все это очень интересно, – сказала мама, отчаянно чихнув, – но, думаю, лучше бы нам выпить по чашке чаю.

– Я поставлю чай, муттер, – воскликнул Макс, вскакивая на ноги, отчего все собаки вновь залились лаем.

– Я помогу, – сказал Дональд.

– Марго, милая, проводи гостей и покажи, где что лежит, – сказала мама.

Когда троица удалилась, мама посмотрела на Ларри.

– Ну, что, – холодно сказала она, – скажешь, твои друзья не со странностями?

– Ну, за Дональда могу поручиться, – отозвался Ларри. – Просто он слегка перебрал.

– И внезапно, внезапно, внезапно он напился, – пропел Лесли, подкладывая дров в камин и пиная их ногой, после чего пламя слегка ожило.

– Да они славные парни, – сказал Ларри. – Вот только Дональд понапускал всем обитателям Корфу пыли в глаза.

– То есть как? – спросила мама.

– Ну, – сказал Ларри, – ты ведь знаешь, что здешние жители обожают выуживать все личные тайны. Дональд с виду человек со средствами, да еще самый отъявленный британец, вот они и думают, что у него Бог знает какие связи и положение. А он развлекается тем, что сочиняет про себя всякие сказки. Кем он только не был, я слышал, будто он старший сын герцога, двоюродный брат лондонского епископа и даже незаконный сын лорда Честерфильда! Где он только не обучался – в Итоне, Хэрроу, Оксфорде, Кембридже, и, к моему восхищению, сегодня утром миссис Папанопулос уверяла меня, будто он получил образование в Гертоне «Гертон-колледж – известный женский колледж Кембриджского университета.»

В этот момент в гостиную вернулась Марго. Вид у нее был слегка растерянный.

– Хорошо бы тебе заняться своими гостями, Ларри, – сказала она. – Макс только что зажег кухонную плиту пятифунтовой купюрой, а Дональд вообще исчез. Кричит «ау!», а где он – непонятно!

Мы всей гурьбой бросились в большую, вымошенную камнем кухню, где на горячих углях уже начал петь чайник. Макс скорбно взирал на остатки пятифунтовой купюры в своей руке.

– Право, Макс, – сказала мама, – ну что за глупости. Макс просиял, увидя ее.

– Ради муттер никаких денег не жалко, – сказал он и сунул ей в руку остатки банкноты. – Храните ее, муттер, как сувенир.

– Ау! – донесся, вторясь эхом, жалобный крик.

– А вот и Дональд, – гордо сказал Макс.

– Где же он? – спросила мама.

– Не знаю, – отвечивал Макс. – Если он хотеть запрятаться, так он запрятаться.

Лесли прошел к задней двери и распахнул ее.

– Дональд! – позвал он. – Ты здесь?

– Ау! – раздался дрожащий крик со слабым резонансом.

– Боже! – сказал Лесли. – Этот полоумный недоносок свалился в колодец.

В саду позади кухни находился большой колодец глубиною примерно в полсотни футов; вглубь к водоносному слою шла толстая железная труба. По тому, как резонировал голос Дональда, мы совершенно уверились в правильности догадки Лесли. Захватив фонарь, мы поспешили к краю колодца и, расположившись по кругу, стали вглядываться в его темную глубину. Там, на глубине примерно двадцати пяти футов, и находился Дональд; крепко обхватив трубу руками и ногами, он смотрел на нас.

– Ау, – застенчиво сказал он.

– Дональд, какого черта, брось дурить, – разъярился Ларри. – Вылезай сейчас же! Если упадешь в воду, утонешь! Не то чтобы меня это больно волновало, просто испортишь нам воду в колодце.

– Не испорчу, – сказал Дональд.

– Дональд! – воззвал Макс. – Мы ждуть тебя! Вылезай! Там же холодно! Вылезай – попьем чайку с муттер и поговорим о твоей книга.

– Вы настаиваете? – спросил Дональд.

– Да, да, да, еще как настаиваем! – нетерпеливо сказал Ларри.

Дональд медленно и мучительно карабкался по трубе, а мы следили за каждым его движением затаив дыхание. Когда он оказался в пределах досягаемости, Макс и все члены нашей семьи нагнулись, дружно ухватили его за разные части тела и благополучно вытащили наружу. После чего мы сопроводили гостей в дом и поили горячим чаем, пока они хоть с виду не протрезвели, насколько это возможно после бессонной ночи.

– Пожалуй, теперь вам лучше поехать домой, – твердо сказал Ларри. – Завтра встретимся в городе.

Пошли провожать гостей на веранду. Повозка была на месте. Лошадь в оглоблях понуро свесила голову. Вот только возницы и след простыл.

– У них был извозчик? – спросил меня Ларри.

Я искренне признался, что был так очарован светом канделябров, что не обратил внимания, есть у них кучер или нет.

– Я буду за кучера, – сказал Макс. – А Дональд мне запоет.

Дональд осторожно расположился на задней скамейке и взял канделябры, Макс сел на козлы. Он хлестнул кнутом, как заправский кучер, и лошадь, выйдя из коматозного состояния, вздохнула и повезла повозку.

– Покойной ночи! – крикнул Макс, взмахнув кнутом. Мы проводили их взглядом, пока они не скрылись из виду за оливами, затем вернулись в дом и, вздохнув с облегчением, закрыли входную дверь.

– Право, Ларри, нельзя же приглашать гостей в такую пору, – сказала мама.

– Да я вовсе не приглашал их в такую пору, – раздраженно сказал Ларри. – Сами пришли. Я просто сказал им: приходите, выпьем.

В этот момент кто-то забарабанил кулаками во входную дверь.

– Ну, я пойду, – сказала мама и живехонько взбежала вверх по лестнице.

Ларри отворил дверь. На пороге с растерянным видом стоял возница.

– Где мой каррокино? – заорал он.

– А сам-то ты где был? – парировал Лари. – Кириос сами поехали.

– Так они украли мой каррокино? – вскричал кучер.

– Разумеется, они его не крали, балбес! – сказал Ларри, окончательно выведенный из терпения. – Им нужно было в город, а где ты шлялся, неизвестно. Вот они и укатили. Беги быстрее, может, еще догонишь.

Моля о помощи святого Спиридона, бедняга кучер со всех ног бросился сквозь оливковую рощу и помчался по дороге.

Не желая упускать заключительную сцену разразившейся драмы, я тут же побежал на наблюдательный пункт, откуда открывался прекрасный вид и на поворот к нашей вилле, и на дорогу, ведущую в город. Повозка как раз прошла поворот и бойко катила по направлению к городу. Дональд и Макс распевали счастливыми голосами. В этот момент кучер выскочил из оливковой рощи и, выкрикивая проклятия, бросился за ними в погоню.

Пораженный, Макс взглянул через плечо.

– Фолки, Дональд! Держись крепче! – заорал Макс и принялся безжалостно охаживать кнутом несчастную клячу, и та со страху перешла в галоп. Впрочем, галопом такой бег называется только у лошадей Корфу – как ни старалась бедная животина, преследователь неотступно бежал в десяти шагах позади повозки, изрыгая проклятия и чуть не плача от ярости. Макс, вознамерившись любой ценой спасти товарища, все яростнее нахлестывал кобылку, а Дональд, свесившись за задний борт, время от времени кричал: «Ба-бах!» Наконец вся кавалькада скрылась из виду.

На следующее утро за завтраком все мы чувствовали себя слегка заезженными. Мама суровым тоном читала Ларри нотацию относительно тех, кто является за выпивкой в два часа ночи. Как раз в этот момент подкатила машина Спиро, и

вот он уже вразвалочку восходит к нам на веранду, неся в руках огромный пакет, завернутый в коричневую оберточную бумагу.

– Это вам, миссисы Дарреллы, – сказал он.

– Мне? – молвила мама, надевая очки. – Что бы это могло быть?

Она осторожно развернула обертку. Там внутри сияла словно радуга огромная коробка шоколадных конфет – самая большая, какую я когда-либо видел за всю свою жизнь. К ней была пришпилена белая карточка, на которой красовалась надпись, выведенная явно трясушейся рукой:

«УМОЛЯЕМ, ИЗВИНИТЕ НАС ЗА
ВЧЕРАШНЮЮ НОЧЬ.»

Дональд и Макс.

Глава восьмая. Совы и аристократия

Наступила зима. В воздухе стоял запах дыма – это сжигали оливковые сучья. Ветер хлопал и скрипел ставнями, гонял по темному, нахмуренному небу стаи птиц и опавшие листья. Бурые горы на материке уже надвинули лохматые снеговые шапки; дождь заполнял размытые скалистые долины бушующими пенистыми потоками, которые мчались к морю, унося с собою грязь и обломки. Достигнув моря, они растекались по палубой воде словно желтые вены, усеивая поверхность луковичами морского лука, бревнами и причудливо изогнутыми ветвями, мертвыми жуками и бабочками, пучками бурой травы и обломками камыша. Прорвавшись из-за убеленных вершин Албанских гор, на нас налетали бури, то осыпая тучами белых хлопьев, то окатывая струями пронизывающего до костей ливня, побеги молний расцветали и угасали, будто желтые листья папоротника.

Как раз в начале зимы я получил письмо.

*«Дорогой Джеральд Даррелл,
Наш общий друг д-р Стефанидес
рассказывал, что Вы страстный любитель
природы и у Вас дома содержится множество
всяких зверюшек. А посему я подумала: а не
захотите ли Вы еще и белую сову, которую мои
работники нашли при разборке старого сарая? К
сожалению, у нее сломано крыло, но в остальном
она чувствует себя превосходно и аппетит у нее
отличный.*

*Если Вас это заинтересовало, я буду ждать
Вас в пятницу к ленчу – лучше всего между
четвертью первого и часом пополудни.
Возможно, Вы будете столь добры, что
сообщите, как Вы на это смотрите.*

Искренне Ваша Графиня Мавродаки».

Это письмо взволновало меня по двум причинам. Во-первых, мне всегда хотелось иметь сипуху, а эта сова, судя по всему, таковою и являлась; а во-вторых, все общество Корфу годами доискивалось знакомства с графиней, но все напрасно: она предпочитала жить отшельницей. Обладая несметным состоянием, она жила в обширной венецианской вилле в глубине острова, не общаясь ни с кем, кроме работников, обслуживавших ее огромные поместья. Теодор был вхож к ней только потому, что консультировал ее как врач. Ходили слухи, что у графини большая ценная библиотека, и потому Ларри набивался на приглашение на виллу, но тоже безуспешно.

– Боже, – с горечью сказал он, когда я показал ему приглашение. – Я целые месяцы добиваюсь знакомства с этой старой гарпией, чтобы посмотреть ее книги, а тебя она приглашает на ленч! Что и говорить, нет на свете справедливости!

– А может, – предложил я, – я поговорю с ней после ленча? Вдруг графиня допустит тебя к книгам?

– Боюсь, что после ленча с тобой она не покажет мне не то что библиотеки, но даже прошлогоднего номера «Тайме», – вяло сказал Ларри.

И все-таки, несмотря на невысокое мнение моего брата относительно моих способностей к светскому обхождению, я был полон решимости замолвить за него словечко, если подвернется подходящая возможность. Сознавая, что это большое, даже торжественное событие, я решил одеться понаряднее. Мои шорты и рубашка были тщательно выстираны, и я уговорил маму купить мне новую пару сандалий и новую соломенную шляпу. Поскольку до виллы графини было довольно далеко, я отправился верхом на Салли, на которой по такому случаю были новое седло и новая попона.

Великий день, однако, выдался хмурым, земля раскисла. «Кажется, буря собирается», – подумал я, надеясь, однако, что это случится не ранее, чем я доскачу до виллы – ведь дождь испортит хрустящую белизну моей рубашки. Чем дальше я трусил среди олив, порою вспугивая вальдшнепов, которые выпархивали из-под миртов у нас под самым носом, тем больше нервничал. Я решил, что плохо подготовился к визиту. Во-первых, я забыл свою редкостную диковину – заспиртованного четвероногого цыпленка. Мне казалось, что графине было бы любопытно на него взглянуть, и уж по всяком случае, была бы тема для разговора, которая помогла бы преодолеть неловкость на первой стадии встречи. Во-вторых, я забыл проконсультироваться, как же все-таки правильно обращаться к графине. «Ваше высочество»? Слишком формально. Тем более когда тебе дарят сову. «Ваше сиятельство»? Уже лучше. А может быть, просто «мадам»? Ломая голову над тонкостями протокольного характера, я совсем забыл о Салли, предоставив ее самой себе, и она тут же впала в дрему. Из всех вьючных животных, по-моему, только ослы способны спать на ходу. В результате она сдрейфовала к обочине, споткнулась, и я, погруженный в раздумья, угодил в канаву, где было на шесть дюймов воды.

пополам с грязью. Салли поглядела на меня с осуждающим удивлением, как обычно делала, когда чувствовала, что виновата. Я был вне себя от ярости. Я готов был придушить ее. Мои новые сандалии были полны липкой грязи, мои шорты и рубашка – такие чистые, такие образцово-показательные мгновение назад – были перепачканы грязью и остатками гниющих водорослей. Я чуть было не разрыдался с досады и обиды. До дома было слишком далеко, чтобы успеть вернуться и переодеться. Оставалось только одно – каким бы жалким ни был мой вид, упорно двигаться к цели, тем более что мне теперь уже было все равно, как обращаться к графине, я был уверен, что, единожды взглянув на мой цыганский вид, она тут же отошлет меня домой. Тогда – прощай сова, прощай библиотека! «Какой же я болван! – думал я с горечью. – Шел бы пешком, не доверялся бы этой безмозглой твари! Ишь, уши торчат как камыши!»

Но ослица по-прежнему трусила быстрым шагом, и вскоре мы добрались до цели. Вилла графини лежала среди оливковых рощ, а подъезд к ней был обсажен высокими зелеными, с розовыми стволами эвкалиптами. Въезд в аллею был обозначен двумя колоннами, на которых громоздились два белокрылых льва, презрительно взглянувшие на нас с Салли, когда мы протрусили мимо. Дом, выстроенный квадратом, с внутренним двориком, был огромен. Когда-то он был любовно окрашен густой венецианской красной краской, но со временем поблек до бледно-розового; штукатурка потрескалась и кое-где облупилась, и я заметил, что на крыше недоставало многих черепиц. Под карнизами приютилось столько ласточкиных гнезд, сколько я никогда прежде не видывал в одном месте, но теперь они опустели и выглядели словно маленькие заброшенные коричневые печки.

Я привязал ослицу к подходящему дереву и направился к воротам, которые вели в центральный патио (Патио (исп.) – внутренний дворик.). Я потянул за свисавшую заржавленную цепь, и тут же откуда-то из глубин дома до меня донесся

жалобный звон колокольчика. Я терпеливо подождал несколько времени и уже собрался позвонить снова, как вдруг массивные деревянные двери отворились.

На пороге стоял мужчина, который поглядел на меня в точности как бандит на жертву. Он был высоким и могучим, с огромным ястребиным носом, пышными седыми усами и целой гривой курчавых седых волос. На нем были алая феска, широкая белая рубаха, роскошно расшитая золотыми и алыми нитями, черные шаровары и на ногах чарыки с загнутыми кверху носами и огромными красно-белыми помпонами. Его смуглое лицо изобразило улыбку, и тут я заметил, что у него все зубы золотые. Точно на монетном дворе.

– Кирие Даррелл? – спросил он. – Милости просим.

Я последовал за ним через патио, в котором было немало магнолий и запущенных зимних клумб, и вошел в дом. Он провел меня по длинному коридору, облицованному голубой и алой плиткой, толкнул дверь и ввел в огромную мрачную комнату, все стены которой – от пола до потолка – были заняты книжными полками. В одном углу находился камин, в котором шипели и потрескивали язычки пламени. Над камином висело огромное, почерневшее от времени зеркало в золотой раме. Перед камином на длинной кушетке, почти затерявшись среди разноцветных шалей и подушечек, возлежала сама графиня.

Сказать по совести, я представлял ее совершенно другой. Я воображал ее высокой, сухопарой и весьма строгой, но когда она встала и танцующим шагом направилась ко мне, я увидел, что она малорослая, тучная, с ямочками на щеках цвета розовых бутонов. Ее медовые, высоко взбитые волосы образовывали прическу в стиле помпадур, а глаза под удивленно изогнутыми бровями были зелеными и блестящими, словно недозрелые оливки. Она схватила мою ладонь своими маленькими теплыми пухленькими ручками и приложила ее к своей пышной груди.

– Как мило, как мило с твоей стороны, что ты пришел! – воскликнула она музыкальным девичьим голосом, источая

немыслимый аромат пармезанских фиалок пополам с запахом бренди. – Как мило, как несказанно мило! Можно, я буду звать тебя просто Джерри? О да, думаю, что конечно можно. Все друзья зовут меня Матильда... Нет, конечно, это ненастоящее мое имя. Мое настоящее имя Стефани Зиния... Такое неуклюжее! Звучит как название патентованных пилюль! Мне больше нравится Матильда, а тебе?

Я осторожно сказал, что Матильда очень красивое имя.

– О да! Такое уютное старомодное имя! Имена так много значат, как по-твоему? Ну, вот он, например, – сказала графиня, указывая на мужчину, который привел меня сюда, – называет себя Деметриос. А я зову его Мустафой.

Она бросила взгляд на мужчину и затем наклонилась – в результате чего я чуть не задохнулся от аромата фиалок пополам с бренди – и неожиданно прошептала по-гречески:

– Он незаконнорожденный турок. Тут лицо мужчины побагровело, усы его ошетинились, отчего он стал еще более походить на бандита.

– Я не турок, – прорычал он. – Вы лжете!

– Вы турок, и зовут вас Мустафа, – возразила графиня.

– Я... не... я... не... – прошипел тот, вне себя от ярости. – Вы лжете!

– Нет!

– Да!

– Нет!

– Да!

– Я не лгу!...

– Вы... наглая старая лгунья.

– Ах, старая! – завизжала она и тоже побагровела. – Ты смеешь называть меня старой... ты... ты... турок!

– Вы старая и жирная, – холодно сказал Деметриос-Мустафа.

– Ну, это уже слишком! – возопила графиня. – Старая... жирная... Нет, это слишком! Ты уволен! Вот расчет за месяц, и убирайся сейчас же вон, незаконнорожденный турок!

Деметриос-Мустафа держался по-королевски.

– Прекрасно, – сказал он. – Будет ли вам угодно, чтобы я подал напитки и ленч, прежде чем уйти?

– Конечно, – ответила она.

Деметриос-Мустафа молча пересек комнату и вынул из стоявшего за софой ведерка со льдом бутылку шампанского. Он открыл ее и налил в три бокала шампанского пополам с бренди. Вручив по стакану мне и графине, он поднял стакан сам.

– А теперь я предлагаю тост, – торжественно сказал он, обратясь ко мне, – за здоровье толстой старой лгуньи...

Вот тут я был загнан в тупик. Если бы я выпил, получилось бы, что я разделяю его мнение относительно графини, а это, согласитесь, было бы не очень-то вежливо; а если бы я не выпил, он бы, чего доброго, мог нанести ущерб моему здоровью. Видя мои колебания, графиня, к моему удивлению, радостно захихикала, и очаровательные ямочки на ее пухленьких щечках сделались еще глубже.

– Не дразни нашего гостя, Мустафа. Но хочу отметить, что тост прозвучал эффектно, – сказала она, заглатывая содержимое своего бокала.

Деметриос-Мустафа улыбнулся мне, и отблески пламени засверкали на его золотых зубах.

– Пейте, кирие, – сказал он. – Не обращайтесь на нас внимания. Она только и живет ради того, чтобы есть, пить да склочничать, а мое дело – все это ей обеспечивать.

– Чушь, – сказала графиня и, схватив меня за руку, повлекла за собою на софу; я почувствовал, будто уткнулся в маленькое пухленькое розовое облачко. – Чушь. Я живу ради многого, очень многого. Послушай-ка, выпивоха, хватит потреблять хозяйские напитки. Пойди-ка займись едой.

Деметриос-Мустафа осушил бокал и вышел из комнаты, а графиня, по-прежнему восседая на софе, прижимала к себе мою руку и лучезарно улыбалась.

– Ну, вот мы и одни, – сладостным голосом сказала она. – Как уютно! Скажи, ты всегда ходишь таким грязнулей?

Я торопливо и смущенно рассказал ей, как свалился с

ослицы.

– Так ты приехал сюда на ослице, – произнесла она, словно потрясенная столь экзотичным способом передвижения. – Как мудро с твоей стороны! Я сама не доверяю машинам – шумные, своенравные. Ненадежные. Помню, была у нас одна, еще когда был жив мой муж, такая большая, желтая. Но, милый мой, какая же она была строптивая! Она повиновалась только моему мужу, а меня совершенно не слушалась. Однажды, как я ни пыталась остановить ее, она нарочно въехала задом в большой лоток с овощами и фруктами, а затем выехала на набережную – и в воду. Выйдя из больницы, я сказала мужу: «Анри, – сказала я, это у него имя такое было – Анри, не правда ли, какое милое буржуазное имя?... На чем же это я остановилась? Ах да. На том, что его звали Анри. Так вот. Анри, – сказала я, – давай избавимся от этой зловредной машины. По-моему, в нее вселился нечистый дух. Ты должен продать ее». Так он и поступил.

Между тем под действием выпитого на пустой желудок шампанского пополам с бренди, да еще в уютном тепле камина я совершенно разомлел. У меня слегка кружилась голова, я все кивал и улыбался графине, не перестававшей щебетать:

– Мой муж был очень, очень культурный человек, поверь мне. Он собирал книги, знаешь ли. А еще он собирал картины, марки, пробки от пивных бутылок и вообще разные такие культурные вещи. Перед самой смертью он принялся собирать бюсты Наполеона. Ты бы очень удивился, если бы узнал, сколько же понаделали бюстов этого ужасного маленького корсиканца! Мой муж успел собрать их пятьсот восемьдесят два! «Анри, – сказала я ему. – Анри, хватит! Или ты перестанешь собирать бюсты Наполеона, или я тебя брошу и уеду на остров Святой Елены!» Боже! Это была только шутка. Только шутка! И знаешь, что он мне ответил? Он сказал, что подумывает провести отпуск на Святой Елене... со всей своей коллекцией бюстов! Боже мой, какая

одержимость! С ней можно только родиться! Я понимаю, стремиться к культуре можно и даже нужно, но нельзя же быть таким одержимым ею!

Тут Деметриос-Мустафа появился вновь, наполнил нам бокалы и сказал:

– Еда будет готова через пять минут.

– Мой милый, он был, можно сказать, маниакальным коллекционером. Я трепетала, когда видела этот фанатичный блеск в его глазах. Как-то на ярмарке он увидел зерноуборочный комбайн, и как же заблестели его глаза в этот момент! Но я заступила ему дорогу. «Анри, – сказала я, – Анри, мы не станем коллекционировать зерноуборочные комбайны! Если уж ты не можешь без этого обойтись, так почему бы не собирать что-нибудь стоящее... Драгоценные камни или меха, например...» По-твоему, я обошлась с ним слишком сурово? А что мне было делать, милый? Если бы я позволила себе хоть минутную слабость, он бы мне весь дом превратил в гараж сельхозтехники!

Деметриос-Мустафа вернулся вновь.

– Еда готова, – сказал он. Не переставая щебетать, графиня повела меня за руку по выложенному плиткой коридору, а затем вниз по скрипучей деревянной лестнице, в подвал, где находилась кухня. На нашей вилле кухня тоже была большая, но по сравнению с кухней графини она казалась просто крошкой. Эта кухня была облицована камнем, а в одном из углов на горящих древесных угольях булькала, облизываемая языками пламени, целая армада котлов. По стенам была развешена масса самых разнообразных кастрюль, чайников, сковородок, кофейников, огромных подносов и половников. Все это сверкало, отражая розово-красные языки пламени, мерцая и мигая словно жуки-скакуны. Посредине располагался двенадцатифутовый обеденный стол из прекрасного отполированного орехового дерева. На нем стояли приборы на две персоны с белоснежными салфетками и лежали до блеска начищенные ножи. В центре стола высились два гигантских серебряных

канделябра, и над каждым вздымался целый лес зажженных свечей. Такое сочетание кухни и столовой показалось мне довольно-таки странным. Воздух был жарко натоплен и напоен таким букетом самых изысканных ароматов, что они почти заглушали букет ароматов, исходивших от графини.

– Надеюсь, ты не будешь против, если мы обедаем на кухне? – спросила графиня таким тоном, будто обед в столь скромной обстановке заключал в себе нечто унижительное.

Я сказал, что обедать лучше всего именно в кухне, особенно зимой: в кухне ведь теплее.

– Совершенно справедливо, – сказала графиня, усаживаясь в кресло, которое подал ей Деметриос-Мустафа. – Видишь ли, если мы едим наверху, этот старый турок вечно ворчит, что ему далеко ходить.

– Не далеко ходить, – сказал Деметриос-Мустафа, наливая нам в стаканы бледного золотисто-зеленого вина, – а много таскать! Не ела бы столько, было бы еще куда ни шло.

– Ну, хватит жаловаться, подавай-ка лучше на стол, – жалобным тоном сказала графиня, аккуратно завязывая салфетку под подбородком, украшенной ямочкой.

Шампанское пополам с бренди разморило меня окончательно, к тому же я почувствовал зверский голод. Я с тревогой оглядел огромное количество ложек, ножей и вилок, обрамлявших мою тарелку, ибо не был уверен, с какой из них начинать. Я помнил наставление мамы – начинай с той вилки или ложки, что с краю, но мне было по-прежнему неловко. Я решил подождать и посмотреть, в какой последовательности будет применять вилки и ложки сама графиня, и последовать ее примеру. Решение оказалось не слишком мудрым: я вскоре обнаружил, что графиня пользуется всяким и каждым ножом, вилок и ложкой, не обделяя вниманием ни один прибор, и вскоре я так запутался, что начал поступать так же.

Первым блюдом, которое Деметриос-Мустафа водрузил на стол, был роскошный прозрачный суп, подернутый маленькими золотыми блестками жира; по поверхности плавали крохотные, размером с ноготь, гренки, словно

хрустящие плотики по янтарному морю. Суп был необычайно вкусен, и графиня попросила добавки, похрустывая гренками с таким звуком, будто кто-то ступал по сухой, подмерзшей листве. Деметриос-Мустафа налил нам бледного мускусного вина и поставил перед нами большое блюдо мелких жареных золотисто-коричневых рыбешек. Засим последовало большое блюдо нарезанных ломтиками желто-зеленых лимонов и соусница, до краев наполненная неизвестным мне экзотическим соусом. Графиня взяла целую тарелку рыбешек, обильно полила их соусом и щедро побрызгала лимонным соком и рыбешек, и стол, и себя. Она взглянула на меня – лицо ее стало темно-розовым, а на лбу, словно бусины, выступили капельки пота. Ее достойный уважения аппетит, однако, ничуть не укоротил ей язык – она, как и прежде, не уставала щебетать:

– Разве тебе не нравятся эти рыбешечки? По-моему, они просто восхитительны! Жаль, конечно, что им суждено было погибнуть в столь юном возрасте и оказаться на нашем обеденном столе, но что поделать – мне так приятно есть их целиком, не думая при этом о костях! Такое облегчение! А то знаешь, моему мужу Анри однажды взбрело в голову коллекционировать скелеты. Милый мой! Дом стал выглядеть как самый настоящий морг, и запах стоял, хоть убегай! «Анри, – сказала я, – остановись! У тебя какая-то нездоровая страсть к смерти! Ты должен показаться психиатру».

Деметриос-Мустафа убрал со стола опустевшие тарелки, налил нам красного, словно кровь из сердца дракона, вина, а затем поставил перед нами блюдо, на котором лежали бекасы – их головы были переплетены так, будто они готовились проколоть друг друга своими длинными клювами, а пустые птичьи глазницы смотрели на нас с осуждением. Они были поджаристыми и сочными, и рядом с каждым лежал квадратный хрустящий хлебец. Бекасы возлежали в окружении тонких ломтиков подрумяненной картошки, похожих на осенние листья, бледных зеленоватых стеблей спаржи и зеленого горошка.

– Никак не пойму этих вегетарианцев, – сказала графиня, старательно колошматя вилкой по бекасиному черепу, желая раскроить его, чтобы добраться до мозга. – Поверишь ли? Мой Анри раз пытался стать вегетарианцем. Я не могла этого вынести! «Анри, – сказала я, – прекрати! У нас в погребе столько еды, что хватит прокормить целую армию, не могу же я съесть все это в одиночку!» Представь себе, милый, буквально накануне я заказала две дюжины зайцев! «Анри, – сказала я, – ты должен выбросить эту глупость из головы».

У меня создалось впечатление, что Анри, будучи довольно беспокойным мужем, однако, влачил жизнь, полную разочарований.

Деметриос-Мустафа убрал со стола остатки бекасов и налил нам еще вина. Я чувствовал, что лопаюсь от еды, и лелеял надежду, что впереди осталось не слишком много. Но подле моей тарелки по-прежнему оставалась целая армия неиспользованных ножей, ложек и вилок, и я с тревогой заметил, как Деметриос-Мустафа несет из мрачных глубин кухни еще одно огромное блюдо.

– А! – сказала графиня, в волнении вздымая свои пухлые ручки. – Вот и коронное блюдо! Что же это, Му-стафа, что это?

– Мясо дикого кабана, которого прислал Макрояннис, – сказал Деметриос-Мустафа.

– О, дикий кабан! Дикий кабан! – взвизгнула графиня, охватив свои пухленькие щечки столь же пухленькими ладошками. – Какая прелесть! Я совсем о нем забыла! Надеюсь, ты любишь мясо дикого кабана?

Я ответил, ничуть не покривив душою, что это одно из моих любимых блюд, только на сей раз я съел бы совсем чуточку.

– Да, конечно, конечно, – сказала она, склоняясь над огромным бурым, сверкающим под соусом куском мяса, и принялась разрезать его на толстые розовые ломти. Три из них она положила мне на тарелку – очевидно считая, что это

по любым меркам крошечная порция, – и принялась украшать всяческими гарнирами. Она укладывала горками мельенькие золотистые грибочки лисички с почти винным ароматом; визигу в сметане и с каперсами; запеченные в мундире картошины, нарезанные ломтями и обильно приправленные сливочным маслом; красные, словно солнце морозным утром, морковины и толстые стрелки лука-порея, залитые сливками. Наблюдая за тем, как она колдует над моей тарелкой, я потихоньку расстегнул три верхние пуговицы своих шорт.

– Пока был жив Анри, мы частенько едали кабанину! Он, видишь ли, ездил в Албанию и стрелял их там.

А теперь... Так редко удастся отведать кабана! Какая жалость! Хочешь еще грибов? Нет? С тебя достаточно? Тоща сделаем небольшой перерыв. Я всегда думала, что перерыв необходим для доброго пищеварения, – сказала графиня и наивно добавила:

– А главное, после этого в тебя больше влезет.

Кабанина, замаринованная в настоянном на травах вине и начиненная зубчиками чеснока, оказалась на удивление ароматной и сочной, но все же я с трудом доел свою порцию. Что же касается графини, то она управилась с двумя равновеликими по размеру порциями, а затем откинулась на спинку кресла и вытерла пот со лба кружевным платочком, явно для того не приспособленным. Теперь ее лицо приобрело бледный красно-коричневый оттенок.

– Передохнем? – спросила она невнятным голосом и улыбнулась. – Перерыв, чтобы собраться с силами.

Я чувствовал, что у меня уже не осталось никаких сил, но вслух этого, естественно, не высказал. Я кивнул и улыбнулся в ответ, а сам незаметно расстегнул оставшиеся пуговицы на шортах.

Во время перерыва графиня курила длинную тонкую сигару и баловалась солеными орешками, не переставая болтать о своем муже. Перерыв пошел мне на пользу – я немного стряхнул с себя дрему, а главное, частично переварил съеденное. Когда графиня сочла, что наши

внутренние органы получили достаточное отдохновение, она велела нести следующее блюдо, и Деметриос-Мустафа поставил на стол две – к счастью маленькие! – порции сочного омлета с начинкой из крохотных розовых креветок и с хрустящей коричневой корочкой.

– А что ты приготовил на сладкое? – спросила графиня, набив рот омлетом.

– Я вовсе не готовил сладкого, – сказал Деметриос-Мустафа.

Глаза у графини сделались круглыми.

– Ты не приготовил десерт?! – В ее голосе слышался такой ужас, будто Деметриос-Мустафа сознался в смертном грехе.

– У меня не было времени, – сказал тот. – Вы что же думаете, что я и готовить буду, и всю работу по дому делать?

– Ну как же без сладкого? – с отчаянием произнесла графиня. – Обед же не бывает без сладкого!

– Ну, я купил меренги, – сказал Мустафа. – Обойдетесь ими.

– О, какая прелесть! – воскликнула графиня, снова сияя от счастья. – Это то, что нам нужно.

Как раз мне это было меньше всего нужно. Меренги были крупными, белыми, хрупкими, как кораллы, и сверх всякой меры начинены сливками. О, как бы я хотел, чтобы мой верный Роджер был со мною! Тогда я мог бы скидывать ему под стол половину содержимого моих тарелок, потому что графиня, увлеченная едой и воспоминаниями, почти не обращала на меня внимания.

– Ну как, – наконец сказала она, проглотив последний кусок меренги и стряхнув белые крошки с подбородка, – теперь ты сыт? Или желаешь еще чего-нибудь? Может, каких-нибудь фруктов? Редкая вещь в это время года – фрукты!

– Да нет, спасибо. С меня вполне достаточно. Графиня вздохнула и томно поглядела на меня. Я чувствовал, что ничто не доставило бы ей большего удовольствия, чем

скормить мне еще две-три порции чего-нибудь.

– Ты мало ешь, – заметила она. – Такому, как ты, растущему мальчику следовало бы есть побольше. Ты выглядишь слишком худым для своего возраста. Что ж, мама тебя не кормит?

Я представил себе, как бы разгневалась мама, если бы услышала эту инсинуацию. Я сказал, что моя мама превосходно готовит и кормит нас по-королевски.

– Отрадно слышать, – сказала графиня, – но, с моей точки зрения, ты выглядишь несколько изможденным.

Я сам так не считал, и единственным основанием для такого суждения могло послужить то, что мой желудок возмущался количеством ввалившейся в него пищи. Я сказал как можно вежливее, что мне пора домой.

– Конечно, милый, – сказала графиня. – О, уже четверть пятого! Как быстро летит время!

Она вздохнула при этой мысли, но тут же заметно просветлела.

– Однако уже время пить чай. Ты уверен, что не хочешь посидеть еще и чего-нибудь перекусить?

Я отказался, мотивируя тем, что мама будет беспокоиться.

– Итак, – сказала графиня, – напомни-ка, за чем ты пожаловал? Ах да, за совой. Мустафа, принеси-ка мальчику сову, а мне чашечку кофе да каких-нибудь турецких сладостей. Отнесешь наверх, в комнату.

Мустафа вынес перевязанную бечевкой картонную коробку и вручил ее мне.

– Не открывай, пока не доберешься домой. Она дикая. Мысль о том, что, если я не потороплюсь с отъездом, графиня попросит меня откусать еще и восточных сладостей, повергла меня в ужас. Я искренне поблагодарил обоих за сову и направился к выходу.

– Что ж, – сказала графиня, – мне было так приятно посидеть с тобой, несказанно приятно. Приезжай еще. Приезжай весной или летом, когда побогаче выбор фруктов и

овощей. Мустафа научился так ловко готовить осьминогов, что они просто тают во рту.

Я ответил, что мне будет очень приятно приехать вновь, а сам подумал, что перед визитом, пожалуй, придется денька три поголодать.

– Вот, – сказала графиня, сунув мне в карман апельсин, – возьми на дорожку. Вдруг проголодаешься в пути.

Когда же я взгромоздился на Салли и выехал на дорогу, графиня крикнула мне вслед:

– Будь осторожнее!

С кислой миной на лице я сидел на ослице, прижимая к груди коробку с совой, пока мы наконец не выехали за ворота усадьбы. Трусить верхом после всего пережитого – нет, это было уже слишком! Я слез с ослицы, зашел за старую оливу и с наслаждением, полновесно извергнул из себя все съеденное.

Добравшись домой, я отнес сову к себе в спальню, развязал коробку, вытащил сову и посадил на пол. При этом она отчаянно вырывалась и щелкала клювом. Собаки, собравшиеся в кружок посмотреть на прибавление моего семейства, тут же ретировались. Они знали, что может натворить Улисс в дурном настроении, а эта птица была раза в три крупнее. Впрочем, по моему мнению, эта сова была одним из самых красивых пернатых, которых я когда-либо видел. Оперение на спине и крыльях было золотистым, словно медовые соты, с бледными пепельно-серыми пятнами; на белоснежной, словно сливки, груди ни единой отметины, а огромные, чем-то похожие на восточные, глаза окаймляла маска из белых перьев, выглядящая чопорно, как круглый плоеный воротник елизаветинской эпохи.

Крыло моей новой питомицы оказалось не в столь плачевном состоянии, как я думал. Перелом был легким, и после получасовой борьбы, в ходе которой она умудрилась несколько раз прокусить мне руку до крови, я, к своему удовлетворению, наложил на него шину. Сова, которую я решил назвать Лампадуза (просто потому, что мне нравилось

это имя), похоже, была упоена своей победой над собаками, ни за что не хотела подружиться с Улиссом, а уж на Августуса Почешибрюшко и вовсе смотрела с нескрываемым презрением. Подумав, что ей лучше побыть, пока не привыкнет, где-нибудь в темном укромном месте, я отнес сову на чердак. Там была малюсенькая каморка с единственным крохотным окошком, которое так заросло пылью и паутиной, что сквозь него едва проникал свет. В каморке было спокойно и сумрачно, как в пещере, и я подумал, что уж здесь-то Лампадуза быстро пойдет на поправку. Я посадил птицу на пол, поставил перед нею большое блюдо с мелко накрошенным мясом, а уходя, надежно запер дверь, чтобы сову никто не потревожил. Когда я пошел навестить ее перед сном, прихватив в подарок дохлую мышь, я нашел, что моя гостья чувствует себя куда лучше. Она склевала большую часть мяса и теперь шипела и щелкала на меня, хлопая крыльями, сверкая глазами и прыгая по полу. Обрадованный столь очевидным прогрессом, я оставил ей мышь и отправился в постель.

Через несколько часов меня разбудили голоса, доносившиеся из маминой комнаты. Удивленный, что же такое могло случиться, отчего семья в эту пору на ногах, я высунул голову из двери спальни и прислушался.

– Ей-богу, – послышался голос Ларри, – это полтергейст!

– Это не может быть полтейгейст, милый, – ответила мама. – Полтергейсты ведь швыряются вещами.

– Кто бы там ни был, но он звенит цепями, – сказал Ларри, – и его нужно изгнать. По-моему, вы с Марго самые крупные специалисты по потустороннему миру. Так что отправляйтесь наверх и изгоняйте.

– Не пойду! – дрожащим голосом сказала Марго. – Мало ли что там такое. Вдруг там очень, очень зловредный дух?

– Он чертовски зловредный, – сказал Ларри, – целый час мне не дает заснуть.

– А может, это просто ветер или что-нибудь в этом роде,

милый? – спросила мама.

– Что-что, а отличить ветер от неприкаянного духа, гремящего цепями и ядрами, я уж как-нибудь сумею, – заявил Ларри.

– А может, это воры? – молвила Марго, пытаясь взбодрить саму себя. – А может, это воры и следует разбудить Лесли?

Полусонный и слегка заторможенный – сказывалось все еще действие выпитого накануне спиртного, – я никак не мог сообразить, о чем толкуют мои домочадцы. Однако звучало интригующе, впрочем, как и всегда – во всех подобных ситуациях, которые столь мастерски создавали мои домашние в самые неподходящие часы дня и ночи, – а потому я отправился к маминой комнате и заглянул внутрь. Ларри расхаживал по комнате, шурша по полу ночным халатом, словно королевской мантией.

– Надо что-то предпринять, – сказал он. – Я не могу спать, когда у меня над головой гремят цепями. А раз я не могу спать, я не смогу писать.

– Я никак не возьму в толк, чего же ты ожидаешь от нас, милый? – спросила мама. – Уверяю тебя, это всего-навсего ветер.

– Да, правда, почему ты ждешь, что это мы туда отправимся и наведем порядок? – подхватила Марго. – Ты мужчина, ты и иди.

– Послушай, – сказал Ларри, – не ты ли вернулась из Лондона вся в эманациях «Эманация – здесь: психофизические излучения тела, напри мер, медиума на спиритическом сеансе» и с разговорами о Бесконечном?

Не удивлюсь, если какое-нибудь дьявольское создание из тех, что ты вызвала на одном из своих сеансов, притащилось за тобой сюда. А следовательно, это кто-то из твоих любимчиков! Вот иди и разбирайся с ним.

Слова «это кто-то из твоих любимчиков» проникли мне в душу. Неужели это Лампадуза? У сипух, как и у любых других сов, крылья мягкие, как пушинки одуванчика.

Неужели это она грохочет, будто ядро на цепи?

Я вошел в комнату и любопытствовал, о чем это они тут говорят.

– Это всего-навсего привидение, милый, – утешала меня мама. – Ларри обнаружил привидение.

– Оно там, на чердаке, – взволнованно сказала Марго. – Ларри думает, что оно прилетело за мною из Англии. А вдруг это Меуэйк?

– Мы не станем больше к этому возвращаться, – твердо сказала мама.

– Как зовут твоего дружка с того света, меня совершенно не волнует, – сказал Ларри. – Я требую, чтобы его убрали.

Я сказал, что такое вряд ли возможно, но это может быть Лампадуза.

– А что это? – любопытствовала мама.

Я объяснил, что это сова, которую мне подарила графиня.

– Я должен был догадаться, – сказал Ларри. – Я должен был догадаться. И как это я раньше не сообразил? Не понимаю.

– Ну успокойся, успокойся, милый, – сказала мама. – Это всего-навсего сова.

– Всего-навсего сова! – воскликнул Ларри. – Она шумит, как будто через чердак ломится целый танковый корпус. Скажи ему, пусть уберет оттуда сову.

Я сказал, что не понимаю, как это Лампадуза может так шуметь, поскольку совы вообще тишайшие создания... Я сказал, что они плывут в ночи на своих бесшумных крыльях словно хлопья пепла...

– Что-то не похоже, чтобы у этой были бесшумные крылья, – сказал Ларри. – Она гремит, как целый свиный джаз-оркестр. Пойди и убери ее вон!

Я тут же схватил лампу и бросился на чердак. Я открыл дверь и сразу понял, в чем дело. Расправившись с мышью, Лампадуза обнаружила, что на блюде еще остался большой

кусок мяса, который за длинный жаркий день успел засохнуть и намертво приклеиться к поверхности блюда. Сообразив, что эта легкая закуска будет полезна для подкрепления души и тела и даст возможность дотянуть до зари, Лампадуза пронзила кусок своим кривым острым, цвета янтаря клювом и попыталась отодрать его от блюда. Не тут-то было! Мясо ни за что не поддавалось. Хуже того, не поддавался и сам клюв! Сова, хлопая крыльями, принялась колотить и греметь блюдцем об пол, стремясь освободиться, но безуспешно.

Вытащив свиный клюв из столь необычной ловушки, я принес сову к себе в спальню и водворил ее в картонную коробку. От греха подальше.

Часть четвертая. Кризета

*А место, доложу я Вам,
удивительно милое!*

*Как мне хочется, чтобы Вы
приехали и посмотрели сами!*

*Если приедете, я бы устроил
Вас на славу да угощал властью –
хотите, имбирным пивом с
креветками,*

*А хотите – красным вином с
фигами.*

Эдвард Лир

Глава девятая. Про ежей и морских волков

Когда наступила весна, мы переселились в новую виллу – элегантную, белоснежную, приютившуюся в тени огромной магнолии посреди оливковых рощ, неподалеку от того места, где находилась наша первая вилла. Новое наше жилище стояло на холме, возвышаясь над огромной плоской местностью, расчерченной, словно гигантская шахматная доска, оросительными каналами, разделяющими поля. Когда-то давно эти каналы служили венецианцам для добычи соли – по ним поступала соленая вода из большого соленого озера, по берегам которого и расположились эти земли. Но озеро давно уже затянуло илом, а каналы заполнились пресной водой, стекающей с холмов, благодаря чему все, что здесь ни посеешь, произрастает пышно. К тому же всяческих зверюшек тут видимо-невидимо, и когда я выходил на ловлю, меня, как правило, ожидала удача.

Весна на Корфу никогда не затягивает с приходом. Казалось, еще накануне властвовали зимние ветры, очищавшие небо от облаков, так что оно становилось синим, как дельфиниум, но вот прошли дожди – и долины заполонило множество диких цветов; розовый оттенок пирамидальных орхидей, золото крокусов, высокие бледные

острия златоцветника, голубые глаза гиацинтов смотрят на вас из травы; словно окрашенные вином анемоны склоняются под легким ветерком. Оживают и оливковые рощи, полнящиеся гомоном только что прилетевших птиц, – вот розово-черные удоды с поднятыми, точно от удивления, гребешками пробуют своими длинными кривыми клювами мягкую землю среди пучков изумрудной травы; вот щеглы, звеня и насвистывая, весело перепрыгивают с ветки на ветку – их оперение отликает золотым, алым и черным. Вода в каналах становится зеленой от водорослей, с которыми переплетаются нити жабьей икры, похожие на ожерелья из черного жемчуга; что-то квакают друг другу изумрудно-зеленые лягушки, а водяные черепахи с черными, как эбеновое дерево, панцирями вылезают на берег, чтобы выкопать ямки и отложить яйца. Тонкие, будто ворсинки, только что вылупившиеся, голубые как сталь стрекозы проносятся сквозь подлесок словно дым, порою внезапно застывая в воздухе. Приходит время, когда по ночам по берегам каналов зажигаются трепещущие зелено-белые огоньки тысяч светлячков, а днем, словно алые фонарики в тени травы, вспыхивают ягоды дикой земляники. Да, это волнующее время – время новых поисков и новых открытий, время, когда, перевернув корягу, находишь под ней всякую всячину: от гнезда мыши-полевки до извивающихся червячков, блестящих, словно вылитых из бронзы.

Как-то раз, когда я носился по полям, пытаюсь поймать несколько коричневых водяных змей, обитавших в оросительных каналах, издали меня окликнула немолодая женщина, которую я немного знал. Стоя по щиколотку в жирном суглинке, она копала в земле мотыгой с широким лезвием на короткой ручке. На ней были неуклюжие чулки из грубой овечьей шерсти, которые крестьяне надевают для работы в поле.

– Скорей сюда! – позвала она. – Я кое-что нашла для тебя!

Добежать быстро было никак невозможно. Каждое поле

со всех сторон окружали оросительные каналы, перебежать через которые можно было только по мосткам. Каналов этих было шесть, и поиск мостков через каждый напоминал поиск пути по лабиринту.

– Быстрее! Быстрее! – кричала женщина. – Убегут ведь!

Я несся как угорелый, прыгая и спотыкаясь; перебегая по дощатым мосткам, несколько раз едва не оказался в канаве. Наконец, задыхаясь, я добежал до нее.

– Вот, – показала крестьянка. – Только осторожнее, смотри, укусят!

Она, оказывается, выкопала из земли охапку листьев, в которой что-то шевелилось. Я осторожно разгреб листья ручкой моего сачка для бабочек и, к радости своей, увидел четырех толстеньких новорожденных ежей, розовых, как цикламены, с мягкими белоснежными колючками. Глаза у них еще не прорезались, и они копошились и тыкались друг друга носами, словно новорожденные поросята.

Я подобрал их, бережно сунул за пазуху и, поблагодарив пожилую женщину, отправился домой. Я очень волновался за своих новых питомцев – ведь они были такими крохотными! У меня уже жили два взрослых ежа, которых я назвал Чесотка и Царапка, прежде всего из-за невероятного количества блох, которые нашли на них приют. Но эти ежи так и не стали по-настоящему ручными. Нет, думал я, детеныши будут совсем другими! Я стану им родной матерью! Я мысленно представил себе, как гордо шествую через оливковую рощу, а передо мной – собаки, Улисс, две сороки, а у самых ног моих четыре ручных ежа, и все обучены разным фокусам!

Вся семья собралась на увитой виноградом веранде, и каждый занимался своим делом. Мама вязала, считая петли то вслух, то про себя, но каждый раз чертыхалась, сбившись в счете. Лесли, сидя на корточках на каменном полу, тщательно взвешивал порох и серебряные шарики дроби и набивал ими красные гильзы. Ларри читал какой-то фолиант и время от времени раздраженно взглядывал на Марго, которая тоже вязала какое-то просвечивающее изделие, но не на спицах, а

на жутко гремучей машине, и при этом напевала, да еще и не в такт, неотвязную песенку, из которой могла вспомнить только одну строчку:

– На ней был любимый жакет голубой, – щебетала она, – на ней был любимый жакет голубой, на ней был любимый жакет голубой, на ней был любимый жакет голубой...

– Слушай! В чем прелесть твоего пения, так это в упрямстве! – сказал Ларри. – Любой другой, поняв, что не в состоянии запомнить простеньких стишков, а те, что помнит, не в состоянии спеть правильно, тут же признал бы свое поражение и замолк бы надолго!

С этими словами он швырнул непогашенный окурок на пол, отчего Лесли буквально взорвался:

– Тут же порох! – прорычал он.

– Лесли, милый, – сказала мама, – не надо так кричать, не то я собьюсь со счета.

Тут я гордо вынул ежей и показал маме.

– Какие лапочки! – сказала она, устремив на них добрый взгляд сквозь очки.

– Так я и знал! Вечно он что-нибудь приволочет! – сказал Ларри, с отвращением разглядывая моих розовых питомцев в белых, словно меховых, шкурках. – И что сие значит? – спросил он.

Я объяснил, что это новорожденные ежи.

– Да ну! – сказал он. – Ежи ведь бурые. Полная непосвященность моей семьи в жизнь окружающего мира всегда была для меня предметом беспокойства, и я никогда не упускал возможности просветить их. Я объяснил, что если бы ежата рождались с уже твердыми колючками, их мамаша испытывала бы при этом невероятные мучения, и поэтому ежата появляются на свет с крохотными, мягкими, как резина, белыми иголочками, которые с легкостью можно согнуть пальцами, точно перышки. И только потом, когда ежата подрастают, колючки темнеют и твердеют.

– Так как же ты собираешься кормить их, милый? У них же такие крохотные ротики! – сказала мама. – Они ведь

питаются, наверное, только молоком!

Я ответил, что видел в городе, в магазине, детский набор игрушек – приданое для кукольных младенцев. В него входило немало ненужных вещей, как-то: целлулоидная кукла, пеленки, ночной горшочек и прочие причиндалы, но была одна вещь, которая привлекла мое внимание, а именно миниатюрная бутылочка с набором крошечных красных сосок. Вот она-то, сказал я, идеально подходит для кормления новорожденных ежей. Что же касается куклы, ночного горшочка и прочего, то их можно будет отдать какому-нибудь достойному деревенскому ребенку. Да вот беда – я израсходовал все свои карманные деньги на бесценные для меня материалы, в частности, на проволоку для сорочьей клетки.

– Ну, милый, – с сомнением в голосе произнесла мама, – если набор не слишком дорогой, я тебе, пожалуй, куплю.

Я заявил, что он стоит вовсе не дорого – вовсе даже наоборот, затраты можно рассматривать как ценное вложение капитала. Ведь остается бутылочка, с помощью которой можно вскормить не только ручных ежей, но в будущем и других животных. А ребенок, которому мы отдадим ненужные вещички, будет перед нами в неоплатном долгу – за куклу или ночной горшочек сколько хочешь зверушек наловит! Мои слова так тронули маму, что набор тут же и купили. Милая сельская девчонка, которая мне очень нравилась, радостно принесла в дар куклу, пеленки и все прочее, а я приступил к выполнению сурового долга – выкармливанию ежей.

Они жили у меня под кроватью в большой картонной коробке, наполненной ватой, а ночью, чтобы им было тепло, я ставил коробку на водяную грелку. Я хотел укладывать их с собой в постель, но мама заметила, что это не только негигиенично, но и небезопасно: повернувшись во сне, я мог бы раздавить их. Оказалось, что охотнее всего они пьют разведенное коровье молоко, которым я и кормил их аккуратно три раза в день и один раз ночью. С ночными

кормлениями вышли небольшие трудности – чтобы не просыпаться, я одолжил у Спиро большой жестяной будильник. Ровно в два часа ночи он принимался греметь так, будто в комнате шла смертельная схватка на шпагах, и, к несчастью, пробуждался не только я, но и вся семья. Гнев домочадцев по этому поводу был столь велик, что мама выступила с предложением: усиленно кормить детенышей вечером, а ночью спать спокойно. На том и порешили, а ежата подрастали и процветали как ни в чем не бывало. У них прорезались глаза, колючки из белоснежных стали серыми и затвердели. Теперь ежата, как я и предполагал, осознали, что я был их родной матерью, и стоило мне снять крышку, как они с фырканием и хрюканием спешили к краю коробки, отталкивая друг друга, соревнуясь за право первым схватить соску. Я гордился ими и уже мечтал о том счастливом дне, когда они побегут за мною вслед через оливковую рощу.

Но дальше случилось вот что. Наши друзья пригласили меня и маму провести выходные у них на южной оконечности острова, и я оказался в затруднительном положении. С одной стороны, я стремился туда, к песчаным южным берегам, где на мелководье можно славно поохотиться на сердцевидных морских ежей, которые выглядят, надо сказать, почти как новорожденные земные ежата. Они имеют форму сердца и покрыты мягкими колючками, формирующими с одного конца хвост с хохолком, а вдоль спины у них колючий узор, похожий на головной убор краснокожих индейцев. Я когда-то нашел одного, однако он был так покалечен прибором, что с трудом можно было понять, что же это такое. Но я узнал от Теодора, что на юге острова их можно в изобилии отыскать на глубине двух-трех дюймов под слоем песка. Но на кого бросить моих питомцев? С собою я их забрать не мог, а мама тоже ехала со мной и, естественно, взять на себя заботы о них не могла. У меня не оставалось никого, кому бы я мог их доверить.

– Я позабочусь о них, – предложила Марго. – Они же такие миленькие!

Я заколебался. Понимает ли она все хитрости обхождения с ежатами? Ну, хотя бы то, что ватную подстилку в коробке нужно менять три раза в день. Или то, что переваривать они могут только коровье молоко. Что это самое молоко нужно нагревать только до температуры тела и не более. И, самое главное, дойдет ли до нее, что в каждое кормление им нужно давать только половину бутылочки? Потому что я убедился на собственном опыте, что если давать им молока вволю, то они будут напиваться до коматозного состояния, и в результате ватную подстилку придется менять в лучшем случае через каждые полчаса.

– Ну и глупый же ты, – сказала Марго. – Конечно же я приглажу за ними. Я знаю толк в младенцах. Значит, так: напиши на листе бумаги, что я должна делать, и все будет в порядке!

Марго так разобиделась на меня за мое недоверие, что в конце концов я скрепя сердце уступил. Я попросил Лар-ри, пользуясь тем, что он в хорошем настроении, отпечатать на машинке подробнейшую инструкцию, что должны делать и чего не должны делать воспитатели ежей, и дал Марго практический курс подогрева молока и смены ватной подстилки.

– По-моему, они жутко голодные, – говорила она всякий раз, когда из коробки доносилось чье-нибудь хрюканье или фырканье, и тут же совала соску в ищущий, алчущий ротик.

– Они всегда такие. Не обращай внимания, они просто жадные.

– Бедняжки! – сказала Марго. Это было предупреждением. Мне бы внять! Отдых оказался восхитительным. Правда, загорел я плохо, потому что слабое весеннее солнце лишь вводит в заблуждение, зато, ликуя, привез восемь сердцевидных морских ежей, четыре редкостные раковины, каких не было у меня в коллекции, и одного птенца-воробышка, выпавшего из гнезда. Едва только я оказался у ворот виллы, как меня тут же приветствовали лаем собаки и принялись обнюхивать и лизать, как они,

впрочем, поступали со всяким из домочадцев, кто отсутствовал более двух часов. Я тут же нетерпеливо задал вопрос Марго, как там ежата.

– Теперь-то нормально, – сказала она, – а то, по-моему, ты решил их уморить. Они так изголодались!

Слушая сестру с замиранием сердца, я чувствовал, что ноги у меня подкашиваются.

– Они с таким аппетитом едят, лапочки! Знаешь, они выпивают по две бутылочки за каждое кормление!

Я в ужасе бросился в спальню и вытащил из-под кровати коробку. Так и есть: в ней лежали четыре моих ежонка, объевшиеся без всякой меры. Желудки у них раздулись до того, что они могли едва-едва шевелить ножками, а уж о том, чтобы сделать хоть шагок, не могло быть и речи. Они превратились в розовые бурдючки с колючками, полные молока. Ночью все четверо поотдавали концы, и Марго долго и безутешно рыдала над взбухшими от молока безжизненными тельцами. Но скорбь сестрицы вовсе не доставляла мне радости: я горевал от мысли, что никогда не услышу, как мои питомцы послушно семят за мною по оливковой роще. В назидание своей сестре, слишком потворствовавшей лакомкам, я выкопал в саду четыре могилки, водрузил над ними четыре крестика на вечную память и четыре дня не разговаривал с Марго.

Впрочем, мой траур по ежатам продолжался недолго: как раз тогда с триумфом вернулись на тридцатифутовой яхте Дональд и Макс, и Ларри ввел в наш круг капитана Крича.

Мы с мамой очаровательно провели день в оливковой роще – она собирала дикие цветы и травы, а я ловил только что вылупившихся бабочек. Усталые, но счастливые возвращались мы на виллу попить чаю. Но как только вилла оказалась в пределах нашей видимости, мама вдруг замерла на месте как вкопанная.

– Кто это сидит у нас на веранде? – спросила она. Я в это время занимался тем, что бросал палки собакам, так что до меня не сразу дошло, о чем она спрашивает.

Присмотревшись, я увидел на веранде странную фигуру в мятых парусиновых штанах.

– Так кто бы это мог быть? Не видишь? – взволнованно продолжала мама.

В это время она жила в страхе, что управляющий банком, где были наши вклады, вот-вот нагрянет на самолете из Англии на Корфу из-за нашего превышения кредита. Вид незнакомой фигуры на веранде усугубил ее опасения.

Я тщательно рассмотрел чужака. Он был почтенного возраста, почти совершенно лысый, а те жалкие волосинки, что украшали заднюю часть его черепа, были длинными и тонкими, как пушок семян чертополоха на закате лета. У него были также одинаково неопрятные борода и усы. В общем, оценив его внешний вид, я заверил маму, что этот странный гость никак не может быть управляющим банка.

– Боже мой, – разволновалась мама, – у нас гость, а у меня абсолютно ничего нет к чаю. Но кто бы это мог быть?

Между тем гость, который сладко посапывал на веранде, вдруг проснулся, едва мы приблизились, и уставился на нас.

– А-а! – внезапно вскричал он, да так, что мама споткнулась и едва не упала. – А-а! Так вы, насколько я понимаю, мамаша Даррелл, а этот отрок, по всей видимости, ваш сын! Ларри мне все про вас рассказал! Ну что ж, добро пожаловать на борт!

– Боже мой, – прошептала мне мама, – это опять кто-то из Ларриной компании.

Когда мы подошли ближе, я смог разглядеть более чем экстравагантное лицо гостя. Оно было пунцовым и покрыто мясистыми наростами, отчего походило на грецкий орех. Что же касается его носа, то, по всей видимости, в какой-то момент жизни он получил столько могучих ударов, что теперь свесился, словно змея. Его челюсть, как видно, разделила ту же судьбу и была скошена набок, как если бы была привязана к мочке уха невидимой нитью.

– Рад видеть вас, – заявил гость таким тоном, будто это он был хозяином виллы. – Мать, да ты, оказывается, ничего

деваха! И выглядишь лучше, чем рассказывал твой сын.

Мама остолбенела и выронила один анемон из букета, который держала в руках.

– Да, – молвила она с холодным достоинством, – я миссис Даррелл, а это мой сын Джеральд.

– Моя фамилия Крич, – сказал старик. – Капитан Патрик Крич. – Он сделал паузу и аккуратно и смачно сплюнул через перила веранды прямо на любимую мамину клумбу с цинниями. – Ну так что ж? Добро пожаловать на борт! – повторил он, излучая радушие. – Рад познакомиться!

Мама нервно прокашлялась.

– Мой сын Лоренс здесь? – спросила она, принимая мелодичный, аристократический тон, которым пользовалась только в моменты крайних потрясений.

– Нет, нет, – отозвался капитан Крич, – я оставил его в городе. Он сказал, чтобы я пришел сюда на чай. Он сказал, что скоро сам прибудет на борт.

– Что ж, – изрекла мама, мужественно встречая невзгоды, – если вы подождете немного, я напеку ячменных лепешек.

– О, ячменные лепешки? – выдохнул капитан Крич, устремив на маму столь сластолюбивый взгляд, что она выронила еще два цветка из букета. – Обожаю ячменные лепешки! И женщин, столь умелых на камбузе.

– Джерри, – холодно произнесла мама, – займи капитана Крича, пока я приготавливаю чай.

Я ожидал, что она удалится с достоинством, но она упорхнула, словно бы спасаясь бегством, и я остался один на один с капитаном Кричем. Тот снова развалился в кресле и уставился на меня своими водянистыми глазками из-под лохматых белесых бровей. Его взгляд был столь пристальным, что я слегка занервничал. Но, сознавая свой долг хозяина, предложил ему коробку с сигаретами. Он устремил в нее взор, словно в колодец, при этом челюсть его задвигалась туда-сюда, точно живот чреовещателя.

– СМЕРТЬ!!! – внезапно заорал он, да так, что я чуть не

выронил коробку. Он опять развалился в кресле и вновь уставился на меня прозрачными голубыми глазами. – Запомни, юноша, сигареты – это смерть! – изрек он, пошарил в кармане белых парусиновых брюк и извлек оттуда выдавшую виды трубку, шишковатую и почерневшую, словно кусок древесного угля. Когда он зажал ее меж зубов, его челюсть перекосилась еще больше. – Не забудь, – сказал он. – Лучший друг мужчины – его трубка!

Он загоготал над своей собственной шуткой, и я из чувства долга засмеялся тоже. Он встал, снова смачно сплюнул за перила веранды и опять развалился в кресле.

Я задумался, какую бы предложить тему для разговора. Но ничто не шло в голову. Вряд ли его заинтересует, что сегодня я впервые услышал цикаду или что курица тетушки Агати отложила шесть яиц, каждое размером с лесной орех. А если взять что-нибудь из морской тематики – может, поведать ему потрясающую новость, что Таки, который не мог позволить себе приобрести лодку, отправился на ночную рыбалку, держа в одной руке фонарь, а в другой – острогу, и успешно пронзил себе острой ногой, вообразив, что это рыба какой-то экзотической формы? Но капитан Крич, глядя на меня в упор сквозь маслянистый трубочный дымок, начал разговор сам.

– Интересуешься, отчего у меня такое лицо, юноша? – осуждающе сказал он, и я заметил, что при этих словах его щеки стали еще пунцовее и заблестели, как сатин. Прежде чем я смог что-либо отрицать, он пустился в рассуждения:

– Коварство ветра. Всё от него. Мы огибали мыс Горн. Ветер жуткий, словно из самых пропастей земли. Я упал, понимаешь? Паруса хлопали и ревели, что твоя гроза. Веревка выскользнула из рук, словно змея, намазанная маслом. Я рухнул прямо на палубу. Врача на борту, конечно, не было. Как могли, так и починили. – Тут он сделал паузу и повел челюстью. Я, потрясенный, сидел как вкопанный. – К тому времени, когда мы обогнули мыс Чили, все затвердело, будто портландский цемент, – продолжал он, поглаживая челюсть. –

Мне было тогда шестнадцать лет.

Я колебался, сочувствовать ему или нет, но он погрузился в мечтания, закатив голубые глаза. Вернувшись к нам на веранду, мама удивилась нашей неподвижности.

– Чили, – сказал капитан с наслаждением. – Чили! Там я впервые подхватил триппер! Вот, вот – плывет клипер, на клипере шкипер, у шкипера триппер.

Мать вздрогнула и громко прокашлялась.

– Джерри, помоги принести чай, – сказала она. Мы вдвоем принесли чайник, молочник, чашки и блюда с испеченными мамой золотистыми ячменными лепешками и поджаренным хлебом.

– Харчи, – сказал капитан Крич, набивая рот лепешкой. – От них перестает бурчать в животе.

– И надолго вы сюда? – спросила мама, очевидно надеясь на отрицательный ответ.

– Да уж думаю, не поселиться ли тут, – промямлил капитан Крич, отряхивая с усов крошки. – Притянулось мне это место, хочу бросить здесь якорь.

Из-за свихнутой челюсти он прихлебывал чай со страшным шумом. Я заметил все возрастающую тревогу в глазах мамы.

– Так у вас... мм... есть корабль? – спросила она.

– Да не бойтесь, – сказал капитан Крич и схватил очередную лепешку. – Здесь желаю бросить якорь только я. А чего? Я теперь в отставке, есть времечко и приударить за девушками.

Говоря это, он пристально разглядывал маму и жадно жевал лепешку.

– Постель без женщины – что корабль без трюма, – заметил он.

К счастью, само провидение спасло маму от необходимости давать ответ – к дому подкатил автомобиль, в котором приехали остальные члены семьи, Дональд и Макс.

– Мутгер, вот мы, – объявил Макс, ласково взглянул на маму и нежно ее обнял. – Вижу, мы прямо к чаю! Со

шлюшками – вот здорово! Дональд, к чаю будут шлюшки!

– Не шлюшки, а плюшки, – поправил Дональд.

– Да не плюшки это вовсе! – сказала мама. – Простые ячменные лепешки.

– Кстати, о шлюшках, – вставил слово капитан Крич, – помню одну такую в Монтевидео – ох уж это была стерва! Весь корабль два дня ублажала! Жаль, теперь таких днем с огнем не сыщешь! Не выращивают, и все тут!

– Кто этот отвратительный старик? – спросила мама, как только ей удалось оттеснить Ларри подальше от пирушки, которая была в самом разгаре.

– Его фамилия Крич, – сказал Ларри.

– Это мне уже известно, – заметила мама, – но зачем ты привел его сюда?

– Да он занятный дед, – сказал Ларри, – и потом, не думаю, чтобы у него денег куры не клевали. Он приехал дожить здесь свой век в отставке на скромную пенсию. Я так думаю.

– Прекрасно, но он не будет доживать у нас, – сурово молвила мама. – Больше его не приглашай.

– А я-то думал, что он тебе понравится, – сказал Ларри. – Он странствовал по всему свету, побывал даже в Индии! А сколько он знает самых удивительных историй!

– Вот пусть он и дальше странствует по свету, – сказала мама. – Что-то я не в восторге от тех историй, которые мне довелось услышать.

Капитану Кричу, очевидно, приглянулось наше тихое пристанище, ибо с тех пор он стал у нас частым гостем. Мы заметили, что является он непременно к обеду, всякий раз возвещая о своем прибытии возгласом: «Эй, на палубе! Могу я подняться на борт и чего-нибудь ням-ням?» Поскольку он явно прошагал две с половиной мили по оливковым рощам, чтобы добраться до нас, в этой привилегии ему невозможно было отказать, так что мама, сердито ворча, отправлялась на кухню, доливала воды в суп и мельче крошила сосиски, чтобы капитан Крич мог присоединиться к нам. Зато он

вознаграждал нас забавными историями из своей моряцкой жизни, а уж названия мест, где он побывал и которые я знал только по карте, так и лились потоком из его перекошенного рта. Тринидад и Тобаго, Дарвин и Дурбан, Буэнос-Айрес, Веллингтон и Калькутта, Галапагосские и Сейшельские острова, и даже Острова Дружбы, они же Тонга... Казалось, не осталось уголка на земном шаре, куда бы он не проник. Рассказы о своих морских похождениях капитан непременно чередовал с наидлиннейшими и наипошлейшими матросскими песнями, равно как и с похабнейшими куплетами о таких подробностях биологических отношений, что, к счастью, они были абсолютно недоступны пониманию мамы.

Наконец настал тот незабываемый день, когда капитан Крич явился без приглашения на чаепитие именно в тот момент, когда у нас в гостях были местный английский священник с женой, — они зашли не из религиозных побуждений, а просто из чувства долга. К нашему изумлению, капитан Крич вел себя на редкость пристойно: сперва он обменивался со священником мнениями относительно морских змей и высоты приливных волн, потом объяснял дражайшей половине, чем широта отличается от долготы, — словом, держал себя как образцово-показательный пай-мальчик, так что мы были даже горды за него. Но в конце чаепития произошло непредвиденное: каким-то непостижимым образом жена священника перевела разговор на тему о своем потомстве. Слушая ее, можно было подумать, что она не только единственная в мире рожавшая женщина, но еще и зачинала своих чад методом непорочного зачатия! Битых десять минут она не закрывала рта, рассказывая, какие у нее смышленные детки, пока наконец не умолкла на мгновение, чтобы допить чай.

— Ну, я-то уж староват, чтобы иметь детей, — сказал капитан Крич.

Супруга священника была шокирована.

— Зато, — с удовлетворением продолжал он, — сколько

испытываешь наслаждения, когда пробуешь!

Финал чаепития был скромкан.

Вскоре после этого в один прекрасный день на вилле объявились Дональд и Макс.

– Муттер, – сказал Макс, – хотим взять тебя отсюда.

– Прогоулка на яхте, – уточнил Дональд. – Прекрасная идея! Это все Макс, он выдумщик.

– Куда на яхте? – любопытно спросила мама.

– Вокруг острова, – изрек Макс, вытянув свои длинные руки, как будто хотел обнять весь мир.

– Но ведь, насколько я знаю, ты не умеешь управлять яхтой, – сказал Лесли.

– Нет-нет. Не мы управлять. Ларри управлять, – с триумфом заявил Макс.

– Ларри?! – недоверчиво произнес Лесли. – Да он хоть что-нибудь смыслит в лодках?!

– Еще бы! – серьезно сказал Дональд. – Еще бы! Это классный специалист. Он берет уроки мореходства у капитана Крича. И капитан тоже поедет с нами – в качестве члена экипажа.

– Ну, тогда все, – сказала мама. – Ни за что не поеду на яхте с этим отвратительным старцем. Тем более если управлять будет Ларри.

Как ребята ни старались уговорить маму, та была непреклонна. Единственное, на что она согласилась, это чтобы члены семьи, включая Теодора, не желающие плыть на яхте, отправились через весь остров на машине и встретились с мореходами в бухте, где можно будет устроить пикник и искупаться при хорошей погоде.

Утро выдалось солнечным и ясным, и когда мы выехали, казалось, что день удастся на славу и для мореплавания, и для пикника. Но к тому времени, когда мы достигли южной оконечности острова и уже распаковывали все для пикника, появились признаки надвигающегося сирокко (Сирокко – теплый сухой южный или юго-восточный ветер в Средиземноморье, приносящий из пустынь большое

количество пыли и песка залива. Мы с Теодором кинулись через рошу к берегу. Море стало холодно-серого, стального цвета, а ветер гнал по всему голубому небосводу стайки белых облаков. Вдруг на кромке моря возникли три водяных смерча; они поскакали вдоль горизонта, покачиваясь словно могучие шеи неких доисторических чудовищ. То сгибаясь, то извиваясь, словно исполненные грацией лебеди, они протанцевали вдоль всей линии горизонта и пропали.

– Вот это да, – сказал Теодор, который с интересом наблюдал за этим необычным явлением. – Никогда не видел, чтобы ТРИ сразу. Очень любопытно. Ты заметил, как они двигались вместе? Ну словно... м-м... животные в стаде!

Я сказал, что хотел бы, чтобы они подошли поближе.

– Хм... – Теодор почесал бороду большим пальцем, – не думаю, чтобы со смерчами стоило... хм... заводить близкое знакомство. Помню, я был в одном месте в Македонии, где смерч... хм... вылез на побережье. Он оставил после себя полосу разрушений шириной почти двести ярдов и длиной в четверть мили – не забудь, это все на суше! Даже старые могучие оливы повыворачивало с корнем, а уж молодые деревца ломало будто спички! Когда же наконец водяной смерч исчез... э-э, знаешь ли... выяснилось, что полоса, где он прошел, насыщена солью и стала... знаешь ли, непригодной для земледелия.

– Как, ты видел эти кровожадные смерчи? – воскликнул Лесли, подходя к нам.

– Вот-вот. Очень любопытное явление, – сказал Теодор.

– Мама в панике, – сказал Лесли. – Она убеждена, что смерчи идут прямо на Ларри.

– Не думаю, что стоит так уж бояться, – отозвался Теодор. – Смерчи как будто прошли очень далеко.

Когда мы расположились в оливковой роще на краю залива, стало очевидно, что на нас вот-вот налетит сирокко, обычный в это время года и, как правило, яростный и внезапный. Так и случилось – ветер хлестнул по ветвям олив и покрыл бухту ковром бурунов с белыми гребешками.

– Пора удирать, – сказал Лесли. – Не самое подходящее время для пикника.

– Мы не можем, милый, – возразила мама. – Мы обещали Ларри дождаться его здесь.

– Если у них есть хоть чуток здравого смысла, они причалят где-нибудь в другом месте, – сказал Лесли.

– Да, не скажу, чтобы я им очень завидовал, – изрек Теодор, глядя на бьющие о скалы волны.

– Ну, милый, я надеюсь, что с ними ничего не случится, – сказала мама. – В самом деле, Ларри такой сумасброд.

Мы прождали час, и с каждым мгновением мама все больше предавалась панике. Тут Лесли, который наблюдал море с соседнего мыса, примчался с сообщением, что заметил их.

– Удивительно, как это они умудрились доплыть сюда, – сказал он. – Этот ветрило царствует над всем морем, они идут буквально кругами.

Вскоре яхта вошла через узенький проход в бухту. Приглядевшись, мы увидели, как Дональд и Макс, вертясь точно на иголках, тянут веревки, натягивающие паруса, а Ларри и капитан Крич, прилипнув к румпелю, что-то кричат – очевидно, дают ценные указания. Мы с интересом следили за их продвижением.

– Надеюсь, они помнят о том, что здесь риф? – сказал Лесли.

– Какой риф?! – встревожилась мама.

– Да этот чертов риф... Тут огромный риф, как раз там, где пенится вода, – пояснил Лесли.

Спиро угрюмо тарашил глаза на море, стоя словно средневековая химера.

– Мне это не нравится, мастер Лесли, – сказал он хриплым шепотом. – Похожий на то, что они не знают, как плавать.

– Боже мой, – сказала мама, – и зачем я только согласилась?

В этот момент (как выяснилось впоследствии, из-за того, что Макс и Дональд неверно поняли инструкции и подняли парус вместо того, чтобы спустить) произошло одновременно несколько событий. Внезапно налетевший порыв ветра надул паруса яхты с таким треском, что он был отчетливо слышен здесь, на берегу, и Макс полетел за борт. Яхта завалилась и, влекомая порывом ветра, со страшным скрипом понеслась прямо на риф; на какое-то мгновение удержавшись, она, словно придя в отчаяние от находившихся на ее борту незадачливых мореплавателей, блаженно улеглась на борт.

Какое тут поднялось смятение! С криком «Боже мой! Боже мой!» мама в бессилии осела на корень старой оливы. Марго залилась слезами, в отчаянии размахивая руками: «Они утонут! Они утонут!» Спиро, Лесли и я бросились к берегу. Правда, толку от нас все равно было чуть: нам как-то не пришлось в голову застаться спасательной шлюпкой. И вот мы видим, как четверка отважных мореходов, борясь с бурными волнами, отплывает от места крушения; Ларри и Дональд толкают сквозь бушующие воды капитана Крича. Лесли, я и Спиро мигом скинули одежду и попрыгали в море; вода оказалась жутко холодной, а волны куда сильнее, чем я рассчитывал.

– С вами все в порядке? – крикнул Лесли, когда флотилия потерпевших кораблекрушение подплыла к нам.

– В порядке! – отрапортовал Макс. – В полном порядке!

У него был четырехдюймовый шрам на лбу, и кровь стекала по лицу прямо на усы. У Ларри под глазом темнел синяк, который быстро раздулся в огромную шишку. Лицо капитана Крича, болтаясь между лицами Ларри и Дональда, приобрело немислимый розовато-лиловый оттенок, вроде как у незрелой сливы.

– Помогите тащить капитана, – сказал Ларри. – Этот чертов осел, старый недоносок, сознался, что не умеет плавать, только когда мы перевернулись.

Спиро, Лесли и я протянули руки капитану, сменив тяжело дышавших Дональда и Ларри на благородном посту

спасателей. Должно быть, со стороны славно смотрелось, как мы при последнем издыхании выбирались на мелководье, а затем на сушу. Лесли и Спиро с двух сторон поддерживали капитана Крича, чьи ноги волочились по земле, то и дело цепляясь за коряги и камни.

– А-а, привет! – крикнул он маме. – Это вы, моя крошечка!

– Посмотрите, что у Макса с головой! – завопила Марго. – Он ведь может истечь кровью и умереть!

Мы перебрались в безопасное место, под шатер оливковой роши, и, пока мама, Марго и Теодор в спешном порядке оказывали первую помощь Максусу и Ларри, забинтовывая им соответственно шрам на лбу и шишку под глазом, уложили капитана Крича под оливу, так как он не в состоянии был стоять на ногах.

– Наконец-то мы в порту, – сказал он с удовлетворением, – наконец-то мы в порту. В моряки вас выведу, юноши. Да.

Только теперь, когда появилась возможность присмотреться, мы убедились, что капитан мертвецки пьян.

– Ларри, милый, что ты со мной делаешь! – сказала мама. – Вы же все могли утонуть.

– Я-то тут при чем?! – раздраженно ответил Ларри. – Мы делали то, что приказывал капитан. Дональд и Макс тянули не за те веревки.

– Как же вы могли его слушаться? – спросила мама. – Он же пьян!

– В том-то и дело, что поначалу он не был таковым, – сказал Ларри, – по-видимому, у него потаенный запас алкоголя где-то на борту. То-то я замечал, что он слишком часто спускался в каюту!

– Не верь ему, кроткая девочка, – пробормотал капитан Крич нерешительным баритоном, – я уверен, день придет, он с начинкою в утробе бросит вас и не чихнет.

– Отвратительный старый мужлан! – сказала мама. – Право же, Ларри, я в самом деле сердита на тебя.

– Юноши, выпьем! – хриплым голосом взревел капитан Крич, махнув взъерошенным Максу и Дональду. – Разве можно выходить в море без выпивки?!

Наконец мы кое-как подсохли, выкрутили мокрую одежду и, дрожа, направились вверх по склону холма к машине.

– Так как же мы поступим с яхтой? – спросил Лесли, которому показалось, что владельцев, Дональда и Макса, совершенно не беспокоит ее судьба.

– Остановиться в соседней деревне, – сказал Спиро. – Я знаю там рыбаки, он ее хорошо починять.

– Знаете ли, мне кажется, – сказал Теодор, – что если у нас есть что-нибудь стимулирующее, неплохо бы дать немного Максу, а то ведь он, бедняга, должно быть, очень страдает после такого удара.

– Да, есть немного бренди, – сказала мама и, пошарив в машине, вытащила оттуда бутылку и чашку.

– Милочка! – молвил капитан Крич, будучи не в силах отвести моргающих глаз от бутылки. – Мне как раз доктор прописал!

– Ну уж нет! – твердо сказала мама. – Это для Макса. Нам пришлось изрядно поломать голову, как бы в тесноте, да не в обиду разместиться в машине. Решили так: поедem, сидя друг у друга на коленях, но оставим побольше пространства для Макса, который стал хмурого свинцового цвета и которого всего сотрясала дрожь. К неудовольствию мамы, ей волей-неволей пришлось втиснуться бок о бок с капитаном Кричем.

– Сядь ко мне на коленочки, – гостеприимно позвал капитан. – Сядь ко мне на коленочки, обнимем друг друга, так оно теплее будет.

– Никогда! – решительно заявила мама. – Уж лучше я сяду на колени к Дональду.

Всю дорогу капитан угощал нас самыми отборными образчиками матросского песенного фольклора. Мои родные затеяли ожесточенный спор.

– Ларри, потребууй, чтобы он замолчал, – сказала мама.

– Как это я могу потребовать? Ты сзади, ты и требууй.

– Это твой друг, – возразила мама.

– Океан ворчит угрюмо, тихо плещется волна. По морям несетя шхуна, флибустьерская она. На корабле случилась ссора из-за девок молодых. Эх! И, взорвавшись словно порох, мы набросились на них. Мне досталась молодуха лет под восемьдесят пять. И тогда за оба уха начал я бедняжку драть, – разносилось по всей округе под гул мотора.

– Так бы и стукнула тебя, старый похабник! – сказала мама. – И вас бы всех заодно.

– А за что всех-то? – спросил Лесли. – Ларри все это затеял, пусть сам и отдувается.

– Не правда! – раздраженно сказал Ларри. – Не знаете – не говорите, вас-то там не было. Думаете, легко, когда над ухом орут «Перемени галс!» или что-то в этом роде, а кругом шторм девять баллов!

– Знал я одну девку в Крайчестере, – с наслаждением изрек капитан Крич, – так стоило ей пройти мимо собора, как у всех святых в нишах начиналось шевеление...

– Мне только одного из всей компании жалко: беднягу Макса, – сказала Марго, глядя на него с состраданием.

– Не понимаю, за что его жалеть, – возмутился Ларри, у которого глаз почти совсем исчез, а на его месте чернело словно глянцевое пятно, – из-за него, дурака, все. Лодка была под моим надежным управлением, пока он не поднял этот чертов парус.

– Ну, из тебя моряк никакой, – заявила Марго. – Смыслил бы хоть что-нибудь в моряцком деле, не приказал бы ему поднять парус.

– То-то и оно-то! – прорычал Ларри. – Это не я приказал. Это была его собственная инициатива.

– Доброе судно «Венера», – затянул капитан, чей репертуар был, как видно, неистощим.

– Довольно спорить, милые, – сказала мама. – У меня ужасно болит голова. Чем быстрее доедем, тем лучше.

Ну, вот мы и в городе. Дональд и Макс вышли у своей гостиницы, капитан – по-прежнему с бодрой песней на устах – у своей, а мы, продрогшие, мокрые и злые, покатали к себе.

На следующее утро все проснулись довольно вялые. Глаз Ларри теперь окрасился в цвета заката, передать которые способна только кисть Тернера. Когда мы уже заканчивали на веранде завтрак, громко клаксона, подкатил Спиро. Впереди машины с рычанием бежали собаки, норовя прокусить ему шины.

– Надо сказать Спиро, чтоб он больше так не шумел, когда подъезжает, – изрек Ларри.

Спиро взошел на веранду и начал обычный утренний ритуал приветствия.

– Доброе утро, миссисы Дарреллы; доброе утро, мисси Марго; доброе утро, мастера Ларри; доброе утро, мастера Лесли; доброе утро, мастера Джерри. Как ваша глазонька, мастера Ларри? – сказал он с сочувственным видом.

– Положа руку на сердце, – ответил Ларри, – я чувствую, что придется мне остаток дней моих ходить по миру с белой палочкой слепца.

– У меня для вас письмо, – сказал Спиро маме. Мама надела очки и вскрыла конверт. Мы замерли в ожидании. Лицо мамы залилось краской.

– Наглость! Мерзость! Каков мужлан, а! Никогда не слышала ничего подобного!

– Да что же случилось-то? – спросил Ларри.

– Отвратительный Крич! – Мама размахивала письмом перед носом у Ларри:

– Это ты виноват во всем! Ты привел его к нам в дом!

– Ну а сейчас-то я в чем виноват? – потрясенный, спросил Ларри.

– Этот похабник сделал мне предложение, – сказала мама.

На мгновение на веранде воцарилась тишина, пока сногсшибательная информация доходила до каждого.

– Предложение? – осторожно произнес Ларри. –

Нескромное?

– Да нет, нет, – сказала мама. – Он хочет на мне жениться. Пишет, какая я очаровашка и кучу прочей сентиментальной чепухи.

Все семейство дружно откинулось на спинки стульев и хохотало до тех пор, пока на глазах у всех не выступили слезы.

– Ничего смешного, – сердито сказала мама, топнув ногой. – С этим надо что-то делать.

– О, – простонал Ларри, вытирая глаза. – О, редкостная шутка! Похоже, он думает, что, коли снял перед тобой вчера штаны, чтобы выжать их, его долг – сделать тебя честной женщиной.

– Перестаньте смеяться, – сердито сказала мама. – Это не смешно.

– О, представляю, – елеиным голосом продолжал Ларри, – ты в белом муслине. Мы с Лесли в цилиндрах. Марго будет за подружку невесты, а Джерри за пажа. Эффектная выйдет сцена, а? Да еще наверняка в церковь соберутся девицы из всех окрестных веселых заведений и начнут протестовать против заключения брака – как же, кому охота терять такого клиента, как старина Крич?

Мама свирепо уставилась на него.

– Когда становится действительно скверно, – гневно сказала она, – вы, детки, пальцем пошевелить не можете!

– Но, мама, тебе так пошло бы белое платье, – хихикнула Марго.

– И как же вы решили провести медовый месяц? – спросил Ларри. – Все говорят, что в это время года лучше всего на Капри.

Но мама не слушала. Со всей решительностью она обратилась к Спиро:

– Спиро, передайте капитану мой отказ. И чтобы ноги его больше не было в нашем доме.

– Да что ты, мамочка, – запротестовал Ларри. – Нам, детям, так нужен отец!

– Слушайте все, – обратилась к нам мама, пылая гневом, – чтобы никому ни слова! Я не желаю, чтобы мое имя ассоциировалось с этим отвратительным... отвратительным бабником!

С тех пор мы ничего больше не слышали о капитане Криче. Но все сошлись, что несостоявшийся великий роман нашей мамы ознаменовал собой благоприятное начало года.

Глава десятая. Говорящая голова

Летнее солнце палило над островом, словно гигантская жаровня. Даже в тени оливковых рощ невозможно было найти прохлады, а едва наступал знойный голубой полдень, как все настойчивее нарастал неумолчный пронзительный стрекот цикад. Уровень воды в прудах и каналах падал, и грязь по краям трескалась под лучами солнца, будто по ней выпиливали лобзиком. Море стояло недвижно, словно шелковый ковер, а вода на отмели прогревалась так, что и купанье не освежало. Хочешь насладиться прохладой, выгребай на лодке на глубину – кругом полный штиль, движешься только ты и твое отражение – и ныряй. Ощущение такое, будто ныряешь в небо.

Наступило время бабочек и мотыльков. Днем, когда на склонах холмов безжалостное солнце, казалось, иссушало последнюю каплю росы, можно было поймать больших томных парусников. Элегантно и как бы рассеянно перепархивали они с куста на куст. Перламутровки, пламенеющие словно живые угольки, быстро и ловко переносились с цветка на цветок. Капустницы, золотистые белянки, лимонно-желтые и оранжевые крушинницы порхали туда-сюда на своих точно неопрятных крылышках; с шорохом похожим на кошачье мурлыканье, скользили, едва касаясь травы, крохотные пушистые самолетики – бабочки-толстоголовки; на блестящих известняковых плитах восседали красные адмиралы, пламенея словно драгоценные украшения Вульворта, то раскрывая, то складывая крылья,

будто изнывая от жары. Ночью у ярких ламп кипело настоящее царство мотыльков, а для большеглазых плосколапых розовых гекконов, поджидающих на потолке, наступал пир горой – они насыщались так, что потом едва могли двигаться. Откуда ни возьмись налетали в комнату зеленые и серебряные олеандровые бражники и в порыве безумной страсти бились о ламповое стекло, да с такой силой, что стекло разбивалось вдребезги. Таинственно слетали вниз по каминной трубе бражники «мертвая голова» в имбирную и черную крапинку, по плющу их грудки словно вышит зловещий знак – череп со скрещенными костями. Спустившись по трубе, они застревали в каминной решетке, помахивая крыльями и попискивая словно мыши.

На склонах холмов, где простирались поля вереска, теплого и иссушенного солнцем, бродили и сновали в поисках добычи черепахи, ящерицы и змеи; среди зеленых листьев мирта медленно и зловеще, покачиваясь из стороны в сторону, свисали богомолы. Послеполуденное время – наилучшее для исследования жизни холмов, но и самое жаркое. Солнце барабанило по черепушке, а земля даже через подошвы сандалий жгла как раскаленная сковородка. Вьюн и Пачкун, страшась такого солнцепека, никогда не ходили на прогулки в это время дня, но Роджер, неутомимый в изучении естественной истории, всегда был со мной – тяжело дышал, мучительно сглатывал слюну, но шел.

Мы с ним пережили множество приключений. Как-то с изумлением наблюдали мы двух в стельку пьяных ежей, объевшихся забродившими виноградинами, которые они подбирали под лозами. Колючие пьянчужки ходили кругами, икая и громко взвизгивая, и угрожающе шипели друг на друга при столкновении. Раз попался красный, как осенний лист, лисенок, который поймал среди вереска свою первую черепаху. Черепаха, как обычно в таких случаях, флегматично спрятала голову и ноги под панцирь и плотно закупорилась, словно дорожный чемодан. Но лисенок успел-таки заметить движение и осторожно, ушки на макушке, прохаживался

вокруг черепахи, дожидаясь, пока она высунет голову и ноги наружу. Затем, поскольку он был еще только игривым детенышем, он быстрым движением ударил лапкой по панцирю и отскочил, а потом залег и, зажав головку между лапками, несколько минут наблюдал за черепахой. Наконец он живо скакнул вперед и после нескольких безуспешных попыток схватил все же добычу челюстями и с высоко поднятой головой гордо побежал через вереск. Здесь, в этих холмах, мы наблюдали, как черепашата вылупляются из яиц, разбивая тонкую, словно бумага, скорлупу; у каждой новорожденной черепашки был столь мудрый взгляд и такая морщинистая головка, словно с момента ее рождения прошли не минуты, а тысячелетия; здесь же я впервые наблюдал брачный танец змей.

Мы с Роджером пристроились под большим миртовым кустом, где было хоть немного тени. Нечаянно спугнув сидевшего на соседнем кипарисе ястреба, мы терпеливо ждали, когда он вернется на место, чтобы получше его рассмотреть. Вдруг примерно в десяти футах от нас я увидел двух змей, пробивавших себе путь сквозь коричневое сплетение стеблей вереска. Роджер, который боялся змей, жалобно заскулил и прижал уши. Я шикнул на него и стал наблюдать за змеями. Одна из них совершенно явно преследовала другую по пятам. «Интересно, зачем? – подумал я. – Неужели хочет съесть?» Наконец змеи выбрались из вереска, но когда они заползли в пучки выбеленной солнцем травы, я потерял их из виду. Проклиная судьбу, я уже готов был выбраться из своего укрытия и подойти поближе, однако они неожиданно возникли на сравнительно открытом месте.

Тут преследуемая змея остановилась, а та, что ползла сзади, устроилась сбоку. Так они с мгновение полежали неподвижно, а затем преследователь принялся тщательно обнюхивать голову преследуемой. Я решил, что первая змея была самкой, а вторая – ее дружкой. Тот продолжал тыкаться головой в голову и шею подруги, пока слегка не приподнял их от земли. Самка застыла в такой позиции, а партнер,

отодвинувшись на несколько дюймов назад, тоже поднял голову. Так оба и замерли неподвижно, и довольно долго таращили друг на друга глаза. Затем самец медленно скользнул вперед и обвился вокруг тела самки;

Обе переплетенные змеи поднялись вверх, насколько могли, чтобы не потерять равновесие, и некоторое время вновь побыли в неподвижности, а затем принялись раскачиваться, толкая друг друга, как борцы на ринге. Их хвосты извивались, цепляясь за корни травы – видимо, для пушей устойчивости. Вдруг змеи расплелись и распались, задние концы тел встретились – и, спутанные, словно играющие в цепочку на карнавале, они довершили свою брачную церемонию под лучами солнца.

В этот момент Роджер, который все с большим неудовольствием воспринимал мой интерес к змеям, встал и отряхнулся, давая понять, что с его точки зрения нам лучше продолжить путь. К несчастью, змеи заметили его. На какое-то мгновение они сплелись в клубок, блестя кожей на сеянце, затем самка выпрямилась и быстро поползла под покров вереска, волоча за собою партнера, по-прежнему приплетенного к ней с хвоста и оттого выглядевшего весьма беспомощно. Роджер взглянул на меня, слегка чихнул от удовольствия и завилял своим куцым хвостом. Но я был очень недоволен его поведением и сказал ему пару ласковых. В конце-то концов, втолковывал я, он и сам ухлестывает за суками – и как бы он себя почувствовал, если бы как раз в минуту безумной страсти его застигла какая-нибудь опасность и его бы вот так же позорно уволокли с поля любви?

Когда настало лето, остров наводнили толпы цыган – помочь в уборке урожая, а заодно стянуть все, что плохо лежит. Вот они целыми семьями движутся по белым от пыли дорогам на осликах или покладистых маленьких пони, блестящих как каштаны; глаза у цыган черные, словно ягоды терновника, кожа почти дочерна сожжена солнцем, волосы растрепаны, лохмотья – под стать прическам. Их таборы при

всей своей нищете – само очарование: на дюжине костров дюжина котлов, в которых булькает всякая всячина; старые женщины, сидящие на корточках в тени грязных палаток с односкатной крышей, старательно ищут насекомых в головах у малышей; ребятишки постарше, восторженные, как листья одуванчиков, с криками катаются и играют в пыли. Те из мужчин, у которых есть побочная работа, заняты ею: один связывает разноцветные воздушные шары, так что вместе они образуют причудливые звериные морды; другой – похоже гордясь, что будет показывать представление театра теней с Карагеозисом «Карагеозис – буквально: «черноглазый» – герой греческого фольклора типа нашего Петрушки», подновляет фигурки и повторяет кое-что из вульгарных шуток и непристойностей означенного героя, вызывая хихиканье красивых молодых женщин, помешивающих варево в котлах или что-то вяжущих где-нибудь в тенечке.

Мне всегда хотелось сдружиться с цыганами, но они – осторожный и недоверчивый народ – едва терпели греков.

Моя же выгоревшая добела на солнце копна волос и голубые глаза автоматически вызывали у них подозрение, и хотя цыгане и разрешали мне бывать у них в таборе, но никогда не шли на контакт – в отличие от крестьян, с охотой рассказывавших о своей личной жизни и чаяниях. Однако именно цыгане оказались, хоть и косвенно, виновниками переполоха в нашем семействе. На этот раз я был совершенно ни при чем.

... Близился к концу необыкновенно жаркий летний день. Мы с Роджером устали как собаки, преследуя крупную и очень возмущенную змею вдоль разрушенной каменной стены. Но стоило нам преодолеть одну часть стены, как эта тварь благополучно переползала на другую. В конце концов мы вынуждены были признать свое поражение и теперь, взмокшие, запыленные и изнывающие от жажды, топали восвояси. У меня была только одна мечта – напиток чаю. За поворотом открылась небольшая долина, и тут я увидел человека, чем-то похожего на необыкновенно большую

собаку. Я подошел поближе, пригляделся – и не поверил глазам своим: с человеком был медведь. Я так удивился, что невольно вскрикнул.

Медведь встал на задние лапы и повернулся ко мне. Человек тоже повернул голову. Оба с мгновение вглядывались в меня, а затем человек помахал рукой, как бы приветствуя случайного встречного, и продолжил раскладывать под оливой свои пожитки, а медведь вновь уселся на корточки и стал с интересом наблюдать за своим хозяином.

Преисполненный волнения, я сбежал вниз с холма. Я слышал, что в Греции есть танцующие медведи, но видеть их еще не доводилось. Упустить такую возможность было никак нельзя. Подбежав поближе, я громко поздоровался, и хозяин медведя, оторвавшись от своего занятия, ответил мне довольно вежливо. Я понял, что это – настоящий цыган: темные жгучие глаза, иссиня-черные волосы; но выглядел он более респектабельно, чем большинство его соплеменников: на нем был аккуратно починенный костюм и даже ботинки, что в те годы являлось знаком отличия даже среди земледельческого населения острова.

Я спросил, можно ли подойти поближе без риска для жизни, – медведь хотя и был в кожаном наморднике, но не был привязан.

– Да, подходи, – сказал человек. – Павло не тронет. Только оставь собаку.

Я взглянул на Роджера и увидел, что пес хоть и храбрится, но вид медведя ему явно не нравится и остается он со мной только из чувства долга. Когда я приказал ему отправляться домой, Роджер посмотрел на меня благодарным взглядом и, напустив на себя безразличный вид, неспешно потрусил вверх по склону холма. Несмотря на уверения цыгана, что Павло совершенно безобиден, я все же подошел с опаскою, так как зверь, хотя был еще молодой, когда становился на задние лапы, оказывался на добрый фут выше меня, а каждая из его широких мохнатых лап была вооружена

устрашающим набором блестящих когтей, которые он, чего доброго, мог пустить в ход. Сидя на корточках, зверь смотрел на меня маленькими мигающими карими глазками, мягко дыша – точь-в-точь живая грудка косматых морских водорослей. И тут я подумал, что это самый желанный из всех когда-либо приглянувшихся мне зверей, и, ходя вокруг него и рассматривая во всех возможных ракурсах, я любовался его совершенством.

Я засыпал хозяина медведя кучей вопросов: сколько ему лет? Где он его раздобыл? Что он делает?

– Танцует, – сказал цыган, откровенно забавляясь моим восторгом, – и этим зарабатывает себе и мне на жизнь. Сейчас покажу.

Он взял палку, на конце которой был небольшой крючок, и вдел его в кольцо кожана; о намордника.

– Пойдем потанцуем с папочкой.

Быстрым движением мишка поднялся на задние лапы. Хозяин щелкнул пальцами и засвистел жалостливую мелодию, притопывая ногами в такт; за ним в пляс пошел и медведь. Зверь и человек прошлись в медленном, величавом менуэте среди голубых, как молния, чертополохов и высохших стеблей златоцветника. Я готов был смотреть на них целую вечность. Когда цыган кончил свою грустную песнь, мишка привычно опустил на все четыре лапы и чихнул.

– Bravo! – тихо сказал цыган. – Bravo! Я в восторге захлопал в ладоши.

– Никогда еще, – сказал я, ничуть не кривя душой, – я не видел ни такого прекрасного танца, ни такого совершенного танцовщика, как Павло. А погладить его можно?

– С ним можно делать что хочешь, – посмеиваясь, сказал цыган и вынул крючок из намордника, – он такой дурачок, что не тронет даже разбойника, если тому взбрдет в голову отнять у него еду.

В подтверждение своих слов он принялся чесать зверю спину, а мишка, вытянув морду к небу, принялся тихонько

урчать от удовольствия, а затем блаженно опустился на землю и распластался, словно ковер из медвежьей шкуры.

– Любит, когда его щекочут, – сказал цыган. – Можешь пощекотать.

Следующие полчаса были для меня величайшим счастьем. Я почесывал зверя, а тот мурлыкал от наслаждения. Я рассматривал его огромные когти, уши и крохотные глазки, а он лежал и позволял делать с собой все что угодно, будто спал. Прижавшись к его теплому телу, я разговаривал с хозяином, а между тем в голове моей зрел дерзкий план. Зверь должен стать моим! Собаки и другие животные быстро привыкнут к нему, а мы с ним сможем вальсировать на склонах холмов. Я уверил себя, что домашние будут в восторге от приобретения столь разумного питомца. Но прежде чем начать торговаться, нужно было соответствующим образом настроить хозяина. Торговаться со здешними крестьянами мне уже приходилось – по опыту знаю, дело это долгое и утомительное, и разговор обычно проходит на повышенных тонах. Но вот цыган... Уж кого-кого, а их не надо учить коммерции! Этот цыган казался не столь молчаливым и замкнутым, как другие его соплеменники; я принял это за добрый знак и спросил, откуда он.

– Издалёка, издалёка, – ответил цыган, накрывая свои пожитки старым куском брезента и вытряхивая ветхие одеяла, которые, очевидно, служили ему постелью, – я высадился на берег в Лефкими прошлой ночью, а досюда шли пешком – Павло, я да еще Голова. А что делать? Нас с Павло не пускают в автобусы – боятся. Вот мы и не спали прошлую ночь. Зато теперь мы тут выспимся, а завтра добредем до города.

Заинтригованный, я спросил, как понимать его слова «Павло, я да еще голова».

– Моя Голова, конечно, – посмеиваясь, ответил цыган. – Моя маленькая Говорящая Голова, – и, взяв палку, на которой он водил медведя, шлепнул ею по куче барахла, накрытого

брезентом.

Я откопал в кармане шорт остатки растаявшего шоколадного батончика и принялся угощать своего нового четвероногого друга, который, слизывая каждый кусочек, стонал от удовольствия и пускал слюни. Я сказал цыгану, что не понимаю, о чем речь. Тот сел передо мной на корточки и закурил папиросу, уставившись на меня своими темными глазами, недружелюбными, как у ящерицы.

– У меня есть Голова, – сказал он, указывая большим пальцем на кучу своих пожиток. – Живая Голова. Она разговаривает и отвечает на вопросы. Это, без всякого сомнения, самая замечательная штука на свете.

Я был озадачен.

– Вы хотите сказать, – спросил я, – это одна голова... без тела?

– Да, именно без тела. Одна Голова, – ответил цыган и сложил перед собой ладони, как если бы держал кокосовый орех. – Сидит на палочке и разговаривает. Ничего подобного нигде в мире не видано!

– А как же... – не унимался я, – если у головы нет тела, то как же она живет?

– Волшебством, – торжественно сказал цыган. – Волшебством, которое перешло ко мне еще от прадедушки.

Я был уверен, что он дурачит меня, но, сколь ни увлекательна была тема, я все же почувствовал, что мы уходим от главного, ради чего я и завел весь разговор – вопроса приобретения в личную собственность Павло, который в данный момент слизывал, жмурясь от удовольствия, последний кусок шоколада, что я совал ему сквозь кожаные ремни намордника.

Цыган сидел на корточках, мечтательно зажмурив глаза, голова его окуталась облаком дыма. Тщательно изучив его, я решил, что самым правильным будет поставить вопрос ребром. И напрямую спросил, согласен ли он продать медведя и за сколько.

– Продать Павло?! Да ни за что! Он мне как сын родной!

– Да поймите, ему со мной будет хорошо. У него будет хороший дом, где его будут любить и даже танцевать с ним. Может, согласитесь, а?

Цыган смотрел на меня, задумчиво попыхивая папиросой.

– За двадцать миллионов драхм. Идет? – спросил он и расхохотался, заметив мой ошарашенный вид. – То-то! Если у тебя есть поля, то у тебя должны быть и ослы, чтобы эти поля обрабатывать. И ты с ними так просто не расстанешься, ведь верно? Так вот, Павло – это мой ослик, который танцует, добывая хлеб и себе и мне. И пока он не станет слишком стар, чтобы танцевать, я с ним не расстанусь.

Я был горько разочарован, но понял, что цыгана не уговорить. Мне было так уютно лежать на широкой мягкой спине слегка посапывающего Павло, но делать нечего, пришлось встать. Отряхнувшись, я сказал:

– Что ж, раз так, сдаюсь. Я понимаю, что медведь вам очень дорог, но если все же вы захотите с ним расстаться, сообщите мне, ладно?

Он серьезно кивнул.

– А когда будете выступать в городе, не могли бы вы как-нибудь сообщить мне, чтобы я мог приехать на ваше представление?

– Разумеется, – сказал он, – но, думаю, людская молва донесет до тебя, где меня найти. Потому что моя Говорящая Голова – просто чудо из чудес.

Я кивнул и пожал ему руку. Павло поднялся, и я похлопал его по голове.

Взобравшись на холм, я оглянулся. Человек и медведь по-прежнему стояли рядом. Цыган махнул мне рукой, а Павло, встав на задние лапы и запрокинув морду, повел в мою сторону носом. Я воспринял это как прощальный жест.

Я медленно брел домой, размышляя о цыгане, его Говорящей Голове и несравненном Павло. Может быть, думал я, раздобыть где-нибудь медвежонка да самому выпестовать его? А что, если дать объявление в афинскую

газету? Вдруг повезет?

Семья мирно попивала чай в гостиной, когда я решил поставить перед ними эту проблему.

Однако, едва я вошел, идиллическая сцена чаепития мгновенно сменилась всеобщей паникой. Марго завопила как резаная, Ларри уронил чашку с чаем себе на колени, а затем вскочил и спрятался за стол; Лесли схватил стул, а мама вытаращила на меня глаза, полные ужаса. Никогда бы не подумал, что мое появление может вызвать столь откровенную реакцию среди домочадцев.

– Убери его отсюда! – прорычал Ларри.

– Да, убери эту проклятую тварь! – сказал Лесли.

– Он нас всех сожрет! – визжала Марго.

– Ружье!... Достаньте ружье и спасите Джерри! – слабым голосом произнесла мама.

Я не мог понять, какая муха их укусила. Все они уставились на что-то позади меня. Я оглянулся и – что я вижу! В дверях, пригнувшись к чайному столу с надеждой на угощение, стоял Павло.

Я шагнул к нему и схватил его за морду. Он нежно потыкался в меня носом. Я разъяснил домочадцам, что это всего лишь Павло.

– Хватит, – хрипло сказал Ларри, – довольно. И так уже в доме шагу ступить некуда – сто чижей, сто ежей, сто ужей, а теперь еще и медведь. Ради Христа, что он себе думает? Что здесь кровавая арена, как в Риме?

– Джерри, милый, будь осторожен! – дрожащим голосом сказала мама. – Он кажется таким свирепым.

– Он нас всех загрызет! – убежденно произнесла Марго дрожащим голосом.

– Не пойду же я мимо него за ружьями, – сказал Лесли.

– Он здесь не останется. Я запрещаю, – сказал Ларри. – Я не позволю превратить дом в медвежью берлогу.

– Где ты его взял, милый? – спросила мама.

– Меня не волнует, где он его взял, – сказал Ларри, – но пусть он сейчас же отведет его обратно, пока косолапый не

растерзал нас в клочья. У мальчика же никакого чувства ответственности! Я не желаю во цвете лет погибнуть смертью христианского мученика!

Павло встал на задние лапы и издал протяжный хриплый стон, который я воспринял как желание присоединиться к чаепитию – ведь на столе стояло столько разных деликатесов! Но домочадцы поняли это по-своему.

– О-ой! – взвыла Марго, как укушенная. – Он наступает!

– Джерри, осторожнее! – сказала мама.

– Ох, что я сделаю с этим мальчишкой! – возвестил Ларри.

– Если доживешь, – отозвался Лесли. – Да заткнись же ты, Марго, только хуже делаешь! Ты же провоцируешь эту паршивую тварь!

– Хочу орать и буду, – возмутилась Марго. Семья была до такой степени объята страхом, что я рта не мог открыть, чтобы объясниться. Теперь я дерзнул – во-первых, сказал я, Павло не мой, а во-вторых, он ручной, как собачонка, и мухи не обидит.

– Не верю ни единому твоему слову, – сказал Ларри. – Ты увел его из какого-нибудь погорелого цирка. Стало быть, нас не только растерзают в клочья, но еще и укудут за сокрытие краденого имущества!

– Успокойся, успокойся, милый, – сказала мама. – Пусть Джерри объяснит все сам.

– Объяснит? – справился Ларри. – Объяснит? Ну и как же ты объяснишь появление громадного хищника в гостиной?

Я сказал, что медведь принадлежит цыгану, у которого Говорящая Голова.

– Говорящая голова? О чем это ты? – полубопытствовала Марго.

Я сказал, что это голова без туловища, которая разговаривает.

– Парень спятил, – убежденно сказал Ларри. – Чем быстрее мы сдадим его в дурдом, тем лучше.

Теперь вся семья, дрожа, отступила в самый дальний

угол гостиной. Я возмущенно сказал, что мой рассказ – чистейшая правда и я готов подтвердить это. Я покажу, как Павло танцует! Схватив со стола кусок торта, я продел палец в кольцо и подал зверю те же команды, что подавал его хозяин. Глаза животного с жадностью устремились на лакомство. Павло встал на задние лапы и станцевал со мной.

– Вот это да! – сказала Марго. – Вот это да! Он танцует!

– Пусть он танцует как целый кордебалет, – сказал Ларри, – но чтобы ноги его здесь не было!

Я забросил кусок торта Павло в пасть, и тот с жадностью проглотил его.

– А он и в самом деле довольно милый, – сказала мама, надевая очки и с любопытством взирая на медведя. – Помнится, когда-то у моего брата в Индии была медведица – очень милое существо!

– Нет! – сказали в один голос Ларри и Лесли. – Он здесь не останется.

Я сказал, что это в любом случае невозможно, так как хозяин отказывается его продать.

– И на том спасибо, – молвил Ларри.

– Так потрудись отвести его владельцу. Или, может, ты хочешь напоследок заставить его потанцевать на столе, как в кабаре?

Взяв еще кусок торта в качестве отступного, я снова продел палец в кольцо на наморднике у Павло и повел его вон. Пройдя полпути по оливковой роще, я встретил его отчаявшегося хозяина.

– Ах, вот ты где! Ах, вот ты где, проказник! А я уже голову потерял, куда ты подевался! А знаешь, он от меня никогда раньше не бегал, потому я его и не привязываю. Видно, ты ему понравился!

Я честно признался цыгану, что Павло мог увязаться за мною только из-за шоколадок.

– Уф! – сказал цыган. – Гора с плеч! А я-то боялся, что он ушел в деревню. Тогда хлопот с полицией не оберешься.

Я с неохотой передал Павло цыгану и долго смотрел,

как Человек и Зверь возвращались к своей стоянке под деревьями. Проводив взглядом своего любимца, я зашагал домой с некоторым трепетом – хотя в том, что Павло увязался за мною, я был не виноват, в прошлом в моем поведении имели место моменты, ныне сработавшие против меня. Мне пришлось долго убеждать семью, что на сей раз вина была не моя.

На следующее утро, по-прежнему с мыслями о Павло, я покорно отправился в город – как делал каждое утро – к моему наставнику Ричарду Кралефски. Кралефски был гном гномом, с небольшим горбом на спине и огромными серьезнейшими янтарными глазами; он терпел невероятные муки в попытке чему-то меня научить. У него было два неценных качества: первое – глубокая любовь к естествознанию (весь мезонин его дома был отдан в распоряжение множества разнообразных канареек и прочих птиц), а второе-то, что он (правда, не все время) жил в мире грез, где всегда чувствовал себя героем. Он постоянно рассказывал мне о приключениях, пережитых в воображении. В этих приключениях его неизменно сопровождала некая безымянная особа, называемая просто Леди.

Первая половина утра посвящалась математике, и поскольку голова моя была полна мыслями исключительно о Павло, я продемонстрировал еще большую тупость, чем обычно; педагог мой был в ужасе, ибо до сего момента пребывал в уверенности, что уже определил глубины моего невежества.

– Милый мальчик, ты просто не желаешь сосредоточиться сегодня, – сказал он серьезно. – Похоже, ты не в состоянии постичь простейших вещей. Может, ты просто подустал? Сделаем небольшой перерывчик, а?

Кралефски обожал эти маленькие перерывчики, а обо мне и говорить не приходится. В таких случаях он отправлялся на кухню и приносил оттуда две чашки кофе и немного печенья; мы усаживались, довольные друг другом, и он принимался рассказывать колоритнейшие истории своих

воображаемых приключений. Но в это утро такой возможности ему не представилось. Едва мы устроились поудобнее и принялись потягивать кофе, я взял слово и поведал ему о медведе по кличке Павло и его хозяине – цыгане с Говорящей Головой.

– Вот это да! – воскликнул мой собеседник. – И такое встречается в нашей оливковой роще? Ты, должно быть, здорово удивился.

Его глаза остекленели, и он снова погрузился в мечты, глядя в потолок и держа свою чашку так, что кофе проливался на блюдце. Очевидно, мой интерес к медведю всколыхнул в его мозгу поток мыслей. С тех пор как я последний раз слушал очередной выпуск его воспоминаний, прошло уже несколько дней, и я с нетерпением ждал, что же будет дальше.

– В молодости, – начал Кралефски, внимательно поглядывая, слушаю ли я, – я был в некотором роде вертопрахом, повесой. То и дело попадал в какую-нибудь историю.

Вспоминая об этом, он похихикивал и стряхивал с жилетки крошки печенья. Глядя на его изящные, ухоженные руки и огромные кроткие глаза, трудно было представить его в роли вертопраха, но, из чувства долга, я попробовал.

– Одно время я даже думал поступить в цирк, – сказал он с видом человека, сознающего в детоубийстве. – Помню, как к нам в деревню приехал большой цирк, и я не пропускал ни одного представления. Ни одного представления! Я так сдружился с циркачами, что они даже научили меня кое-каким из своих трюков. Они говорили мне, что упражнения на трапеции у меня получаются блестяще.

Он застенчиво поглядел на меня, ожидая, как я это восприму. Я кивнул с серьезным видом, как будто мысль о Кралефски, выполняющем упражнения на трапеции в усыпанном блестками трико, не казалась мне смешной.

– Еще печенья? – спросил он. – По-моему, оно превосходное! Я тоже с удовольствием возьму.

Я жевал печенье и терпеливо ждал, что он скажет

дальше.

– Итак, – продолжил он, – неделя пролетела как один день, и вот настал вечер заключительного представления. Я не забуду его ни за что на свете. Со мной была Леди, моя юная подруга, которая жаждала увидеть представление. Как она смеялась, глядя на клоунов! Знала бы, какой ужас ей вскоре предстояло увидеть!

Он вынул из кармана изящно надушенный платочек и вытер пот со лба. Видно, он слегка переволновался, как это бывало всякий раз, когда он доходил до кульминации своей истории.

– Последним номером, – продолжал он, – был укротитель львов. – Кралефски сделал паузу, чтобы я в полной мере осознал сказанное. – У него было пять хищников. Могучие нубийские львы с черными гривами, только что из джунглей, как он мне рассказывал. Мы с Леди сидели в первом ряду, откуда лучше всего было видно арену. Ты знаешь, что перед выступлением укротителя хищников на арене всегда монтируют клетку? Так вот, в самой середине выступления одна из секций, которая была недостаточно закреплена, упала внутрь и, к нашему ужасу, прямо на дрессировщика, лишив его сознания.

Он снова сделал паузу, нервно глотнул кофе и еще раз вытер лоб.

– Что было делать? – риторически спросил он. – Мы с Леди против пяти могучих рычащих львов. Я лихорадочно соображал. Я должен совершить подвиг и спасти ее! Схватив свою трость, я выскочил на арену и шагнул в клетку.

Я слегка заохал от изумления.

– За неделю, что я посещал цирк, я успел тщательно изучить метод укротителя и теперь благодарил за это свою счастливую звезду. Рычащие звери, сидевшие на тумбах, возвышались надо мной, но я смотрел им прямо в глаза. Да, человеческий глаз, знаешь ли, имеет огромную власть над животными! Я медленно переводил взгляд с одного на другого, глядя каждому прямо в глаза и указывая на каждого

своей тростью. Так я взял их под контроль и медленно, шаг за шагом, заманил их с арены обратно в клетку. Страшную трагедию удалось предотвратить!

– Леди, должно быть, была вам признательна, – заметил я.

– О да, о да, – польщенно сказал Кралефски. – Она была так благодарна, что даже сказала, что мой выход был лучше, чем у самого укротителя!

– А приходилось вам тогда, в цирке, иметь дело с танцующими медведями? – любопытно спросил я.

– А то как же! И со слонами, и с тюленями, и с дрессированными собаками, и с медведями! – Кралефски явно не скупился. – Там были какие хочешь звери!

– А раз так, – осторожно начал я, – не хотите ли посмотреть танцующего медведя? Тут недалеко. Хоть это и не настоящий цирк, но все же, думаю, вам будет интересно.

– А что, это идея! – воскликнул Кралефски и вынул из кармана часы. – Минут на десять, а? Чтобы проветриться.

Он взял шляпу и трость, и мы зашагали по узеньким, заполненным народом городским улочкам, вдыхая запах овощей и фруктов, водосток и свежеспеченного хлеба. Расспросив нескольких мальчуганов, мы выяснили, что как раз сейчас хозяин Павло собирается дать представление – в большом темном сарае позади магазина в центре города. По дороге я одолжил у Кралефски немного денег и купил плитку орехового шоколада – нельзя же приходиться к Павло с пустыми руками!

– А-а, приятель Павло! Заходи, гостем будешь! – сказал цыган, когда мы появились в дверях сарая.

К моему восхищению, Павло узнал меня. Он подошел и, негромко ворча, обнюхал меня, а затем встал на задние лапы. Кралефски тут же отскочил назад и крепче сжал в руке трость – должно быть, подумал я, это один из тех приемов, которым он научился в цирке.

– Осторожно, мой мальчик, – сказал он. Я скормил шоколадку Павло, и когда он слизал последний кусок со

своих зубов и проглотил его, то вздохнул от удовольствия и улегся, положив голову между лапами.

– Ну что, хочешь посмотреть Голову? – спросил цыган, указывая в глубину сарая, где стоял плоский сосновый стол, а на нем квадратная коробка, обтянутая холстом.

– погоди, – сказал он. – Я зажгу свечи. Он вытащил с дюжину больших свечей и, покапав воском на верх коробки, прилепил их. Они горели дрожащим, мерцающим светом, отбрасывая пляшущие на стене тени. Затем цыган наклонился к столу и постучал по нему палочкой, на которой водил медведя.

– Ну что, Голова, ты готова? – спросил он. Я ждал, и от нетерпения у меня слегка покалывало в позвоночнике. Тут изнутри холщовой коробки раздался ясный дискант:

– Да. Я готова.

Цыган приподнял холст с одной стороны коробки, и я увидел, что она собрана из тонких планок, на которые свободно натягивался тонкий холст. Коробка была размером примерно в три квадратных фута. В центре находился небольшой цоколь, на котором помещалась голова семилетнего мальчика; в мерцающем свете свечей – довольно зловещее зрелище.

– Боже! – в восхищении сказал Кралефски. – Вот это да! Больше всего поразило меня то, что голова была действительно живая. Это была голова цыганенка, довольно грубо намазанная ваксой под негритенка. Она смотрела на нас и моргала глазами.

– Ты готова отвечать на вопросы? – спросил цыган, с явным удовольствием поглядывая на потрясенного Кралефски. Голова облизала губы и произнесла:

– Да. Я готова.

– Сколько тебе лет? – спросил цыган.

– Больше тысячи лет, – сказала Голова.

– Откуда ты родом?

– Из Африки. Меня зовут Нго. Цыган продолжал задавать Голове вопросы, а Голова отвечала, но не это было

интересно мне. Мне куда больше хотелось узнать, в чем секрет трюка. Когда цыган впервые рассказал про Говорящую Голову, я было подумал, что имеется в виду изделие из дерева или из гипса и с помощью чревовещания создается впечатление, что она говорит. Но это была живая голова, помещенная на маленький деревянный цоколь в окружении пылающих свечей. У меня не было сомнений в том, что она живая – голова вращала глазами туда-сюда, когда автоматически отвечала на вопросы, а однажды, когда Павло встал и отряхнулся, на ее лице промелькнул страх.

– Ну, – гордо сказал цыган, закончив задавать вопросы, – что я говорил? Теперь вы убедились, что это самая замечательная штукавина на свете?

Я спросил цыгана, можно ли рассмотреть все поближе. Я вдруг вспомнил, что Теодор рассказывал мне о подобной иллюзии, устраиваемой с помощью зеркал. Я не видел, куда бы можно было спрятать тело, принадлежащее голове, но чувствовал, что коробку и стол нужно срочно исследовать.

– Разумеется, – к некоторому моему удивлению, согласился цыган. – Вот тебе палка. Только прошу, не трогай саму голову.

С помощью палки я тщательно прощупал все вокруг цоколя, проверяя, не спрятаны ли где зеркала или провода. Голова наблюдала за мной со слегка удивленным выражением черных глаз. Стенки коробки были определенно сделаны из одного холста, а дном коробке служила плоскость стола, на котором она стояла. Я зашел сзади, но и там ничего не обнаружил. Я даже заполз под стол, но и там не было ничего. Таким образом, спрятать тело было негде. Я был озадачен как никогда в жизни.

– Ну, что? – с триумфом спросил цыган. – Не ожидал? Ты думал, что я там спрятал мальчика. Так ведь?

Я покорно признался, что именно так я и думал, и попросил рассказать, как же все устроено на самом деле.

– Э нет! Не могу. Она ведь у меня волшебная. Если расскажу, Голова исчезнет в клубах дыма.

Вооружившись свечой, я вторично исследовал и стол, и коробку, но по-прежнему остался в недоумении, как такое возможно.

– Ну, хватит, – сказал цыган. – Оставь Голову в покое. Поди-ка лучше потанцуй с Павло.

Он продел крючок в кольцо на наморднике Павло, и зверь поднялся на задние лапы. Цыган подал мне палку, а сам взял небольшую деревянную флейту и заиграл. Мы с Павло пошли в медленном, торжественном танце.

– Боже, как чудесно! Просто чудесно! – восхищался Кралефски, с энтузиазмом хлопая в ладоши.

Я предложил ему вспомнить свой богатейший опыт, приобретенный в цирке, и самому станцевать с Павло.

– Ну, знаешь ли, – произнес Кралефски, мне кажется, это будет не совсем разумно. Животное, видишь ли, меня не знает.

– Да что вы, – отозвался цыган, – он ласков со всеми.

– Ну, раз вы в этом уверены, – с неохотой сказал Кралефски, – раз вы настаиваете, я готов.

Он осторожно взял у меня из рук палку, встал лицом к Павло, вид у него был чрезвычайно испуганный.

– А теперь, – сказал цыган, – давайте танцевать.

И заиграл на флейте веселую песенку.

Я стоял, потрясенный невиданным зрелищем. В мерцающем желтом пламени свечей, отбрасывая на стены пляшущие тени, кружились и кружились в пируэтах маленькая сгорбленная фигурка Кралефски и огромный косматый медведь, а Голова, посмеиваясь и похихикивая, смотрела на них со своего деревянного цоколя.

Глава одиннадцатая. Рассерженные бочки

В самом конце лета наступает сбор винограда. Пейзажем с виноградниками можешь любоваться хоть круглый год, но только когда наступает пора сбора урожая, вспоминаешь последовательность событий, приведших к ней.

Зимой виноградники кажутся мертвыми, словно прибитые к берегу сучья, которые зачем-то во множестве понатыкали в землю аккуратными рядами; а затем настает весенний день, когда замечаешь, как на каждой лозе загорается зеленое сияние, когда начинают разворачиваться нежные, еще сморщенные листочки. Постепенно листья становятся больше и свисают с лоз, словно виноградники подставляют жарким лучам солнца зеленые ладони. Позже появляются и сами гроздья – сначала как крошечные наросты на веточках; но под действием солнечных лучей они растут и наливаются, пока не становятся похожи на желтовато-зеленую икру некоего неведомого морского чудища.

Теперь настает время опрыскивания. Терпеливые, выносливые ослики выкатывают на виноградники деревянные тележки с большими бочками извести и медного сульфата.

Затем появляются опрыскиватели в специальной одежде, делающей их похожими на существа с далекой планеты: защитные очки и маски, огромные канистры за спиной, от которых идут длинные резиновые шланги, подвижные, словно хоботы слонов. По ним бежит жидкость – смесь голубизны неба и синевы моря, словно в ней растворилось все, что есть голубого и синего на свете. Канистры наполняют, и люди в спецодежде шагают среди кружевных виноградников, окутывая каждый лист, каждую зеленеющую гроздь тончайшей небесно-голубой тканью. Под этим защитным голубым покровом зреют и наливаются гроздья, чтобы в конце концов быть сорванными знойным днем на закате лета и отдать свой сок.

Сбор винограда настолько важное дело, что вполне естественно, что к этому времени приурочивают поездки в гости, пикники и торжества. В это время достают вино прошлогоднего урожая и размышляют над ним.

Нас пригласил на праздник молодого вина господин Ставродакис, крохотный, весь в добрых морщинах человек с лицом как у истощенной от голода черепахи. У него были вилла и несколько крупных виноградников в северной части

острова. Свою жизнь он посвятил виноделию, считая вино самой важной вещью на свете, а посему его приглашение было доставлено со всей подобающей торжественностью и столь же торжественно было воспринято моим семейством. В тексте приглашения, выгравированном на медной пластине и украшенном росчерками и завитушками, отчего билет выглядел словно ажурная чугунная решетка, между прочим значилось: покорнейше прошу привести с собою друзей, которым, по вашему мнению, сие доставит наслаждение.

– Прекрасно, – сказал Ларри, – ходят слухи, что у него лучший на Корфу погреб.

– Ну, если вы хотите, мы могли бы поехать, – с сомнением в голосе молвила мама.

– Конечно, я хочу, – сказал Ларри. – Вино у него должно быть отменное. Предлагаю нанять моторную лодку и устроить пикник.

– Поедем! – восторженно сказала Марго. – У него в имении великолепный пляж. Надо еще покупаться, пока лето не кончилось.

– Мы можем пригласить с собой Свена, – продолжал Ларри, – он к тому времени как раз вернется. Ну и, конечно, Дональда и Макса – отчего не позвать?

– И Теодора, – добавил Лесли.

– Ларри, милый, – сказала мама. – Человек приглашает нас всего лишь смотреть, как давят его виноград или что там они с ним делают. И мы не можем привезти с собой такое множество людей.

– Но он же сам написал, чтобы мы привезли кого хотим, – возразил Ларри.

– Все равно нельзя. Как бедняга прокормит столь многочисленную компанию?

– Ну, это просто, как дважды два, – сказал Ларри. – Напишем ему, что еду привезем с собой.

– То бишь готовить придется мне? – спросила мама.

– Чепуха какая, – уклончиво сказал Ларри, – возьмем с собою котлет или еще чего-нибудь в этом роде да поджарим

прямо на костре.

– Мне ли не знать, чем это кончается, – сказала мама.

– Да ну, организуешь как-нибудь, – ответил Ларри. – В конце концов, нет ничего проще.

– Значит, так, – неохотно сказала мама. – Утром я переговорю со Спиро, и посмотрим, что можно будет сделать.

В результате мама написала изящным почерком письмо Ставродакису, сообщая, что мы будем рады принять его приглашение и привезти с собою нескольких друзей. Еду мы возьмем с собою и устроим пикник на пляже. В ответ мистер Ставродакис прислал нам еще одно письмо – очередной образчик гравюры с завитушками, – в котором сообщал, что польщен тою любезностью, с которой мы приняли его приглашение, и что с нетерпением ждет нашего приезда. В добавление он написал следующее: «Покорнейше прошу приехать неодетыми – мы в семейном кругу». Фраза более чем озадачила нас, так как Ставродакис долгие годы был холостяком, но наконец сообразили – он всего лишь имел в виду, чтобы мы не одевались особо нарядно и чувствовали себя как дома.

В конце концов компания подобралась в таком составе:

Дональд и Макс, Теодор, Кралефски, Свен, который как раз вернулся из Афин, Спиро и наше семейство. Мы собрались в полседьмого утра на разбитых ступенях позади царского дворца в городе, где, покачиваясь на легких волнах, нас ожидала свежевыкрашенная лодка с низкими бортами. Погрузка заняла порядочно времени. Прежде всего разместили многочисленные корзины с провиантом и вином, кухонные принадлежности и огромный мамин зонтик, с которым она не расставалась во время летних путешествий. Затем Кралефски, кланяясь и улыбаясь, подал ручку маме и Марго, помогая взойти им на борт.

– Потихоньку, аккуратненько, не споткнитесь – отлично! – говорил он, эскортируя обеих дам на борт моторки с учтивостью венецианского дожа, помогающего новой своей возлюбленной сесть в гондолу.

– По счастью, – молвил Теодор, всматриваясь в голубое небо из-под полей своей фетровой шляпы, – по счастью, похоже, что сегодня... хм... будет, знаете ли, хорошая погода. Я рад, а то, знаете, от малейшего волнения мне становится дурно.

Свен оступился, сядясь в лодку, и чуть было не уронил в море свой драгоценный аккордеон, но длинная рука Макса спасла его от гибели в морской пучине. Наконец все были на борту. Лодку столкнули в море, завели мотор – и в путь. В бледной жемчужной утренней дымке, предвосхищавшей жаркий день, город казался игрушечным городком, построенным из детских кубиков. Слегка осыпавшиеся фасады высоких старинных венецианских домов, окрашенные в бледные оттенки кремового, коричневого, белого и розового, как цикламен, цветов, расплывались в дымке, словно на смазанном рисунке пастелью.

– Славная жизнь на океанской волне! – изрек Кралефски, драматически вдыхая теплый неподвижный воздух. – То, что надо!

– Хоть море и кажется таким спокойным, – заметил Теодор, – однако есть, по-моему, легкое – едва ощутимое – волнение.

– Что за вздор, Теодор, – сказал Ларри. – Хоть ватерпасом измеряй, пузырек не шелохнется.

– Мутгер, уютно? – с любовью спросил Макс.

– Спасибо, милый, очень даже уютно, – отозвалась мама. – Только одно меня беспокоит. Я не уверена, захватил ли Спиро чеснок.

– Не волноваться, миссисы Дарреллы, – сказал Спиро, до чьих ушей долетело мамино замечание. – Я захватывать всех вещей, что вы просить меня добывать.

Свен скрупулезнейшим образом исследовал свой аккордеон, дабы удостовериться, что с ним все в порядке, и теперь, приладив его поудобнее, пробежался для проверки по клавишам.

– Моряцкая песня для поднятия духа, вот что нам

нужно! – оживился Дональд. – Йо-хо-хо, и бутылка рома!

Оставив их, я отправился на нос моторки и улегся – из лежачего положения интересно было наблюдать, как нос прокладывает себе путь, разрезая стеклянную голубую поверхность моря. Время от времени перед нами вспархивали в воздух стайки летучих рыбок, переливаясь на солнце голубым и лунно-серебристым блеском. Они выскакивали, разбивая водную гладь, и пролетали над водой, словно летние ласточки, охотящиеся за насекомыми над лазоревым лугом.

Мы достигли пункта назначения к восьми утра. Пляж длиной в полмили простирался у подножия горы Пантократор. Здесь оливковая роща подступала почти к самому морю и отделялась от него только широкой полосой гальки. Приблизившись к берегу, мы заглушили мотор и дальше двигались одной лишь силой инерции. Теперь, когда гул мотора стих, мы слышали стрекот цикад, которые словно приветствовали нас на своем певучем языке: «Добро пожаловать на нашу землю!»

Наконец лодка с глубоким вздохом села на галечное дно мелководья. Владелец суденышка, гибкий смуглый парень, в несколько прыжков перебрался с кормы, где находился мотор, на нос, спрыгнул на берег с якорем в руках и закрепил его среди камней-голышей. Затем он сложил всю нашу коллекцию коробок у носа лодки наподобие шаткого трапа, который в любой момент грозил обрушиться, и мама с Марго, сопровождаемые Кралефски, сошли на берег. Он грациозно кланялся дамам, когда те ступали на гальку, но все-таки смазал эффект, случайно отступив в воду на глубину шесть дюймов и непоправимо испортив складку своих элегантнейших брюк. Наконец мы все со всеми причиндалами были на берегу. Оставив пожитки под оливами, мы, словно экипаж выброшенного на берег судна, который желает побыстрее покинуть место крушения, устремились вверх по склону холма к вилле Ставродакиса.

Вилла оказалась большой, квадратной, тускло-красного цвета, с зелеными ставнями. Нижний этаж занимал весьма

вместительный погреб. По аллее, ведущей к дому, тянулись вереницы крестьянских девушек с корзинами винограда на голове; их грациозная походка напоминала гибкую грацию кошки. А вот и сам Ставродакис спешит поприветствовать нас.

– Очень приятно. Очень приятно. Очень приятно, рад вас видеть! – повторял он каждый раз, когда кто-нибудь из нас представлялся.

Он усадил всю нашу компанию на веранде под празднично красным шатром бугенвиллии и откупорил несколько бутылок своего самого лучшего вина. Оно оказалось крепким и терпким на вкус и светилось тускло-красным светом, как будто наши стаканы были наполнены гранатовым соком. Когда мы подкрепились и уже слегка захмелели, он повел нас в свои погреба, мягко скользя впереди, словно добродушный черный жук.

Погреба были столь велики, что самые глухие уголки приходилось освещать масляными светильниками – мерцающими фитилями, плавающими в горшочках янтарного масла. Каждый погреб был разделен на две части, и сперва хозяин повел нас туда, где давили виноград. В тусклом свете, возвышаясь над окружающим, темнели три гигантские бочки. К одной из них тянулся нескончаемый поток крестьянок с корзинами винограда. В двух других работали давилышки. В углу на перевернутой колоде сидел седой, с виду хрупкий старичок и с большой торжественностью наигрывал на скрипке.

– Это Таки, а это Яни, – сказал Ставродакис, указывая на двух давилыщиков.

Голова Таки едва-едва торчала над краем бочки; у Яни виднелись также и плечи.

– Таки работает со вчерашнего вечера, – сказал Ставродакис, нервно поглядывая на маму и Марго, – боюсь, он уже слегка опьянел.

И впрямь – крепкий дурманящий дух винной массы долетал даже до нас, пьяня и охмеляя. Что же должны

чувствовать давить щипки, дышащие насыщенными парами, поднимающимися из теплых глубин бочки? Снизу из бочки неочищенное молодое вино поступало в корыто, где пламенело под слоем пены, розовой, как цветущий миндаль. Оттуда оно разливалось по бочкам.

– Но это уже конец страды, – объяснял Ставродакис. – А это последний красный виноград из небольшого виноградника, что на самой вершине. Из него получается, осмелюсь полагать, одно из лучших вин на Корфу.

Таки на минуту прекратил исполнять джигу на гроздьях, схватился за край бочки и высунулся, словно пьяная ласточка из гнезда. Его руки были окрашены вином и облеплены виноградными шкурками и косточками.

– Мне пора вылезать, – он еле ворочал языком, – иначе я тут захмелею, как сапожник.

– Еще немного. Еще чуть-чуть, мой Таки, – сказал Ставродакис, нервно поглядывая вокруг. – С минуты на минуту придет Костос и сменит тебя.

– Хочу пи-пи, – удрученно объяснил Таки. – Человек не может работать не пописав.

Старик скрипач отложил свой инструмент и, видимо, в порядке компенсации за переносимые страдания подал Таки ломоть серого хлеба, который тот смолотил с волчьим аппетитом.

Между тем Теодор читал Свену обстоятельную лекцию о винах, указывая тростью то на давитьщиков, то на бочки, словно на редкостные музейные экспонаты.

– Кто был тот, – спросил Макс у Ларри, – что утоп в бочке с мальвазией?

– Один из самых здравомыслящих героев Шекспира, – ответил Ларри.

– Помнится, – сказал Кралефски Дональду, – однажды я водил Леди по одному из самых больших винных подвалов Франции. Но не прошли мы и полпути, как я ощутил беспокойство. Предчувствуя опасность, я поспешно вывел Леди наружу, и в следующее же мгновение четырнадцать

бочек грохнули, как пушки...

– Итак, здесь вы стали свидетелями процесса давления, – сказал Ставродакис. – Пойдемте дальше, я вам покажу хранилища.

Он повел нас по сводчатому коридору в другую мрачную секцию погреба. Здесь, за рядом ряд, лежали бочки. Шум стоял невообразимый. Сначала я подумал, что он доносится откуда-то снаружи, но в конце концов понял, что он идет из нутра бочек. Когда вино бродит в их коричневом чреве, бочки булькают, скрипят, переругиваются друг с другом, словно базарные торговки. Звук заинтриговывал, хотя и наводил легкий ужас. Создавалось впечатление, будто в каждой бочке томился в заключении некий страшный демон, проклиная жизнь недоступной пониманию бранью.

– Крестьяне говорят, – сказал Теодор со зловещим наслаждением, слегка касаясь тростью одной из бочек, – крестьяне говорят, что подобные звуки издают утопающие.

– Мальвазия! – взволнованно воскликнул Макс. – Бочки и бочки – мальвазия! Ларри, утопнем вместе!

– Утонем, – автоматически поправил Дональд.

– Здесь у вас, конечно, очень интересно, – сказала мама Ставродакису, покривив душой, – только, если позволите, мы с Марго вернулись бы на пляж, пора позаботиться об обеде.

– Интересно, какая сила образуется там, внутри? – задумчиво молвил Лесли, оглядываясь вокруг. – То есть, если силы будет достаточно, чтобы вытолкнуть затычку, какие могут быть последствия?

– Самые плачевные, – сказал Теодор. – Мне как-то довелось видеть человека, жестоко изувеченного вылетевшей из бочки затычкой. – И, словно желая это продемонстрировать, он с силой ткнул тростью в бочку. Мы инстинктивно отскочили.

– Извините нас, конечно, – нервно сказала мама, – но я думаю, нам с Марго лучше уйти.

– Но остальные-то, – умолял Ставродакис, – остальные-то, надеюсь, поднимутся в дом и отведают еще

вина?

– Ну конечно, – сказал Ларри таким тоном, будто делал хозяину одолжение.

– Мальвазия! – сказал Макс, закатывая глаза в экстазе. – Мы пить мальвазия!

Мама с Марго ушли на пляж помогать Спиросе готовить обед, а Ставродакис торопливо повел нас обратно на веранду и напоил всех влсасть, так что, когда настало время возвращаться на пляж, мы были румяные, как яблочки, нас разморило и слегка пошатывало.

– Мне снилось, – затынул Макс, когда мы вошли в оливковую рощу, ведя с собою довольного Ставродакиса, пожелавшего разделить с нами трапезу, – мне снилось, что живу я в мраморных чертогах с кораблями и лугом под боком.

– Он это нарочно, чтобы досадить мне, – шепнул Дональд Теодору. – Он ведь прекрасно знает эту песню.

У самого моря под деревьями были разложены три костра. Раскаленные уголья чуть подрагивали и испускали тонкие струйки дыма, а над ними булькала и шипела всяческая снедь. Расстелив в тени большую скатерть, Марго раскладывала на ней ножи и вилки, расставляла стаканы и при этом фальшиво напевала себе под нос. Спиросе и мама склонились над кострами, словно колдун с колдуньей, обильно поливая маслом шипящую поджарившуюся тушку козленка и нашпиговывая ее чесноком, и сдабривали лимонным соком огромную рыбину, чья кожа пузырилась, покрываясь соблазнительной корочкой.

Мы расположились вокруг белоснежной скатерти, на которой атели стаканы с вином, и неторопливо вкушали обед. Куски козлятины, перевитые травами, оказались вкусными и сочными, а ломти рыбы таяли во рту, будто снежинки. Разговор то затихал, то оживлялся, то медленно струился, словно дым костра.

– Учись любить камни! – торжественно произнес Свен. – Допустим, ты видишь дюжину камней. Так? Так вот... Этот не для меня, этот не подходит, а вот этот милый и

изящный, и я влюбляюсь в него, как в женщину. Но когда приходит пора супружества, порой бывает жутко. Дерешься с этим камнем и видишь, какой он твердый. Ты в отчаянии, и вдруг он, словно воск, плавится в твоих руках. Что хочешь, то и лепишь.

– Помнится, – сказал Теодор, – как-то попросил меня Берлинкур – вы знаете, такой французский художник, живущий в Палеокастрице, – попросил он меня пойти к нему и посмотреть его работы. Сказал... э-э, знаете ли, совершенно четко: «Приходи посмотреть мои картины». Что ж, я зашел как-то днем, он очень радушно принял меня. Угощал... хм, знаете ли... чаем с маленькими пирожными, а затем я сказал, что хочу посмотреть его картины, и он показал на большой холст, который стоял на... хм, как это называется, такая штука, которой пользуются художники? Ах да, мольберт. Картина и в самом деле была недурна: Палеокастрицкий залив с четко выписанным монастырем, но когда я, налюбовавшись ею, огляделся, чтобы посмотреть другие его работы, то ни одной не увидел. Так я... хм... спросил его, где же остальные картины, и он показал на мольберт и сказал, хм... «под этой». Оказалось, что ему не на что было купить холст, так он писал одну картину поверх другой.

– Великим художникам суждено страдать, – мрачно изрек Свен.

– Когда наступит зима, я повезу вас на болота в Бутринто, – с энтузиазмом сказал Лесли. – Там диких уток видимо-невидимо, а выше, в холмах, – чертовски здоровенные дикие кабаны!

– Утки нравятся мне, но дик кабант, полагаю, чуть большей для меня, – сказал Макс с убеждением человека, который знает пределы своих возможностей.

– Я тоже думаю, что Макса туда брать не следует, – подхватил Дональд. – Еще покажет пятки в критический момент. Сами знаете – чужестранец.

– А затем, – сказала мама Кралефски, – кладите лавровый лист и щавель как раз перед закипанием...

– И я сказать ему, мисси Марго, – какой ты, к лешего, французская посол, ты бастарда!...

– Там, где кончается болото, ходить будет потруднее – там слишком мшисто, но зато можно пострелять и глухарей, и бекасов...

– Помню, однажды я побывал в одной деревне в Македонии, где делают любопытную... хм... знаете ли... деревянную скульптуру...

– Знал я одну Леди, которая готовила это блюдо без лаврового листа, просто добавив немного мяты...

Наступил самый жаркий час дня, когда даже неугомонным цикадам, казалось, стало невозможно продолжать свою песню. По скатерти деловито ползали черные муравьи, подбирая крошки. На бороду Теодора уселся слепень – глаза его сверкали, как злобные изумруды, – и, посидев мгновение, с жужжанием улетел.

Разомлев от еды и вина, я медленно поднялся и отправился к морю...

– А иногда, – доносились до меня слова Ставродакиса, обращенные к Марго, – иногда бочки точно кричат. Они шумят так, будто дерутся. Тоща приходится держать ухо остро.

– Ой, не надо, – слабым голосом молвила Марго. – Меня от одной мысли бросает в дрожь.

Море было теплым и гладким, словно отполированное, и лишь крошечные волны лениво ласкали берег. Галька хрустела и перекатывалась, обжигая босые ступни. Волны славно потрудились над миллионами разноцветных голышей и камней, слагавших этот пляж, нежно полируя и тонко шлифуя, вытачивая самые причудливые формы. Здесь были наконечники стрел и полумесяцы, петушки и лошадки, дракончики и морские звезды. Их расцветка была не менее причудлива – ведь миллионы лет назад они впитали соки земли, а теперь их полировало и шлифовало море. Белые с золотой или красной филигранью, алые в белую крапинку, зеленые, голубые, бледно-бежевые, коричневые, как куриное

яйцо, с густым ржаво-красным узором, похожим на папоротник, розовые, как пионы, покрытые белыми загадочными, не поддающимися расшифровке письменами, похожими на египетские иероглифы. Пляж был словно безбрежная сокровищница самоцветов, простирающаяся вдоль кромки моря.

Я долго шагал по теплему мелководью, пока наконец не смог нырнуть в более прохладные воды. Здесь, если задержишь дыхание и погрузишься на самое дно, мягкое бархатное одеяло моря моментально закладывает уши, на какой-то миг лишая слуха. Но миг проходит – и тебе открываются все краски подводной симфонии. Вот отдаленный стук корабельной машины, приглушенный, словно биение сердца; нежный шепот песчинок, перемешиваемых движением моря, и, наконец, музыкальный звон галек, доносящийся с самого края берега. Чтобы послушать мастерскую моря, где любовно шлифуется и обтачивается несчетное множество гольшей, я выплыл из глубины на мелководье и, зацепившись руками за пестрые камни, погрузил голову под воду. Маленькие волны нежно касались гальки, словно певучих клавиш. Я подумал: если бы грецкие орехи умели петь, их песня была бы такой же. Шорох, стук, звон, ропот, кашель (в момент, когда волна отступает) – а затем, с накатом новой волны, вся та же гамма повторяется, но в другой октаве. Море играло на кромке пляжа, словно на музыкальном инструменте. Я лег в теплую воду у самого края пляжа и немного подремал, а затем, еще не полностью стряхнув сон, поплелся назад в оливковую рощу.

Полянка выглядела словно спящее поле после кровавой брани. Все лежали и спали вокруг остатков пиршества. Забравшись под укрытие корней могучей оливы, я свернулся калачиком и вскоре сам уснул.

Проснулся я от нежного звона чашек, которые мама и Марго ставили на скатерть для чаепития. Спиро сосредоточенно колдовал над костром, на котором находился чайник. Пока я сонно жмурился, крышка чайника чуть

приподнялась и, слегка покачнувшись, выпустила облачко пара. Мощной рукой Спиро подхватил чайник и вылил его содержимое в чайник для заварки, затем повернулся и сердито глянул на наши распростертые тела.

– Чай! – громогласно прорычал он. – Чай готова!

Все вздрогнули и мигом проснулись.

– Господи! Может, не надо так громко, Спиро? – жалобно сказал Ларри невнятным сонным голосом.

– О, чай! – сказал Кралефски, проснувшись и оглянувшись вокруг, словно взъерошенный мотылек. – Ей-богу, чай! Превосходно. То, что надо.

– Боже, голова раскалывается, – вздохнул Лесли. – Видно, все из-за вина. Точно мул по голове лягнул.

– Да, меня тоже слегка ломает, – отозвался Ларри, потягиваясь и зевая.

– А я чувствую, как будто утоп, – убежденно сказал Макс. – Утоп в мальвазия, а потом вернутый обратно искусственным вдохновением.

– Дыханием, – раздраженно поправил Дональд. – Ты долго еще будешь издеваться над английским языком? Мало того что тысячи англичан безбожно коверкают его, так не хватало еще, чтобы его калечили иностранцы!

– Помнится, я где-то читал, – начал Теодор, который проснулся мгновенно, словно кошка, и выглядел безукоризненно, будто и не спал вовсе, – помнится, я как-то читал, что где-то в горах Цейлона обитает племя, которое разговаривает на никому не понятном языке. То есть я имею в виду, что даже самые опытные лингвисты не могут понять его.

– И звучит он как английский язык в устах Макса, – заявил Дональд.

Под благотворным воздействием чая, жареных хлебцев с маслом, соленого печенья, сэндвичей с кресс-салатом и огромного фруктового торта, ароматного и рассыпчатого, словно плодородная земля, мы наконец начали просыпаться. После чаепития мы всей гурьбою отправились к морю и

плавали в теплой воде, пока не зашло солнце и на пляж не легла тень горы, отчего он сразу сделался холодным и бесцветным. Тогда мы вернулись на виллу Ставродакиса, расселись под шатром бугенвиллии и залюбовались меняющимися и перемежающимися на исходе дня красками моря. Наконец мы оставили Ставродакиса, который настоял, чтобы мы взяли дюжину больших кувшинов самого лучшего вина на память о нашем визите, и направились к лодке.

По пути к морю мы вышли за пределы тени, отбрасываемой горою, и снова оказались во власти теплых лучей заходящего солнца, окрасившего небо позади темной массы горы Пантократор алым костром заката; его отражение в воде было похоже на объятый пламенем кипарис. Редкие небольшие облачка стали розовыми и желтыми, словно виноградные листья; наконец солнце утонуло за горою, и небо из синего превратилось в бледно-зеленое, а гладкая поверхность моря на мгновение вспыхнула всеми волшебными цветами огненного опала. Неумолчно стучал мотор, от винта за кормой тянулся белый кружевной узор. Свен мягко и нежно взял на аккордеоне первые ноты романса «Белый миндаль», и все мы дружно подхватили:

Солнечным утром коснулась любимая Легкой рукою ветвей белоснежных. Цвет миндаля вмиг осыпал ей локоны, Лег лепестками на плечи нежные, Лег лепестками на темные локоны. Белой метелицей на плечи нежные.

Голос Спиро, глубокий, богатый и мягкий, словно черный бархат, удачно гармонировал с приятным баритоном Теодора и тенором Ларри. Из голубой пучины перед носом нашей лодки выскочили две летучие рыбки, пронеслись над поверхностью и исчезли в сумеречном море.

Стало уже довольно темно, и можно было наблюдать легкое фосфоресцирующее свечение воды. Темное вино с приятным плеском разливалось из фаянсовых кувшинов в стаканы – то самое вино, которое в прошлом году ворчалось в свое удовольствие в коричневых бочках. Легкий ветерок, теплый и мягкий, словно лапа котенка, обвеивал лодку.

Кралефски, откинув голову, с глазами, полными слез, пел бархатно-голубому небу, мерцающему звездами. Море шелестело у бортов лодки шорохом опавших листьев, когда они, гонимые зимним ветром, шуршат о стволы деревьев, подаривших им жизнь.

– Что же ты, милая, в зимнем уборе? – Тихо сказал я, шагнув ей навстречу. Цвет миндаля я на землю отряхивал, Глядя ей локоны, трогая плечи. Темные локоны, нежные плечи.

Далеко-далеко, в проливе между Корфу и материком, сгустившаяся тьма озарилась огнями рыбацких судов, словно небольшой отрезок Млечного Пути упал со звездного неба в море. Над панцирем Албанских гор медленно выплыла луна, сперва алая, словно заходящее солнце, потом медная, затем светло-желтая и, наконец, белая. Легкая морская рыбка сияла, будто тысячи рыбьих чешуек.

Теплый воздух, пьянящий вкус вина и меланхолическая красота ночи наполнили меня светлой печалью. Так будет всегда, думал я. Сияющий дружелюбный остров, полный тайн. Моя семья и мои звери вокруг меня. И конечно же наши друзья. Бородатая голова Теодора, темнеющая на фоне луны, – к ней бы еще рожки, и будет самый настоящий Пан; Кралефски, рыдающий не стесняясь, словно черный гном, плачущий из-за того, что его выгнали из сказочной страны; Спиро с мрачным смуглым лицом и голосом густым и вибрирующим, словно гул миллиона летних пчел; Дональд и Макс, хмурающиеся из-за того, что им с трудом удастся вспоминать слова песенки и в то же время попадать в такт; Свен, словно неуклюжий белобрысый ребенок, извлекающий задушевные звуки из своего громоздкого инструмента:

Жизнь наша юная лишь начинается, Годы не скоро седыми нас сделают. Не накликай – я тебя умоляю – Зиму холодную с вьюгами белыми. Зиму с метелями, с вьюгами белыми.

Ну вот, думал я, зима все ближе, но после снова придет весна – чистая, сияющая, яркая, как щегол, а потом опять лето

с долгими, жаркими днями, желтыми, как нарцисс.

– Не накликай, я тебя заклинаю, Зиму жестокую, зиму метельную, Зиму жестокую, зиму метельную.

Убаюканный вином и стуком мотора, теплотой ночи и песнью, я заснул. Лодка несла нас по теплым бархатным волнам к нашему острову, а вдаль уносились прекрасные дни, которым не суждено было возвратиться.

Эпилог

«Корфу представляет для меня столь великое значение, что потеря его нанесла бы непоправимый удар по всем моим планам.

Помните о следующем: при нынешнем состоянии дел в Европе величайшим несчастьем, которое может на меня обрушиться, будет потеря Корфу.»

Наполеон

Из переписки

Письмо

«Дорогая миссис Даррелл,

Похоже на то, что войны избежать не удастся, и я думаю, что Вы были правы, покинув Корфу. Остается только надеяться на встречу в более счастливые времена, когда к человечеству вернется наконец здравый смысл. Уповаю на это.

*Если захотите написать мне, то вот адрес:
п/я Ионический Банк, Афины.*

Желаю Вам и Вашей семье всего самого наилучшего в будущем.

С любовью ко всем вам.

Ваш Теодор»

Открытка

«Мама!

Я переехал в Афины, так что пиши мне сюда. Место великолепное. Акрополь как кусок розового мяса на солнце. Я отправил вам свои пожитки. В сундуке под № 3 найдешь книгу «Анализ Марлоу». Ты могла бы прислать ее мне? Все здесь ходят в стальных шлемах, и похоже,

*что война уже идет. Покупаю себе большое
копье. С любовью,
Ларри»*

Письмо

*«Дорогая мама,
Какой-то негодяй италяшка стибрил все
мои дорожные чеки. Более того, меня чуть было
не арестовали, потому что я вцепился ему в
рожу. Пришли мне греческих чеков, когда
сможешь. Не могла бы ты прислать мне еще
денег по адресу:*

*Гостиница «Магнифика», Плаца де
Континна, Милан. Скоро буду дома. Не
беспокойся.*

С любовью,

Лесли

P. S. Тебе не кажется, что пахнет войной?»

Письмо

«Милая мамочка,

*Пишу кратенько – в понедельник я сажусь
на пароход и недели через три буду в Англии.*

*Здесь довольно беспокойно, но чего еще
можно ожидать? Дождей не бывает, идет
только снег. По-моему, то, как ведут себя
немцы, просто отвратительно. Была бы моя
воля, я бы им об этом прямо заявила. До скорой
встречи.*

С любовью,

Марго

*P. S. Прилагаю более чем странное письмо
от Спиро.»*

Письмо

*«Дорогая мисси Марго,
Сообщаю вам, что война объявлена.
Никому ни звука?
Спиро»*

Сад богов

*Посвящается Энн Питерс,
когорая была моим секретарем и
навсегда останется моим другом,
потому что она любит Корфу и,
пожалуй, знает его лучше, чем я.*

Предварение

Это — третья из моих книг о пребывании нашей семьи на острове Корфу перед второй мировой войной. Кому-нибудь покажется странным, что я все еще нахожу что писать об этой поре в моей жизни, но тут следует подчеркнуть, что в то время — особенно на греческую мерку — мы были неплохо обеспечены, никто из нас не работал в обычном смысле этого слова, а потому большую часть времени мы развлекались. За пять лет такого образа жизни можно накопить немало впечатлений.

Когда пишешь серию книг с одними или в основном с одними и теми же лицами, проблема заключается в том, чтобы не докучать читателям предыдущих книг бесконечными описаниями этих лиц. В то же время не следует тщеславно полагать, что все прочли предыдущие книги; вполне может статься, что читатель впервые знакомится с вашими творениями. Очень трудно найти такой путь, чтобы не вызывать раздражение старого читателя и не нагружать сверх меры нового. Надеюсь, мне это удалось.

В первой книге трилогии — «Моя семья и другие звери» — есть слова, которые, как мне кажется, лучше всего выражают суть моего замысла: «Я старался дать здесь точные портреты своих родных, ничего не приукрашивая, и они проходят по страницам книги такими, как я их видел. Но для объяснения самого смешного в их поведении должен сразу сказать, что в те времена, когда мы жили на Корфу, все были еще очень молоды: Ларри, самому старшему, исполнилось

двадцать три года, Лесли — девятнадцать. Марго — восемнадцать, а мне, самому маленькому, было всего десять лет. О мамином возрасте никто из нас тогда не имел точного представления по той простой причине, что она никогда не вспоминала о днях своего рождения. Могу только сказать, что мама была достаточно взрослой, чтобы иметь четырех детей. По ее настоянию я поясню также, что она была вдовой, а то ведь, как проницательно заметила мама, люди всякое могут подумать.

Чтобы все события, наблюдения и радости за эти пять лет жизни могли втиснуться в произведение, не превышающее по объему «Британскую энциклопедию», мне пришлось все перекраивать, складывать, подрезать, так что в конце концов от истинной продолжительности событий почти ничего не осталось.

Я написал также, что отбросил многие происшествия и лиц, о которых мне хотелось рассказать; в этой книге я пытаюсь исправить упущение. Надеюсь, она доставит читателям столько же удовольствия, сколько, судя по всему, доставили ее предшественницы: «Моя семья и другие звери» и «Птицы, звери и родственники». Я вижу в ней отображение очень важного отрезка моей жизни, а также того, чего, к сожалению, явно лишены многие нынешние дети — по-настоящему счастливого и лучезарного детства.

Глава первая. Собаки, сони и сумбур

*На этом ужасном турке
тотчас был поставлен крест.*

Карлайл

Лето выдалось на редкость щедрое. Казалось, солнце извлекло из почвы особенно богатые дары: никогда еще не видели мы такого обилия цветов и плодов, никогда еще море не было таким теплым и не водилось в нем столько рыбы, никогда еще птицы в таком количестве не высиживали птенцов, никогда еще над полями не порхало такое множество бабочек и прочих насекомых. Большущие тяжелые арбузы с рассыпчатой и прохладной, будто розовый снег, мякотью напрашивались на сравнение с ботаническими бомбами, каждая из которых могла бы уничтожить целый город; на деревьях, полные сладкого сока, висели огромные бархатистые груши, оранжевые и розовые, как осенняя луна; зеленые и черные плоды инжира лопались от напора изнутри, и к розовым трещинкам лепились золотисто-зеленые бронзовки, опьяненные неистощимым щедрым угощением. Деревья стонали под тяжестью вишен, отчего сады выглядели так, словно в них убили исполинского дракона и алые и бордовые капли крови окропили листву. Початки кукурузы были длиной с руку; укусишь канареечно-желтую мозаику зерен, и рот наполняется белым молозивом. Копя запасы к осени, на деревьях набухали нефритово-зеленые плоды миндаля и грецкого ореха; среди листьев, яркие и лоснящиеся, будто птичьи яйца, гирляндами висели гладкие оливки.

Естественно, что при таком кипении жизни на острове моя коллекторская активность удвоилась. Помимо обычных еженедельных вылазок в обществе Теодора теперь я совершал куда более смелые и продолжительные экспедиции, так как обзавелся осликом. Сие четвероногое, по имени Салли, я получил в подарок на день рождения; при всем своем

упрямстве, Салли была бесценным компаньоном, когда предстояло покрывать большие расстояния и нести различное снаряжение. Притом упрямец возмещалось одним великим достоинством: подобно всем ослам, Салли обладала безграничным терпением. Пока я наблюдал того или иного представителя животного мира, она безмятежно созерцала пространство или же погружалась в присущую ослам дремоту, это напоминающее транс блаженное состояние, когда ослы стоят с полузакрытыми глазами, как будто грезя о некой nirване, и до них не доходят ни оклики, ни угрозы, ни даже удары палкой. Собаки, подождав немного, начинали зевать, вздыхать, чесаться и множеством прочих знаков давали понять, что, на их взгляд, мы уделили достаточно внимания очередному пауку или иной твари, пора двигаться дальше. Когда же Салли предавалась дремоте, все говорило за то, что она, если понадобится, способна простоять так не один день.

От своего друга в деревне, опытного наблюдателя, который добыл не один экземпляр для моей коллекции, я услышал однажды, что в скалистой долине километрах в восьми от нашего дома он заметил двух огромных птиц. Похоже, они там гнездятся. Согласно его описанию, это могли быть только орлы или грифы, а мне страшно хотелось заполучить птенцов любого из этих двух видов. В моей коллекции пернатых хищников уже числились три вида сов, перепелятник, дербник и пустельга; для полного счастья мне недоставало орла или грифа. Нужно ли говорить, что я не стал делиться своим замыслом с родными: на мясо для моих животных и без того уходили астрономические суммы. К тому же я хорошо представлял себе, как воспримет Ларри предложение поселить в доме грифа. Обзаводясь новыми домашними животными, я давно уже взял за правило ставить Ларри перед свершившимся фактом. Главное — пронести экземпляр в дом, а там я всегда мог рассчитывать на поддержку мамы и Марго.

Я готовил экспедицию очень тщательно, уложил

провиант для себя и собак, взял добрый запас лимонада, а также обычный набор коллекторских банок и коробок, сачок для ловли бабочек и большую сумку для орла или грифа. Еще я взял бинокль Лесли — он был мощнее моего. Спросить разрешения Лесли я не мог — его весьма кстати не было дома, но я не сомневался, что он охотно одолжил бы мне свой бинокль. Проверив напоследок все снаряжение, дабы удостовериться, что ничто не упущено, я принялся нагружать Салли. На редкость строптивая и раздражительная в этот день даже на ослиную мерку, она нарочно наступила мне на ногу и больно ущипнула зубами зад, когда я нагнулся за упавшим сачком. Тумак, который Салли получила за безобразное поведение, сильно обидел ее, так что начали мы экспедицию, не испытывая особого расположения друг к другу. Я холодно нахлобучил соломенную шляпу на лилейного вида мохнатые уши Салли, свистнул собак и тронулся в путь.

Несмотря на ранний час, солнце припекало и обрамленное жарким маревом небо светилось яркой голубизной — вроде той, какую можно увидеть, если посыпать солью на пламя. Сперва мы следовали по дороге, устланной толстым слоем липучей, как цветочная пыльца, белой пыли. В пути нам встречались мои деревенские друзья; они ехали верхом на осликах — кто на базар, кто на работу в поле, и эти встречи неизбежно тормозили наше продвижение, так как воспитанность предписывала поздороваться с каждым из них. На Корфу положено при встрече всласть поболтать, а заодно и принять в знак дружеского расположения ломоть хлеба, горсть арбузных семечек или кисть винограда. И когда пришло время покинуть жаркую пыльную дорогу и приступить к подъему в гору через прохладные оливковые рощи, я был нагружен всевозможными съестными припасами, среди которых выделялся величиной арбуз, щедрый дар моего доброго друга — тетушки Агати. Мы не виделись с ней целую неделю, то бишь целую вечность, и она явно решила, что все это время я голодал.

После пекла на дороге тенистые оливковые рощи

встретили меня колодезной прохладой. Псы, как обычно, устремились вперед, выискивая поживу среди пятнистых толстых стволов и с бешеным лаем гоняясь за дерзкими ласточками, которые проносились над самой землей. Разумеется, погоня кончалась неудачей, тогда собаки пытались сорвать ярость на какой-нибудь ни в чем не повинной овечке или дурковатой курице, и приходилось строго призывать их к порядку. Заметно повеселевшая Салли бодро трусила по склону, обратив одно ухо вперед, а другое назад, чтобы слышать мое пение или комментарии о том, что нас окружало. Покинув сень олив, мы продолжали подъем по жарким склонам, пробираясь через миртовые заросли, рощицы падуболистного дуба и густой ракитник. Копыта Салли немилосердно давили разные травы, и горячий воздух наполнился запахами шалфея и тимьяна. Псы тяжело дышали, Салли и я обливались потом, когда мы добрались до золотистых и ржаво-красных скал срединной гряды; далеко внизу простиралось васильковое море. В половине второго я устроил привал в тени под большой скалой. Настроение было скверное. Следуя указаниям моего друга, я и впрямь высмотрел на каменном карнизе гнездо грифа; больше того, в нем сидели два тучных и вполне оперившихся птенца — самый подходящий возраст, чтобы отнести их домой и выкормить. Однако мое ликование омрачилось тем, что добраться до гнезда ни сверху, ни снизу было невозможно. Безуспешно потратив час на попытки похитить детенышей, я был вынужден отказаться от замысла пополнить грифами свою коллекцию пернатых хищников. Мы спустились по склону вниз и сели отдохнуть и перекусить в тени деревьев. Пока я уписывал бутерброды и крутые яйца, Салли подкрепилась сухими кукурузными початками и арбузными корками, а псы утолили жажду смешанным блюдом из арбуза и винограда. Торопливо поглощая сочные плоды, они давились арбузными семечками и подолгу откашливались. Невоспитанные обжоры, они управились со своим завтраком намного быстрее, чем мы с Салли. Убедившись, что добавки

ждать не приходится, псы покинули нас и затрусили вниз, рассчитывая выследить что-нибудь съедобное.

Лежа на животе, я хрустел розовой, как коралл, прохладной арбузной мякотью и рассматривал склон. Метрах в пятнадцати ниже меня торчали развалины небольшого крестьянского дома. Кое-где на склоне различались плоские дуги бывших возделанных клочков. Очевидно, хозяин покинул этот участок, когда убедился, что истощенная почва крохотных огородов больше не в силах питать кукурузу или овощи. Постепенно дом разрушился; расчищенными клочками завладели мирт и бурьян. Глядя на развалины и пытаюсь представить себе, кто здесь жил прежде, я заметил, как в тимьяне подле одной из стен мелькнуло что-то рыжеватое.

Осторожно протянул руку за биноклем и поднес его к глазам. Теперь я четко видел груды камня у подножия стены. Никакого движения... Внезапно из-за кустика тимьяна вынырнул рыжий, как осенний лист, маленький гибкий зверек. Это была ласка, совсем юная и невинная, судя по ее повадкам. Первая ласка, увиденная мной на Корфу, и она сразу меня очаровала. Зверек озадаченно поглядывал по сторонам, потом встал на задние лапки, усиленно принохиваясь. Не почуяв, видимо, ничего съедобного, ласка села и принялась чесаться — энергично и, судя по всему, с большим наслаждением. Потом вдруг прервала это занятие и стала подкрадываться к яркой, канареечно-желтой бабочке. Однако та вспорхнула у нее из-под самого носа и улетела прочь; челюсти одураченного зверька щелкнули впустую. Ласка снова поднялась на задние лапки, высматривая, куда подевалась добыча, но слишком сильно откинулась назад и едва не упала со своего камня.

Я наблюдал, восхищаясь крохотными размерами, чудесной окраской и невинностью ласки. Мне страшно захотелось поймать ее для пополнения моего зверинца, но я понимал, что это будет трудно. Пока я прикидывал, как лучше всего осуществить свой замысел, в развалинах дома

разыгралась небольшая драма. По низкому кустарнику заскользила тень, напоминающая мальтийский крест, и я увидел перепелятника. Он летел совсем низко курсом на ласочку, которая сидела на камне, принюхиваясь и явно не подозревая о грозящей опасности. Крикнуть? Хлопнуть в ладоши? Но тут и ласка заметила хищника, стремительно развернулась, грациозно прыгнула к стене и исчезла в трещине между двумя камнями, такой узкой, что, казалось, туда и веретенице не протиснуться, не говоря уже о маленьком млекопитающем. Точно я наблюдал трюк фокусника: только что на камне сидел зверек, а мгновением позже стена впитала его, будто дождевую каплю. Перепелятник притормозил расправленным хвостом и завис в воздухе, явно надеясь, что ласка выйдет наружу. Прождав понапрасну секунду-другую, он заскользил вниз над склоном в поисках менее сторожкой дичи. Вскоре из трещины выглянула мордочка. Убедившись, что опасность миновала, зверек осторожно покинул убежище. После чего двинулся вдоль стены, заглядывая и ныряя в каждую ямку и щель между камнями, словно именно такую мысль подсказала выручившая его трещина. Следя за лаской, я воображал, как бы спуститься по склону и набросить на нее свою рубашку, прежде чем она меня заметит. Судя по мастерскому трюку с исчезновением, который спас ее от перепелятника, задача явно была не из легких.

В эту минуту ласка, гибкая, как змея, скользнула в дыру у основания стены. А из другой дыры, чуть выше, выскочил еще один зверек. Насмерть перепуганный, он пробежал по верху стены и скрылся в расщелине. Мое сердце учащенно забилось, ведь я успел опознать животное, за которым охотился не первый месяц: это была садовая соня — пожалуй, один из самых симпатичных европейских грызунов. Величиной с половину крупной крысы, в светло-коричневой шубке, с ярко-белым брюшком и длинным пушистым хвостом, заканчивающимся черно-белой кисточкой; мордочка опоясана полоской черной шерсти, протянувшейся из-за ушей

вокруг глаз, — до смешного похоже на маску, служившую прежде неизменным атрибутом рабителей.

Как быть? Там, внизу, два зверька, которых я страстно желаю заполучить, причем один гонится за другим, и оба чрезвычайно сторожкие. Нужен точный расчет, иначе можно остаться с носом. Я решил начать с ласки — она более подвижна, а соня вряд ли покинет свое новое убежище, пока ее не спугнут. Поразмыслив, я заключил, что сачок превосходит рубашку как орудие лова, и, вооружившись им, предельно осторожно двинулся вниз по склону, замирая на месте всякий раз, когда ласка выглядывала из дыры. И вот уже лишь несколько шагов отделяют меня от стены. Крепко сжимая рукоятку сачка, я ждал, когда ласка выйдет из недр исследуемого ею убежища. И она вышла, но так внезапно, что я был застигнут врасплох. Ласка села на задние лапки и воззрилась на меня с любопытством, в котором не было и намека на тревогу. Я уже приготовился взмахнуть сачком, как вдруг через кусты, свесив язык и виляя хвостом, ко мне с треском прорвались три барбоса, до того счастливые, словно увидели меня вновь после долгих месяцев разлуки. Ласка исчезла. Только что сидела на камне, остолбенев от ужаса при виде собачьей лавины, — и нет ее. Основательно отчитав собак, я прогнал их почти на самый верх горы, где они улеглись в тени, озадаченные и обиженные моей вспыльчивостью. После чего я решил попытаться поймать соню.

За долгие годы скрепляющий камни раствор утратил вязкость, и сильные зимние дожди вымыли его, так что от дома остались, по существу, только куски сухой кладки. Пронизывающий стены лабиринт сообщающихся ходов и полостей служил идеальным убежищем для всякой мелкой живности. Единственный способ охоты в таких условиях — разобрать кладку, что я и принялся делать. Прилежные старания позволили мне обнаружить лишь пару негодующих скорпионов, несколько мокриц да юного геккона, который обратился в бегство, оставив мне извивающийся хвостик.

Было жарко, хотелось пить, и, потрудившись над стеной около часа, я сел передохнуть в тени у еще не тронутого участка.

Прикидывая в уме, сколько времени уйдет на разрушение оставшейся кладки, я вдруг увидел соню. Вынырнув из дыры примерно в метре от меня, зверек полез вверх, словно этакий тяжеловесный альпинист, а очутившись наверху, уселся на тучном сидении и принялся старательно мыть свою мордочку, не обращая на меня никакого внимания. Я не верил своей удаче. Медленно, с величайшей осторожностью занес сачок над соней, затем резко опустил вниз. И все было бы хорошо, будь верхняя грань стены ровной. Увы, прижать края сачка так плотно, чтобы не было просвета, оказалось невозможно. К моему великому разочарованию и недовольству, соня, оправившись от испуга, протиснулась на волю, промчалась вдоль стены и исчезла в очередной расщелине. Правда, это ее погубило: она очутилась в тупике и не успела обнаружить свой промах, как я уже накрыл выход сачком.

Теперь предстояло извлечь зверька из укрытия и посадить в сумку так, чтобы избежать укусов. Задача непростая, и острейшие зубки успели вонзиться в подушечку моего большого пальца, окропив кровью меня, мой носовой платок и самого зверька. Все же мне удалось водворить его в сумку. Окрыленный успехом, я уселся верхом на Салли и торжествуя направился домой с новым приобретением.

Дома я отнес соню в мою комнату наверху и поместил в клетку, до недавних пор служившую обителью для детеныша черной крысы. Детеныш кончил свое существование в когтях моей сплюшки Улисса. Эта сова была твердо убеждена, что все грызуны сотворены милосердным провидением для наполнения ее желудка, а потому я позаботился о том, чтобы моя драгоценная соня не могла сбежать, обрекая себя на схожую участь. Заточив добычу в клетку, я смог более внимательно рассмотреть ее. Оказалось, что зверек — самочка, а подозрительно большой живот сони наводил на

мысль, что она беременна. Поразмыслив, я дал ей имя Эсмеральда (я как раз прочел «Собор Парижской богородицы», и героиня романа покорила мое сердце) и выделил для размещения будущего потомства картонную коробку, выстланную паклей и сухой травой.

Первые несколько дней Эсмеральда бульдогом кидалась на мою руку, когда мне надо было произвести уборку в клетке или поставить корм, но через неделю обвыкла я стала относиться ко мне терпимо, хотя и с некоторой опаской. По вечерам Улисс, восседавший на своей жердочке над окном, просыпался, и я отворял ставни, чтобы он мог вылететь на охоту в озаренные луной оливковые рощи, откуда он возвращался уже около двух часов ночи; дома его ждала тарелочка фарша. Проводив Улисса, можно было выпустить Эсмеральду из клетки и дать ей размяться часок-другой. Она оказалась очаровательным существом, удивительно грациозным, несмотря на тучность, и совершала поистине головокружительные прыжки с буфета на кровать, которая служила трамплином для последующего прыжка на книжную полку или на стол, причем длинный пушистый хвост играл роль балансира. Любопытство ее не знало предела, и каждую ночь соня с трепещущими усиками тщательнейшим образом изучала мою комнату со всем ее содержимым, хмуро озираясь сквозь свою черную маску. Выяснилось, что она обожает больших коричневых кузнечиков, и когда я лежал на кровати, Эсмеральда нередко пристраивалась на моей голой груди и хрупала любимым лакомством. Из-за этого моя постель постоянно была устлана колючим слоем надкрыльев, искрошенных ног и кусочками жесткого торакса, ибо Эсмеральда была прожорливым и не очень благовоспитанным едоком.

И вот наступил волнующий вечер, когда Улисс, расправив бесшумные крылья, с присущим этим совам криком «тоинк, тоинк» направился к оливковым рощам, а я, отворив дверцу клетки, обнаружил, что Эсмеральда не желает выходить. Затаившись в картонной коробке, она встретила

меня сердитым писком. Моя попытка обследовать ее спальню привела к тому, что соня тигром вцепилась в мой указательный палец, и мне стоило большого труда выволочить его из ее зубов. После чего, крепко держа ее за загривок, я проверил коробку и к величайшей своей радости увидел восемь розовых, как цикламеновый бутон, детенышей величиной с орешек. В восторге от столь счастливого события, я осыпал Эсмеральду кузнечиками, дынными семечками, виноградом и другими лакомствами, к которым она питала особое пристрастие, а сам приступил к наблюдениям.

С жадным интересом следил я за развитием малышей. Вскоре у них прорезались глаза, тело обросло шерсткой. И вот уже, стоит мамаше отвернуться, как наиболее сильные и отважные с трудом вылезают из коробки и ковыляют на слабых ножках по клетке. Встревоженная Эсмеральда тотчас ловила странника и с недовольным ворчанием несла его во рту обратно в безопасное убежище. С одним-двумя ослушниками она еще управлялась, но когда вся восьмерка достигла любознательного возраста, мамаша уже не поспевала за ними, и пришлось предоставить им волю. Детеныши начали следом за родительницей выходить из клетки, и тут я обнаружил, что сони, подобно бурозубкам, ходят караваном. Вот как это выглядело: впереди выступает Эсмеральда, за ней, держась за мамин хвост, семенит детеныш номер один, за его хвостик держится номер два и так далее. Это было чарующее зрелище — девять крохотных зверьков в черных масках семенили по комнате, словно оживший пушистый шарф, парили в воздухе над кроватью или карабкались вверх по ножке стола. Кинешь на пол или кровать горсть кузнечиков, и малыши с разных сторон с ликующим писком набрасываются на угощение, до смешного похожие на шайку разбойников.

Когда же детеныши совсем выросли, пришлось отнести их в оливковую рощу и выпустить на свободу. Слишком много времени уходило на то, чтобы обеспечить пропитанием

девять прожорливых сонь. Я отпустил их около купы падуболистного дуба, где они и обосновались. На закате, когда расписанное вечерними облаками небо уподоблялось цветом зеленой листве, я спускался к заветной купе и смотрел, как маленькие сони в черных масках с изяществом балерин сновали по густым ветвям, охотясь на мошек и переговариваясь писклявыми голосами.

Одна из моих вылазок верхом на Салли привела к тому, что наш дом наводнили собаки.

В тот раз я направился в горы, намереваясь отловить несколько агам на скалах, лоснящихся селенитом. Под вечер, когда кругом пролегли густые черные тени и ландшафт купался в золотистых косых лучах заходящего солнца, мы возвращались домой — томимые жарой и жаждой, усталые и голодные, потому что припасы были давно уничтожены. Последний виноградник на нашем пути смог уделить нам лишь несколько кисточек черных-пречерных ягод, от кислоты которых псы скривили губы и зажмурились, а я острее прежнего ощутил жажду и голод.

Решив, что мне как руководителю экспедиции надлежит позаботиться о пропитании отряда, я остановился и раскинул умом. Мы находились на одинаковом расстоянии от трех возможных источников пищи. Во-первых, старый пастух Яни. Я знал, что он охотно снабдил бы нас сыром и хлебом, однако его жена сейчас, скорее всего, еще работает в поле, да и сам он пасет на лугах своих коз. Во-вторых, тетушка Агати, одиноко живущая в крохотной развалюхе. Но она была так бедна, что я стыдился что-нибудь брать у нее, более того, сам делился с ней своими припасами, когда проходил мимо. И наконец, милейшая и добрейшая матушка Кондос, вдова восьмидесяти лет, обитающая вместе с тремя незамужними (на мой взгляд, безнадежно незамужними) дочерьми на не отличающейся чистотой, однако процветающей ферме в южной долине. По местным понятиям, это было зажиточное хозяйство: пять-шесть акров олив и огородов, два ослика, четыре овцы и корова. Словом, этакие здешние

мелкопоместные дворяне; и я заключил, что удостою их чести пополнить наши запасы.

Три чрезмерно дородные, некрасивые, но добросердечные девицы только что вернулись с полевых работ и сгрудились около маленького колодца, шумные и яркие, как попугаи, отмывая свои толстые, волосатые, смуглые ноги. Сама матушка Кондос сновала взад-вперед, точно маленькая заводная игрушка, разбрасывая кукурузные зерна крикливой стае взъерошенных кур. В крохотном теле матушки Кондос не было ни одной прямой линии: спина изогнута наподобие серпа, ноги искривлены из-за многолетнего ношения тяжестей на голове, непрестанно что-то поднимающие руки и пальцы тоже скрючены. Губы подогнулись, облекая беззубые десны, а одуванчиковый пух бровей образовал белоснежные дуги над черными глазами в ободке из синих век, защищенном по бокам изгородью из кривых морщин на нежной, словно шляпка молодого гриба, коже.

При моем появлении дочери радостно завизжали и окружили меня, будто добродушные лошади-тяжеловозы. Излучая в равных долях нежные чувства, запах пота и аромат чеснока, они прижимали меня к своим исполинским животам и осыпали поцелуями. Матушка Кондос — маленький сгорбленный Давид среди этих благоухающих Голиафов — растолкала их, пронзительно крича: «Дайте его мне, дайте его мне! Моего золотенького, ненаглядного моего, любимого! Дайте его мне!» — заключила меня в свои объятия и принялась запечатлевать на моем лице жесткие поцелуи: десны матушки Кондос не уступали твердостью роговым челюстям черепахи.

Наконец, после того, как меня основательно расцеловали, погладили и пощипали, удостоверюсь, что это в самом деле я, мне было дозволено сесть и попытаться объяснить, почему я так долго не показывался. Подумать только: уже целая неделя прошла, как мы виделись в последний раз! Как я могу быть таким жестоким, таким

забывчивым, таким ветреным? Но раз уж я все-таки пришел, может быть, что-нибудь поем? Я поспешил ответить утвердительно за себя и за Салли тоже. Мои псы, совсем чуждые хороших манер, уже сами позаботились о своем пропитании. Вьюн и Пачкун сорвали сладкие ягоды белого винограда с лозы, оплетающей часть дома, и жадно поглощали их, а Роджер, у которого жажда явно взяла верх над голодом, отыскал среди стволов инжира и миндаля арбуз и выпотрошил его. Распластавшись на земле, он уткнулся носом в прохладное розовое нутро арбуза и сосал сладкий сок, зажмурив глаза от блаженства. Салли незамедлительно получила сноп овса для насыщения желудка и ведро воды для утоления жажды, мне же вручили здоровенный батат с черной обугленной кожицей и упоительно сочной мякотью, миску миндаля, несколько плодов инжира, две огромные груши, ломоть желтоватого хлеба, оливковое масло и чеснок.

Заморив червячка этим угощением, я был готов к обмену новостями. Пеппи упал с оливы и сломал руку, дурачок; Леонора ждет нового ребенка взамен умершего; Яни — нет, не тот, а другой Яни, что живет за горой, — поругался с Таки из-за цены, которую тот запросил с него за осла, и Таки до того разозлился, что выпустил из ружья заряд в стену дома Яни, да только ночь была темная, а Таки пьяный, и вместо Яни досталось дому Спино, и теперь они не разговаривают друг с другом... Досконально и со вкусом обсудили мы нрав и недостатки общих знакомых, потом я вдруг заметил, что в нашем обществе недостает Лулу — так звали собаку матушки Кондос, поджарую длинноногую суку с большими грустными глазами и длинными, как у спаниеля, болтающимися ушами. Она была тощая и шелудивая, как и все деревенские собаки, ребра выпирали, словно струны арфы, и все же я любил эту милую псину. Обычно Лулу в числе первых приветствовала меня, но сейчас я тщетно искал ее взглядом. «Что-нибудь случилось?» — поинтересовался я.

— Щенки! — ответила матушка Кондос. — По-по-по-по — одиннадцать штук, представляешь себе?

Перед родами Лулу привязали к оливе за домом, и родила она в самой гуще куста. Лулу восторженно встретила меня, после чего с интересом смотрела, как я на четвереньках пробираюсь в куст и вытаскиваю щенят, чтобы получше рассмотреть. Не в первый раз дивился я тому, что такие тощие, изможденные мамы производят на свет толстеньких крепких щенят с воинственной плоской мордашкой и звонким чаячьим голосом. Окрас, как всегда, отличался широким разнообразием: черно-белый, бело-коричневый, серебристо— и голубовато-серый, сплошь черный, чисто белый. На Корфу какой помет ни возьми, многообразие окраса так велико, что разрешить вопрос об отцовстве практически невозможно. Разложив на коленях поскуливающий пестрый выводок, я сказал Лулу, какая она умница. В ответ Лулу усиленно завиляла хвостом.

— Как ты сказал, умница? — пробурчала матушка Кондос. — Не умница, а распутница. Одиннадцать щенят! Одного оставим, от остальных будем избавляться.

Я отлично понимал, что Лулу не оставят весь выводок, ей еще повезет, что будет хоть один сосунок. А не прийти ли мне на выручку? И я объявил, что моя мама будет счастлива заполучить щенка, больше того, будет навек благодарна семейству Кондос и Лулу за такой дар. После долгих раздумий я остановил свой выбор на пухлом пискуне, который мне особенно понравился. Это был черно-бело-серый кобелек с бровями и лапами яркого соломенного цвета. Попросил оставить его для меня, пока он не подрастет настолько, что его можно будет отлучать от матери; тем временем я обрадую свою родительницу известием, что мы приобрели еще одного пса и теперь наш комплект будет включать пять особей — отличная, на мой взгляд, круглая цифра!

К моему удивлению, мама несколько не обрадовалась намеченному приросту нашей своры.

— Нет-нет, милый, — твердо произнесла она, — никаких новых собак. Четырех вполне достаточно. И без того

на прокорм всех твоих сов и прочих животных уходит целое состояние. Так что о новой собаке не может быть и речи.

Напрасно я возражал, что щенок будет умерщвлен, если мы не помешаем этому. Мама стояла на своем. Оставалось только одно. Я уже заметил, что мама автоматически отвечает решительным «нет» на вопросы вроде: «Можно, я принесу выводок птенцов горихвостки?», „ Когда же я все равно приносил птенчиков, она начинала колебаться и в конце концов говорила «да». Вот и теперь оставался один выход: показать ей щенка. Не сомневаясь, что она не устоит против его золотистых бровей и носочка, я передал Кондосам, что хотел бы показать маме понравившегося мне малыша, и на другой день одна из трех толстушек-дочерей принесла щенка. Однако, развернув тряпицу, в которой он лежал, я с досадой увидел, что матушка Кондос ошиблась, щенок не тот. Сказал дочери про ошибку, но та ответила, что ничем не может помочь, так как ей надо идти в деревню. Лучше мне самому отправиться к матушке Кондос, притом не мешкая, потому что она собиралась сегодня же утром умертвить лишних щенят. Я живо вскочил на Салли и помчался галопом через оливковые рощи.

Добравшись до фермы, я увидел, что матушка Кондос, сидя на солнышке в окружении ковыряющих землю и удовлетворенно квохчущих кур, вяжет бугристые плети из белых головок чеснока. Она заключила меня в свои объятия, выяснила, как здоровье мое и всех моих родных, наконец вручила мне полную тарелку зеленого инжира, после чего я предъявил ей щенка и объяснил, зачем приехал.

— Не тот щенок? — воскликнула она, глядя на скулящего малыша и тыкая в него пальцем. — Не тот? Ах, я дура старая. По-по-по-по, я-то думала, ты выбрал белобрового.

Я тревожно осведомился, что с остальными. Уже умертвила?

— Ага, — рассеянно произнесла матушка Кондос, продолжая разглядывать белобрового щенка. — Ага, с утра

пораньше и отделалась от них.

— Что ж, — сокрушенно заметил я, — если нельзя получить полюбившегося мне щенка, возьму того, который остался.

— Да нет, пожалуй, я достану тебе желанного, — возразила она, вставая и вооружаясь мотыгой.

Как это она достанет моего щенка, спрашивал я себя, если уже прикончила их? Может быть, задумала откопать для меня трупик? Лучше не надо! Не успел я сказать об этом, как матушка Кондос, что-то бормоча себе под нос, затрусилась на огород, где из пропеченной солнцем, потрескавшейся земли торчали хрупкие желтые стебли кукурузы первого урожая. Дойдя до места, остановилась, подумала и принялась копать. Вторым движением мотыги она извлекла трех судорожно перебирающих лапами, скулящих щенят, у которых уши, глаза и розовые рты были забиты землей.

Я смотрел, окаменев от ужаса. А матушка Кондос проверила свою добычу, убедилась, что моего щенка нет, отбросила троицу в сторону и продолжала копать. Только теперь до меня дошло, что она сделала. Словно огромный багровый пузырь ненависти лопнул у меня в груди; по щекам катились слезы ярости. Из моего отнюдь не ограниченного запаса греческих бранных слов я извлек самые страшные и, обрушив их на матушку Кондос, оттолкнул ее с такой силой, что она, немало озадаченная, так и села на землю среди кукурузных стеблей. Продолжая призывать на ее голову проклятия всех святых и богов, каких знал, я схватил мотыгу и торопливо, но осторожно выкопал остальных задыхающихся щенят. Матушка Кондос сидела с разинутым ртом, не в силах слова вымолвить, настолько ее поразил мой внезапный приступ гнева. Решительно затолкав щенят себе за пазуху, я захватил Лулу и оставленного ей отпрыска, сел на Салли и поскакал прочь, не переставая браниться. Матушка Кондос успела встать и теперь бежала за мной вдогонку, крича:

— В чем дело, золотенький, что случилось? Почему ты

шумишь? Бери всех щенят, если хочешь. В чем дело?

В дом я ворвался весь в поту, слезах и пыли, с полной пазухой щенят, сопровождаемый по пятам Лулу, для которой такая прогулка в компании со своим потомством явилась приятнейшим сюрпризом. Мама, как обычно, пребывала на кухне, готовя впрок различные лакомые блюда для Марго, проходившей на материке курс лечения от очередного сердечного недуга. Выслушав мой сбивчивый и негодующий рассказ о преждевременном погребении, она, естественно, пришла в ужас.

— Надо же! — воскликнула она. — Ох, уж эти крестьяне! Не понимаю, откуда такая жестокость. Закопать щенят живьем! В жизни не слыхала о таком варварстве. Ты правильно поступил, что спас их, милый. И где же они теперь?

Я рванул рубашку жестом самурая, делающего хакакири, и на кухонный стол высыпался каскад извивающихся щенят. Громко пища, они поползли вслепую в разные стороны.

— Джерри, милый, зачем же на стол, где я раскатываю тесто, — сказала мама. — Ох, дети, дети! Пусть это всего-навсего чистая земля, зачем нам такая начинка в пирожки. Неси-ка лучше корзинку.

Я сходил за корзинкой, и мы посадили в нее малышей. Мама долго смотрела на них.

— Бедняжки, — вымолвила она наконец. — И как их много... Сколько?! Одиннадцать! Право, не знаю, как нам с ними быть. У нас и так есть собаки, куда же еще одиннадцать.

Я поспешил заверить ее, что у меня все обдуманно: как только они подрастут, мы сумеем их пристроить. И я добавил, что в этом мне поможет Марго, которая к тому времени должна вернуться. Ей будет полезно чем-нибудь заняться, чтобы не думать о сексе.

— Джерри, милый! — ужаснулась мама. — Не говори таких вещей. Где ты это слышал?

Я объяснил, что слышал от Ларри — дескать,

необходимо отвлечь Марго от мыслей о сексе, вот и подумал, что появление щенят поможет в этом деле.

— Все равно, не говори таких вещей, — настаивала мама. — Напрасно Ларри употребляет такие слова. Марго просто... просто... немного.... экспансивна, вот и все. Секс тут совершенно ни при чем, это совсем другое. Что подумают люди, если услышат от тебя такое? А теперь пойди и подыщи надежное место для щенят.

Я отнес кутят к подходящему дереву поблизости от веранды, привязал там Лулу и вытер ее отпрысков мокрой тряпкой. Лулу решила, что держать щенят в корзине — только баловать, мигом выкопала нору между гостеприимными корнями дерева и осторожно перетащила туда малышом одного за другим. Своего щенка я вытирал особенно тщательно, чему он вовсе не был рад; заодно я думал, как его назвать. Остановился на имени Лазарь, сокращенно — Лаз, бережно положил в нору к его братьям и сестрам и пошел в дом сменить грязную, пахнущую мочой рубашку.

Ко второму завтраку я поспел как раз в ту минуту, когда мама рассказывала Ларри и Лесли про щенят.

— Поразительно, — сказал Лесли. — Мне кажется, это вовсе не от жестокости: они просто не задумываются над этим. Взять хотя бы, как они пихают в ягдташ раненую птицу. Ну, и что было дальше? Джерри утопил щенят?

— Ничего подобного, — возмутилась мама. — Он принес их домой, конечно.

— Господи! — воскликнул Ларри. — Хватит собак! У нас и так их четыре штуки.

— Это всего лишь щенята, — сказала мама. — Совсем крохотные бедняжки.

— И сколько их? — осведомился Лесли.

— Одиннадцать, — нехотя ответила мама. Ларри отложил вилку и нож и воззрился на нее.

— Одиннадцать? — повторил он. — Одиннадцать? Одиннадцать щенят! Вы сошли с ума.

— Я же говорю тебе, что это всего-навсего щенята, совсем крошки, — взволнованно сказала мама. — И Лулу так хорошо о них заботится.

— Что еще за Лулу, черт возьми? — спросил Ларри.

— Это их мать, она такая прелесть.

— Итого двенадцать окаянных барбосов.

— Ну да, наверно, так, — подтвердила мама. — Я не всех сосчитала.

— Вот в этом у нас вся беда! — выпалил Ларри. — Никто не считает толком! И не успеешь оглянуться, как ходишь по колено в зверье. Как при сотворении мира, черт возьми, только гораздо хуже. Не успеешь оглянуться, как одна сова превращается в целый батальон, комнаты наполняются изнывающими от страсти голубями, от обилия птиц дом становится похож на лавку торговца дичью, черт подери, не говоря уже о змеях, жабах и полчищах всякой мелкой пакости, которых макбетовым ведьмам хватило бы на много лет. И в довершение всего вы тащите лишних двенадцать собак! Выдающийся пример безумия, которым поражено наше семейство.

— Глупости, Ларри, не надо преувеличивать, — возразила мама. — Столько шума из-за нескольких щенят.

— Одиннадцать щенят для тебя несколько? Да наш дом превратится в греческий филиал всеанглийской собачьей выставки. Чего доброго, все они окажутся сучками и у всех одновременно наступит течка. И будут вокруг нас сплошные собачьи страсти.

— Да, кстати, — мама поспешила переменить тему. — Что это тебе взбрело на ум говорить, будто Марго помешалась на сексе. Люди и впрямь могут подумать...

— А если это так и есть, — сказал Ларри. — Не вижу никаких оснований скрывать истину.

— Ты отлично понимаешь, что я подразумеваю, — твердо произнесла мама. — Ты не должен говорить такие вещи. Марго просто романтическая девушка. Это большая разница.

— Как хочешь, а только одно скажу, — продолжал Ларри: — когда у всех этих сучек, которых вы приволокли в дом, одновременно начнется течка, нелегко будет Марго состязаться с ними.

— Вот что, Ларри, довольно, — сказала мама. — И вообще, по-моему, не стоит за столом толковать о сексе.

Вскоре Марго вернулась из своего странствия — загорелая, бодрая и явно исцеленная от сердечного недуга. Она без конца говорила о своем путешествии, сопровождая рассказ красочным описанием встреченных ею людей, причем каждое такое описание заканчивалось одними и теми же словами: «И я сказала им, чтобы непременно навести нас, если попадут на Корфу».

— Надеюсь, милая Марго, ты не всех подряд приглашала, — справлялась чуточку встревоженная мама.

— Конечно, не всех, — беспечно отзывалась Марго, кончив очередной рассказ, героем которого были греческий красавец моряк и его восемь братьев, также удостоенные радушного приглашения. — Я приглашала только интересных людей. Разве тебе не приятно будет встретиться с интересными людьми?

— Благодарю, с меня довольно интересных гостей Ларри, — едко произнесла мама. — А тут еще ты туда же.

— Это путешествие открыло мне глаза, — торжественно возвестила Марго. — Я поняла, что вы тут все просто мещане. Становитесь все более ограниченными и... и... узколобыми.

— Не вижу, милая, чтобы отказ принимать неожиданных гостей говорил об ограниченности, — сказала мама. — Как-никак, готовить на всех приходится мне.

— Но они вовсе не неожиданные, — заносчиво возразила Марго. — Я пригласила их.

— Ну, ладно, — сказала мама, явно чувствуя, что спор заходит в тупик. — Пожалуй, если они напишут и предупредят о своем приезде, мы что-нибудь придумаем.

— Конечно, предупредят, — холодно произнесла Марго. — Это мои друзья, они достаточно хорошо воспитаны,

напишут заранее.

Однако она ошибалась.

Возвратясь как-то под вечер домой из очень приятной морской прогулки, посвященной поискам тюленей на побережье, подрумяненный солнцем и жутко голодный, я в поисках чая и приготовленного мамой огромного шоколадного торта ворвался в гостиную и увидел картину до того поразительную, что застыл на пороге, а льнувшие к моим ногам псы от удивления оцетинились и заворчали. Мама в неловкой позе сидела на подушке на полу, опасливо держа в руке веревку, к другому концу которой был привязан весьма бойкий черный барашек. Вокруг мамы также на подушках сидели, скрестив ноги, свирепого вида престарелый мужчина в феске и три женщины в чадрах. Здесь же на полу расположилось угощение: лимонад, чай, тарелочки с печеньем, бутербродами и шоколадным тортом. Когда я вошел, старец как раз наклонился вперед, выхватив из-за пояса внушительный, щедро орнаментированный кинжал, отрезал себе здоровенный кусок торта и принялся уписывать его с нескрываемым удовольствием. Ну прямо сцена из «1001 ночи». Мама обратила на меня страдальческий взгляд.

— Слава богу, что ты пришел, милый, — произнесла она, отбиваясь от барашка, который ненароком вскочил к ней на колени. — Эти люди не говорят по-английски.

Я спросил, кто они.

— Понятия не имею, — молвила мама с отчаянием в голосе. — Они явились вдруг, когда я готовила чай, уже несколько часов сидят тут. Я ни слова у них не понимаю. Они настояли на том, чтобы расположиться на полу. Думаю, это друзья Марго. Или, может быть, не Марго, а Ларри, да только у них недостаточно интеллектуальный вид.

Я попробовал заговорить со старцем по-гречески, и он вскочил на ноги от счастья, что нашелся человек, способный его понять. Орлиный нос старца нависал крючком над пышными седыми усами, напоминающими побеленный инеем сноп овса, а черные глаза искрились фейерверком

обуревавших его чувств. Надетая на нем белая туника была опоясана красным кушаком, за которым торчал кинжал; белые мешковатые шаровары заправлены в длинные белые бумажные чулки; ноги обуты в красные чуваки с загнутыми вверх носками, увенчанными большими помпонами. А-а, так это я — брат восхитительной сеньориты, радостно пророкотал он, и приставшие к его усам крошки шоколадного торта испуганно затрепетали. Знакомство со мной — великая честь! С этими словами он заключил меня в объятия и расцеловал так пылко, что псы дружно залаяли, опасаясь за мою жизнь. Насмерть перепуганный видом четырех голосистых барбосов, барашек сорвался с места и забегал вокруг мамы, опутывая ее веревкой. В заключение, подстегнутый особенно грозным рыканьем Роджера, он жалобно заблеял и метнулся к застекленной двери, за которой ему мерещилась свобода, опрокинув при этом маму спиной прямо на смесь лимонада с шоколадным тортом. Начался переполох.

Роджер, посчитав, что престарелый турок вознамерился истребить меня и маму, атаковал его чуваки и вцепился зубами в один из помпонов. Старец замахнулся свободной ногой для пинка, и сам шлепнулся на пол. Три женщины, неподвижно сидя на подушках, громко визжали сквозь чадры. Мамин данди-динмонт-терьер Додо, давно пришедший к выводу, что всякого рода скандалы исключительно пагубны для собак с его родословной, печально скулил, забившись в угол. Старый турок, удивительно шустрый для своих лет, выхватил кинжал и делал им лихие, но мало эффективные выпады против Роджера, который со злобным рычанием хватал то один помпон, то другой, легко уклоняясь от взмахов кинжала. Вьюн и Пачкун обложили барашка; мама, вся в лимонаде и торте, обрушила на меня сумбурные наставления.

— Поймай барашка! Джерри, поймай барашка! Они убьют его! — кричала она, отчаянно сражаясь с веревкой.

— Нечистый отпрыск сатаны! Ведьмин ублюдок! Мои чуваки! Оставь мои чуваки! Я убью тебя... разрублю на

куски! — вопил запыхавшийся турок, пытаясь поразить Роджера кинжалом.

— Ай-яй! Ай-яй! Ай-яй! Его чувяки! Его чувяки! — хором кричали женские статуи на подушках.

Сам с трудом уклонившись от грозного лезвия, я ухитрился оторвать беснующегося Роджера от помпонов турецкого старца и выставить его, а также Вьюна и Пачкуна на веранду. После чего, открыв дверь в столовую, на время заточил там барашка и принялся лить бальзам на уязвленные чувства турка. Мама, нервозно улыбаясь и энергичными кивками подтверждая все, что я говорил, хотя не понимала ни слова, попыталась привести себя в порядок, однако без особого успеха, так как напичканный кремом торт был на редкость большой и липкий и, падая на спину, она угодила локтем прямо в середину своего кулинарного шедевра. В конце концов мне удалось успокоить старца; мама пошла переодеться, а я поднес бренди турку и его трем женам. При этом я отнюдь не скупился, и, когда мама вернулась, по меньшей мере из-под одной чадры доносилось приглушенное икание, а нос турка приобрел ярко-красный оттенок.

— Ваша сестра... — говорил он, нетерпеливо протягивая рюмку за очередной порцией, — ... как бы это выразиться?.. чудо... дар небес. В жизни не видел подобной девушки. Вот у меня, сами видите, три жены, а такой девушки, как ваша сестра, я еще не видел.

— Что он говорит? — осведомилась мама, тревожно поглядывая на его кинжал.

Я перевел.

— Старый безобразник, — сказала мама. — Право же, Марго следует быть поосторожнее.

Турок опустошил свою рюмку и снова протянул ее мне, сердечно улыбаясь нам.

— Эта ваша служанка, — он указал большим пальцем на маму, — глуповата, а? Не говорит по-гречески.

— Что он сказал? — спросила мама. Я добросовестно перевел.

— Какой наглец! — негодуяще воскликнула мама. — Право же, Марго заслуживает хорошей взбучки. Объясни ему, Джерри, кто я.

Я объяснил, и впечатление, произведенное моими словами на турка, превзошло все, на что рассчитывала мама. Вскочив с громким криком на ноги, он бросился к ней, схватил ее руки и осыпал их поцелуями. После чего, с дрожащими от полноты чувств усами, продолжая сжимать ее пальцы, уставился на мамино лицо.

— Мама, — чуть не пропел он, — матушка моего Миндального цветка...

— Что он такое говорит? — робко справилась мама.

Не успел, однако, я перевести, как турок рявкнул какое-то повеление своим женам, и они наконец-то ожили. Вскочив с подушек, все три подбежали к маме, подняли свои чадры и с великим благоговением принялись целовать ее руки.

— Сколько можно меня целовать, — выдохнула мама. — Джерри, скажи им, что это совершенно излишне.

Между тем турок, возвратив своих жен на подушки, снова повернулся к маме. Могучей рукой обнял ее за плечи, отчего она жалобно вскрикнула, и вскинул другую руку вверх в ораторском жесте.

— Разве мог я подумать, — рокотал он, созерцая мамино лицо, — разве мог я подумать, что когда-нибудь удостоюсь чести познакомиться с матушкой моего Миндального цветка!

— Что он говорит? — беспокойно допытывалась мама, заключенная в медвежьих объятиях турка.

Я перевел.

— Миндальный цветок? О чем он толкует? Этот человек ненормальный.

Я объяснил, что турецкий гость явно очарован нашей Марго и называет ее таким именем. Мои слова подтвердили самые худшие опасения мамы относительно намерений турка.

— Миндальный цветок — надо же! — негодуяще

молвила она. — Ну, пусть только придет домой, я ей покажу Миндальный цветок!

В эту самую минуту, освеженная морским купанием, в гостиную вошла Марго в облегающем купальнике.

— О-о-о-о! — радостно воскликнула она. — Мустафа! И Лена, и Мария, и Телина! Вот чудесно!

Бросившись к Марго, турок почтительно поцеловал ее руки, а его жены окружили их обоих, выражая свой восторг приглушенными звуками.

— Мама, это Мустафа, — сообщила Марго, сияя всем лицом.

— Мы уже познакомились, — сурово отозвалась мама. — И он испортил мое новое платье, вернее, его барашек испортил. Ступай и оденься.

— Его барашек? — озадаченно сказала Марго. — Какой барашек?

— Барашек, которого он привез для своего Миндального цветка, как он тебя называет, — укоризненно ответила мама.

— Да это просто прозвище такое, — зарделась Марго. — Он вовсе не подразумевает ничего дурного.

— Знаю я этих старых развратников, — зловеще произнесла мама. — Право же, Марго, тебе следовало быть умнее.

Престарелый турок с блаженной улыбкой слушал этот диалог, переводя свои искрящиеся глаза с одного лица на другое; я же, чувствуя, что мои переводческие способности будут исчерпаны, если мама и Марго затеют спор, отворил двери столовой и впустил барашка. Он смело вошел горделивой походкой, кудрявый и черный, как грозовая туча.

— Как ты можешь! — воскликнула Марго. — Как ты смеешь оскорблять моих друзей! Никакой он не старый развратник, более порядочного старика надо поискать.

— Мне нет дела до его порядочности, — терпению мамы пришел конец. — Ему нельзя оставаться у нас со всеми его.. его... женщинами. Я не намерена кормить целый гарем.

— Великая радость слушать разговор матери и дочери, — сообщил мне турок. — Их голоса звучат, как овечьи колокольчики.

— Ты гадкая! — говорила Марго. — Гадкая! Хочешь совсем лишить меня друзей. У тебя ограниченные, мещанские взгляды!

— Разве это мещанство — быть против троюбенства? — возмутилась мама.

— Это напоминает мне, — глаза турка увлажнились, — пение соловья в родной долине.

— Он не виноват, что он турок! — пронзительно кричала Марго. — Не виноват, что ему положено иметь трех жен!

— Всякий мужчина может избежать троюбенства, если по-настоящему захочет, — твердо возразила мама.

— Я так понимаю, — доверительно обратился ко мне турецкий гость, — что Миндальный цветок рассказывает матушке, как весело нам было в моей долине, верно?

— Ты вечно давишь на меня, — хныкала Марго. — Что я ни сделаю, все не так.

— Беда как раз в том, что я даю тебе слишком много воли, — ответила мама. — Отпускаю тебя на несколько дней, а ты возвращаешься с этим... этим... старым распутником и его баядерами.

— Вот-вот, то самое, о чем я говорю: ты угнетаешь меня, — торжествующе произнесла Марго. — Я должна получить особое разрешение, чтобы пригласить турка.

— Ах, как бы я хотел привезти их обеих в мою родную деревню, — сказал турок, лаская взглядом мать и дочь. — Вот бы мы повеселились... танцы, песни, вино...

Барашек явно был разочарован тем, что на него не обращают внимания. Он уже попрыгал немного, по-своему украсил пол, выполнил два безупречных пируэта, но никто не оценил по достоинству его искусство. И, наклонив голову, он пошел в атаку на маму. Атака была проведена блестяще, говорю об этом со знанием дела, ибо во время моих

экспедиций в ближайших оливковых рощах я частенько встречал бойких и дерзких барашков и, к взаимному удовольствию, исполнял роль матадора в корриде, где собственная рубашка заменяла мне плащ. Отнюдь не одобряя исход, я должен был признать самую атаку превосходной и тщательно продуманной. Вся мощь удара костистой головы и жилистой туши пришлась точно под мамины коленки сзади. Подброшенная в воздух, словно из пушки, мама опустилась на весьма жесткий диван, где и осталась лежать, судорожно глотая воздух. Потрясенный тем, что наделал его подарок, турок подбежал к дивану и стал перед мамой, широко расставив руки для отражения новой атаки. А она явно назревала, потому что барашек, чрезвычайно довольный собой, отступив в дальний угол, упруго подскакивал там — совсем как боксер, разминающийся на ринге.

— Мама, мама, ты цела? — вскричала Марго.

Мама слишком запыхалась, чтобы отвечать.

— Ага! — воскликнул турок. — Видишь, Миндальный цветок, этот барашек такой же прыткий, как я! Ну, давай, удалец, выходи!

Барашек принял вызов с такой скоростью и внезапностью, что застиг турка врасплох. Выбив копытцами пулеметную очередь по чисто выскобленному полу, он пролетел черным облачком через комнату и с громким стуком боднул голени своего хозяина, так что тот шлепнулся на диван рядом с мамой, крича от ярости и боли. Моим голням не раз доставались такие удары, и я вполне ему сочувствовал.

Три жены турецкого гостя, потрясенные падением своего повелителя, в ужасе замерли, но не замолкли — ни дать, ни взять три минарета на закате. В эту увлекательную минуту появились Ларри и Лесли. Стоя в дверях, они впитывали глазами невероятную сцену: я гонялся по комнате за строптивым барашком, Марго успокаивала трех завывающих женщин в чадрах, мама барахталась на диване в компании с престарелым турком.

— Мама, тебе не кажется, что ты уже несколько

старовата для подобных потех? — любопытствовал Ларри.

— Ух ты! Поглядите на этот изумительный кинжал, — произнес Лесли, с интересом смотря на корчившегося турка.

— Не говори глупостей, Ларри, — сердито сказала мама, растирая икры. — Это все турок, знакомый Марго, виноват.

— Туркам нельзя доверять, — заметил Лесли, продолжая любоваться кинжалом. — Так говорит Спиро.

— Но почему ты барахтаешься вместе с турком в такое время суток? — допытывался Ларри. — Готовишься выступать на борцовском ковре?

— Перестань, Ларри, хватит с меня на сегодня, — ответила мама. — Не выводи меня из себя. Я сейчас мечтаю об одном — как бы поскорее избавиться от этого человека. Попроси его, чтобы он был так любезен и удалился.

— Не делай этого, ни в коем случае! — крикнула Марго со слезами в голосе. — Это мой турок, я не позволю так обращаться с моим турком.

— Я поднимусь наверх, — сказала мама, ковыляя к двери, — приложу к ссадинам гамамелис, и чтобы этого человека не было здесь, когда я спущусь.

К тому времени, когда мама вернулась, Ларри в Лесли успели тесно подружиться с турком, и, к маминому недовольству, турецкий гость и его три жены просидели у нас еще несколько часов, поглощая огромное количество сладкого чая и печенья, прежде чем нам все же удалось усадить их в экипаж и провратить в город.

— Ну, слава богу, с этим покончено, — сказала мама, направляясь нетвердой походкой в столовую, где нас ждал обед. — Не остались они у нас, и то благо. Но право же, Марго, тебе следует быть осмотрительнее в выборе гостей.

— Мне тошно слушать, как ты критикуешь моих друзей, — ответила Марго. — Самый обыкновенный безобидный турок.

— А что, мама, очаровательный был бы зятек? — заметил Ларри. — Марго назвала бы первенца Али Баба, а

дочку Сезамой.

— Ларри, милый, что за шутки, — взмолилась мама.

— Я вовсе не шучу, — возразил Ларри. — Старикан признался мне, что его жены уже не первой свежести и он не прочь бы видеть Марго четвертой супругой.

— Не может быть, Ларри! — воскликнула мама. — Так и сказал? Гадкий развратный старикашка! Хорошо, что он мне не говорил ничего подобного. Услышал бы пару теплых слов. А что ты ему ответил?

— Он заметно остыл, когда я рассказал ему про приданое Марго, — ответил Ларри.

— Приданое? Какое приданое? — озадаченно спросила мама.

— Одиннадцать четвероногих сосунков, — объяснил Ларри.

Глава вторая. Призраки и пауки

Остерегайтесь сатаны!
Шекспир, Король Лир

Самым главным из дней недели для меня был четверг — день, когда к нам приходил Теодор. Иногда в этот день затевалось семейное мероприятие — пикник на южном берегу или что-нибудь в этом роде, но чаще всего мы с Теодором вдвоем совершали очередную экскурсию, как он упорно называл наши вылазки. В сопровождении собак, нагруженные коллекторским снаряжением, включая мешочки, сети, бутылочки и пробирки, мы отправлялись исследовать остров, и наш энтузиазм немногим уступал азарту, который вдохновлял путешественников прошлого столетия, вторгавшихся в дебри Африки.

Однако мало кто из путешественников той поры мог похвастать таким товарищем, как Теодор; он представлял собой незаменимую для полевых работ ходячую энциклопедию. В моих глазах он был всеведущ, как господь бог, выгодно отличаясь от всевышнего своей досягаемостью. Всякого, кто с ним знакомился, поражало сочетание невообразимой эрудиции и скромности. Помню, как мы, сидя на веранде после очередного роскошного чаепития и слушая предвечернюю песню утомленных цикад, забрасывали Теодора вопросами. В безупречном твидовом костюме, с тщательно расчесанной русой шевелюрой и бородой, он тотчас загорался, когда заходила речь о каком-нибудь новом предмете.

— Теодор, — начинает Ларри, — в Палиокастрице в монастыре есть картина, про которую монахи говорят, что ее написал Паниоти Доксерас. А ты как считаешь?

— Ну-у, — осторожно произносит Теодор, — боюсь, я не очень сведущ в этом предмете, но думаю, что вряд ли ошибусь, если автором скорее был Цадзанис... э... его кисти принадлежит интереснейшая маленькая картина... в

монастыре Патера... ну, вы знаете, на верхней дороге, что ведет на север острова. Конечно, он...

Следует сжатая и исчерпывающая получасовая лекция об истории живописи на Ионических островах, начиная с 1242 года, которую он подытоживает такими словами:

— Но если вас интересует мнение эксперта, следует обратиться к доктору Парамифиотису, он куда более сведущ в этом вопросе.

Не удивительно, что мы смотрели на Теодора как на оракула. «Тео говорит» — эти слова гарантировали достоверность любой сообщаемой вами информации; сошлись на Тео, и мама признает пользу и безопасность какого угодно почина, будь то переход на чисто фруктовую диету или содержание скорпионов в своей спальне. Любой мог обратиться к Теодору с любым вопросом. С мамой он толковал о растениях, в частности о лекарственных травах и соответствующих рецептах, а сверх того снабжал ее детективными романами из своей обширной библиотеки. С Марго он обсуждал различные диеты и упражнения, а также чудодейственные мази, помогающие от прыщей, волдырей и угрей. Он легко поспевал за стремительным бегом мысли моего брата Ларри, готовый развивать любые темы от Фрейда до веры крестьян в вампиров. А Лесли мог почерпнуть у него полезные сведения об истории огнестрельного оружия в Греции и о зимних повадках зайца. Для меня, с моим алчущим, непросвещенным и пытливым умом, Теодор был кладезем всевозможных познаний, к которому я жадно припадал.

По четвергам Теодор обычно прибывал около десяти часов утра, чинно восседая в конном экипаже. На голове — серебристая фетровая шляпа, на коленях — ранец для образцов, одна рука опирается на трость, к концу которой приделана маленькая марлевая сеть. Я уже с шести часов пронизывал взглядом оливковые рощи, высматривая Теодора, и мрачно говорил себе, что он, должно быть, забыл, какой сегодня день, а может, упал и сломал ногу, или же с ним

приключилась еще какая-нибудь беда. Сколь велико бывало мое облегчение, когда появлялся экипаж и в нем-степенный и сосредоточенный Теодор, целый и невредимый. Затуманенное до той поры солнце принималось сиять с новой силой. Учтиво поздоровавшись со мной за руку, Теодор рассчитывался с кучером и напоминал ему, чтобы тот заехал за ним вечером в условленное время. После чего забрасывал за спину ранец для образцов и устремлял задумчивый взгляд на землю, покачиваясь на каблуках начищенных до блеска башмаков.

— Ну что ж... э... видишь ли... — обращался он ко мне, — пожалуй, нам стоит обследовать пруды возле... э... Контокали. Конечно, в том случае, если... э... словом... ты не предпочитаешь какое-нибудь другое место.

Я спешит заверить его, что пруды возле Контокали меня вполне устраивают.

— Превосходно, — отзывался Теодор. — Одна из причин, почему меня... э... привлекает именно этот путь... заключается в том, что он проходит около очень интересной канавы... э... словом... речь идет о канаве, в которой я находил кое-какие стоящие образцы.

Оживленно разговаривая, мы трогались в путь, и псы, покинув тень под мандариновыми деревьями, присоединялись к нам, свесив язык и виляя хвостом. Тут же нас догоняла запыхавшаяся Лугареция, чтобы вручить забытую нами сумку с съестными припасами.

Продолжая беседовать, мы шли через оливковые рощи, время от времени останавливались, чтобы поближе рассмотреть какой-нибудь цветок, птицу или гусеницу; нам все было интересно, и Теодор мог обо всем что-то рассказать.

— Нет, я не знаю способа, который позволил бы тебе сохранить грибы для коллекции. Что бы ты ни применил, они... гм... э... словом... высохнут и сморщатся. Лучше всего зарисовать их карандашом или красками... или же, знаешь, сфотографировать их. Но вот что можно коллекционировать-споровые узоры, они удивительно красивы. Что?.. А вот как: берешь шляпку... э... словом...

гриба и кладешь на белую карточку. Естественно, гриб должен быть зрелый, иначе он не отдаст споры. Через некоторое время осторожно снимаешь шляпку с карточки... то есть, осторожно, чтобы не смазать споры... и ты увидишь на карточке... э... очаровательный узор.

Собаки трусили рассыпным строем впереди, делая стойку, обнюхивая ячею темных дыр в стволах могучих старых олив и затевая шумную, но тщетную погоню за ласточками, которые пронеслись над самой землей в извилистых длинных просветах между деревьями. Затем мы выходили на более открытую местность, оливковые рощи сменялись участками, где фруктовые деревья соседствовали с кукурузой или виноградниками.

— Ага! — Теодор останавливается возле заросшей канавы с водой и смотрит вниз; глаза его блестят, борода топорщится от возбуждения. — Вот и кое-что интересное! Видишь? Вон там, у самого кончика моей трости.

Но сколько я ни всматриваюсь, ничего не вижу. Теодор прикрепляет на конец трости сеть, делает аккуратное движение, словно извлекая муху из супа, и поднимает ловушку.

— Вот — видишь? Яйцевая камера *Hydrophilus piceus*... э... то есть водолюба большого. Ну, ты ведь знаешь, что камеру ткет... э... делает самка. В камере может быть до пятидесяти яиц, и что удивительно... минутку, я возьму пинцет... ага... так... видишь? Так вот... гм... эта труба, так сказать, а еще лучше, пожалуй, подойдет слово «мачта», наполнена воздухом, и получается нечто вроде лодочки, которая не может опрокинуться. Этому мешает... э... мачта, наполненная воздухом... Да-да, если ты поместишь камеру в свой аквариум, из яиц могут вывестись личинки, но должен тебя предупредить, что они очень... э... словом... очень хищные и способны сожрать всех других обитателей аквариума. Ну-ка, поглядим, удастся ли нам поймать взрослую особь.

Теодор терпеливо, словно какая-нибудь болотная птица,

выступает по краю канавы, время от времени окуная в воду сачок и вода им взад-вперед.

— Ага! Есть! — восклицает он наконец и осторожно кладет на мои нетерпеливые ладони большого черного жука, возмущенно дрыгающего ногами.

Я восхищенно разглядываю жесткие ребристые надкрылья, колючие ноги, тело жука, отливающее оливковой зеленью.

— Он далеко не самый быстрый пловец среди... э... словом... водяных жуков, и у него весьма своеобразный способ плавания. Гм... гм... другие водные обитатели работают ногами одновременно, а этот поочередно. Вот и кажется... н-да... что он весь дергается.

Псы во время таких вылазок были когда в радость, когда в тягость. Иногда они вносили сумятицу в наши дела: ворвутся на двор какого-нибудь крестьянина и наводят панику на кур, вынуждая нас тратить не менее получаса на перебранку с хозяином; но иногда помогали: окружают змею, не давая ей уйти, и громко лают, пока мы не подойдем посмотреть на их добычу. Впрочем, я всегда был рад этой компании — Роджер, смахивающий на косматого, упитанного черного барашка; элегантный Бьюн в шелковистом рыже-черном облачении; Пачкун, похожий на миниатюрного бультерьера в темно-каштановых и белых пятнах. Если мы надолго останавливались, они порой начинали томиться от скуки, но чаще всего терпеливо лежали в тени, свесив розовые языки, и дружелюбно виляли хвостом, поймав наш взгляд.

Благодаря Роджеру состоялось мое первое знакомство с одним из самых красивых пауков в мире, носящим элегантное имя *Eresus niger*. Мы отшагали довольно много и в полдень, когда солнце особенно припекало, решили сделать привал и перекусить в тени. Расположившись на краю оливковой рощи, мы уписывали бутерброды, запивая их имбирным пивом. Обычно, когда мы с Теодором закусывали, псы садились вокруг нас, тяжело дыша, и устремляли на нас умоляющие

взгляды. Управившись со своим пайком и твердо убежденные, что наша пища чем-то превосходит их собственную, они принимались выпрашивать подачку, прибегая к всевозможным ухищрениям, не хуже завязатого побирушки. Вот и теперь Вьюн и Пачкун закатывали глаза, жалобно вздыхали и постанывали, всячески давая понять, что умирают от голода. Только Роджер почему-то не присоединился к этому спектаклю. Сидя на солнышке перед кустом куманики, он что-то пристально разглядывал. Я подошел проверить, какое зрелище могло увлечь его до такой степени, что он пренебрег крошками от моих бутербродов. Сперва я ничего не заметил, но затем вдруг увидел нечто настолько прекрасное, что не поверил своим глазам. Маленький паук, с горошину величиной, по первому впечатлению более всего похожий на оживший рубин или движущуюся каплю крови. С радостным воплем я ринулся к своей сумке и достал баночку со стеклянной крышкой, чтобы изловить восхитительное создание. Правда, поймать его оказалось далеко не просто, он совершал удивительные для своих размеров прыжки, и мне пришлось побегать вокруг куста, прежде чем паук был надежно заточен в баночке. С торжеством предъявил я роскошную добычу Теодору.

— Ага! — воскликнул он и, глотнув пива, вооружился увеличительным стеклом, чтобы получше рассмотреть пленника. — Да, это *Eresus niger*... гм... да... и конечно самец, настоящий красавец, тогда как самки... словом... совсем черные, а вот самцы окрашены очень ярко.

Через увеличительное стекло паук выглядел еще прекраснее, чем я думал. Головогрудь — бархатисто-черная, с алыми крапинками по краям. Сравнительно мощные ноги расписаны белыми кольцами; так и кажется, что на нем потешные белые рейтузы. Но всего восхитительнее было ярко-красное брюшко с тремя круглыми черными пятнами в кайме из белых волосиков. Я в жизни не видел такого замечательного паука и твердо решил найти ему супругу, чтобы попытаться получить от них потомство.

Тщательнейший осмотр куста куманики и прилегающей местности не принес успеха. Теодор объяснил, что самка *Eresus niger* роет норку длиной семь-восемь сантиметров и выстилает ее прочной шелковистой нитью.

— От других паучьих норок, — говорил Теодор, — ее можно отличить по тому, что в одном месте шелк выступает наружу и образует козырек над устьем норки. Кроме того, перед норкой рассыпаны остатки последней трапезы паучихи в виде ног и надкрыльев кузнечика и останков разных жучков.

Вооруженный этими познаниями, на другой день я еще раз прочесал участок вокруг куста куманики. Потратил на это дело всю вторую половину дня, ничего не нашел и в дурном расположении духа направился домой, чтобы поспеть к чаю. Я выбрал кратчайший путь — через маленькие холмы, поросшие средиземноморским вереском, который превосходно чувствует себя и достигает огромных размеров на здешнем сухом песчаном грунте. Такого рода пустынные засушливые места — излюбленная обитель муравьиного льва, перламутровок и других солнцелюбивых бабочек, а также змей и ящериц. По дороге мне внезапно попался на глаза старый овечий череп. В одной из пустых глазниц самка богомола отложила свои причудливые яйцевые капсулы, на мой взгляд, очень похожие на этакий овальный ребристый бисквит. Присев на корточки, я раздумывал, не захватить ли эту капсулу домой для моей коллекции, и вдруг заметил рядом паучью норку точно такого вида, какой мне описал Теодор.

Достав нож, я как мог осторожнее вырезал и отделил большой ком земли, в котором заключалась не только паучиха, но и вся ее норка. Обрадованный успехом, я бережно уложил добычу в сумку и поспешил домой. Самца я уже поместят в маленький аквариум, но самка заслуживала лучшей обители. Бесцеремонно выселив из самого большого аквариума двух лягушек и черепашку, я оборудовал жилище для паучихи. Украсил его веточками вереска и красивым лишайником, осторожно поместил на дно ком земли с

гнездом паучихи и предоставил ей приходить в себя от внезапного переселения.

Три дня спустя я поместил к ней самца. Поначалу все выглядело очень скучно, никакой романтики: паук носился, будто оживший уголек, преследуя различных насекомых, которых я пустил в аквариум в качестве провианта. Но однажды, подойдя рано утром к аквариуму, я увидел, что он обнаружил логово паучихи. На негнущихся полосатых ногах самец маршировал вокруг норки, и тельце его дрожало, как мне казалось, от страсти. С минуту он взволнованно прохаживался таким манером, затем направился к входу и нырнул под навес. Дальше я, увы, не мог за ними наблюдать, но предположил, что происходит спаривание. Около часа провел паук в норке, наконец бодро выбрался наружу и возобновил беспечную погоню за пойманными мною для него мухами и кузнечиками. Однако я перевел его в другой аквариум, памятуя, что у некоторых видов самки отличаются каннибальскими повадками и не прочь закусить собственным супругом.

Подробностей дальнейшего спектакля я не видел, но кое-что подсмотреть удалось. Паучиха отложила гроздь яиц и тщательно обмотала их паутиной. Эту капсулу она держала в норке, однако каждый день выносила наружу и подвешивала под навесом — то ли чтобы лучше прогреть на солнце, то ли чтобы проветривать. Для маскировки капсула была украшена кусочками жуков и кузнечиков.

С каждым днем паучиха все больше наращивала навес у входа в норку, и в конце концов образовалась целая шелковистая обитель. Я долго созерцал это архитектурное сооружение, мешавшее мне наблюдать, потом нетерпение взяло верх, я осторожно вскрыл его скальпелем и длинной штопальной иглой и с удивлением узрел множество ячеек с паучатами, а посередине — трупик паучихи. Жуткое и трогательное зрелище: отпрыски словно почетным караулом окружали останки родительницы... Когда же они вылупились, пришлось отпустить их на волю. Обеспечить

пропитанием восемьдесят крохотных паучков — проблема, с которой даже я, при всем моем энтузиазме, не мог справиться.

В ряду многочисленных друзей Ларри, чье общество он нам навязывал, были два художника, два больших оригинала, по имени Лумис Бин и Гарри Банни. Оба американцы, притом настолько привязаны друг к другу, что не прошло и суток, как все члены нашей семьи называли их Луми Лапочка и Гарри Душка. Оба молодые, очень симпатичные, с плавной грацией в движениях, обычно присущей цветным и очень редко наблюдаемой у европейцев. Может быть, они чуть-чуть переступили грань в увлечении золотыми побрякушками, духами и бриллиантином, однако производили очень славное впечатление и — необычная черта для гостивших у нас художников — отличались большим трудолюбием. Подобно многим американцам, они сочетали очаровательную наивность с искренностью; качества, которые — во всяком случае, по мнению Лесли, — делали их идеальными объектами для розыгрышей. Обычно я участвовал в этих розыгрышах, потом делился нашими успехами с Теодором, и он получал столько же невинного удовольствия, сколько мы с Лесли. Каждый четверг я докладывал ему о наших достижениях, и мне иногда казалось, что Теодор ждет очередного доклада с большим интересом, чем рассказа о пополнениях моего зверинца.

Лесли был великий мастер разыгрывать людей, а мальчишеская непосредственность наших гостей вдохновляла его на все новые подвиги. Уже вскоре после прибытия молодых американцев он подучил их вежливо поздравить Спиро с долгожданным получением турецкого гражданства. Спиро, который, как и большинство греков, ставил турок по злодейству даже выше самого сатаны и не один год сражался против них, взорвался, точно вулкан. К счастью, мама оказалась поблизости и живо заняла позицию между опешившими, недоумевающими, побледневшими Луми и Гарри и бочкообразной мускулистой тушей Спиро. Ни дать, ни взять коротышка-миссионер прошлого века перед лицом

атакующего носорога...

— Ей-богу, миссисы Дарреллы! — ревел Спиро с искаженным яростью багровым лицом, сжимая огромные, словно окорок, кулаки. — Дайте мне поколотить их!

— Ну-ну, Спиро, не надо, — говорила мама. — Я уверена, тут какая-то ошибка. Уверена, что это недоразумение.

— Они называть меня турецкими ублюдками! — бушевал Спиро. — Я греки, а не какой-нибудь ублюдки!

— Конечно, конечно, — успокаивала его мама. — Я уверена, что произошла ошибка.

— Ошибки! — орал взбешенный Спиро, не скупясь на множественное число. — Ошибки! Я не позволю этим, извините за выражения, миссисы Дарреллы, проклятыми гомики, называть меня турецкими ублюдками!

Немало времени понадобилось маме, чтобы унять Спиро и добиться толка от изрядно напуганных Луми Лапочки и Гарри Душки. Этот эпизод стоил ей сильной головной боли, и она долго сердилась на Лесли.

Вскоре мама была вынуждена выселить молодых американцев из отведенной им спальни, поскольку там намечался ремонт. Она поместила их в просторной унылой мансарде, и Лесли не замедлил воспользоваться случаем преподнести им историю о якобы погибшем в этой самой мансарде звонаре из Контокали. Будто бы в 1604 году или около того этот злодей был назначен на Корфу на должность палача. Сперва он подвергал свои жертвы жестоким пыткам, потом отрубал им голову, предварительно позвонив в колокол. В конце концов терпение жителей Контокали лопнуло, однажды ночью они ворвались в дом и казнили самого палача. Теперь он является в виде обезглавленного призрака с кровавым обрубок шеи; перед этим слышно, как он иступленно звонит в свой колокол.

Заверив с помощью Теодора простодушных приятелей в истинности этой басни, Лесли одолжил у знакомого часовщика в городе пятьдесят два будильника, поднял в

мансарде две половицы и осторожно разместил будильники между стропилами, заведя их на три часа ночи.

Эффект от согласованного звона пятидесяти двух будильников был весьма удовлетворительным. Мало того, что Луми и Гарри с криками ужаса поспешно оставили мансарду, — второпях они сбили друг друга с ног и, переплетясь руками, с грохотом покатались вниз по лестнице. Поднявшийся шум разбудил весь дом, и нам стоило немалых усилий убедить приятелей, что это была шутка, и успокоить их нервы при помощи бренди. На другой день мама (как, впрочем, и наши гости) снова жаловалась на адскую головную боль и вообще не желала разговаривать с Лесли.

Сюжет с невидимыми фламинго родился совершенно случайно, когда мы однажды сидели на веранде и пили чай. Теодор спросил наших американских гостей, как продвигается их работа.

— Дружище Теодор, — ответил Гарри Душка, — наши дела идут чудесно, просто изумительно, верно, лапочка?

— Конечно, — подхватил Луми Лапочка, — конечно. Здесь предельно дивный свет, просто фантастика. Точно солнце тут ближе к земле, так сказать.

— Вот именно, так и есть, — согласился Гарри. — Правильно Луми говорит

— так и кажется, что солнце совсем близко и светит прямо на нас, родненьких.

— Я ведь как раз об этом говорил тебе сегодня утром, Гарри, душка, верно? — сказал Луми Лапочка.

— Верно, Луми, верно. Мы стояли там у маленького сарая, помнишь, и ты сказал мне...

— Выпейте еще чаю, — перебила их мама, зная по опыту, что воспоминания, призванные доказать их духовное единение, могут продолжаться до бесконечности.

Собеседники стали рассуждать об искусстве, и я слушал вполуха; вдруг мое внимание привлекли слова Луми Лапочки:

— Фламинго! О-о-о, Гарри, душка, фламинго! Мои любимые птицы... Где, Лес, где?

— Да вон там, — сказал Лес, сопровождая свой ответ размашистым жестом, объединяющим Корфу, Албанию и добрую половину Греции. — Огромные стаи.

Я заметил, как Теодор, подобно мне, затаил дыхание: хоть бы мама. Марго или Ларри не опровергли эту беспардонную ложь.

— Фламинго? — заинтересовалась мама. — Вот не знала, что здесь водятся фламинго.

— Водятся, — твердо произнес Лесли. — Их тут сотни.

— А вы, Теодор, знали, что у нас водятся фламинго? — спросила мама.

— Я... э... словом... видел их как-то на озере Хакиопулос, — ответил Теодор, не погрешив против истины, однако умолчал о том, что это случилось три года назад и то был единственный раз за всю историю Корфу, когда остров посетили фламинго. В память об этом событии у меня хранилось несколько розовых перьев.

— Силы небесные! — воскликнул Луми Лапочка. — Лес, дорогуша, а мы сможем их увидеть? Как ты думаешь, сумеем мы незаметно подобраться к ним?

— Конечно, — беззаботно ответят Лесли. — Нет ничего проще. Каждый день они летят по одному и тому же маршруту.

На другое утро Лесли пришел в мою комнату с неким подобием охотничьего рога, сделанным из рога коровы. Я спросил, что это за штука; он ухмыльнулся и довольно произнес:

— Манок для фламинго.

Интересно! Я честно сказал, что никогда еще не слышал про манки для фламинго.

— Я тоже, — признался Лесли. — Это старая пороховница из коровьего рога, в таких держали порох для мушкетов — знаешь, небось. Но самый кончик отломан, так что в рог можно трубить.

Иллюстрируя свою мысль, он поднес к губам узкий конец рога и подул. Получился долгий громкий звук, нечто

среднее между голосом ревуна и фырканием, с дрожащими обертонами. Критически прослушав этот номер, я заявил, что не заметил ничего похожего на голос фламинго.

— Правильно, — согласился Лесли, — но держу пари, что Луми Лапочка и Гарри Душка этого не знают. Теперь мне остается только одолжить твои перья фламинго.

Мне совсем не хотелось расставаться с такими редкими образцами, но Лесли объяснил, для чего это надо, и обещал вернуть их в целости и сохранности.

В десять утра появились Луми и Гарри, выраженные, по указаниям Лесли, для охоты на фламинго. На каждом — соломенная шляпа и резиновые сапоги: Лесли объяснил, что за птицами придется идти на болота. Друзья раздумялись, предвкушая волнуемое приключение; когда же Лесли продемонстрировал манок, восторгам не было конца. Они извлекли из рога такие гулкие звуки, что обезумевшие псы принялись лаять и выть, а разъяренный Ларри, высунувшись из окна своей спальни, заявил, что покинет этот дом, если мы будем вести себя, словно сборище оголтелых охотников.

— А в твоём возрасте следовало бы быть поумнее! — крикнул он в заключение, захлопывая окно; эти слова были обращены к маме, которая вышла узнать, по какому поводу такой шум.

Наконец мы тронулись в путь, и уже на четвертом километре прыть храбрых охотников на фламинго заметно поубавилась. Втащив их на вершину почти неприступной горки, мы велели им спрятаться в куст куманики и дуть в манок, зазывая фламинго. С полчаса они с великим прилежанием поочередно дули в коровий рог, но постепенно выдохлись, и под конец производимые ими звуки напоминали скорее горестные стоны издыхающего слона, чем голоса каких-либо птиц.

Тут наступил мой черед. Тяжело дыша, я взбежал на горку и взволнованно доложил нашим охотникам, что они не напрасно трудились. Фламинго слышали зов, да только вот незадача — птицы опустились в лощину за холмом в

полукилометре от засады. Если друзья поспешат, застанут там ожидающего их Лесли. С восхищением наблюдал я наглядный пример американской целеустремленности. Громко топая огромными, не по ноге, резиновыми сапогами, они ринулись галопом к указанному холму, время от времени останавливаясь по моей команде, чтобы, судорожно глотая воздух, подуть в манок. Примчавшись мокрые от пота на вершину холма, они увидели там Лесли, который велел им оставаться на месте и продолжать дуть в манок, а он пойдет в ложину с другого конца и погонит на них фламинго. После чего он отдал им свое ружье и ягдташ — дескать, так ему будет легче подкрадываться, — и скрылся.

Теперь пришло время выйти на сцену нашему доброму другу, полицейскому Филимоне Контакосе. Вне всякого сомненья, Филимона был самым толстым и сонливым из всех полицейских на Корфу; он служил в полиции уже четвертый десяток лет и не продвинулся по службе по той причине, что ни разу никого не арестовал. Филимона подробно объяснил нам, что физически не способен на такой поступок; от одной мысли о необходимости проявить суровость к правонарушителю его темные, с лиловым отливом глаза наполнялись слезами. При малейшем намеке на конфликт между подвыпившими крестьянами во время деревенских праздников он решительно ковылял подальше от места происшествия. Филимона предпочитал тихий образ жизни; раз в две недели он навещал нас, чтобы полюбоваться коллекцией ружей Лесли (ни одно из них не было зарегистрировано) и преподнести Ларри контрабандного табаку, маме и Марго — цветы, мне — засахаренный миндаль. В юности он ходил матросом на грузовом пароходе и научился кое-как изъясняться по-английски. Это обстоятельство вкупе с тем фактом, что все жители Корфу обожают розыгрыши, делало его весьма подходящим для нашей задумки. И Филимона блестяще оправдал наши надежды.

Гордо неся форменную одежду, он тяжело поднялся на

холм — живое воплощение закона и правопорядка, достойный представитель полицейских органов. На вершине он застал наших охотников, уныло дующих в манок. Мягко осведомился, чем они заняты. Луми Лапочка и Гарри Душка, как щенята, реагировали на ласковый голос — осыпали Филимону комплиментами по поводу его владения английским языком и с радостью принялись объяснять, что и как. И с ужасом увидели, как добродушно моргающий толстяк внезапно превратился в холодное и суровое воплощение власти.

— Вам известно фламинго нет стрелять? — рявкнул Филимона. — Запрещено стрелять фламинго!

— Но, дорогуша, мы и не думаем стрелять, — ответил, запинаясь, Луми Лапочка. — Мы хотим только посмотреть на них.

— Да-да, — лстивым голосом подхватил Гарри Душка. — Ей-богу, вы ошибаетесь. Мы совсем не хотим стрелять этих птичек, только посмотреть на них. Не стрелять, понятно?

— Если вы не стрелять, зачем у вас ружье? — спросил Филимона.

— Ах, это, — порозовел Луми Лапочка. — Это ружье одного нашего друга... э-э-э... амиго... ясно?

— Да-да, — твердил Гарри Душка. — Ружье нашего друга, Леса Даррелла. Может быть, вы с ним знакомы? Его тут многие знают.

Филимона смотрел на них холодно и неумолимо.

— Я не знаю этот друг, — заявил он наконец. — Попрошу открыть ягдташ.

— Нет, постойте, лейтенант, как же так! — возразил Луми Лапочка. — Это не наш ягдташ.

— Нет-нет, — поддержал его Гарри Душка. — Это ягдташ нашего друга, Даррелла.

— У вас ружье, у вас ягдташ, — настаивал Филимона, показывая пальцем. — Попрошу открыть.

— Ну, я бы сказал, лейтенант, что вы малость

превышаете свои полномочия, честное слово, — сказал Луми Лапочка; Гарри Душка энергичными кивками выражал свое согласие с его словами. — Но если вам от этого будет легче, ладно. Думаю, большой беды не будет, если вы заглянете в эту сумку.

Повозившись с ремнями, он открыл ягдташ и подал его Филимоне. Полицейский заглянул внутрь, торжествующе крикнул и извлек из сумки общипанную и обезглавленную курицу, на тушку которой налипли ярко-алые перья. Доблестные охотники на фламинго побелели.

— Но послушайте... э-э-э... погодите, — начал Луми Лапочка и смолк под инквизиторским взглядом Филимоны.

— Я вам говорить, фламинго стрелять запрещено, — сказал Филимона. — Вы оба арестованы.

После чего он отвел испуганных и протестующих охотников в полицейский участок в деревне, где продержал их несколько часов, пока они, как одержимые, писали объяснения и до того запутались от всех переживаний и огорчений, что излагали взаимно противоречащие версии. А тут еще мы с Лесли подговорили наших деревенских друзей, и около участка собралась целая толпа. Звучали грозно негодующие крики, греческий хор громко возглашал: «Фламинго! », и в стену участка время от времени ударяли камни.

В конце концов Филимона разрешил своим пленникам послать записку Ларри, который примчался в деревню и, сообщив Филимоне, что лучше бы тот ловил настоящих злоумышленников, чем заниматься розыгрышами, вернул охотников на фламинго в лоно нашей семьи.

— Довольно, сколько можно! — бушевал Ларри. — Я не желаю, чтобы мои гости подвергались насмешкам дурно воспитанных туземцев, подученных моими слабоумными братьями.

Должен признать, что Луми Лапочка и Гарри Душка держались замечательно.

— Не сердись, Ларри, дорогуша, — говорил Луми

Лапочка. — Это у них от жизнерадостности. Мы сами столько же виноваты, сколько Лес.

— Точно, — подтвердил Гарри Душка. — Луми прав. Мы сами виноваты, что такие легковверные дурачки.

Чтобы показать, что нисколько не обижаются, они отправились в город, купили там ящик шампанского, сходили в деревню за Филимоной и устроили в доме пир. Сидя на веранде по обе стороны полицейского, они смиренно пили за его здоровье; сам же Филимона неожиданно приятным тенором исполнял любовные песни, от которых на его большие глаза набегали слезы.

— Знаешь, — доверительно обратился Луми Лапочка к Ларри в разгар пирушки, — он был бы очень даже симпатичным, если бы сбросил лишний вес. Только прошу тебя, дорогуша, не говори Гарри, что я тебе это сказал, ладно?

Глава третья. Сад богов

*Взгляни, разверлось небо, и со
смехом боги на зрелище
неслыханное смотрят.*

Шекспир, Кориолан

Остров изогнулся луком неправильной формы, почти касаясь концами греческого и албанского побережий, и замкнутые его периметром воды Ионического моря напоминали голубое озеро. К нашему особняку примыкала просторная веранда с каменным полом, закрытая сверху переплетением старой лозы, с которой канделябрами свисали крупные грозди зеленого винограда. С веранды открывался вид на углубленный в косогор сад с множеством мандариновых деревьев и на серебристо-зеленые оливковые рощи, простирающиеся до самого моря, синего и гладкого, как цветочный лепесток.

В погожие дни мы всегда ели на веранде, накрыв рахитичный стол с мраморной столешницей; здесь же принимались важные семейные решения. Завтраки были особенно сильно приправлены желчью и перебранками: в это время читались поступившие письма, составлялись, пересматривались и браковались планы на день; на этих утренних заседаниях разрабатывалась семейная программа, правда не слишком методично: чей-то скромный заказ на омлет мог в ходе обсуждения обернуться трехмесячной экскурсией на отдаленный пляж, как это было однажды. Так что, собираясь за столом при трепетном утреннем свете, мы никогда не могли знать наперед, что в конечном счете принесет нам день. Первые шаги требовали особой осторожности, ибо участники дискуссии отличались повышенной возбудимостью, но постепенно, под действием чая, кофе, гренок, домашнего варенья, яиц и всякого рода фруктов, утреннее напряжение спадало и на веранде устанавливалась более благоприятная атмосфера.

Утро, когда пришло известие, что вскоре к нам прибудет граф, было похоже на все другие утра. Мы завершили кофейную фазу завтрака, и каждый предался своим размышлениям. Моя сестра Марго, повязав платком русые волосы, рассматривала два альбома с выкройками, весело и не очень мелодично напевая себе под нос, Лесли, отставив чашку, достал из кармана маленький пистолет, разобрал его и рассеянно принялся чистить носовым платком; мама, беззвучно шевеля губами, штудировала поваренную книгу в поисках рецепта для ленча и время от времени устремляла взгляд в пространство, припоминая, есть ли в наличии нужный ингредиент; Ларри, в пестром халате, одной рукой отправляют в рот вишни, другой разбирал свою почту.

Я был занят тем, что кормил свое новейшее приобретение — молодую галку, которая ела так медленно, что я нарек ее именем Гладстон: мне рассказывали, будто сей государственный деятель пережевывал пищу по несколько сотен раз. Ожидая, когда галка управится с очередным кусочком корма, я смотрел вниз на манящее море и прикидывал, как провести этот день. Взять ослика Салли и отправиться в оливковые рощи на горах в сердце острова, чтобы попытаться поймать агам на лоснящихся селенитом скалах, где они греются на солнышке и дразнят меня, покачивая желтой головой и надувая оранжевый горловой мешок? Или спуститься к озерку в ложине за домом, где пришла пора стрекозам вылупляться из личинок? А может быть, — самая заманчивая идея — совершить морское путешествие на недавно полученной лодке?

Весной почти замкнутое со всех сторон водное пространство, отделяющее Корфу от материка, было окрашено в нежно-голубой цвет; когда же весну сменяло знойное, жгучее лето, оно придавало тихим водам более насыщенный и нереальный оттенок. При определенном освещении море приобретало словно заимствованный у радуги фиолетово-синий цвет, с переходом в сочную нефритовую зелень на мелководье. Вечером заходящее

солнце как бы проходило кистью по морской глади, нанося расплывчатые пурпурные мазки с примесью золота, серебра, оранжевой и светло-розовой краски.

Поглядишь на обрамленное сушей безмятежное летнее море, и кажется оно таким кротким — голубой луг медленно и равномерно колыхается вдоль берегов. Но даже в тихий летний день где-то среди источенных эрозией гор на материке внезапно рождается неистовый жаркий ветер и с воем обрушивается на остров, перекрашивает море в почти черный цвет, оторачивает гребни волн кромкой из белой пены и гонит их перед собой, будто табун перепуганных синих коней, пока они не рушатся, обессиленные, на берег, издыхая в саване из шипящей пены. А зимой под свинцово-серым небом холодное и угрюмое море напрягает тугие мускулы бесцветных волн, расписанные полосами мусора и грязи, вынесенных из долины в залив зимними дождями.

Для меня это голубое царство было сокровищницей, полной причудливых тварей, которых мне страстно хотелось собирать и изучать. Поначалу меня ждали разочарования, потому что я мог лишь, уподобляясь одинокой морской птице, бродить вдоль берега и вылавливать разную мелкоту да иногда с тоской разглядывать какое-нибудь таинственное чудо, выброшенное волнами на сушу. Но затем я обзавелся лодкой, славным суденышком «Бутл Толстогузый», и мне открылось все подводное царство — от глубоких заливов и гротов среди золотисто-красных скальных замков на севере до голубой стихии вдоль блестящих, словно снежные сугробы, белых дюн на юге.

Сделав окончательный выбор, я настолько сосредоточился на обдумывании деталей морской вылазки, что совсем забыл про Гладстона, который негодуя шипел на меня, точно задыхающийся астматик в тумане.

— Если тебе непременно надо держать эту пернатую фисгармонию, — раздраженно произнес Ларри, отрываясь от письма, — научил бы ее по крайней мере петь как следует.

Поскольку он явно не был настроен выслушивать

лекцию о певческих способностях галок, я промолчал и заткнул Гладстону клюв здоровенным куском пищи.

— Марко присылает к нам графа Россиньоля на два-три дня, — небрежно сообщил маме Ларри.

— А кто он такой? — спросила мама.

— Не знаю, — ответил Ларри.

Мама поправила очки и воззрилась на него.

— Как это понимать — не знаешь?

— Так и понимай, что не знаю, я его никогда не видел.

— Ну, а кто такой Марко?

— Не знаю, с ним я тоже не встречался. Слышал только, что он талантливый художник.

— Ларри, милый, — сказала мама. — Нельзя же приглашать в гости совершенно незнакомых людей. Тут знакомым-то не знаешь, как угодить, зачем нам еще незнакомые.

— При чем тут это — знакомый, незнакомый? — удивился Ларри.

— При том, что знакомые хотя бы знают, что их ожидает, — объяснила мама.

— Ожидает? — сухо повторил Ларри. — Послушать тебя, так можно подумать, что я приглашаю их в гетто или что-нибудь в этом роде.

— Да нет же, дорогой, я не в этом смысле. Просто наш дом так непохож на нормальные дома. Как я ни стараюсь, у нас почему-то все не как у людей.

— Ничего, если уж кто едет к нам погостить, пусть мирится с нами, — сказал Ларри. — И вообще, я тут ни при чем, я его не приглашал, это Марко шлет его к нам.

— Вот-вот, я об этом и говорю, — отозвалась мама. — Совершенно незнакомые люди посылают к нам совсем незнакомых людей, как будто у нас гостиница или что-то в этом роде.

— Вся беда в том, что ты необщительна, — заявил Ларри.

— Ты тоже стал бы таким, заставь тебя заниматься

кухней, — возмутилась мама. — Прямо хоть отшельником становись.

— Прекрасно, как только граф уедет, делайся отшельником, если хочешь. Никто не будет тебе мешать.

— Будете приглашать такую кучу народа, так и впрямь запишусь в отшельники.

— Ну, конечно, — подхватил Ларри. — Надо только как следует организовать это дело. Лесли соорудит пещеру в оливковой роще, попросишь Марго сшить вместе несколько не слишком вонючих звериных шкур из коллекции Джерри, запасешь банку ежевики — и готово. Я буду приводить туда людей, показывать им тебя. «Вот моя матушка, — скажу я им. — Она покинула нас, чтобы вести образ жизни отшельника».

Мама сердито посмотрела на него.

— Честное слово, Ларри, ты способен вывести меня из себя, — произнесла она.

— Я собираюсь проведать малыша Леоноры, — объявила Марго. — У кого-нибудь есть поручения в деревню?

— Ах да, вспомнил, — отозвался Ларри. — Леонора просила меня быть крестным отцом ее отпрыска.

Леонорой звали дочь нашей служанки Лугареции; она приходила помогать, когда мы устраивали большие приемы, а удивительно красивая внешность снискала ей особое расположение Ларри.

— Тебя? Крестным отцом? — удивилась Марго. — Я-то думала, для крестных отцов обязательно безупречное поведение, религиозность и все такое прочее.

— Это очень мило с ее стороны, — нерешительно сказала мама. — Но все же как-то странно, правда?

— Куда страннее было бы, попроси она его быть просто отцом, — возразил Лесли.

— Лесли, милый, не говори таких вещей при Джерри даже в шутку, — взмолилась мама. — Ну и как, Ларри, ты согласишься?

— Конечно, зачем же лишать бедную крошку блага

иметь такого наставника?

— Ха! — иронически воскликнула Марго. — Но уж я скажу Леоноре, что легче превратить караса в пороса, чем добиться от тебя религиозности и безупречного поведения.

— Пожалуйста, говори. Если сумеешь перевести это на греческий язык.

— Я владею греческим не хуже тебя, — воинственно заявила Марго.

— Полно, мои дорогие, не ссорьтесь, — вмешалась мама. — И послушай, Лесли, не стоит чистить ружья носовыми платками, это масло потом никак не отстирывается.

— Но ведь чем-то мне надо их чистить, — надулся Лесли.

В этот момент я сообщил маме, что собираюсь сегодня исследовать побережье, мне бы взять с собой что-нибудь из еды.

— Да-да, милый, — рассеянно ответила мама. — Передай Лугареции, пусть приготовит тебе что-нибудь. Только будь осторожен, милый, на глубокую воду не заплывай. Смотри, не простудись и... остерегайся акул.

В представлении мамы любое море, даже самое мелкое и смирное, было зловещим бурным водоемом, где свирепствуют смерчи, цунами, тайфуны и водовороты, обителью гигантских кальмаров, осьминогов и свирепых саблезубых акул, для которых нет в жизни более важной цели, чем убить и сожрать кого-нибудь из ее детей. Заверив маму, что буду соблюдать величайшую осторожность, я помчался на кухню, запасся провиантом для себя и своего зверинца, собрал нужное снаряжение, свистнул собак и сбежал по откосу к пристани, где была причалена моя лодка.

«Бутл Толстогузый» — первый опыт Лесли в области судостроения — был плоскодонный и почти круглый; вместе с симпатичной расцветкой в оранжевую и белую полоску это придавало лодке сходство с пестрой целлулоидной уткой. Мое суденышко отличалось крепким сложением и дружелюбным нравом, но округлая форма и отсутствие киля

делали его весьма неустойчивым; стоило разгуляться волнам, и лодка грозила опрокинуться и плыть вверх дном, что она и делала не раз в трудные минуты. Отправляясь в длительные экспедиции, я всегда брал большой запас провианта и воды на случай, если нас снесет ветром с курса и мы потерпим крушение. И я старался прижиматься к берегу, чтобы живо уйти от опасности, если на «Бутла» вдруг обрушится сирокко. Конструкция лодки не позволяла ставить высокую мачту — того и гляди опрокинешься, а крохотный, чуть шире носового платка, парус мог уловить и использовать лишь малую толику ветра, так что по большей части я продвигался на веслах. При полной команде (три пса, сова, иногда еще и голубь) и полном грузе (два десятка сосудов с морской водой и образцами) понудить лодку перемещаться по воде было нелегким испытанием для моей поясницы.

Роджер был отличным спутником в моих плаваниях и очень их любил; к тому же он с глубоким и вдумчивым интересом относился к морской живности и мог часами лежать, насторожив уши и наблюдая причудливые корчи хрупкой морской звезды в банке с водой. Но Вьон и Пачкун не были с морем на «ты»; их больше устраивало выслеживать какую-нибудь не слишком свирепую добычу в миртовых рощах. На море они старались быть чем-то полезными, однако мало в том преуспевали. В критические минуты начинали выть или прыгали за борт, а если их донимала жажда, пили морскую воду и срыгивали мне на ноги как раз, когда я совершал особенно сложный маневр. Что до моей сплюшки Улисса, то я никак не мог определить, нравятся ли ей морские прогулки: сидит смиренно, где посадили, подобрав крылья и прикрыв глаза, очень похожая на резное изображение какого-то грозного восточного божества. Голубь Квилп, сын другого моего голубя, Квазимодо, обожал лодочный спорт; расположившись на крохотном баке «Бутла Толстогузого», он вел себя так, будто очутился на прогулочной палубе лайнера «Куин Мэри». Прохаживается взад-вперед, потом остановится, чтобы после быстрого

пируэта, выпятив зоб, исполнить концертный номер для контральто — ни дать, ни взять оперная звезда в морском путешествии. Только когда портилась погода, голубь начинал нервничать и в поисках утешения садился на колени капитану.

В этот день я задумал посетить небольшой залив, ограниченный с одной стороны крохотным островком в кольце рифов, где обитало множество интереснейших тварей. Больше всего привлекала меня изобилующая на мелководье собачка-павлин (*Blennius pavo*). Морская собачка — причудливая с виду рыбка с удлинённым, подчас угревидным телом длиной около десяти сантиметров. Выпученные глаза и толстые губы придают ей некоторое сходство с бегемотом. Очень красочно во время брачного периода выглядел самец: позади глаз — черное пятнышко в голубой кайме; на голове сверху, словно горбик, — тупой оранжевый гребень; темноватое тело расписано ультрамариновыми или фиолетовыми крапинами; горло — цвета морской воды, с более темными полосами. Самки в отличие от самцов были окрашены в бледный оливковый цвет с голубыми крапинами; плавники — нежно-зеленого цвета. Сейчас как раз была пора нереста, и мне очень хотелось поймать несколько этих ярко окрашенных рыбок, поместить в один из моих аквариумов и проследить брачный ритуал.

Полчаса прилежной работы веслами — и мы пришли в залив, окаймленный серебристыми оливковыми рощами и высокими зарослями золотистого раkitника, от которого над прозрачными тихими водами плыл тяжелый мускусный запах. Возле рифа я бросил якорь на глубине около полуметра, потом разделся, вооружился сачком и банкой с широким горлышком и ступил в теплую, будто в ванне, кристально прозрачную воду.

Меня окружало такое обилие всякой живности, что стоило немалого труда не отвлекаться от главной задачи. Среди разноцветных водорослей огромными бородавчатыми коричневыми сосисками возлежали полчища морских улиток.

На камнях примостились темно-пурпурные и черные «подушечки для иголок» — морские ежи, чьи иглы качались взад-вперед, точно компасная стрелка. Между ними тут и там лепились похожие на мокриц-переростков хитоны и передвигались щеголяющие яркими пятнышками конусовидные раковины каллиостом, занятые когда своим законным обитателем, а когда и узурпатором в лице рака-отшельника с красной головой и алыми клешнями. Покрытый водорослями камешек вдруг удалялся своим ходом от моей ступни — не камешек, а краб с аккуратно посаженными для камуфляжа растениями на спинной части карапакса.

Дойдя до уголка, облюбованного морскими собачками, я довольно скоро высмотрел отличного самца, переливающегося яркими красками брачного наряда. Осторожно подвожу к нему сачок — он подозрительно отступает, выпячивая толстые губы. Делаю внезапное резкое движение, но он настороже и легко уходит от сачка. Снова и снова пытаюсь застигнуть его врасплох — каждый раз неудачно, каждый раз он отступает назад. В конце концов, устав от моих приставаний, самец юркнул в сторону и укрылся в своем жилище — половинке разбитого глиняного горшка, в какие рыбаки ловят неосмотрительных осьминогов. Ему казалось, что он спасен, на самом же деле эта уловка его погубила: я подцепил сачком горшок вместе с жильцом и переправил в стоявшую в лодке просторную посудину.

Окрыленный успехом, я продолжал охоту и к двенадцати часам поймал двух зеленых супруг для самца, а также детеныша каракатицы и морскую звезду незнакомого мне прежде интересного вида. Солнце нещадно припекало, и большинство морских тварей спряталось в тени под камнями. Я вышел на берег, чтобы перекусить под оливами. Воздух был наполнен запахом раkitника и звоном цикад. Принимаясь за еду, я смотрел, как здоровенная темно-зеленая ящерица с ярко-синими круглыми пятнами вдоль всего тела осторожно подкрадывается и хватает парусника с

крылышками цвета зебры. Чем не подвиг, если учесть, что эти бабочки недолго засиживаются на одном месте и полет их хаотичен и непредсказуем. К тому же ящерица поймала парусника на лету, подпрыгнув в воздух сантиметров на сорок.

Перекусив, я погрузил все имущество в лодку, собрал свою собачью команду и направился домой, чтобы поместить морских собачек в предназначенную им обитель. Выбрав аквариум побольше, я положил горшок с самцом на дно посередине, потом осторожно пустил в воду самок. Весь остаток дня я посвятил наблюдению, однако ничего захватывающего не увидел. Самец знай себе лежал у входа в горшок, выпячивая губы и прогоняя воду через жабры, и самки не менее прилежно занимались тем же в другом конце аквариума.

Встав на другое утро, я с великой досадой обнаружил, что собачки явно не дремали на рассвете: внутри горшка, на верхней плоскости, появились икринки. Которая из самок потрудилась, нельзя было определить, но самец весьма решительно играл роль отца, защитника потомства, и яростно атаковал мой палец, когда я приподнял горшок, чтобы как следует рассмотреть икринки.

Твердо намеренный не пропустить ни одной картины драматического спектакля, я сбегал за своим завтраком и ел, сидя на корточках перед аквариумом и не отрывая глаз от морских собачек. До сих пор родные почитали рыбок самыми безобидными членами моего зверинца, однако собачки вынудили их усомниться в этом, ибо в последующие часы я не давал покоя проходящим мимо, просил принести то апельсин, то воды попить или же заставлял чинить мне карандаш: я коротал время, делая в дневнике зарисовки морских собачек. Мне принесли к аквариуму второй завтрак; потянулись долгие жаркие пополуденные часы, и меня начало клонить в сон. Псам быстро наскучило это непонятное бдение, и они давно уже отправились в оливковые рощи, предоставив меня и рыбок самим себе.

Самец забился в горшок и почти не показывался. Одна из самок втиснулась между камешками на дне, другая лежала на песке, прокачивая воду через жабры. Вместе с рыбками в аквариуме обитали два маленьких краба с водорослями на карапаксе; сверх того один из них украсил свою голову маленькой розовой актинией, наподобие дамской шляпки. И как раз этот щеголь ускорил развитие романа морских собачек. Расхаживая по дну аквариума, он аккуратно подбирал клешнями разные соринки и отправлял их в рот, словно манерная старая дама, кушающая бутерброд с огурцом. Ненароком крабик очутился у входа в горшок. Тотчас переливающийся яркими красками самец выскочил наружу, готовый дать отпор нахалу.

Снова в снова он бросался на краба и злобно кусал его. После нескольких безуспешных попыток оборониться клешнями краб смиренно повернул кругом и обратился в бегство. А победитель, дав выход благородному негодованию, с довольным видом занял позицию перед своей обителью.

Дальше произошло нечто совсем неожиданное. Внимание самки, лежавшей на песке, было привлечено потасовкой; теперь она подплыла ближе и остановилась сантиметрах в десяти-двенадцати от самца. При виде нее он заметно возбуждился; казалось даже, что его окраска стала еще ярче. Внезапно он напал на самку — бросился к ней и укусил за голову. Одновременно, изогнувшись дугой, он бил ее хвостом. Его поведение поразило меня, но тут я заметил, что самка, на которую обрушились удары и толчки, ведет себя абсолютно пассивно и не помышляет о том, чтобы дать сдачи. Вместо ничем не спровоцированного нападения я наблюдал буйный брачный ритуал. Кусая самку за голову и ударяя хвостом, самец фактически теснил ее к своему горшку, как овчарки направляют овец к загону.

Но ведь в горшке их уже не увидишь... И я бросился в дом за приспособлением, которое обычно служило мне для наблюдения за птичьими гнездами, — длинным бамбуковым прутом с зеркальцем на конце. Когда я сам не мог добраться

до гнезда, укрепленное под углом зеркальце играло роль перископа, позволяя рассмотреть яйца или птенцов. Теперь я решил использовать его в аквариуме. Когда я вернулся, рыбки как раз укрылись в горшке. С величайшей осторожностью, чтобы не спугнуть их, я погрузил прут в воду и подвел зеркальце к входу в убежище. Поманевривовав своим приспособлением, я добился того, что солнечный зайчик осветил внутренность горшка, так что все было прекрасно видно.

Некоторое время рыбки просто стояли рядом друг с другом, помахивая плавниками. Заполучив самку в убежище, самец перестал бросаться на нее; воинственность сменилась миролюбием. Минут через десять самка отплыла в сторонку и выметала на гладкую поверхность горшка гроздь прозрачных икринок, похожих на лягушачьи, после чего отодвинулась, и место над икринками занял самец. К сожалению, самка заслонила его от меня, и я не видел, как он оплодотворяет икру, хотя не сомневался, что он это делает. Придя к заключению, что ее роль исполнена, самка выплыла из горшка и направилась в другой конец аквариума, не проявляя больше никакого интереса к икринкам. Зато самец еще некоторое время сновал около них, потом лег у входа в горшок, чтобы охранять.

Я нетерпеливо ожидал появления мальков, но, видно, вода в аквариуме плохо очищалась, потому что мальки вышли только из двух икринок. И одного из двух крошек, к моему ужасу, у меня на глазах сожрала его мамаша. Не желая быть причастным к двойному детоубийству, я пересадил второго малька в банку и отправился на лодке к заливу, где были пойманы его родители. Здесь с наилучшими пожеланиями я выпустил его в чистую теплую воду в обрамлении золотистого ракушечника, от души надеясь, что он благополучно вырастит множество разноцветных отпрысков.

Три дня спустя к нам прибыл граф. Высокий и стройный, с лоснящимися от помады золотистыми, точно кокон шелкопряда, густыми кудрями; такого же цвета изящно

завитые усики; чуть выпуклые глаза неприятного бледно-зеленого цвета. Громадный чемодан его изрядно напугал маму, которая решила, что гость вознамерился жить у нас все лето. Однако мы вскоре выяснили, что граф, воздавая должное своей привлекательной — в чем он не сомневался — внешности, почитал необходимым менять костюмы раз восемь в день. Его платье было таким элегантным, пошито искусным портным из такого изысканного материала, что Марго не знала — то ли завидовать гардеробу графа, то ли презирать его изнеженность. Кроме ярко выраженной самовлюбленности граф был наделен и другими антипатичными чертами. Его духи обладали таким сильным запахом, что он тотчас наполнял всю комнату, куда входил наш гость, а диванные подушки, к которым граф прислонялся, и стулья, на которых он сидел, воняли и несколько дней спустя. Английским языком он владел не вполне, что не мешало ему пускаться в рассуждения о любом предмете с коробившим всех нас язвительным догматизмом. Его философию, если это слово уместно, можно было свести к одной фразе: «У нас во Франции лучше», изрекаемой им по всякому поводу. И он проявлял столь интенсивный, чисто галльский интерес к съедобности всего, встречавшегося на его пути, что было бы вполне простительно посчитать нашего гостя реинкарнацией козы.

На беду он явился как раз к ленчу и под конец трапезы без особого напряжения сумел восстановить против себя всех, включая наших псов. За каких-нибудь два часа после прибытия, притом не отдавая себе в этом отчета, разозлить пятерых столь разных по нраву людей — своего рода подвиг. Отведав за ленчем воздушное суфле с нежно-розовым мясом свежих креветок, он заявил, что сразу видно: мамин повар — не француз. Услышав, что мама и есть наш повар, граф нисколько не смутился, а только сказал, что она должна быть рада его приезду, так как он сможет дать ей кое-какие наставления в кулинарном искусстве. Мама онемела от ярости, а этот наглец уже перенес свое внимание на Ларри,

когого соизволил осведомить, что одна лишь Франция может похвастаться хорошими писателями. В ответ на упоминание Шекспира он только пожал плечами и молвил: «Этот маленький позер»... Лесли он сообщил, что всякий, увлекающийся охотой, одержим преступными инстинктами, и, уж во всяком случае, хорошо известно, что Франция производит самые лучшие в мире ружья, шпаги и прочие виды оружия. Марго услышала от него, что обязанность женщины — нравиться мужчинам, в частности не быть прожорливой и не есть слишком много такого, что портит фигуру. Поскольку Марго как раз в эту пору страдала некоторой полнотой и соблюдала строгую диету, она отнюдь не благосклонно восприняла эту информацию. Мое презрение он заслужил, обзвав наших собак «деревенскими дворняжками» и противопоставив им несравненные достоинства своих ньюфаундлендов, сеттеров, легавых и спаниелей — разумеется, французской породы. К тому же граф был озадачен, зачем я держу столько несъедобного зверья. «Во Франции, — заявил он, — мы только стреляем такую живность».

Надо ли удивляться, что после ленча, когда он поднялся наверх переодеться, наше семейство клокотало, точно вулкан накануне извержения. Лишь золотое правило мамы — не оскорблять гостя в первый день — сдерживало нас. О состоянии наших нервов можно судить по тому, что, вздумай кто-нибудь насвистывать «Марсельезу», мы тотчас растерзали бы его.

— Видишь теперь, — укоризненно обратилась мама к Ларри, — что получается, когда позволяешь незнакомым людям направлять к тебе в гости незнакомых людей. — Этот человек невыносим!

— Ну... не так уж он плох, — произнес Ларри, не очень убедительно пытаясь оспорить мнение, с которым был совершенно согласен. — Кое-что из его замечаний было обосновано.

— Что именно? — грозно осведомилась мама.

— Да, что? — дрожащим голосом спросила Марго.

— Ну-у, — неуверенно начал Ларри, — мне кажется, суфле получилось несколько жирноватое, и Марго в самом деле что-то округляется.

— Скотина! — крикнула Марго, заливаясь слезами.

— Нет, Ларри, это уже чересчур, — сказала мама. — Я не представляю себе, как мы сможем целую неделю выносить присутствие этого твоего... этого... надушенного ресторанного танцора.

— Не забудь, что мне тоже надо как-то с ним ладить, — недовольно заметил Ларри.

— Так на то он и твой друг, — ответила мама. — То есть друг твоего друга... в общем, так или иначе он твой, и от тебя зависит, чтобы он возможно меньше нам докучал.

— Иначе я всажу ему в зад заряд дроби, — пригрозил Лесли, — этому маленькому вонючему...

— Лесли, — вмешалась мама, — остановись.

— А если он такой и есть, — упрямо отчеканил Лесли.

— Знаю, милый, — согласилась мама, — но все равно не следует выражаться.

— Ладно, — сказал Ларри, — я попробую. Только не кори меня, если он явится на кухню, чтобы преподать тебе урок кулинарии.

— Предупреждаю, — произнесла мама с вызовом в голосе, — если этот человек появится в моей кухне, я уйду... уйду из дома. Уйду и...

— Сделаешься отшельником? — предположил Ларри.

— Нет, уйду и поселюсь в гостинице, пока он не уедет, — прибегла мама к своей излюбленной угрозе. — И на этот раз я и впрямь это сделаю.

Надо отдать должное Ларри, несколько дней он мужественно маялся с графом Россиньодем. Сводил его в городскую библиотеку и в музей, показал летний дворец кайзера со всеми омерзительными скульптурами, даже поднялся с гостем на высочайшую точку Корфу — вершину горы Пантекратор, чтобы тот мог полюбоваться

открывающимся сверху видом. Граф посчитал, что библиотека не идет в сравнение с Национальной библиотекой в Париже, что музей в подметки не годится Лувру, отметил, что дворец кайзера размерами, архитектурой и обстановкой заметно уступает коттеджу, который он отвел своему старшему садовнику, а о виде с горы Пантекратор сказал, что предпочел бы ему вид с любой высокой точки во Франции.

— Этот человек невыносим, — объявил Ларри, подкрепляясь глотком бренди в маминой спальне, куда мы все укрылись, спасаясь от графа. — Он помешался на своей Франции, я вообще не понимаю, зачем он ее покинул. Послушать его, так французская телефонная связь тоже лучшая в мире! И ничто его не волнует, прямо швед какой-то.

— Ничего, милый, — утешила его мама. — Теперь уже недолго осталось.

— Не ручаюсь, что меня хватит до конца, — отозвался Ларри. — Он только господа бога еще не объявил монополней Франции.

— Ха, уж, наверно, во Франции в него верят лучше, — заключил Лесли.

— Вот было бы замечательно, если бы мы могли сделать ему какую-нибудь гадость, — мечтательно произнесла Марго. — Что-нибудь жутко неприятное.

— Нет, Марго, — твердо сказала мама. — Мы еще никогда не делали ничего дурного нашим гостям, разве что ненароком или в виде розыгрыша. Не делали и не будем. Придется потерпеть. Осталось-то всего несколько дней, скоро все будет забыто.

— Мать честная! — вдруг воскликнул Ларри. — Совсем забыл. Эти чертовы крестины в понедельник!

— Бранился бы ты поменьше, — заметила мама. — И при чем тут это?

— Нет, ты представляешь себе — взять его с собой на крестины? — спросил Ларри. — Ни за что, пусть сам в это время где-нибудь побродит.

— Мне кажется, не следует отпускать его, чтобы он

бродил один, — сказала мама так, будто речь шла об опасном звере. — Вдруг встретит кого-нибудь из наших друзей?

Мы сели, дружно обдумывая эту проблему.

— А почему бы Джерри не сводить его куда-нибудь? — внезапно произнес Лесли. — Все равно ведь он не захочет идти с нами на какие-то скучные крестины.

— Прекрасная идея! — обрадовалась мама. — Это выход!

Во мне полным голосом заговорил инстинкт самосохранения. Я заявил, что непременно пойду на крестины, давно мечтал об этом, мне представится единственный в жизни случай увидеть Ларри в роли крестного отца, он может уронить младенца или сотворить еще что-нибудь в этом роде, и я должен быть при этом. И вообще — граф не любит змей, ящериц, птиц и прочую живность, чем же я могу его занять? Наступила тишина, пока вся семья, уподобившись суду присяжных, взвешивала убедительность моих доводов.

— Придумала: прокати его на своей лодке, — сообразила Марго.

— Отлично! — воскликнул Ларри. — Уверен, в его гардеробе найдется соломенная шляпа и легкий пиджак в полоску. А мы раздобудем для него банджо.

— Очень хорошая мысль, — подтвердила мама. — И ведь это всего на два-три часа, милый. Я уверена, что ты ничего не имеешь против.

Я решительно возразил, что имею очень много против.

— Послушай меня, — сказал Ларри. — В понедельник на озере будут ловить рыбу неводом. Если я договорюсь, чтобы тебе разрешили участвовать, возьмешь с собой графа?

Я заколебался. Мне давно хотелось посмотреть на такой лов, и я понимал, что все равно мне сбегрят графа; теперь следовало извлечь из этого побольше выгоды.

— А еще мы подумаем насчет новой коллекции бабочек, про которую ты говорил, — добавила мама.

— А мы с Марго подкинем тебе денег на книги, —

сказал Ларри, великодушно предвосхищая участие сестры в подкупе.

— А от меня ты получишь складной нож, о котором мечтал, — посулил Лесли.

Я согласился. Пусть мне придется несколько часов терпеть общество графа, зато хоть получу справедливое вознаграждение. Вечером, за обедом, мама рассказала графу о предстоящем мероприятии, причем расписала лов с неводом в таких превосходных степенях, что можно было подумать — она самолично изобрела этот способ.

— Будет жарить? — справился граф.

— Да-да, — заверила мама. — Эта рыба называется кефаль, очень вкусная.

— Нет, на озере будет жарить? — спросил граф. — Солнце жарит?

— А... а, поняла, — ответила мама. — Да, там очень жарко. Непременно наденьте шляпу.

— Мы пойдем на яхте мальчика? — Граф стремился к полной ясности.

— Да, — подтвердила мама.

Для экспедиции граф облачился в голубые полотняные брюки, изящные полуботинки каштанового цвета, белую шелковую рубашку и элегантную спортивную фуражку; шею облекал небрежно повязанный, синий с золотом галстук. Меня «Бутл Толстогузый» устраивал как нельзя лучше, но я первым готов был признать, что по комфортабельности он предельно далек от океанской яхты, в чем и граф мгновенно убедился, когда я привел его к протоку в окружении старых соляных полей, где было причалено мое суденышко.

— Это... есть яхта? — Удивление сочеталось в его голосе с легким испугом.

Я подтвердил: да, это и есть наше судно, крепкое и надежное. И — обратите внимание! — с плоским дном, так что на нем удобно ходить. Не знаю, понял ли меня наш гость; возможно, он принял «Бутла Толстогузого» за шлюпку, призванную доставить его на яхту. Так или иначе он

осторожно забрался в лодку, тщательно расстелил на баке носовой платок и опасливо сел на него. Я прыгнул на борт и шестом привел в движение лодку вдоль протока, ширина которого в этом месте достигала шести-семи метров, а глубина — полуметра. Хорошо, подумалось мне, что накануне я обратил внимание, что «Бутл Толстогузый» источает почти такой же резкий аромат, как наш гость... Под настилом копились дохлые креветки, гниющие водоросли и прочий мусор, а потому я затопил лодку на мелководье и основательно почистил днище, так что теперь «Бутл» блистал чистотой и радовал меня чудесным запахом нагретого солнцем дегтя, краски и соленой воды.

Старые соляные поля располагались по краям солоноватого озера, образуя нечто вроде огромной шахматной доски со штрихами тихих перекрестных протоков шириной от нескольких десятков сантиметров до десяти метров. Глубина каналов, как правило, не превышала полуметра, но под водой скрывалась никем не мерянная толща черного ила. Обводы и плоское дно «Бутла Толстогузого» позволяли без особого труда ходить на нем по этим внутренним водам — здесь не надо было опасаться порывистого ветра и внезапных ударов волн, чего моя лодка как-то не любила. А недостатком протоков являлись высящиеся по обе стороны шуршащие заросли бамбука. Тень от них была благом, но они совсем не пропускали ветра, и в застоявшемся над водой жарком сумрачном воздухе пахло навозной кучей. Некоторое время искусственные благовония графа состязались с природными ароматами, но в конце концов природа взяла верх.

— Это запах, — подметил граф. — Во Франции вода гигиеничная.

Я ответил, что скоро мы выйдем из протока на озеро и там не будет никаких запахов.

— Это жарить, — сделал граф новое открытие, вытирая лоб и усы надушенным платком. — Это очень жарить.

Бледное лицо его и впрямь приобрело оттенок

гелиотропа. Только я хотел сказать, что и эта проблема отпадет после выхода на озеро, как с тревогой заметил, что с «Бутлом» что-то неладно. Лодка тяжело осела в бурюю воду и почти не двигалась с места, сколько я ни налегал на шест. В первую минуту я не мог понять, в чем дело: мы ведь не сели на мель, да и в этом протоке вообще не было песчаных отмелей. Вдруг я увидел бегущие поверх настила струйки воды. Неужели открылась течь?

Будто замороженный, смотрел я, как вода поднимается до полуботинок ничего не подозревающего графа. И тут до меня дошло, что случилось. Приступая к чистке днища, я, естественно, вытащил пробку, чтобы напустить в лодку свежей морской воды, а потом, должно быть, небрежно закупорил отверстие, и теперь к нам просачивалась вода. Моей первой мыслью было поднять настил, отыскать пробку и воткнуть на место, но ступни графа уже погрузились в воду сантиметров на пять, и я заключил, что сейчас важнее подогнать «Бутла» к берегу, пока еще можно как-то маневрировать, и высадить моего изысканного пассажира на сушу. Сам я не боялся, что «Бутл» погрузит меня в проток: как-никак, я постоянно, точно водяная крыса, бултыхался в каналах, охотясь за змеями, черепахами, лягушками и прочей мелкой живностью, но мне было ясно, что вряд ли граф жаждет резвиться по пояс в воде, смешанной с илом. Я прилагал нечеловеческие усилия, чтобы направить отяжелевшего «Бутла» к берегу. Мало-помалу лодка, словно налитая свинцом, повиновалась, и нос ее стал медленно поворачиваться к суше. Сантиметр за сантиметром я толкал ее к бамбуковым зарослям, и каких-нибудь три метра отделяли нас от Берега, когда до графа дошло, что происходит.

— Mon dieu! — взвизгнул он. — Мы погрузились. Мои ботинки погрузились. Эта лодка — она утонула.

Я на минуту перестал работать шестом и попытался успокоить графа. Объяснил, что нет никакой опасности, ему следует только тихо сидеть, пока я не высажу его на берег .

— Мои ботинки! Регарде мои ботинки! — вскричал он, указывая на свою потерявшую вид мокрую обувь с таким негодованием на лице, что я с великим трудом удержался от смеха.

Я объяснил, что сию минуту доставлю его на сушу. И все было бы в порядке, послушай он меня, ведь благодаря моим усилиям меньше двух метров отделяло «Бутла Толстогузого» от бамбука. Однако граф был до того озабочен состоянием своей обуви, что совершил глупейший поступок. Не слушая мой предостерегающий возглас, он, оглянувшись через плечо и увидев приближающийся берег, встал и одним прыжком вскочил на крохотную носовую палубу «Бутла». Граф намеревался оттуда прыгнуть на сушу, как только мы подойдем еще ближе, однако он не учел нрава моей лодки. У «Бутла», при всей его кротости, были свои причуды; в частности, он не любил, когда люди становились на носовую палубу. В таких случаях «Бутл» взбрыкивал, наподобие укрощаемого жеребчика в ковбойском фильме, и сбрасывал вас через борт. Так он теперь поступил и с нашим гостем.

Граф с воплем шлепнулся в воду, раскорячившись по-лягушачьи. Его роскошная спортивная фуражка поплыла к бамбуковым корням, а сам он отчаянно барахтался в илистой кашеце. В моей душе смешались радость и тревога. Меня радовало, что граф шлепнулся в воду (хотя я знал — родные ни за что не поверят, что это не было подстроено мной нарочно), но меня беспокоило то, как он барахтается. Попытаться встать на ноги — естественная реакция человека, упавшего за борт на мелководье, однако в данном случае все усилия такого рода приводили лишь к тому, что пострадавший зарывался глубже в вязкий ил. Однажды Ларри, охотясь, упал в такой проток, и понадобились соединенные усилия Марго, Лесли и мои, чтобы извлечь его. Увязни граф основательно, и в одиночку мне его не вытащить, а пока я побегу за людьми, ил может засосать его целиком. И я прыгнул в воду, чтобы помочь графу. Я знал, как следует ходить по такому дну, да и весил раза в четыре

меньше нашего гостя, так что меня ил вполне выдерживал. Я крикнул графу, чтобы он не шевелился, подождал меня.

— Merde! — услышал я в ответ; стало быть, рот графа еще находился над водой.

Он повторил попытку вырваться из устрашающей алчной хватки ила, но не преуспел и замер, издав безнадежный крик, подобно тоскующей чайке. Он был напуган до такой степени, что, когда я подошел и начал тянуть его к берегу, он с громкими воплями стал обвинять меня в том, что я-де хочу затолкать его глубже в ил. В поведении графа было столько нелепо ребяческого, что я не мог удержаться от смеха; естественно, он только еще больше раскипятился и с пулеметной скоростью затараторил что-то по-французски. Скучно владея этим языком, я ничего не понимал, но, справившись наконец с неуместным смехом, опять ухватил его под мышки и потащил к берегу. Внезапно мне представилось, какой потешной показалась бы эта картина — двенадцатилетний мальчуган силится спасти крупного мужчину — стороннему зрителю, и на меня снова накатило. Сидя в грязной воде, я буквально визжал от смеха.

— Почему ты смеяться? — закричал граф, пытаюсь повернуть голову в мою сторону. — Почему ты смеяться? Ты не смеяться, ты тащить меня, vite, vite!

В конце концов, продолжая давиться смехом, я снова ухватил его под мышки и сумел подтащить почти к самому берегу. Здесь я оставил его и выбрался на сушу, чем и вызвал новый взрыв истерии.

— Не уходить! Не уходить! — в панике завопил граф. — Я погрузился. Не уходить!

Не обращая внимания на его крики, я высмотрел вблизи несколько самых высоких стеблей бамбука и пригнул их к земле один за другим. Они потрескивали, но не ломались, и я развернул их к графу так, что получилось нечто вроде зеленого мостика между ним и сушей. Следуя моим указаниям, он повернулся на живот и стал подтягиваться за стебли, пока не добрался до берега. Когда он наконец

выпрямился на дрожащих ногах, вид у него был такой, точно его от пояса вниз облили жидким шоколадом. Зная, что вязкий ил мгновенно высыхает, я предложил графу почистить его бамбуковой щепочкой. Он вонзил в меня убийственный взгляд и яростно выпалил:

— Espece de con!

Слабое знание языка не позволяло мне уразуметь смысл сего речения, но, судя по жару, с каким оно было произнесено, его стоило сохранить в памяти.

Мы зашагали домой. Граф кипел от ядовитой злобы. Как я и предполагал, ил на его брюках высох со сказочной быстротой; казалось, ноги графа обтянуты светло-коричневой мозаикой. Если смотреть со спины, сходство с бронированной кормой индийского носорога было так велико, что я чуть снова не расхохотался.

Пожалуй, на беду мы с графом подошли к дверям нашего дома как раз в ту минуту, когда подкатил вместительный «додж», за рулем которого восседал наш самозванный ангел-хранитель, хмурый толстяк Спиро Хакьяопулос, а на сиденьях сзади — все мои родичи, разругавшиеся от вина. Машина остановилась, и пассажиры уставились на графа, не веря своим глазам. Первым опомнился Спиро.

— Ей-богу! — воскликнул он с улыбкой, поворачивая к маме свою массивную голову. — Мастеры Джерри разделались с этим ублюдками.

Мои родные явно разделяли его мнение, однако мама поспешила прийти мне на выручку.

— Боже мой, граф, — сказала она, искусно изображая ужас, — что вы такое сделали с моим сыном?

Граф только разинул рот, пораженный дерзостью ее заявления.

— Джерри, милый, — продолжала мама. — Будь хорошим мальчиком — ступай и переоденься, пока ты не простудился.

— Хороший мальчик! — вскричал граф, не веря своим

ушам. — Да он душегуб! C'est une espece de...

— Ну-ну, дружище, — вмешался Ларри, обнимая грязные плечи графа. — Я уверен, что это недоразумение. Пойдем, выпьешь бренди и переоденешься. Да-да, не сомневайся — мой брат будет наказан. Его непременно строго накажут.

Ларри увел в дом негодующего гостя, а остальные члены семьи окружили меня.

— Что ты с ним сделал? — спросила мама.

Я ответил, что ничего с ним не делал, граф сам всецело повинен в случившемся.

— Не верю я тебе, — сказала Марго. — Ты всегда так говоришь.

Я возразил, что был бы горд признать свою вину, будь я и впрямь виноват. Логика этих слов произвела должное впечатление.

— Не все ли равно, приложил тут руку Джерри или нет, — вмешался Лесли.

— Важен результат.

— Ладно, милый, — заключила мама, — ступай и переоденься. А потом придешь и расскажешь все, как было.

Однако случай с «Бутлом» не произвел эффекта, на который все надеялись — граф упорно продолжал гостить в нашем доме, словно решив покарать всех нас, причем вел себя еще более беспардонно. Правда, я уже не испытывал к нему мстительного чувства; стоило мне вспомнить, как он барахтался в протоке, и меня одолевал неудержимый смех, ранивший нашего гостя почище любых оскорбительных действий. К тому же граф, сам того не ведая, пополнил новым выражением мой французский лексикон. Я испытал это выражение при первом же случае, когда допустил какую-то ошибку во французском сочинении, и убедился, что оно очень гладко выговаривается. Однако мой наставник, мистер Кралевский, реагировал отнюдь не одобрительно. Заложив руки за спину, он расхаживал по комнате, похожий на погруженного в транс горбатого гнома. Услышав мой возглас,

Кралевский застыл на месте с широко раскрытыми глазами; теперь он смахивал на гнома, которого ударило током от прикосновения к поганке.

— Что ты сказал? — глухо произнес он.

Я повторил смутившие его слова. Мистер Кралевский содрогнулся, зажмурившись и сморщив нос.

— Где ты это слышал? — последовал новый вопрос. Я объяснил, что так говорит граф, который гостит у нас.

— Вот как... Понятно. Больше никогда не повторяй эти слова, ясно? Никогда! Запомни... да, что на этом свете даже аристократы в минуты сильных потрясений иногда способны выразиться неудачно. Это вовсе не значит, что им следует подражать.

Я вполне понимал Кралевекого. Падение в канал для графа несомненно должно было явиться сильным потрясением...

Но сага о графе на этом не кончается. Приблизительно через неделю после его отъезда Ларри за завтраком пожаловался на недомогание. Мама надела очки и пристально посмотрела на него.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросила она.

— Не чувствую обычной энергии и бодрости.

— У тебя что-нибудь болит?

— Нет, — признался Ларри, — не то, чтобы болит, просто вялость какая-то, тоска и сильная слабость, словно из меня всю ночь сосал кровь Дракула. Но ведь наш последний гость, при всех его пороках, не был вампиром.

— Выглядишь ты вполне нормально, — сказала мама. — Но все же лучше показать тебя врачу. Доктор Андрочелли уехал в отпуск, так мы попросим Спирос привезти Теодора.

— Ладно, — апатично согласился Ларри. — И скажи уж сразу Спирос, чтобы заказал для меня место на английском кладбище.

— Не говори таких вещей, Ларри, — встревожилась мама. — А теперь ложись-ка ты в постель и никуда не ходи,

ради бога.

Если Спиро оправдывал звание ангела-хранителя, готового выполнить любое наше пожелание, то доктор Теодор Стефанидес был нашим оракулом и советчиком по всем вопросам. Он прибыл, степенно восседая на заднем сиденье «доджа» Спиро, в строгом твидовом костюме, в чуть сдвинутой набок фетровой шляпе, и борода его золотилась на солнце.

— Н-да, право же... гм... это весьма удивительно, — сказал Теодор, поздоровавшись с нами. — Я как раз подумывал о том, что хорошо бы проветриться... э... на редкость чудесный день... гм... в меру жарко и все такое прочее, знаете ли... э... и вдруг в моей лаборатории появляется Спиро. Такое совпадение.

— Очень рад, что от моих страданий хоть кому-то радость, — заявил Ларри.

— Да-да! Так что же... э... словом... стряслось? — с интересом осведомился Теодор, созерцая Ларри.

— Ничего конкретного, — ответил Ларри. — Просто такое ощущение, что я вот-вот преставлюсь. Полный упадок сил. Не иначе, я, как это у меня заведено, перетрудился, заботаюсь о благе своих родных.

— Думаю, причина вовсе не в этом, — решительно возразила мама.

— А по-моему, — вступила Марго, — ты слишком много ешь. Строгая диета — вот что тебе надо.

— Ему нужны свежий воздух и движение, — заявил Лесли. — Взял бы лодку да поразмялся на ней...

— Я думаю, Теодор скажет нам, в чем дело, — подытожила мама.

Теодор уединился с Ларри, чтобы осмотреть его, и через полчаса вернулся к нам.

— Ну, я не нахожу никаких... э... словом... органических дефектов, — рассудительно произнес он, покачиваясь с пятки на носок. — Разве что небольшой излишек веса...

— Вот видите! — торжествующе произнесла Марго. — Я говорила, что ему нужно сесть на диету.

— Помолчи, милая, — остановила ее мама. — И что же вы порекомендуете, Теодор?

— Я подержал бы его день-два в постели, — предложил Теодор. — Легкая диета, понимаете, поменьше жирного, и я пришлю лекарство... э... что-нибудь тонизирующее. Послезавтра приеду и посмотрю его снова.

Спиро отвез Теодора в город и вернулся оттуда с лекарством.

— Не буду пить, — заявил Ларри, подозрительно глядя на бутылочку. — Прислал какой-то экстракт яичников летучей мыши...

— Не говори глупостей, милый, — возразила мама, наливая лекарство в ложку. — Оно поможет тебе.

— Как бы не так. Именно такую дрянь пил мой приятель, доктор Джекил — и что с ним случилось?

— Что? — простодушно спросила мама.

— Его нашли на люстре. Он висел вниз головой, почесывался и говорил всем, что его зовут мистер Хайд.

— Полно, Ларри, перестань дурачиться, — твердо сказала мама.

Понадобились долгие уговоры, прежде чем Ларри наконец принял лекарство и лег в постель.

На другое утро нас ни свет ни заря разбудили негодующие вопли, доносившиеся из его комнаты.

— Мать! Мать! — орал он. — Иди сюда, посмотри, что ты натворила!

Мы застали его расхаживающим нагишом по комнате, с большим зеркалом в руке. Ларри с воинственным видом повернулся к маме, и она ахнула: его лицо раздулось вдвое против обычного и цветом напоминало помидор.

— Что ты наделал, милый? — пролепетала мама.

— Наделал? Это ты наделала! — прокричал он, с трудом выговаривая слова.

— Ты и твой окаянный Теодор — и ваше проклятое

лекарство, оно подействовало на мой гипофиз! Гляди на меня, гляди! Хуже, чем Джекил и Хайд!

Мама надела очки и снова уставилась на Ларри.

— Сдается мне, у тебя свинка, — озадаченно произнесла она.

— Ерунда! Свинка — детская болезнь! — выпалил Ларри. — Нет, это все чертово лекарство Теодора. Говорю тебе: оно подействовало на мой гипофиз. Если ты немедленно не добудешь противоядие, твой сын превратится в великана.

— Чепуха, милый, это несомненно свинка, — настаивала мама. — Нет, в самом деле странно, ведь я была уверена, что ты уже болел свинкой. Так, стой... У Марго была корь в Дарджилинге в 1920 году... У Лесли была тропическая диспепсия в Рангуне... нет, в 1910 году в Рангуне диспепсия была у тебя, а Лесли болел ветрянкой в Бомбее в 1911... или это было в 1912? Не помню точно... Тебе удалили гланды в Раджапутане в 1922 году, а может быть, в 1923, точно не припомню, а после этого у Марго...

— Простите, что перебиваю этот перечень фамильных недугов из «Альманаха старого Мура», — сухо произнес Ларри, — но может быть, кто-нибудь из вас все же пошлет за противоядием, пока меня еще не разнесло так, что я не пролезу в дверь?

Когда явился Теодор, он подтвердил мамин диагноз.

— Да... э... гм... несомненно, это свинка.

— Как это несомненно, шарлатан ты этакий? — возмутился Ларри, вытаращив на него опухшие слезящиеся глаза. — Почему же ты не знал этого вчера? И вообще, не мог я заболеть свинкой, это детская болезнь.

— Нет-нет, — возразил Теодор. — Обычно свинкой болеют дети, но и взрослые часто заражаются.

— Что же ты с первого взгляда не распознал такую обыденную болезнь? — негодовал Ларри. — Не можешь даже свинку определить? Тебя следует с треском исключить из врачебного сословия — или какое еще наказание полагается вам за преступную небрежность?

— Свинку очень трудно определить на... э... на ранней стадии, — объяснил Теодор, — пока не появились опухоли.

— Типично для вас, медиков! — горько произнес Ларри. — Вы вообще ничего не видите, пока пациента не разнесет. Безобразия!

— Если это не распространится на... гм... словом... гм... на твои... э... нижние регионы, — глубокомысленно молвил Теодор, — через несколько дней будешь здоров.

— Нижние регионы? — насторожился Ларри. — Что это еще за нижние регионы?

— Ну, э... словом... при свинке опухают железы, — сказал Теодор. — И если этот процесс распространится на... гм... нижние регионы, это может вызвать очень сильные боли.

— Ты хочешь сказать, что я могу уподобиться слону? — с ужасом спросил Ларри.

— М-м-м, э... ну да, — ответил Теодор, не в силах придумать лучшего сравнения.

— Это все нарочно затеяно, чтобы сделать меня бесплодным! — закричал Ларри. — Ты с твоей окаянной настойкой из крови летучей мыши! Ты завидуешь моей потенции.

Сказать, что Ларри был тяжелым пациентом, значит ничего не сказать. Он держал около кровати большой колокольчик и непрестанно звонил в него, напоминая о себе. Маме двадцать раз в день приходилось осматривать его нижние регионы, чтобы удостовериться, что они вовсе не поражены. А когда выяснилось, что источником заразы был младенец Леоноры, Ларри пригрозил предать его анафеме!

— Я крестный отец, — заявил он, — имею полное право отлучить от церкви этого неблагодарного гаденыша!

На четвертый день, когда Ларри всех нас основательно измучил, его пришел проведать капитан Крич. Отставной военный моряк, человек распутного нрава, он был проклятием жизни нашей мамы. На восьмом десятке лет капитан Крич не оставлял в покое женский пол, включая

маму, и это наряду с его предельно развязным поведением и узкой направленностью ума постоянно ее раздражало.

— Эй, на корабле! — крикнул он, вваливаясь в спальню: кривая челюсть трясется, клочковатая борода и волосы вздыблены, воспаленные глаза слезятся.

— Эй, на корабле! Выносите ваших покойников!

Мама, которая в четвертый раз с утра осматривала Ларри, выпрямилась и вонзила строгий взгляд в нарушителя спокойствия.

— Простите, капитан, — сухо произнесла она, — но здесь комната больного, а не пивной бар.

— Наконец-то я заполучил ее в спальню! — шумел сияющий Крич, не обращая внимания на выражение маминого лица. — Теперь, если этот парень выйдет, мы можем пообниматься.

— Благодарю, но мне не до объятий, — ледяным тоном ответила мама.

— Нет, так нет, — сказал капитан, садясь на кровать. — Что это еще за дурацкую свинку ты подхватил, парень, а? Ребячья хворь! Если уж надумал болеть, давай что-нибудь стоящее, как подобает мужчине. Да я в твоём возрасте меньше гонорреи ничего не признавал.

— Капитан, я попросила бы вас не предаваться воспоминаниям при Джерри,

— твердо произнесла мама.

— Надеюсь, на потенции не отразилось, а? — озабоченно справился капитан. — Хуже нет, как до паха доберется. Свинка в паху — это же гибель для мужчины.

— Не беспокойтесь, у Ларри все в порядке, — с достоинством сообщила мама.

— Кстати о пахе, — не унимался капитан. — Слыхали про молодую индийскую девственницу из Куча и ее ручных Змей?

И он продекламировал строки из малопристойной песенки, завершив декламацию громким хохотом.

— Прекратите, капитан! — гневно воскликнула мама. —

Я не желаю, чтобы вы читали стихи при Джерри!

— Я проходил мимо почты и забрал ваши письма, — продолжал капитан, игнорируя мамины замечания; с этими словами он достал из кармана несколько писем и открыток и бросил их на кровать. — А какая прелестная крошка сидит там теперь на выдаче! Шутя возьмет первую премию на любой выставке дынь.

Но Ларри не слушал его, поглощенный чтением одной из открыток. Дочитав до конца, он расхохотался.

— В чем дело, милый? — спросила мама.

— Открытка от графа, — сообщил Ларри, вытирая слезы.

— Ах, этот, — фыркнула мама. — Он меня совсем не интересуется.

— Еще как заинтересует, — возразил Ларри. — Право, стоит заболеть, чтобы узнать такое. Мне уже намного лучше!

Он снова взял открытку и прочитал вслух. Судя по всему, графу помогал писать человек, возмещавший нетвердое знание английского языка находчивостью.

«Я доехать до Рима, — сообщалось в открытке. — Нахожусь в больнице, пораженный болезнью под названием свин. Поражен весь целиком. Чувствую, не могу привести себя в порядок. Совсем без аппетита, и я невозможно садиться. Остерегайтесь вы свина. Граф Россиньоль».

— Бедняжка, — не очень убедительно произнесла мама, когда стих всеобщий смех. — Право же, напрасно мы смеемся.

— Ничего подобного, — возразил Ларри. — Вот я напишу графу и спрошу его, может ли греческая свинка сравниться вирулентностью с французской.

Глава четвертая. Весенние стихии

*Там угнездится летучий змеи...
И филин и ворон поселятся...
Исайя, 34, 11-15*

Весна в свой срок нагрянула, как лихорадка; казалось, еще вчера остров беспокойно ворочался в теплой и влажной зимней постели и вдруг, полный бодрости и жизни, пробудился под небом цвета голубой гиацинтовой почки, в котором восходило солнце, кутаясь в мглу такую же тонкую и нежно-желтую, как свежий кокон шелкопряда. Для меня весна, когда животный мир острова приходил в движение и воздух полнился надеждами, была одним из лучших времен года. Может быть, сегодня я поймаю самую большую пресноводную черепаху, какую когда-либо видел! Или постигну тайну, как крохотный черепашонок, вышедший из яйца сморщенным и бугристым, словно грецкий орех, всего за час увеличивается вдвое в размерах, становясь почти совсем гладким. Весь остров бурлил и звенел, я просыпался рано, торопливо завтракал под мандариновыми деревьями, уже благоухающими в лучах утреннего солнца, собирал банки и сети и, свистнув Роджера, Вьюна и Пачкуна, отправлялся исследовать свое царство.

На холмах, среди мини-лесов из вереска и раkitника, где нагретые солнцем камни пестрели напоминающим древние печати причудливым узором лишайника, пробудившиеся от зимней спячки черепахи медленно выбирались из-под земли и замирали в солнечных лучах, моргая и глотая воздух. Согревшись, они ползли туда, где их ожидала первая трапеза — клевер, или одуванчики, или пухлые белые дождевики. На черепаховых холмах, как и на всей моей территории, я предусмотрел все необходимое для точных наблюдений. Каждая черепаха снабжена характерной меткой, чтобы я мог следить за ее развитием; не менее тщательно пометил я гнезда чекана и черноголовой славки,

тонкие, как бумага, капсулы с яйцами богомола, ажурные сети пауков и каждый камень, под которым ютилась дорогая моему сердцу живность.

Именно появление черепаших полчищ было для меня настоящим признаком начала весны; лишь после действительного окончания зимы они выползали в поисках пары — неуклюжие, в тяжелых латах, что твой средневековый рыцарь, жаждущий защитить какую-нибудь представительницу слабого пола. Утолив голод, они становились резвее, если такое слово вообще применимо к черепахам. Самцы вышагивали на цыпочках, вытянув до отказа шею, время от времени останавливались и издавали неожиданно громкое и требовательное тьяканье. Я ни разу не слышал, чтобы самки отзывались на этот звонкий клич, похожий на тьяканье мопса, но каким-то образом самцы выслеживали их и, продолжая тьякать, били панцирем о панцирь, добиваясь от самок покорности, а те знай себе продолжали пастись в промежутках между толчками.

Гулко отдавалось в холмах черепашьё тьяканье, сопровождаемое скрежетом сталкивающихся панцирей и частым «так-так» черноголового чекана, словно где-то работала миниатюрная каменоломня; звучали крики зяблика, будто капли воды ритмично падали в пруд; раздавались веселые, с присвистом, голоса щеглов, которые в цветистом клоунском наряде копошились в куще желтого раkitника.

У подножья черепаших холмов, ниже старых оливковых рощ, где пестрели бордовые анемоны, асфодели и розовые цикламены, где сороки вили гнезда и сойки пугали вас внезапным тоскливым криком, простерлись шахматными клетками старые соляные поля. Каждое поле (иные площадью всего с небольшую комнату) окаймляли мутные, мелкие, широкие протоки с солоноватой водой. Здесь росли виноград, кукуруза, инжир, томаты с запахом едким, как у лесного клопа, арбузы-точно огромные зеленые яйца некой мифической птицы, вишни, сливы, абрикосы, мушмула, клубника и батат; словом, это была зеленая кладовая острова.

Ближайшие к морю протоки были оторочены тростниковыми зарослями и острыми пиками камыша; в подгорной стороне, где воду каналов опресняли ручьи из оливковых роцц, развилась пышная растительность, и тихую поверхность протоков в оборке из желтых калужниц украшали кувшинки.

Именно здесь по весне с пронзительным, чуть ли не птичьим свистом предавались брачным играм два вида пресноводных черепах — у одного панцирь черный с золотистыми пятнышками, у другого в тонкую серую полосу. Отливающие лаковым блеском зеленые и бурые лягушки с пятнистыми, как шкура леопарда, ногами заключали друг друга в страстные объятия, выпучив глаза, или подолгу квакали в унисон и метали в воду большие кучевые облака серой икры. Там, где на каналы ложилась тень от тростниковой чащи или инжира и других плодовых деревьев, издавали монотонное теноровое кваканье зеленые квакши, словно покрытые влажной замшей, раздувая свои желтые горловые мешки до размеров грецкого ореха. Желтоватые комья их икры, величиной с маленькую сливу, лепились к зеленым косичкам водорослей, плавно колеблемых тихими струями.

С одной стороны к соляным полям примыкали ровные луга. Затопленные весенними дождями, они превращались в обрамленное травой, обширное озеро глубиной около десяти сантиметров. В теплой воде этого озера собирались коричневатые с желтым брюшком тритоны. Изогнув хвост, самец занимал позицию перед самкой, после чего с каким-то потешным выражением сосредоточенности начинал энергично бить по воде хвостом, направляя к самке выделяемую им сперму. Оплодотворенные яйца, беловатые и почти такие же прозрачные, как вода, с блестящей и черной, словно муравей, крупинкой желточной массы, самка откладывала на листик, который сгибала и склеивала так, что получалась плотная капсула.

Весной на заливному лугу паслись стада необычных коров. Шоколадного цвета могучие животные с отогнутыми

назад массивными белыми рогами, они напоминали центральноафриканский рогатый скот, однако на Корфу явно попали из не столь далеких краев — возможно, из Ирана или Египта. Хозяевами этих стад были люди необычного, цыганского вида; приезжая на длинных конных повозках, они разбивали табор рядом с пастбищами. Сумрачные суровые мужчины и статные женщины и девушки-бархатисто-черные глаза, волосы словно кротовая шубка-сидели вокруг костра, плетя корзины и переговариваясь на непонятном мне языке, а голосистые, точно сойки, и сторожкие, как шакалы, худые смуглые мальчишки в лохмотьях пасли скот. Когда массивные коровы, толкая друг друга, нетерпеливо устремлялись на луг, Звук ударяющихся рогов напоминал мушкетную перестрелку. Сладковатый запах от коричневых шкур застаивался в теплом воздухе, подобно благоуханию цветов. Еще вчера у пастбищ было безлюдно, а сегодня, глядишь, окутанный паутиной дыма от ярко розовеющих костров раскинулся табор, словно он всегда тут находился, и коровы медленно бродят по мелководью. Копыта с плеском топчут воду, морды нащупывают и рвут траву, распугивая тритонов и обращая в паническое бегство лягушек и черепашат, уstraшенных нашествием исполинов.

Я страстно желал обзавестись хотя бы одной коричневой зверюгой, однако знал, что мои родные ни за что не позволят мне держать такое огромное и грозное на вид животное, сколько бы я ни говорил, что они совершенно ручные, их пасут шести-семилетние карапузы. Впрочем, отчасти мое желание исполнилось-в достаточной мере, чтобы это коснулось моих родичей...

Прийдя на луг вскоре после того, как там зарезали быка, я увидел, как несколько девочек скребут ножами лежащую на траве окровавленную шкуру и втирают в нее золу. Рядом, покрытая блестящей пеленой жужжащих мух, покоилась расчлененная туша, а подле нее лежала массивная голова-бахромчатые уши прижаты к черепу, глаза полузакрыты, точно в раздумье, из одной ноздри сочится

кровь. Белые дуги рогов толщиной с мое бедро изогнулись на метр с лишком в длину, и чувство, с которым я смотрел на них, можно только сравнить с вожделением охотника овладеть роскошным трофеем.

Приобретать всю голову было бы непрактично, сказал я себе; сам-то я не сомневался в своем умении набивать чучела, однако родные не разделяли моей уверенности. К тому же совсем недавно мне пришлось выслушать замечания по поводу черепахи, которую я препарировал у нас на веранде, — после этого необдуманного поступка семья стала смотреть с предубеждением на мой интерес к анатомии. А жаль, честное слово, ведь тщательно оформленная бычья голова отлично смотрелась бы над дверью моей спальни и явилась бы гордостью коллекции, превзойдя даже чучело летучей рыбы и почти полный козий скелет. Зная, сколь неумолимы бывают порой мои родные, я нехотя решил ограничиться рогами. Поторговавшись всласть-цыгане достаточно хорошо говорили по-гречески, — я приобрел рога за десять драхм и рубашку, которую тут же снял с себя. Маме я объяснил отсутствие рубашки тем, что упал с дерева и так разорвал ее, что не было смысла нести домой. После чего, ликуя, отнес рога свою комнату и всю первую половину дня трудился над ними: старательно отполировал, прибил к деревянной дощечке и бережно подвесил на крюк над дверью. Управившись с этим делом, я отступил на несколько шагов, чтобы полюбоваться плодом своих усилий.

В это время послышался гневный голос Лесли.

— Джерри! Джерри! Ты где?

Я сразу вспомнил, что одолжил в его комнате баночку с ружейным маслом, чтобы отполировать рог, рассчитывая незаметно вернуть на место. Не успел я, однако, что-либо предпринять, как дверь распахнулась и вошел разъяренный Лесли.

— Джерри! Это ты, черт возьми, взял мое ружейное масло?

Распахнутая им дверь качнулась обратно и с силой

захлопнулась. Мой великолепный трофей сорвался со стены, точно сам бык ожил и придавал рогам ускорение, и грохнулся прямо на темя Лесли, повергнув его на пол, словно удар бердышом.

Две страшные мысли пронзили мое сознание: первая, не сломались ли мои дивные рога, вторая, не убит ли мой брат. Ответ в обоих случаях был отрицательным. Рога не пострадали, брат с остекленевшим взглядом принял сидячее положение и воззрился на меня.

— Боже! Моя голова! — простонал он, сжимая ладонями виски и качаясь взад-вперед. — Что за ад!

Спасаясь от гнева Лесли, я побежал искать маму и застал ее в спальне, где она глубокомысленно изучала разложенный на кровати комплект пособий для любителей вязания. Я объяснил, что Лесли, так сказать, случайно напоролся на мои рога. Мама, как обычно настроенная на худшее, решила, что я тайком от всех держал в своей комнате быка и тот выпустил из Лесли кишки. Облегчение, которое она испытала, увидя, что Лесли сидит на полу явно невредимый, было очевидным, однако с примесью недовольства.

— Лесли, милый, чем вы тут занимались? — спросила она.

Лесли поднял на нее глаза, и лицо его медленно налилось краской, уподобляясь спелой сливе. Казалось, он потерял дар речи.

— Этот проклятый мальчишка, — глухо проревел он наконец, — он пытался разmozжить мне голову... ударил меня по голове огромными оленьими рогами, чтоб им...

— Не выражайся, милый, — автоматически произнесла мама. — Я уверена, что он не нарочно.

Я поспешил заверить, что у меня вовсе не было злого умысла, однако истины ради должен отметить, что рога не оленьи, те выглядят совсем иначе, а эти принадлежат быку, вот только вид я еще не смог определить.

— Плевать мне, что это за чертов вид, — прорычал

Лесли. — Хоть бы и какой-нибудь окаянный бронтозавр, пропади он пропадом!

— Лесли, милый, — повысила голос мама, — что за манера без конца браниться.

— Буду браниться! — крикнул Лесли. — Ты тоже станешь браниться, если тебя долбануть по башке чем-то вроде китовых ребер!

Я начал было объяснять, что китовые ребра нисколько не похожи на эти рога, но грозный взгляд Лесли оборвал мою лекцию.

— Вот что, милый, над дверью их держать нельзя, — сказала мама. — Слишком опасное место. Ты мог ударить Ларри.

Я похолодел, представив себе Ларри, сбитого с ног рогами моего быка.

— Тебе придется повесить их в каком-нибудь другом месте, — продолжала мама.

— Ну уж нет, — заявил Лесли. — Если он еще собирается хранить эти окаянные рога, то как угодно, только не в подвешенном виде. Пусть уберет их в шкаф или еще куда-нибудь.

Пришлось мне согласиться с этим ограничением, и рога переместились на подоконник, где никому не причиняли вреда, если не считать их склонности падать на ноги нашей служанки Лугареции всякий раз, когда она вечером закрывала ставни, но поскольку Лугареция была выдающимся, можно сказать, профессиональным ипохондриком, всякие ссадины и ушибы только радовали ее. Однако несчастный случай на время омрачил мои отношения с Лесли, из-за чего я непреднамеренно навлек на себя гнев Ларри.

Ранней весной из камышовой чащи у соляных полей доносились гулкие и басистые, причудливые крики выпи. Услышав их, я сразу загорелся, так как еще ни разу не видел этих птиц, а тут появилась надежда, что они устроят себе гнездо. Правда, точно определить место их обитания было трудно — камыши занимали большую площадь, и все же,

подежурив достаточно долго на верхушке оливкового дерева на господствующей высоте, я смог ограничить район поиска примерно двумя сотнями квадратных метров. Вскоре крики прекратились, из чего я заключил, что выпы занялись гнездом. Выйдя рано утром без собак, я быстро добрался до соляных полей и углубился в камыши, где принялся рыскать, словно охотничий пес, не отвлекаясь на внезапный всплеск от прыжка лягушки, рябь на воде от плывущей змеи или первый балет юной бабочки. Очутившись в самом сердце прохладных шуршащих зарослей, я вскоре понял, что заблудился среди высоких стеблей. Вот некстати! Со всех сторон меня окружала камышовая ограда, а вверху колышавшиеся листья образовали зеленый полог, сквозь который проглядывало ярко-синее небо. Я не испугался, так как знал, что, идя напрямик в любую сторону, неизбежно выйду либо к морю, либо на дорогу. Меня тревожило другое-там ли я ищу гнездо. Достав из кармана горсть миндаля, я сел, чтобы подкрепиться и обдумать положение.

Только я управился с миндалем и заключил, что лучше всего — вернуться к оливковому дереву и взять новый азимут, как обнаружил, что последние пять минут, сам того не подозревая, сидел в двух с половиной метрах от выпы. Птица застыла на месте, будто часовой, вытянув вверх шею и устремив к небу длинный зеленовато-коричневый клюв; выпуклые темные глаза по бокам узкой головы смотрели на меня с враждебной настороженностью. Рыже-бурое оперение в темно-коричневую крапинку совершенно сливалось с исчерченными узором летучих теней стеблями камыша. Сходство с переливающимся фоном усиливалось тем, что птица сама покачивалась из стороны в сторону. Я смотрел на выпь как замороженный, боясь вздохнуть. Внезапно послышался шум, выпь, перестав уподобляться камышам, тяжело взлетела в воздух, и из-за стеблей с треском выскочил Роджер — язык висит, глаза лучатся добродушием.

Я колебался — то ли отчитать его, что спугнул выпь, то ли похвалить, что в не простой местности сумел выследить

меня по запаху за два с лишним километра. Однако Роджер так явно радовался своему подвигу, что у меня не хватило духа ругать его. Найдя в кармане две уцелевшие миндалины, я выдал ему награду. После чего мы принялись искать гнездо и вскоре нашли аккуратную подстилку из стеблей камыша с лежащими в ямке первыми зеленоватыми яйцами. Довольный таким успехом, я решил внимательно наблюдать за гнездом и проследить развитие птенцов.

Обламывая камыши, чтобы пометить путь, я последовал за куцым хвостом Роджера, который явно ориентировался лучше меня, потому что уже через сотню метров мы вышли на дорогу, пес вытряхнул воду из своей косматой шубы и покатался в мелкой, сухой, белой пыли.

Свернув с дороги и поднимаясь вверх через пестрящие сотнями диких цветов, переливающиеся светом и тенями оливковые рощи, я решил порадовать маму букетиком ветрениц. Собирая бордовые цветы, я размышлял, как разрешить проблему выпы. Мне очень хотелось, когда родители выкормят своих отпрысков и те оперятся, похитить парочку птенцов и пополнить ими свой довольно внушительный зверинец. Но вот помеха: рыба для моих питомцев — озерной чайки, двадцати четырех пресноводных черепах и восьми ужей — обходилась достаточно дорого, и я подозревал, что мама, мягко выражаясь, отнесется со смешанными чувствами к появлению двух голодных юных выпей. Я так крепко задумался, что не сразу обратил внимание на настойчивые призывные звуки свирели.

Посмотрев на дорогу внизу, я увидел Человека с Золотистыми Бронзовками. Этот чудаковатый немой коробейник частенько встречался мне во время моих экспедиций в оливковых рощах. Щуплый и узколицый, он был облачен в удивительнейший наряд: огромная шляпа с обвислыми полями, к которым на ниточках были привязаны блестящие, золотисто-зеленые бронзовки, платье с множеством разноцветных заплат, словно пошитое из лоскутного одеяла, и широкий ярко-синий галстук. На спине у

него висели клетки с голубями, разные мешки и ящички, а в карманах хранилась всякая всячина, от деревянных свирелей, резных фигурок и гребешков до кусков от мантии святого Спиридиона.

Меня в этом человеке особенно привлекал замечательный талант имитатора. Вынужденный из-за немоты искать другие средства выражения, он пользовался свирелью. Увидя, что привлек мое внимание, он опустил свирель и поманил меня пальцем. Я спустился бегом, так как знал, что у Человека с Бронзовками бывают интереснейшие вещи. Это от него я получил самую большую в моей коллекции раковину двустворчатого моллюска, к тому же с двумя крохотными паразитирующими крабами-горошинами внутри.

Подбежав к нему, я вежливо поздоровался. Он обнажил в улыбке темные зубы и с нарочито глубоким поклоном приветственно взмахнул шляпой, отчего привязанные на нитках жуки лениво зажужжали, словно ожившие изумруды. Справившись о моем здоровье, для чего он наклонился вперед и вопросительно уставился на мое лицо широко раскрытыми пытливыми глазами. Человек с Бронзовками дал понять, что у него все в порядке, исполнив на свирели веселую быструю трель и несколько раз жадно вдохнув теплый воздух с блаженно закрытыми глазами. Обменявшись таким образом любезностями, мы приступили к делу.

Я справился, зачем он меня позвал. Человек с Бронзовками поднес к губам свирель и извлек из нее глухой протяжный, тоскующий звук, после чего широко открыл глаза и зашипел, качаясь из стороны в сторону и пощелкивая зубами. Его имитация рассерженной совы была настолько верной, что я не удивился бы, если бы он взлетел. Сердце мое взволнованно забилося, я давно мечтал о паре для моей сплюшки Улисса, который днем сидел над окном спальни, точно резной тотем из оливкового дерева, а по ночам истреблял мышей вокруг дома. Однако Человек с Золотистыми Бронзовками ответил на мой вопрос

презрительной усмешкой — подумаешь, сплюшка!.. Отделив от множества висевших на нем предметов большой мешок, он развязал его и осторожно вытряхнул к моим ногам содержимое.

Сказать, что я сам онемел, значит ничего не сказать, ибо в белой пыли у моих ступней, шипя, покачиваясь и щелкая клювами, словно пародируя Человека с Бронзовками, барахтались три крупных совенка. Огромные оранжевые глазищи выражали ярость и испуг; это были птенцы филина — такая редкость, что я почти не смел мечтать о них. Во что бы то ни стало я должен был заполучить их. Тот факт, что приобретение трех пухлых и прожорливых совят увеличит расходы на мясо в такой же степени, в какой возросли бы затраты на рыбу, пополнись моя коллекция выпями, не играл никакой роли. Выпи были где-то в будущем, еще неизвестно, увижу ли я их, тогда как пушистые серовато-белые мячики, которые топтали пыль, щелкая клювами, являли собой осязаемую действительность.

Присев на корточки и поглаживая птенцов, отчего она погрузилась в дремоту, я приступил к торговле с коробейником. Человек с Бронзовками был мастер торговаться, что придавало особую увлекательность этому процессу; вместе с тем торг носил вполне миролюбивый характер, так как происходил в полной тишине. Мы сидели друг против друга, точно какие-нибудь знатоки искусства, обсуждающие цену трех полотен Рембрандта. Жест подбородком, покачивание или легкий наклон головы чередовались с долгими паузами, во время которых Человек с Золотистыми Бронзовками пытался подмаслить меня при помощи музыки или извлеченной из кармана малодобоваримой нуги. Однако преимущество было на стороне покупателя, и продавец отлично понимал это: где еще на всем острове найдет он безумца, готового купить не одного, а целых трех совят?! И в конце концов сделка состоялась.

Испытывая временные финансовые затруднения, я

объяснил Человеку с Бронзовками, что ему придется подождать уплаты до начала следующего месяца, когда мне выдадут карманные деньги. Сам хорошо знакомый с осложнениями такого рода, он отнесся с полным пониманием к моим словам. Мы условились, что я оставлю деньги у нашего друга Яни, в кафе на перекрестке, и там он сможет их забрать во время очередного странствия в этих краях. Покончив с деловой, корыстной процедурой, мы распили флягу имбирного пива, которую Человек с Золотистыми Бронзовками извлек из своей объемистой ноши. После чего я осторожно посадил драгоценных совят обратно в их мешок и продолжил путь домой, оставив коробейника в придорожной канаве, где он возлежал на спине в окружении своего товара и весенних цветочков, играя на свирели.

Пока я шел к дому, энергичные крики совят вдруг; напомнили мне о кулинарных проблемах, проистекающих из моего нового приобретения. Было очевидно, что Человек с Бронзовками не кормил своих подопечных. Я не знал, как долго они находились в его владении, но, судя по крикам, они здорово проголодались. Жаль, говорил я себе, что мои отношения с Лесли малость осложнены, не то я упробил бы его подстрелить для моих младенцев несколько воробьев или крысу-другую. Теперь же оставалось только положиться на мамино неизменное добросердечие.

Маму я застал на кухне; одной рукой она лихорадочно размешивала бурлящее содержимое огромного котла, в другой держала поваренную книгу, которую сосредоточенно изучала сквозь запотевшие очки, безмолвно шевеля зубами. Я извлек из мешка совят с видом человека, принесшего бесценный дар. Мама поправила очки и поглядела на троицу шипящих и покачивающихся пуховых мячиков.

— Очень милые, дорогой, — рассеянно произнесла она. — Очень милые. Ты уж придумай для них надежное место, хорошо?

Я ответил, что они будут заточены в моей комнате и никто даже не узнает об их существовании.

— Правильно, — сказала мама, беспокойно глядя на совят. — Ты ведь знаешь, как Ларри смотрит на то, чтобы у нас появились еще домашние животные.

Мне это было отлично известно, и я был твердо намерен хранить появление совят в тайне от него. Вот только одна небольшая закавыка, сообщил я маме, — птенцы голодны, по правде говоря, они умирают с голоду.

— Бедняжки, — сказала мама, немедленно проникаясь сочувствием к совьятам. — Дай им хлеба с молоком.

Я объяснил, что совы питаются мясом, а мои запасы уже кончились. Может быть, у мамы найдется маленький кусок, который она может одолжить мне, чтобы птенцы не погибли?

— Понимаешь, у меня сейчас с мясом туговато, — ответила мама. — Только и есть, что несколько отбивных на ленч. Сходи посмотри сам в холодильнике.

Я отправился в кладовку, где стоял большой холодильник для скоропортящихся продуктов, и заглянул в его нутро, наполненное морозной дымкой. Кроме десятка отбивных, никакого мяса не было, да и те вряд ли могли насытить тройку прожорливых юных филинов. Я вернулся с этим известием к маме на кухню.

— Боже мой! — воскликнула мама. — Ты уверен, что они не станут есть хлеб с молоком?

Я был непреклонен. Совы едят только мясо.

В эту минуту один птенец качнулся так сильно, что упал, и я не замедлил обратить на это мамино внимание— вот, мол, до чего они ослабли.

— Что ж, бери тогда отбивные, что ли, — встревоженно сказала мама. — Обойдемся овощным рагу.

Торжествуя, я отнес совят и отбивные в свою комнату и скормил птенцам все мясо.

В связи с прибытием совят ленч в этот день задержался.

— Извините, что так поздно, — сказала мама, открывая супницу, над которой поднялось облачкопряного пара, — но что-то сегодня картошка долго варилась.

— Я полагал, что сегодня будут отбивные, —

разочарованно заметил Ларри.

— Целое утро слюнки глотал, предвкушая отбивные. Куда они делись?

— Боюсь, это совы виноваты, милый, — сказала мама извиняющимся тоном. — У них такой страшный аппетит.

Ларри замер, не донеся до рта ложку с овощным рагу.

— Совы? — вымолвил он наконец, уставившись на маму. — Совы? Как тебя понимать? Какие еще совы?

— О! — смутилась мама, сознавая, что допустила тактическую ошибку. — Просто совы... ну, птицы такие... ничего особенного.

— Мы подверглись нашествию сов? — допытывался Ларри. — Они ворвались в кладовку и улетели, унося в когтях кучи отбивных?

— Нет-нет, милый, они еще совсем маленькие. Они не способны на такое. У них совершенно очаровательные глаза, и они буквально умирали с голоду, бедные крошки.

— Держу пари, речь идет о каком-нибудь новом приобретении Джерри, — мрачно произнес Лесли. — Я слышал, как он с кем-то ворковал перед ленчем.

— В таком случае пусть выпустит их на волю! — рявкнул Ларри.

Я сказал, что это невозможно, они еще птенцы.

— Совсем крошки, — увещевающе подхватила мама. — Они не виноваты.

— Как это понимать — не виноваты? — возмутился Ларри. — Эти проклятые твари набили брюхо моими отбивными...

— Нашими отбивными, — перебила его Марго. — Откуда у тебя такой эгоизм?

— Пора прекратить это, — продолжал Ларри, не обращая внимания на слова Марго. — Ты слишком потакаешь мальчишке.

— Эти отбивные столько же наши, сколько твои, — настаивала Марго.

— Чепуха, милый, — сказала мама. — Ты чересчур

преувеличиваешь. Это же всего-навсего птенцы.

— Всего-навсего! — язвительно повторил Ларри. — У него уже есть одна сова, с которой мы знакомы по горькому опыту.

— Улисс — очень славная птица, он никому не докучает, — защищалась мама.

— Для тебя, может быть, и славная, — сказал Ларри. — Потому что он не срыгивал на твою постель еду, которую не в силах был переварить.

— Это было давным-давно, милый, и после не повторялось.

— И вообще, при чем тут наши отбивные? — спросила Марго.

— Дело не только в совах, — возразил Ларри, — хотя, видит бог, если так будет продолжаться, мы скоро уподобимся совоокой Афине. Да он у тебя совершенно отбился от рук. Взять хотя бы историю с черепахой на прошлой неделе.

— Это была оплошность, милый. Он никому не хотел зла.

— Оплошность! — саркастически произнес Ларри. — Распластал проклятую тварь по всей веранде. В моей комнате пахло, как от сапог капитана Ахава. Да я потратил целую неделю плюс пятьсот галлонов одеколона, освежая атмосферу, чтобы можно было входить в комнату, не боясь задохнуться.

— Мы ощущали этот запах столько же, сколько ты — негодующе сказала Марго.

— Можно подумать, ты единственный его слышал.

— Вот именно! — воскликнул Лесли. — Хуже всего пахло в моей комнате. Мне пришлось спать на задней веранде. С какой стати ты всегда считаешь себя единственным страдальцем!

— Ничего подобного, — презрительно ответил Ларри. — Просто меня не интересуют страдания всякой мелкоты.

— Твоя беда в том, что ты эгоист, — повторила Марго, цепляясь за свой исходный диагноз.

— Хорошо, — отрезал Ларри. — Делайте что хотите. Вы еще вззоете очень скоро, когда все ваши постели будут в свиной блевоте. А я пока поселюсь в гостинице.

— Ну вот что, хватит говорить о совах, — твердо произнесла мама. — Кто будет пить чай?

Выяснилось, что чай будут пить все.

— Я испеку лепешки, — сказала мама, вызвав волну радостных вздохов, потому что мы все обожали мамины лепешки с кремом, маслом и домашним земляничным вареньем.

— Я пригласила на чай миссис Вадрудакис, так вы уж ведите себя прилично, — добавила мама.

Ларри застонал.

— Что это еще за миссис Вадрудакис, черт побери? Какая-нибудь старая зануда?

— Опять ты за свое, — строго сказала мама. — Она производит очень славное впечатление. Я получила от нее такое милое письмо, она просит у меня совета.

— Это по какому же поводу? — осведомился Ларри.

— Дело в том, что ее очень огорчает, как крестьяне обращаются со своими животными. Сам знаешь, какие у них тощие кошки и собаки, а бедные ослики все в болячках. Ну вот, она и задумала учредить здесь на Корфу общество защиты животных от жестокого обращения, вроде Королевского общества у нас в Англии. И хочет, чтобы мы ей помогли.

— От меня помощи ей не будет, — решительно заявил Ларри. — Я не собираюсь помогать кому-либо защищать животных, скорее буду за жестокое обращение с ними.

— Полно, Ларри, не говори таких вещей, — сурово заметила мама. — Я ведь знаю, ты это не всерьез.

— Вот именно, что всерьез, — возразил Ларри. — И поживи эта Вадрудакис с неделю в этом доме, она поняла бы меня. Своими руками стала бы душить всех сов на своем пути

ради спасения собственной жизни.

— Словом, я прошу вас всех вести себя вежливо, — твердо сказала мама. И добавила: — И пожалуйста, Ларри, оставь в покое сов. Она может посчитать нас ненормальными.

— Так оно и есть, — с чувством заключил Ларри.

После ленча я обнаружил, что Ларри, как это с ним часто случалось, ухитрился восстановить против себя двух возможных союзников в его антисовиной кампании — Марго и Лесли. Марго, увидев совят, пришла в неопишуемый восторг. Она только что овладела искусством вязания и теперь с непомерным великодушием вызвалась вязать для них все, что я пожелаю. Я попытался представить себе совят одетыми в одинаковые полосатые свитеры, однако непрактичность этой идеи вынудила меня с сожалением отказаться от любезного предложения сестры.

Зато помощь, предложенная Лесли, была более практичного свойства: он сказал, что готов настрелять для меня воробьев. Я спросил, может ли он делать это каждый день.

— Ну, каждый день вряд ли, — ответил Лесли. — Я ведь не всегда дома. Могу уехать в город или еще куда-нибудь. Но когда я дома — пожалуйста.

Так может быть, он настреляет побольше впрок, скажем, чтобы совам был корм на неделю?

— Хорошая мысль! — сказал Лесли. — Ты посчитай, сколько воробьев тебе надо на неделю, и я их заготовлю.

С большим трудом (математика никогда не была моей сильной стороной) я вычислил, сколько воробьев, с учетом другого мяса, понадобится мне на неделю, после чего отнес результат своих подсчетов в комнату Лесли, где он был занят чисткой последнего пополнения своей коллекции-великолепного старинного турецкого мушкета.

— Так... Ясно, — заключил он, глядя на мой листик. — Будет сделано. Лучше я возьму духовое ружье, а то ведь этот чертов Ларри поднимет крик из-за шума.

Вооружившись духовым ружьем и большим бумажным

мешком, мы зашли за дом, Лесли приготовил пульки, прислонился к стволу оливы и открыл огонь. Это было все равно, что стрелять в мишень, ибо в тот год мы подверглись нашествию воробьев и крыша дома была усеяна ими. Пораженные рукой меткого стрелка воробьи один за другим скатывались на землю; здесь я подбирал их и клал в свой мешок.

Вскоре воробьи насторожились и начали отступать вверх по крыше, пока не пристроились на самом коньке.

Выстрелы Лесли и здесь настигали их, но его жертвы падали с конька на другую сторону и скатывались прямо на веранду.

— Погоди, я подстрелю еще несколько штук, потом пойдешь и соберешь, — сказал Лесли, и я послушался его совета.

Он продолжал стрелять почти без промаха, и вслед за каждым щелканьем ружья на коньке крыши становилось одним воробьем меньше.

— Черт, — внезапно произнес Лесли. — Я сбился со счета. Сколько всего получилось?

Я ответил, что не считал.

— Ладно, иди подбери тех, что упали на веранду, в жди там. Я подстрелю еще штук шесть и будет с тебя.

Прижимая к себе бумажный мешок, я обошел вокруг дома и с легким ужасом увидел, что явилась совсем забытая нами миссис Вадрудакис. Она и мама сидели в напряженных позах на веранде, держа в руках чашки с чаем, а кругом в большом количестве валялись окровавленные воробьиные трупы.

— Совершенно верно, — говорила мама, явно надеясь, что гостья не заметила сыпавшихся сверху мертвых птиц, — мы все очень, очень любим животных.

— Мне говорили об этом, — сказала миссис Вадрудакис, благожелательно улыбаясь. — Говорили, что вы, как и я, любите животных.

— Да-да, конечно, — подхватила мама. — Мы держим

множество животных дома. Это у нас своего рода страсть, как говорится.

Она нервно улыбнулась гостье; в эту минуту прямо в клубничное варенье плюхнулся мертвый воробей. Нельзя было скрыть его появление и так же невозможно сделать вид, будто его нет. Мама уставилась на воробья, точно в гипнозе, наконец облизнула пересохшие губы и снова улыбнулась миссис Вадрудакис, которая замерла в ужасе, держа в руке поднятую чашку.

— Воробей, — слабым голосом заметила мама. — Что-то на них... гм... в этом году мор напал.

И тут на веранду вышел Лесли с ружьем в руках.

— Ну что, достаточно настрелял? — осведомился он.

Страсти кипели не менее десяти минут. Миссис Вадрудакис заявила, что еще никогда в жизни не была так расстроена и все мы — дьяволы в человеческом образе. Мама твердила о своей уверенности, что Лесли вовсе не хотел кого-либо обидеть и к тому же воробьи определенно не испытывали никаких страданий. Лесли громко и воинственно повторял, что нечего поднимать идиотский шум из-за такой ерунды, и вообще — совы кормятся воробьями, так неужели миссис Вадрудакис желает, чтобы совы подошли с голоду, а? Однако миссис Вадрудакис была глуха к словам утешения. С оскорбленным видом она трагическим жестом завернулась в свой плащ, содрогаясь, пробралась между воробьиными трупиками, села в экипаж и под drobный перестук копыт скрылась в оливковой роще.

— Как бы нам договориться, дети, чтобы вы не делали таких вещей, — сказала мама, наливая себе чай дрожащей рукой, пока я собирал воробьев. — Право же, Лесли, это было крайне... неосмотрительно с твоей стороны.

— Ну откуда мне было знать, что эта старая дура сидит здесь, — возмутился Лесли. — Или ты хочешь, чтобы я все видел сквозь дом?

— И все-таки надо быть осмотрительнее, милый, — настаивала мама. — Одному богу известно, что она подумала

о нас.

— Подумала, что мы изверги, — усмехнулся Лесли. — Так и сказала. Эта старая дурочка за словом в карман не лезет.

— У меня от всей этой истории разболелась голова. Пожалуйста, Джерри, попроси Лугарецию приготовить еще чаю.

После изрядного количества чая и аспирина мама почувствовала себя лучше. Я вместе с ней сидел на веранде, читая лекцию о совах, которую она слушала вполуха, приговаривая: «Да-да, милый, как интересно!»; внезапно из дома донесся яростный вопль, заставивший маму подскочить на стуле.

— Господи, — простонала она, — это невыносимо. Ну, что там еще случилось?

На веранде возник Ларри.

— Мама! — крикнул он. — Этому надо положить конец! Я не желаю больше мириться с этим.

— Постой, милый, не кричи. Что случилось?

— Это все равно что жить в каком-то проклятом Зоологическом музее!

— Ты о чем?

— О нашей жизни здесь, о чем же. Это нестерпимо. С меня хватит!

— Да в чем же дело, милый? — озадаченно спросила мама.

— Я пошел взять чего-нибудь попить в холодильнике-и что же я там вижу?

— Что ты там увидел, милый? — заинтересовалась мама.

— Воробьев! — проревел Ларри. — Полные мешки, черт возьми, антигигиеничных тухлых воробьев!

В этот день фортуна определенно отвернулась от меня.

Глава пятая. Факиры и фиесты

*Князь тьмы — недаром князь.
Шекспир. Король Лир*

Неизменно под конец весны моя коллекция животных разрасталась до такой степени, что даже мама порой начинала беспокоиться, ведь в мире животных происходило прибавление, а детенышей все-таки проще приобретать, чем взрослых особей. А тут еще мелкие дворяне, пренебрегая запретами, принялись нещадно истреблять прибывающих для гнездования птиц. Этих «спортсменов» все устраивало; если крестьяне охотились только на птиц, которых принято называть дичью — дроздов и прочих, — то городские стрелки палили по всем пернатым. И с торжеством возвращались домой, обвешенные ружьями и патронташами, с полными сумками липкой от крови добычи всякого рода — от зарянок и горихвосток до поползней и соловьев.

Словом, весной в моей комнате и отведенной мне части веранды насчитывалось не меньше полудюжины клеток и ящичков с ненасытными птенцами или с взрослыми птицами, которых мне удалось спасти от «спортсменов» и которые проходили у меня лечение с подобием лубка на ножке или на крыле.

Единственным плюсом весеннего побоища можно считать то, что я получал довольно полное представление о пернатой фауне Корфу. Понимая, что мне не дано прекратить избиение, я решил извлечь из него какую-то пользу. Выследив кого-нибудь из благородных и храбрых Нимродов, я просил показать содержимое ягдташа и составлял список убитых птиц, а раненым спасал жизнь, моля уступить их мне. Вот таким образом мне достался Гайавата. ... Утро прошло в интересной активной вылазке с псами. Встав пораньше, я отправился в оливковые рощи — царство утренней прохлады и росы. Я давно убедился, что это время дня отлично подходит для сбора насекомых: холодок делал их вялыми и

неспособными к полету, что намного облегчало мой труд. Вот уже пойманы три новые для моей коллекции бабочки, два неизвестных жука да еще семнадцать кобылок — корм для моих птенцов. К тому времени, когда солнце поднялось достаточно высоко и начало припекать, мы с псами успели совершить безуспешную попытку поймать одну змею и зеленую ящерицу, надоили в стеклянную банку молока от одной из коз Агати (без ведома хозяйки), так как очень хотели пить, и провели моего старого друга, пастуха Яни, который снабдил нас хлебом, инжиром и наполнил соломенную шляпу земляникой для подкрепления сил.

Затем мы спустились к маленькой бухте. Здесь псы предались отдыху и охоте на крабов на мелководье, а я распластался вниз лицом на поверхности теплой прозрачной воды и, затаив дыхание, созерцал проплывающие подо мной морские ландшафты. Около полудня, когда желудок напомнил мне, что приближается время ленча, я обсушился на солнце и направился к дому, покрытый тонким кружевом морской соли. Петляя в сумеречной колодезной прохладе среди могучих олив, я услышал гулкие выстрелы, доносившиеся справа из миртовой рощи, и повернул туда, подозревая собак, ибо знал, что греческие охотники-люди нервные, чаще всего сперва спускают курок, а потом уже смотрят, по кому стреляли. Опасность грозила и мне, поэтому из предосторожности я громко скомандовал псам:

— Сюда, Роджер... к ноге! Молодец. Вьюн, Пачкун! Вьюн, сюда! К ноге... вот, молодец. Пачкун, назад!

Охотник сидел на корне толстой оливы, отирая пот со лба. Убедившись, что он нас заметил, я приблизился.

Передо мной был бледный пухлый коротыш; над чопорно поджатыми губами маленького рта чернела щетина усов; сквозь темные очки глядели круглые, по-птичьи влажные глаза. Одет он был по последней охотничьей моде: начищенные верховые сапоги, новенькие белые вельветовые бриджи, скверно пошитая куртка из горчично-зеленого твида, которой обилие карманов придавало сходство с карнизом,

усеянным ласточкиными гнездами, Зеленая тирольская шляпа с пучком алых и оранжевых перьев была сдвинута на затылок; от большого платка, коим он вытирал белый лоб под густыми кудрями, сильно пахло дешевым одеколоном.

— Калимера, калимера! — радостно приветствовал он меня отдуваясь. — Добро пожаловать. Уф! Жарко сегодня, а?

Я согласился и предложил ему отведать оставшейся в моей шляпе земляники. Он опасливо поглядел на ягоды, словно боясь отравы, осторожно взял одну пухлыми пальцами и отправил в рот, благодарно улыбаясь. Похоже было, что ему еще не доводилось есть руками землянику из соломенной шляпы, и он был не совсем уверен, как положено это делать.

— Удачно поохотился, — гордо произнес коротыш, показывая на облепленный перьями и вымазанный кровью, зловеще оттопыривающийся ягдташ.

Из ягдташа выглядывали крыло и голова жаворонка, до того изуродованные дробью, что сразу и не опознать.

Он не против, чтобы я осмотрел содержимое ягдташа?

— Нисколько, пожалуйста, — ответил охотник. — Убедишься, что я не последний стрелок.

Я убедился. Его добычу составляли четыре черных дрозда, иволга, два дрозда другого вида, восемь жаворонков, четырнадцать воробьев, две зарянки, черноголовый чекан и крапивник. Охотник признал, что крапивник маловат, но, добавил он, если приготовить с красным перцем и чесноком — объедение.

— Но эта вот, — горделиво возвестил он, — лучше всего. Будь осторожен, она еще не совсем мертвая.

Он протянул мне окровавленный платок, я бережно развернул его и увидел тяжело дышащего, выбившегося из сил удода с лепешкой запекшейся крови на крыле.

— Конечно, в пищу не годится, — объяснил охотник, — но его перья украсят мою шляпу.

Давно мечтая приобрести экземпляр этой великолепной венценосной птицы с изящным хохлом и рыжевато-черным оперением, я все обрыскал в поисках гнезд, чтобы добыть и

вырастить птенцов. И вот в моих руках живой — вернее, полуживой — угод. Тщательно осмотрев птицу, я заключил, что дело обстоит не так уж плохо: только одно крыло сломано, и перелом, насколько я мог судить, без смещения. Задача заключалась в том, чтобы уговорить гордого толстячка расстаться с этим трофеем.

Внезапно меня осенило. Для начала я заявил охотнику, до чего же обидно и досадно, что здесь сейчас нет моей матушки, ведь она признанный во всем мире авторитет по птицам. (На самом деле, мама с трудом отличала воробья от страуса.) Дескать, ею составлен полный определитель птиц для охотников Англии. В доказательство я извлек из своей сумки честно служивший мне, изрядно потрепанный справочник Эдмунда Сандерса, с которым никогда не расставался.

Мои слова произвели глубокое впечатление на толстячка. Он полистал справочник, бормоча одобрительно «по-по-по-по», и заявил, что моя матушка — несомненно замечательная женщина, если написала такую книгу. Я объяснил, что сожалею об ее отсутствии потому, что она никогда не видела собственными глазами удода. Все остальные птицы на острове ей известны, включая столь редкого зимородка; в доказательство я достал из сумки мой талисман — найденный однажды скальп мертвого зимородка — и положил на землю перед охотником. Крохотная шапочка из ярко-синих перьев поразила его. Если вдуматься, продолжал я, эти перья куда красивее перьев удода. Ему понадобилось некоторое время, чтобы усвоить эту идею, зато потом он принялся упрашивать меня взять удода для моей матушки в обмен на бархатисто-голубой лоскуток. Я искусно изобразил удивление и нерешительность, переходящие в лебезящую благодарность, сунул раненую птицу за пазуху и поспешил домой, а ошарашенный мной охотник, этакий Твиддам из сказки Кэрролла, остался сидеть на корне оливы, стараясь прикрепить булавкой к своей шляпе скальп зимородка.

Примчавшись домой, я отнес драгоценную добычу в свою комнату и тщательно осмотрел ее. Длинный изогнутый упругий клюв удода, похожий на тонкий ятаган, был цел, и я облегченно вздохнул, потому что без этого хрупкого органа птица не смогла бы выжить. Если не считать испуга и потери сил, единственным изъяном было сломанное крыло. Пострадало плечо; бережно исследовав его, я убедился, что перелом не смещенный и не измочаленный — так ломается сухой прутик в отличие от зеленой веточки. Осторожно срезав хирургическими ножницами перья, я смыл запекающуюся кровь теплой водой и дезинфицирующим раствором, после чего наложил на кость две кривые бамбуковые щепочки и крепко все забинтовал. Получилось не хуже, чем у какого-нибудь профессионала, и я был горд результатом. Одно только неладно — лубки вышли тяжеловатыми, и когда я отпустил удода, он упал на бок. Потрудившись еще, я сумел смастерить из бамбука и лейкопластыря гораздо более легкие лубки, которые и прибинтовал к птичьему боку узкой полоской бинта. После чего напоил пациента из пипетки и посадил в накрытую материей картонную коробку, чтобы он там приходил в себя.

Я назвал своего удода Гайавата, и его появление в надей среде было встречено единодушным одобрением, потому что удоды нравились моим родным, к тому же это был единственный экзотический вид, который все они могли опознать за двадцать шагов. В первые дни мне доставало хлопот с поиском корма для Гайаваты, ибо пациент оказался капризным, признавал только живой корм, да и то не всякий. Пришлось выпускать удода на пол и кидать ему лакомое угощение — сочных нефритово-зеленых кузнечиков, толстоногих кобылок с крыльями хрусткими, как галеты, маленьких ящерок и лягушат. А он схватит их клювом и давай колотить обо что-нибудь потверже, вроде ножки стула или кровати, притолоки или тумбы стола, пока не придет к убеждению, что добыча мертва. Затем два-три быстрых глотка — и можно подавать следующее блюдо. Один раз,

когда вся семья собралась в моей комнате посмотреть, как кормится Гайавата, я предложил ему двадцатисантиметровую веретеницу. Тонкий клюв, хохол в изящную полоску, красивая рыжевато-черная расцветка-все это придавало Гайавате кроткий, незлобивый вид, тем более что обычно хохол был плотно прижат к голове. Но тут, едва завидев веретеницу, он преобразился в хищное чудовище. Хохол раскрылся веером, дрожа, точно павлиний хвост, зоб раздулся, из глубин горла вырвался странный мурлыкающий звук, и удод решительно направился туда, где, не подозревая о нависшей угрозе, влачилась по полу отливающая медью жертва. Остановившись, удод расправил оба крыла-раненое и здоровое, — наклонился и клюнул, причем фехтовальный выпад клювом был настолько стремителен, что трудно проследить глазами. Веретеница задергалась, изогнувшись восьмеркой, и я с удивлением увидел, что Гайавата первым же ударом раздробил хрупкий, как яичная скорлупа, череп рептилии.

— Ух ты! — воскликнул Ларри, пораженный не менее моего. — Вот такую птицу полезно держать в доме. Несколько десятков подобных ей, и змеи нам не страшны.

— Сомневаюсь, чтобы они могли справиться с большой змеей, — рассудительно заметил Лесли.

— Ничего. — отозвался Ларри, — пусть для начала мелочь истребят, и то хорошо.

— Ты говоришь так, милый, словно наш дом полон змей, — сказала мама.

— А что, разве нет? — сурово произнес Ларри. — Как насчет клубка змей, почище волос Медузы, который Лесли обнаружил в ванне?

— Так ведь то были всего лишь ужи, — ответила мама.

— А мне все равно, какие. Если Джерри и впредь будет дозволено наполнять ванну змеями, я буду носить с собой пару удонов.

— Нет-нет, вы поглядите! — взвизгнула Марго.

Нанеся клювом несколько резких ударов вдоль всего

тела веретеницы, Гайавата теперь схватил жертву и размеренно бил ее о пол, как рыбак ударами о камень размягчает осьминога. Вскоре рептилия перестала подавать какие-либо признаки жизни. Удод внимательно посмотрел, склонив набок хохол, остался доволен увиденным, взял клювом голову веретеницы и медленно, сантиметр за сантиметром, начал заглатывать добычу, откидывая голову назад при каждом глотке. Две-три минуты спустя только кончик хвоста рептилии торчал сбоку из клюва.

Гайавата не стал по-настоящему ручным, всегда был настороже, хоть и привык терпеть соседство людей. Как только он освоился на новом месте, я стал выносить его на веранду, где содержал других птиц, и пускал гулять под сенью виноградной лозы. Веранда смахивала на больничную палату: как раз в это время я выхаживал шестерку воробьев, извлеченных из расставленных деревенскими мальчишками пружинных мышеловок, пять дроздов, попавшихся на рыболовные крючки с приманкой, подвешенные в оливковых рощах, и пять-шесть иных пернатых, от крачки до сороки, подраненных стрелками. Сверх того я выкармливал выводок щеглят и почти оперившуюся зеленушку. Гайавата не возражал против соседства этих птиц, однако держался особняком, медленно выступая с полужакрытыми глазами по каменным плитам в аристократическом отчуждении, точно прекрасная королева, заточенная в крепости. Правда, при виде червя, лягушки или кузнечика его поведение сразу делалось отнюдь не королевским.

Приблизительно через неделю после того, как в доме появился Гайавата, я отправился утром встречать Спиро, согласно принятому у нас ритуалу: подъехав к границе нашего участка площадью около двадцати гектаров, он энергично сигналил клаксоном, и мы с псами бежали через оливковые рощи, чтобы перехватить его на подъездной дороге. Следом за неистово лающими собаками я выскакивал, запыхавшись, из рощи и останавливал большой поблескивающий «додж» с откинутым верхом, за рулем

которого горбилась могучая фигура смуглого хмурого Спиро. Я становился на подножку, прижимаясь к ветровому стеклу, машина катила дальше, и псы, самозабвенно изображая злость, пытались укусить передние колеса. Утренний обмен репликами тоже был подчинен строгому ритуалу.

— Добрые утра, мастера Джерри, — приветствовал меня Спиро. — Как поживаете?

Удостоверившись, что за ночь меня не поразил никакой опасный недуг, он справлялся об остальных Дарреллах.

— А как ваши семьи? Как ваши матушки? И мастера Ларри? И мастера Лесли? И миссы Марго?

Пока я рассеивал его тревогу относительно их здоровья, мы успевали подъехать к дому; здесь Спиро, грузно ступая, переходил от одного члена семейства к другому, проверяя, верно ли я его осведомил. Мне уже поднадоел повседневный, чуть ли не репортерский интерес Спиро к здоровью моих родных, точно они были членами королевской семьи, однако он не отступал от своего обычая, как будто за ночь с ними могло приключиться нечто страшное. Однажды я из озорства в ответ на его искренние расспросы заявил, что мои родные приказали долго жить; машина вильнула в сторону и врезалась в пышный олеандровый куст, который осыпал нас розовыми лепестками и чуть не сшиб меня с подножки.

— Боже мои, мастера Джерри! — взревел Спиро, ударяя кулаком по баранке.

— Вы не должны говорить такие вещи! Вы меня испугать, когда такое говорить. Меня бросить в жар! Никогда не говорить больше таких вещей.

В это утро, убедившись, что все члены моего семейства здоровы, он достал с сиденья корзиночку, накрытую фиговым листом.

— Вот, — обратился он ко мне, насупившись. — Мой подарок для вас.

Я поднял лист, увидел двух отнюдь не привлекательных, скорченных голых птенцов и осыпал Спиро восторженными изъявлениями благодарности: по редкому пушку на крыльях я

определил, что это птенцы сойки, а у меня еще никогда не было соек. Подарок Спиро так меня обрадовал, что я захватил птенцов с собой, когда пришло время отправляться на занятия к мистеру Кралевскому. Хорошо, когда наставник не меньше вашего помешан на птицах! Вместе мы провели увлекательнейшее утро, пытаясь научить птенцов разевать клюв и глотать корм, тогда как нам полагалось обогащать свою память славными страницами английской истории. Однако птенцы оказались на редкость тупыми и не признавали ни Кралевского, ни меня в роли эрзац-матери.

После полудня я отнес птенцов домой на веранду и до самого вечера добивался от них разумных действий. Увы, они принимали пищу только в том случае, если я силком открывал им клюв и проталкивал корм пальцем; при этом они отчаянно сопротивлялись — и их не трудно понять. В конце концов, напичкав и застраховав птенцов от голодной смерти, я оставил их в корзинке и пошел за Гайаватой, который явно предпочитал моей комнате веранду в качестве столовой. Посадив удода на пол, я стал бросать на каменные плиты заготовленных для него кузнечиков. Гайавата нетерпеливо прыгнул вперед, схватил первую жертву и проглотил ее с неподобающей поспешностью.

Пока он делал глотательные движения (ни дать ни взять чопорная престарелая герцогиня, подавившаяся на балу шербетом), птенцы, свесив через край корзины качающиеся головы, словно два дряхлых старичка, выглядывающих из-за ограды, узрели его своими мутными глазенками и принялись хрипло кричать, широко разинув клювы. Гайавата раскрыл хохол и повернулся к ним. Он никогда не реагировал на требовательные крики голодных птенцов, поэтому я не ждал от него особого внимания к этим малышам, однако Гайавата приблизился и с интересом посмотрел на них. Я подбросил ему кузнечика, он схватил его, убил и, к моему величайшему удивлению, допрыгав к самой корзине, затолкал добычу в разинутый клюв одного птенца. Оба малыша зашипели, запищали и захлопали крыльями от радости, сам же угод,

похоже, не менее моего был удивлен своим поступком. Бросаю ему еще одного кузнечика; Гайавата убивает его и кормит второго птенца. После этого случая я кормил Гайавату в своей комнате, потом выносил его на веранду, где он замещал кормилицу-сойку.

Никаких других материнских чувств при этом не проявлялось; так, Гайавата не спешил подхватить маленькие капсулы испражнений, отправленные птенцами за борт корзины. Заниматься уборкой предоставлялось мне. Досыта накормив птенцов, удод терял к ним всякий интерес. Я заключил, что материнский инстинкт пробуждался от тембра их криков, ибо сколько я ни экспериментировал с другими птенцами, Гайавата совершенно игнорировал их отчаянные призывы. Мало-помалу сойки стали принимать корм от меня, и, как только они перестали кричать при появлении Гайаваты, удод забыл о них. Не то, чтобы сознательно пренебрегал ими, нет, они просто не существовали для него.

Когда крыло срослось, я снял лубки. Хотя кость была в полном порядке, мышцы без упражнения ослабли, и Гайавата старался не нагружать крыло, предпочитая ходить, а не летать. Я начал носить удода для тренировки в оливковую рощу, где подбрасывал его в воздух, так что ему поневоле приходилось работать крыльями, чтобы правильно приземлиться. Постепенно крылья окрепли, Гайавата стал понемногу летать, и я уже подумывал о том, что смогу выпустить его на волю, но тут удода настигла смерть. В тот день я вынес его на веранду и приступил к кормлению птенцов, а Гайавата тем временем направился парящим полетом в ближайшую рощу, чтобы поупражнять там крылья и закусить новорожденными долгоножками.

Поглощенный кормлением, я не особенно следил за Гайаватой. Вдруг до моего слуха донеслись его отчаянные хриплые крики. Перемахнув через перила, я ворвался в рощу. Поздно... Здоровенный, весь в метинах от схваток, облезлый одичавший кот держал в зубах безжизненное тельце Гайаваты, глядя на меня большими зелеными глазами. Я

крикнул и бросился вперед; кот плавно повернулся и нырнул в миртовый кустарник, унося добычу. Я побежал за ним, но попробуй, выследи его в густых миртовых зарослях. Расстроенный и взбешенный, я вернулся под оливы, где лишь несколько рыжих перьев да сверкающие на траве рубинами капли крови остались мне на память об удоде. Я дал себе клятву убить этого кота, если он попадетсЯ мне еще раз. Хотя бы потому, что он являл собой угрозу другим птицам моей коллекции.

Впрочем, траур по Гайавате был вскоре прерван появлением в нашем доме существа, чуть более экзотического и причинившего нам несравненно больше беспокойства. Перед тем Ларри вдруг объявил, что отправляется к друзьям в Афины, чтобы заняться там кое-какими исследованиями. После суматохи, связанной с его отъездом, в доме воцарилось безмятежное спокойствие. Лесли по большей части возился со своими ружьями, а Марго, чье сердце временно не обуревали страсти, занялась лепкой. Уединившись в мансарде, она лепила из едко пахнущего желтого мыла скользкие кривобокие скульптуры и являлась к столу в цветистом халате и творческом трансе.

Мама, пользуясь неожиданным затишьем, приступила к делу, которым давно следовало заняться. Предыдущий год выдался на редкость урожайным для всяких плодов, и мама часами заготавливала различные варенья и приправы, в том числе по рецептам ее бабушки, составленным в начале прошлого века. Продукция получилась отменная, и в просторной прохладной кладовке заблестели нескончаемые шеренги стеклянной посуды. К сожалению, в один особенно лютый зимний шторм крыша кладовки протекла, и придя туда однажды утром, мама обнаружила, что все ярлыки посмывало. Перед ней было несколько сотен банок, чье содержимое можно было определить, только откупорив их. А потому теперь, когда семейство предоставило маме краткую передышку, она решила навести порядок. Так как при этом требовалась дегустация, я предложил свою помощь.

Расставив на кухонном столе полторы сотни банок с вареньем, мы вооружились ложками и новыми ярлыками и только приготовились начать массированную дегустацию, как приехал Спиро.

— Добрые дни, миссисы Дарреллы, добрые дни, мастера Дарреллы, — пророкотал он, вваливаясь в кухню таким каштановым динозавром. — Я привези для вас телеграммы, миссисы Дарреллы.

— Телеграмму? — с дрожью произнесла мама. — От кого бы это? Надеюсь, не дурные новости.

— Нет-нет, не беспокойтесь, не дурные новости, миссисы Дарреллы, — заверил Спиро, вручая ей телеграмму. — Я попросить человека на почте прочитать мне. Это от мистеры Ларри.

— О боже, — сказала мама, предчувствуя неладное.

В телеграмме говорилось всего-навсего следующее: «Забыл сказать что Принц Джиджибой приедет погостить немного одиннадцатого. Афины чудесны. Обнимаю Ларри».

— Право же, этот Ларри несносен! — сердито воскликнула мама. — Как он может приглашать к нам принца? Знает ведь, что у нас нет подходящих комнат для членов королевской семьи. И самого его нет дома. Кто скажет мне, как принимать принца?

Она в смятении смотрела на нас, но ни Спиро, ни я не могли посоветовать ей ничего разумного. И не было даже возможности вызвать телеграммой Ларри, потому что он, как обычно, отбыл, не оставив адреса своих друзей.

— Одиннадцатое, это же завтра, верно? — продолжала мама. — Очевидно, он прибудет на пароходе, который идет из Бриндизи. Спиро, вы не могли бы встретить его и привезти сюда? И захватить молодой баранины для ленча? Джерри, пойдя попроси Марго поставить цветы в гостевой комнате и проверить, не напустили ли там собаки блох. И пусть Лесли отправится в деревню и закажет свежей рыбы у рыжего Спиро. Ох уж этот Ларри... Ну, я с ним поговорю, когда он вернется. Взваливать на меня такую обузу в моем возрасте —

принцев принимать...

Мама бесцельно заходила по кухне, сердито гремя кастрюлями и сковородками.

— Я привезти георгины из своего садов, чтобы украсить столы. Шампанское вам нужны? — спросил Спиро, явно считая, что принца надлежит встретить подобающим образом.

— Ну уж нет. Если он думает, что я готова платить по фунту за бутылку шампанского, то ошибается. Хоть и принц, а вино пусть пьет такое же, как мы все, — твердо произнесла мама и тут же добавила: — Ладно, привезите ящик на всякий случай. Его поить шампанским не обязательно, а вообще может пригодиться.

— Не волноваться, миссисы Дарреллы, — успокоил ее Спиро. — Я делать все, что вам пожелаете. Хотите, я снова привезти королевских дворецкого?

Бывшим королевским дворецким был аристократического вида древний старик, которого Спиро извлекал из небытия всякий раз, когда у нас затевался большой прием.

— Нет-нет, Спиро, к чему нам такие хлопоты. Как-никак, он является неожиданным гостем, пусть уж не взыщет. Чем богаты, тем и рады... разделит наши трапезы... и... и если ему не понравится... беда, да и только, — сбивчиво говорила мама, шелуша дрожащими пальцами горох над дуршлагом и роняя половину на пол. — Да, Джерри, походи попроси Марго, чтобы быстренько пошила новые занавески для столовой. Материал лежит у меня в спальне. Старые совсем не смотрятся после того, как Лес подпалил их.

В доме развернулась кипучая деятельность. Опасаясь возможных блох, деревянный пол гостевой комнаты выскоблили почти до белизны; Марго в рекордный срок сшила новые занавески и повсюду расставила цветы; Лесли почистил свои ружья и навел порядок в лодке на случай, если принц захочет поохотиться или совершить морскую прогулку. Румяная от печного жара, мама сновала по кухне, готовя лепешки, торты, запеканки, пряники, яблочные пироги,

бисквиты со сбитыми сливками, желе и тушеное мясо. Мне всего лишь было сказано, чтобы очистил веранду от животных и не спускал с них глаз, сходил постричься и не забыл надеть чистую рубашку. На другой день, одетые по указаниям мамы, мы все сидели на веранде и терпеливо ждали, когда Спиро доставит принца.

— Интересно, чей же он принц? — спросил Лесли.

— По правде говоря, не знаю, — ответила мама. — Наверно, из какого-нибудь маленького штата, где управляют махараджи.

— Какое странное имя — Джиджибой, — заметила Марго. — Ты уверена, что оно настоящее?

— Разумеется, настоящее, милая, — сказала мама. — В Индии множество Джиджибоев. Это очень старинная фамилия, вроде... э... вроде...

— Вроде как у нас Смиты? — предположил Лесли.

— Ну, что ты, совсем не такая распространенная. Нет, Джиджибоям принадлежит прочное место в истории Индии. Они существовали там задолго до того, как туда приехали мои бабушка и дедушка.

— Вероятно, это его предки организовали великое восстание, — воодушевился Лесли. — Давайте спросим, не его ли дед изобрел калькуттский карцер?

— Правда, давайте, — подхватила Марго. — Думаешь, это в самом деле был он? А что это такое?

— Лесли, милый, не следует так говорить, — сказала мама. — Право же, надо уметь забывать и прощать.

— Что забывать и прощать? — озадаченно спросил Лесли, не уследив за ходом маминой мысли.

— Все, — твердо произнесла мама и добавила не совсем понятно: — Я уверена, что у них были только добрые намерения.

Лесли не успел выяснить, что она подразумевает, потому что на дороге пророкотала машина и остановилась около веранды под громкий визг тормозов. На заднем сиденье, весь в черном, с красиво уложенным на голове

белым, как бутон подснежника, тюрбаном, сидел изящный маленький индеец с огромными, блестящими, словно жидкие агаты, миндалевидными глазами в обрамлении пушистых ресниц. Проворно открыв дверцу, он соскочил на землю. Его приветственная улыбка белой вспышкой озарила смуглое лицо.

— Ну вот, мы и приехали, — воскликнул он взволнованно, раскинув тонкие коричневые руки, будто крылья бабочки, и вспорхнул по ступенькам на веранду.

— Вы, разумеется, миссис Даррелл. Какое очарование. А вы — охотник этого дома... Лесли. Это, вне всякого сомнения, краса острова — Марго. Вы — Джерри, ученый, в основном натуралист. Я не могу выразить, какое это для меня событие познакомиться со всеми вами.

— О-о... конечно... э... э... конечно, мы счастливы познакомиться с вами, ваше высочество, — начала мама.

Джиджибой охнул и хлопнул себя ладонью по лбу.

— Проклятие! — воскликнул он. — Опять это дурацкое имя! Дражайшая миссис Даррелл, как мне извиниться перед вами? Принц — это мое имя. Маленькая прихоть моей матушки, которой хотелось придать царственный ореол нашей скромной семье, понимаете? Материнская любовь, а? Мечта о том, что сын вознесется на сияющие вершины, а? Нет-нет, бедная женщина, мы ведь простим ее а? Я всего-навсего Принц Джиджибой, к вашим услугам.

— О, — вырвалось у мамы; настроенная на общение с членом королевского семейства, она была несколько разочарована. — Хорошо, но как нам теперь называть вас?

— Мои друзья, а их у меня несметное количество, — серьезно произнес наш гость, — зовут меня Джиджи. От души надеюсь, что вы будете звать меня так же.

Итак, Джиджи поселился в нашем доме-и за то короткое время, что он гостил у нас, ему удалось вызвать невиданный до той поры переполох и завоевать наши сердца, как ни один гость еще не завоевывал. Правильная до педантизма английская речь, учтивость и искренность поведения вместе с

подлинно глубоким интересом ко всем и ко всему делали его неотразимым. Для Лугареции у него нашлись всевозможные баночки с едко пахнущим липким содержимым, призванным помогать от ее многочисленных мнимых болячек и хворей; с Лесли он во всех мрачных деталях обсуждал положение с охотой в мире, описывая красочные и, по всей вероятности, вымышленные случаи из практики охоты на тигров и кабанов с его участием. Для Марго он добыл несколько кусков материи, сделал сари и научил ее, как их носить; Спиро увлеченно слушал его рассказы о сокровищах и тайнах Востока, о битвах слонов, украшенных драгоценными камнями, о владеющих несметными богатствами махараджах. Искусный рисовальщик, он совершенно покорила меня не только искренним интересом к моему зверинцу, но и тем, что делал изящные маленькие зарисовки для моего натуралистического дневника — документа, который в моих глазах был неизмеримо важнее Великой хартии вольностей, книги из Келлса и гутенберговой Библии вместе взятых и с которым наш взыскательный гость обращался соответственно. Но сильнее всех была им очарована наша мама: мало того, что у Джиджи обнаружился неисчерпаемый запас заманчивых кулинарных рецептов, а также фольклора и историй о привидениях, — с его приездом у мамы появилась возможность без конца говорить об Индии, где она родилась и выросла, стране, которую она почитала своей истинной родиной.

Вечерами мы подолгу сидели за большим скрипучим обеденным столом. Грозди ламп в углах просторной комнаты купались в лимонно-желтых облачках света, притягивая метелицу мотыльков; лежащие у порога псы (с той поры, как число их возросло до четырех, им не дозволялось входить в столовую) зевали и вздыхали, недовольные нашей бездеятельностью, но мы их не замечали. Бархатная ночь за окнами жила в звонком стрекоте цикад и кваканье древесных лягушек. В свете ламп глаза Джиджи как будто расширились, точно у совы, и наливались чернотой, в которой плескалось

таинственное, жидкое пламя.

— Конечно, миссис Даррелл, в ваши дни все было иначе, — начал Джиджи в один из таких вечеров. — Межрасовое общение не допускалось. Ни в коем случае, строгая сегрегация, верно? Теперь дело обстоит лучше. Сперва открылись двери для махараджей, а нынче даже некоторым из нас, простых индийцев, дозволено общаться и обретать некоторые блага цивилизации.

— В мое время, — отозвалась мама, — особенно нетерпимо относились к евразийцам. Бабушка даже не разрешала нам играть с ними. Но мы-то, конечно, играли.

— Детям совершенно чуждо понятие о правильном, цивилизованном поведении, — сказал Джиджи с улыбкой. — И все-таки поначалу, знаете ли, без трудностей не обходилось. Так ведь и Рим был построен не в один день. Вы слышали про англоязычного индийца в моем городе, которого пригласили на бал?

— Нет, а что с ним было?

— Так вот, он увидел, что джентльмены после танца с леди провожали дам к их стулу и обмахивали веером. И после бойкого вальса с довольно знатной европейской леди он проводил ее к стулу, взял ее веер и сказал: «Мадам, разрешите мне пустить вам ветры в лицо?»

— Похоже на то, как выражается Спиро, — заметил Лесли.

— Помню однажды, — вступила мама, с удовольствием предаваясь воспоминаниям, — когда я была замужем за главным инженером в Рурки, разразился ужаснейший циклон. Ларри тогда был совсем маленький. Мы жили в длинном низком доме, и я помню, как мы перебежали из комнаты в комнату, старались не дать ветру распахнуть двери. И вот, бежим мы так из комнаты в комнату, а за нами дом разваливается по частям. Под конец укрылись мы в кладовой. Когда же после дом все-таки отремонтировали, подрядчик из местных прислал нам счет, в котором значилось: «За починку задней стороны главного инженера».

— Должно быть, Индия в ту пору была пленительна, — сказал Джиджибой, — ведь вы в отличие от большинства европейцев были частью страны.

— О да, — подхватила мама. — Еще моя бабушка там родилась. Когда большинство людей говорили о родине и подразумевали Англию, мы под этим словом понимала Индию.

— Наверно, вы много путешествовали, — с завистью произнес Джиджибой. — Полагаю, вы лучше моего узнала мою страну.

— Буквально каждый уголок, — подтвердила мама. — Поскольку муж был инженер-строитель, ему, конечно, приходилось много разъезжать. И я всегда его сопровождала. И когда он строил мост или железную дорогу прямо в джунглях, я была с ним и жила на биваках.

— Должно быть, это было здорово, — воодушевился Лесли. — Примитивная жизнь в палатках.

— О да. Я обожала простую бивачную жизнь. Помню, слоны шли впереди с шатрами, коврами и мебелью, за ними следовали на запряженных быками повозках слуги с постельным бельем и посудой...

— И это ты называешь бивачной жизнью? — удивился Лесли. — Большие шатры?

— У нас их было всего три, — объяснила мама, словно оправдываясь. — Спальня, столовая и гостиная. И сами-то шатры собирали из ковров.

— Все же я бы не назвал это биваком, — возразил Лесли.

— И напрасно, — сказала мама. — Мы располагались прямо в джунглях. Слышали, как рычат тигры, и все наши слуги дрожали от страха. Один раз они убили кобру под обеденным столом.

— Это было до рождения Джерри, — добавила Марго.

— Вам следовало бы написать свои мемуары, миссис Даррелл, — серьезно заметил Джиджибой.

— Ну, что вы, — засмеялась мама. — Какой из меня

писатель. Да и как бы я назвала свое сочинение?

— Как насчет такого названия: «Караван в четырнадцать слонов»? — предложил Лесли.

— Или: «Через лес на шатровом ковре», — сказал Джиджибой.

— Беда с вами, мальчиками, — строго произнесла мама. — Вам все бы только шутить.

— Верно, — подхватила Марго. — Я вот считаю, что мама просто молодец — жить на биваке всего в трех шатрах, а кругом кобры и прочие твари.

— Тоже мне бивачная жизнь! — презрительно фыркнул Лесли.

— Да-да, милый, бивачная. Помню, как-то один слон куда-то запропал, и нам пришлось три дня обходиться без чистых простынь. Ваш отец был очень недоволен.

— Вот не думал, что такое большое животное, как слон, могло пропасть, — удивился Джиджибой.

— Ну, как же, — возразил Лесли. — Слоны сплошь и рядом теряются.

— Во всяком случае, вряд ли вам понравилось бы остаться без чистых простынь, — с достоинством произнесла мама.

— Да уж, им бы не понравилось, — сказала Марго. — И пусть им все равно, а мне вот интересно слушать про то, как было в Индии в старину.

— Почему же, — отозвался Джиджибой, — я так нахожу в этом очень много просветительного.

— Вам бы только смеяться над мамой, — отпарировала Марго. — А я не вижу оснований вам заноситься только потому, что ваш отец изобрел карцер или что-то в этом роде.

К чести Джиджи надо сказать, что он чуть не свалился под стол от смеха, и псы громким лаем отозвались на его хохот.

Но, пожалуй, самой восхитительной чертой Джиджи был горячий энтузиазм, с каким он брался за любое дело, пусть даже заведомо было ясно, что ему не суждено добиться

успеха на данном поприще. Когда Ларри с ним познакомился, Джиджи как раз решил стать в ряд величайших поэтов Индии и с помощью одного соотечественника, кое-как изъяснявшегося по-английски («Он был у меня наборщиком», — сообщил Джиджи), начал издавать журнал, называвшийся «Поэзия для Народа», или «Поэза для Нарда», или «Позэя для Надорода» — смотря по тому, как внимательно Джиджи следил за своим наборщиком. Журнальчик выходил раз в месяц, в нем печатались творения всех знакомых издателя, и были среди них весьма причудливые вещицы, в чем мы смогли убедиться благодаря тому, что в багаже Джиджи нашлось множество неряшливо отпечатанных экземпляров, кои он с готовностью раздавал всем желающим.

Штудирова их, можно было обнаружить интересные сообщения вроде «Стехи Сивого Спландора — кретинский анализ». Приятель Джиджи явно предпочитал набирать слова так, как они ему слышались в данный момент. А потому пространная панегирическая статья самого издателя о Т. С. Элисте получила название «Тээс Элеот — Выдающий Пот». Орфографические новации наборщика вместе с естественными в любом издании опечатками гарантировали читателю немало удовольствия, хотя иной раз приходилось и поломать голову. Так, на вопрос: «Почто Не Черный Пот Лорат?» с налетом старинной речи мало кто взялся бы ответить; статья же под названием «Рой Камбил, Безболист и Пот» невольно заставляла читателя недоумевать, куда идет поэзия. Впрочем, Джиджи ничто не могло обескуражить, даже тот факт, что его наборщик не произносил букву „эйч“ и, следовательно, никогда не пользовался этой литерой. Последним детищем энтузиазма Джиджи был второй журнал (печатаемый на той же ручной машине тем же беспечным наборщиком), посвященный созданному им учению, которое Джиджи назвал „файо“; в первом номере „Файо для Всех“ об этом учении говорилось, что оно есть «сплав таинственного Востока, соединяющий лучшее в йоге и

факиризме, сообщающий подробности и наставляющий людей как“.

Мама была весьма увлечена факйо, пока Джиджи не приступил к практическому показу. В одной набедренной повязке, весь перемазанный золой, он часами предавался на веранде медитации или же бродил по дому, изображая транс и оставляя на полу россыпи золы. Четыре дня он выдерживал строжайший пост и на пятый день насмерть перепугал маму, упав без сознания с лестницы.

— Право же, Джиджи, — сердито сказала мама, — это дело надо прекратить. От вас и так ничего не осталось.

Уложив факира в постель, мама принялась стряпать огромные порции укрепляющего тушеного мяса, однако Джиджи пожаловался на отсутствие «бомбейской утки» — сушеной рыбы, придающей соусам столь резкий и заманчивой запах.

— Но ведь здесь на острове ее нет, — возразила мама. — Я спрашивала.

Джиджи повел руками — словно бледно-бронзовые мотыльки вспорхнули над белой простыней.

— Факйо учит нас, что в жизни на все есть заменители, — твердо произнес он.

Оправившись в достаточной мере, он посетил рыбный рынок в городе и приобрел огромное количество свежих сардин. И когда мы возвратились с приятной утренней вылазки в город, посвященной различным закупкам, оказалось, что к кухне и ее окрестностям невозможно подступиться. Размахивая ножом, которым он потрошил рыбу перед тем, как разложить ее для сушки на солнце перед задней дверью, Джиджи отчаянно сражаются с полчищами мух и ос, явно слетевшихся к нам со всех Ионических островов. Его уже раз пять ужалили осы, и один глаз совершенно заплыл. Воздух был насыщен запахом быстро гниющих сардин, а кухонный стол и полы покрывали сугробы серебристой чешуи и ключья внутренностей. Лишь после того, как мама, полистав «Британскую энциклопедию», показала

Джиджи статью о бомбиле (в сушеном виде известной на западном побережье Индии под названием «бомбейской утки»), Джиджи нехотя оставил идею заменить эту рыбу сардинами. Два дня мама изгоняла из кухни зловоние с применением горячей воды и дезинфицирующих средств, но и то через окна время от времени залетали оптимистически настроенные осы.

— Возможно, я смогу найти лучший заменитель в Афинах или Истанбуле, — заключил Джиджи. — Пожалуй, если испечь и измельчить лангуста...

— Не стоит затруднять себя, дорогой Джиджи, — поспешно возразила мама.

— Мы столько времени обходились без такого блюда, и ничего.

После Корфу Джиджи собирался ехать через Турцию в Иран, где хотел посетить практиковавшего там факира.

— От него я узнаю много такого, что можно включить в факйо, — сообщил он. — Это великий человек. Мало кто сравнится с ним в искусстве подолгу задерживать дыхание и пребывать в трансе. Один раз он был погребен на сто двадцать дней.

— Потрясающе, — с глубоким интересом произнесла мама.

— Вы хотите сказать — погребен заживо? — спросила Марго. — Заживо погребен на сто двадцать дней? Какой ужас! По-моему, это противоестественно.

— Но ведь он пребывает в трансе, дорогая Марго, — объяснил Джиджи. — Он ничего не чувствует.

— Вот тут я не совсем уверена, — задумчиво сказала мама. — Потому-то, кстати, и хочу, чтобы меня кремировала. А то ведь впадешь в транс, и никто не догадается.

— Что за нелепости ты говоришь, мама, — вмешался Лесли.

— И вовсе это не нелепости, — решительно возразила мама. — Все теперь такие невнимательные стали.

— А что еще умеют факиры? — спросила Марго. — .

Могут они вырастить из семени манговое дерево? Прямо на глазах у вас? Я однажды видела такое в Симле.

— Это элементарный фокус, — ответил Джиджи. — Андраватхи делает вещи куда посложнее. Например, он специалист по левитации, это одна из причин, почему я хочу с ним познакомиться.

— Левитация — разве это не карточный фокус? — удивилась Марго.

— Да нет же, — сказал Лесли. — Это когда человек парит в воздухе, как бы летает, верно, Джиджи?

— Верно, — подтвердил Джиджи. — Замечательное свойство. Многие древние христианские святые были им наделены. Сам я еще не достиг такого мастерства, вот и хочу учиться у Андраватхи.

— Как это должно быть чудесно, — восхитилась Марго, — парить, будто птица. Как интересно!

— Да, это должно быть великолепно, — подхватил Джиджи; глаза его сияли.

— Такое чувство, словно тебя возносит к небесам.

На другой день перед самым ленчем Марго в панике вбежала в гостиную.

— Скорей! Скорей! — кричала она. — Джиджи задумал самоубийство!

Мы выскочили на веранду и увидели, что Джиджи сидит на подоконнике своей комнаты в одной набедренной повязке.

— Он опять подхватил этот транс, — сообщила Марго, точно речь шла о заразной болезни.

Мама поправила очки и посмотрела наверх. Джиджи начал слегка покачиваться.

— Поднимись наверх, Лес, и хватай его, — распорядилась мама. — Живей, пока я отвлеку его разговором.

Тот факт, что Джиджи молчал, как рыба, явно прошел мимо ее сознания. Лесли ринулся в дом. Мама прокашлялась.

— Дорогой Джиджи, — пропела она. — По-моему, вам не следует сидеть там, это неразумно. Почему бы вам не

спуститься и не поесть с нами?

Джиджи спустился, однако не совсем так, как того хотелось маме. Он лихо шагнул в пространство и под испуганные крики мамы и Марго полетел вниз. Со всего маху он врезался в переплетение виноградной лозы под его окном, и ягоды посыпались градом на каменные плиты. К счастью, лоза была старая и жилистая, так что ей не стоило труда выдержать малый вес Джиджи.

— Боже мой! — вскричал он. — Где я?

— На виноградной лозе! — взволнованно крикнула Марго. — Вы попали туда в состоянии ажитации.

— Не шевелитесь, мы принесем лесенку, — вымолвила мама.

Мы сходили за стремянкой и извлекли взъерошенного Джиджи из пут лозы. Он был весь в ссадинах и царапинах, в остальном же не пострадал.

Успокоив нервы глотком бренди, мы с опозданием принялись за ленч. И еще до вечера Джиджи сумел убедить самого себя, что ему удалась левитация.

— Не запутайся я пальцами ног в этой несносной лозе, так и полетел бы вокруг дома, — говорил он, лежа на диване, весь в бинтах, но счастливый. — Замечательное достижение!

— Да, конечно, только я предпочла бы, чтобы вы больше не практиковались у нас, — заметила мама. — Мои нервы не выдержат.

— На пути обратно из Ирана, дорогая миссис Даррелл, я заеду к вам и отпраздную мой день рождения, — заверил ее Джиджи. — Тогда вы увидите, как я преуспел.

— Только не надо повторения сегодняшнего, — строго произнесла мама. — Вы могли убиться насмерть.

Два дня спустя Джиджибой, облепленный пластырем, но несколько не унывающий, отбыл в Иран.

— Интересно, вернется он в самом деле к своему дню Рождения, — сказала Марго. — Если вернется, устроим ему настоящий праздник.

— Что ж, это хорошая идея, — отозвалась мама. —

Такой славный мальчик, вот только очень... неуравновешенный, очень... рисковый.

— Зато это единственный гость, о котором мы можем сказать, что он нанес нам летучий визит, — заключил Лесли.

Глава шестая. Королевское событие

*Короли и медведи стражей
часто грызут.*

Шотландская поговорка

Можно сказать, что каждый день безмятежной поры, проведенной нами на Корфу, был особенным, со своей окраской, своим содержанием, памятным именно потому, что он разительно отличался от остальных трехсот шестидесяти четырех дней года. И все же один день стоит особняком в моей памяти, ибо он был знаменателен не только для моих родных и круга наших знакомых, а для всего населения Корфу.

В этот день в Грецию возвратился король Георг, и никогда еще остров не переживал такого яркого, волнующего и интригующего события. Даже трудности, сопряженные с организацией шествия в честь святого Спиридиона, не шли ни в какое сравнение.

Впервые про честь, выпавшую на долю Корфу, я услышал от моего наставника, мистера Кралевского. Он был до того возбужден, что почти не обратил внимания на самца коноплинки, которого я с таким трудом добыл для него.

— Великая новость, дорогой мальчик, великая новость! Доброе утро, доброе утро, — приветствовал он меня; большие выразительные глаза его увлажнились от волнения, изящные руки порхали в воздухе, посаженная на круглый горб голова качалась. — Счастливейший день для этого острова, видит бог! Нет, конечно, это счастливый день для всей Греции, но особенно для нашего острова. Э... что? А, коноплинка... Да-да, милая птичка... чирик, чирик. Но, повторяю, какое торжество для нас в сем малом царстве среди голубого моря, как говорил Шекспир, сам король нас посещает.

На то он и Шекспир, подумалось мне. Лично у меня приезд реального короля не вызывал особого восторга, разве что из этого можно извлечь для себя какие-то блага. Чей это

король, справился я, и будут ли мне каникулы, когда он придет?

— Как это чей? — воскликнул мистер Кралевский, потрясенный моим невежеством. — Король Греции, король Георг. Разве ты не знал?

Я заметил, что мы не обзавелись сомнительным благом в виде радиоприемника, а потому, как правило, пребываем в состоянии блаженного неведения.

— Так вот, — мистер Кралевский озабоченно посмотрел на меня, словно коря себя за пробелы в моих познаниях, — так вот, у нас, как тебе известно, был Метаксас, и он был диктатором. Теперь, слава богу, от этого скверного человека избавились, и его величество может возвратиться к нам.

— А когда же мы избавились от Метаксаса, — поинтересовался я. — Мне никто об этом не говорил.

— Ну как же! — воскликнул мистер Кралевский. — Вспомни! Ты должен помнить, когда у нас была революция и кондитерская пострадала от пулеметного обстрела. Я всегда считал, что эти пулеметы чересчур опасны.

Я и впрямь помнил революцию, потому что целых три дня был свободен от занятий, а кондитерская всегда была одной из моих любимых торговых точек. Но я не связывал это с Метаксасом. А теперь, спросил я с надеждой, по случаю приезда короля опять какую-нибудь лавку изрешетят из пулемета?

— Что ты, что ты, — испуганно ответил Кралевский. — Ничего подобного, это будет исключительно радостное событие. Всеобщий праздник, говорят. Право же, это такая волнующая новость, что, я думаю, нас не осудят, если мы ради праздника завтра устроим выходной. А теперь пошли наверх, помоги мне покормить птиц.

Мы поднялись в просторную мансарду, где Кралевский держал своих канареек и диких птиц, и очень славно провели утро, кормя их. Кралевский порхал по комнате, размахивая леечкой и напевая себе под нос «Марсельезу», и упавшие на пол семена хрустели у него под ногами, точно галька на

пляже.

За ленчем я поделился с родичами новостью о прибытии короля. Каждый воспринял ее по-своему.

— Это чудесно, — сказала мама. — Пожалуй, мне следует подумать о меню.

— Но ведь он, благодарение богу, не собирается гостить у нас, — заметил Ларри.

— Знаю, милый, — отозвалась мама. — А все же... э... наверно, будут всевозможные приемы и так далее.

— С чего бы это? — спросил Ларри.

— Так заведено. — объяснила мама. — Когда мы жили в Индии, по случаю таких событий всегда устраивали приемы.

— Здесь не Индия, — возразил Ларри, — так что я не собираюсь тратить свое драгоценное время, заготавливая корм для слонов. И без того мирное течение нашей жизни будет грубо нарушено, попомните мои слова.

— Если у нас будут приемы, мама, можно мне сшить новые платья? — всколыхнулась Марго. — Мне совсем нечего надеть.

— Интересно, будет ли салют, — задумчиво произнес Лесли. — У них ведь нет ничего, кроме этих старых венецианских пушек, а они, сдастся мне, чертовски опасны. Может быть, стоит зайти к коменданту крепости и потолковать с ним.

— Лучше не впутывайся, — посоветовал Ларри. — Они готовятся приветствовать гостя, а не убивать его.

— Я видела на днях чудесный красный шелк, — продолжала Марго. — В той маленькой лавочке... ну, ты знаешь, как повернуть направо от лаборатории Теодора.

— Да-да, милая, прелестно, — отозвалась мама, не слушая. — Хотела бы я знать, сумеет ли Спиро достать для меня несколько индеек?

Однако действие Королевского Визита на нашу семью не идет ни в какое сравнение с потрясением, которое испытал остров Корфу в целом. Кто-то по неосторожности отметил, что дело не просто в почетном для острова внимании со

стороны монарха — весь эпизод приобретает особое, символическое значение, ибо на Корфу государь впервые после своего изгнания ступит на греческую землю. Сия мысль побудила корфян развернуть лихорадочную активность, и вскоре приготовления приняли такой сложный и накаленный характер, что нам пришлось каждый день отправляться в город и общаться на Главной площади с прочими жителями Корфу, чтобы быть в курсе последних событий.

Главная площадь — Платиа, — которая во времена французской оккупации Корфу была оформлена аркадами наподобие Рю де Риволи в Париже, являла собой, образно говоря, пуп острова. Обосновавшись за столиком под аркой или под сенью мерцающей листвы, вы в короткий срок могли соприкоснуться со всем местным населением и узнать все подробности очередного скандала. Сидишь, безмятежно смакуя какой-нибудь напиток, и рано или поздно к твоему столику прибьет течением жизни всех персонажей драмы.

— Я олицетворяю собой Корфу, — заявила графиня Малинопулос. — Следовательно, мне надлежит образовать комитет, который разработает программу приема нашего доброго государя.

— Конечно, конечно, я вас понимаю, — нервно согласилась мама.

Графиня, смахивающая на тощую ворону в оранжевом парике, несомненно, пользовалась огромным влиянием, однако вопрос был слишком серьезным, чтобы позволить ей безраздельно всем заправлять. В короткий срок было создано целых шесть комитетов, и каждый силился убедить губернатора, что его планы следует предпочесть всем прочим. Люди говорили, будто губернатор поставил у дома вооруженную охрану и на ночь запирает все двери после того, как представительница одного из комитетов проявила готовность пожертвовать невинностью, чтобы склонить его в пользу своего проекта.

— Это омерзительно! — бушевала Лена Маврокондас, вращая черными глазами и причмокивая красными губами,

словно завидовала, что самой не пришла в голову такая мысль. — Только представьте себе, мои дорогие, женщина в ее возрасте пытается вторгнуться в комнату губернатора — обнаженная!

— Действительно, странный способ добиваться, чтобы тебя выслушали, — согласился Ларри с простодушным видом.

— Да это просто смехотворно, — продолжала Лена, ловко начиная свой алый рот оливками, точно ружье заряжала. — Я разговаривала с губернатором и не сомневаюсь, что он признает мой комитет официальным. А как досадно, что в порту нет кораблей британского флота, — мы могли бы выстроить почетный караул. До чего хороши моряки в своей форме, у них такой опрятный и грозный вид.

— Процент инфекционных болезней в королевском флоте... — начал Ларри, но его поспешно перебила мама.

— Пожалуйста, Лена, расскажите нам о ваших планах, — сказала она, строго глядя на Ларри, который налил себе уже восьмой стаканчик анисовки и был способен что-нибудь отмочить.

— У нас та-акие планы, мои дорогие, та-акие планы! Вся Платиа будет украшена синими и белыми полотнищами, вот только с этим дурнем Марко Паниотиссой вечные неприятности.

Лена в отчаянии закатила глаза.

Зная Марко как вдохновенного безумца, мы подивились, как он вообще оказался в составе комитета.

— И что же задумал Марко? — спросил Ларри.

— Ослики! — прошипела Лена так, точно это было неприличное слово.

— Ослики? — повторил Ларри. — Ему понадобились ослики? Решил устроить сельскохозяйственную выставку?

— Что я ему и толкую, — сказала Лена. — А он свое твердит. Говорит, что получится символично, вроде прибытия Христа в Иерусалим верхом на осле, и чтобы ослики были сине-белые.

— Сине-белые? То есть покрашенные? — спросила мама. — Это еще зачем?

— Чтобы было в тон греческому флагу, — ответила Лена, поднимаясь с суровым видом, плечи расправлены, руки сжаты в кулак. — Но тут я ему сказала — Марко, говорю, осликов ты приведешь только через мой труп.

И Лена Маврокондас, истинная дочь Греции, решительно зашагала дальше по площади.

Следующим у нашего столика задержался полковник Велвит, высокий благообразный старик с байроновским профилем и угловатой фигурой; судорожные телодвижения придавали ему сходство с качающейся на ветру марионеткой. Седые вьющиеся волосы и сверкающие темные глаза плохо вязались с бойскаутской формой, но он носил ее с большим достоинством. Уйдя в отставку, полковник всецело посвятил себя местному движению бойскаутов, и хотя злые языки утверждали, будто его увлечение бойскаутами не совсем альтруистично, он прилежно трудился и ни разу не был уличен ни в чем предосудительном.

Приняв предложение выпить стаканчик анисовки, полковник сел и вытер лицо платком, благоухающим лавандой.

— Ох эти мальчики, — посетовал он, — эти мои мальчики сведут меня в могилу. Очень уж они бойкие.

— Им бы побольше цветущих девушек в вожатые, — заметил Ларри. — Вы не согласны, полковник?

— Это не шутки, дорогой, — ответил полковник, мрачно глядя на Ларри. — Их до того распирает энергия, что я все время опасаясь каких-нибудь проказ. Сегодня они просто привели меня в ужас, и губернатор был весьма недоволен.

— Бедняга губернатор, — сказал Лесли, — ему, похоже, со всех сторон достается.

— И что же сделали ваши бойскауты? — спросила мама.

— Ну, как вы знаете, дорогая миссис Даррелл, я готовлю их к выступлению перед его величеством в день

торжественного прибытия. — Полковник осторожно пригубил анисовки. — Сначала они, одни в синем, другие в белом, идут строем к этому... как его?.. помосту, вот именно, к помосту. Здесь они образуют квадрат и приветствуют государя. Затем по команде перестраиваются и образуют греческий флаг. Не сочтите это хвастовством, во зрелище весьма впечатляющее.

Полковник остановился, осушил стак, анчик, потом сел поудобнее.

— Так вот, губернатор захотел посмотреть на наши успехи, пришел и поднялся на помост, изображая короля. Я дал команду, и отряд бойскаутов выступил вперед.

Полковник зажмурился, и по его телу пробежала легкая дрожь.

— Знаете, что они сделали? — тихо спросил он. — Я в жизни не испытывал такого стыда. Подошли к помосту, остановились перед губернатором и подняли руки в фашистском приветствии. Бойскауты! Фашистское приветствие!

— Они крикнули «Хайль губернатор»? — поинтересовался Ларри.

— Слава богу, обошлось без этого, — ответил полковник Велвит. — В первый момент я окаменел от ужаса, потом, надеясь, что губернатор не заметил их выходки, дал команду построиться флагом. Мальчики быстро перестроились, и что же я вижу: перед глазами губернатора — сине-белая свастика. Губернатор был взбешен. Хотел вовсе отменить наше участие. Представляете, какой это был бы удар для бойскаутского движения!

— Да уж, конечно, — согласилась мама. — Но ведь они всего-навсего дети, что ни говори.

— Совершенно верно, дорогая миссис Даррелл, но не могу же я допустить, чтобы люди говорили, будто я обучаю отряд фашистов, — строго произнес полковник Велвит. — Чего доброго, пойдут слухи, что я готовлю захват власти на Корфу.

В последующие дни, по мере приближения великого события, корфян все больше лихорадило, и они все легче раздражались. Графиня Малинопулос поссорилась с Леной Маврокондас, а та в свою очередь перестала разговаривать с полковником Велвитом, потому что его бойскауты, проходя строем мимо ее дома, делали жесты откровенно биологического свойства. Руководители деревенских оркестров, неизменно участвующих в процессиях в честь святого Спиридиона, переругались из-за места в предстоящем шествии, и однажды вечером на Платиа мы смогли насладиться зрелищем того, как три расвирепевших трубача гнались за барабанщиком; все четверо были в форме и с инструментами. Выведенные из себя трубачи настигли барабанщика, вырвали у него из рук большой барабан и стали топтать. Тотчас вся площадь превратилась в арену бешеной потасовки между разъяренными музыкантами. Оказавшийся случайным очевидцем этой битвы мистер Кралевский был ранен брошенными кем-то цимбалами, а старенькая миссис Кукудопулос, которая прогуливалась под деревьями своих двух спаниелей, вынуждена была поднять юбки и спастись бегством. Когда она год спустя преставилась, люди уверяли, что этот инцидент стоил ей нескольких лет жизни, в чем я сильно сомневаюсь, так как миссис Кукудопулос умерла в возрасте девяноста пяти лет.

В конце концов все перессорились, но с нами все разговаривали, потому что мы соблюдали строгий нейтралитет. Капитан Крич, которого до той поры никто не подозревал в патриотических чувствах, был страшно возбужден происходящим и, ко всеобщему неудовольствию, посещал один комитет за другим, распространяя слухи, исполняя непристойные песенки, награждая внезапными щипками бюсты и ягодицы и вообще досажая всем и каждому.

— Отвратительный старикашка! — говорила мама, сверкая глазами. — И когда только он научится вести себя. А еще считается англичанином.

— Он держит комитетчиков в напряжении, если можно так выразиться, — заметят Ларри. — Лена говорит, все ее седалище было в синяках после очередного заседания, на котором он присутствовал.

— Грязная старая скотина, — сказала мама.

— Зачем же так сурово, — возразил Ларри. — Сознайся, что ты просто ревнуешь.

— Ревную! — Мама ошетибилась, словно терьер. — Ревную!.. Этого... старого... старого распутника!? Это гадко, Ларри, лучше не говори таких вещей, даже в шутку.

— Но ведь именно безответная любовь к тебе заставляет его топить свое горе в вине и искать утешения у других женщин, — настаивал Ларри. — Он исправится, пожелай ты сделать из него достойного человека.

— Он топил свое горе в вине задолго до того, как познакомился со мной, — ответила мама. — И что до меня, пусть продолжает топить. Вот уж кого я не собираюсь исправлять.

Однако капитан Крич оставался невосприимчивым к критике.

— Девочка моя любимая! — воззвал он к маме при очередной встрече. — В твоём ящике с приданым случайно нет британского флага?

— Боюсь, что нет, капитан, — с достоинством ответила мама. — И вообще у меня нет никакого ящика с приданым.

— Что? У такой славной девчонки, как ты? Нет ящика с приданым? Нет очаровательного комплекта черных панталон с оборочками, чтобы сводить с ума следующего мужа? — вопрошал капитан, уставясь на маму слезящимися похотливыми глазами.

Мама вспыхнула и вся сжалась.

— Я не думаю никого сводить с ума, будь то с панталонами или без них! — важно возвестила она.

— Что значит боевая девчонка, — сказал капитан. — совершенно в моем вкусе. По правде говоря, я тоже предпочитаю обнаженное тело.

— Зачем вам понадобился британский флаг? — холодно справилась мама, меняя тему разговора.

— Чтобы размахивать им, разумеется, — ответил капитан. — Все эти туземцы будут махать своим флагом, а наш долг показать им, что рано списывать старую добрую Британскую империю.

— Вы обращались к консулу? — спросила мама.

— К консулу? — презрительно молвил капитан. — Он заявил, что на острове есть лишь один британский флаг и тот предназначен для особых случаев. Гром и молния! Если это не особый случай, то что же тогда? Я предложил ему использовать свой флагшток взамен клизмы.

Сопроводив сию тираду весьма оригинальными фигурами речи, капитан заковылял дальше в поисках британского флага.

— Хоть бы ты, Ларри, не поощрял этого старого развратника подсаживаться к нам, — жалобно произнесла мама. — У него что ни слово, то непристойности, незачем Джерри слушать такое.

— Сама виновата, ты его поощряешь, — возразил Ларри. — Кто заговорил о том, чтобы сводить с ума без панталон?

— Ларри! Ты отлично знаешь, что я подразумевала. Это была просто обмолвка.

— Но ты подала ему надежду, — не унимался Ларри. — Теперь берегись, как бы он не зарылся в твой ящик с приданым, словно терьер, в поисках убора для брачной ночи.

— Прекрати, ради бога! — возмутилась мама. — Право же, Ларри, ты выводишь меня из себя.

Напряжение на острове росло с каждым днем. От далеких горных деревушек, где женщины постарше навели блеск на свои рогатые головные уборы и гладили носовые платки, до города, где каждое дерево подрезали, а каждый столик и стул на Платиа покрывали свежей краской, всюду развернулась кипучая деятельность. В старой части города с узкими — на два ослика — улочками и с ароматами свежего

хлеба, плодов, солнцепека и нечистот в равной пропорции располагалось крохотное кафе, принадлежащее моему другу Кости Авгадрама.

Кафе это по праву славилось лучшим на Корфу мороженым, ибо Кости побывал в Италии и там всесторонне освоил черную магию приготовления этого лакомства. Его кондитерские изделия пользовались большим спросом, и ни один более или менее значительный банкет на Корфу не обходился без какого-нибудь из громадных, зыбких, многоцветных творений Кости. У меня с ним было налажено плодотворное сотрудничество: три раза в неделю я приходил в его кафе ловить на кухне тараканов (корм для моих птиц и прочих животных), а за эту услугу мне было дозволено в рабочее время поглощать сколько влезет мороженого. Полный решимости по случаю королевского визита навести чистоту во владениях Кости, я отправился в его кафе дня за три до ожидаемого прибытия монарха и застал хозяина в самоубийственном расположении духа, на какое способен только грек, поддерживающий это состояние дозами анисовки. Я спросил, что случилось.

— Я разорен, — ответил Кости замогильным голосом, ставя передо мной бутылочку пива и огромную порцию ослепительно белого мороженого, которая вполне могла бы пустить на дно какой-нибудь новый «Титаник». — Я разорен, дорогой Джерри. Я стал всеобщим посмешищем. Никогда больше люди не скажут: «А, Корфу — это там впервые появилось мороженое Кости». Отныне будут говорить: «Корфу? Это там впервые появилось мороженое известного дурня Кости». Придется мне покинуть остров, другого не остается, отправлюсь на Закинф или в Афины, а то и вовсе в монастырь определюсь. Моя жена и дети будут голодать, мои бедные старые родители будут сгорать от стыда, выпрашивая подавание...

Я прервал эти мрачные пророчества вопросом-чем же все-таки вызвано его отчаяние.

— Я гений, — просто, без тени хвастовства произнес

Кости, подсаживаясь к моему столу и рассеянно наливая себе новый стаканчик анисовки. — На всем Корфу никто не мог приготовить такое мороженое, как мое, такое вкусное, такое красивое, такое... такое холодное.

Я выразил полное согласие и, видя, что Кости явно нуждается в ободрении, пошел еще дальше, заявив, что его мороженое знаменито по всей Греции, а то и по всей Европе.

— Точно, — простонал Кости. — А потому только естественно, что губернатор захотел предложить королю отведать моего мороженого, когда он прибудет на Корфу.

Слова Кости произвели на меня огромное впечатление, и я сказал ему об этом.

— Так вот, — продолжал он. — Я должен был поставить двенадцать килограммов во дворец «Монрепо» и еще особое мороженое для большого вечернего банкета в день приезда его величества. О-о! Вот это особое мороженое меня и погубило. Из-за него моя жена и дети будут голодать. О-о, беспощадный, жестокий рок!

— Но почему? — настойчиво допытывался я с полным ртом мороженого.

Меня не занимали красочные подробности, я хотел услышать суть.

— Я решил, что это мороженое должно быть чем-то совершенно новым, чем-то уникальным, что еще никому не приходило на ум, — сказал Кости, опрокидывая стаканчик. — Всю ночь лежал без сна в ожидании знака.

Он зажмурился и повертел головой на воображаемой жесткой горячей подушке.

— Я не мог уснуть, лежал, как в лихорадке. И вот, едва первые петухи пропели свое кукареку, меня озарило вдохновение.

Кости ударил себя кулаком по лбу с такой силой, что едва не упал со стула. Дрожащей рукой он налил себе еще анисовки.

— Моим воспаленным, усталым глазам предстало видение флага — флага Греции, флага, во имя которого мы

все страдали и умирали, но флага, сделанного из моего лучшего, высшего качества сливочного мороженого, — торжествующе произнес он и откинулся на стул, чтобы лучше видеть произведенное на меня впечатление.

Я сказал, что в жизни не слышал лучшей идеи. Кости просиял, но тут же его лицо вновь помрачнело.

— Я вскочил с кровати, — продолжал он скорбно, — и побежал на кухню. И обнаружил, что мне недостает ингредиентов для исполнения задуманного. У меня был шоколад, чтобы делать коричневое мороженое, был красный, зеленый, даже желтый краситель, но нечем, абсолютно нечем делать синие полосы. — Он остановился, сделал добрый глоток и гордо выпрямился. — Менее значительный человек... какой-нибудь там турок или албанец... тут бы и сдался. Но только не Кости Авгадрама. Знаешь, что я сделал?

Я отрицательно покачал головой и глотнул пива.

— Я отправился к моему родственнику Михаэли. Ну, ты знаешь, он работает у химиков возле гавани. Так вот, Михаэли — пусть поразит его и его потомков проклятие святого Спиридиона! — дал мне вещество, чтобы сделать синие полосы. Погляди!

Кости исчез в холодильном помещении, затем появился вновь, шатаясь под тяжестью огромного блюда, которое поставил передо мной на стол. На блюде лежало мороженое в синюю и белую полоску, удивительно похожее на греческий флаг; правда, синие полосы были с фиолетовым оттенком.

Я сказал, что мороженое выглядит великолепно.

— Смертоносно! — прошипел Кости. — Смертоносно, как бомба.

Он сел и злобно воззрился на исполинское сооружение. Признаться, я не видел никаких изъянов, если не считать, что синие полосы цветом скорее напоминали денатурат.

— Опозорен! Своим собственным родственником, этим сыном невенчанного отца! — выпалил Кости. — Он дал мне порошок, сказал, что будет в самый раз, обещал мне, гадючий язык, что порошок сработает, как надо.

Но ведь он и сработал, заметил я, в чем же дело?

— Слава господу и святому Спиридиону, — благочестиво произнес Кости. — Мне пришла в голову мысль приготовить маленький флаг для своей семьи, чтобы они могли отпраздновать триумф их отца. Страшно подумать, что могло случиться, если бы я этого не сделал.

Он встал и распахнул дверь, соединяющую кафе с его квартирой.

— Я покажу тебе, что этот изверг, этот мой родственник натворил, — сказал он и повысил голос, созывая родичей со второго этажа. — Катарина! Петра! Спиро! Спускайтесь!

Медленно и неохотно спустившись по лестнице, жена Кости и оба сына остановились передо мной. И я с удивлением обнаружил, что у них ярко-фиолетовые рты такого же оттенка, какой можно увидеть на надкрыльях некоторых жуков.

— Покажите язык, — скомандовал Кости.

Все семейство дружно высунуло языки цвета римской тоги. Напрашивалось сравнение с какой-нибудь жутковатой разновидностью орхидеи или же с цветком мандрагоры. Да, не повезло Кости! С присущей корфянам беспечной щедростью его родственник вручил ему пакетик гексацианвиолета. Мне приходилось смазывать болячку на ноге раствором этого порошка, и я знал, что он, помимо всего прочего, весьма прочный краситель. Кости предстояло не одну неделю созерцать фиолетовые рты своей жены и детей.

— Только вообрази, — сказал он вполголоса, отправив наверх крашеную супругу и отпрысков, — вообрази, что было бы, пошли я мороженое во дворец. Представь себе наше духовенство с фиолетовыми бородами! Фиолетового губернатора и фиолетового короля! Да меня расстреляли бы.

Я возразил, что, по-моему, вышло бы очень весело. Мои слова потрясли Кости до глубины души. Когда я вырасту, заявил он строго, то пойму, что в жизни есть весьма серьезные, далеко не потешные вещи.

— Подумай, что стало бы с репутацией острова... с

моей репутацией, сделай я короля фиолетовым, — сказал он, добавляя мне мороженого, чтобы показать, что руководствуется только добрыми чувствами. — Как смеялись бы иностранцы, если бы греческий король стал фиолетовым. По! По! По! По! Спаси нас, святой Спиридион!

А как насчет родственника, поинтересовался я. Как он воспринял случившееся?

— Он еще ничего не знает, — зловеще усмехнулся Кости. — Но скоро будет знать. Я только что послал ему торт-мороженое в виде греческого флага.

И когда наступил великий день, охватившее остров волнение достигло наивысшей степени. Задавшись целью обеспечить нашему семейству хороший обзор, Спиро возложил на свой огромный древний «додж» с опущенным верхом комбинированную функцию трибуны и тарана. В праздничном настроении мы поехали в город, где не преминули промочить глотку на Платиа и собрать новости о последних приготовлениях. Лена, в великолепном зелено-фиолетовом платье, сообщила нам, что Марко в конце концов с большой неохотой отказался от затеи с сине-белыми осликами, однако у него есть план, лишь немногим уступающий по эксцентричности первоначальному.

— Вы ведь знаете, что у его отца есть типография, да? — говорила она. — Так вот, он задумал отпечатать несколько тысяч греческих флажков, выйти с ними в море на своей яхте и разбросать их на воде, чтобы королевское судно плыло по ковру из флажков, ну?

Яхта Марко была предметом шуток для всего Корфу; когда-то это был роскошный прогулочный катер, но Марко оснастил его таким количеством надстроек что, как справедливо говорил Лесли, катер уподобился Хрустальному дворцу (подразумевая знаменитый в прошлом выставочный павильон в Лондоне) с сильным креном на правый борт. Всякий раз, когда Марко выходил в море, островитяне заключали пари, пытаясь угадать, когда он вернется в порт и вернется ли вообще.

— Так вот, — продолжала Лена. — Сперва ему напечатали эти флажки, а потом выяснилось, что они не держатся на поверхности моря, просто тонут. Тогда он наделал маленькие кресты из деревянных палочек и приклеил к ним флажки, чтобы не тонули.

— Совсем недурная идея, — заметила мама.

— Если не сорвется, — сказал Ларри. — Ты же знаешь, как у Марко обстоит дело с организаторским талантом. Вспомни день рождения Константина.

Летом Марко решил устроить роскошный прием в честь дня рождения своего племянника Константина. Намечался великолепный пир с изысканными блюдами — от жареных молочных поросят до арбузов, наполненных шампанским. Были приглашены сливки корфянского общества. Вот только одна загвоздка: Марко запутался в собственных пляжах, и пока он в гордом одиночестве, в окружении съестных припасов, которых хватило бы на прокорм целой армии, сидел на пляже в южной части острова, сливки общества томились от жары и голода на крайнем севере Корфу.

— Чего уж, — Лена выразительно пожала плечами. — Все равно его теперь не остановишь. Флажки погружены на яхту. И он послал на мыс человека с ракетой.

— Человека с ракетой? — удивился Лесли. — Это еще зачем?

— Когда этот человек увидит судно короля, он пустит сигнальную ракету, — объяснила она, вращая глазами. — Марко увидит эту ракету и поспешит выйти в море, чтобы разбросать флажки.

— Надеюсь, все получится, как он задумал, — сказала Марго. — Мне Марко нравится.

— Милая, мы все его любим, — отозвалась Лена. — В деревне, где у меня дача, есть свой деревенский дурачок. Очаровательный, симпатичнейший дурачок, но мы не собираемся делать его мэром.

Выпалив напоследок этот уничтожающий залп, она покинула нас, и на смену ей явился крайне возбужденный

полковник Велвит.

— Вы случайно не видели трех маленьких толстеньких бойскаутов? — справился он. — Я так и думал, что не видели. Ну и безобразники! Улизнули за город в бойскаутской форме, эти маленькие варвары, и вернулись оттуда грязные, как поросята! Я велел им отправиться в химчистку, привести себя в порядок, и они куда-то пропали.

— Если увижу, пошлю их к вам, — успокоила его мама. — Вы не волнуйтесь.

— Благодарю, дорогая миссис Даррелл, — сказал полковник Велвит, спеша продолжить поиск пропавших бойскаутов. — Я не стал бы волноваться, но этим чертенятам отведена важная роль в сегодняшнем торжестве. Понимаете, кроме того, что они составляют часть полосы в флаге, им еще поручено разрушить мост.

И с этими загадочными словами он удалился рысцой, точно охотничий пес.

— Мост? Что за мост? — озадаченно спросила мама.

— А, это часть представления, — объяснил Лесли. — Они должны построить понтонный мост через воображаемую реку, форсировать ее, потом взорвать мост, чтобы противник не мог их преследовать.

— Мне всегда представлялось, что бойскауты заняты исключительно мирными делами, — сказала мама.

— Только не здесь на Корфу, — ответил Ларри. — Я бы сказал, что они самые воинственные обитатели острова.

В эту минуту появились Теодор и Кралевский; они должны были ехать на машине Спиро вместе с нами.

— С этим салютом... э... словом... вышла небольшая промашка, — доложил Теодор Лесли.

— Так я и знал! — сердито произнес Лесли. — Этот дурень-комендант! Я же ему говорил, да у него ветер в голове. Ведь я его предупреждал, что эти венецианские пушки взорвутся.

— Нет-нет... э... пушка не взорвалась. Э... гм... во всяком случае, пока. Вся штука в том, чтобы угадать со

временем. Комендант решительно настаивает, что салют должен быть произведен в ту секунду, когда нога государя ступит на греческую землю. А... гм... э... трудность явно заключается в том, чтобы в гавани подали сигнал и чтобы его видели пушкари... в... э... словом... в крепости.

— И что же они придумали? — спросил Лесли.

— Послали в гавань капрала с револьвером, — сообщил Теодор. — Он должен сигнализировать выстрелом непосредственно перед тем, как король ступит на берег.

— А он умеет обращаться с оружием?

— Ну... э... — ответил Теодор, — мне пришлось довольно долго втолковывать ему, как это опасно... гм... словом... засовывать в кобуру заряженный револьвер с взведенным курком.

— Этот болван может прострелить себе ногу, — сказал Лесли.

— Ничего, — вступил Ларри. — Сегодня без кровопролития не обойтись. Надеюсь, Теодор, ты захватил с собой санитарную сумку?

— Не говори таких вещей, — взмолилась мама. — Я уже начинаю нервничать.

— Если вы готовые, миссисы Дарреллы, нам пора трогать, — подошел к нам Спиро, смуглый, суровый, похожий на оставившую свой пост горгулью с собора Парижской богородицы. — Там собирается очень плотская толпа.

— Плотная, Спиро, плотная, — поправила Марго.

— А я что говорить, миссис Марго? Но вы не беспокоить. Я всех распугать с дороги моими рога.

— Вот кому следует поручить составить толковый словарь, — сказал Ларри, когда мы забирались в «додж», размещаясь на широких сиденьях.

С раннего утра покрытые белой пылью дороги были заполнены осликами и повозками, которые везли в столицу крестьян по случаю великого события; пухлое облако пыли стелилось по обочинам, окрашивая траву и деревья в белый

цвет, и в воздухе словно повисли крохотные снежинки. Город был наводнен публикой, как в день святого Спиридиона, если не больше, и толпы нарядно одетых горожан проплывали через главную площадь, словно влекомые ветром охапки цветов. Все улочки были забиты людьми вперемешку с осликами; масса эта двигалась со скоростью горного ледника, наполняя воздух звуком взволнованной речи и смеха, острым запахом чеснока и мощнейшим амбре нафталина, свидетельствующим, что из хранилищ бережно извлечены наряды, предназначенные для особых случаев. С разных сторон доносились начальные звуки духовых оркестров, крики ослов, громкие голоса уличных торговцев, возбужденные выкрики детей. Город гудел и пульсировал, точно огромный многоцветный благоухающий улей.

Ведя машину со скоростью улитки и непрерывно сигналив клаксоном, чтобы проложить себе путь в беспечной толпе, Спиро взял курс на гавань. Здесь налицо были все признаки рвения и исполнительности. Стоял наготове оркестр-сверкающие инструменты, безупречная униформа; только роскошные синяки под глазами двух музыкантов малость портили respectable картину. Рядом был выстроен батальон местных воинов, на редкость чистых и опрятных с виду. Пузатые представители духовенства с тщательно расчесанными бородами всех оттенков седины, яркими цветами ряс напоминающие стаю попугаев, оживленно переговаривались, тряся бородами и изящно жестикулируя пухлыми руками с безукоризненным маникюром. На пристани, где предстояло сойти на берег королю, томился в ожидании капрал. Судя по тому, как нервно он ощупывал кобуру и кусал ногти, бремя ответственности весьма тяготило его.

Но вот по толпе прошел взволнованный гул, все заговорили: «Король! Король! Король приближается! « Капрал поправил головной убор и приосанился.

Переполох был вызван появлением яхты Марко Паниотиссы. Войдя в залив, она стала выписывать зигзаги, а

сам Марко, стоя на корме, отправлял за борт пачки греческих флажков.

— Я не заметила ракеты, а вы? — спросила Марго.

— Я тоже, но отсюда не видно мыса, — отозвался Лесли.

— По-моему, Марко молодец, — сказала Марго.

— Да-да, очень милое впечатление, — согласилась мама.

И правда, на гладкой поверхности залива возник огромный ковер из крохотных флажков; зрелище было впечатляющее. К сожалению, как выяснилось в ближайшие полтора часа. Марко ошибся в своих расчетах. Сигнальщик на северном мысу, коему поручили пустить ракету, был вполне надежным человеком, да только он не очень хорошо разбирался в типах судов, и следом за Марко на горизонте появилось не королевское судно, а небольшой грязноватый танкер, следующий в Афины. Ошибка в принципе не такая уж страшная, однако Марко в приливе чувств, охвативших в тот день многих корфян, забыл проверить клей, коим флажки были прикреплены к деревянным палочкам, чтобы не тонули. И в ожидании короля мы могли созерцать, как от морской воды клей растворяется и тысячи греческих флажков бесславно погружаются на дно залива.

— О, бедный Марко, мне так его жаль, — чуть не со слезами вымолвила Марго.

— Ничего, — попытался утешить ее Ларри. — Может быть, король любит кусочки дерева.

— Гм... я в этом... словом... сомневаюсь, — вступил Теодор. — Видите ли, эти палочки соединены в форме маленьких крестов. А это в Греции почитается весьма дурным предзнаменованием.

— Боже мой, — всполошилась мама. — Надеюсь, король не догадается, что это дело рук Марко.

— Самое умное, что теперь остается Марко, — заметил Ларри, — отбыть в добровольное изгнание.

— А вот и он наконец, — возвестил Лесли, когда

королевское судно пошло величественно пахать несколько гектаров деревянных крестиков, точно плывя через некое военно-морское кладбище.

Опустили сходни, грянул оркестр, воины вытянулись в струнку, и группа служителей культа двинулась вперед, точно вдруг стронулась с места цветочная клумба. Как только сановники подошли к сходням, оркестр замолк, и под хор восхищенных «О-о-о!» появился монарх. Остановился, приветствуя встречающих, затем неспеша двинулся вниз по сходням. Настала великая минута маленького капрала. Весь в поту, он успел протиснуться поближе к сходням, и взгляд его был прикован к королевским ногам. Капрал помнил четкую инструкцию: подать сигнал, когда королю останется сделать до берега три шага. В этом случае крепость успеет произвести пушечный салют одновременно с вступлением монарха на греческую землю.

Король спускался не торопясь. Напряжение достигло предела. Капрал взялся за кобуру, в решающий миг выхватил револьвер и выстрелил пять раз метрах в двух от королевского уха. И сразу стало очевидно, что крепость не догадалась предупредить встречающих об этом сигнале, вследствие чего стрельба, мягко выражаясь, застигла их врасплох; то же можно сказать о короле да и о всех нас.

— Боже мой, они его ампутировали, — взвизгнула Марго; в критические минуты она всегда теряла голову и путалась в словах.

— Не говори глупостей, это сигнал, — отрезал Лесли, направляя бинокль на крепость.

Между тем встречающие явно рассуждали примерно так же, как моя сестра. Они дружно набросились на злополучного капрала. На бледного протестующего беднягу обрушились толчки, тумачи и пинки; вырвав из рук револьвер, его энергично ударили рукояткой по голове. Худо пришлось бы ему, если бы в эту минуту крепостные пушки не извергли внушительное облако дыма, оправдав действия капрала. На смену негодованию пришли улыбки и смех, ибо у корфян

хорошо развито чувство юмора. Один только монарх слегка опечалился. А тут еще, когда он сел в предназначенную ему открытую машину, возникла загвоздка: дверь почему-то упорно не хотела закрываться. Шофер сильно хлопнул ею, командир воинского подразделения хлопнул ею, руководитель оркестра хлопнул, стоявший поблизости священник хлопнул еще сильнее, но замок отказывался работать. Не желая признать свое поражение, шофер отошел на несколько шагов, разбежался и ударил дверь ногой. Вся машина содрогнулась, однако дверь продолжала упрямиться. Кто-то подал веревочку, но дверь не к чему было привязать. Дольше ждать было нельзя, и машина тронулась в путь; секретарь губернатора держал дверь рукой, наклоняясь назад через спинку переднего сиденья.

Первая остановка была предусмотрена около церкви святого Спиридиона, чтобы государь мог выразить почтение мощам. Окруженный лесом из сановных бород, он исчез в темной утробе храма, где тысячи свечей напрашивались на сравнение с буйным цветением примул. День выдался жаркий, и королевский водитель малость утомился от поединка с дверью, а потому, оставив машину перед церковью, юркнул за угол, чтобы промочить глотку. И кто станет порицать его за это? Кто в таких случаях не испытывал подобного желания? Вот только он неверно рассчитал, как долго продлится свидание монарха со святым, и когда государь, сопровождаемый сливками греческой церкви, внезапно вышел из храма и сел в машину, водитель блистал отсутствием. Как обычно, когда на Корфу возникал какой-нибудь кризис, все винили друг друга. Четверть часа в воздухе мелькали кулаки и сыпались упреки; на поиски водителя во все стороны были разсланы гонцы. Заминка объяснялась тем, что никто не знал, какое кафе он почтил своим присутствием, но в конце концов его выследили и, поливая бранью, с позором оторвали от второго стаканчика анисовки.

Следующая остановка была на Главной площади; здесь

королю предстояло наблюдать парад воинов и музыкантов, после чего должны были выступить бойскауты. Безжалостно истязая клаксон на узких улочках, Спиро доставил нас на площадь задолго до прибытия туда государя.

— Уж теперь-то больше не должно быть неурядиц, — озабоченно произнесла мама.

— Остров превзошел сам себя, — отозвался Ларри. — Я надеялся на прокол шины королевского автомобиля по пути от гавани до церкви, но это, пожалуй, было бы чересчур.

— Ну, я не стал бы зарекаться, — вступил Теодор с веселым огоньком в глазах. — Не забывайте, это Корфу. Вполне возможно, что у них припасено для нас кое-что еще.

— Нет-нет, довольно, — сказал Кралевский. — В самом деле! Что за организация! Мне стыдно за них.

— Верно, Тео, — подхватил Ларри. — Есть же предел их изобретательности.

— Я бы не стал... э... гм... биться об заклад... знаете ли... — ответил Теодор.

Дальнейшие события подтвердили его правоту.

Король прибыл на площадь и занял место на трибуне. Воины промаршировали очень бодро, причем ухитрились почти безошибочно идти в ногу. Корфянский гарнизон в ту пору был достаточно захолустным, и рекрутов не перегружали занятиями; тем не менее они достойно выдержали испытание. За ними проследовал сводный духовой оркестр, объединяющий музыкантов из всех деревень; разноцветная униформа радовала глаз, ярко начищенные инструменты слепили его. Возможно, исполнение было не совсем стройным, и кто-то чуть-чуть фальшивил, но недостатки с лихвой восполнялись мощью и громкостью звука.

Наступила очередь бойскаутов, и мы не поскупились приветственные крики и аплодисменты, когда полковник Велвит, этакий предельно изможденный и нервный библейский пророк в бойскаутской форме, вывел на пыльную площадь своих коротышек. Они поприветствовали монарха,

затем, повинувшись отданной писклявым, задышающимся голосом команде полковника, забегали в разные стороны и, перестроившись, изобразили греческий флаг. Бурю приветственных возгласов и аплодисментов, которыми их наградили, наверно, было слышно в самых отдаленных уголках албанского нагорья на материке. Исполнив несколько гимнастических номеров, бойскауты прошагали к двум белым линиям, изображающим берега реки. Половина отряда живо сбегала за досками для строительства понтонного моста, а другая половина тем временем перебрасывала канат через коварные воды. Увлеченные этими маневрами зрители подступали все ближе к «реке», тесня полицейских, коим надлежало сдерживать натиск толпы.

В рекордный срок бойскауты, старшему из которых было не более восьми лет, навели переправу через воображаемую реку, после чего во главе с юным трубачом, извлекавшим громкие нестройные звуки из своего горна, пробежали трусцой через мост и приняли положение «смирно» на другой стороне. Восхищенная толпа рукоплескала, кричала «ура!», свистела и топала ногами. Полковник Велвит позволил себе по-военному сдержанно чуть улыбнуться и бросил гордый взгляд в нашу сторону. Затем он рявкнул короткую команду, три пухлых бойскаутика отделились от общего строя и направились к мосту, неся детонаторы, взрывную машинку и прочие принадлежности. Закончив приготовления, они вернулись в строй, на ходу разматывая провод, и вытянулись в струнку, ожидая следующей команды. Полковник Велвит упивался великой минутой. Посмотрел кругом, удостоверившись, что всеобщее внимание сосредоточено на нем. Царила полная тишина.

— Подорвать мост! — гаркнул полковник, и тотчас один из бойскаутов крутнул рукоятку подрывной машинки.

Что тут было! Последовал мощный взрыв, в облаке пыли в воздух взлетели обломки моста и камни, которые затем градом посыпались на публику. Первые три ряда зрителей вкупе с полицейскими и полковником Велвитом

упали навзничь. Взрывная волна поразила кузов нашей машины пулеметной очередью щепок и камешков и сорвала шляпу с маминой головы.

— Господи! — воскликнул Ларри. — Что за игру придумал этот дурень Велвит?

— Моя шляпа, — выдохнула мама. — Кто-нибудь, найдите мою шляпу!

— Я найти ее, миссисы Дарреллы, вам не беспокоить! — крикнул Спиро.

— Огорчительно, весьма, — произнес Кралевский, зажмурив глаза и вытирая лоб носовым платком. — Чересчур воинственно для маленьких мальчиков.

— Маленькие мальчики! Маленькие изверги, черт бы их побрал! — яростно крикнул Ларри, вытряхивая мусор из волос.

— Я чувствовал, что должно еще что-то произойти, — удовлетворенно объявил Теодор, радуясь, что Корфу оправдал свою буйную репутацию.

— Видно, у них там была настоящая взрывчатка, — сказал Лесли. — Не понимаю, как полковник Велвит мог решиться на такое. Чертовски опасная затея.

Очень скоро выяснилось, что полковник тут ни при чем. С дрожащими коленями он построил своих бойскаутов и увел их с площади, после чего вернулся на поле боя, чтобы извиниться перед мамой.

— Я так унижен, так унижен, миссис Даррелл, — говорил он со слезами на глазах. — Эти маленькие негодяи добыли динамит у рыбаков. Заверяю вас, я ничего об этом не знал, ничего.

В помятой шляпе и пыльной форме он выглядел очень несчастным.

— Ну, что вы, полковник, не огорчайтесь, — ответила мама, поднося дрожащей рукой к губам стаканчик с разбавленным бренди. — С кем не случается.

— В Англии сплошь и рядом, — подхватил Ларри. — Дня не проходит...

— Поедем-ка с нами обедать, — перебила мама, наградив Ларри уничтожающим взглядом.

— Благодарю, любезная леди, вы слишком добры, — отозвался полковник. — Только я сперва должен переодеться.

— Меня очень заинтересовала реакция публики, — сообщил Теодор, верный своей исследовательской жилке — Ну, словом... э... тех, кого сбило с ног.

— Полагаю, они чертовски злились, — сказал Лесли.

— А вот и нет, — гордо произнес Теодор. — Корфу есть Корфу. Они все... словом... помогли друг другу подняться и смахнуть пыль и говорили, как здорово все получилось... э... как реалистично. И похоже, никого не удивило, что у бойскаутов оказался динамит.

— Да, проживешь достаточно долго на Корфу, вообще перестанешь чему-либо удивляться, — убежденно заключила мама.

После продолжительного изысканного обеда в городе, во время которого мы старались убедить полковника Велвита, что его номер с подрывом моста был гвоздем всей программы, Спиро повез нас домой сквозь прохладную бархатистую ночь. Мелодично перекликались сплюшки — словно диковинные колокола звенели среди деревьев; белая пыль клубилась за машиной, застывая летним облачком в тихом воздухе; в соборном мраке оливковых роц мерцал зеленый пунктир светлячков. День выдался хороший, но утомительный, и мы радовались возвращению к домашнему очагу.

— Ну так, — сказала мама, подавляя зевок и направляясь с лампой к лестнице. — Король не король, а меня завтра раньше двенадцати не будите.

— О-о, — сокрушенно вымолвил Ларри. — Разве я тебе не сказал?

Мама остановилась на полпути наверх и воззрилась на Ларри; колеблющийся свет керосиновой лампы заставил ее тень метаться на белой стене.

— Что именно? — подозрительно осведомилась она.

— Да насчет короля, — ответил Ларри. — Извини, я должен был раньше предупредить тебя.

— О чем предупредить? — Мама встревожилась не на шутку.

— Я пригласил его на ленч, — сказал Ларри.

— Ларри! Не может быть! Право же, это неосмотрительно... — начала было мама, но тут же сообразила, что ее разыгрывают.

— Не вижу в этом ничего смешного, — холодно произнесла она, выпрямившись во весь свой малый рост. — И к тому же не я, а он был бы в смешном положении, потому что в доме, кроме яиц, ничего нет.

С великим достоинством, игнорируя наш смех, мама удалилась в спальню.

Глава седьмая. Пути любви

*Подкрепите меня вином,
освежите меня яблоками, ибо я
изнемогаю от любви.*

Песнь песней Соломона, 2-5

Лето выдалось такое неистовое, иссушающее и жгучее, что от зноя даже небо выцвело, приняв предосенний блекло-голубой оттенок, а теплое, как парное молоко, море уподобилось огромному тихому синему пруду. Ночью можно было слышать, как полы, ставни и балки стонут, кряхтят и потрескивают от высасывающего последние соки жара. Полная луна раскаленным углем таращилась с знойного бархатно-черного неба, а десять минут спустя после восхода солнца уже нечем было дышать. Царило безветрие, и зной тяжелой крышкой давил на остров. Цветы и травы на склонах гор жухли и погибали от засухи, оставались ломкие, как белесая стружка, стебли. Дни стояли такие жаркие, что цикады начинали петь раньше обычного, делая перерыв среди дня, а земля накалялась так, что невозможно ходить босиком.

Наш дом был для местной фауны чем-то вроде комплекса больших деревянных пещер, где было примерно на полградуса прохладнее, чем в ближайших оливковых, апельсиновых и лимонных рощах, и живность устремилась к нам. Естественно, поначалу вина за столь внезапное нашествие была возложена на меня, но в конце концов наплыв всевозможных тварей достиг такого размаха, что даже родные вынуждены были признать мою непричастность. Легионы черных клещей вторглись в дом и напали на наших псов, облепив их голову и уши сплошным покровом, напоминающим кольчугу, удалять которую было далеко не просто. Оставалось крайнее средство — травить клещей керосином, и оно помогло нам справиться с ними. Оскорбленные до глубины души таким обращением, воняющие керосином псы трусили вокруг дома, свесив

голову, тяжело дыша и осыпая землю гроздьями дохлых клещей. Ларри предложил повесить объявление «Осторожно — огнеопасные собаки», справедливо считая, что, вздумай кто-нибудь зажечь спичку около любой из них, и весь дом может вспыхнуть, как сухой трутовик.

Однако керосин дал нам только временную передышку. Нашествие клещей продолжалось, и наступила пора, когда вечером, лежа в постели, можно было наблюдать, как они стройными рядами передвигаются по комнате, выполняя диковинные эволюции. К счастью, нас они не трогали, ограничиваясь тем, что доводили до безумия псов. Иное дело — полчища блох, которые решили разделить с нами кров. Точно татарские орды, они явились вдруг, словно материализовались из пустоты; не успели мы опомниться, как весь дом был наводнен ими. Блохи были повсюду; идя по комнатам, вы чувствовали, как они прыгают на вас и ползут вверх по ногам. Спальни стали непригодными для обитания, и некоторое время мы могли спать только на наших просторных верандах.

Но и блохи не были самыми нежеланными среди малых гостей нашего дома. Черные как смоль крохотные скорпионы обосновались в прохладной ванной комнате. Надумав поздно вечером почистить зубы, Лесли опрометчиво пошел туда босиком и был ужален. Скорпион был всего лишь чуть больше сантиметра в длину, но яд сего изверга подействовал так, что несколько дней Лесли вообще не мог ходить. Скорпионы покрупнее предпочитали район кухни, где они нагло восседали на потолке, напоминая этаких уродливых омаров, променявших водную среду на воздушную.

Вечером, стоило нам зажечь лампы, как слетались тысячи насекомых, мотыльки всех разновидностей, от крохотных, с желтовато-коричневыми растрепанными крылышками, до здоровенных, в розовую и серебристую полоску, бражников, которые пикировали на свет с такой силой, что были способны разбить ламповое стекло. Были тут и жуки, одни черные, будто одетые в траур плакальщики,

другие в яркую полоску или крапинку; одни с короткими булавовидными усиками, другие с длинным тонким подобием усов китайского мандарина. Не было недостатка и в прочих букашках, подчас таких маленьких, что без увеличительного стекла и не рассмотришь причудливейшие формы и цвета.

Естественно, для меня это скопище насекомых было великим даром. Каждый вечер я крутился возле ламп и фонарей, держа наготове баночки и склянки и состязаясь с другими хищниками за право обладать отборными экземплярами. Тут полагалось не зевать, ибо конкуренция была острейшая. На потолке бледно-розовые гекконы с растопыренными пальцами и выпученными глазами подкрадывались к жукам и мотылькам с изощренной осторожностью. По соседству зеленые вампиры — ханжи-богомолы с безумными глазами и лишенным подбородка ликом, — покачиваясь, выступали на тонких шиповатых ногах.

Внизу со мной конкурировали напоминающие поджарых косматых волков огромные пауки шоколадного цвета; притаившись в тени, они вдруг выскакивали из засады, готовые выхватить экземпляр чуть ли не из моих рук. В роли их пособников выступали облаченные в красивую кожу, точно пошитую из зеленых и серебристо-серых лоскутков, жирные жабы, которые прыгали, тяжело дыша и тараща глаза, посреди невиданного изобилия съестного, и маленькие, вороватые, несколько зловещие на вид мухоловки. Толстое, как карандаш, приплюснутое тело этих многоножек длиной около восьми сантиметров было одето в бахрому из длинных тонких ног. Когда ноги мухоловки попарно приходили в движение, по бахроме словно пробегали волны, и насекомое скользило, точно камень по льду, бесшумно и... жутковато, ибо мухоловка была одним из наиболее свирепых и искусных охотников.

Снова вечер, снова зажжены лампы, и я терпеливо жду, чем бы пополнить свою коллекцию. Вечер только начался, и большинство хищников, кроме меня и нескольких летучих

мышей, еще не выходило на охоту. На веранде летучие мыши в стремительном пике хватали мотыльков и другую лакомую мелюзгу в каких-нибудь сантиметрах от лампы, так что пламя судорожно колыхалось от ветра, поднятого их крыльями. Медленно тускнел бледно-бирюзовый отсвет вечерней зари, начинали звучать протяжные мелодичные трели цикад, в сумраке под сенью олив вспыхивало холодное мерцание светлячков, и весь наш огромный дом, покряхтывая и постанывая от солнечных ожогов, успокаивался на ночь.

Стена за лампой всегда была покрыта сонмом разных насекомых, которые после неудачного покушения на самоубийство отдыхали там, приходя в себя перед новой попыткой. Из узкой трещины в штукатурке в основании стены выбрался на редкость крохотный, пухленький геккон. Судя по всему — новорожденный, ибо он не достигал и четырех сантиметров в длину, однако за короткий срок, прошедший от появления геккончика на свет, он явно успел приналечь на еду, так что тельце его, включая хвост, было почти круглым. Рот изогнут в широкой застенчивой улыбке, большие темные глаза изумленно округлены, как у ребенка при виде стола, накрытого для банкета. Не успел я остановить его, как он уже неспеша заковылял вверх по стене и приступил к трапезе, ухватив златоглазку, чем и вызвал мое недовольство, потому что эти насекомые с прозрачными, кружевными зелеными крылышками и большими зеленовато-золотистыми глазами были в ряду моих любимцев.

Сглотнув последний кусочек прозрачного крыла, геккончик передохнул, цепляясь за стену и задумчиво помаргивая глазами. Я не мог понять, почему он выбрал относительно крупную в его масштабах златоглазку, когда со всех сторон его окружало множество более мелких мошек, которых было бы легче поймать и съесть. Однако вскоре выяснилось, что передо мной обжора, о каких говорят «брюхо сыто, да глаза голодны». Вылупленный из яйца, а потому не получивший материнских наставлений, он пребывал во

власти ошибочного представления, что все насекомые съедобные и чем они крупнее, тем быстрее утолят его голод. И ему явно было невдомек, что для столь малого создания, как он, некоторые насекомые могут быть попросту опасны. Подобно миссионерам прошлого, геккончик был столь высокого мнения о собственной персоне, что ему не приходила в голову вероятность самому стать чьей-то трапезой.

Игнорируя сидевшее поблизости сборище мелких и в высшей степени съедобных мотыльков, геккончик стал подкрадываться к не уступавшему ему величиной толстому ворсистому дубовому коконопряду, однако промешкал с последним рывком и успел схватить бабочку только за кончик крыла. Бабочка вспорхнула, и мощностъ ее коричневых крылышек была так велика, что она едва не оторвала юного охотника от стены и не унесла его с собой. Ничуть не обескураженный, он, передохнув, атаковал равного ему длиной длинноусого жука. Геккончик явно не соображал, что все равно никогда в жизни не смог бы проглотить такое жесткое колючее чудовище. Правда, ему вообще никак не удавалось толком ухватиться за твердые и скользкие покровы длинноусого, и кончилось все тем, что он лишь сшиб жука на пол.

Снова короткая передышка, во время которой геккончик обзирал поле боя; в это время, шелестя крылышками на веранду прилетел здоровенный богомол и сел на стене сантиметрах в пятнадцати от юного охотника. Сложил крылья со звуком, напоминающим шуршание папиросной бумаги, и, подняв в мнимо молитвенном жесте передние ноги, оснащенные грозными зубьями, стал озираться своими глазами безумца, поворачивая голову так и этак, чтобы лучше видеть выстроенные в его честь шеренги насекомых.

Геккончик явно не встречался прежде с богомолами и не разумел, какие они опасные; его глазам богомол представлялся обильной зеленой трапезой, о какой он мог только мечтать без всякой надежды когда-либо получить. Не

тратя попусту время и не считаясь с тем, что богомол был раз в пять больше него самого, геккончик начал подкрадываться. Тем временем богомол остановил свой выбор на серебристой пяденице и направился к ней, переступая своими тощими ногами старой девы. Время от времени он останавливался, покачиваясь из стороны в сторону, а следом за этим живым воплощением зла, также делая остановки, решительно шагал геккончик — голова опущена, потешный толстый хвостик дергается, как у возбужденного щенка.

Богомол приблизился к ничего не подозревающей бабочке, остановился, покачался, потом вдруг сделал выпад передними ногами и схватил жертву. Пяденица была достаточно крупная, и когда она отчаянно забилась, богомолу стоило великого труда удерживать ее грозными шипами. Пока он возился с ней, смахивая на неумелого жонглера, геккончик, доведя себя до полной ярости ударами собственного хвоста, пошел в атаку. Рванувшись вперед, он бульдожьей хваткой вцепился в одно из надкрыльев. Занятый жонглированием богомол был застигнут врасплох внезапным нападением с тыла. Потеряв равновесие, он упал на землю, увлекая за собой и пяденицу, и геккончика, который не разжимал своей мертвой хватки. Зато богомол выпустил чуть живую пяденицу, освобождая острые, как клинок, голени для поединка с геккончиком.

Только я решил, что самая пора вмешаться, чтобы пополнить свой зверинец богомолем и гекконом, как на сцену вышло еще одно действующее лицо. Из темного сплетения виноградной лозы возникла мухоловка. Подвижный ковер из тонких ножек целеустремленно заскользил к все еще корчившейся бабочке. Достиг ее, накрыл, и челюсти мухоловки впились в мягкий торакс жертвы.

Картина была захватывающая. Богомол, сложившись почти вдвое, бил острыми когтями геккона, но тот, возбужденно вытаращив глаза, не отпускал хватки, как ни трепал его огромный противник. Тем временем мухоловка, убедившись, что ей не под силу унести добычу, обволокла ее

живым ламбрекеном, высасывая жизненные соки.

В этот момент явилась Тереза Олива Агнес Дьедр, или попросту Дьедр. Это имя носила одна из двух здоровенных жаб, которых я выследил, довольно быстро приручил и поселил в маленьком огороженном саду ниже веранды. Здесь обе жабы вели беспорочный образ жизни в окружении мандариновых деревьев и герани, совершая вылазки к веранде, когда там загорался свет, чтобы не упустить причитающуюся им долю крылатой трапезы.

Лежа на животе, я до того увлекся созерцанием схватки необычного квартета в пятнадцати сантиметрах от моего носа, что совсем забыл про существование Дьедр и даже не подозревал, что она тоже наблюдала из-за стула за битвой. Теперь она тяжело прошлепала вперед, на секунду замерла, и не успел я опомниться, как Дьедр, совершив по-жабьи целенаправленный прыжок, разинула широченную пасть и стремительным движением языка отправила туда мухоловку вместе с пяденицей. Остановилась, глотнула, на миг зажмурив выпученные глаза, затем ловко повернулась влево и тем же способом послала в рот богомола с геккончиком. Какое-то мгновение между толстыми губами Дьедр извивался червем торчащий наружу хвостик геккона, но она решительно затолкала его внутрь большими пальцами, как это заведено у жаб.

Мне доводилось читать про пищевые цепи и выживание наиболее приспособленных, однако я решил, что это уже чересчур, и был весьма недоволен Дьедр хотя бы потому, что она испортила такой увлекательный спектакль. И чтобы оградить себя от повторного вмешательства, я отнес ее обратно в сад, где она вместе с супругом, Теренсом Оливером Альбертом Диком, квартировала под каменным лотком с ноготками. Тем более что сегодняшнего ужина, на мой взгляд, ей было вполне достаточно.

Вот в такой дом — хрусткий, как сухарь, жаркий, как печь, и кишаший всякой живностью, — в один прекрасный день явился Адриан Фотискью Смайс. Школьный товарищ

Лесли, он однажды провел вместе с нами каникулы в Англии и успел страстно и безоглядно влюбиться в Марго, чем та была весьма недовольна.

О предстоящем прибытии Адриана нас известила мама, когда мы, удобно расположившись на веранде, знакомимся с поступавшей раз в две недели почтой.

— О, как славно, — произнесла она вдруг. — Это будет чудесно.

Прервав чтение, мы настороженно уставились на нее.

— Что будет чудесно? — осведомился Ларри.

— Я получила письмо от миссис Фотискью Смайс, — сообщила мама.

— Не вижу в этом ничего чудесного, — заметил Ларри.

— Что еще надо этой старой карге? — спросил Лесли.

— Лесли, милый, зачем же называть ее старой каргой.

Вспомни, как хорошо она к тебе относилась.

Лесли насмешливо фыркнул.

— Ладно, так что ей все-таки надо?

— А вот она пишет, что Адриан отправился в поездку по Европе, и спрашивает, нельзя ли ему погостить у нас на Корфу.

— Отлично, — сказал Лесли. — Я только рад буду такому гостю.

— Ага, он славный парень, — великодушно согласился Ларри.

— Правда?! — восторженно подхватила мама. — Такой воспитанный.

— А что до меня, то я вовсе не рада, — заявила Марго. — Более нудного типа надо поискать. При одном его виде на меня нападает зевота. Нельзя ли написать им, что у нас все занято?

— Но я думала, что Адриан тебе нравится, — удивилась мама. — А уж ты ему определенно нравилась, если не ошибаюсь.

— В том-то и дело. Я не желаю, чтобы он исходил тут слюной, точно какой-нибудь сексуально озабоченный

спаниель.

Мама поправила очки и посмотрела на Марго.

— Марго, милая, зачем же говорить так про Адриана, и откуда только ты берешь такие выражения. Уверена, что ты преувеличиваешь. Я никогда не видела, чтобы он вел себя, как... как... ну, в общем, как ты сказала. Мне он казался вполне благовоспитанным.

— Так и есть, — воинственно произнес Лесли. — Просто Марго воображает, что все мужчины от нее без ума.

— Ничего подобного, — возмутилась Марго. — Он мне не нравится, вот и все. Больно влюбчивый, стоит оглянуться-он тут как тут, слюной исходит.

— Адриан не из таких, чтобы слюни распускать.

— А я говорю, распускал. И даже исходил слюной.

— Я никогда за ним такого не замечала, — снова вмешалась мама. — И вообще, не могу же я отказать ему только потому, что он распускает слюни. Где твое благоразумие, Марго.

— Он приятель Лесли, пусть вокруг него и распускает свои слюни.

— Да не распускает он их и никогда не распускал.

— Ну, ладно, — рассудила мама. — Мы найдем, чем его занять, и думаю, ему будет не до слюней.

Две недели спустя к нам прибыл изголодавшийся, отощавший Адриан. Почти без гроша в кармане он проделал весь путь от Кале до Бриндизи на велосипеде, который в конце концов не выдержал неравной схватки и рассыпался. Первые несколько дней мы почти не видели Адриана, потому что мама следила за тем, чтобы он ложился рано, вставал поздно и непрерывно чем-нибудь подкреплялся. Когда же он возникал перед нами, я не спускал глаз с его рта, так как из всех гостивших у нас диковинных друзей не было еще никого, кто бы исходил слюной, и мне не терпелось увидеть этот феномен. Однако, если не считать склонности заливать краской всякий раз, когда в комнату входила Марго, и тарачиться на нее с приоткрытым ртом (по совести,

я должен был признать, что тут он впрямь походил на спаниеля), никаких других эксцентричных проявлений за ним не замечалось. У него были на редкость кудрявые волосы, большие и очень кроткие карие глаза, и на верхней губе под действием гормонов только-только пробился нежный пушок, коим он чрезвычайно гордился. Адриан привез Марго подарок — пластинку с песенкой, которую он явно почитал равной шекспировским сонетам. Называлась песенка «В кабачке Смоки Джо», и мы все остро возненавидели ее, ибо Адриан не мог дня прожить без того, чтобы раз двадцать не прокрутить эту лабуду.

— Господи, — простонал Ларри, когда мы утром, сидя за завтраком, в очередной раз услышали шипение пластинки, — сколько можно, да еще в такую рань.

«У Смоки Джо в Гаване, — громко затянул гнусавый тенор, — я торчал, утоляя жажду...»

— Это невыносимо, — с тоской произнесла Марго. — Почему он не может поставить что-нибудь другое?

— Зачем же так, милая, она ему нравится, — увещевающе сказала мама.

— Вот именно, и он купил эту пластинку для тебя, — подхватил Лесли. — Это твой чертов подарок. Вот и скажи, чтобы он перестал ее крутить.

— Нет-нет, милый, так нельзя, — возразила мама. — Все-таки он наш гость.

— Ну и что, если гость? — огрызнулся Ларри. — Ему медведь на ухо наступил, а мы все должны страдать? Это пластинка Марго. Пусть она и распорядится.

— Но это будет так невежливо, — озабоченно произнесла мама. — Как-никак, он привез пластинку в подарок и думает, что она нам нравится.

— Знаю, но оправдывать его глубокое невежество не намерен, — настаивал Ларри. — Представляешь себе, вчера он не дослушал Пятую симфонию Бетховена, снял и поставил взамен этого завывающего кастрата! Да у него, если хотите знать, культуры столько же, сколько у гуннского вождя.

— Тише, Ларри, милый, он может тебя услышать, — сказала мама.

— При таком-то гвалте? Да ему сейчас в слуховой рожок надо кричать.

Тем временем Адриан, не подозревая, какая смута охватила наше семейство, задумал подпевать пластинке. Поскольку его гнусавый тенорок был удивительно похож на голос самого исполнителя, результат был на редкость отвратным.

«И там я увидел девицу... То была наша первая встреча... О мама Инес... О мама Инес... О мама Инес... Мама Инес...» — заливались более или менее в унисон Андриан и граммофон.

— Силы небесные! — взорвался Ларри. — Это уже чересчур! Марго, придется тебе пойти и сказать ему.

— Только сделай это вежливо, милая, — добавила мама. — Мы ведь не хотим ранить его.

— Что до меня, то я не прочь его ранить, — возразил Ларри.

— Я знаю, что надо сделать, — сообщила Марго. — Скажу ему, что у мамы болит голова.

— Это даст нам только временную передышку, — заметил Ларри.

— Ты скажешь, что у мамы болит голова, а я спрячу все иголки, — торжествующе предложил Лесли. — Как вам такая идея?

— О, замечательно! — воскликнула мама, радуясь тому, что проблему можно решить без риска ранить Адриана.

Адриан был несколько озадачен исчезновением граммофонных иголок и нашими дружными заверениями, что на Корфу купить их невозможно. Но у него была хорошая память, и он с утра до вечера сам напевал «Смоки Джо», хотя из-за полного отсутствия слуха его пение больше всего напоминало теноровый гул потревоженного улья.

Шли дни, а влюбленность Адриана ничуть не ослабевала, даже напротив — становилась сильнее, и в той же

мере усиливалось недовольство Марго. Я начал проникаться жалостью к нему, ведь что бы он ни делал, все было не так. Когда Марго заявила, что усы делают его похожим на мужского парикмахера низшего разряда, он поспешил их сбрить, после чего она сказала, что усы — признак мужской зрелости. Больше того, Марго недвусмысленно давала понять, что решительно предпочитает местных крестьянских парней любому английскому импорту.

— Они такие красивые и такие милые, — говорила она, вызывая откровенную ревность Адриана. — Так славно поют. У них такие хорошие манеры. Они играют на гитаре. Они по всем статьям превосходят любого англичанина. От них исходит своеобразное амбре.

— Ты хочешь сказать «благоухание», — поправил ее Ларри во избежание превратных толкований слова «амбре».

— Что ни говори, — продолжала Марго, пренебрегая его замечанием, — это настоящие мужчины, а не какие-нибудь никудышные слащавые слюнтяи.

— Марго, милая, — вмешалась мама, нервно поглядывая на уязвленного Адриана, — право же, это не очень любезно с твоей стороны.

— А я и не хочу быть любезной, — отпарировала Марго. — И вообще, жестокость часто оборачивается добром, если правильно ею распоряжаться.

Выдав сей загадочный образчик философических умозаключений, она покинула нас, направляясь к своему новейшему воздыхателю, загорелому рыбаку с роскошными усами. Адриан был до того унижен, что мои родичи сочли необходимым как-то умерить его отчаяние.

— Не обращай внимания на Марго, милый Адриан, — утешала его мама. — Это все только слова, она такая упрямая. Возьми еще персик.

— Упрямая, как осел, — добавил Лесли. — Уж я-то знаю.

— Хотел бы я знать, как мне стать похожим на крестьянских парней, — задумчиво произнес озадаченный

Адриан. — Может быть, начать играть на гитаре?

— Нет-нет, только не это, — поспешно произнес Ларри. — В этом нет никакой надобности. Почему бы тебе не попробовать что-нибудь попроще? Скажем, жевать чеснок.

— Чеснок? — удивился Адриан. — Марго любит чеснок?

— Ну, конечно, — ответил Ларри. — Ты же слышал, что она говорила про запах от этих ребят. А какой запах ты чувствуешь прежде всего, когда приближаешься к ним? Чеснок!

Пораженный логикой этого рассуждения, Адриан стал прилежно жевать чеснок, но добился лишь того, что Марго, зажав нос платком, объявила, что от него разит, как от местного автобуса в базарный день.

В моих глазах Адриан был очень славной личностью; покладистый и добрый, он всегда был готов выполнить все, о чем бы его ни просили. Я чувствовал своим долгом сделать что-то для него, однако не мог придумать ничего толкового, разве что запереть Марго в его спальне, но и эту идею я тут же отверг как трудно осуществимую и способную вызвать мамино неодобрение. Решил обсудить этот вопрос с мистером Кралевским — может быть, он что-нибудь посоветует. И когда в очередной день занятий мы сделали перерыв, чтобы выпить чашечку кофе, я рассказал ему о безуспешном уходе за Марго — тема, сулившая нам обоим желанное отдохновение от непостижимых тайн квадрата гипотенузы.

— Ага! — воскликнул мистер Кралевский. — Пути любви не бывают гладкими. В самом деле, разве не станет жизнь скучноватой, если дорога к цели неизменно будет гладкой?

Философические думы моего наставника меня не очень увлекали, но я вежливо слушал. Мистер Кралевский аккуратно взял печенье наманикюренными пальцами, подержал его над чашкой и окунул в кофейную купель, прежде чем отправить в рот. Методично пожевал с

закрытыми глазами, наконец вымолвил:

— Сдается мне, что сей юный Лохинвар излишне усердствует.

Я ответил, что Адриан — англичанин, а не шотландец, и вообще, разве может усердие быть чрезмерным? Известно ведь, что без старания успеха не добьешься.

— Э, — лукаво произнес мистер Кралевский, — в делах сердечных все обстоит иначе. Немножко равнодушия порой способно творить чудеса.

Соединив кончики пальцев, он задумчиво воззрился на потолок, и я понял, что мне предстоит быть очевидцем очередного полета фантазии мистера Кралевского, с его излюбленным мифическим персонажем — «дамой сердца».

— Помню, однажды я безумно влюбился в одну молодую особу, — начал Кралевский. — Разумеется, это должно остаться между нами.

Я кивнул и взял еще печенье, зная, что истории Кралевского короткими не бывают.

— Это была особа такой красоты и таких достоинств, что женихи теснились вокруг нее, словно... словно... пчелы вокруг банки с медом, — продолжал мистер Кралевский, довольный своим сравнением. — С первого взгляда я полюбил ее глубоко, беззаветно и безутешно, и я чувствовал, что ей это не совсем безразлично.

Он освежил горло глотком кофе, сплел пальцы вместе и наклонился вперед над столом; ноздри его расширились, большие выразительные глаза горели.

— Я неотступно следовал за ней, словно... словно... охотничий пес, идущий по следу, но она оставалась холодной и безучастной к моим ухаживаниям. Даже позволяла себе насмеяться над моей любовью.

Он примолк со слезами на глазах, затем энергично высморкался.

— Не могу описать, какие муки я испытывал-жгучая ревность, тяжкие бессонные ночи... Я потерял двадцать четыре килограмма, друзья начали волноваться за меня, и,

конечно же, все они пытались меня убедить, что эта особа не стоит моих страданий. Все, кроме одного друга... э... человека, умудренного опытом, должно быть, он сам имел много романов, один из них даже в далеком Булукистане. Он-то и сказал мне, что я чересчур усердствую, доколе я упорно буду повергать свое сердце к ее стопам, она, подобно всем женщинам, будет смотреть со скукой на мои вздыхания. Но стоит мне изобразить равнодушие, тотчас, заверил меня мой друг, все переменится.

Кралевский ласково улыбнулся мне, многозначительно кивнул и налил себе еще кофе.

— Ну, и как, — спросил я, — изобразил он равнодушие?

— Разумеется, — сказал Кралевский. — Не теряя времени, я сел на пароход, идущий в Китай.

Замечательно, подумал я: какая женщина смогла бы утверждать, что сделала своим рабом мужчину, который вдруг сел на пароход и укатил в Китай. Такая даль — тут даже самой тщеславной особе достало бы времени поразмыслить над своим поведением. И что же произошло, нетерпеливо спросил я, когда мистер Кралевский вернулся из путешествия?

— Я застал ее замужем, — ответил Кралевский малость пристыженно, чувствуя, что не оправдал моих ожиданий. — Сам понимаешь, бывают женщины капризные и нетерпеливые. Но мне удалось поговорить с ней наедине, и она все объяснила.

Я слушал с напряженным интересом.

— По ее словам, — продолжал мистер Кралевский, — она решила, что я уехал навсегда, чтобы стать ламой, вот и вышла замуж. Да-да, моя возлюбленная дождалась бы меня, если бы знала, а так, снедаемая горем, вышла за первого попавшегося на ее пути. Не просчитайся я в оценке длительности путешествия, сегодня она была бы моей.

И он снова высморкался с сокрушенным видом.

Я переварил услышанное, однако не усмотрел в истории Кралевского каких-либо четких указаний — как помочь

Адриану. Может быть, одолжить ему свою лодку «Бутл Толстогузый», чтобы он уплыл в Албанию? Не говоря уже о риске потерять свое драгоценное суденышко, я сомневался, чтобы у Адриана хватило сил грести так далеко. Нет, я был вполне согласен с Кралевским, что Адриан чересчур усердствует, но, зная капризный нрав своей сестры, предполагал, что исчезновение сего поклонника скорее обрадует, чем опечалит ее. Главная проблема Адриана заключалась в том, что он никак не мог оставить Марго в покое. И я решил, что должен сам взяться за Адриана, если хочу, чтобы у него была хоть какая-то надежда на успех.

Первым делом ему надлежало изобразить равнодушие и перестать ходить по пятам за Марго, как ягненок ходит за овцой, а потому я начал брать его с собой, отправляясь изучать окружающую местность. Заманить его в поход было не очень сложно: спасаясь от Адриана, Марго стала подниматься чуть свет и исчезать из дома еще до его появления, так что он по большей части был предоставлен самому себе. Мама попыталась заинтересовать его кулинарным делом, но после того, как Адриан оставил открытым холодильник, загубив половину хранившихся там продуктов, подпалил полную жира сковороду, превратил отличную баранью ногу в нечто неудобоваримое и уронил на пол в кухне полдюжины яиц, она была только рада поддержать мое предложение, чтобы он составил мне компанию.

Для человека, выросшего в городе, Адриан оказался прекрасным спутником. Он никогда не жаловался, терпеливо и точно исполнял мои лаконичные распоряжения, вроде «Держи!» или «Не шевелись — укусит!», и проявлял искренний интерес к тварям, на которых мы охотились.

Как и предсказывал мистер Кралевский, неожиданное исчезновение Адриана заинтриговало Марго. Хотя она ни во что не ставила его знаки внимания, отсутствие их почему-то ее уязвляло. Она пожелала узнать, чем мы с Адрианом занимаемся целыми днями. Я ответил достаточно сухо, что

Адриан помогает мне в моих зоологических изысканиях. Он отлично преуспевает, добавил я; если так пойдет дальше, к концу лета я со спокойной душой смогу назвать его весьма компетентным натуралистом.

— Не представляю себе, как ты можешь водиться с таким пентухом, — заявила она. — Лично я не встречала более скучного типа.

Я ответил, что это даже к лучшему, так как Адриан признался мне, что Марго ему тоже малость наскучила.

— Что? — возмутилась Марго. — Да как он смеет говорить такие слова, как он смеет!

Что ж, рассудительно ответил я, она сама виновата. В самом деле, как не посчитать скучным человека, который никогда не пойдет с тобой купаться или погулять и к тому же вечно грубит.

— Я не грублю, — сердито сказала Марго. — Просто я говорю правду. А если он желает погулять, будет ему прогулка. Надо же — наскучила ему!

Успех моего замысла так меня обрадовал, что я упустил из виду одно обстоятельство: Марго, как и другие члены моей семьи, могла стать весьма серьезным противником, если ее раздражить. Вечером того дня она вдруг повела себя с Адрианом так учтиво, так мило, что все, исключая саму жертву, были удивлены и встревожены. Очень ловко Марго перевела разговор на прогулки и заявила, что, поскольку Адриану уже недолго осталось гостить на острове, ему необходимо побольше увидеть. И что может быть лучше пешего похода? Да-да, промямлил Адриан, это и впрямь лучший способ знакомиться с местностью.

— Я как раз собиралась погулять послезавтра, — небрежно произнесла Марго. — Таковую приятную прогулку задумала, жаль, что вы с Джерри так заняты, не то могли бы пойти со мной.

— О, пусть это вас не беспокоит, Джерри может справиться один, — ответил Адриан с достойным порицания равнодушием к моей персоне. — Я с удовольствием пойду!

— Вот хорошо! — пропела Марго. — Уверена, тебе понравится, я выбрала один из самых чудесных маршрутов.

— Это куда же? — осведомился Лесли.

— До Лиапад, — беззаботным тоном сообщила Марго. — Я там сто лет не была.

— До Лиапад? — повторил Лесли. — Прогулка? Да ведь это в другом конце острова. Не один час идти.

— Ну и что, захватим еду и проведем в походе весь день, — сказала Марго. И добавила лукаво: — Если, конечно, Адриан не возражает.

Было совершенно ясно, что Адриан не стал бы возражать, даже если бы Марго предложила плыть под водой в скафандре до Италии и обратно. Я объявил, что, пожалуй, пойду с ними, поскольку этот маршрут интересен с зоологической точки зрения. Марго одарила меня недобрым взглядом.

— Ладно, пойдешь, только веди себя прилично, — произнесла она, неизвестно на что намекая.

Надо ли говорить, что Адриан бредил предстоящей прогулкой и превозносил доброе сердце пригласившей его Марго. Однако я не разделял его восторга. Объяснил ему, что до Лиапад идти долго и будет очень жарко, но Адриан заявил, что это его ничуть не пугает. Зная незавидные физические данные Адриана, я сильно сомневался, что он выдержит, но не стал говорить об этом вслух, чтобы не уязвить его.

В назначенный день мы в пять утра собрались на веранде. На Адриане были добытые где-то огромные ботинки, подбитые гвоздями, длинные брюки и фланелевая рубашка. Когда я решился заметить, что такой наряд не очень-то годится для перехода через остров при температуре около сорока градусов в тени. Марго, к моему удивлению, возразила — дескать, на Адриане самая подходящая походная одежда, она лично выбирала. При этом ее ничуть не смущало, что сама она была одета в прозрачный купальник и сандалии, а я был в шортах и майке. На спине Марго висел внушительный рюкзак, видимо, с нашими съестными припасами, в руке она

держала толстую палку. Я захватил коллекционную сумку и сачок.

Вот с таким снаряжением мы тронулись в путь, причем Марго с места развила чрезмерный, на мой взгляд, темп. Очень скоро Адриан весь облился потом, и лицо его порозовело. Марго, несмотря на мои возражения, вела нас по открытой местности, сторонясь тенистых оливковых рощ. Кончилось тем, что я отделился и шел под сенью деревьев в нескольких сотнях метров от них, не отставая ни на шаг. Боясь, что Марго назовет его хлюпиком, взмокший Адриан упорно топал за ней по пятам. На пятом часу похода он с трудом волочил ноги и сильно хромал; его серая рубашка почернела от пота, а лицо приобрело тревожный багровый оттенок.

— Как ты насчет того, чтобы передохнуть? — справилась Марго.

— Разве что горло промочить, — прохрипел Адриан голосом дергача.

Я сказал, что это прекрасная идея; Марго остановилась и села на раскаленный камень на самом солнцепеке, где можно было бы запросто изжарить парочку быков. Скрытно порывшись в рюкзаке, она извлекла три бутылочки весьма сладкого шипучего лимонада местного производства.

— Вот, — сказала она, вручая нам по бутылочке. — Подкрепляйтесь.

Шипучий и не в меру сладкий напиток оказался к тому же горячим, так что он скорее усугубил, чем утолил нашу жажду. Около полудня мы наконец увидели берег моря, и в потускневших глазах Адриана затеплилась искра надежды. Дойдем до воды, объявила Марго, можно будет отдохнуть и искупаться.

Добравшись до береговых круч, мы спустились через нагромождение красных и коричневых глыб, которые придавали берегу сходство с распаханным кладбищем великанов. Адриан бросился на землю в тени огромного камня, увенчанного миртом и карликовой зонтичной пинией,

и скинул рубашку и обувь. Мы увидели, что его ступни приобрели такой же тревожный багровый цвет, как лицо, да к тому же покрылись волдырями. По совету Марго, он для закалки окунул ноги в лужицу среди камней; тем временем мы с сестрой искупались и, освеженные морской водой, сели в тени под скалой. Я сказал, что теперь не мешало бы что-нибудь съесть и выпить.

— А ничего нет, — сообщила Марго.

Несколько секунд царила мертвая тишина.

— Как это, ничего нет? — спросил наконец Адриан. — А что же там в рюкзаке?

— А, это мои купальные принадлежности, — ответила Марго. — Я решила не брать еду, чтобы не перегружаться в такую жару, к тому же мы успеем вернуться к ужину, если скоро тронемся в путь.

— Как насчет чего-нибудь попить? — хрипло осведомился Адриан. — Есть хоть еще лимонад?

— Конечно, нет, — раздраженно сказала Марго. — Я взяла три бутылочки, по одной на каждого, правильно? Уж очень они тяжелые. И вообще я не понимаю, с чего это ты расшумелся. Ты слишком много ешь, небольшой пост тебе только на пользу. Тебе не мешает спустить жир.

Никогда еще я не видел Адриана таким: казалось, он вот-вот вспылит.

— Я не желаю спускать жир, как ты выражаешься, — холодно произнес он. — А если бы и захотел, то не стал бы для этого шагать через весь остров.

— В том-то и беда, что ты размазня, — фыркнула Марго. — Стоит немного пройтись с тобой, как ты уже кричишь — дайте есть, дайте пить! Привык все время жить в роскоши.

— В такой день освежить горло — не роскошь, а необходимость, — возразил Адриан.

Не видя особого смысла в их споре, я взял пустые бутылки из-под лимонада и отправился к роднику, до которого было идти около километра вдоль берега. Дойдя

туда, я увидел человека, расположившегося у источника, чтобы перекусить. Его изборожденное морщинами, смуглое обветренное лицо украшали пышные черные усы. Ноги одеты в толстые носки из овечьей шерсти, как было заведено у местных крестьян, когда они работали в поле; на земле рядом с ним лежала широкая тляпка.

— Калимера, — приветствовал он меня без тени удивления и вежливо указал рукой на источник, словно предлагая воспользоваться его собственностью.

Я поздоровался, лег ничком на сотворенный влагой коврик зеленого мха и припал губами к светлой пульсирующей струе под перышками венерина волоса. Я пил долго и жадно; никогда еще вода не казалась мне такой вкусной. Смочив голову и шею, я сел с довольным вздохом.

— Хорошая вода, — сказал крестьянин. — Сладкая, верно? Точно фрукты.

Я подтвердил, что вода вкуснейшая, затем принялся споласкивать и наполнять бутылки.

— Есть еще родник вон там, — он указал на крутой каменистый склон, — но та вода совсем другая, горькая, словно вдовый язык. А эта сладкая, добрая. Ты иностранец?

Набрав воды, я отвечал на вопросы, но мысли были заняты другим. Вблизи лежали остатки трапезы крестьянина — полкаравая желтого, как первоцвет, кукурузного хлеба, большие белые, лоснящиеся зубки чеснока и горсть крупных, черных, как жуки, морщинистых маслин. От этого зрелища у меня потекли слюнки, и я остро ощутил, что с раннего утра у меня ничего не было во рту.

Наконец мой собеседник заметил, как я смотрю на его припасы, и с типично крестьянской щедростью взялся за складной нож, чтобы поделиться.

— Хлеба? — спросил он. — Ты хочешь хлеба? Я ответил, что с удовольствием взял бы немного хлеба, но дело в том, что нас, так сказать, трое. Моя сестра и ее муж, приврал я, тоже умирают от голода там, среди скал. Крестьянин защелкнул нож, собрал остатки своего завтрака и подал мне.

— Отнеси им, — сказал он, улыбаясь. — Я уже поел, а доброе имя Корфу не допускает, чтобы иностранцы умирали с голоду.

От души поблагодарив его, я завернул чеснок и маслины в носовой платок, сунул под мышку хлеб и бутылки и зашагал обратно.

— Доброго пути! — крикнул он мне вслед. — Держись подальше от деревьев — гроза надвигается.

Поглядев на ослепительно голубое небо, я решил, что он ошибается, но вслух ничего не сказал. Возвратившись к своим, я увидел, что Адриан угрюмо купает ноги в луже, а Марго загорает на камне, мурлыкая себе под нос. Вид доставленных мной припасов привел их в восторг, и они набросились на золотистый хлеб, маслины и чеснок, словно изголодавшиеся волки.

— Ну, так, — бодро произнесла Марго, когда мы кончили есть, произнесла с таким видом, точно это она раздобыла провиант. — Это было прекрасно. А теперь, пожалуй, пора трогаться в обратный путь.

Тотчас возникло одно затруднение: ноги Адриана, блаженствовавшие в прохладной воде, так отекли, что потребовались наши с Марго объединенные усилия, чтобы обуть его. Но и после того, как мы втиснули ступни Адриана в ботинки, он еле-еле передвигался, ковыляя, точно престарелая черепаха.

— Нельзя ли прибавить шагу! — раздраженно крикнула Марго безнадежно отставшему Адриану, когда мы прошли километра полтора.

— Я не могу идти быстрее, ноги отваливаются, — жалобно отозвался он.

Сколько мы ни твердили, что он сторит, Адриан снял рубашку и подставил свою молочно-белую кожу солнцу и ветру. Чуть больше трех километров отделяло нас от дома, когда сбылось предсказание крестьянина насчет грозы. Летние грозы зарождались в гнезде кучевых облаков в горах Албании, откуда жгучий, словно дыхание топки, острый ветер

стремительно нес их через море на Корфу. Этот самый ветер и обрушился теперь на нас, кусая кожу и слепя глаза пылью и клочьями листьев. Оливы стали из зеленых серебристыми, точно вдруг повернулся боком рыбий косяк, и ветер рвался через миллионы листьев с гулом, напоминающим исполинский прибой. Голубой небосвод с невероятной быстротой исчез за пеленой свинцовых туч, кромсаемых коленчатыми копьями бледно-лиловых молний. Неистовый палящий ветер усилился, и оливковые рощи зашуршали, качаясь, будто сотрясаемые могучим невидимым зверем. Затем хлынул дождь, крупные капли срывались с неба и хлестали нас, словно пущенные из рогатки. И надо всем царили властные громовые раскаты, гулкие, рокочущие, как будто там, за мятущимися облаками миллионы звезд, сталкиваясь, разбивались на куски и рассыпались в пространстве лавиной обломков.

Давно не было такой чудесной грозы, и мы с Марго упивались животворным действием ливня и грома после знойного безветрия. Адриан не разделял нашего восторга; он принадлежал к числу несчастных людей, боящихся грозы, ему она представлялась чудовищным, устрашающим явлением природы. Мы пытались отвлечь его песнями, но за раскатами грома он нас не слышал. Упорно шагая вперед, мы наконец сквозь исполосованную дождем сумрачную листву олив увидели приветливые огни нашего дома. Когда мы пришли туда и Адриан, чуть живой, ввалился в холл, нас встретила мама.

— Где вы так долго пропадали, дети? Я уже начала волноваться, — сказала она, увидела Адриана и ахнула: — Боже мой, дорогой Адриан, чем ты занимался?

Вполне естественный вопрос, если учесть, что опаленные солнцем участки его кожи перемежались с живописными синяками, он с трудом передвигал ноги и стучал зубами так, что не в силах был слова вымолвить. Мама сперва отчитала его, потом пожалела и уложила в постель, где он и оставался ближайшие несколько дней с легким тепловым

ударом, сильнейшим насморком и гноящимися ступнями.

— Честное слово. Марго, ну как на тебя не сердиться! — сказала мама. — Ты ведь знаешь, что у него слабое здоровье. Так можно и убить человека.

— Поделом ему, — ответила жестокосердая Марго. — Не надо было говорить, что со мной скучно. Как аукнется, так и откликнется.

Но Адриан, сам того не подозревая, сумел отыгаться: поправившись, он нашел в городе лавку, где продавали граммофонные иголки.

Глава восьмая. Радости дружбы

*Звук трубы, свирели, цитры,
цевницы, гуслей и симфония, и
всяких музыкальных орудий.*

Книга пророка Даниила, 3-5

Уже под конец лета мы устроили вечер, получивший название Индийского. Наши вечера, будь то тщательно планированные или родившиеся вдруг на голом месте, всегда были увлекательными, ибо редко все складывалось так, как было задумано. В те дни, живя в сельской местности без сомнительных благ в виде радио и телевидения, мы поневоле обходились такими нехитрыми видами развлечений, как книги, пререкания, вечера, смех друзей, а посему естественно, что вечера — особенно наиболее шумные — были настоящим праздником, коему предшествовали нескончаемые приготовления. И даже после благополучного завершения очередной вечеринки они еще долго давали пищу для восхитительно желчных споров по поводу упущенных возможностей.

В нашей жизни выдалась полоса относительного покоя, мама больше месяца отдыхала от вечеринок и гостей и пребывала в благодушном настроении. План нового праздника родился однажды утром, когда мы сидели на веранде и читали свежую почту. Мама получила, в частности, огромную поваренную книгу под названием «Миллион аппетитных восточных рецептов», щедро иллюстрированную такими яркими глянцевыми изображениями, что прямо хоть вырывай страницу и ешь. Плененная этой книгой, мама читала нам вслух один рецепт за другим.

— «Мадрасское диво»! — восхищенно провозгласила она. — О, это такая прелесть. Помню это блюдо, ваш отец очень любил его, когда мы жили в Дарджилинге. А вот еще! «Консармерская услада»! Я уже который год ищу этот рецепт. Вкуснейшая вещь, только очень жирная.

— Если они и впрямь такие, как на картинке, — заметил Ларри, — то, отведав их, потом двадцать лет придется жить на одной соде.

— Не говори глупостей, милый. Все ингредиенты абсолютно натуральные — четыре фунта масла, шестнадцать яиц, восемь пинт сливок, ядро десяти молодых кокосовых орехов...

— Бесподобно! — отозвался Ларри. — Отличный завтрак для страсбургских гусей.

— Я уверена, что они тебе понравятся. Отец их просто обожал.

— Но я-то, кажется, сижу на диете, — вмешалась Марго. — Зачем же принуждать меня есть такие вещи.

— Никто тебя не принуждает, милая, — возразила мама. — Ты всегда можешь отказаться.

— Ты ведь знаешь, что я не в состоянии отказаться, вот и получается принуждение.

— Ешь отдельно, в другой комнате, — предложил Лесли, листая каталог, рекламирующий огнестрельное оружие, — если у тебя не хватает силы воли отказаться.

— С силой воли у меня все в порядке, — возмутилась Марго. — Только я не могу отказываться, когда мама угощает.

— Джиджи шлет приветы, — сообщил Ларри, отрываясь от письма, которое читал в эту минуту. — Пишет, что приедет к нам ко дню своего рождения.

— День рождения! — воскликнула Марго. — Это замечательно! Я так рада, что он не забыл.

— Такой славный юноша, — сказала мама. — И когда он приедет?

— Как только выйдет из больницы, — ответил Ларри.

— Из больницы? Он хворает?

— Нет, просто ему не повезло с левитацией, сломал ногу. Пишет, что день рождения шестнадцатого числа, и он постарается быть здесь пятнадцатого.

— Как я рада, — сказала мама. — Я очень его полюбила

в уверена, что ему понравится эта книга.

— Знаете что, давайте как следует отпразднуем его день рождения, — возбужденно предложила Марго. — Устроим настоящий, роскошный праздник, а?

— Хорошая мысль, — отозвался Лесли. — Мы уже сто лет не устраивали стоящих вечеров.

— И я могла бы приготовить что-нибудь по этим рецептам, — с увлечением подхватила мама.

— Восточный праздник! — воскликнул Ларри. — Скажем всем, пусть приходят в чалмах и с драгоценным камнем на пупе.

— Нет, по-моему, это слишком, — возразила мама. — Лучше небольшой, скромный, приятный...

— Как же ты можешь устраивать для Джиджи небольшой, скромный, приятный вечер, — заметил Лесли, — после того, что рассказывала ему про караваны в четыреста слонов. Он рассчитывает на что-нибудь выдающееся.

— Откуда ты взял четыреста слонов, милый? Я говорила только, что мы отправлялись в джунгли на слонах. Всегда-то вы, дети, преувеличиваете. К тому же откуда нам взять здесь столько слонов, на это он никак не может рассчитывать.

— Верно, но какое-нибудь представление надо организовать, — настаивал Лесли.

— Я приготовлю все декорации, — вызвалась Марго. — Все будет в восточном стиле. Одолжу у миссис Пападруя бирманские ширмы, а у Лены есть страусовые перья...

— У нас ведь в городе в холодильнике хранятся кабанчик, утки и прочее, — вспомнил Лесли. — Пора уже до них добраться.

— Я попрошу рояль у графини Лефраки, — сказал Ларри.

— Да что это вы... постойте! — всполошилась мама. — Мы ведь не торжественный прием устраиваем, просто отмечаем день рождения.

— Чепуха, мама, нам только полезно малость выпустить пары, — снисходительно произнес Ларри.

— Верно, — подхватил Лесли, — взялся за гуж — не говори, что не дюж.

— И семь бед — один ответ, — добавила Марго.

— Или один обед, — не пожелал отстать Ларри.

— Теперь надо решить, кого приглашаем, — сказал Лесли.

— Теодора, конечно, — дружно отозвались мы.

— И бедняжку Крича, — объявил Ларри.

— Нет-нет, Ларри, — возразила мама. — Только не этого противного старого грубияна.

— Чепуха, мама, старикан обожает повеселиться.

— А еще полковника Риббиндэйна, — сказал Лесли.

— Ну уж нет! — с жаром воскликнул Ларри. — Обойдемся без этого воплощения занудства, пусть даже он лучший стрелок на острове.

— Никакой он не зануда, — воинственно возразил Лесли. — Нисколько не хуже твоих паршивых друзей.

— Найди среди моих друзей хоть одного, кто бы целый вечер рассказывал односложными словами, сопровождая их неандертальским хрюканьем, как он застрелил гиппопотама на реке Нил в девятьсот четвертом году.

— Во всяком случае, это очень интересно, — пылко отпарировал Лесли, — куда интереснее, чем слушать болтовню твоих приятелей об этом проклятом искусстве.

— Ну-ну, не спорьте, милые, — миролюбиво сказала мама. — У нас для всех найдется место.

Я удалился под звуки продолжающейся перепалки, которая неизменно возникала, когда обсуждался список приглашаемых на вечеринки; для меня пришел бы Теодор, и вечеру обеспечен успех. Выбор остальных гостей я предоставлял моим родным.

Приготовления к празднику набирали силу. Ларри удалось одолжить у графини Лефраки огромный рояль и тигровую шкуру на пол возле рояля, который был доставлен к нам на длинной четырехконной повозке с величайшей осторожностью, ибо являл собой любимый инструмент

покойного графа. Наблюдавший за доставкой Ларри снял брезент, защищавший рояль от солнца, забрался на телегу и лихо исполнил «Провожая милочку домой», дабы удостовериться, что инструмент не пострадал от перевозки. Рояль был в полном порядке, разве что малость расстроен, и, хорошенько попрыгав, мы втащили его в гостиную. Стоя в углу, черный, с агатовым блеском, с лежащей перед ним великолепной, грозно оскаленной тигровой шкурой, он придавал всей комнате роскошный восточный вид, чему способствовали также декорации Марго — развешанные по всем стенам огромные листы бумаги с намалеванными на них минаретами, павлинами, великолепными дворцами и слонами в уборе из драгоценных камней. Кругом стояли вазы с покрашенными страусовыми перьями, висели гроздьями воздушные шары, словно кисти диковинных тропических плодов.

Кухня, разумеется, напоминала чрево Везувия; в мерцающем рубиновом свете полудюжины очагов и жаровен сновали мама и ее подручные. От стука, рубки и помешивания стоял такой шум, что не было слышно человеческого голоса, а расплывающиеся по дому ароматы достигали такой густоты, что облекали вас пряным плащом.

И заправлял всем хмурый и смуглый джинн — Спиро; грудь бочкой, голос быка, он был вездесущ. Тащил своими ручищами на кухню огромные коробки с продовольствием и фруктами, громогласно бранясь и обливаясь потом помогал втаскивать в столовую и составлять вместе три обеденных стола, снабжал Марго иммортелями, а маму — редкостными специями и другими деликатесами. Именно в такие минуты мы особенно сильно ощущали, какой это незаменимый человек. Для Спиро не было ничего невозможного. «Я сделать», — говорил он. И делал — добывал фрукты независимо от сезона, отыскивал настройщика роялей, хотя по всем данным эта порода людей вымерла на Корфу еще в конце прошлого столетия. Право же, не будь Спиро, вряд ли хоть одна из наших вечеринок продвинулась бы дальше

стадии планирования.

Наконец все готово. Раздвижные двери между столовой и гостиной расступились, и образовавшееся просторное помещение пестрело цветами, воздушными шарами и картинами, длинные столы с белоснежными скатертями сверкали серебром, подсобные столики кряхтели под тяжестью холодных закусок. Молочный поросенок с апельсином во рту, коричневый и лоснящийся, как мумия, возлежал рядом с влажным от вина и сладкого маринада кабаньим окороком, наспигованным бусинами чеснока и круглыми семенами кориандра; груды поджаристых цыплят и индюшат чередовались с дикими утками, начиненными канадским рисом, миндалем и кишмишем, и с вальдшнепами, насаженными на бамбуковые прутья; горы риса с шафраном, желтые, как летняя луна, напрашивались на сравнение с ожидающим своего археолога курганом-так густо они были усеяны нежными розовыми кусочками осьминога, жареным миндалем, грецкими орехами, мелким зеленым виноградом, бугристыми корнями имбиря и орешками кедровидной сосны. Доставленную мною с озера кефаль поджарили и закоптили, и теперь она, политая растительным маслом и лимонным соком, лоснилась коричневой корочкой с нефритовыми кляксами укропа; рыбы лежали рядами на больших блюдах, словно причаленные в гавани флотилии диковинных лодок.

Все это перемежалось блюдами с менее значительной снедью: апельсиновыми и лимонными цукатами, сладкой кукурузой, тонкими овсяными лепешками с алмазными крупинками морской соли, кисло-сладкой фруктовой приправой и соленьями самого разного цвета, запаха и вкуса, призванными раздражить и ублажить вкусовые сосочки.

Это была вершина кулинарного искусства; сотни диковинных корней и семян отдали свои чистые соки, овощи и фрукты пожертвовали кожурой и мякотью, чтобы птица и рыба могли купаться в изысканно пахнущих подливках и маринадах. Желудок трепетал перед таким изобилием съедобных красок и запахов, казалось, вам

предстоит вкушать великолепный сад, многоцветные гобелены, и клеточки легких наполнятся волнами благоуханий до такой степени, что вы будете одурманены и обездвижены, подобно жуку в гуще розовых лепестков.

Вместе с псами я несколько раз прокрадывался на цыпочках в столовую, чтобы полюбоваться аппетитной картиной; мы стояли, пока рот не переполнялся слюной, после чего нехотя удалялись. Мы не могли дожидаться начала вечеринки.

Пароход, на котором плыл Джиджи, запаздывал, и наш друг прибыл утром своего дня рождения. На нем было восхитительное одеяние переливчатого синего цвета; голову венчал ослепительно белый тюрбан. Джиджи тяжело опирался на трость, но этим и ограничивались последствия несчастного случая, и он был все так же полон энтузиазма. Когда мы показали ему все, что приготовили, он неожиданно для нас разрыдался.

— Подумать только, — всхлипывал он, — мне, сыну простого мусорщика, такой почет.

— Ну что вы, пустяки, — возразила мама, несколько встревоженная его реакцией. — Мы часто устраиваем маленькие вечеринки.

Поскольку наша гостиняя сочетала приметы древне-римского пиршества и главной выставки цветов Великобритании, мамины слова позволяли заключить, что мы постоянно устраивали приемы, которым могла бы позавидовать династия Тюдоров.

— Чепуха, Джиджи! — сказал Ларри. — С каких это пор ты стал неприкасаемым! Твой отец был юристом.

— Ну и что, — ответил Джиджи, вытирая слезы. — Принадлежи мой отец к другой касте, и я был бы неприкасаемым. Твоя незадача в том, что ты лишен драматической жилки. Представляешь, какую поэму я мог бы написать — «Неприкасаемый пир».

— Что такое «неприкасаемый»? — обратилась Марго к Лесли громким шепотом.

— Это болезнь, вроде проказы, — серьезно ответил тот.

— Боже мой! — воскликнула Марго. — Надеюсь, он точно знает, что не болен проказой. Откуда ему известно, что его отец не заразный?

— Марго, милая, — мягко произнесла мама, — можно тебя попросить, чтобы ты пошла и помешала чечевицу?

Во время роскошного завтрака на веранде Джиджи развлекал нас рассказами о своем путешествии в Иран и пел Марго персидские любовные песни с таким жаром, что псы дружно ему подвывали.

— О, ты должен спеть какую-нибудь из этих песенок сегодня вечером, — радостно заявила Марго. — Прошу тебя, Джиджи. Все будут что-нибудь исполнять.

— Что ты подразумеваешь, милая Марго? — спросил заинтригованный Джиджи.

— Мы впервые это задумали, будет что-то вроде кабаре, — объяснила Марго. — Каждый должен что-то изобразить. Лена исполнит оперную арию, что-нибудь из «Розового кавалера»... Теодор и Кралевский покажут один из фокусов Гудини... словом, все участвуют... и ты должен спеть персидскую песенку.

— А почему бы мне не выступить с чем-нибудь таким, что ближе моей родной Индии? — осенило Джиджи. — Я могу показать лвитацию.

— Нет-нет, — решительно вмешалась мама. — Я хочу, чтобы вечер прошел удачно. Никаких лвитаций.

— А правда, что-нибудь типично индийское, — поддержала Марго нашего гостя. — Знаю — изобрази заклинателя змей!

— Вот-вот, — подхватил Ларри. — Простой типичный неприкасаемый индийский заклинатель змей.

— Боже мой! — воскликнул Джиджи с сияющими глазами. — Чудесная мысль! Так и сделаю.

Желая быть полезным, я заявил, что могу одолжить Джиджи полную корзину маленьких безобидных веретениц, и он был очень доволен, что сможет заклинать настоящих змей.

После чего мы разошлись, чтобы отдохнуть и подготовиться к великому событию.

В небе пролегли зеленые, розовые, дымчатые полосы, и совы уже свистели среди темных олив, когда начали прибывать гости. В числе первых была Лена с томом оперной партитуры под мышкой и в роскошном вечернем платье из оранжевого шелка, хотя она знала, что речь идет о вечеринке, а не о торжественном приеме.

— Дорогие мои, — произнесла она вибрирующим сопрано, сверкая черными глазами, — сегодня я в голосе. Чувствую, что не посрамлю творение мастера. Нет-нет, только не анисовки, она может подействовать на голосовые связки. Чуть-чуть шампанского и бренди, больше ничего. Я чувствую, как мое горло вибрирует, вы понимаете?.. Словно арфа.

— Как чудесно, — лицемерно отозвалась мама. — Я уверена, что мы будем в восторге.

— У нее восхитительный голос, мама, — сказала Марго. — Это меццо-тинто.

— Сопрано, — сухо поправила Лена. Теодор и Кралевский явились вместе, неся веревку, цепи и несколько висячих замков.

— Надеюсь, — сказал Теодор, покачиваясь на каблуках, — надеюсь, наш... э... маленький... словом... наш маленький иллюзионный номер пройдет удачно. Правда, мы еще ни разу его не исполняли.

— Я исполнял, — важно произнес Кралевский. — Меня учил сам Гудини. Он даже похвалил меня за ловкость. «Ричард, — сказал он, ведь мы с ним были на „ты“, — Ричард, я в жизни не видел такой ловкости рук, если не считать самого себя».

— В самом деле? — сказала мама. — Ну, я уверена, что успех будет полным.

Капитан Крич прибыл в помятом цилиндре. Лицо его успело приобрести малиновый оттенок, седой пушок на голове и подбородке, казалось, готов был улететь от

малейшего дуновения ветра. Его пошатывало сильнее обычного, и сломанная челюсть выглядела особенно кривой. Было очевидно, что он уже где-то основательно хлебнул. Глядя, как он вваливается в дверь, мама напряглась и изобразила улыбку.

— Ей-богу, нынче вы великолепно выглядите! — объявил капитан, покачиваясь и с вожделием потирая руки. — Видать, за последнее время малость в весе прибавили, а?

— Не думаю, — сухо ответила мама.

Капитан смерил ее критическим взглядом.

— Во всяком случае, турнюр сегодня попышнее обычного, — заметил он.

— Я попросила бы вас, капитан, воздержаться от замечаний, задевающих личность, — холодно отозвалась мама.

Но капитану море было по колено.

— Меня это вовсе не пугает, — доверительно продолжал он. — Люблю женщин, у которых есть за что подержаться. Худая женщина в постели — совсем не то, все равно что ехать верхом без седла.

— Меня нисколько не интересуют ваши вкусы в постели или вне ее, — резко сказала мама.

— Верно, — покладисто ответил капитан. — Есть и другие места, сколько угодно. Знавал я девицу, которая была чудо как хороша на верблюде. Бедуинская Берта было ее прозвище.

— Прошу вас, капитан, держите про себя свои воспоминания, — ответила мама, лихорадочно ища глазами Ларри.

— Я думал, вам это будет интересно. Спина верблюда — не самое удобное место, тут требуется навык.

— Меня не интересуют навыки ваших знакомых женского пола. А теперь извините, мне надо пойти заняться столом.

Все новые экипажи под цоканье копыт подкатывали к

нашему крыльцу, и все новые машины исторгали гостей из своего чрева. Комнаты наполнялись причудливым собранием приглашенных. В одном углу Кралевский — этакий озабоченный горбатый гном — рассказывал Лене про свое знакомство с Гудини.

— «Гарри, — говорю я ему, мы ведь были близкие друзья, — Гарри, посвети меня в любые секреты по твоему выбору, я никому не открою. На моих губах печать молчания».

Кралевский глотнул вина и поджал губы, показывая, как они были запечатаны.

— В самом деле? — отозвалась Лена безо всякого интереса. — Да, в певческом мире совсем по-другому. Мы, артисты, охотно делимся своими секретами. Помню, как Крася Тупти сказала мне: «Лена, у тебя такой восхитительный голос, что я не могу слушать без слез. Я научила тебя всему, что умела сама. Ступай, неси миру факел своего таланта».

— Я не к тому, что Гарри Гудини был такой уж скрытный, — сухо произнес Кралевский — Я не знал более щедрого человека. Представьте, он даже показал мне, как распилить женщину пополам.

— Боже мой, это, наверно, очень любопытно — быть разрезанной пополам. — задумчиво сказала Лена. — Вообразите: одна половина беседует с епископом, а у второй в это время роман в соседней комнате. Вот потеха!

— Это всего лишь иллюзия, — объяснил Кралевский, зардевшись.

— Как и вся наша жизнь, — с чувством произнесла Лена. — Как и вся наша жизнь, друг мой.

От столиков, где стояли напитки, доносились пьянящие звуки. Хлопали пробки шампанского, и светлая влага цвета хризантемы наполняла фужеры, весело шипя пузырьками; крепкое красное вино, густое, как кровь мифического чудовища, с бульканьем лилось в кубки, покрываясь витиеватым узором из розовых пузырьков; холодное белое вино, мерцающая брильянтами и топазами, звонкой припрыжкой

устремлялось в бокалы. Прозрачная, чистая анисовка напоминала безмятежное горное озерко, но вот в нее доливают воду, и в рюмке, точно по мановению волшебной палочки, рождаются мутные вихри, сгущаясь в летнее облачко цвета лунного камня.

Затем мы перешли в помещение, где нас ожидало великое обилие яств. Бывший дворецкий короля, щедушный, как богомол, командовал крестьянскими девушками, занятыми сервировкой. Спиро, сосредоточенно хмурия брови, старательно разрезал птицу и окорока. Кралевского притиснула к стене могучая, как у моржа, туша Риббиндэйна; пышные усы полковника нависали шторой над его губами, а выпученные глаза сверлили Кралевского парализующим взором.

— Гиппопотам, или речная лошадь, — одно из самых крупных четвероногих африканского континента, — рокотал полковник, словно читая лекцию в классе.

— Да-да... фантастический зверь, несомненно одно из чудес природы, — поддакивал Кралевский, лихорадочно высматривая пути для бегства.

— Когда стреляете в гиппопотама, или речную лошадь, — продолжал рокотать полковник Риббиндэйн, не слушая его, — как мне посчастливилось делать, цельтесь между глаз и ушей, чтобы пуля поразила мозг.

— Да-да, конечно, — соглашался Кралевский, загипнотизированный выпуклыми голубыми глазами полковника.

— Бабах! — крикнул полковник так громко и неожиданно, что Кралевский едва не выронил тарелку. — Вы попали между глаз... Шлеп! Хрясь!.. Прямо в мозг, понятно?

— Да-да, — подтвердил Кралевский, давясь и бледнея.

— Хлюп! — не унимался полковник. — Мозги брызжут во все стороны.

Кралевский в ужасе зажмурился и отставил тарелку с недоеденной порцией молочного поросенка.

— После чего он тонет. — продолжал полковник

Риббиндэйн. — Идет прямо ко дну реки... буль, буль, буль. Затем вы ждете сутки — знаете, почему?

— Нет... я... э... — проямлил Кралевский, глотая воздух.

— Вспучивание, — удовлетворенно объяснил полковник. — Вся эта наполовину переваренная пища в его желудке, ясно? Она разлагается и выделяет газ. Брюхо раздувается, точно воздушный шар, и бегемот всплывает.

— К-как интересно, — пробормотал Кралевский. — Но если позволите, я...

— Чудно с этим содержимым желудка, — задумчиво произнес полковник Риббиндэйн, игнорируя попытки собеседника совершить побег. — Брюхо раздувается вдвое против обычного, и когда вы его вспорете — ш-ш-ш-ш! Все равно что вспороть цеппелин, наполненный нечистотами, ясно?

Кралевский прижал ко рту носовой платок и озирался с мукой во взгляде.

— А вот со слоном, самым крупным четвероногим африканского континента, поступают иначе, — знай себе рокотал полковник, отправляя в рот кусок поджаристого поросенка. — Вообразите, пигмеи вспарывают ему брюхо, залезают внутрь и пожирают печень — сырую, с кровью... можно сказать, живую еще. Чудной народец, эти пигмеи... туземцы, что там говорить...

Кралевский, приобретя нежный желтовато-зеленый оттенок, прорвался наконец на веранду и замер там в лунном свете, хватая ртом воздух.

Молочные поросята исчезли, от бараньих и кабаньих окороков остались белые кости; грудины и ребрышки цыплят, индюшат и уток лежали, точно остовы опрокинутых лодок. Джиджи, отведав по настоянию мамы всего понемногу и заявив, что в жизни не едал ничего даже отдаленно похожего, затеял с Теодором состязание — кто поглотит больше печений «Таджмахалская услада».

— Изумительно, — невнятно произнес Джиджи с

полным ртом. — Просто изумительно, дорогая миссис Даррелл. Вы олицетворяете верх кулинарного гения.

— Что верно, то верно, — подтвердил Теодор, хрустя очередной «Таджмахалской усладой». — Превосходнейшее печенье. Что-то в этом роде делают в Македонии... э... гм... но тесто на козьем молоке.

— Джиджи, ты в самом деле сломал ногу при левитации или как это называется? — спросила Марго.

— Нет, — скорбно ответил Джиджи. — Будь это так — не обидно, хоть причина уважительная. Нет, в этом проклятом дурацком отеле, где я жил, в спальнях стеклянные двери, а на балконы поскупились.

— Совсем, как здесь, на Корфу, — заметил Лесли.

— И вот однажды вечером я забыл об этом, решил выйти на балкон, чтобы проделать дыхательные упражнения, а балкона, сами понимаете, не оказалось.

— Вы могли убиться насмерть, — сказала мама. — Берите еще печенье.

— Что такое смерть? — спросил Джиджи с пафосом. — Метаморфоза — вы меняете кожу, только и всего. В Иране я погружался в глубокий транс, и мой друг смог получить неопровержимые доказательства, что в предыдущей жизни я был Чингисханом.

— Ты про кинозвезду говоришь? — У Марго округлились глаза.

— Нет, дорогая Марго, про великого воина, — ответил Джиджи.

— Ты хочешь сказать, что вспомнил, как был Чингисханом? — заинтересовался Лесли.

— Увы, этого не было, я находился в транс, — грустно сказал Джиджи. — Человеку не дано вспоминать предыдущие жизни.

— Одно печенье два раза не съешь! — воскликнул Теодор, довольный тем, что нашел актуальное сравнение.

— Хоть бы поскорее все кончали есть, — заметила Марго, — чтобы можно было начинать выступления.

— Спешить с такой трапезой было бы кощунством, — заявил Джиджи. — Времени у нас хватит, вся ночь еще впереди. К тому же нам с Джерри надо собрать пресмыкающихся актеров вспомогательного состава.

На подготовку представления ушло немало времени— после доброй трапезы с возлияниями все были тяжелы на подъем; в конце концов Марго все же удалось собрать труппу. Она предложила роль ведущего Ларри, но он отказался, говоря, что не может быть ведущим, если она хочет, чтобы он сам выступил с номером. И Марго ничего не оставалось, как принять удар на себя. Чуть румяная от волнения, она ступила на тигровую шкуру у рояля и попросила тишины.

— Леди и джентльмены, — начала она, — сегодня вечером для вашего увеселения у нас выступают лучшие таланты острова, и я не сомневаюсь, что всем вам доставят удовольствие таланты этих талантливых талантов.

Марго остановилась, покраснев еще сильнее, и Кралевский галантно первым захлопал в ладоши.

— Для начала представляю вам Константино Мегалотополопопулоса, — продолжала Марго, — нашего аккомпаниатора.

Маленький толстенький грек, этакая чернявая божья коровка, просеменил в комнату, поклонился и сел за рояль. Еще одно из достижений Спиро: мистер Мегалотополопопулос, по профессии помощник драпировщика, не только умел играть на рояле, но и читал с листа.

— А теперь, — объявила Марго, — с великим удовольствием представляю вам очень талантливую артистку Лену Маврокондас, которой аккомпанирует на рояле Константине Мегалотополопопулос. Лена споет большую арию из «Розового кавалера» — «Подношение розы».

Лена, яркая, как тигровая лилия, проплыла к роялю, поклонилась Константино, аккуратно сложила ладони поверх диафрагмы, точно защищая ее от ударов, и запела.

— Прелестно, прелестно, — сказал Кралевский, когда

она кончила и поблагодарила нас поклоном за аплодисменты. — Virtuозное исполнение.

— Вот именно, — подхватил Ларри. — В лондонском «Ковент-Гардене» такую манеру исполнения называют «Три В».

— «Три В»? — заинтересовался Кралевский. — Что это значит?

— Вим, вибрато и волюм, — объяснил Ларри: — Сила, вибрация, напор.

— Объяви, что я спою на бис, — тихо обратилась Лена к Марго, пошептавшись с Константино Мегалотополопопулосом.

— Конечно, это замечательно, — взволнованно отозвалась Марго, не ожидавшая такой щедрости. — Леди и джентльмены, а теперь Лена исполнит другую песню, называется «На бис».

Лена наградила Марго убийственным взглядом и приступила к исполнению с такой энергией и таким обилием жестов, что даже Крич был поражен.

— Клянусь богом, какая смазливая девчонка! — воскликнул он, и глаза его увлажнились от восторга.

— Да-да, настоящая артистка, — согласился Кралевский.

— Какая грудная клетка! — восхищался Крич. — Обводы — что твой линкор.

Лена закончила нотой, словно заимствованной у цитры, и поклонилась на аплодисменты — достаточно громкие, однако не слишком горячие и продолжительные, чтобы не поощрить певицу на еще один бис.

— Спасибо, Лена, это было замечательно, совсем как в настоящем концерте, — сказала сияющая Марго. — А теперь, леди и джентльмены, представляю вам знаменитых артистов-эскапистов Коварно-Кралевского и его партнера Скользко-Стефанидеса.

— Господи! — вымолвил Ларри. — Кто придумал такие имена?

— Ты еще спрашиваешь? — удивился Лесли. — Теодор. Кралевский хотел назвать номер «Таинственные иллюзионисты-эскапологисты», но Марго не могла поручиться, что выговорит это правильно.

— Спасибо и на этом, — заключил Ларри.

Теодор и Кралевский прошагали к роялю, гремя цепями и замками.

— Леди и джентльмены, — объявил Кралевский. — Сегодня вечером мы покажем вам трюки, которые ошеломят вас, трюки, настолько таинственные, что вы страстно пожелаете узнать, как они выполняются.

Он остановился и строго посмотрел на Теодора, который нечаянно уронил на пол одну цепь.

— Для первого трюка я попрошу моего ассистента не только крепко связать меня веревкой, но и заковать в цепи.

Послушно похлопав в ладоши, мы с восторгом стали смотреть, как Теодор обматывает Кралевского веревками и цепями. Время от времени до нашего слуха доносилась приглушенная перебранка.

— Что-то я... э... словом... гм... забыл, какой узел вязать... Гм... да... как ты сказал: сперва замок? Ах, да, вот он... гм... э... секундочку.

Наконец Теодор с виноватым видом повернулся к зрителям.

— Я должен извиниться... э... словом... э... что дело идет медленно, — сообщил он. — Но у нас не было времени... э... попрактиковаться, то есть...

— Давай живей! — прошипел Кралевский.

В конце концов Теодор намотал на Кралевского столько цепей и веревок, что тот выглядел так, словно вышел из гробницы Тутанхамона.

— А теперь, — объявил Теодор, указывая на обездвиженного Кралевского, — есть ли желающие... э... словом... проверить узлы?

Полковник Риббиндэйн проковылял к артистам.

— Э... гм... — испуганно проямлил Теодор, не

ожидавший, что найдутся желающие, — боюсь, я буду вынужден просить вас... гм... так сказать... не очень сильно дергать узлы... э... гм.

Полковник Риббиндэйн обследовал узлы так тщательно, точно дело происходило в тюрьме и он был старшим надзирателем. Наконец он с явной неохотой возвестил, что узлы в порядке. Теодор с облегчением вышел вперед и снова указал на Кралевского.

— А теперь мой ассистент, вернее, мой партнер, покажет вам, насколько... это легко... э... словом... гм... освободиться от... э... гм... нескольких ярдов... точнее, футов... хотя, конечно, здесь в Греции следовало бы сказать метров... э... гм... от нескольких метров... э... веревок и цепей.

Он отступил назад, и мы дружно уставились на Кралевского.

— Ширму! — зашипел тот Теодору.

— А! Гм... конечно, — сказал Теодор и напрягся, устанавливая ширму перед Кралевским.

Последовала долгая зловещая пауза, во время которой из-за ширмы доносились тяжелое дыхание и звон цепей.

— Боже мой, — произнесла Марго. — Надеюсь, он все же справится.

— Что-то я сомневаюсь, — отозвался Лесли. — Очень уж замки ржавые на вид.

Однако в эту минуту, к нашему удивлению, Теодор отодвинул ширму, и мы увидели, что Кралевский, малость раскрасневшийся и всклокоченный, стоит совершенно свободный, а цепи и веревки лежат вокруг него на полу.

Мы аплодировали от души, и Кралевский купался в волнах одобрения.

— Мой следующий трюк, — важно объявил он, — трудный и опасный трюк, займет довольно много времени. Мой ассистент свяжет меня и закует в цепи, узлы могут быть проверены — ха-ха! — скептиками из числа присутствующих, после чего меня запрут в герметичном

ящике. А спустя некоторое время вы увидите, как я чудесным образом выйду из ящика, однако мне требуется время, чтобы совершить это... э... чудо. А вы пока сможете посмотреть следующий номер.

Спиро и Мегалотополопопулос втащили в комнату чрезвычайно тяжелый бельевой сундук из оливкового дерева. Его размеры оказались идеальными, ибо после того, как Кралевского связали веревками и заковали в цепи и недоверчивый полковник Риббиндэйн тщательно проверил узлы, Кралевский, поднятый сильными руками Спиро и Теодора, вписался в чрево сундука, точно улитка в свой домик. Теодор картинным жестом захлопнул крышку и запер ее на замок.

— А теперь, когда мой ассис... э... мой... э... гм... то есть партнер... подаст сигнал, я выпущу его, — сообщил он. — Представление продолжается!

— Не нравится мне это, — заметила мама. — Надеюсь, мистер Кралевский знает, что делает.

— Сомневаюсь, — мрачно произнес Лесли.

— Слишком уж это похоже на... ну... на погребение заживо.

— Может быть, когда мы откроем сундук, окажется, что он превратился в Эдгара Аллана По, — оптимистически предположил Ларри.

— Все будет в порядке, миссис Даррелл, — сказал Теодор. — Я могу общаться с ним условными стуками... гм... вроде азбуки Морзе.

— А теперь, — возвестила Марго, — пока мы ожидаем, чтобы Коварно-Кралевский освободился, перед вами выступит сногшибательный заклинатель змей с Востока, Принц Джиджибой.

Мегалотополопопулос взял на рояле несколько вибрирующих аккордов, и в комнату быстро вошел Джиджи. Он сбросил свое роскошное одеяние и остался лишь в тюрбане и набедренной повязке. Поскольку ему не удалось найти флейты для заклинания змей, он держал в руке

скрипку, которую Спиро по его просьбе одолжил у кого-то в деревне; в другой руке у него была корзина с живым реквизитом. Джиджи с презрением отверг веретениц, когда увидел их, посчитав, что они слишком малы, чтобы с их помощью культивировать образ Матери Индии. Вместо этого он одолжил у меня немолодого ужа длиной около восьмидесяти сантиметров, который к людям относился крайне отрицательно. Когда Джиджи поклонился публике, с корзины слетела крышка, и уж, явно недовольный всем происходящим, вывалился на пол. Все перепугались, а Джиджи спокойно сел, скрестив ноги, на пол возле свернувшегося спиралью ужа, зажал подбородком скрипку и начал играть. Постепенно испуг прошел, и мы все с восхищением смотрели, как Джиджи, покачиваясь из стороны в сторону, извлекает из скрипки душераздирающие звуки на глазах у настороженной и раздраженной змеи. В этот момент послышался громкий стук в сундуке, где был заточен Кралевский.

— Ага! — воскликнул Теодор. — Сигнал.

Он подошел к сундуку, наклонился, распушив бороду, и застучал по крышке, словно дятел. Все, включая Джиджи, сосредоточили свое внимание на нем, и тут уж перешел в наступление. К счастью, Джиджи успел отпрянуть, так что уж смог лишь вцепиться зубами в набедренную повязку, зато вцепился он мертвой хваткой.

— О! Господи! — вскричал сногшибательный заклинатель змей с Востока. — Эй, Джерри, скорей сюда, он кусает меня в пах.

Минуло несколько минут, прежде чем я убедил его стоять смирно, чтобы я мог извлечь ужа из набедренной повязки. Тем временем Теодор при помощи азбуки Морзе вел продолжительный диалог с запертым в сундуке Кралевским.

— Боюсь, я не могу продолжать, — сказал Джиджи, принимая дрожащей рукой стаканчик бренди, поданный ему мамой. — Он пытался укусить меня ниже пояса!

— Похоже, он задержится еще на минуту-другую, —

сообщит Теодор. — У него что-то не ладится... э... то есть затруднения с замками. Во всяком случае, я так его понял.

— Тогда я объявлю следующий номер, — сказала Марго.

— Подумать только, — пролепетал Джиджи, — это ведь могла быть кобра.

— Нет-нет, — возразил Теодор. — Здесь на Корфу не водятся кобры.

— А теперь, — возвестила Марго, — перед нами выступит капитан Крич, он исполнит нам старые песни, и я уверена, что вы ему подпоете. Капитан Крич!

Капитан, лихо сдвинув на ухо свой цилиндр, протопал к роялю и изобразил несколько тяжеловесных па, крутя в руке добытую где-то трость.

— Старые матросские песни, — проревел он, подцепляя концом трости цилиндр и ловко вращая его в воздухе. — Старые матросские песни. Все подхватывают хором.

Он исполнил еще несколько па, продолжая вращать цилиндр, и запел в такт мелодии, которую барабанил на рояле Мегалотополопопулос.

А Пэдди, он ирландец был,
Из Донегола родом,
В девчонках разжигал он пыл...

Дальше говорилось о некоторых анатомических подробностях, которые не мешали Пэдди пользоваться успехом у девушек.

Завершался куплет таким припевом:

О, фолдерол и фолдерэй,
Морская жизнь не сахар,
Так действуй и не ахай,
Когда подружка или друг
В тебе желанье разожгут.

— Ну, знаешь, Ларри! — гневно воскликнула мама. — Это ты называешь увеселением!

— Что ты на меня набросилась? — удивился Ларри. — Я тут совершенно ни при чем.

— Ты пригласил этого гадкого старикашку, он твой друг.

— Но разве я могу отвечать за то, что он поет? — раздраженно осведомился Ларри.

— Немедленно прекрати это, — заявила мама. — Ужасный старик.

— До чего ловко он крутит свой цилиндр, — с завистью произнес Теодор. — Интересно... как... э... он это делает?

— Меня не интересует его цилиндр, я говорю про пение.

— Отличная песенка, типичный мюзик-холл, — сказал Ларри. — Не понимаю, что ты так кипятишься.

— Лично я к таким песенкам не привычна, — отрезала мама.

А Блодвин, из Кардиффа родом,

Валлийская девчонка...

— горланил капитан, доводя до сведения слушателей, чем Блодвин отличалась от других юных особ.

— Мерзкий старый дурень! — выпалила мама. — Если ты не считаешься со мной, мог бы подумать о Джерри.

— Чего ты хочешь от меня? Чтобы я писал ему тексты? — осведомился Ларри.

— Вы... словом... вы не слышите стук? — спросил Теодор.

— Не прикидывайся дурачком, Ларри, ты великолепно знаешь, что я подразумеваю.

— Уж не готов ли он там... гм... дело в том, что я не помню точно, о каком сигнале мы условились, — признался Теодор.

— И почему тебе непременно надо все валить на меня? — допытывался Ларри. — Если ты в плену предрассудков...

— Какие там предрассудки, — возмутилась мама. — По чести говоря, я порой чересчур терпима.

— Кажется, должно быть два редких и три частых стука, — размышлял вслух Теодор. — Но может быть, я ошибаюсь.

Капитан Крич тем временем пел о причудах английской девушки из Стоук-он-Трента, доставлявших немало забот молодым людям.

— Нет, ты только послушай! — возмущалась мама. — Это переходит все границы. Ларри, останови его.

— Тебе не нравится, ты и останавливай.

— Честное слово, Ларри, ты не знаешь меры. Это ничуть не смешно.

— Да ладно, он уже прошелся по Ирландии, Уэльсу и Англии, — ответил Ларри. — Осталась одна Шотландия, если только он не переберется на континент.

— Не позволяй ему это делать! — воскликнула мама в ужасе от такой мысли.

— Знаете, пожалуй, мне все-таки следует открыть сундук и поглядеть, — задумчиво произнес Теодор. — На всякий случай.

— Перестань изображать ханжу, — сказал Ларри. — Обыкновенный безобидный юмор.

— Я представляю себе невинный юмор совсем иначе, — отрезала мама. — И я желаю, чтобы это было прекращено.

А Энгус, он шотландец был,
Из Абердина родом...

— Вот видишь, он уже в Шотландии, — сказал Ларри.

— Э... я не хотел бы мешать капитану, — протянул Теодор, — но, пожалуй, стоит все же взглянуть...

— А хоть бы и до крайней северной точки Великобритании дошел, — настаивала мама. — Это нужно прекратить.

Теодор прошел на цыпочках к сундуку и теперь озабоченно рылся в карманах; к нему присоединился Лесли, и они вместе обсуждали, как быть с погребенным Кралевским. Я увидел, как Лесли тщетно пытается поднять крышку, поскольку стало очевидно, что Теодор потерял ключ. Капитан продолжал в том же духе:

А Фриц, он чистый немец был,
Родился он в Берлине...

— Ну вот! — сказала мама. — Он принялся за континент. Ларри, останови его!

— И что ты расшумелась, точно лорд Чемберлен, — произнес Ларри с досадой. — Программу ведет Марго, скажи ей, пусть останавливает.

— Слава богу, что большинство гостей не настолько хорошо знает английский, чтобы все понимать, — вздохнула мама. — Но что думают остальные...

О, фолдерол и фолдерэй,
Морская жизнь не сахар...

— Я показала бы ему сахар, будь это в моей власти, — сказала мама. — Старый растленный дурень.

Тем временем к Лесли и Теодору присоединился Спиро; он принес лапчатый лом, и втроем они принялись взламывать крышку сундука.

А Франсуаза, Бреста дочь,
Французская девчонка...

— Я изо всех сил стараюсь быть терпимой, — сказала мама, — но всему есть предел.

— Скажите, мои дорогие, — вмешалась Лена, внимательно слушавшая капитана. — Как это понимать: «С прибылью?»

— Это... это... такая английская шутка, — ответила мама с отчаянием в голосе. — Вроде каламбура, понимаешь?

— Ну да, — подхватил Ларри. — Когда девушка непорочная...

— Остановись, Ларри, — властно произнесла мама. — Мало нам капитана, еще и ты туда же.

— Мама, — сказала Марго, только теперь заметившая возню у сундука. — Похоже, Кралевский задыхается.

— Как это — непорочная, — недоумевала Лена. — Объясните мне.

— Не обращай внимания, Лена, просто Ларри пошутил.

— Если он задыхается, может быть, лучше сказать капитану, чтобы он кончил петь? — спросила Марго.

— Превосходная мысль! Пойди и скажи сейчас же, —

обрадовалась мама.

Лесли и Спиро, громко кряхтя, сражались с тяжелой крышкой. Марго подбежала к капитану.

— Капитан, прошу вас, остановитесь, — сказала она. — Мистер Кралевский... В общем, мы беспокоимся за него.

— Остановиться? — удивился капитан. Остановиться? Да ведь я только начал.

— Конечно, только сейчас есть дела поважнее ваших песен, — холодно произнесла мама. — Мистер Кралевский застрял в сундуке.

— Но это одна из лучших песенок, какие я знаю, — возмутился капитан. — И самая длинная... в ней про сто сорок стран говорится — Чили, Австралия, все дальневосточные страны. Сто сорок куплетов.

Я увидел, как мама содрогнулась при мысли о том, чтобы выслушать в исполнении капитана еще сто тридцать четыре куплета.

— Да-да, хорошо, как-нибудь в другой раз, — покривила она душой. — Сейчас чрезвычайные обстоятельства.

Раздался треск, как будто свалили огромное дерево, и крышка наконец поддалась. Кралевский лежал в сундуке по-прежнему обмотанный веревками и цепями. Лицо его приобрело синеватый оттенок, широко раскрытые карие глаза выражали ужас.

— Ага, похоже мы немножко... э... словом... поторопились, — заключил Теодор. — Он еще не освободился от пут.

— Воздуха! — прохрипел Кралевский. — Воздуха! Мне нужен воздух!

— Интересно, — заметил полковник Риббиндэйн. — Мне довелось однажды в Конго видеть пигмея... он попал в брюхо слона. Слон — самое крупное четвероногое животное в Африке...

— Выньте его оттуда, — взволнованно распорядилась мама. — И принесите бренди.

— Обмахивайте его веером! Дуйте на него! — вскричала Марго, заливаясь слезами. — Он умирает, он умирает, и он не исполнил свой трюк.

— Воздуха... воздуха, — продолжал стонать Кралевский, пока его извлекали из сундука.

В саване из цепей и веревок — свинцовое лицо, закатившиеся глаза — он являл собой поистине жуткое зрелище.

— Сдается мне, так сказать, что цепи и веревки затянуты слишком туго, — рассудительно произнес Теодор с видом медика.

— Что ж, ты его связал, ты и развязывай, — сказал Ларри. — Поживей, Теодор, где у тебя ключ от замков?

— Боюсь, как это ни прискорбно, что я его куда-то задевал, — признался Теодор.

— Господи! — воскликнул Лесли. — Так я и знал — не надо было позволять им затевать этот трюк. Полнейший идиотизм. Спиро, ты можешь добыть ножовку?

Они отнесли Кралевского на диван и подложили ему под голову подушки; он открыл глаза и воззрился на нас, задыхаясь. Полковник Риббиндэйн наклонился, изучая его лицо.

— Этот пигмей, про которого я вам говорил, — сказал он, — у него белки налились кровью.

— Правда? — заинтересовался Теодор. — Видимо, происходит то же, что с человеком, которого... э... словом... казнят с помощью гарреты. Кровь приливает к глазным сосудам с такой силой, что они порой лопаются.

Кралевский жалобно пискнул, точно лесная мышь.

— Вот если бы он прошел курс факио, — объявил Джиджи, — то смог бы не дышать часами, а то и днями, может быть, даже месяцами и годами, после надлежащей тренировки.

— И тогда глаза его не налились бы кровью? — справился Риббиндэйн.

— Не знаю, — честно сознался Джиджи. — Возможно,

и не налились бы, а только порозовели.

— А что, у меня глаза налиты кровью? — всполошился Кралевский.

— Нет-нет, ничего подобного, — успокоила его мама. — И вообще, перестали бы вы все говорить про кровь и волновать бедного мистера Кралевского.

— Правильно, его надо отвлечь, — вступил капитан Крич. — Можно мне петь дальше?

— Нет, — твердо произнесла мама. — Никаких песен больше. Лучше попросите мистера Мага... как там его зовут, сыграть что-нибудь успокоительное, и все потанцуют, пока мы распутываем мистера Кралевского.

— Это идея, прелесть моя, — отозвался капитан Крич. — Повальсируем вместе! Вальс-один из кратчайших путей к полной близости.

— Нет-нет, спасибо, — холодно ответила мама. — Я слишком занята, мне не до близости с кем бы то ни было.

— А вы, — обратился капитан к Лене. — Может быть, покружимся в обнимку, а?

— По правде говоря, я обожаю вальс, — ответила Лена, выпячивая грудь к великой радости капитана.

Мегалотополопопулос лихо ударил по клавишам, и под звуки «Голубого Дуная» капитан закружил Лену в танце.

— Наш трюк вполне удался бы, только доктор Стефанидес должен был сделать вид, будто запирает замки, — объяснял Кралевский, пока Спиро, нахмутив брови, пилил ножовкой его цепи.

— Конечно, конечно, — сказала мама. — Разумеется.

— Я никогда... э... словом... не был мастер делать фокусы, — сокрушенно признался Теодор.

— Я чувствовал, как начинаю задыхаться и сердце колотится все громче, это было ужасно, просто ужасно! — Кралевский закрыл глаза и содрогнулся так, что цепи зазвенели. — Я уже подумал, что никогда не выйду на волю.

— И вы пропустили всю остальную программу, — сочувственно заметила Марго.

— О да, клянусь всевышним! — воскликнул Джиджи. — Вы не видели, как я заклинал змею. Огромную змею, эта проклятая тварь укусила меня за набедренную повязку, а я ведь еще не женат!

— Потом я услышал биение крови в ушах, — продолжал Кралевский, стремясь пребывать в центре внимания. — Потом все стало черным.

— Но... э... словом... там ведь и так было темно, — отметил Теодор.

— Не придирайся к словам, Тео, — сказал Ларри. — Ох уж эти мне проклятые ученые, никогда не дадут толком приукрасить.

— Я не приукрашиваю, — с достоинством возразил Кралевский, садясь после того, как отвалился последний замок. — Спасибо, Спиро. Нет-нет, уверяю вас, все стало черным, как... как... черным, как...

— Зад черномазого? — пришел на помощь Джиджи.

— Джиджи, дорогой, не надо так говорить, — вмешалась шокированная мама.

— Это неучтиво.

— Как не надо говорить? Зад? — озадаченно спросил Джиджи.

— Да нет же, я про другое слово.

— Какое? Черномазый? А что тут такого? Я здесь единственный черномазый, и я не против.

— Белый человек не сказал бы лучше, — восхищенно объявил полковник Риббиндэйн.

— Зато я против, — твердо сказала мама. — Я не желаю, чтобы вы называли себя черномазым. Для меня вы... для меня вы...

— Белый, как снег на ветру? — подсказал Ларри.

— Ты отлично знаешь, что я подразумеваю, Ларри, — отрезала мама.

— Так вот, — продолжал Кралевский, — лежу я, значит, и кровь стучит в ушах...

— О-о-о! — неожиданно взвизгнула Марго. — Вы

только посмотрите, что сделал капитан Крич с прелестным платьем Лены.

Мы повернулись туда, где несколько пар весело кружились в вальсе, и веселее всех — капитан и Лена. К сожалению, ни он, ни она не заметили, что в какой-то момент капитан, видимо, наступил на украшающие ленино платье пышные оборки и оборвал их так, что теперь он, сам того не подозревая, танцевал как бы внутри платья.

— Господи! — воскликнула мама. — Гадкий старикашка!

— А он был прав, когда сказал, что вальс сближает, — отметил Ларри. — Еще несколько оборотов, и они совсем сблизятся в этом платье.

— Может быть, мне стоит предупредить Лену? — спросила Марго.

— Я бы не стал, — ответил Ларри. — Думаю, так близко к мужчине она не была уже много лет.

— Ларри, опять ты за свое, — сказала мама.

В эту самую минуту Мегалотополопопулос лихим аккордом завершил вальс, Лена и капитан закружились волчком и остановились. Прежде чем Марго успела что-либо произнести, капитан отступил назад, чтобы поклониться партнерше, — и шлепнулся на спину, разорвав при этом ленину юбку. На мгновение воцарилась жуткая тишина; изумленные взгляды присутствующих были прикованы к окаменевшей Лене. Наконец голос простертого на полу капитана развеял чары.

— Мать честная, какие дивные панталоны, — весело заметил он.

Лена издала истинно греческий вопль; леденящий кровь, точно удар железной косы о камень в траве, он сочетал негодование и жалобу с глубоким убийственным обертоном. Этот звук вырвался, так сказать, из самых недр ее голосовых связок; Галли Курчи могла бы гордиться Леной. Как ни странно, человеком, который бросился в прорыв и предотвратил угрозу дипломатического конфликта, оказалась

Марго. Правда, избранный ею способ можно назвать излишне экспрессивным: сорвав с одного из боковых столиков скатерть, она подбежала к Лене и запеленала ее. И вроде бы все правильно, не выбери Марго скатерть, на которой стояли блюда с едой и большой канделябр на двадцать четыре свечи. Звон битой посуды и шипение тонущих в приправах и соусах свечей капитально отвлекли внимание гостей от Лены, и Марго, воспользовавшись суматохой, увлекла ее по лестнице на второй этаж.

— Надеюсь, теперь ты доволен! — укоризненно сказала мама Ларри.

— Я? А я-то тут при чем?

— Этот человек, — объяснила мама. — Ты пригласил его, и вот что он натворил.

— Что — хорошенько пощекотал ей нервы, — ответил Ларри. — Еще ни один мужчина не пытался сорвать с нее юбку.

— Не вижу в этом ничего забавного, Ларри, — строго произнесла мама. — И если ты хочешь, чтобы мы еще устраивали вечера, то без этого буйного старого распутника.

— Не переживайте, миссис Даррелл, вечеринка чудесная, — вступил Джиджи.

— Что ж, если вы довольны, остальное неважно, — смягчилась мама.

— Да жди меня еще сто воплощений, уверен, такого дня рождения не будет больше никогда.

— Это очень мило с вашей стороны, Джиджи.

— Вот только одно, — с чувством произнес Джиджи. — Не знаю, стоит ли говорить... но...

— Что? — спросила мама. — Что вам не понравилось?

— Не то чтобы не понравилось, — вздохнул Джиджи, — просто одного мне не доставало.

— Недоставало? — всполошилась мама. — Чего вам не доставало?

— Слонов, — с серьезным видом ответил Джиджи. — Самых больших четвероногих животных Индии.